

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

2014

2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на **2014** год

БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е36

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН В. Е. Багно, академик РАН А. В. Лавров, чл.-корр. РАН С. И. Николаев,
д. ф. н. М. М. Павлова, к. ф. н. Н. В. Семенова, чл.-корр. РАН Н. Н. Скатов,
к. ф. н. А. В. Сысоева, д. ф. н. Т. С. Царькова

Ответственные редакторы: д. ф. н. Т. С. Царькова, к. ф. н. Н. А. Прозорова
Секретари редакционной коллегии:

к. ф. н. Н. В. Семенова, к. ф. н. А. В. Сысоева

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год :
Е36 Блокадные дневники / [отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. –
СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 656 с., [12] ил.

ISBN 978-5-86007-788-1
ISSN 0202-0267

Очередной выпуск «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год» является тематическим и посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В центре внимания авторского коллектива были архивные фонды военного времени и документы, преимущественно касающиеся блокады Ленинграда.

«Ежегодник» включает 12 дневников, чьи авторы относятся к разным социальным и профессиональным слоям населения. Из них четыре дневника принадлежат писателям (Е. А. Борониной, И. А. Гриневской, А. П. Крайскому, И. Ф. Крагту) и являются значимым источником их биографии. Они по-новому раскрывают положение ленинградских писателей военных лет, содержат хронику жизни города: зарисовки бытовых сцен, драматические эпизоды обороны, важнейшие историко-культурные события. Еще один дневник художника-филоловца С. В. Ганкевича посвящен «смертному времени» и демонстрирует силу воли и мужество погибшего ленинградца. Публикуемые дневники из архива поэта О. Ф. Берггольца писались рядовыми жителями блокадного города – школьными учителями, медсестрами и др. Эти тексты передают подлинные настроения и горестный опыт горожан. В сборнике публикуется также редкий тип блокадного дневника – детский, автор которого Женя Рыбина, десятилетняя школьница. Все дневники публикуются впервые, сопровождаются историко-литературным и реальным комментарием.

Наряду с блоком тематических материалов о Великой Отечественной войне в «Ежегодник» включен традиционный раздел «Информация». Он освещает содержание и структуру новых обработанных фондов и дает полностное описание отдельных значимых документов. Сборник завершает обзор новых поступлений за 2012 г.

Издание адресовано филологам и историкам, преподавателям и студентам – всем, интересующимся русской историей и культурой XX в., в частности жанрами мемуаристики.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 15-04-16043*

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-788-1
ISSN 0202-0267

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2015
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
(PUSHKIN HOUSE)

YEAR BOOK
OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT
OF PUSHKIN HOUSE

for 2014

DIARIES OF THE SIEGE OF LENINGRAD

SAINT PETERSBURG
2015

Editorial Board:

V. E. Bagno, A. V. Lavrov, S. I. Nikolajev, M. M. Pavlova, N. V. Semenova, N. N. Skatov,

A. V. Sysoeva, T. S. Tsar'kova

Editors-in-Chief: *T. S. Tsar'kova, N. A. Proz*

Secretaries of the Editorial Board

A. V. Sysoeva, N. V. Semenova

Year Book of the Manuscript Department of Pushkin House for 2014 : Diaries of the siege of Leningrad / [Editors-in-Chief T. S. Tsar'kova, N. A. Prozorova]. – Spb. : DMITRII BULANIN, 2015. – 656 p., [12] il.

ISBN 978-5-86007-788-1

ISSN 0202-0267

Present volume of the «Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department for 2014: Diaries of the Siege of Leningrad» is thematic. It is dedicated to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. In the focus of author's attention were the archive funds of the period of war-time and documents related mainly to the Siege of Leningrad.

The Yearbook comprises 12 diaries which authors belong to different social and professional groups. 4 diaries belong to writers (Ekaterina Boronina, Izabella Grinevskaya, Aleksey Krayskij, Ivan Kratt) and are an important source of their biographies. Diaries depict the situation of the Leningrad authors of war-time in a new way. They contain sketches of an ordinary life, dramatic episodes of the defense of Leningrad, description of the most important cultural and historical events. The diary of Sergey Gankevich, an artist close to Pavel Filonov, devoted to the description of «fatal time» and demonstrates the willpower and the courage of the deceased citizen of Leningrad. Diaries from the archive of the poet Olga Berggolts were kept by the ordinary townspeople – school teachers, nurses and others. Their texts reflect the true spirits and bitter experience of citizens. In the Yearbook it is published a rare type of children diary – of Jenya Ribina, a school girl of the age of 10. All diaries are published in the first time with historical and literary comments.

Along with the materials about the Great Patriotic War the Yearbook includes the traditional informational section with the description of structure and contents of the new funds and the characterization per sheet of the most important documents. The Yearbook is concluded with the revue of new documents came in the Manuscript Department in 2012.

The publication is addressed to philologists and historians, teachers and students – to all who are interested in the Russian history and culture of the XX century, especially in memoirs.

The book is published with the financial support
of Russian Foundation for Development
of Humanities,
Project No. 15-04-16043

All right reserved. Any part of the book is not allowed to be reproduced without written permission of the owner in any form and by any mean including photocopying, displaying in Internet or distributing on the magnet porters. Citing without mention of the source is prohibited. Anybody breaking the rules would be made responsible in due order according to the laws of Russian Federation.

ISBN 978-5-86007-788-1

ISSN 0202-0267

© Institute of Russian Literature
(Pushkin House), 2015

© DMITRII BULANIN, LLC, 2015

70-летию Великой Победы посвящается

I. СТАТЬИ. ПУБЛИКАЦИИ

БЛОКАДНЫЕ ИСПЫТАНИЯ: ДНЕВНИКИ ЛЕНИНГРАДЦЕВ В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

«Это надо пережить, чтобы понять» – такого рода утверждения блокадников неоднократно встречаются в дневниках, публикуемых в этой книге. Действительно, *непостижимое* время блокады Ленинграда понять трудно. Но вполне очевидно, что на пути осмысления тех далеких трагических дней не обойтись без дневниковых записей, которые «из первых уст» передают подлинные настроения и горестный опыт жителей осажденного города.

Бесспорно, письма и воспоминания также являются ценнейшими документальными свидетельствами о блокаде. Но нельзя не учитывать то, что письма из заблокированного Ленинграда, перлюстрируемые по законам военного времени, могли писаться с учетом прочтения их военной цензурой. Так автор первого публикуемого в данном издании дневника, поэт А. П. Крайский, сетовал: «Хотел написать дочке прощальное письмо, – не вышло оно. Из-за цензуры ничего толком не скажешь».

Кроме того, ни эвакуированные ленинградцы, ни фронтовики не представляли фактического положения своих родных, оставшихся в городе, и потому не все блокадники могли (или хотели) быть до конца откровенными и рассчитывать на полное понимание. «У меня нет желания писать письма, – замечала писательница Е. А. Боронина, автор другого дневника. – О чем, зачем. Они же там все равно не поймут. Это надо испытать самому».

К тому же письма самих эвакуированных вызвали порой обоснованное недоумение изголодавшихся ленинградцев, которым их родные жаловались на то, что «у них, в Сибири, трудно купить теперь сахар и манную крупу», и просили выслать посылки. Погибший в блокаду художник Сергей Ганкевич в связи с этим констатировал в дневнике: «Никто не знает истинного положения вещей!».

В написанных спустя годы воспоминаниях мемуаристы-блокадники вольно или невольно могли «править» прошлое – таково свойство людской памяти. Трудно вспоминать события давних лет, избегая

оценок, возникающих, как правило, из более благополучного настоящего. При этом произвольно меняется восприятие отдельных эпизодов блокадной повседневности, одни факты мемуаристами смягчаются, другие – особо подчеркиваются, а третьи – вовсе забываются, как бы «вычеркиваясь» из памяти как слишком тягостные.

Другое дело – дневники. Именно в них непосредственно, так сказать, «с листа», «без ретуши и купюр» фиксировались события блокадной действительности и переживания их конкретными людьми. Именно дневники в большей степени, чем другие мемуарно-автобиографические тексты, рассказывают о том, как переживали блокадники выпавшие на их долю жестокие испытания, и создают «эффект присутствия» в блокадной повседневности.

Известно, что потребность вести дневник возникает с особой остротой в поворотные моменты истории. Военные события лета 1941 г. разворачивались стремительно, и блокада «опрокинула» жизнь ленинградцев уже через два месяца с начала войны, когда немцы подошли к городу и взяли его в кольцо. Пугающее слово «Осада!» впервые появилось в дневнике Крайского 25 авг. В дни сентября другая ленинградка писала: «Плакаты со словами „Враг у ворот города“ жгут мой мозг. Все темнеет вокруг». Будущее каждого жителя определялось особым положением Ленинграда, и в это «переломное» время у человека возникало желание оставить *свое* свидетельство о происходящих событиях, имеющих судьбоносное значение как для него самого, так и для страны в целом. Так появлялись бытописатели блокады.

Летопись города велась не только культурной элитой Ленинграда – учеными, историками и литераторами, но и рядовыми ленинградцами, которые писали дневники «не мудрствуя лукаво, не переделывая, а просто, как выльется из-под пера», и хотели, чтобы их страницы были прочитаны «другим», «особенно посторонним» лицом. «Ведь многие и не представляют, что здесь происходит», – объяснял Ганкевич свое решение описывать исключительные обстоятельства блокадной поры. Другой автор, учитель И. И. Мальяревский, писавший дневник («ночник») по ночам, отмечал: «Катя бранит меня, что я веду дневник <...>. Вместо того, чтобы лечь спать, сижу над записями. А мне всё-таки хочется подробней записывать это историческое время. Жалею, что не начал раньше. Много упустил». Так же был настроен и умерший в блокаду А. Крайский. «Для истории, если сохранится тетрадь, – писал он. – Как и чем живут л<енинград>цы». Его вдова, Е. П. Крайская, продолжавшая записи после гибели мужа, тоже допускала вероятность прочтения дневника потенциальным

читателем (возможно, далеким потомком). «Если когда-нибудь, кому-нибудь суждено читать эти строчки, – писала она, – будет казаться странным, что люди были настолько голодны, что сырая картошка казалась райским яблоком, а луковица – ананасом».

Кроме того, дневник порой становился единственно возможным средством борьбы и сопротивления *нечеловеческим* условиям блокады. Таков дневник мужественного ленинградца учителя математики, названный «Черные дни черного 1942 года». Силы автора (имя его нам неизвестно) таяли с каждым днем, но блокадник продолжал перечислять ленинградские испытания с ровной интонацией, без паники, не давая воли эмоциям. Зная, что его записи читают соседи и родственники, он как учитель – *poblesse oblige* – сохранял достоинство, помогая дневниковым *словом* верить в победу окружающим его людям. Наблюдая каждодневно разрушение и смерть, ленинградец мог противостоять им *только* своим дневником, утверждая таким образом собственное бытие по принципу: пишу – значит существую.

Такое мироощущение было свойственно многим. Фактически в каждой сделанной в «смертное время» дневниковой записи помимо блокадного бытописания прочитывается и дополнительный смысл. Ленинградец как бы спешит зафиксировать свою причастность к наступившему дню, заявляя: я жив, я – есть. Показательна в этом отношении запись Ганкевича. «„Сегодня 15-е число (15 января) и мы еще живем“», – говорит Геня, и эти слова, – пишет блокадник, – звучат у нее как победа. И это, конечно, наша победа...».

Еще одна причина, побуждавшая ленинградцев обращаться к дневнику, – психотерапевтическая – заключалась в неосознанном желании людей помочь самим себе и с помощью ведения записей пережить экстремальную ситуацию, в которой они оказались, преодолеть небывалые трудности осады – голод, холод, боль и страх, утрату близких и разлуку с родными.

Такого рода публикуемый дневник М. В. Васильевой, переданный в свое время Ольге Берггольц. Сдержанная на людях («делаю нечеловеческие усилия, чтобы быть спокойной») Мария Васильевна использовала дневник как «книгу жалоб».¹ Вполне очевидно, что ведение дневника помогало ей не обременять своими горестями окружающих и переживать разлуку с эвакуированным в Новосибирск сыном Николаем. Неслучайно последняя запись блокадницы была сде-

¹ Выражение Л. В. Шапориной: «Мой дневник – книга жалоб» (*Шапориная Л. В. Дневник: В 2 т. М., 2011. Т 1. С. 120*).

лана в день его возвращения домой, в мае 1944 г. Можно сказать, что именно этот день стал для Васильевой окончанием блокады.

В определенной степени и для Елизаветы Петровны Крайской ведение записей имело терапевтическое значение: об этом свидетельствует исповедальная интонация блокадницы, поверявшей дневнику самые горькие свои признания, связанные с осознанием вины перед умершим мужем. «Порой мне кажется, – писала она, – что это возмездие судьбы за единую секунду мысли, что „лучше будет, если он умрет“. <...> Я не выдержала до конца испытания...». Лишь здесь, в дневниковом пространстве, Крайская могла облегчить душу, позволить себе осмыслить жизнь «несчастливого Ленинграда» до конца, высказаться без оглядки, написать о том, о чем «говорить нельзя». «Мне кажется, – писала Крайская, – что ни в одной стране, воюющей только год, нет такого хозяйственного упадка как в СССР. А у нас уже через ½ года голод и бесхозяйственность, головотяпство рабочих правителей уж унесли половину жителей Ленинграда в могилу, вторая половина медленно поддыхает тоже, и еще часть жителей, которая не знает голода и удивляется, как матери желают смерти своим детям, и наоборот, дети призывают к ней родителей...». «Дворник, и тот хозяин над тобой, свободный советский гражданин!» – восклицала она в дневнике, как бы освобождаясь от мучительного груза невысказанного.

Ирина Дмитриевна Зеленская, автор блокадных и послевоенных записей, тоже доверяла дневнику, помимо бытописания осады, жизнь «внутреннего человека». «Вытянувшись в струну» на работе, Зеленская «оглядывала» себя дома, и тогда, наедине с собой, в ее дневнике появлялись пронзительные признания собственных несовершенств и нравственные укоры самой себе. Очищающая душу – *дневниковая* – исповедь помогала восстановлению духовных основ ее личности. Дневник Зеленской демонстрирует ее способность «заглянуть дальше и глубже» в себя, дойти до «главных язв», своих и общественных, и «осветить» их.

Помимо близких побуждающих мотивов к ведению дневника ленинградцев объединяла и общность пережитого, которая приводила к тому, что авторы осмыслили в дневниках – в соответствии с блокадной шкалой ценностей – самые главные, самые насущные проблемы той поры.

Практически в каждом из публикуемых дневников сообщалось о нормах на хлеб, подробно описывались мучительные поиски продуктов: унижительную сцену добывания хлеба в магазине описала Боронина, а уже лежащий, угасающий Крайский восклицал: «Чтобы

получить обед, человека надо послать на смерть!». Не менее рискованно выглядели «путешествия» за водой, но наиболее страшными были страдания от нестерпимого голода. Состояние болеющего язвой желудка Крайского, для которого скудный блокадный рацион был порой равносильно проглоченным гвоздям, было просто непереносимым.

Часто упоминались в записях похоронные саночки – печальный символ блокадной повседневности. «То и дело провозят мимо по дороге на кладбище зашитые в одеяла или простыни „коконы“, – писала ленинградка. – Должно быть, всю оставшуюся жизнь не смогу смотреть на детские саночки, не вспоминая жуткую поклажу, к кот<орой> их приспособили теперь».

В публикуемые дневники авторы включали сходные блокадные свидетельства. Жителей города успокаивала облачная и дождливая погода, как спасение от бомбежек, и не радовало солнце. «Три миллиона ленинградцев, – писал Крайский, – с ужасом смотрят на проясняющееся небо, на выглядывающее солнце». В соответствии с той же шкалой ценностей описывала и Васильева погодные условия. «День и ночь – сутки прочь – прошли спокойно, – писала она, – т<ак> к<ак> было очень пасмурно. Пасмурно – какое чудное слово». Заметим, что аналогичное восприятие хмурого неба было и у других бытописатель блокады.²

Еще одно часто встречающееся свидетельство – появление небывалого страха перед обстрелом и бомбежкой, т. е. *осознание себя мишенью*. Известно, что ленинградцы по-разному держались на улицах города. Так, например, Вера Кетлинская писала, что она не верила, что бомба или снаряд угодит именно в нее, но вспоминала, что Ольга Берггольц «драматически ощущала каждую бомбу и каждый снаряд нацеленными прямо в нее – и все же ходила не прячась».³

«Чувство мишени», парализующее волю, возникало в человеке не сразу. Ощущение опасности в блокадной повседневности шло по нарастающей: от отсутствия страха вообще до возникновения животного ужаса. «...Я даже не испуга<лась>, – писала ленинградка в начале блокады, – до того показалось абсурдным: какой-то предмет летит и ложится мирно возле меня». И совсем иначе она же реагировала на обстрел позднее: «Злопамятная ночь. Снаряды рвались в непосредст-

² Так, например, Г. А. Князев, директор архива Академии наук, писал в дневнике: «И с благодарностью смотрел я на сизые тучи, заволочшие небо. Сегодня, быть может, не прилетят стервятники: погода явно нелетная» (*Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945*. СПб., 2009. С. 224).

³ *Кетлинская В. Испытание // Вспоминая Ольгу Берггольц*. Л., 1979. С. 117.

венной близи больничного домика, в кот<ором> мы живем. Просто-
яли около трех часов под угрозой. В конце я свалилась в обмороке,
познав весь ужас чувства животного, предназначенного к расстрелу,
длящемуся часы. Кто может представить себе это?

Осознала чувство мишени».

Этот страх был знаком и Марии Васильевой. Он появился у нее
после усилившихся обстрелов города из дальнобойных орудий осе-
нью 1943 г. Со слов соседки Васильева пересказала в дневнике траги-
ческий случай, во время которого снаряд попал в толпу, ждавшую
трамвая на остановке на углу Невского проспекта и Садовой улицы.
«Груда трупов, – писала Васильева. – Маруся случайно попала сразу
после разрыва. Трамвай, на котором она ехала поперек, не остано-
вился, но из окна она видела весь ужас. На обратном пути видела, как
мыли мостовую и посыпали песком. Боже мой, какой ужас!». Вооб-
ражение блокадницы поразил, видимо, и сам процесс смывания крови
с мостовой. Между тем «„Скорая помощь“ была проинструментирована,
чтобы сразу после взрыва снаряда смывать с мостовой пятна крови».⁴
Этот же эпизод пересказала и Е. П. Крайская, с горечью резюмируя:
«Убирали, замывали, и снова город жил, чтобы умирать ежеминутно».⁵

После этой истории повидавшая уже немало горя Васильева при-
знавалась в «уличном» страхе в дневнике: «Очень страшно. Боюсь
улицы. Надо заняться собой. Нельзя так распускаться. Почему же до
сих пор я не боялась?». Событие на Садовой, «закрепившись» в соз-
нании блокадницы, продолжало вызывать страх и в декабре 1943 г.:
«На обратном пути попала на Садовой под обстрел. Было страшно.
Очень я стала бояться. Почему?». Теперь, в надежде на освобождение
города, Мария Васильевна собирала последние силы: «Бьет жутко,

⁴ См. об этом: *Верт А.* Пять дней в блокадном Ленинграде. СПб., 2011. С. 90.

⁵ Очевидцем события был и А. В. Буров. «Я ожидал трамвая на остановке у пере-
сечения Невского и Садовой, – сообщал он. – Народу было много. <...> Неподалеку от
меня стояла женщина с большим пучком корешков, собранных, должно быть, на од-
ном из ближайших огородов <...> Внезапно что-то грохнуло и налетела тугая волна,
оставившая после себя облако кисловатой гари. Первое, что я увидел, – это лежащую
на асфальте женщину. Ту самую, что за мгновение до этого стояла с охапкой зелени.
<...> Ее мертвенно-бледное лицо было безжизненным. На только что оживленном
перекрестке стало пустынно и скорбно» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. СПб., 2011.
С. 560). Английский журналист А. Верт записал рассказ ленинградского шофера:
«Эти хитрые сукины дети превратили в кровавое месиво трамвайную остановку на
углу Невского и Садовой, – говорил Верту шофер. – <...> Там пострадали все: кого
убило, кого ранило – такое зрелище, просто кошмар» (*Верт А.* Пять дней в блокадном
Ленинграде. С. 25).

долго и всюду. <...> Надо терпеть. Во что бы то ни стало хочется уцелеть».

Похожее «чувство мишени» испытывала и Крайская: «От одного этого состояния мыши, попавшей в капкан, нужно бы бежать, бежать без оглядки. И не бежится, уж очень везде нерадостные картины».

Сходные оценки давали авторы дневников изменениям этических норм, порожденным блокадой. Они отмечали разрушение семейных связей, отношение к смерти как к обыденности, тайное подбрасывание трупов, очерствелость и равнодушие. Особенно пугающим было проявление животных инстинктов. «Женщина съела соседку, – сообщила Боронина. – <...> Потом женщину убили. Устроили поджог. Потушили. Милиционеры не могли вести следствие от ужаса и отвращения». Недвусмысленную картину наблюдал и учитель географии Мальяревский. «Сегодня видел, как милиционеры вели парня, – писал он, – сильно изнуренного, оборванного, а один из милиционеров нес окровавленный топор. Должно быть, разыгралась тяжелая драма».

В этих условиях, несмотря ни на какие уродства блокады и войны, настоящий «Ленинградец» (Елизавета Крайская подчеркнуто писала это слово в дневнике с заглавной буквы) стремился сохранить в себе достоинство и оставаться во что бы то ни стало человеком. Таковой была блокадная этика ленинградки М. В. Васильевой. О чем бы она ни писала, ее дневник пронизывала главная мысль: надо быть «безотносительно честной». «Пишу, что есть, – восклицала Мария Васильевна по случаю одного инцидента на службе, – и никто не заставит меня написать, чего нет». Но это ее заявление можно отнести ко всем записям, которые вызывают полное доверие. Ключ к пониманию ее личности – ленинградки, блокадницы, любящей матери и истинной сестры милосердия – заключен в простых, обыденных словах ее дневника: «С работы поехала в церковь, всё со своими просьбами. На душе полегче. Не знаю, как благодарить за то, что жив Коля, за то, что столько хороших людей, за то, что *уцелела и осталась человеком сама*» (курсив мой. – Н. П.). Именно в этом и состоял героизм жизни в блокаде – сохранить человечность, «спасаться, спасая других».

Таких же нравственных ориентиров придерживался и Сергей Ганкевич (ученик П. Н. Филонова). Он в полной мере понимал трагичность положения ленинградцев, но все же его записи имеют другие коннотации. Сергею Васильевичу довелось близко наблюдать изменение (разрушение) личности на примере доброй в сущности женщины, Евгении Михайловны, сестры жены, приютившей Ганкевичей в своей отапливаемой квартире. Он видел этот – порожденный голо-

дом – распад, но *не хотел* его видеть. Никакие обиды не могли заставить Сергея Васильевича произнести свояченице окончательный приговор: сострадание к женщине брало верх. «Я понял ее, – писал Ганкевич, – к ней надо относиться как к больному, ненормальному человеку. <...> Это болезнь, а выздоровление еще очень не скоро, и не стоит больше говорить об этом». Художник *не хотел* признавать «худшие проявления животной натуры» – людоедство, не стал он описывать в дневнике и безобразную семейную сцену (обезумевшего от голода тещя), подробности которой читателю становятся известны лишь из позднейшего комментария. Сергей Васильевич искал свой способ «перемещения внимания» с ужасов блокады на то, что помогало выжить, и находил его в чтении книг по истории живописи, пытался работать, писал «ленинградский пейзаж из окна», автопортрет, строил планы до последних дней жизни.

Искусство, и в особенности музыка, действительно способствовало «переключению» внимания и давало возможность блокадному жителю хоть ненадолго отрешиться от гнетущего настоящего. Известно, что в начале войны у многих соотечественников звучание музыки вызывало «странные» ощущения: она казалось неуместной в эти дни.⁶ Ольга Берггольц отмечала, что «в Ленинграде в те дни не раздавалось по радио ни одной песни, ни одной мелодии»,⁷ а зимой 1941/42 г. «ни концертов, ни музыки – ничего не было», и «по радио тоже очень долго не передавалось ни музыки, ни пения».⁸ Но постепенно, хотя и медленно, объем музыкального радиовещания стал расширяться. По мнению А. Н. Крюкова, перелом произошел в самые мрачные месяцы блокады, когда музыка прорывалась к людям через «безмолвие иного рода – вызванное вынужденным бездействием предприятий и транспорта, резким уменьшением людских контактов, сокращением общего объема вещания».⁹ Исследователь справедливо отмечает, что воздействие музыки «было целительным *для всех ленинградцев*»¹⁰ (даже при пассивном прослушивании), не говоря уж о меломанах.

⁶ Так, например, П. Н. Лукницкий 15 сент. 1941 г. записал в дневнике: «Музыку слушать томительно и странно» (цит. по: Крюков А. Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда». Л., 1985. С. 30). Другой ленинградец, автор блокадных дневников, Кондратьев также вспоминал о прослушивании граммофонной пластинки в августе 1941 г.: «Странно звучала музыка в те дни» (Там же.).

⁷ Берггольц О. Ф. Собр. соч. Л., 1989. Т. 2. С. 163.

⁸ Там же. С. 171.

⁹ Крюков А. Н. Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб., 2005. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 80.

Неслучайно поэтому в публикуемом дневнике неизвестной блокадницы, сохранившемся в архиве О. Ф. Берггольц, восприятию музыки посвящен очень эмоциональный пассаж. «Музыка! – писала ленинградка. – Какой беспробудной ночью была бы блокада без тебя! Какая спасительная, исцеляющая душевные раны сила! Как спасала она нас в мрачные годы суровых испытаний. Мне думается, это именно она, благодаря счастливому изобретению радио, спасла многих и многих из бездны отчаянья и пучины сумасшествия». Такого же рода «перемещение внимания» характерно и для М. В. Васильевой, в дневнике которой особенно проявлена увлеченность блокадницы музыкой, театром и кино (речь идет о 1943–1944 гг.).

В равной мере ленинградцы ощущали и единение с осажденным городом, хотя выражали это чувство с разной степенью эмоциональности. Так, предчувствие надвигающихся испытаний одна из блокадниц, автор дневника «Жестокое испытание...», передала в патетически-приподнятой тональности. «Незабываемый вечер, – писала она в августе 1941 г. – Я постигла Ленинград как некое прекрасное художественное произведение, все неисчерпаемое великолепие кот<орого> я еще никогда не восчувствовала так живо, как в это, казалось мне, прощальное путешествие в почти пустом трамвае по пустынным улицам, по затихшим мостам над невозмутимыми перламутровыми водами. <...> Вечерняя заря тихо догорала. Спокойствие и воля к долготерпенью осенили нас».

В то же время, несмотря на общность пережитого, у каждого из ленинградцев был свой «малый радиус» блокадной жизни. Некоторые авторы тяготели к обобщению блокадного опыта, делая неожиданные, казалось бы, выводы. Судя по дневниковым записям, человеческая потребность в гармонии, красоте наиболее остро проявлялась именно в *непостижимое* время осады города. В декабре 1941 г., отстояв на сильном морозе в очереди за хлебом, автор дневника «Жестокое испытание...» писала: «После канонады *подчеркнуто захватывает* (курсив мой. – Н. П.) красота тихого зимнего раннего утра. Думается: именно для этой картины должна быть написана музыка. Странно: благодаря очередям присутствую при утреннем пробуждении природы и краешком сердца ликую, невзирая на душевную боль и горечь...». Ленинградка неоднократно рефлексировала о неизбежности победы красоты над хаосом, кровью и смертью. Попав однажды в разоренный дом, женщина увидела среди «неимоверного беспорядка» бюст греческой богини «безмятежно вззирающей на весь окружающий непостижимый хаос», что тоже показалось ей символичным. В этот

же день и позднее она отмечала в дневнике свои впечатления. «Прекрасное, безоблачно спокойное лицо глядящей вдаль Афродиты... Как оно неуместно, – писала блокадница, – и в то же время как ценно именно здесь, среди хаоса и ужаса войны – как воплощение всепобеждающей красоты и правды».

По-разному – непредвиденно – люди входили в блокадную жизнь и так же – непредсказуемо – выходили из нее. Так, поэтесса и драматург И. А. Гриневская встретила блокадные испытания в преклонном возрасте – 77 лет, и волею судьбы (по уточненным данным) ей удалось дожить до полного освобождения города от вражеской блокады. Ее отрывочные дневниковые записи (и наброски стихов) передают состояние старого, видимо, не совсем адекватно воспринимающего блокадную повседневность человека. Тем не менее они свидетельствуют об общественном темпераменте ленинградки и отмечены пафосом осуждения войны и порабощения одного народа другим. Вера в победу над врагом проявлена и в самом «негероическом» из публикуемых дневников – записях Крайского, который заявлял: «Россия – не только сфинкс. Россия – Феникс! Я это знаю».

Военному писателю И. Ф. Кратту посчастливилось пережить блокаду. Судя по дневнику, он долго не поддавался обстоятельствам, сохранял интерес к работе даже тогда, когда другие теряли человеческий облик, становясь «пещерными жителями». Кратт продолжал держаться, не опускался. Вероятно, резерв психических возможностей у него был больше, чем у тех, кто просто плакал от безысходности, от невозможности помочь себе и близким. «Плачут в бессильной слабости мужчины, – отмечал писатель в дневнике. – Пошехонов ревел у холодной печки». Когда же и его психика ощутила «предел», когда чувства притупились настолько, что «смерть стала привычной», Кратт прекратил вести дневник. И лишь выйдя из зимнего круга блокады, он вновь обратился к нему и завершил записи «знаменательными» днями освобождения Ленинграда и взятия Берлина.

Особое значение имеет публикуемый дневник Жени Рыбиной, который она начала писать по совету родных. В память десятилетней девочки навсегда врезались страшные картины войны. Она запомнила все: несостоявшуюся эвакуацию из Ленинграда, первые бомбежки, груды трупов на набережной р. Карповки (место, которое позднее Евгения Николаевна обходила стороной), голод и нападение людоедов. Однако в ее единственно сохранившейся дневниковой тетрадке описание событий предельно сужено и фактически не выходит за рамки продовольственной темы. С недетской пунктуальностью Жена

Рыбина фиксировала главную заботу ленинградцев: как, где и сколько удалось получить «объявленных» продуктов; на какие карточки (детскую, рабочую или «служащую») их выдают. Долгожданным и центральным моментом дня был прием пищи, которой всегда было «очень мало» – «кусочек», «ложечка», а порой, по словам девочки, есть было «опсалотно» нечего... Таким был травматический опыт ребенка – реального участника блокадного бытия.

«Подъем из бездны» блокады и войны – это, пожалуй, основная тема размышлений И. Д. Зеленской, автора записей 1943–1947 гг. По долгу службы ей приходилось общаться с разными людьми, погруженными «в море нужды и лишений», в состояние «психического» голода и одиночества. Зеленская не ограничивалась оказанием им только официальной помощи: «тревожное чувство», что надо было еще что-то сделать, не покидало ее и дома. Она умела «широко открытыми глазами смотреть вокруг себя» и, разглядев непростые для времени вопросы, погрузиться в них, не боясь появляющихся в душе противоречий. Так, при естественно возникающих надеждах на обновленное послевоенное будущее она трезво отдавала себе отчет в том, что «на самом деле все останется по-старому. И люди забудут урок этих исключительных лет...». Отдыхая в послевоенной Латвии, она «мучилась» проблемой взаимоотношений людей разных национальностей: русских, латышей, немцев. При виде сотен военнопленных, работавших на восстановлении народного хозяйства, Зеленская переживала внутренний разлад: «элементарная человечность» боролась в ее душе с чувством «нутряного отталкивания».

Любопытно, что один из сюжетов дневника Зеленской напрямую перекликается с записью в другом женском дневнике на ту же тему. Он касается рождения «нового земного жителя», нового ленинградца. Это явление, – на излете блокады оно уже было возможно, – воспринималось обеими женщинами не иначе как победа над смертью. «Умиротворяет мысль, – писала автор дневника «Жестокое испытание...», – что скоро появится на свет ребенок. <...> И то, что он будет так близко, и то, что он будет тихонечко пищать в своей невинности как в крепости, что его безмятежность в дикой внешней обстановке станет реальностью, – утешает меня. Раз возможно существование крошечного, нежного, хрупкого существа, значит, еще осталась нормальная жизнь, – не все еще поглотил хаос, безумье, ужас, смерть. Сознание этого успокаивает, придает новые силы». Запись Зеленской сделана в менее патетической манере, но и она манифестирует переход к другой, *человеческой* жизни. В то же время сопоставление двух

характерных записей показывает, что острота восприятия жизни у Зеленской острее, а рефлексия «дальше и глубже». Ирина Дмитриевна обратила внимание и на другую, теневую сторону события. «После Смертного года, – писала она, – когда женщины не были женщинами, а мужчины перестали быть мужчинами, жизнь как будто наверстывает упущенное, и волна плодовитости захлестнула молодежь. На улицах видишь множество беременных женщин, к нам в Отдел без конца приходят демобилизованные девушки из армии, грудные младенцы перестали быть дикостью. Возможно, что кое-кто из этих молодых матерей не очень точно знают отца своего ребенка, кое для кого „блокадный” муж был в свое время нужен, прежде всего, как источник лишнего килограмма хлеба. И вообще, кто может ручаться за прочность военного брака, когда ежечасно его может разбить смерть? Но я не в состоянии морализировать, я вижу только, что жизнь оказалась сильнее смерти; а там, где появляются новые ее ростки – дети, – этим все оправдано».

Умение Зеленской разглядеть «главные язвы» времени делают ее послевоенные записи ценным свидетельством моральных, психологических, бытовых и национальных проблем, с которыми столкнулся победивший народ.

Публикуемые блокадные дневники, как и судьбы их авторов, не похожи друг на друга. Каждый из них хранит свою «печальную историю», которая вливается в *победоносную трагедию* блокадного Ленинграда.

Обнародовать *каждое блокадное слово* – от обширного дневника известного человека до последней, отрывочной записи простого ленинградца – наш долг.

Н. А. Прозорова

БЛОКАДНЫЕ БУДНИ В ДНЕВНИКАХ А. П. КРАЙСКОГО И Е. П. КРАЙСКОЙ

(Публикация Т. А. Кукушкиной, Л. Д. Зародовой)

Авторы публикуемых дневников – поэт, видный деятель петроградского Пролеткульта, литературной группы «Космист», один из руководителей пролетарских объединений Петрограда/Ленинграда Алексей Петрович Крайский (наст. фам. Кузьмин; 1892–1941) и его жена Елизавета Петровна Крайская (урожд. Богданова; 1898–конец 1960-х). Дневник Крайского военного и блокадного периода является продолжением его предыдущих записей 1930-х–начала 1940-х гг. Первая запись военного времени сделана 22 июня, последняя – 28 нояб. 1941 г., менее чем за две недели до смерти от истощения, 11 дек. 1941 г. Елизавета Петровна стала вести дневник после смерти мужа, начинается он 3 мая 1942 г., заканчивается 22 июля 1945 г. Оба дневника отражают почти весь период войны и блокады, за исключением самых тяжелых месяцев конца 1941–начала 1942 г.

Имя Крайского известно сейчас лишь узкому кругу историков литературы. Между тем в первые пореволюционные годы он считался восходящей звездой пролетарской литературы, «поэтом грядущих дней», его стихи уже тогда входили в антологии пролетарской поэзии.¹ Самобытность Крайского среди пролеткультовских поэтов, «широкий размах» замыслов, «почти космический угол зрения», работу над новыми формами стиха отметил В. Брюсов в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии».²

Он родился в Новгороде в семье отставного солдата, служившего сторожем скотобойни; мать – крестьянка, по профессии – портниха. Начальное образование получил в церковно-приходской школе и городском училище. С 14 лет работал весовщиком, багажным кондук-

¹ Пролетарские писатели: Антология пролетарской литературы / Сост. С. Родов; Под общей ред. П. С. Когана. М., 1924. С. 341–346 (далее – Пролетарские писатели); Пролетарские поэты: Антология / [Сост.] Вл. Кириллов. М., 1925. С. 31.

² Печать и революция. 1922. № 7. С. 65.

тором, ремонтным рабочим на железной дороге, состоял учеником на телеграфе. Некоторое время слушал лекции по истории русской и западноевропейской литературы в вечернем Народном университете, но «знания и любовь к литературе, – отмечал он впоследствии, – приобрел исключительно самообразованием».³ В 1911 г. приехал в Петербург на заработки; служил приказчиком и конторщиком в торговой фирме. В 1917 г. был призван в царскую армию рядовым запасного пехотного полка, но вскоре отчислен по состоянию здоровья. После революции служил в Красной Армии в составе Театрально-драматургической мастерской.

Первые стихотворные опыты (пародии на хозяев) относятся к 1912 г.; с 1916 г. публиковал в газетах зарисовки из жизни народа, проникнутые состраданием к униженным и оскорбленным, антивоенные стихотворения. В раннем творчестве испытал сильное влияние поэзии символистов, в произведениях ощутимы декадентские настроения, мотивы скорби и одиночества человека в мире: «В маленьком городе глухо, / Глухо, уныло и вяло... / Жизнь, больная старуха, Глаза закрывает устало! / <...> Сонные улицы. Стаей / Сонные галки на крышах... / Печаль твою кто разгадает, / Кто сердце твое услышит?».⁴

Постоянная литературная деятельность, «жизнь без оглядки»,⁵ началась с 1917 г. после знакомства с поэтом Я. П. Бердниковым,⁶ который и свел его с кругом писателей, объединившихся в Пролеткульт. Стихи и поэмы пореволюционного периода, проникнутые типичными для пролеткультовской эстетики настроениями самоотречения, пафосом преображения мира, упоением свободой, динамичные и экспрессивные, нискали Крайскому славу «буйного молодого таланта»,⁷ «недюжинного поэта», отличающегося поэтическим вкусом и мастерством.⁸ Их наперебой печатали в пролеткультовских журна-

³ Из автобиографии от 10 авг. 1922 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 109, л. 1).

⁴ Из стихотворения 1916 г. «Глушь» (Там же, № 13, л. 2).

⁵ [Автобиография] // Пролетарские писатели. С. 342.

⁶ *Бердников Яков Петрович* (1889–1940) – пролетарский поэт. Основные темы поэзии – тяжелый труд рабочих до революции, радость освобожденного труда, гибель старой Руси и рождение новой России. Воспоминания Крайского о нем «Первый живой поэт» см.: *Шацева Р. А. П. Крайский. Неизвестные стихотворения и воспоминания* // День поэзии. 1967. Л., 1967. С. 50.

⁷ *Князев В.* Первая книга толстого пролетарского журнала // Красная газета. Утр. вып. 1921. 18 июня. № 129. С. 4.

⁸ *И. Я. [И. И. Ясинский].* Среди книг и журналов // Петроградская правда. 1922. 29 янв. № 22. С. 4.

лах и сборниках. Но уже в первой книге «Улыбки солнца» (1919) проявились более свойственные Крайскому лирические интонации мечтательности и задумчивости.

В 1921 г. вышла небольшая книжка рассказов Крайского «То, что было», занятных по фабуле, как отмечала критика, но неглубоких по содержанию.⁹ Его пьесы и инсценировки на социальную тематику, рассчитанные на неискушенного зрителя, ставились в пролеткультовских и рабочих театрах и пользовались успехом. Особое признание получила пьеса «Жизнь вверх ногами» (1926), «талантливо написанная, занимательная и смешная комедия», в которой «всюду рассыпан остроумный, здоровый, естественный юмор».¹⁰ Герой пьесы, купец Абрикосов, отправившийся еще до революции к самоедам за котиками, возвращается в Москву через 9 лет. Жизнь уже перевернута «вверх ногами», а сам он кажется выходцем с того света и попадает в нелепые ситуации, заканчивающиеся арестом и приводом в ГПУ.

В начале 1920-х гг. поэт пережил идейный и творческий кризис, мучительное разочарование в новом строе, который недавно искренне приветствовал. В произведениях и дневниковых записях этого времени неоднократно возникает тема совести: «Люди валяются не от холеры – от голода... А я... еще пишу гимны Петроградской коммуне. стыдно».¹¹ Он пытался отойти от пролеткультовских штампов, писал стихи о простых ценностях человеческого бытия, пронзительно искренние и нежные. В архиве сохранились шуточные стихи «для себя»: «Так легко написать поэму / Про завод, про машинный рай. / Индустриальную тему / Точи, шлифуй, строгай. <...> / Но сердце мое – земное, / Любит сегодняшний снег, / Грядущее – что такое? / Не поповский ли рай – „Маховик“?».¹²

⁹ Пчелинцев И. [Рец.] // Кузница. 1922. № 9. С. 40.

¹⁰ Дзюбенко А. Смех и отдых // Резец. 1926. № 16. Апр. С. 6.

¹¹ Запись 16 июля 1918 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 111, л. 22 об.).

¹² Там же, № 15, л. 7 об. *Грядущее* – аллюзия на литературно-художественный журн. «Грядущее», издававшийся Петроградским Пролеткультом в 1918–1921 гг. В 1921 г. Крайский был секретарем журнала. Поэт полемизирует с деятелями Пролеткульта, отвергавшими живое бытие во имя жесткого строительства светлого будущего, в частности, с И. И. Садофьевым (1889–1965), автором сборника «Динамо-стихи» (1918) и поэмы «Индустриальная свирель» (1920–1921), утверждавшим: «Мы вышли первыми и первыми смело идем / На зов иных времен, сомкнуто-тесным строем... / Гнетущих лет наследье сжигаем Творческим огнем, / Узорные, Светлые зданья Грядущего строим...» («Пролетарским поэтам»). В 1923 г. отношения между поэтами осложнились соперничеством за руководство пролетарскими организациями, когда председателем Петроградской ассоциации пролетарских писателей, созданной на основе группы «Космист», стал Крайский. 1 сент. 1923 г. он записал в дневнике: «Со-

Пессимистические настроения и внутренний надлом ощутимы во второй книге стихов «У города-разбойника» (1922), построенной на контрастном изображении старого Петербурга и Петрограда, города революционных преобразований. Прорекларированное поэтом стремление освободиться от «черного омута призрачных огней», шагнуть «вперед», к «светозарным дням», выглядело в книге схематично и неубедительно. Лучшими оказались стихи о Петербурге, бесприютности человека в сумрачном, ветреном городе, наполненном неясными тенями, липким туманом, омертвелыми строениями, которые можно по праву отнести к так называемой петербургской поэзии.

Довольно скоро его стали называть одним из «наименее пролетарских поэтов» Петрограда,¹³ склонным к печали и «мягкому раздумью»,¹⁴ в творчестве усматривали «отголоски буржуазной поэзии», неактивное отношение к жизни и «два лика» Крайского.¹⁵ И сам он признавался, что «название пролетарского поэта получил по социальному положению и происхождению; по творчеству же – я больше романтик».¹⁶ А в стихах «для себя» с горечью писал: «Беда лирическим поэтам! / В оранжерее красоты / К великолепнейшим букетам / Простые не идут цветы. / Уже сокращены по штатам / – Рука хозяина строга – / Сентиментальные стишата, / Как полевая мелюзга».¹⁷ Он был чужд литературной борьбе, к группировкам примыкал, как пишет сам, оттого, что «некуда было деться», и в лагере пролетарской литературы, в сущности, был «внутренним эмигрантом».

В конце 1920-х гг. он почти полностью отошел от творчества, болезненно переживал срыв поэтического мастерства, свою ненужность этой «напряженной, железной и лицемерной эпохе».¹⁸ «Дела обернулись так, что если оставаться последовательным, действовать просто и честно, то надо бросить <...> все. <...> Ужасное подзуживание друг

ставился заговор свержения Садофьева и передачи власти Зиновьевскому кружку. Боюсь, что рано заварил кашу. Сил лит<ературных> не хватит» (Там же, № 112, л. 29). Садофьеву посвящено стихотворение Крайского 1923 г. «Вишневые сады» («Я по книгам, лишь по книгам знаю / Про вишневые, про нежные сады, / Где снежинками по воздуху летают / Белые душистые цветы»). «Маховик» – газета Петроградского губернского совета профсоюзов (1921–1923).

¹³ Фиш Г. Сегодня солнце улыбается // Красная газета. 1922. 16 сент. № 209. С. 6.

¹⁴ Жуков П. А. Крайский // Литературный еженедельник. 1923. № 41. 21 окт. С. 10.

¹⁵ Оксенов Инн. За нами (Литературные портреты) // Там же. № 11. 17 марта. С. 11.

¹⁶ Ал. Петр. Крайский. [Автобиография] // Красная панорама. 1926. № 28. Июль. С. 13. Автограф автобиографии датирован 28 янв. 1924 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 109, л. 3).

¹⁷ Стихотворение 1928 г. (Там же, № 31, л. 18).

¹⁸ Из письма В. В. Князеву 1930 г. (РО ИРЛИ, ф. 584, № 29, л. 1).

друга, пользование всеми средствами, чтобы отстоять свою точку зрения – все это действует на меня», – писал он жене.¹⁹ Немногочисленные стихи и поэмы второй половины 1920-х гг., перепевающие тему изменения судьбы человека в социалистическом мире, написанные бодрим, пропагандистским тоном, не прибавили к его поэтическому облику дополнительных черт. Две последние книги стихов «На панельных квадратах» (1930), «Лирика. Избранные стихи. 1917–1937» (1939), составленные в основном из ранних произведений, не имели резонанса в печати. «Отставной лирик А. Крайский» – с горькой иронией называл он себя.²⁰

Последующие годы занимался литературно-организационной работой, был широко известен как руководитель литературных кружков, автор популярных учебных пособий, выходявших в 1927–1929 гг. под общим заглавием «Что надо знать начинающему писателю». Среди его учеников-кружковцев 1920-х гг. и участников семинара в Рабочем Литературном университете им. М. Горького (1930-е) – Д. И. Лаврухин, Б. П. Корнилов, З. Л. Дичаров, Б. А. Кежун, Е. П. Серебровская, А. А. Прокофьев,²¹ посвятивший Крайскому стихотворение «Товарищ» («Я песней, как ветром, наполню страну...»). Его любили, к нему тянулись. А. Прокофьев вспоминал о нем как об «очень душевном человеке и хорошем педагоге», чье дружеское участие он «ощущал на протяжении ряда лет».²² «В ту пору Крайскому было лет сорок. Широкий в плечах, крепкой кости мужчина, он был нетороплив и в речи, и в движениях, – рассказывает о нем З. Дичаров. – Какой-то неизменной внутренней устойчивостью, душевной чистотой привлекал к себе всех, кто его знал. <...> Ровен. Немного-словен. Добродушен».²³

¹⁹ Из письма от 28 февр. 1926 г. (Там же, ф. 837, № 153, л. 73).

²⁰ Так он надписал книгу «На панельных квадратах», подаренную В. В. Князеву (Там же, ф. 584, № 53, л. 38). Обложка книги с автографом Крайского вклеена в альбом Князева.

²¹ Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) – поэт. В период Советско-финляндской (1939–1940) и Великой Отечественной войн был военным журналистом, входил в писательскую группу при Политуправлении Ленинградского фронта. Его боевые агитационные стихи, частушки, песни, лозунги, стихотворные фельетоны регулярно печатались в газетах. В 1945–1948 и 1955–1965 гг. – ответственный секретарь ЛО ССП.

²² Советские писатели: Автобиографии в двух томах. М., 1959. Т. 2. С. 267. «Прокофьев – замечателен. Горжусь, – мой ученик!», – отметил Крайский в дневнике (РО ИРЛИ, ф. 837, № 20, л. 169).

²³ Дичаров З. Огонь его души // Голоса из блокады: Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 323. См. также:

В 1912 г. с юношеской бравадой Крайский записал в дневнике: «Я – фразер, лгун, фантазер... / Я – артист, поэт в душе, / Непризнанный талант...».²⁴ Слова эти оказались пророческими. В художественном отношении поэтическое наследие Крайского неравнозначно, и в истории литературы он остался непризнанным и не реализовавшим себя талантом. Но блестящие образцы пролеткультурной поэзии и отдельные лирические стихи, до краев наполненные безмерной тоской, щемящей нежностью и сострадательной любовью к человеку, достойны внимания читателя.

Последнее (известное) стихотворение Крайского «Огонь» написано 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны. Он остался в Ленинграде; призыву в армию не подлежал по болезни (язва желудка), а на выезд из города не было денег. Удерживала и неизвестность с дочерью. 13-летняя Светлана²⁵ была эвакуирована Литфондом из пионерского лагеря, заболела скарлатиной, жаловалась на нехватку питания и слезно просилась домой. Первое время родители даже думали забрать ее, но война опрокинула жизнь.

Пока были силы, Крайский работал литературным консультантом в «Ленинградской правде» и газ. «На страже Родины»,²⁶ писал очерки для военных сборников Союза писателей, участвовал в строительстве оборонительных сооружений. «Я ходил и окопы, как ты называешь, рыть (а это вовсе и не окопы: это мышеловки для танков), – рассказывал он в письме дочери, – ходил рыть могилы фашистам, а теперь пойду маршировать и обучаться владеть винтовкою и гранатой. <...> Понятно, что и пишем понемножку, но денег пока за это не получил».²⁷ В августе он мог уехать военным интендантом на Кавказ, как и его друг, писатель С. А. Купер.²⁸ «Он сделал все, чтобы утащить

Виноградов И. Слово о старшем друге // Там же. С. 328–330. Один из его учеников, Г. С. Курнев, посвятил памяти Крайского, «предвоенного учителя и советчика», стихотворение «Баллада судьбы»: «Пусть не достиг я жизни райской, / За хвост жарптицу не ловил, / Но буду вечно помнить – Крайский / На бой и стих благословил» (Знамя. 1985. № 2. С. 89).

²⁴ Запись 5 янв. 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 110, л. 42 об.).

²⁵ *Крайская Светлана Алексеевна* (1928–1991). Вернулась из эвакуации в июне 1944 г. Работала на секретарских должностях в канцеляриях различных учреждений.

²⁶ Печатный орган Ленинградского военного округа (с февраля 1938 г.). Издаётся с мая 1918 г. под разными названиями: «Красная Армия», «Вооруженный народ», «Боевая правда», «Красная звезда».

²⁷ Из письма от 27 июля 1941 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л. 8 об.).

²⁸ *Купер Семен Анатольевич* (наст. имя Соломон Натанович; 1896–1973) – прозаик. Автор романа «День Марии» (1938), сборников рассказов «Полуторакрылый ястребок» (1943), «Земля и небо» (1944–1945). Участник Советско-финляндской войны (1939–

и меня, – пишет в дневнике Крайский. – Но две вещи, „вещи несовместные“, во всяком случае, разные, не позволили мне выбраться, отвлечение к окольным путям (вернее – неуменье ходить по ним) и безденежье».

Как и многие писатели, он относился к своему дневнику как к историческому документу, фиксируя события в городе и на фронте, бытовые детали, продуктовые нормы, слухи, ползущие по городу. Об этом писали многие ленинградцы. В его дневнике отражен спектр настроений горожан и его собственных в первые месяцы войны и блокады, когда город еще во многом жил инерцией мирного времени, не устоялась и не организовалась **другая** жизнь, и блокадная трагедия только приближалась к своему апогею. Он отмечает патриотический подъем, ненависть к фашистам, веру в скорую победу и одновременно – растерянность, неразбериху, ожидание конца, ощущение беззащитности и обреченности.

Алексей Петрович осторожен в суждениях и оценках, тем не менее многие события осмысляются им критически, с неожиданной стороны, и в рассказах ощущается боль за свое, родное, что должно быть иначе, достойнее. Он пытается понять, как могло случиться, что через 2 месяца немцы оказались под Ленинградом, почему город так не подготовлен к войне, почему его должно защищать плохо обученное ополчение, которое вооружают пиками, а винтовку дают одну на двоих. «Это значит, что предпочли самоубийство, – пишет он в начале сентября. – Это – героизм. Однако город полон и женщин, и детей. Их подвергают и самоубийству, и убийству. Город мой будет разрушен».

В дневнике неоднократно говорится об отсутствии правдивой информации в газетах, «полных энтузиазма и скрытых угроз». Он приводит, в частности, свидетельства очевидцев, как непросто формировалось ополчение, как не все с энтузиазмом шли на фронт, как рабочих одного завода заперли в цеху, раздали винтовки, а они разломали забор и ушли, и сговорились не приходить на следующий день. А в газетах «статьи о Ленинграде такие, как будто мы побеждаем. Город укрепляется». «Ничего не понять, ничего мы не знаем», –

1940). Был дружен с Крайским, в шутку называвшим его «Сенимор Купер». Летом 1941 г. совместно с Крайским работал над сценарием фильма о подвигах моряков «Чайкин остался в море». Сценарий не был принят; на его основе авторы написали повесть с тем же названием, сохранившуюся в архиве Крайского. Служил в штабе Закавказского военного округа, участвовал в боях за Кавказ и Кубань (1941–1943), затем – в 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта офицером по «направлениям в оперативном отделе» в звании майора (ЦГАЛИ СПб., ф. 371, оп. 3, № 118, л. 5, 10 об.).

с недоумением пишет Крайский. «И вообще о налетах на Л<енинград> газеты молчат, – отмечает он в конце сентября, – как будто налетов не было». Сам он подробно фиксировал количество и время бомбежек, улицы и номера разрушенных домов, описывал поведение жителей, собственные ощущения и переживания, животный страх во время первых бомбежек, апатию и безразличие последующих месяцев, когда вплотную подступал голод, и становилось все равно – где и от чего умереть. Сравнивая записи Крайского о бомбежках с опубликованной хроникой блокады, убеждаешься в их исключительной, почти до минуты, точности.

Осенью с уменьшением продуктивных норм у него обострилась язва желудка, и он слег. Он понимал, что обречен, сетовал на братьев-писателей, забывших о нем, одиночество и ненужность, физическую боль. Но по-прежнему следил за событиями, записывал все, что происходило в его «ограниченном мире», «для истории, если сохранится тетрадь», и – верил в победу. Несмотря на пессимистический настрой некоторых записей, дневник Крайского отличается общей позитивностью тона. За месяц до смерти он записывает: «Ленинград громят и сверху, и снизу. Дальнебойные становятся непрерывны <...> Снаряды летят и справа, и слева. <...> Во всяком случае, наши орудия не могут разгромить вражеские, да и молчат наши орудия. Плохо твое дело, Ленинград! Плохо твое дело, Россия! Но Россия не только – сфинкс. Россия – феникс! Это я знаю». И через несколько дней, под грохот снарядов, уже не в силах встать, уверенно повторяет: «А Россия, все-таки, – Феникс!».

10 дек. 1941 г. жена поэта, Елизавета Петровна, написала письмо А. А. Жданову²⁹ с просьбой о помощи: «Наступила жуткая и полная катастрофа; больной ослаб настолько, что перестал управлять своим телом. Человек, проработавший 25 лет в литературе, идеально честный, бесребреник, всегда строгий к себе настолько, что не допускал никаких халтур, отчего вечно страдал материально. Подтвердить могут Прокофьев, Раковский».³⁰ Письмо осталось неотправленным.

²⁹ Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии (1934–1944), секретарь ЦК ВКП(б) (с 1934). Во время Великой Отечественной войны – член военных советов Северо-Западного направления и Ленинградского фронта. В 1946–1947 гг. – председатель Совета Союза Верховного Совета СССР; член ВЦИК и ЦИК СССР. Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 837, № 193, л. 2. Раковский Леонтий Иосифович (Осипович; 1896–1979) – писатель, автор исторических повестей и романов. В 1930-е гг., как

В ночь на 11 дек. Крайский умер от истощения; похоронен 22 дек. на Волковском лютеранском кладбище.³¹ Последняя запись в дневнике о смерти поэта сделана его женой.

О Елизавете Петровне Крайской известно немного. По окончании гимназии она добровольно поступила в Александровскую общину сестер милосердия, в Первую мировую войну работала в госпитале на Западном фронте. В начале 1920-х гг. служила в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) в Москве; в 1924 г. вышла замуж за Крайского, оставила учебу в медицинском институте, была любящей женой, другом и помощником мужа. С юности мечтала о литературном труде, писала «для себя» стихи и рассказы. В середине 1920-х гг. пыталась опубликовать в журн. «Красная новь» свой роман «В тылу», но в печати он не появился. В блокадное лихолетье строила оборонительные сооружения, была начальником звеньев групп самозащиты жилых домов,³² выполняла все, что выпало на долю ленинградцев. «Лилия держала себя героически, – записал Крайский в дневнике. – Вела мужчин на чердак, тушить бомбу. Успокаивала женщин ровным, убе-

и Крайский, руководил литературными кружками; в 1930 г. оба писателя входили в правление ЛО ВССП. Остался в блокадном Ленинграде, был корреспондентом газет «На страже Родины», «В защиту Ленинграда». Написал серию рассказов «Новые похождения храброго солдата Швейка», которые распространялись для перепечатки в армейских и фронтовых газетах. В 1942 г. эвакуирован в Великий Устюг.

³¹ На могильной плите выбиты слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога»: «В мире есть царь: этот царь беспощаден, / Голод – названье ему» (сообщено М. И. Рыжовой). Долгое время считалось, что поэт погиб на фронте, в народном ополчении (Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. Стб. 797). Неточные сведения о его смерти в столовой Дома писателей им. Маяковского приведены и в книге П. Н. Лукницкого «Ленинград действует... Фронтовой дневник. Первый год войны» (М., 1971. Кн. 1. С. 403). И недавно, когда в печатных источниках уже была достоверная информация о гибели Крайского, появился такой пассаж: «И этот человек на шестидесятом году жизни добровольно ушел на фронт. Боевой опыт у него – солдата Первой мировой войны – уже был. Сражался поэт-ополченец храбро. Ради победы не щадил себя. И вот сегодня погиб...» (Буров А. В. Блокада день за днем. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2011. С. 156–157).

³² Группы самозащиты – гражданские формирования МПВО, создававшиеся на предприятиях, в учреждениях и жилых домах согласно постановлению СНК от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к ПВО». 11 июля 1941 г. Ленгорисполком принял решение о всеобщей обязательной подготовке населения в возрасте от 16 до 60 лет к противовоздушной обороне. Группы состояли из нескольких звеньев (пожарное, медико-санитарное, химическое, связи и т. д.) и обеспечивали своевременное укрытие населения в убежищах, оказывали доврачебную помощь раненым, ликвидировали последствия бомбежек и артобстрелов. Комплектовались преимущественно из домохозяек, пенсионеров, школьников старших классов. См. также примеч. 13, 23, 24, 40 к дневнику Е. П. Крайской.

дительным голосом». И всеми силами старалась поддержать слабоющего мужа, под бомбежками, через весь город, ходила в Союз писателей за обедом для него, когда он уже не вставал.

С воспоминаний о нем и начинается ее дневник, который она вела с 3 мая 1942 по 22 июля 1945 г. В гибели мужа она винит и войну, и власть, и руководство Союза писателей, не поддержавшее его. И беспощадный приговор выносит себе за то, что не спасла «одного из лучших, <...> единственного, неповторимого». «...ужас был в том, — пишет она, — что на вопрос его: „Чем ты меня будешь кормить?“ — я должна была сказать: „Ничем“».

Как и во всех блокадных дневниках, есть здесь записи о хлебных нормах, бомбежках, саночках с мертвецами, оставленных и освобожденных городах. Ее дневник, рядовой ленинградки, выжившей в самый страшный период блокады на «иждивенческой», смертной карточке, необычен откровенностью и жесткостью описаний. Он предельно эмоционален, переполнен неизбывной болью утраты любимого человека, суждениями о власти, погубившей миллионы жизней, леденящими зарисовками блокадных будней. Она писала «для себя», выплескивая весь ужас запредельного блокадного существования, и своего, и чужого. Здесь нет описаний культурной жизни города и героического поведения ленинградцев. Есть будни, когда «все вопят кругом только о хлебе», когда «нет конца страданиям», и порой уже кажется — «все что угодно, штурм, морг, только бы поскорей, нет сил».

Дневник заполнен сюжетами, о которых, пишет она, «нельзя говорить»: о женщине, уличенной в воровстве и попавшей в камеру к людоедам, о другой, потерявшей мужа, и в психическом состоянии на почве голода повесившей свою трехлетнюю дочь, и покончившей с собой, и о себе самой, «с полным сознанием своей правоты» воровавшей хлеб у человека, «который имел четыре карточки», и еще многое о том, «как голод может разъединить самых близких и, казалось, любящих людей».

Рассказы о поведении и настроениях ленинградцев, изломанных, обезумевших от голода, добровольно сводивших счеты с жизнью, исполняющих «ненужные распоряжения» под страхом трибунала, «изпод “кнута”, проклинаящих всех и вся», раскрывают оборотную сторону сложившегося стереотипа «беспримерного массового героизма» жителей блокадного города. «Герои?.. — пишет она в 1943 г. — Все мы вынужденные герои. Тупое безразличие, а не героизм».

Есть в дневнике и другой Ленинград, сытый, крепкий на вид, призывающий к дисциплине, «к работе в сто лошадиных сил», грозящий

трибуналом женщинам-мумиям. Это работники столовых и продбаз, приспособленцы и рвачи, командиры разного уровня, о которых она говорит с презрением. «А наряду с этим, – пишет она, – травку собирают голодные жители, вырывают крапиву, одуванчики, ветки различные с почками. <...> Ест траву и глотает воду несчастный Ленинград».

Записи поражают внутренней свободой и смелостью высказываний о советском строе, который она не принимала, репрессиях 1930-х гг., руководителях блокадного города, ввергших ленинградцев в «жуткий, невероятный, неопикуемый голод». Она не могла не понимать, что ждет ее, если дневник попадет в чужие руки.³³ Но писала без оглядки, как может позволить себе человек, изведавший муки, после которых уже не страшно называть одного из руководителей города, распинавшегося летом 1942 г., «что голод, как таковой, изжит», «толстой скотиной», и прочить Сталину терновый венец «до мозга, до сердца» «за миллионы погибших в зиму 1941 года, за миллионы погибших в годы 38–39, за ежовщину, за лишенцев, за паспортизацию, за золото».³⁴ «Как плохо жить с умом скептика», – завершает она подобные записи.

Вопреки всему Елизавета Петровна сумела выстоять, сохранить человеческое достоинство, милосердие и сострадание к «задавлен-

³³ 6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, согласно которому виновные в распространении «в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», подвергались тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет, «если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания» (Правда. 1941. 7 июля. № 186. С. 1).

³⁴ Открытое осуждение большевистского режима содержится и в довоенном дневнике Крайской. «Паспортизация? (Уничтожение для тех, кто его не получил), – пишет она в мае 1933 г. – Спутники ее – нищета, голод, убийства, самоубийства, сумасшествия. Ведь это же не злопыхательство. Весь юг охвачен голодом. Хлеб – 15, 20 – 30 – 40 руб. кил<о>грамм>. Симбирск, Саратов, Новороссийск, Новочеркасск и ряд южных губерний буквально издыхают от голода. Рассказы очевидцев, письма: „Собирайте корочки, какие угодно, и шлите нам“. <...> Москва и Ленинград еще барахтаются кое-как. И если мы (моя семья), получая паек, недоедаем (пайка хватает на две недели). <...> 15 лет социализма. Это проклятие, а не социализм» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 188, л. 99, 100 об.). 17 июня 1933 г. она пересказывает письмо А. П. Крайского: «Леша сейчас на Донбассе. Он пишет ужасные вещи. Когда они сидят за обедом на открытой веранде, к ним со всех щелей решетки протягиваются руки... К решеткам прижимаются синие, опухшие лица... Дети, их много, обтянутые плохой кожей, испитые лица, ручонки... пихаются... „Зачем вы их кормите, это дети кулаков, лишенцев – это дети классового врага“... Так сказал один партиец, облеченный властью. Впрочем, он сказал иначе. Он ругал дающих хлеб... он их, помогающих, причислял к классовому врагу... Записки просовываются с объяснением, как они дошли до жизни такой... В надежде, что ленинградские артисты чем-нибудь помогут. <...> Леша пишет, что ему стыдно с такой рожей ходить, его принимают все за иностранца, и он стыдится им быть» (Там же, л. 103–103 об.).

ным, затперканным, измученным» людям. В дневнике много чужого, пропущенного через себя горя, боли и за себя, и за Россию-Матушку, за свой Ленинград, где теперь, пишет она, упадок культуры и нравственности и «так мало отрадных лиц», «за все человечество, что живет в ужасную эпоху истребления друг друга». Но нет озлобленности и ожесточения. Эти чувства адресуются власть имущим – за горы трупов, за город – пустыню, за гибель мужа.

Ее интонация – интонация жизни. «Живи! Говорю я себе. Коль не умерла в 1941–42». «Надо только сильно желать, надо уметь верить. Надо внутренний стимул». Жить, чтобы воспитать дочь, чтобы стать ей другом, чтобы сохранить в истории память о поэте Алексее Крайском, любимом Лешкинъе. И эта личная победа над «зверем из бездны» – и есть героизм рядовой ленинградки, который сама она отрицает. Может, в такую силу человеческого духа и верил Крайский, когда писал: «Россия – Феникс».

Летом 1942 г. Елизавета Петровна устроилась на автобазу «Главвторчермет»,³⁵ затем – на завод им. А. Марти,³⁶ где и проработала до выхода на пенсию в должности товароведа, инженера. Была награждена медалями «За оборону Ленинграда» (1943), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Светлана вернулась из эвакуации летом 1944 г. Мать и дочь вместе разбирали архив Крайского, в начале 1960-х гг. подготовили сборник избранных стихотворений, но издание не состоялось по причине «неактуальности».

В дневниках А. П. и Е. П. Крайских рассказана непростая правда о трагедии Ленинграда, о том, как менялся настрой горожан, от патриотического подъема, «ненависти к фашистам», зафиксированных в дневнике Крайского в первые месяцы войны, до открыто оппозиционных, порой пораженческих настроений последующих блокадных лет,³⁷ отмеченных в дневнике Елизаветы Петровны, о той невероятной цене, которую заплатили ленинградцы, чтобы выстоять.

³⁵ *Главвторчермет* – Главное управление по заготовке, переработке и сбыту вторичных черных металлов.

³⁶ Судостроительный завод им. Андре Марти существовал на базе Адмиралтейства. Имя французского коммуниста Андре Марти присвоено в 1922 г. Во время войны назывался «Завод № 194»; с декабря 1957 г. – Адмиралтейский завод; с 1992 г. – Государственное предприятие «Адмиралтейские верфи».

³⁷ Такие настроения в блокированном городе не были единичными и не составляли тайны для местной и центральной власти, регулярно получавшей спецсообщения НКВД о критических высказываниях горожан. См.: *Ломажин Н. А. Неизвестная блокада* (Документы, приложения). СПб., 2004. Кн. 2.

Публикуемые дневники поступили в Пушкинский Дом в составе архива А. П. Крайского, переданного зятем поэта, В. С. Степиным. Дневник А. П. Крайского состоит из пяти тетрадей, в основном заполненных чернилами, иногда – карандашом, и хранится под шифром: ф. 837, № 112, л. 100–108 (общая тетрадь; записи с 22 июня по 14 авг.); № 113, л. 9–57 (четыре ученические тетради; записи с 21 авг. по 28 нояб.). Записи, датированные 13, 21, 22, 23 сент. 1941 г., делались дважды в день в разных тетрадях. Дневник Е. П. Крайской хранится под шифром: ф. 837, № 189. Большая часть записей сделана карандашом; отдельные слова прочитываются с трудом. Орфография и пунктуация в тексте дневников приведены в соответствие с современными нормами. Явно пропущенные слова и сокращенные части слов (за исключением общепринятых) восстановлены в угловых скобках. Авторские вычеркивания, не имеющие значимой смысловой нагрузки, не воспроизводились.

Дневник А. П. Крайского
<Тетрадь первая>

22 июня 1941

Сегодня первое летнее воскресенье. Солнце светит с утра. Светло и тепло. После долгих холодов в природе все кажется обворожительным – и солнце, и зелень, и легкие белые облачка на глубоком небе... Но «равнодушная природа»¹ – действительно равнодушна: мы воюем. С Германией. С Гитлером.

Чего он хотел от нас, что мы требовали – будет известно потом. Много, очень многое непонятно. Если Англия будет продолжать войну, – Гитлер с ума сошел, чтобы вооружить нас против себя. Вот если они там договорились или договорятся...

Да! Мир горит весь! «Запущенный волчок»² воспламенился.

2 июля

Думал я искренне и честно искренним и честным пером служить отечеству, начал писать, но позвали меня за другим. Позвали самым отвратительным образом. Звонит Женя Милова:³ В течение двух часов явиться в партком, вызывает Величкин,⁴ явиться к нему. Будете? – Буду.

Прихожу к В<еличкину> – что скажете?

– Явился по Вашему вызову.

– А! Это не ко мне. В партком.

В парткоме Черноков⁵ и Цензор⁶ предлагают записаться добровольцем.⁷ Пять дней тому назад я сам об этом думал. А тут вдруг – струсил. Ссылаясь на болезнь, воздержался. – Нельзя! – говорит Черноков: – это – обязательно. – А раз обязательно, так зачем спрашиваете? Призовете – я готов. – Нет, надо добровольно. Вот болезнь... приходи попозже к Ванину,⁸ поговори.

К Ванину я не попал. «Добровольцев» вечером была груда. Так и осталось невыясненным, что надо мною висит. А перо мое – ни к черту. Для сборника⁹ я написал и стихи, и очерк. Сборник рушится. Сам свои опусы устраивать я не могу. Кусочек написанного надо сохранить:

«Город мой! Закрывая глаза, вижу я тебя страшным. Скелеты домов вижу я на твоих улицах. Защитники ушли в глубь страны, и ты обезлюдел. Черные дыры окон без стекол и без цветов. Груды кирпича и земли еще не везде убраны. Но Невский – опять Невский – старательно вычищен. Поблескивая зубами, позвякивая шпорами, поигрывая свастикой на рукаве, прут прогуливающиеся завоеватели. Редкие

и робкие прохожие жмутся к домам. – Правильно! Ты, юноша, привыкший держать себя на улице, как дома, – остерегись! Краем одежды не коснись мундира победителя! Он привык, чтобы ему уступали дорогу! Сними кепку перед ним, юноша, чтобы не остаться без головы. – Девушка! Остановись! Вернись, девушка! – Поздно! Они заметили тебя, они тебя окружили. О, они говорят вежливо, но из кольца не выпускают. Ты не понимаешь слов, но намерения угадываешь. Напрасно ты озираешься по сторонам, ищешь защитника... Кто же решится защитить тебя? Отец? Мать? Что они смогут сделать? Разве только упасть на колени, плакать, умолять и целовать руки? – Но как трудно русскому целовать руки! – Нет, они молча, давясь рыданиями, смотрят, как тебя, девушка, двое берут под руки и вежливо, о, разумеется вежливо! – усаживают в остановленный автомобиль. И увозят тебя, отдавая честь оставшимся спутникам. Те, поблескивая зубами, машут уезжающим вслед... – Гражданин, кто ты? Оставшийся по болезни брат? Скрывающийся, тая незалеченные раны, жених? – Зачем ты идешь протестовать, объясняться? Как можешь возмущаться ты, ты – ублюдок, еврей? – Пусть у тебя русская фамилия, пусть русская родословная, но ты – еврей, и тебя увозит другой автомобиль. – А кто вы, жмущиеся к домам? Сапожники, обреченные подбивать подметки победителям, счетоводы, вынужденные подсчитывать их доходы, токари, прикованные к станкам обтачивать стаканы для снарядов, для снарядов, которыми они будут убивать ваших братьев и сыновей, – кто вы? – Сволочи, чернь, низшая раса!

Александр Сергеевич!¹⁰ Но ведь и ты – не ариец! В тебе негрятинская кровь. Ты негроид! – Что же? Выроют мраморный камень взводимого тебе памятника, унтер-офицерским сапогом утопчут землю, или в разрытой яме сожгут твои книги? – Алексей М<аксимович>! Влад<имир> Влад<имирович>!¹¹ А какие костры сложат из ваших книг? А Вл<адимир> И<льи>ч... Но имя Ленина неприкосновенно. Даже они не выдержат его и запретят произносить. Может ли это быть? – Не м<ожет> б<ыть>. – Может! Может, если ты опустил руки...».¹²

4/VII

Гитлер в двух местах перешел Двину. Задержать его не удалось. Угроза Ленинграду.¹³ Уезжают дети. Лиля¹⁴ должна идти выгружать песок, носить доски – по 8 часов в день! Я – тыловик, жалкая, ненужная пылинка. Меня прикрепляют к «Правде».¹⁵ И вот, оказывается,

прав Первышкин, приславший мне погромное письмо на мой отзыв о его стихах:¹⁶

Как проститутка губами
Зарабатывает себе рубли.

Я думаю не о том, что буду делать, а о том, будут ли платить гонорар. Ибо из «К. Б. Ф.»¹⁷ денег ждать нечего. Труды мои пожрал Гитлер.

Недаром сжималось мое сердце при виде родившейся дочери! Перетерпеть ей придется многое. А мне, наверное, – точка.

9/VII

И точка, может быть, бесславная? Энтузиазм мой гаснет. Не потому, что фашисты как будто замедлили наступление, нет. Гаснет, потому что нечто, идущее из нутра, начинает во мне возмущаться. Мое добровольное, искреннее не возбуждается, не разжигается, и разжечь его не умеют. На простое совещание писателей приглашают так: – Явиться сегодня к Абрамкину¹⁸ в 6 ч.

И я не иду.

Получаю из Союза бумажку, очень благожелательно написанную. Оборонные темы представлять в Союз. Устраивает в течение 2-х дней.¹⁹ – Когда прихожу узнавать о написанном, уже сданном, – никто ничего не знает.

Наконец, последнее: без меня звонят по телефону в 4 часа: явиться на работы с 8 часов до 6 утра. А в Союзе я был до половины третьего, никто ничего мне не сказал. Домой прихожу поздно. Если бы я, даже не пообедав, не поспав, поехал на ночь работать, – едва ли к 8 я успел. И какой бы я был работник? И почему нас приравняли к неработающим? к домохозяйкам?

Все это раздражает, нервирует, мельчит. Вместо того, чтобы думать об основном, вместо того, чтобы копить ненависть к подступающему фашизму, вместо того, чтобы возбуждать эту ненависть в других, – а это я мог бы делать, и – начал делать, – вместо этого мне хочется опустить руки и плыть по течению.

Самое лучшее – уйти в армию. Но как? Ждать второго призыва в народное ополчение? – Боковые лазейки для меня неизвестны и противны.

16/VII

Четыре или даже 5 дней информации говорили: ничего существенного на фронтах не произошло. А сегодня: идут бои в Псковско-Порховском направлении.²⁰ От Пскова до Порхова – 75 верст. Что же? В одну ночь эти 75 в<ерст> пройдены?

Второй мой опус провалился. Мы поставлены в худшее положение, чем домохозяйки. – На работы ехать надо было на 2–3 дня. Время это – вычеркнутое. Никто его не оплатит. А денег нету. – Думать о деньгах позорно. – Так и говорят.

19/VII

А немцы все ближе и ближе. Существует уже Смоленское направление,²¹ Невельское, Порховское. Они идут стеной и на Москву, и на Ленинград. Идут систематически: к узловым станциям – Невель, Дно...²² Правда, шаги их медленны, но упорны.

«Три дня» нашлись.²³ Говорят, что «чересчур сильно». А рассказ послали в ту же «Правду».²⁴ Носил я заявку на сценарий.²⁵ Совсем я профан. Во всех делах профан.

21/VII

А винтовочки мне не избежать: зовут, зовут, зовут упорно.

Сегодня получил последнюю получку. Что и как дальше, – не знаю.

Светлана пишет отчаянные письма: голодаю, хую... Если с Литфондом так плохо, что же в других местах? А в других местах – кровавые поносы. Просто предлагают родителям: уезжаем дальше, берите больного ребенка. Дети приезжают. Ничего не приготовлено. Валяются на полу. А потом – едут дальше. На другое неподготовленное место.

Дома карточки.²⁶ Нормы минимальные. Хлеба достаточно. Но за хлебом – колоссальные очереди. Всем по карточкам хлеба не хватает.

22/VII

Пошел второй месяц. Судя по информации, немцы опять застряли.

Вчера был налет на Москву.²⁷ Сброшены первые бомбы. У нас сегодня частые тревоги.²⁸ Если прорвались в Москву, возможен прорыв и здесь.

Кольцов пишет из армии о хорошем боевом настроении.²⁹ Это – прекрасно. Очевидно, в армии организовано все неплохо. Тыл похвастаться этим не может.

Детей отправили в М<алую> Вишеру, Тихвин, Ст<арую> Руссу и т. д. Теперь переотправляют, забывая дороги.
Норму по карточкам ввели слишком³⁰

25/VII

Ночь сегодня уже темная. Возможность налета возросла. В Москве были жертвы. Жертвы будут у нас.

И стихи мои нашлись. Они переданы в эстрадный сборник.³¹ Переданы – и только. Что там с ними сделали – никто не полюбопытствовал узнать.

Да. Писать, как все, я не умею. Оружие придется сложить. Какое же оружие взять взамен? Трудно в 50 лет меняться.

Трогает Купер. Он предлагает все делать пополам, а сценарий пишет один.³² Но я не верю в то, что его примут.

Живот начал болеть. Весь я ослаб и опустился. Медленное таяние началось.

1 авг.

Сегодня сороковой день. Военный Союз – хотя он и не назван открыто таковым, заключен не только с Англией, но и с Америкой. Заключены соглашения с «несуществующими» государствами: с Чехословакией и Польшей.³³ Польша будет иметь отдельную армию. Заключенные поляки амнистированы.

Союза нашего Гитлер, конечно, не убьет, но меня он уже убивает. Трудовая повинность разбивает меня.³⁴ Не потому, что руки содраны в кровь, чувствую я себя плохо! Кашель у меня отчаянный, ослабленность невероятная, в голове шум. Самое противное – нежелание действия, отвращение к действию.

Еще что? – Нет денег. За отпуск платить не хотят. Гонорар проблематичен. Отвращение к действию мешает подать счет в «К. Б. Ф.».

14/VIII

Пора поставить точку. Забыл написать – бесславную. И так, – двадцатипятилетняя литературная деятельность окончена. 1916–1941. Окончена полным бессилием, предельной опустошенностью, а не войной. Но и война показала, что перо мое никому не нужно, что ждать от него нечего. Самое большее – требуюсь я, как затычка. Да еще – как консультант. «На страже Родины» дает пачки писем, обещает платить.

Светлана больна скарлатиной. Первая опасность миновала, но письма пишет отчаянные.³⁵ Зовет мать. Что? Неужели она чувствует, что не видать ей больше ни отца, ни матери? Мать уехать не может, — не на что. А детей, женщин, стариков эвакуируют.³⁶ В газетах появилось «Старорусское» направление. Смоленск оставлен несколько дней тому назад.³⁷ На юге немцы идут к Николаеву.³⁸

Наполеон дошел до Смоленска в 50 дней, — в 50 дней дошли и фашисты.

Разбит я вдребезги.

Точка.

Конец.

<Тетрадь вторая>

21 авг. 41 г.

Последняя моя тетрадка открывается телефонным звонком: «Завтра в 4 ч. дня общее собрание членов Союза. Явка обязательна». Это уже гораздо мягче, чем третьего дня: «Завтра в 4 ч. собрание. Обсуждается вопрос о защите Ленинграда. Неявка будет рассматриваться как отказ от участия в обороне».

А дело обстоит так: немцы уже в Новгороде, немцы уже в Волово, немцы уже в Луге.³⁹ Сегодня в «Правде» напечатано воззвание Ворошилова, Жданова, Попкова.⁴⁰ Призывают трудящихся и интеллигенцию в ополчение. Предлагают в кратчайший срок овладеть оружием. Со всех сторон слышатся голоса, что и первое ополчение вооружено плохо. Инженер, строивший доты, говорит, что на двоих бойцов имеется одна винтовка. Плохо ополчение и обучено: рядом с опытными идут люди, никогда не служившие, никогда не стрелявшие. Н. А. Б.⁴¹ рассказывает, что организатору их отряда предложили вооружить бойцов пиками.⁴² Что это значит? И неужели это, наспех обученное войско сумеет задержать врага, которого не задержала регулярная армия? Или прав К<ольцов>,⁴³ говоря, что хорошую армию берегут, а сейчас посылают заваль, мясом, кашей из крови и костей задерживать танки? И мне предстоит попасть в эту заваль. А сегодня я мог из каши выбраться. Мог уехать в Кавказскую форм<ирующуюся> армию, в качестве интенданта, по своему званию! Купер уже уехал.⁴⁴ Он сделал все, чтобы утащить и меня. Но две вещи, «вещи несовместные», во всяком случае, разные, не позволили мне выбраться: отвращение к окольным путям (вернее — неумение ходить по ним)

и безденежье. В кармане не было денег даже на булку, даже на хлеб. У него и деньги были, и ходы он нашел. И уехал героем. А меня сочтут дезертиром.

Что предстоит? – Винтовка, нестерпимые боли в животе, сумасшествие от бомбежки, медленное умирание от голода. Ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого я уже не перенесу.

22/ VIII

Два месяца – и немцы под Л<енинградом>.⁴⁵ Саша Прокофьев⁴⁶ пишет стихи:

Умрем, но не сдадим.⁴⁷

Но, если умрем, то

Однако газета полна энтузиазма. И скрытых угроз. Решительно и веско говорится о дезертирах.⁴⁸ Увы, я – дезертир.

А Семен⁴⁹ уехал. Уехал и Дедов,⁵⁰ на Кавказ. Интендантами. Почетно. Прекрасно. Замечательно. Завидуую.

А живот у меня болит. А от дочки писем нет. Может – и дочки нет?

Чувствую я себя так скверно, что боюсь идти и в Союз, боюсь идти и в газету. В газете мне кажется, что на меня смотрят косо, хотя приходил Беляев,⁵¹ в полтора раза моложе меня, – ходит барином.

25/ VIII

Судя по распоряжению – прекращать уличное движение в 10 ч. вечера – введено осадное положение. Осада!⁵²

Домам готовят гробы. Заколачивают витрины досками, засыпают песком. Стук топоров – стук молотка по гвоздям, вбиваемым в крышку гроба.

От дочки – отчаянное письмо. Вовсе она не в литфондовской больнице была, – в городской. И больницу эту перевели за 7 к<и>л<о>м<етров> от Г<аврилова> Я<ма>.⁵³ И кормят ее там скудно. А Литфонд собирается перевозить детей в Ташкент. Что же, бросят девочку, как котенка? Большую, одинокую? – От наших организаций всего можно ожидать.

Август 4⁵⁴

Дожди Ленинграда уже не спасут. Ленинград окружен. Жел<езные> дор<оги> отрезаны.⁵⁵ Эшелоны стоят на ближайших разъездах. На прорыв, вероятно, надежда есть.

Ухают пушки. Может быть зенитки, а м<ожет> б<ыть> нет. Не это важно.

Важно, что ополчение и рабочие дружины будут защищать город.

Это значит, что предпочли самоубийство. Это – героизм. Однако город полон и женщин, и детей. Их подвергают и самоубийству, и убийству. Город мой будет разрушен. Унтер-офицерский сапог будет грохать по мостовой. Хрен редьки не слаще. Но такое самоубийство – признак того, что надежда вернуть город потеряна.

6 <сентября>

Первые снаряды падают в город.⁵⁶ Идет холодный тяжелый дождь. Живот у меня болит страшно. В кармане лежат направления на исследования. Не пошел. К чему?

Мга отбита.⁵⁷ Поезда пошли. Были бы деньги, можно бы уехать. К чему?

8 <сентября>

Не игрушечная сегодня была тревога.⁵⁸ После бесперебойной, все нарастающей стрельбы зениток к В. В. Ю.⁵⁹ от нас осталось зарево и огромные клубы дыма. Это было в 7–8 веч<ера>. Сейчас – 11 ч., зенитки гремят снова. Небо перекрещено прожекторами, гудит аэроплан.

9 <сентября>

С двух часов и по сию минуту (6 ч.) тревога продолжается беспрерывно. Жена Дедова выезжает из дома, – дом разбит. Повреждены дома и на Чайковской. Женщины все время стоят в очередях и не успевают получить хлеб. Тревога заставляет разойтись, а вошедших в магазины – изгоняют оттуда.

Начинаю испытывать голод. Видно, суждено поголодать на белом свете.

Очевидно, взять Ленинград не так просто. Пришлось все-таки бомбить.

А о том, что Одесса осаждена, узнаем из подписи к фото: «Один из кораблей Черн<оморского> флота ведет огонь по рум<ынско>-нем<ецким> войскам, сосредоточенным на подступах к осажденному городу» («Изв<естия> 5/IX»)⁶⁰ Что делается на фронтах – неизвестно.

10 <сентября>

Вчера часов с 11 вечера до начала нового дня тревога сопровождалась грохотом не только зениток, но и разрывающихся бомб. С визгом, с взвоём летели бомбы. И очень близко от нас. Две упали в Крюков канал. Мой любимый дом стоит без стекол, забрызганный грязью, пылью, землей. Третья бомба упала по Маклину, д. № 4.⁶¹

Сейчас 23.45 – с 22.30 новый налет. Грохотало не меньше вчерашнего. Но вчера было жутко. Дома, один – усидеть я не мог. Пришлось спуститься вниз на лестницу. Но там, к сожалению, ничего не видно, очень смутно и – очень холодно.

Очевидно, у немцев дела хуже. Надежда взять Л<енинград> разрушая – утрачена. Московская и Сев<ерная> ж<елезные> д<ороги> отбиты. Получены газеты и от И. М.⁶² письмо из Ямы.

Животу моему крышка. Белого хлеба сегодня не дали, один черный. А со 2-го сент. норма уже убавлена: I кат<егория> – 600 гр<аммов> II – 400, III – 300.

Сейчас тихо. На небе луна и крупные звезды. К в<остоку>, ю<гу> – зарево. Отбоя все еще нет. Бомба может грохнуть и внезапно.

Больше всего страдают домохоз<яйки>, Лиля и вчера, и сегодня выбегает на тревоги. А уйдя за хлебом в 12.20, до 5 часов она его так и не получила.

Ночь с 11 на 12 <сентября>

Я встал сейчас с постели, ибо заснуть не могу. Чуть закрываю глаза, чуть натягиваю одеяло – в ушах раздается настойчивый нарастающий звук: взжзвжз несколько визгливое жужжанье аэроплана.

Налет начался часов в 11. Сначала раздался знакомый уже пронзительный взвизг бомбы, потом ухнул разрыв, а вслед за ним – завыли тревогу сирены. Подкрались немцы незаметно. Погода им благоприятствовала. Луна восходила в тумане. Небо было покрыто пленкой, закрывавшей звезды. Вероятно, набрав высоту, они спланировали и грянули.

Кружились они над нашим районом.⁶³ Кружились безостановочно. Зенитки стреляли слабо. Когда звук взжзвжжзвжжж приближался к з<аводу> Марти, – огонь зениток усиливался. Когда звук пролетал над нами – зенитки смолкали. Он, очевидно, принимал это за ловушку и сыпал бомбы вокруг Марти – и на нас.

Сегодня я чувствовал себя не героем. Ни любопытства, ни спокойствия, по крайней мере внешнего, сегодня у меня не было. После первой же бомбы вниз я побежал без приглашения. Но и там, сидя на

жалком чемоданчике, испытывал настоящее предчувствие – конец. Происходит оно от двух основных причин: обреченности и беспомощности. Нечем противодействовать и нечего делать. Идти на чердак, лезть на крышу, как предписывает инструкция и приказывает управдомша,⁶⁴ – бессмысленно. Ни крыши, ни чердака не остается.

На чердак после первого громового удара я ходил. На чердаке тьма и запустение. Спустился я благополучно. Но Лиля просит пойти домой, взять забытые ею карточки и деньги. Поднимаюсь вновь. Поднимаюсь, а ноги мои не идут. Не хотят ноги идти вверх. Превозмогаю себя, повелеваю ногам, да так, что они поднимаются этажом выше. Спускаюсь, открываю дверцу у почт<ового> ящика, достаю ключ и... Кладу его обратно в карман. Боюсь идти в квартиру, хочу вниз. И не вошел. И пошел вниз. И вдруг чувствую – поздно! Перила лестницы падают вниз, ступеньки качаются, как палуба на пароходе при сильной волне. Всему этому предшествовал мгновенный, почти одновременный визг и удар. Обратная волна толкает перила обратно, лестница встает дыбом. Конец! – Нет... волна стихла, ступеньки под ногами, перила в ладони – неподвижны. Лишь сыпятся, звякая, стекла. Конец удару, волне, дом на месте.

Одна десятая секунды, самое большее – половинка ее, отдалили конец. Бомба упала через маленький дом в третий от нас. Шестизэтажный дом бомба пробила насквозь. Верхние четыре рухнули и высыпались в нижние. Четверть огромного по фасаду на М<аклина> дома – превратилась в развалины. А первый удар обрушился на дом № 12 по Канонерской. Там тоже пробито не менее четырех этажей, остальные засыпаны. Из-под развалин слышатся стоны. Добровольцы разбирали обломки недолго. Вскоре приехали аварийные машины. Работа идет и сейчас.

Не менее десяти взвзвизгов раздалось вблизи. Ударов было девять. Одна бомба не разорвалась. Но удары были не только здесь. Правее всегдашнего места – огромное зарево. Зарево и над Марти.

Хлебная норма с 11 сент.: I кат<егория>,⁶⁵ II – 300 грамм<ов>, III – 250.

12 <сентября>. День

Я разваливаюсь без бомбы. Живот болит, спать не могу; забываюсь, вздрагиваю от каждого шороха, от каждого стука.

Небо заволакивает пленкой более густой, чем вчера. Налет будет не менее неожиданным. А кумушки говорят – немцы предупреждают: 1000 самолетов бросим сегодня. Одна из кумушек приглашала ехать в Лесной парк⁶⁶ на ночь.

А в нашем квартале упали не две бомбы: рухнул дом уг<ол> Лермонт<овского> и Екат<ерининского> к<анала>. Видна воронка в сквере пл<ощади> Тургенева, как раз на месте Покровки. От углового дома – Маклин<а> – канал до нее – наш дом как раз посередине. След<едующая> бомбежка в нас?

Что день грядущий нам готовит? Сегодня 12 – 23 ч. 45 м<инут> – тихо. Тревога была с 21.30 до 23. Бомб не было. Но ужасов наслушался много. Бомба в 1000 кг разрушает целый квартал. Рядом с нами упала – одни говорят в 100 кг, другие 250. От тонновой бомбы никакой подвал не спасет.

«Правда» о вчерашней тревоге говорит, как о пустяках: «В 11 вечера одиночным самолетам противника удалось прорваться к Ленинграду и сбросить в различных пунктах города некоторое количество зажиг<ательных> и фугасн<ых> бомб, вызвавших пожары главн<ым> образом жилых и обществ<енных> зданий». «Как и в предыдущие налеты, военные объекты не пострадали. Имеются убитые и раненые».⁶⁷

Если одиночные аэропланы так свободно действуют, – что же будет при массовом налете?

«Лондон. 10 сентября. (ТАСС). Вечером 8 сентября во время передачи последних известий Британская радиовещательная компания обратилась с приветствием к гражданам Ленинграда. В приветствии говорится: „Слушай, Ленинград! Говорит Лондон. Солдаты, моряки, летчики, рабочие, граждане Ленинграда! Солдаты, моряки, летчики, рабочие, граждане Лондона слышали ваш мощный голос. С реки Темзы шлем вам ответ на Неву. Лондон с вами. Каждый ваш выстрел находит отзвук в Лондоне. Лондон приветствует героизм Ленинграда. Герои-летчики Англии летают вместе с героями-летчиками Советского Союза. Минувшей ночью много тонн английских бомб засыпали Берлин. Ленинградцы, помните! В ответ на бомбы, сброшенные на ваш город, сбрасываются бомбы на столицу неприятеля! Победа за нами! Да здравствует Ленинград!“».⁶⁸

13 <сентября>

Разговорчики:

– У немцев вчера праздник был, оттого и не бомбили.

– Управхозу в аптеке говорят: надо печи посмотреть в бомбоубежище. О дровах на зиму позаботиться. – Печи? Дрова на зиму? Зачем? Через три дня все кончится.

Жена получает обратно посланные мужу на фронт письма. На одних надпись: «За ненахождением адресата». На других: «За невоз-

возможностью доставить». Третья без надписи. Она идет в военкомат справляться о муже. – Он в Выборге, – будто бы говорят ей, – а Выборг отрезан.⁶⁹ Это похоже на правду.

В «Известиях» сообщение о митинге в Одессе, которая, по фото, осаждена. Концовка заметки такая: «Митинг обратился с приветствием к героическим защитникам Ленинграда и Киева».⁷⁰ Выходит, что и Киев осажден?⁷¹ А мы ничего не знаем! Мы знаем, что Ельня взята обратно.⁷² И как знаем! Громогласно! Громотрубно! С иллюстрациями!

Прекрасное обращение лондонского радио городу Ленина. Наши так не говорят. Мы говорим хвастливо, чванливо и пустословно. Правда, мы все-таки действуем. А союзники помогают нам речами, сбором пожертвований, декларациями. Остальное откладывается на будущее. А будущее у Ленинграда не за горами: внутри голод, сверху бомбы, а сегодня утром разбиты дома на Сенной артиллерийскими снарядами. Женщина, бежавшая с окопных работ, говорит вслух, на людях (чего раньше не было): – Немцы в Пулковке!⁷³ Вчера я бежала оттуда! Сама видела!

Хватим мы еще шилом патоки.

Вводятся лимиты на электроэнергию. Керосину дают по 1 литру на 10 дней.

<Тетрадь третья>

13/ IX

Забегая вперед, чего делать не следовало бы. От Светы получено письмо. Из больницы ее выписывают. Мы рады, что она не с нами. Ибо визг бомб снова пронесся над нашей головой. И рука моя дрожит, и вначале еле удерживала перо. Ночь предстоит жуткая, во всяком случае – бессонная. И фатализма моего нет, есть горькое предчувствие и зыбкая внутренняя дрожь. Нервы.

А письмо С<веты> тоже полно предчувствий. А сбоку ухают снаряды. Но надо сделать усилие и попытаться сесть за работу. – «Уважаемый товарищ»⁷⁴ и т. д.

С 13 на 14 <сентября>

Люди идут в траншеи, люди сидят в подвале, а мы, безрассудные, ложимся в кровать. Мягкая постель нам дороже жизни.

Но я так устал, что хочу лечь. А удары продолжаются и учащаются.

Ночь с 14 на 15 <сентября>

Весь день в ожидании повторений налета. Но в воздухе был бой. Тревога целый день с небольшими перерывами. Только 2 тревоги усидел дома, работал. Остальное время скрывался.

Дежурство мое с 12 до 3-х началось в звездную ночь. Сейчас – 4 – все небо в барашках, чем немцы воспользуются. А спать хочется. Поэтому ложусь.

Ночь с 15 на 16-е <сентября>

Ночь угрюмая. Небо мрачное. Вспыхивают странные зарницы, освещающие город. Можно принять их за вспышки выстрелов, но гула не слышно.

Что будет, что будет...

Живот эти дни не болел. Сегодня мучительно ноет.

16 <сентября> днем

«Враг ворвался в пределы города».⁷⁵

У кого есть возможность – уезжают из города. Муж врача Б.,⁷⁶ за несколько дней говоривший ей: – В последний момент я приеду за тобой. Будь готова. Он приехал и увез жену и ребенка. Муж нач<альницы> звеньев сосед<него> дома – командир, сегодня приехал за нею и увез на машине.

Хотел написать дочке прощальное письмо, – не вышло оно. Из-за цензуры ничего толком не скажешь.

17 <сентября>

Приказано мирным жителям покинуть Кировский район, переехать в Василеостровский. Кировский завод разбит, работы прекращены, рабочие призваны под винтовку. Женщины, говорят, бегут в Лесной, прямо в поле. Во многих домах (угловых) строят пулеметные гнезда. В нашем тоже. Александр<овская> б<ольни>ца⁷⁷ переполнена ранеными, среди них и женщины, и дети.

Вечером, говорят, приказано очистить и Моск<овский> р<айон> до <Моск>овских ворот, у которых строят баррикады. Может быть, путают с Нарвскими воротами? Трамвай № 32 по ул. Марата идут переполненные из Володарского р<айона>.⁷⁸ Будто бы приказано уходить и оттуда. Бегущие заполняют центр. Куда же бежать из центра?

Хорошо. Город, м<ожет> б<ыть>, ненадолго задержит немцев. М<ожет> б<ыть>, они потеряют ну 100 000. А население в городе с беженцами 3 000 000. Сколько погибнет их под развалинами, под

снарядами, от болезней? (Дети, сидящие в траншеях, в воде, кашляют.) Можно ли методы гражд<анской> войны переносить на войну такую? Все говорят – нет, даже военные.

Но что будет, если немцы возьмут город? Ожесточенные, раздраженные, разъяренные – ой!

О себе сегодня не пишу. Чувствую себя отвратительно. Боюсь всего, даже визга трамвая, даже воя собаки.

18 <сентября>

Сегодня с полудня мы под обстрелом. Снаряды упали на Невском, на Мойке, в Сенат, в район Алекс<андровского> рынка. Сейчас у Ф. В.⁷⁹ сидит швейница, работавшая с нею, сидит, плачет. Третьего дня в трамвай, в котором эта работница ехала с дочерью, попал снаряд. Ее легко ранило, а дочери переломило ногу. Дочь отвезли в Алекс<андровскую> б<ольни>цу. Сегодня снаряд попал как раз в ту палату больницы, где она лежит, что с дочерью, – мать не знает.

Я шел в газету до Мариинск<ого> театра пешком. Видел на Лерм<онтовском> еще один дом, разрушенный с 11-го–12 (к Калинк<ину> мосту на обратном пути я не попал. Там, говорят, тоже разрушения. Большие разрушения в районе Варш<авского> вокзала. Зарево, которое виднелось и от которого летели клочья огня, по моей догадке – бумаги, – пожар тип<ографии> им<ени> Евг<ении> Соколовой).⁸⁰ Над Театр<альной> площ<адью> вдруг бахнуло. Раз, два, три... Я встал за стену театра. Военный уверял, что это наши зенитки. Пробоину этих зениток я видел в стене дома на Мойке.

Задумал сегодня пообедать в ресторане. Стоял с 12.45 м<инут> до 3.30. Без карточек давали треску и омлет. Пока я стоял, треску всю съели.

В газете делают вид, что «жизнь продолжается». Дают работу, я беру, делая вид, что все идет своим чередом, нормально, как всегда.

Встретил Сорок-Г.⁸¹ – Потом. Живот болит.

19 <сентября>

Ни вчера ночью, ни сегодня налетов не было. Второе такое тихое утро сегодня, что казалось – ведутся какие-то переговоры, воен<ные> действия приостановлены. И вот – в ясном чистом небе послышался знакомый звук раздраженного шмеля. Грянули зенитки. Раздался сигнал тревоги. Зенитки гремели где-то рядом, во дворе подняли осколок. Небо вдруг покрылось белыми хвостами облаков. – Завесы. Вокруг них легкие дымки разрывов.

Сейчас небо очистилось, зенитки молчат, но шмели гудят, – м<ожет> б<ыть>, наши? Но факт, что немецкий самолет появился над городом днем, утром. Создается такое впечатление, что немцы щадят нас и не бомбят ночью.

Вчера в Кировск<ом> р<айо>не один из выезжающих кооперативов выдавал по буханке хлеба. Было побоище.

Продукты выдают вперед – признак плохой.

Так вот что говорил мне С.-Г «Настроение подавленное. Появляются чувства национальной ненависти. На окопных работах, из которых он не вылезал, командуют е<вреи>. В журналах и газетах – своя кучка, которая никого другого не пускает. В ресторане Союза – одни е<вреи>, здоровые, молодые, сильные» и т. д.

Это его настроение, конечно. Но они очень распространены.

Гораздо интереснее он говорил о фронте. Они только что копали картошку под (или за) Пулковом. Немцы в копающих не стреляли. Как только подъезжал автомобиль за выкопанным, – арт<иллерия> начинала бухать, и авт<омобили> летели вверх тормашками, а потом замолкали. Окопники снова принимались за работу, их не трогали до приезда нового грузовика.

Над деревней Лигово, рассказывает он, немцы разбросали листовки: «Уходите в поле. К железной дороге не приближайтесь, в лес не прячьтесь, – и лес, и ж<елезную> д<орогу>, и деревню будем бомбить». Жители вышли в поле. Разбомбив все указанное, немцы их не тронули.

Между прочим, наперекор газетам, я слышу рассказы вовсе не о зверствах.

– «До свиданья, в концлагерях у Гитлера», – сказал мне на прощанье С.

3 часа

Разведчики полетели, начался обстрел... Это не был обстрел. Был налет. Иллюзиям предаваться нечего – утром сброшены бомбы на Каменноостровский и в Нов<ую> Дер<евню>.

20/ VIII⁸²

И вечером вчера был налет. И визг слышался близко. И тревога продолжалась с 9.15 до 10.30, а потом с 10.40 до 12 с хвостиком. А днем вчера бомбы падали и в районе Стремянной, и в районе Гагаринской. Разрушения, говорят, большие. Состояние мое дошло до точки. Я галлюцинирую. Каждый сходный и несходный звук мне кажется то жужжаньем, то визгом, то грохотом. Но и без внешних зву-

ков в ушах у меня иногда жужжит бомбовоз, иногда слышится тревога, и я обуваюсь и одеваю пальто. А иногда, гораздо реже, звучит и чудесная музыка отбоя.

«Зачем он жизнью дорожит»? По существу – все кончено. Силы истощены. Написать уж я ничего не сумею. От Гитлера – концлагеря, от наших – прозябание, а если переворот – жалкую неприспособленность. – И все-таки... Чудно и ужасно.

Думал, что сегодняшний дождь помешает налету, но уже разъяривает.

Нет, о великодушии нечего говорить. Бомбы падают на жилые дома в тех районах, где военных объектов нет.

Да! Для истории, если сохранится тетрадь. Как и чем живут л<енинград>цы.

Керосину полагается на продкарточку 1 литр на 10 дней.

На электроэнергию – лимиты, очень жесткие. Электроприборами пользоваться запрещено.

Десять комиссий осматривали наш подвал, находили негодным для бомбоубежища. Но в окружающих домах и такого безобразного, сырого, заливаемого водой подвала нет. Решили строить. Жильцы – на дыбы: некуда деть дрова. Ради желания сохранить тепло – не жалко жизни. Как все-таки не приспособлен к войне наш город!

Да! Бомбоуб<ежище> решили строить потому, что в соседн<ем> доме, где оно было, после ночи с 11/12 – трещина. Из дома выселяют. Выселяют и из дома № 5 по Канонерской.

Небо к вечеру прояснело совсем. Ночью будет жара. Надо сказать, что разрушений много, но впечатление от них меньшее. Прежде всего, они рассыпаны по разным местам, а не скучены, как у нас – 5 домов в одном квартале. Каждое из них – несравнимо меньше. Ни одного обрушенного дома я не видел. У Мар<иинского> театра разворочено одно крыло – небольшой сравнительно выступ; на Майорова и Плеханова снесены крыши, разбита стена у последнего дома, но дома стоят. Стоит дом и на Стремянной, хотя часть его выворочена.

Небо жуткое. Ожидание такой ночи, что стихи Кольцова можно бы переделать так:

Над колыбелью и могилою Коммуны,
Где много зажжено и сгублено знамен,
Топор окровавленный гунна
Неотвратимо занесен.⁸³

21 <сентября>

Как говорит Лиля, «переговоры кончились»: ухают орудия, летают самолеты, небо такое же летное, как 19.

В «Лен<инградской> правде», в «Известиях» статьи о Ленинграде такие, как будто мы побеждаем. Город укрепляется. «По первому приказу заводские рабочие дружины займут свои места. Роты, взводы, отделения хорошо знают свою задачу. <...> Поведут их в бой испытанные командиры – начальники цехов, мастера. Этих людей бойцы уважают, им верят».⁸⁴

Женщина, работающая на К<ировском> заводе, говорит: – Идти мне завтра на работу или нет? Сегодня заперли нас в цехах, мужчинам раздали ружья, – воевать. Рабочие разломали забор, ушли. Сговорились не приходить завтра. А я не знаю... Вдруг придут, – а я нет! Судить будут... ой!

Дворник был на казарменном положении. Теперь – дома. Рассказывает: – Ну, призвали бы по-честному, через военкомат, – пошли бы, понятно. А то как-то не по-хорошему получается. Ну, ладно, пошли. Поучусь, думаю. Гранаты я не знаю, – овладею и гранатой. Только нет: гранаты я и в глаза не видел, – деревянные бутылки. Деревяшку дурак бросит. Ладно. Походили, поучились мы недельку, говорят: – Завтра возьмите мешки, белье чистое, мыло. – Взяли. И повели нас в новые казармы. И заперли. Почуяли все – дело фронтом пахнет. Стали все напирать на начальство: – У меня ж карточки все с собой, жена без хлеба останется! – У меня ключ от квартиры, жена в ночной смене, утром придет – не попасть... – Стали отпускать до завтра. Всех отпустили, даже часовых не осталось. А назавтра пришло пять человек. Поддержали нас, поддержали, и тоже отпустили домой. Кончилось мое казарменное положение.

22 <сентября>

Трехмесячная дата отмечена по радио: сдан Киев.⁸⁵

23 <сентября>

Тревоги

1-я	приблизительно	около	8	утра	
2-я	–.	–.	9	–.	
3-я	–.	–.	10.30		
4-я	–.	–.	11	час<ов>	
5-я	–.	–.	12	–.	дня
6-я	–.	–.	1	–.	

7-я	—	—	2	—
8-я	в	2. 30.	Отбой в	3 часа дня
9-я	—	4 ч.	—	4.40
10	—	5	—	5.20
11	—	5.55	—	6.45
12	—	9.45	—	11.25.

<Тетрадь четвертая>

21 сент. 22.45

Сегодня я целый день прививал себе фатализм. И несколько успел в этом. Был даже равнодушен и вниз не сходил. Сейчас, к ночи, нервы мои не выдерживают, и в ушах раздается тревога. И кажется, что именно сегодня опрокинется мир.

Ну, и что? От дочки 2 письма. Она поправилась. Ее не бросят. Если не Литфонд, то Ида. За нее, значит, беспокоиться нечего. А мы... Что такое мы, что такое «я»? Да и довольно. Все равно, хорошего мало. — Голод, нищета, болезнь, — вот что впереди. Ни о каком творчестве и мысли даже нет. Порыв остановлен, огонь погашен — мною. Рукописи и копии в разных местах, в портфеле, в сарае, у Шуры,⁸⁶ как у всамделешнего. На самом же деле они никому не нужны, и никто ими не поинтересуется.

Шабаш.

Осталось написать прощальное письмо дочке и носить с собою на случай.

22 / IX

Обедал сегодня в ресторане Союза. Впечатление такое, что — еще чуть-чуть — попал я в офицерское собрание. Изящные моряки и не менее изящные пехотинцы. Берут без карточек, пьют вино и шампанское. Среди изящных моряков я видел... Олесова!⁸⁷ Среди изящных кавалеристов — Алехина!⁸⁸ Очень хорошее впечатление произвел В. Лившиц:⁸⁹ одет в ватник, держится скромно. А Женя Панфилов пропал.⁹⁰ Погиб, — очевидно. Вот это так! Кто преуспел здесь, кому сыпались все блага, — те в тылу, в мундирах и с пенсией, а Женя погиб в рядах. Так.

А Киев оставлен (или сдан? — не знаю еще х<о>р<о>ш<о>). У К-ня⁹¹ мысли от этого самые мрачные. На освобождение Ленинграда надеется он мало.

Бомба сегодня угодила в Изд<ательст>во Писателей.⁹² Погода для бомбежки самая подходящая. Но что мы знаем о бомбежке? Некто в «Н. р.»⁹³ рассказывал, как бомбили Петергоф и Кроншт<адт >.⁹⁴ Значит, ягодки у нас впереди. А сегодня мне дежурить на крыше.

23 <сентября>

Утро чудесное. Небо синее, солнце яркое, а тревога с 8 часов. Летят, летят коршуны.

А наши письма к дочке не дойдут: они переезжают в Молотов.⁹⁵

Часов в 9 – вторая тревога.

В 10.30 третья. В 12 – 4-я, в 1 – 5-я, в 2 – 6-я; в 2-30 7-я. Промежутки между ними – от 10 минут до получаса.

Отбой 7-ой в 3 ч. 4 часа – 8 тревога. Отбой 4.40 (Но это, говорят, 9-я, а не 8. Одну я заспал.) 5 ч. – 9-я или 10-я. Отбой 5.20.

5.55 – 10-я или 11-я, 6.45 отбой, 11-я или 12 с 9.45 до 11.25.

«Полное давление получится» – разговор в подвале о том, что будет при катастрофе без света.

Шостаковича и Зощенко вывезли на военном самолете.⁹⁶

Говорят, что до Тихвина идут самолеты пассажирские. Плата – 300 руб. с человека. И это все, что могли сделать для эвакуации населения!

25 <сентября>

Третьего дня, говорят, большие разрушения на Лиговке. Одна бомба упала вблизи нас. Под воротами слышалась команда: Ложись! Куда упала она, не знаю.

Тяжелее всего напряженное ожидание и беспомощность.

Когда нет писем – делать ничего не могу. Небо хмурое, облака низкие и там слышится жужжанье... Кажется, летает наверху хищник и вот брякнет оттуда. И взрывы действительно гудят. А тревоги нет. Жуткое молчание.

Налет на Москву отбивали ночные истребители. У нас таковых мы не видим. И вообще о налетах на Л<енингра>д газеты молчат, как будто налетов не было.

2.15 дня. Иду дежурить в Союз. Так шли пешеходы через Муромский лес, так шли обреченные к пещере Змея Горыныча или Кощея.

Небо яснеет. Свежесть. Ветер меняется с с<еверо>-з<ападного> на с<еверный>.

11 ч. веч<ера>

С дежурства я сбежал. Дежурных там до черта. Им оставляют мясные обеды. Мне ничего не оставили. Тот, который назначал, от-

существовал. И назначает не он, а другой. Но причиной бегства послужил слух, что 23-го бомба упала уг<ол> Лиговки и Лиг<овского> переулка, – в дом сестры. Я поехал к ней. Действительно, дом разбит, но не очень. Упало 3 бомбы, но маленьких. Одна не разорвалась, другая сорвала крышу и повредила верхний этаж, третья ударила в низ здания. Шура была на лестнице, ее качнуло, заволокло дымом, ненадолго она лишилась сознания. А Вячеслав⁹⁷ спал. Разбудила его выбитая рама, накрывшая его на кровати. Шуру я нашел у Жениной⁹⁸ знакомой, она ничего, молодцом.

Выходит, что жизнь – лотерея. Пока что они вынули счастливый билет. Все вещи целы, не говоря о самих.

28 <сентября>

Небо совсем чистое, а коршуны летят. Остановить их, очевидно, невозможно. У меня начинается самое худшее – равнодушие.

Всеобуч призывает 30-го и меня.⁹⁹ Пойдем снова учиться. Если доживем, – так всегда надо прибавлять.

Говорил с Реш<етовым>.¹⁰⁰ Он тоже чувствует себя обреченным. И вовсе немцы не отогнаны за Суйду. Они в Пушкине.¹⁰¹ И наша артиллерия громит Пушкин.

Ночь с 28 на 29 <сентября>

Дежурю на чердаке.

«Найду ли смерть на чердаке под небом
Или в подвале под землей...»

А вечером 28 снова над нами гудел ядовитый шмель (Уэлсовская оса). Но бомбил он левее. Выходила луна, было светло и ясно. Горело потом в районе Кировск<ого> завода.

1 ч. ночи – тревога

1.25 тревога кончилась. Налета, если самолет не спрятался и не грянет внезапно, не было. Но какой это ужас! Ладно, только что улегшиеся встают, одеваются, бегут вниз... Старушка с 5 этажа, задыхаясь, еле передвигая ноги, опускалась минут 10. Дети плакали. Детей было не разбудить.

29 <сентября>

Что же, поспать до бомбежки? Бомбить сегодня будут опять, – небо чистое, взойдет луна, все видно. Эв<ентов?>¹⁰² говорил, что и в

их районе сброшены бомбы. У него в комнате все стекла вылетели. Бомбы упали на Аничк<ов> дворец и Екат<ерининскую> площадь. Разрушений незаметно, стекла выбиты.

30 <сентября>

Встал в туманное утро. Глотал кишку. Вышел – день чудесный: солнце подняло облака, прорвалось, выглянуло. Но летает, летает, жужжит оса. Слышится грохот... действительность? воображение?

Сегодня идти на всеобуч.

Вчера бомбили и – близко от нас. Шмель звенел и над нами. Не вчера, так сегодня, не сегодня, так завтра.

А конференция устанавливает послевоенные порядки.¹⁰³

1 окт.

Сегодня встретил Семенова.¹⁰⁴ В противоположность Реш<его-ву>, он оптимистичен. «Ждите. На днях будет». Что? – Полтава нами оставлена.¹⁰⁵

Вчера были у Нади.¹⁰⁶ Лукуллов пир:¹⁰⁷ щи, булки, чай с сахаром и конфетами, пирожки с капустой и по ½ пирожного!¹⁰⁸ Чувствовал себя сытым. А сегодня стонал от боли в желудке.

На перерегистрации всеобуча (где мне сказали: «Вы свободны») застала тревога. Повели нас в бомбоубежище. Сводчатые потолки, матовые шторы, – совсем ничего не слышно.

Дальнобойная громит сегодня с утра почти непрерывно. Ночь предстоит лунная, светлая, с редкими облаками.

В Союзе обеды стандартные: горох и овсяная каша. Служащие получают хлеб. Мы – нет. Военным дают мясо. Буфет пуст.

Норма на окт<ябрь>: хлеб 200 гр<аммов>. Керосин – 1 литр на декаду, электро<энерг>ии – 8 г<ига?> к<иловат>т-ч<асов> в сутки.¹⁰⁹

А проблема с деньгами не решена: нет денег, чтобы купить полагающиеся по 1-й дек<аде> 50 гр<аммов> масла, 350 конфет. Нет денег и на табак. За этот месяц газета выдала гроши.

10.45 веч<ера>

Налет был нешуточный – с 7.40 до 10.30. Бомбы падали близко. Но коршуны побывали везде: зарево в районе Моск<овского> вокз<ала>.

Дальнобойная громит Кировский зав<од>. Гремит и сейчас.

Уходя вниз, думал, что пойдет дождь. Небо было черное. А сейчас – луна светит всюду, легкие, как дым, облачка скользят, позволяя прятаться коршунам.

Боюсь, что налет будет серьезнее вчерашнего (угол дома ул. Голя и Кирпичного отрезан сверху донизу!).

Семенов напорочил. Говорят, немцы сделали десант в Лигово и бои идут на Средней Рогатке.¹⁰ Трамваи ходят (21, 35, 29) лишь до Калинк<ина> моста. Идут ли к Моск<овской> заставе – не знаю.

Ночь с 3 на 4-е <октября>

Эта ночь оказалась ужасной. Вчера вечером тревога началась <в> 7.45, кончилась 10.55. А ночью с 1.15, потом с 2.30 и вот сейчас 4.40 – летит, летит шмель... 5.15 – новая тревога. Самое удобное время: облака легкие и высокие.

Хорошо спать. Две тревоги я проспал. Но слышать шмеля и спать – не могу.

4-е/Х

Тревога круглосуточная: 9.30, 12.30. А ночь будет такая же светлая, как вчера.

7.30 (19.30) – тревога до 20.40, а в 20.45 – снова. Сейчас 22.05 – отбоя нет.

Смерть снова носилась над головами. И снова я бегал на чердак. И на улицу, и во двор соседнего дома упали первые зажигат<ельные> бомбы. Но боязнь – меньшая. И ненависть растет уже к немцам. И это не только у меня.

А живот болит.

23.55. Мы на примете. Еще раз сброшены бомбы, и в наш дом: на чердак и во двор.

Что день грядущий нам готовит?

5 окт. 41

Налет с 12 продолжался до 3-х без перерыва. С 3½ до 5 утра с чем-то. Сейчас 7 час<ов> – новая тревога... Что было! Что будет!!

Итак, в течение 1½ суток нас держали в непрерывном напряжении. И продолжают держать: 14.45 дня – тревога. Гудит аэроплан, гремят зенитки. Ночью было хуже: зенитки молчали. Вслед за зажигат<ельными> бомбами полетели фугасные. Первый удар был таков, что кушетка, на которой я лежал внизу, вздрогнула. Живот у меня

болел так, что, несмотря на угрозу, я ушел к себе. Я лег спать. Заснуть, конечно, не мог. Но боль стала проходить. Я задремал. Вдруг и земля, и небо раскололись, лунная ночь превратилась в черную тьму. Это в затемненной комнате мне так показалось. Показалось, что разом погасло и электричество, и луна. Одевался я в потемках. Шатаюсь, сполз с лестницы. Измученные женщины сидят на ступеньках. Коршун кружится. Зенитки молчат. Боль опять поднялась. Цепляясь за перила, останавливаясь и склоняясь на них, дошел, лег. Стало все равно. Я заснул, оказывается, на отбое. Но в 7 проснулся. Тревога, однако, взбудрила меня. Летели наши аэропланы, и много. Ночью же было состояние полной покинутости, незащитности, обреченности. Ой, как плохо приспособлен город к воздушным боям! Не знаешь, что лучше, быть раздавленным дома в кровати, за столом, как сейчас, или быть засыпанным в мокром подвале. Ночных истребителей не слышно. Зенитки, вероятно, не хотят обнаружить себя и разгромить.

Гадаю: что это? Подготовка к штурму? К новому ультиматуму? Или – месть за разочарование, ответ на сопротивление?

Лиля держала себя героически. Вела мужчин на чердак, тушить бомбу. Успокаивала женщин ровным, убедительным голосом. Бомбу потушили. Первую, упавшую во двор, потушили еще раньше.

Удар зажигательных бомб был громок. Раздался он неожиданно, сразу вслед за тревогой. Казалось – бомбы упали на нас. И казалось – фугасные.

Да, наш дом в окружении. К нам зачастили опять. В районе Смольного было тише, но жарко пришлось накануне. Накануне, однако, мы тоже не были забыты.

Норма керосина уменьшена: ½ литра на декаду.

Писем никто ниоткуда не получает. На декаду мы с Лилей получили 450 гр<аммов> (вместо 400) куры. Съедаем ее в 2 дня. На декаду получили 200 гр<аммов> селедок, – 4 маленьких с гнильцой селедочки.

Масла сливоч<ного> я получил 50 грам<мов>, остальные 100 – подсолнечное, которое моему животу, как гвозди.

Вермишели получили 400 грам<мов>. Она мне опротивела.

Достаточно дают сахару. Сладкий какао меня поддерживает и удовлетворяет. Кофе, кот<орый> можно еще получить без карточек, желудок мой отрицает. Чай нет.

Устал и измучился я до невероятия, а заснуть без отбоя не могу. (Да и с отбоем тоже.)

6/Х

Поднапитавшись вчера и сегодня, чувствую себя бодрее. Однако оптимизм преждевременен. На хорошее надежды мало.

Сейчас 8.30 вечера, тревога продолжается. Полчаса тому назад бомбили здесь, сейчас в отдалении.

9.15 отбой. И опять бомбили здесь. Мы – в кольце между Марти, Треугольником,¹¹¹ казармами. Мы, собственно, обречены. Счастливую карту надо вынуть.

7/Х

Вернулся из ресторана С<оюза> П<исателей>, где обедал, и хочу есть. Есть буквально нечего. А пообедал я треской (малюсенький кусочек с немножечком лапши), киселем и чаем. От супов воздерживаюсь.

Д-да! Крыло смерти над головой, а денежная проблема по-прежнему остра. Газета заплатила мне вдвое меньше против прежнего месяца.

5.45 – тревога. Сегодня – вторая. Бедная Лиля. Она уехала за картошкой. Приедет (если доедет), значит, часов в 8.

8/Х. 2.30 ночи

Самая длительная тревога. Началась вчера вечером (8.30) 20.30, кончилась 1.40. Бомбили в нашем районе.

10/Х

Я уже дохну, окончательно. Болит не только живот, но и сердце. Дрова из сарая, освобождаемого под бомбоубежище, я не мог таскать. Я не могу и работать... Тревога. Жду бомбы (9 ч. веч<ера>). Это – вторая. Первая была 8.30.

11 окт.

С 8 на 9 бомба упала в Никольский рынок. (И гораздо ближе – на Садовой, где сберкасса.) Там – мастерские, работавшие и ночью. Есть жертвы. А живот у меня болел так, что, несмотря на бомбежку, пошел и лег в кровать. И вчера, услышав тревогу часов в 11 веч<ера> – оба мы не вставали. Спали и вторую – в 1 час. В конце концов – все равно, где. Бомбы прибывают нижние этажи и подвалы, а верхние остаются (на Желябова и Стремянной). Уг<ол> Гоголя и Кирпичного бомба упала на панель, а весь угол рухнул. Дом, говорят, несколько минут висел в воздухе.

А дела такие. Казалось, наши дела улучшились. Но информбюро 9-го сообщило об оставлении Орла.¹¹² Появилось Вяземское и Брянское направление.¹¹³ Факт, что немцы отогнаны от Гатчины за Сиверскую. Шишова – соседка – ездила туда искать мужа. Но факт, что бои идут за Пулковом! Наши орудия стоят за Моск<овской> заст<авой>, за Домом Советов на Кирпачевском пер<еулке>. Ничего не понять, ничего мы не знаем. А немцы знают.

Сейчас 7.20 веч<ера>. Мы уже наготове. Мы в ожидании тревоги, налета, бомбежки. Немцы аккуратны. С 8. 30, с 8 ч. вечера начинают.

Уж не помню когда – с 8 на 9 или с 9 на 10 – было несколько легче. Вылетели наши аэропланы. Чувство беспомощности уменьшилось. Было отрадно знать, что защита есть. Ощущалась даже некоторая гордость. Увы! Это было впервые и единственный пока раз – наши ночные истребители.

11.45. День кончается, начинается ночь. Интернационал был превран. Налетели пробные. Зажгли – видно в стороне В<асильевского> о<строва> и Моск<овских> в<орот>. Но летал и летает наш.

Тем не менее – ночь предстоит свирепая. Луна. Небо покрывается высокими пер<ьями>.

12/X

Только что кончилась тревога, проиграли отбой, только что успели подняться наверх, только успел записать – послышался звук знакомого шмеля, грохнул страшный удар, послышался рокот камня. Потом завывла сирена. Побежал вниз. Сидеть надоело. Не все ли равно? Ни подвал, ни отбой гарантии не дают. Теперь, если даже коршуны и улетели, отбоя не дадут.

А равнодушие от живота. Заболел – стало все равно.

2.25. Ночь продолжается. После второго отбоя – из окна было слышно – налетела стая.

Опять грохнуло вблизи. Сейчас тихо, но шмель гудит в отдалении. Луна. Тучки. Редкие звезды.

Разговоры в подвале уже не такие. Определенно – ненависть к немцам. Меры предлагаются крутые: делать то самое, что делают, по газетам, они – рвать головы, кастрировать Гитлера и 20 000 немцев, – больше того, всех немцев!

14/X

Сегодня в ночь зажигалки опять падали на нашу улицу. Фугасные рвались вблизи. Но я вчера совсем вышел из строя. Я ничего не ел. Меня тошнило. Я разбит. Я наполовину мертв.

Жду врача. Он вряд ли придет. Тревоги сегодня частые. День благоприятствует немцам. А луна еще не исчезла. Она выплывет и сегодня.

Дело не в этом. Плохо и с Москвой. Несмотря на передовые от 9/X, – сообщения так же глухи.¹¹⁴ О Ленинграде ничего нет.

Дети в конторе жакта. Женщины. Душно. Не лучше, чем в подвале.

От Светланы письмо за письмом, но все старые. Глупая! Она хочет сюда!

16/X

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...¹¹⁵

Действительно, я – блажен: 1905 год, 1914, 1917, 1928, 1941. Больше, пожалуй, не надо.

С Москвой плохо.¹¹⁶ Оставлена Вязьма, оставлен Мариуполь, идут бои у Калинина...¹¹⁷ Что же это? Где же мощное сопротивление? Где же контрудар? Что же союзники?

Мое дело – крышка. Врач сказал о мирном времени, о курорте... А сейчас... А ночью меня рвало. И я ничего, ничего не хочу.

8 ч. веч<ера>. – Ну, вот: и вечер черный, и луны нет, а он освещает ракетами, открывает лунную дорогу и – летит, летит, летит.

А дальнобойная сегодня опять грохала. Говорят, по Кировскому заводу.

17/X

В «Известиях» от 14, пришедших сегодня, прекрасное обращение наших ученых к ученым всего мира.¹¹⁸ А между тем грубая сила прет и давит унт<тер>-оф<ицерским> сапогом. И нечем остановить. Вчера прилетели, зажгли все небо, и потом зажгли и землю. Огромное зарево не погасало долго. После 11 два раза налетали еще, но, измученные и равнодушные, мы с Лилей спали. Погода продолжает содействовать – морозит. Осени так и не было. Переходим в зиму.

Грубая сила... А у нас? Брат Садыка,¹¹⁹ по рассказу, полный, здоровый мужчина вернулся с передовых. Грязный, оборванный, вшивый, в истлевшем от поту белье, – плачет. Он сапер. Они разбирали дома, строили доты. Как только построят, – немцы либо сверху, либо сбоку доты уничтожают. Разбирают новые дома, строят снова. Командиры будто бы пьянствуют. Будят его, пьяного, он ругается: – Делай, как знаешь. А когда крас<ноармей>цы бегут, им стреляют в спи-

ну. Бегущие бьют их прикладами. Один из ком<андиров> стреляет в бегущих, а в это время снаряд сносит ему голову. Красноармейцы несут его к воронке, засовывают в нее вверх ногами и закапывают. Стой до конца!

Кормят плохо: буханка хлеба на 5 ч<еловек>, манерка жидкой чечевицы на двоих. Голод утоляется кочерыжками и – охотой за мотоциклистами. Убитых обшаривают и отбирают припасы: шоколад, печенье, галеты.

Сахар на текущую декаду – 150 гр<аммов> на двоих

Конфет 200 –.–

Хлеб по 200 гр<аммов>. Белого уже нет.

Мясо

Рыба

Крупа

Масло слив<очное> только мне 50 гр<аммов>.

Живот болит меньше, поэтому – страшно. Боюсь сегодняшней ночи. Заранее боюсь, трус, презренная тварь! А вчера еще начертал себе лозунг из забытой молитвы:

Да будет воля твоя.

9.10 вечера. Вторая уже тревога. Сегодня они будут бесконечны.

А часов с 6 ахала дальнобойная. И опять в наш район. Снаряд пробил лестницу защищающего нас дома, второй упал в низ другого дома, третий – в булочную за Ал<арчиным> м<остом>. Говорят, было попаданье в Калинкин мост. Трамваи будто бы не ходят.

А у нас – снарядов нет! Для России это нечто фатальное.

18/X

Неужели Лиличка поехала на смерть? 5½ ч., а ее все нету! А канонады разрастаются, взрывы гудят, орудия бьют с утра, все чаще. Как мне не пришлось в голову не пускать ее сегодня?

22 окт.

Четыре месяца.

Заняты все приобретенные республики, Киев, Одесса, Смоленск, Псков, Брянск, Мар<и>уполь, Таганрог.¹²⁰ Осажден Ленинград, немцы подошли к Москве.

Три дня шли дожди. Налетов ночных, по крайней мере, не было. 20 был дневной – с 5 часов. Из поликлиники я пошел пешком в газе-

ту. Никто меня не остановил. На улице лучше, чем в подворотне или в подвале.

Облегчение от перерыва бомбежки я не испытал. Я лежал. Впервые я получил бюллетень. Сегодня ему конец! Но чувствую я себя ужасно. Я ослаб. Я едва хожу. Жажда лежать. Желудок лечить можно только диетой. Белого хлеба уже нет. Крупы 200 гр<аммов> на 10 дней. Сверх этого – ниоткуда (или неоткуда?). Союз... Эвакуация... Без денег, больному... Конец, конец и – бесславный.

Сегодня разъясняет. Опять готовиться к ночи? К ночи – вечной? Но мне должно быть – все равно. Внезапная смерть лучше, чем медленное подыхание. Только бы не быть заживо погребенному. К сожалению, морфий мой вместе с кошельком свистнули.

Да! С трудом, но читаю Калидасу. Оказывается, Гоцици не первый. И Малявика, и Сакунтала лучше Турандот.¹²¹

24/X

Три миллиона ленинградцев с ужасом смотрят на проясняющееся небо, на выглядывающее солнце. Солнце, солнце!

Как я лечусь? Диетой. Диета такая: вчера пришел в Союз, обедать. На обед – горох и копченая жареная грудинка. Соблазнился и съел. А сегодня страдаю.

Ноябрь 3

Страдания были нестерпимы. Кричал я дико во весь голос. А Лили не было. Когда она пришла, меня уже дорвало до икоты, и лежал я в полуобморочном состоянии. Неотложная помощь посоветовала поставить грелку и не приехала. Врач Слободской,¹²² с которым мы часто сживали в подвале, зашел и обнаружил признаки аппендицита. 25-го с ним согласилась и участковый врач – Ольга Ис<ааковна> Гордон¹²³ (прекрасная, отзывчивая, внимательная). Выписала направление в больницу.

Больница 25 Октября

б<ывшая> Александровская

Было все в тумане. Санитары снесли меня на руках, уложили. В приемной долго осматривали. В ванной дали белье, нашли чистым, хотя я не мылся ½ месяца, потом закутали в одеяло и долго несли через дворы и улицы. Принесли в хирургическое. Оно все переполнено, – даже коридоры. 4<-я> палата, в которую меня положили, полна. Койки стоят почти вплотную, койки стоят и в проходе. Лежат все

жертвы несчастн<ого> случ<ая>: мальчик, попавший под грузовик, с переломом хребта и с лопнувшим мочевым пузырем; парнишка, ездивший за картошкой и попавший под снаряд; попавшие под снаряды на окопах и т. д. и т. п. Из 21 человека – только двое с грыжей, двое с аппендиксом и один с язвой.

Первое, что меня поразило, – дикий холод. Кочегарка разбита во время налета, Амосовские печи¹²⁴ молчат, других нету. Градусники предусмотрительно не повешены. Я кашлял. Дали мне второе одеяло, выклянчил я у сиделки халат, но согреться не мог, не спал всю ночь. Не спал<и>, впрочем, и остальные. Ночью всем холоднее. Ночью бодрствуют многие. Вызывая сиделку (ночью она дежурит на 2 палаты), стучат ложечками в кружки, как в трактире. Мальчик стонет полночи. Ходячих больных только двое. Остальным нужно подавать и банки и судна. Банок (из-под варенья и меда) всего шесть. После того, как судно разбили, осталось одно, которое берут и в соседнюю палату.

Резать меня не стали. Аппендикса не нашли – 3 дня держали на голодной диете, потом перевели на 5-ую с черным горьким хлебом, с черными макаронами. Предполагали выдержать и довести до нормального стола, но... Раненных снарядами дальноб<ойных> орудий привозят каждый день. В одну из ночей с Марти привезли 40 человек. Места нужны. А я для хирургов – не больной. Внезапно мне предложили выписаться, продолжая лечиться на дому. Я ничуть не возражал, т<ак> к<ак> холод покрывал все – и отрыжки, и боли. Однако, встав, я брякнулся об столик и, к счастью, упал на постель. Отлежался. Ходил, качаясь и согнувшись. До дому едва дошел. Боли поднялись сызнова.

Врачами положен в постель. Выпиской из б<ольни>цы они возмущаются. Лишь мои разъяснения несколько охладили Гордон, которая еще внимательнее прежнего и которая аппендикс все-таки подозревает. Лежу дома. Питание более слабое, чем 5<-й> стол, но более крепкое, чем голодная диета. Ночью и дома не сплю – боли продолжают.

Это о себе, ибо живот заслонил все остальное. А остальное – ой! Оставлен Харьков,¹²⁵ немцы у Ростова¹²⁶ и, судя по вопросам к Лозовскому,¹²⁷ уже взят. Донбасс в руках немцев.¹²⁸

Ленинград громят и сверху, и снизу. Дальнобойные становятся беспрерывны. Бьют в Кировский, в Ленинск<ий> район, бьют и в наш. Ночью дом сотрясался. Моя надежда на защиту соседнего дома – наивна. Снаряды летят и справа, и слева. Со свистом летят. Чуть-чуть подкрепляясь, опять выступает желанье зарыться в подвал. И надо

бы. Ясно, что немцы к 7/XI готовят штурм или грандиозную канонаду. Во всяком случае, наши орудия не могут разгромить вражеские, да и молчат наши орудия. Плохо твое дело, Ленинград! Плохо твое дело, Россия! Но Россия не только – сфинкс, Россия – феникс! Это я знаю.

<Тетрадь пятая>

4 ноября 41 г.

Чудесное утро. Ясное, слегка морозное, с бледно-розовой зарей. Для Лилиных именин. Но вот грохнуло вдаль, вот раскатилось грохотом вблизи, – дальнобойная дует опять в наши края.

Чудесное утро. Значит, можно ждать прекрасного лунного вечера. А ленинградцы будут молить о дожде, о слякоти, о грязи. Очень хорошая статья Лидина в «Изв<естиях>». ¹²⁹ Да, налет будет. И у меня уже появился инстинкт самосохранения. Лежать наверху будет трудно. Впрочем, и до вечера шальной снаряд может пробить стену и засыпать.

16.45. Ушли гости. Было так шумно, не слышали тревоги. А хозяйка ушла раньше гостей. Необходимо было получить карточку на белый хлеб. Дело не в этом. Живот опять болел, а ночь предстоит бессонная: бомбежка будет. Ой, как все сложилось! Хочу спать, спать – и не могу. Хочу есть и – нечего.

8 ч. И третья тревога прошла в разговорах с Вячеславом. Оказывается, его не рамой прикрыло, а спящего сбросило с кровати. Он ударился затылком и поясницей в стену.

Бомбежки боюсь. В ушах звук тревоги, зузжанье шмеля, гул зениток. Бедная Лиля! Ей подарили много – молоко, торт, сахар – все это она уступает мне. А сколько ей хлопот! Звонить, бегать, стоять в очередях!

8.35. Еще тревога. Четвертая. Неужели я вышел из больницы, чтобы записывать тревоги? Тревоги с перерывами кончились около двенадцати. Первую ночь с 12 до 4 почти я спал крепко. А сейчас 5½ – пишу и читаю, но живот не болит.

Лиля вчера (потому что сейчас уже 5.00) видела, как появился вражеский самолет, как прожекторы его поймали, а зенитки, окружив кольцевым огнем, сбили.

5/XI

Мучительный сегодня день. С утра жду врача гомеопата. Грохот дальнобойных принимаю за грохот туго отворяемой двери; грохот

раскалываемых над головою полен – за разрывы снарядов. А врача все нет. А снаряды дальн<обойные> рвутся вблизи, стекла звенят, рамы сотрясаются. Врач так и не пришел.

А в 7.30 веч<ера> – тревога. Гремят зенитки, зузжит шмель снова над головой и, кажется, уже 2 раза выпустил жало. Стены вздрогнули. Под адскую музыку плохо выздоравливать. А это еще – цветочки.

Написал и тонкие, и трагические письма. Зачем? Когда жало висит? И что они дадут? – Поздно.

А Россия, все-таки, – Феникс!

20.40. Грохнуло недалеко, и бомба упала не маленькая. Слышался рокот камня. Дом содрогнулся. Лежать, несмотря на фатализм, жутко. Одному, в особенности.

Да! Все друзья забыли. Б<орис>в¹³⁰ так и не зашел. А чай мне прислала Дуся, жена брата. Он на меня в страшной обиде, – не был у него года 3–4.

6/XI

Не рассчитывай без хозяина! После бессонной ночи хотел поспать, – началась канонада, еще неслыханная, непрерывная, близкая, чувствуется – из тяжелых орудий!

Что-то мы стали рассчитывать вперед: хотим и вино, и елей, и сыру, и крупы, а один снарядик может сделать ненужным и вино, и елей. Печально.

Бедная Лиля! Под грохот она поехала добывать обед в Союзе, стоять в очереди за вином, за сыром, за манкой... А очереди – бесконечные. А вина в бутылках уже нету, по крайней мере, полезного мне. (Кагор, мадера, малага.) Нету и масла сливочного. Не надеюсь и на сыр. А белую булку (по диете!) дали такую черную, что на другой день и в сухарях от хлеба она неотличима. Цена ее 2 р<убля> 90 к<опеек> к<и>л<о>гр<амм>. А керосин выдавать прекратили.

А не спал я не из-за тревог. Тревоги я проспал. А просто не мог. Истомился. Годовщину Октября немцы хотят, очевидно, отметить.

7 ноября – 24 годовщина О<ктябрьской> р<еволюции>

Демонстрации не было. Вместо нее – люди работают. А я лежу, немножко хожу и сижу. С 6 на 7-е иллюминации немцы не устроили. Налеты были не более обычных. Рухнул дом на Надеждинской, – казалось ближе. Угол Николь<ского> и Фонт<анки>. Но канонада сегодня с утра. Над Лилиной головой свистели снаряды. Лилия бежала по улицам. Ничего Лилия не достала – ни вина, ни сыра, ни масла. Питал-

ся я сегодня х<о>р<о>ш<о> – курицей. Но аппетита по-настоящему нет. Ослаб я донельзя.

Сейчас с 8 веч<ера> тяжелые орудия бьют зверски. Бьют к нам. Один удар был так силен, что дом вздрогнул. Лиля прибежала снизу узнать, не в нас ли ахнуло. А грохот разрывов все ближе. – Что делать!

Никто меня не посетил. Ходят Лилины знакомые, я оказался слишком одиноким. Поэтому моральное мое состояние выздоровлению не содействует.

Батт признал, что Сов<етскому> Союзу можно доверить и станки, и оружие.¹³¹ Сколько времени идет! А для нас каждый день – жертвы.

8/XI

Канонада гремит с утра. Если и не дом, то стекла вылетят.

Речь Сталина – речь дельная, правильная. Однако об ошибках – ни слова.¹³²

Поправка моя зависит только от питания. И гомеопат сказал то же.

9/XI

Надо же так! Утро было тихое. Можно бы Лиле уехать с утра. Не сообразили, как сделать. Уехала она в 12. А в 12½ дальнобойная неистовствует.

На друзей надеяться нечего.

3.45. И вдобавок – тревога! Чтобы получить обед, человека надо послать на смерть! Вчера разрушены дома на Майорова, на Плеханова, а налет был дневной с 6 <до> 8. Лилия, вернись!

Нехорошо болеть.

Полчаса. 7 – Лили нету, нету, нет.

10/XI

Поди – рассчитай! Сегодня Лилия выехала в 11. А с 12 до 3-х – тревога! При свинцовом небе, при ветре... Трудно поправляться, когда так волнуешься!

14 ноября

Что в моем ограниченном мире происходит? – Налеты. 12-го вечером бомбил так, что и лампы, и зеркало качались, раскачивался и дом. Вчера с 6 веч<ера> тревоги не прекращались всю ночь, а сегодня продолжаются с утра. За обедом Лиле и не уехать. Погода летная.

5 месяцев. ½ евр<опейской> России занято. Ленинград бомбят и сверху, и снизу.

Папа¹³³ утешает: еще несколько месяцев, ну, полгода, ну, годик... А хлеб с 200 г<раммов> убавлен до 125.¹³⁴ С 1 дек. – 100 гр<аммов>, I кат<егория> получает 300. В кооперативах ничего нету.

После заметного улучшения – мне опять плохо. Стало больно глотать. Я почти ничего не ел. Способствовало и изменение обедов в Союзе. Давали 2 обеда без вырезок, обеда простые – суп, каша, но как раз то, что мне надо. Стали вырезать талоны на все – и на крупу, и с Лиловой карточки. Пошли обеда мясные. Появились кислые щи, черные макароны.

Тронул брат. Сам зашел. Принес клюквы, молока, маковников. Трогает и А. Н.,¹³⁵ заносит папирос, хлеба, пилит дрова. Трогает Фимочка – приносила варенье, дает теперь спирт на масло обменять. А друзья... А Прокофьев... Даже не написал.

Остроумцы говорят: «Наши войска победоносно отступают. Немцы терпят неудачи и занимают города». Занята Керчь.¹³⁶ Но бои идут. Отступаем с боем. А события нарастают: Япония, очевидно, вступит в войну.

Гремит дальнбойная. Вылетели наши соколы. Можно дожидаться тревоги. Впрочем, и вчера тревога была с 6 до 10. В темь и туман.

Электричество на день выключают.

Никто вчера не зашел. Да и мудрено: снаряды пролетают со свистом. С риском для жизни Лиля ездит за обедами. Вчера снаряд пролетел перед ее трамваем. Пока она не дома, тяжело: ожидание выматывает всего. Чувствую себя как будто лучше. Но питание, питание... Говорят – на базах ничего нету. С 1 дек. будто бы выдачи прекратятся.

За обедом Лиля вчера ездила с 11 до 6. Были тревоги. Приедет ли она сегодня раньше – тревога безостановочная – и приедет ли вообще – кто знает?

Если третьего дня я качнулся в кровати, как в люльке, а дом сочувственно как бы покивал мне головой, то сегодня я качался, раскачивался, как маятник, раздумывая: упасть, что ли? Бомба упала опять

почти рядом. Стекла в спальне вылетели. До налета безостановочно бьет дальнобойная, после налета – тоже. Гремит и сейчас. Близко. А Лиля – в очереди. Шальной осколок, – вот тебе и ушла на ½ часа!

Можно догадываться, что «идет к развязке дело». Упорно говорят, что курсантов вывозят, что войска наши пробиваются к востоку.

<Зачись рукой Е. П. Крайской>: А 11-го декабря Алеша умер от полного истощения. Питать его было нечем. Сама я сейчас жутко голодна. Боль, горе утраты любимого и единственного близкого человека притупляется тяжелым чувством голода и предчувствием конца, может быть, более тяжелого, чем Лешина смерть. Он умер безболезненно, еще чем-то я его кормила. После его смерти прошло 7 дней, он еще лежит дома. Какой ужас. Какая боль, и нет Светланы, и я одинока, как тень. И выгляжу как она.

¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина 1829 г. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»: «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечно сиять».

² Вероятно, реминисценция из стихотворения А. А. Блока 1912 г. «Миры летят. Годы летят. Пустая...»: «Вздыхнул, глядишь – опасность миновала... / Но в этот самый миг – опять толчок! / Запущенный куда-то, как попало, / Летит, жужжит, торопится волчок!». Подразумевается земной шар, который нередко сравнивают с запущенным волчком, вращающимся вокруг своей оси.

³ *Милова Евгения Григорьевна* (1900–1943) – технический секретарь правления Ленинградского отделения Союза советских писателей (ЛО ССП); ею оформлены многие протоколы заседаний правления Союза в 1941 г. Состояла в ЛАПП. Скончалась в блокадном Ленинграде (*Бахтин Вл.* Будни, ставшие подвигом // *Голоса из блокады: Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944)* / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 40; далее – *Бахтин Вл.*).

⁴ *Величкин Сергей Федорович* – прозаик. В 1939–1940 гг. исполнял обязанности ответственного секретаря правления ЛО ССП, в июне 1941 г. – оргсекретарь правления. Ушел на фронт, как и ответственный секретарь ЛО ССП Б. М. Лихарев. В июле 1941 г. ответственным секретарем Союза избрана В. К. Кетлинская.

⁵ *Черноков Михаил Васильевич* (1887 или 1890–1943) – прозаик. Автор сборника рассказов «Теплые росы» (1926), романа о библиофилах «Книжники» (1933), повести «Близкое и далекое» (1940) и др. В 1939–1941 гг. работал над романом «Интервенция на севере». Один из первых директоров писательской Книжной лавки, с мая 1941 г. – заместитель директора Дома писателей. В 1941–1942 гг. – секретарь партбюро ЛО ССП, сменил на этом посту ушедшего на фронт К. Т. Ванина (см. примеч. 8). Являлся ответственным за участие писателей в оборонных работах. В апреле 1943 г. тяжелобольной писатель был эвакуирован из Ленинграда; скончался в Вологде.

⁶ *Цензор Дмитрий Михайлович* (1877–1947) – поэт, участник литературного кружка «Вечера Случевского», Цеха поэтов (с 1913). В советское время в основном писал стихи для детей («Мои соседи», 1927; «Вова-корабельщик», 1929); в 1940 г. издал сб. «Стихотворения. 1903–1938: К 35-летию литературной деятельности». Перед войной был секретарем партийной организации ЛО ССП.

⁷ Формирование Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) началось с 29 июня 1941 г. На митинге 4 июля многие писатели заявили о намерении вступить в ополчение. К. Т. Ванин, открывший митинг, выразил мнение, что советский народ победит фашизм. Выступали М. Л. Слонимский, В. К. Кетлинская, Я. Л. Горев, И. Ф. Крафт, П. Т. Журба, Н. Ф. Григорьев и др. Патриотические стихи читали И. И. Садофьев, Е. И. Рывина, Л. М. Попова (Литературная газета. 1941. 6 июля. № 27. С. 4). 5 июля в ополчение вступили свыше 80 писателей (Ленинградская правда. 1941. 5 июля. № 158. С. 2). «Вступают в народное ополчение инженеры и ученые, писатели и артисты, художники и музыканты», – писала «Ленинградская правда» (1941. 6 июля. № 159. С. 1). Писательский взвод, сформированный из добровольцев, входил в состав 1-й дивизии народного ополчения, созданной при Кировском заводе. Командовал взводом писатель С. А. Семенов. Дивизия защищала город на Лужском направлении. Позже на основе писательского взвода создана редакция газ. «За Советскую Родину» (редактор – А. Островский).

⁸ *Ванин Кесарь Тихонович* (1905–1982) – прозаик. Член ЛАПП, участник литературной группы «Резец». Автор многих сборников рассказов и повестей, в том числе военного периода («Русская сила: Фронтовые зарисовки»; 1943). С середины 1930-х гг. – парторг, в 1950-е гг. – член партбюро и секретарь ЛО ССП; директор Литфонда (1938–1939). В начале войны ушел добровольцем на фронт, был редактором газеты 2-й дивизии народного ополчения, в 1942 г. – редактор газ. «Сталинское знамя»; участвовал в боях.

⁹ Вероятно, речь идет о сборнике «Родина зовет: Сборник ленинградских писателей». В 1941 г. вышли два выпуска. Произведения Крайского в них не публиковались.

¹⁰ А. С. Пушкин.

¹¹ Имеются в виду писатель М. Горький (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) и поэт В. В. Маяковский.

¹² Публикация очерка не выявлена.

¹³ 4 июля 1941 г. 4-я танковая группа немецких войск прорвалась на территорию Ленинградской области и захватила г. Остров, в 55 км от Пскова. 5–7 июля шли ожесточенные бои за город, несколько раз переходивший из рук в руки, но отстоять его не удалось. В официальной информации сообщалось об упорных боях на Островском направлении (Правда. 1941. 7 июля. № 186. С. 1; 8 июля. № 187. С. 1).

¹⁴ Елизавета Петровна Крайская.

¹⁵ Имеется в виду газ. «Ленинградская правда».

¹⁶ В архиве Крайского сохранился автограф его письма Первышкину, начинающему автору из деревни Чирки Омской области, возмнившему себя талантливым поэтом, которому никто не хочет помочь. Крайский, «разбирая» его стихотворные опусы, пишет: «Талант заключается в способности внутренние переживания раскрывать в конкретной форме, происходящее изображать в живой картине, раскрывать глубоко и проникновенно. Вот этих способностей пока что у Вас не видно, и направлять, выходит, нечего. Можно только говорить о ложном взгляде на поэзию, о безвкусице и неграмотности. Неграмотность сказывается и в искажении слов, <...> и в неправильном написании, <...> и в неправильном построении фразы. <...> Безвкусица сказывается и в особом смаковании любовных процессов, и в неуклюжих, высокопарно-пошлых фразах. <...> Ложный взгляд заключается и в том, что плохую версификацию Вы принимаете за талант. <...> Вернуть к плодотворной жизни Вас может полезная работа и общая культура. Только культура может Вам дать и правильное представление о поэзии» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 148, л. 3, 4). Упомянутое Крайским «погромное» письмо обиженного автора не выявлено.

¹⁷ Газ. «Красный Балтийский Флот», печатный орган Политотдела Балтфлота, выходила с весны 1919 г. Публикации Крайского в газете не выявлены.

¹⁸ *Абрамкин Владимир Михайлович* (1908 или 1910–1968) – литературовед. В 1930-е гг. – научный сотрудник ИРЛИ АН СССР, ученый секретарь Словесного отделения Академии искусствознания, преподаватель Коммунистического института журналистики. В июне 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение, участвовал в боях под Гатчиной; был военным корреспондентом дивизионной газ. «Сталинское знамя», с декабря 1941 г. – лектор и начальник лекторской группы фронтового Дома Красной Армии. Для театральных фронтовых бригад написал пьесы «Таня» (о Зое Космодемьянской; совм. с Б. Бродяжским), «Путь к победе». Был контужен, демобилизован в 1943 г.

¹⁹ В начале июля руководство Союза писателей договорилось с издательством «Советский писатель» «буквально в два дня выпускать небольшие книжечки по половине печатного листа, причем это будет серия героических эпизодов» (*Бахтин Вл. С.* 21). Были изданы брошюры В. А. Каверина, В. К. Кетлинской, П. Н. Лукницкого и др. Публикации Крайского не выявлены. В ленинградском Доме писателей им. Маяковского Союз писателей организовал пресс-бюро, куда представлялись произведения оборонной тематики. «Пресс-бюро уже подготовило и сдало первый сборник стихов, песен и частушек для красноармейцев, куда вошли произведения Тихонова, Прокофьева, Саянова, Лихарева, Волженина, Флита, Лифшица и др., – информировала «Литературная газета». – На днях сдаются в печать второй и третий сборники» (Литературная газета. 1941. 13 июля. № 28. С. 4).

²⁰ Информация о продолжающихся крупных боях на Псковско-Порховском направлении появилась в вечернем сообщении Совинформбюро от 15 июля 1941 г. (Ленинградская правда. 1941. 16 июля. № 168. С. 1). Псков, находящийся в 280 км от Ленинграда, был занят немецкими войсками 9 июля 1941 г.; Порхов, в 88 км от Пскова, – 11 июля. От Пскова самый короткий путь к Ленинграду проходил по Киевскому шоссе, идущему через Лугу. 14–18 июля на Лужском оборонительном рубеже, сооруженном силами ленинградцев, в основном женщин и детей, шли ожесточенные бои, вынудившие германское командование временно прекратить наступление на Ленинград. Псков освобожден 23 июля 1944 г., Порхов – 26 февр. 1944 г.

²¹ Бои под Смоленском, продолжавшиеся с 10 июля до 10 сент. 1941 г., задержали наступление немецких войск на Москву. 16 июля город был оккупирован. См. также примеч. 68 к дневнику Е. П. Крайской.

²² Станция Невель, расположенная на железнодорожной магистрали Ленинград–Витебск и шоссе на дороге Ленинград–Киев, была оккупирована немецкими войсками 16 июля 1941 г. Освобождена в октябре 1943 г. Железнодорожная станция Дно, соединяющая Псков с Москвой и Ленинград с Витебском, и Полоцком, занята 19 июля 1941 г., освобождена 24 февр. 1944 г.

²³ Сведения об этом произведении не выявлены.

²⁴ В газетах «Правда» и «Ленинградская правда» рассказы Крайского не публиковались.

²⁵ См. примеч. 28 к вступ. ст.

²⁶ В соответствии с решением СНК от 18 июля 1941 г. в Ленинграде, как и в некоторых других городах страны, была введена карточная система. В июле и августе 1941 г. рабочие получали по карточкам 800 г хлеба в день, служащие – 600, иждивенцы и дети – 400. По такому же принципу были определены ежемесячные нормы выдачи и остальных видов продовольствия – крупы, мяса и мясopодуков, жиров, сахара и кондитерских изделий. Снижение норм выдачи продуктов

впервые произошло 2 сент. Кроме того, 1 сент. была запрещена свободная продажа продовольствия.

²⁷ Первый воздушный налет на Москву совершен в ночь на 22 июля 1941 г. «В 22 часа 10 минут 21 июля немецкие самолеты в количестве более 200 сделали попытку массированного налета на Москву, – сообщила «Ленинградская правда». Налет надо считать провалившимся. Заградительные отряды нашей авиации не допустили основные силы немецких самолетов к Москве. Через заградительные отряды к Москве прорвались лишь отдельные самолеты противника. В городе возникло несколько пожаров жилых зданий. Имеется небольшое количество убитых и раненых. Ни один из военных объектов не пострадал. Нашей ночной авиацией и огнем зенитных батарей, по неполным данным, сбито 17 немецких самолетов. Воздушная тревога продолжалась 5 с половиной часов» (Ленинградская правда. 1941. 22 июля. № 173. С. 2). По сведениям, приведенным в книге Я. Кекало «Советские зенитчики» (М., 1959. С. 31), немецкие бомбардировщики (более 200) на подступах к Москве были рассеяны, сбиты 22 самолета; только одиночным бомбардировщикам удалось прорваться к городу.

²⁸ В этот день немецкие бомбардировщики неоднократно пытались прорваться к городу, но все атаки были отбиты. С 23 июля в Ленинграде введены круглосуточные дежурства на крышах и чердаках домов для тушения зажигательных бомб.

²⁹ Очевидно, речь идет о Н. Кольцове – ученике Крайского в одном из литературных кружков. В письме с фронта он рассказывал поэту: «У бойцов настроение неплохое, кто как, но большею частью надеются на победу» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 149, л. 8). См. также примеч. 83.

³⁰ Фраза не окончена.

³¹ В 1941 г. ленинградское издательство «Искусство» выпустило пять таких сборников: Эстрадный сборник: Стихи, рассказы, пьесы; *Верховский Н. Ю.* Боевые страницы прошлого: Стихи и рассказы; *Верховский Н. Ю.* Победа за нами: Стихи и рассказы; Победа будет за нами: Стихи, рассказы, пьесы; Эстрада для фронта: Стихи, рассказы, пьесы. Произведения Крайского в сборниках не публиковались.

³² См. примеч. 28 к вступ. ст.

³³ Речь идет об антигитлеровской коалиции, военно-политическом союзе СССР, США, Великобритании и других стран. 12 июля 1941 г. в Москве заключено соглашение с Великобританией о взаимной помощи и совместных действиях против Германии; 18 июля – с правительством Чехословакии, находящимся в эмиграции в Лондоне, 30 июля – с правительством Польши о восстановлении дипломатических отношений и взаимной помощи. 29 сент.–1 окт. в Москве состоялась конференция представителей СССР, США и Великобритании о взаимных поставках. Официально антигитлеровская коалиция оформилась 1 янв. 1942 г., когда 26 государств, объявивших войну Германии и ее союзникам, выступили с Вашингтонской декларацией Объединенных Наций. См. также примеч. 15 к дневнику Е. П. Крайской.

³⁴ Постановление о привлечении жителей Ленинграда к трудовой повинности, строительству оборонительных сооружений, принято Ленгорисполкомом 27 июня 1941 г.

³⁵ В письмах дочери Крайский описывал жизнь в городе и убеждал ее потерпеть: «Пользуясь нарочным, сообщу коротко то, о чем по почте говорить не решаюсь: голодно у нас очень. Фашисты приближаются. <...> Сиверская разбита сильно. Детей и матерей из Ленинграда эвакуируют опять. Увозят далеко – в Сибирь. <...> Ждут налетов на город. Ночи уже черные – летать легко. На Москву налетают часто. Жители с вечера прячутся в метро. У нас же никуда не спрячешься» (из письма от 14 авг. 1941 г.:

РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л.12); «Доченька! Вслед за хорошим письмом от тебя снова пришло отчаянное. Надо сознаться, тебе не везет. К горестям разлуки и болезни тебе прибавляется лишка. Бедствия войны тебя коснулись раньше, чем надо. Что ж делать, дорогая, вооружись мужеством и терпением, войой, – все воюют, даже дети. Войой и с болезнью, и со скукой, и с разлукой, – иначе нельзя. В город ты просишься напрасно. В городе у нас плохо. Продуктов нет. Рынки пусты. <...> Детей, женщин, стариков увозят, увозят каждый день. Немцы очень близко» (из письма конца августа 1941 г.: Там же, л. 14). Последняя записка написана в конце октября 1941 г.: «Дочка! Я еще жив. Вчера из больницы вышел. Целую тебя, желаю бодрости и здоровья. Отец» (Там же, л. 21).

³⁶ Организованная эвакуация населения Ленинграда, прежде всего детей и женщин, началась в первую неделю войны. В конце июня 1941 г. была создана Городская комиссия по эвакуации, проводившая разъяснительную работу о необходимости выезда из города, так как многие жители не хотели покидать свои дома. Первый этап эвакуации продолжался с 29 июня по 27 авг., когда немецкие войска захватили железную дорогу, связывающую Ленинград со страной. 29 авг. два последних эвакопоезда успели проскочить уже разбитую бомбами станцию Мга. 10 авг. принято решение о дополнительной эвакуации населения Ленинграда. Второй этап эвакуации (сентябрь 1941–апрель 1942 г.) проводился уже из блокированного города через Ладожское озеро водным транспортом до Новой Ладogi, самолетами, по ледовой дороге через Ладожское озеро. Третий период эвакуации продолжался с мая по октябрь 1942 г. Всего за период блокады из города были эвакуированы около 1, 5 миллиона человек.

³⁷ Такая информация появилась в вечернем сообщении Совинформбюро от 13 авг. 1941 г. (Ленинградская правда. 1941. 14 авг. № 193. С. 1). Смоленск был сдан 16 июля, но бои за город продолжались по 28 июля. См. примеч. 21.

³⁸ Город Николаев оккупирован 17 авг. 1941 г., освобожден 28 марта 1944 г.

³⁹ Новгород оккупирован 15 авг. 1941 г., освобожден 20 янв. 1944 г. 16 авг. захвачена станция Волосово, расположенная в 72 км от Ленинграда; 20 авг. – г. Луга, освобожден 12 февр. 1944 г.

⁴⁰ 21 авг. 1941 г. было опубликовано обращение командования Северо-Западного направления, Городского комитета ВКП(б) и Исполкома Ленинградского Совета депутатов трудящихся «Ко всем трудящимся города Ленина», подписанное К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым и П. С. Попковым, с призывом встать «как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы», создавать новые отряды народного ополчения, овладеть оружием и усилить противовоздушную оборону города. «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск, – говорилось в обращении. – Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей родины. Но не бывать этому! Ленинград – колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны, никогда не был и не будет в руках врагов. <...> Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!» (Ленинградская правда. 1941. 21 авг. № 199. С. 1).

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – член ГКО, главнокомандующий войсками Северо-Западного направления (до 5 сент. 1941), командующий войсками Ленинградского фронта (с 5 по 14 сент.), представитель Ставки Верховного Главнокомандования по формированию войск (сентябрь 1941–февраль 1942), представитель Ставки на Волховском фронте (февраль–сентябрь 1942).

Попков Петр Сергеевич (1903–1950; расстрелян) – советский партийный деятель. В 1939–1946 гг. – председатель Исполкома Ленгорсовета, в 1941 г. – член Комиссии по вопросам обороны Ленинграда. С апреля 1942 г. – член Военного совета Ленинградской армии ПВО. Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда. В 1946–1949 гг. – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В августе 1949 г. арестован; являлся одним из главных фигурантов «Ленинградского дела» – послевоенных чисток в партаппарате. Об А. А. Жданове см. примеч. 29 к вступ. ст.

⁴¹ Неустановленное лицо.

⁴² 20 авг. 1941 г. К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов подписали приказ об организации обороны города, создании рабочих батальонов по территориальному принципу. Согласно приказу, «в случае нехватки винтовок и пулеметов, предлагалось вооружать батальоны охотничьими ружьями, гранатами, бутылками с горючей смесью, саблями, кинжалами, пиками» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 57). В «Ленинградской правде» приказ не публиковался. 22 авг. в этой газете (№ 200. С. 1) напечатана передовая «Все, как один, на защиту родного города!» с призывом выполнить «священный долг советского патриота», вступать в ряды народного ополчения, «обеспечить снабжение фронта вооружением и боеприпасами и снабдить оружием отряды Народного ополчения».

⁴³ Имеется в виду ученик Крайского Н. Кольцов (см. примеч. 29, 83). Упомянутое Крайским письмо в архиве не сохранилось.

⁴⁴ В письме Иде Михайловне Купер, жене писателя, Крайский сообщал: «Пользуясь представившимся случаем, пишу Вам о Сене подробнее. Он уехал на Кавказ, добровольцем, уехал внезапно, в 2 дня, с помощью Саши (А. А. Прокофьева. – Т. К.). Сделал он очень хорошо, потому что предстояло ему идти в рабочую дружину, что предстоит мне. Моя нерасторопность и безденежье не позволили мне присоединиться к Сене, о чем жалею» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 158, л. 1). См. также примеч. 62.

⁴⁵ 20 авг. 1941 г. немецкие войска взяли г. Чудово, перерезав железную дорогу, связывающую Ленинград с Москвой; 21 авг. шли тяжелые бои под Гатчиной, в 8 км от южной границы Ленинграда; в тот же день советские войска оставили г. Кингисепп, расположенный в 130 км от Ленинграда.

⁴⁶ Об А. А. Прокофьеве см. примеч. 21, 22 к вступ. ст.

⁴⁷ Неточная цитата из стихотворения А. Прокофьева «Умрем, но не допустим!», опубликованного 22 авг. 1941 г. в «Ленинградской правде». Правильно: «Умрем, но не допустим / Нам воля дорога / К Невы широкой устью / Проклятого врага!».

⁴⁸ Призыв к борьбе с дезертирами, шпионами, паникерами впервые прозвучал в выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г.: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. <...> Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица» (Ленинградская правда. 1941. 3 июля. № 154. С. 1). Эта тема затрагивалась и в обращении руководителей Ленинграда «Ко всем трудящимся города Ленина» от 21 авг. (см. примеч. 40): «Выполним наш священный долг советских патриотов! Будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусами, паникерами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок в нашем городе». В августе–сентябре «Ленинградская правда» неоднократно печатала передовые, призывающие горожан «проявлять величайшую настороженность и бдительность к проискам врага», усилить охрану военных и промышленных

объектов, учреждений, вокзалов, мостов: «Священный долг каждого ленинградца – помогать органам НКВД срывать маску со шпионов, диверсантов и их пособников, уничтожать врага, где бы он ни появился» (Ленинградская правда. 1941. 23 авг. № 201. С. 1). См. также передовую «Выше революционную бдительность!» (Там же. 20 сент. № 225. С. 1).

⁴⁹ Имеется в виду С. А. Купер. См. примеч. 28 к вступ. ст.

⁵⁰ *Дедов Георгий Андреевич (Адрианович)* (1898–1944) – прозаик. Состоял в ЛАПП. Автор повестей «Пятнадцать лет любви» (1930), «Беглец» (1941). Во второй половине 1930-х гг. работал над романами «Диктатор», «Высокое напряжение» (о молодых инженерах на строительстве Новосибирского радиопередатчика), «Путешествие к себе» и книжкой рассказов для детей «Дружба» (анкеты ЛО ССП: ЦГАЛИ СПб., ф. 371, оп. 2, № 57). В начале войны вступил добровольцем в армию, был военным корреспондентом, принимал участие в боях. Погиб в сражении под Будапештом.

⁵¹ *Беляев Владимир Павлович* (1909–1990) – детский писатель, публицист. Автор трилогии «Старая крепость» (1951). В 1930-е гг. работал на ленинградском заводе «Большевик», занимался в литературном кружке Крайского. С 1934 г. работал в редакции журн. «Литературный современник». В 1936 г. арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», но вскоре освобожден. Были репрессированы его мать и отчим, военком Е. Л. Беляев. В 1941 г. участвовал в обороне Ленинграда в составе формирований народного ополчения. В феврале 1942 г. эвакуирован в Архангельск, служил военным корреспондентом Совинформбюро на Севере, сотрудником военной газ. «Патриот Родины». В 1942 г. в Архангельске вышла его книга о блокадном городе «Ленинградские ночи», охарактеризованная А. А. Прокофьевым как «развесистая клюква или халтура, тем более недопустимая, что автор связал ее с темами нашего великого <...> города времен Отечественной войны» (Звезда. 1944. № 4. С. 119). Писатель Ю. М. Нагибин характеризовал впоследствии Беляева как «темнейшего человека», совершавшего поступки, противоречащие нормам морали (*Нагибин Ю.* Дневник. М., 1996. С. 127–130).

⁵² Решением Военного совета Ленинградского фронта с 25 авг. 1941 г. в городе введено осадное положение. Установлено новое время начала спектаклей, концертов и киносеансов – 18 часов, окончание – не позднее 20 часов 45 минут.

⁵³ Город Гаврилов Ям Ярославской области, где находился интернат с эвакуированными Литфондом детьми ленинградских писателей. В октябре 1941 г. переведен в деревню Черная в Пермском крае; существовал до июня 1944 г. Начальник интерната – С. Г. Бешелев, заместитель – З. А. Никитина. В интернате жили и работали критики А. И. Лаврентьева-Кривошеева, Т. К. Трифонова, жены некоторых писателей, в частности, – М. Н. Чуковская, Н. А. Гор (повар), Н. Н. Ванина (сестра-хозяйка), И. П. Стуккей (жена Вс. А. Рождественского), Л. П. Азарова, С. С. Альтерман (Острова). См. подробнее: *Альтерман С.* Командировка // Голоса из блокады... С. 234–239.

⁵⁴ Месяц август указан ошибочно. Здесь и далее речь идет о событиях сентября 1941 г.

⁵⁵ Началом блокады считается 8 сент. 1941 г., когда немецкие войска заняли Шлиссельбург, полностью блокировав Ленинград с суши, но жители города потеряли возможность покинуть Ленинград уже в конце августа, с оккупацией станции Мга и прекращением железнодорожного сообщения. К этому времени в городе оставалось 2 миллиона 544 тысячи жителей и около 300 000 беженцев из прибалтийских республик и соседних российских областей.

⁵⁶ Первые артиллерийские обстрелы Ленинграда со стороны оккупированного Тосно начались 4 сент. 1941 г.; 6 сент. немецкая авиация двумя группами по 30 самолетов прорвалась к городу, сбросив первые бомбы.

⁵⁷ Информация основана на слухах. Станция Мга занята немецкими войсками 30 авг. 1941 г., освобождена 21 янв. 1944 г. В сентябре 1941 г. под Мгой шли ожесточенные бои, советские войска пытались овладеть станцией и прорвать кольцо блокады, но потерпели поражение (см., в частности: <http://dacha-50km.narod.ru/info/stati/index.html>). Слухи о том, что Мга отбита, зафиксированы и в дневнике П. Н. Лукницкого: «Вчера я опять встретил фотографа и „блиндажевладельца“ Д-на. Он „все знает“, он сказал мне, что идут большие бои за Белоостров, Сестрорецк, что нами взяты обратно Мга и Пушкин. <...> Все это неверно. Я лучше других знаю о положении в Белоострове и Сестрорецке: Белоостров давно уже наш, а за Сестрорецк никакие бои не ведутся, потому что в нем с начала сентября положение настолько сильное и твердое, что финны и не пытаются лезть на Сестрорецк. Что же касается Мги, Пушкина и прочего, то, к сожалению, ничего радостного для нас на тех участках фронта пока не произошло» (*Лукницкий П. Н. Ленинград действует... Фронтовой дневник. Первый год войны.* М., 1971. Кн. 1. С. 166). См. также примеч. 36.

⁵⁸ Массированный налет начался в тот день в 18 часов 55 минут; только на Московский район упало 5000 зажигательных бомб, вспыхнуло 178 пожаров, в том числе на Бадаевских складах, где находились запасы продовольствия. В 22 часа 35 минут налет повторился; повреждена главная водопроводная станция города (*Буров А. В. Блокада день за днем.* С. 73). Первые бомбежки произвели угнетающее впечатление на жителей города. «А нам все время говорили, что Ленинград недоступен, что налетов не будет, – записала в дневнике Елена Скрябина. – Вот и недоступен! Противовоздушная оборона оказалась мыльным пузырем. Гарантия безопасности – пустая фраза. <...> Уничтожение Бадаевских складов грозит неминуемым голодом» (*Скрябина Е. А. Годы скитаний: Из дневника одной ленинградки.* Париж, 1976 // http://militera.lib.ru/db/skryabina_ea/01.html).

⁵⁹ Вероятно, имеются в виду стороны света: восток и юг.

⁶⁰ Цитируется подпись под одной из трех фотографий, помещенных под заголовком «Героическая оборона Одессы» (*Известия.* 1941. 5 сент. № 210. С. 1). На них запечатлены рабочие Одессы, строящие бронепоезд, отряд моряков, отправляющийся на передовые позиции, корабль Черноморского флота, ведущий огонь по румынским войскам. В этом же номере помещены заметки о героической обороне Одессы и огромных потерях румынских войск, осаждавших город. Осадное положение введено 8 авг. 1941 г.; оборона Одессы продолжалась с 5 авг. по 16 окт. 1941 г., когда по приказу Ставки войска Одесского оборонительного района были планово эвакуированы и переброшены для усиления 51-й отдельной армии, оборонявшей Крымский полуостров.

⁶¹ Крайский жил на пр. Маклина, д. 39 (ныне – Английский пр.).

⁶² Имеется в виду Ида Михайловна Купер, жена писателя С. А. Купера, работавшая в Литфондовском интернате, где находился также их сын Анатолий. В архиве Крайского сохранилось письмо к ней (написано, видимо, в конце августа), в котором он просит позаботиться о дочери и рассказывает о положении в городе: «Как Вы, наверное, знаете, положение у нас угрожающее. Немцы очень близко. Близость эта оказалась для нас внезапной, – информации к ней не очень подготовили. Предполагается, что новое ополчение и рабочие дружины отстоят город, если кадровая Армия этого не сделает. Я сильно надеюсь на осенние дожди, которые уже начались. Очень может быть, что немцы в болотах завязнут. Тогда они начнут бомбить город. А с другой стороны будет бомбить нас голод. Недостаток продуктов уже ощущается. Рынки пусты, коммерческие магазины закрываются. Окна всех магазинов баррикадируются ящиками с песком. От этого город кажется нежилым, заколоченным в гроб. <...> Настроение в городе подавленное. Масса беженцев отовсюду. Вокзалы переполнены толпами

и эшелонами» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 158, л. 1, 2). И. М. Купер взяла на себя заботу о дочери поэта, Светлане, в период блокады поддерживала его жену, неоднократно посылала ей продуктовые посылки. См. об этом в дневнике Е. П. Крайской.

⁶³ 11 сент. Бомбежке подверглись многие районы города, в том числе Октябрьский, где жил Крайский. В городе разрушено 16 зданий, поврежден водопровод, возникло 40 пожаров. В торговом порту сгорели 14 складов. Ленинград бомбили более 20 немецких самолетов (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 78).

⁶⁴ См. о ней запись в дневнике Е. П. Крайской от 20 мая и 10 июля 1942 г.

⁶⁵ Норма выдачи I категории в дневнике не указана. С этого времени она составляла 500 граммов (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 79).

⁶⁶ Имеется в виду парк при Лесном институте (с 1929 г. – Лесотехническая академия) в Выборгском районе Ленинграда. Артиллерийские снаряды не долетали в этот район, и во время обстрелов жители города укрывались в парке.

⁶⁷ Цитата из информационной заметки «Налет немецких самолетов на Ленинград» (Ленинградская правда. 1941. 12 сент. № 218. С. 1).

⁶⁸ В дневник вклеена вырезка из «Ленинградской правды» (1941. 11 сент. № 217. С. 1) под заголовком «Приветствие лондонского радио городу Ленина».

⁶⁹ Весной 1940 г., после окончания Советско-финляндской войны, Выборг отошел к СССР. В период Второй мировой войны Финляндия выступила на стороне Германии. 25 июня 1941 г. правительство Финляндии объявило, что находится в состоянии войны с СССР. 29 авг. 1941 г. под натиском финской армии советские войска оставили Выборг. 20 июня 1944 г. в город вошли советские войска. См. также примеч. 93 к дневнику Е. П. Крайской.

⁷⁰ Цитата из заметки «Месяц героической обороны Одессы (Многолюдный митинг трудящихся)» (Ленинградская правда. 1941. 11 сент. № 217. С. 1). Выступавшие на митинге заверяли: «Мы дали слово великому Сталину – отстоять родной город от фашистских полчищ и клянемся, что мы свое слово сдержим».

⁷¹ Осада Киева началась 11 июля 1941 г., когда части немецкой 6-й армии вышли к реке Ирпень. В середине сентября четыре советские армии оказались в котле и понесли огромные потери. 19 сент. 1941 г. Киев был занят немецкими войсками. Официальная информация об этом появилась в сводках Совинформбюро от 21 сент. (Правда. 1941. 22 сент. № 263 С. 1; Ленинградская правда. 1941. 23 сент. № 227. С. 1). Освобожден 6 нояб. 1943 г.

⁷² Город Ельня под Смоленском оккупирован 19 июля 1941 г.; освобожден 8 сент. 1941 г.

⁷³ 13 сент. 1941 г. немецкие войска подошли к Пулковским высотам, но оборону советских войск прорвать не смогли. Линия фронта прошла у подножия Пулковских высот.

⁷⁴ Так начинались письма консультанта Крайского с разбором присланных в журналы произведений начинающих авторов.

⁷⁵ Цитата из передовой «Ленинградской правды» «Враг у ворот» (1941. 16 сент. № 221. С. 1), напечатанной также листовкой и расклеенной по городу. В этот день был сдан Урицк (ныне Лигово), тяжелые бои шли в районе Колпино, 17 сент. захвачен г. Пушкин. В тот же день началось срочное переселение жителей Кировского и Московского районов. Военный совет фронта принял постановление о передаче 40 тонн взрывчатки районным тройкам для минирования промышленных предприятий согласно разработанному плану. См. об этом: План «Д»: План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда / Сост., вступ. ст. С. К. Бернева, Н. А. Ломагина. СПб., 2005 (Серия «Архив Большого Дома»).

⁷⁶ Неустановленное лицо.

⁷⁷ Александровская больница основана в 1842 г., располагалась в нескольких зданиях в разных частях города. В 1866 г. построен комплекс на наб. Фонтанки, д. 132, о котором, вероятно, идет речь в дневнике. После революции переименована в больницу им. 25 Октября. В 1985 г. переведена на пр. Солидарности, д. 4; возвращено историческое название.

⁷⁸ Володарский район в 1949 г. переименован в Невский.

⁷⁹ Фима, соседка Крайского. Жена врача-гомеопата В. В. Изразцова. См. о ней также в дневнике Е. П. Крайской.

⁸⁰ Типография им. Евгении Соколовой (бывшая типография Товарищества А. Ф. Маркса) находилась на пр. Красных командиров, 29 (ныне Измайловский пр.). С ноября 1941 по апрель 1942 г. типография была законсервирована.

⁸¹ Вероятно, речь идет о Александре Игнатьевиче Сорокине-Гайворонском, авторе книг «О творчестве Демьяна Бедного» (1934), «Блестящая операция» (1939), «У края земли» (1940), знакомом Крайского по работе в литературных кружках. Возрастание антисемитских настроений в Ленинграде в первые месяцы войны обсуждалось 20 авг. 1941 г. на заседании ленинградского партактива, посвященного задачам ВКП(б) в связи с обороной города. В передовице «Будем бдительны и беспощадны к врагу!» «Ленинградская правда» призвала «безжалостно разоблачать и сурово наказывать всех распространителей слухов, болтунов, трусов, маловеров, всех, сеющих панику, возбуждающих антисемитизм, всех, пытающихся подорвать монолитное единство трудящихся Ленинграда» (1941. 23 авг. № 201. С. 1). См. об этом: *Ломажин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2004. Кн. 1. С. 314–315; Кн. 2. С. 127, 223.

⁸² Месяц август (VIII) указан ошибочно. Речь идет о событиях сентября 1941 г.

⁸³ Вероятно, имеется в виду стихотворение Н. Кольцова (см. о нем примеч. 29), присланное с фронта для публикации. В письме Крайского от 31 дек. 1941 г. Кольцов, не зная о смерти поэта, сетует, что стихотворение не опубликовали, и приводит его фрагмент: «Но близок час победы и расплаты / За разрушенье мирных сел и городов / Прославленный в боях неоднократно, / Отполируем штык о полчища врагов. / И всех удел их будет одинаков / Над мертвцами воронье поднимет стон / Валяться всюду будут с черным знаком / Останки лезвий, касок, лоскутки знамен». И далее боец пишет: «Валяются они группами и в одиночку, запечатлелся один офицер, как видно, указывал куда-то пальцем, так и замерз, указывая. И вот к этим бывшим людям является одно презрение, хочется отвернуться от них и не смотреть на них» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 149, л. 9–9 об.). «Переделанное» Крайским стихотворение прямо противоположно по своему мироощущению боевому настрою стихотворения Кольцова.

⁸⁴ Цитата из статьи «Район готовится к обороне» (Ленинградская правда. 1941. 19 сент. № 224. С. 3).

⁸⁵ См. примеч. 71.

⁸⁶ Сестра Крайского.

⁸⁷ *Олесов Федор Константинович* (наст. фам. Смирнов; 1911–?) – прозаик. Автор романа о беспризорниках «Возвращение» (Л., 1937). В конце 1930-х гг. работал над романами «Последние», «Гибель профессии» (ЦГАЛИ СПб., ф. 371, оп. 2, № 182, л. 4, 10). Участник Советско-финляндской войны (1939–1940), военный корреспондент. С июля по декабрь 1941 г. служил специальным корреспондентом на кораблях Балтийского флота. С 1942 до сентября 1946 г. жил в эвакуации в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, руководил литературным кружком при городской библиотеке, издал повесть «Угольных дел мастер» (Новосибирск, 1942), роман «Прощание молча»

(журн. «Сибирские огни». 1946. № 1, 2, 5, 6). В 1946 г., после постановления ЦК ВКП(б) 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», вместе с другими сибирскими писателями подвергся критике за искажение советской действительности в романе «Прощание молча». Вернулся в Ленинград в 1946 или 1947 г. Был одним из тех, кто не порвал общения с опальным Зощенко.

⁸⁸ *Алехин (Масловский) Глеб Викторович* (1907–1994) – прозаик. В начале войны вступил в народное ополчение, был военным корреспондентом, сотрудником редакции газ. «За Советскую Родину» при дивизии народного ополчения Кировского завода. Печатал очерки и повести также в армейской газ. «Удар по врагу»; большим успехом пользовалась повесть о разведчиках «Чёртова трубка». Автор книг об обороне Ленинграда «Разведчик Михаил Козеко» (1943), «На рубежах Ленинграда» (1943).

⁸⁹ *Лыбищ Владимир Александрович* (1913–1978) – поэт, прозаик, драматург. Отец поэта, литературоведа Л. В. Лосева. В 1941 г. вступил в народное ополчение, затем был заместителем командира стрелкового полка по политчасти на Ленинградском фронте; ранен, демобилизован в звании майора. Автор около 30 книг стихов, в том числе военного периода: «Следы на снегу» (1941), «Миллион братьев. Стихи» (1943), «Зарево над заливом» (1945), «Клятва. 1941–1943» (1944).

⁹⁰ *Панфилов Евгений Андреевич* (1902–1941) – поэт. Участник петроградского Пролеткульта, ассоциации «Космист», литературной группы «Стройка». Был дружен с Крайским, посвятил ему (и А. Тверяку) стихотворение 1932 г. «Слово о нашем будущем» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 119). «Стихи он пишет изумительные», – отмечал Крайский в дневнике (запись 17 <апр. 1923 г.>: Там же, № 112, л. 35). Автографы стихотворений Панфилова «Белые ночи» и «Отец» вклеены Крайским в альбом с собственными материалами творческого и биографического характера (Там же, № 114, л. 105, 109). В первые дни войны вступил в народное ополчение, участвовал в обороне Ленинграда в составе писательского взвода Кировской дивизии на Лужском направлении; погиб в бою в районе р. Оредеж в августе 1941 г. В начале 1942 г. от голода умерла его жена.

⁹¹ Неустановленное лицо.

⁹² Кооперативное «Издательство писателей в Ленинграде», созданное в 1927 г., в 1934 г. объединено с «Московским товариществом писателей» и на их базе создано издательство «Советский писатель», которое Крайский называет прежним наименованием. Размещалось во внутренних зданиях Гостиного двора, куда и попала бомба. Об этой бомбежке П. Н. Лукницкий записал в дневнике: «...одна из бомб попала в Гостиный двор. Разрушено издательство „Советский писатель“, убиты давние мои знакомые (только за день в последний раз и разговаривал с ними): Таисия Александровна, молодая, хорошая женщина, редактор Татьяна Евсеевна Гуревич, корректорша, старший бухгалтер – всего восемь человек сотрудников издательства. Двое тяжело ранены. Директор издательства А. М. Семенов, извлеченный из-под обломков через семь-восемь часов, тяжело ранен в лицо» (*Лукницкий П. Н.* Ленинград действует... Кн. 1. С. 165).

⁹³ Возможно, имеется в виду газ. «На страже Родины», где Крайский был литературным консультантом.

⁹⁴ В 20-х числах сентября 1941 г. шли кровопролитные бои за Петергоф. 23 сент. гитлеровские войска захватили Новый Петергоф. Дальнейшее продвижение было приостановлено; линия фронта разрезала Петергоф на две части и проходила на западной границе города по линии обороны Ораниенбаумского плацдарма. В результате военных действий город был почти полностью разрушен или сожжен. Освобожден 19 янв. 1944 г. Кронштадт и стоящие на рейде советские корабли впервые подверглись воз-

душному налету 19 сент. 1941 г. 21 сент. в бомбежке участвовало от 175 до 190 самолетов, 22 сент. – 38, 23 сент. – более 100. Последний массированный налет с участием 42 самолетов произошел 27 сент. За эти дни флот потерял несколько кораблей и подводную лодку; многие корабли были повреждены. После этих трагических событий противоздушная оборона Кронштадта была усилена (Немецкие бомбардировки военно-морской базы Кронштадт в 1941 г. // <http://otvoyna.ru/kronshtadt1.htm>). «Спротивляясь немецким войскам, вы погибнете под развалинами Ленинграда, под ураганом немецких бомб и снарядов, – говорилось в листовках, разбрасываемых самолетами. – Мы сровняем Ленинград с землей, а Кронштадт с водой» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 91).

⁹⁵ С 1940 по 1957 г. так назывался г. Пермь.

⁹⁶ Композитор *Дмитрий Дмитриевич Шостакович* (1906–1975) уехал вместе с семьей в Москву 1 окт. 1941 г., 16 окт. эвакуирован в Куйбышев. Писатель *Михаил Михайлович Зощенко* (1894–1958) в первые дни войны обращался в военкомат с просьбой об отправке на фронт, но получил отказ по состоянию здоровья. 28 сент. 1941 г. вместе с А. А. Ахматовой был вывезен самолетом в Москву, затем эвакуирован в Алма-Ату.

⁹⁷ Свояк Крайского, муж сестры Александры.

⁹⁸ Неустановленное лицо.

⁹⁹ Обучение военному делу (всеобщ) мужчин в возрасте от 17 до 55 лет введено постановлением ленинградского Горкома партии 13 июля 1941 г.; реальные мероприятия во всех районах города начались примерно с 24–26 июля. 17 сент. ГКО утвердил указ «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», предусматривающий обязательную 110-часовую военную подготовку мужчин от 16 до 50 лет без отрыва от работы (*Правда*. 1941. 18 сент. № 259. С. 1).

¹⁰⁰ *Решетов Александр Ефимович* (1909–1971) – поэт. Член ЛАПП, сотрудник редакции журн. «Резец». Автор более 20 сборников стихов, в том числе военного периода: «Северные стихи» (1941), «Ленинградская доблесть» (1942), «В строю» (1943). Участник Советско-финляндской войны (1939–1940), с 1941 г. – военный корреспондент газеты 21-й армии Ленинградского фронта.

¹⁰¹ Немецкие войска вошли в г. Пушкин вечером 17 сент. 1941 г.

¹⁰² Вероятно, имеется в виду *Исаак Станиславович Эвентов* (1910–1989) – литературовед, критик. В 1930-е гг. работал в редакциях журналов «Залп» и «Резец», был знаком с Крайским. Осенью 1941 г. вступил в народное ополчение, участвовал в боевых действиях, вел лекционную работу в воинских частях.

¹⁰³ Речь идет о московской конференции (29 сент.–1 окт. 1941 г.) представителей СССР, США и Великобритании о взаимных военных поставках.

¹⁰⁴ *Семенов Сергей Александрович* (1893–1942) – прозаик, драматург. Автор популярных в 1920–1930-е гг. романов «Голод. Роман-дневник» (1922), «Наталья Тарпова» (1927). Состоял в петроградском Пролеткульте, ассоциации «Космист», ЛАПП. Участник Советско-финляндской войны. В 1941 г. вступил в народное ополчение, воевал на Ленинградском фронте, скончался в полевом госпитале. В архиве Крайского сохранилась его книга «Голод» с дарительной надписью: «Алексею Крайскому. „В глубоких колодцах вода холодна. / И чем холоднее, тем чище она“. Сергей Семенов. 28/IX–22 г.». В 1922 г. Крайский работал над инсценировкой этой книги. См. также примеч. 7 к дневнику А. П. Крайского и примеч. 54 к дневнику Е. П. Крайской.

¹⁰⁵ Немецкие войска вошли в Полтаву 18 сент. 1941 г.; город освобожден 22 сент. 1943 г.

¹⁰⁶ Вероятно, родственница. Упоминается в письмах Крайского дочери.

¹⁰⁷ *Лукуллов пир* – от имени римского полководца и консула Лукреция Лициния Лукулла (ок. 117–56 гг. до н. э.), прославившегося необычайным богатством и роскошными пирами, отличавшимися изысканностью блюд.

¹⁰⁸ Об этом обеде Крайский писал дочери: «30-го были у тети Нади. Первый раз в месяц наелись там здорово: щи, котлеты и пирожки с капустой. А Фимочка пирогов нынче не пекла, не из чего» (из письма от 3 окт. 1941 г.: РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л. 19 об.).

¹⁰⁹ С 1 окт. 1941 г. в Ленинграде в третий раз были снижены нормы выдачи продуктов. Рабочим и инженерно-техническим работникам выдавалось по 400 г хлеба, служащим, иждивенцам и детям – 200.

¹¹⁰ *Средняя Рогатка* – исторический район на юге Санкт-Петербурга (между станциями метро «Московская» и «Звездная»), к которому в настоящее время относится начало Московского шоссе, площадь Победы, Пулковское шоссе, улицы Орджоникидзе, Типанова и проспект Юрия Гагарина. Через Среднюю Рогатку, в районе современной площади Победы, проходил второй рубеж обороны города.

¹¹¹ Имеется в виду завод по производству резиновой обуви «Красный треугольник» (наб. Обводного канала, 138). Во время войны часть производств была эвакуирована в Свердловск и Саратов. На оставшемся в Ленинграде производстве выпускалась оборонная продукция. Зимой 1941/42 г. почти все цеха «Красного треугольника» были законсервированы. В результате бомбежек были разрушены 22 корпуса, остальные повреждены.

¹¹² Город Орел оставлен советскими войсками 3 окт. 1941 г., освобожден 5 авг. 1943 г.

¹¹³ Вязьма и Брянск являлись ключевыми пунктами обороны Москвы на Западном фронте. Наступление немецких войск против войск Брянского фронта началось 30 сент., 6 окт. был занят Брянск, на следующий день немецкие танки вошли в Вязьму. Советские войска попали в окружение, в плену оказались в общей сложности 663 тысячи человек (<http://www.1941-1945.ru/1941.htm>). Вяземская катастрофа стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной войны. В упоминаемом Крайским сообщении Совинформбюро от 9 окт. о боях на Вяземском и Брянском направлениях говорилось: «На ряде участков Западного фронта наши части ведут ожесточенные бои против наступающих немецко-фашистских войск. <...> Оказывая упорное сопротивление фашистским войскам, наши части наносят значительные потери противнику» (Ленинградская правда. 1941. 10 окт. № 242. С. 1). Вязьма освобождена 12 марта 1943 г., Брянск – 17 сент. 1943 г.

¹¹⁴ Речь идет о сообщении Совинформбюро от 9 окт. о ситуации на Брянско-Вяземском направлении (см. примеч. 113). В следующих номерах «Ленинградской правды» сообщались цифровые данные о потерях противника, подвигах советских войск, но из информации оставалось неясным, наступает или отступает Красная Армия.

¹¹⁵ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1836 г.).

¹¹⁶ После поражения под Вязьмой и Брянском было принято постановление «Об эвакуации столицы СССР», предусматривавшее отъезд из Москвы правительства во главе со Сталиным; по Москве поползли слухи, что город сдают немцам. 16 окт. 1941 г. началась паника; десятки тысяч человек пытались вырваться из города на восток. Предприятия и магазины закрывались, транспорт не работал. Городское руководство не предпринимало мер, спешно покидало город. Паническое бегство прекратилось на четвертый день, после издания приказа применять к трусам, паникерам и мародерам любые меры вплоть до расстрела, а также выступления по радио председателя Моссовета В. П. Пронина. С 20 окт. в Москве введено осадное положение.

¹¹⁷ Мариуполь (с октября 1948 по январь 1989 г. – г. Жданов) оккупирован немецкими войсками 8 окт. 1941 г., освобожден 10 сент. 1943 г. В середине октября

1941 г. под Калинином (ныне – Тверь) шли ожесточенные бои. 17 окт. город полностью перешел под контроль немцев, освобожден 16 дек. 1941 г.

¹¹⁸ Обращение «К ученым всего мира» подписали более 20 советских ученых, в том числе академики Н. Державин, П. Капица, А. Ферсман. «Фашизм осквернил науку, – говорилось в обращении. – Вместо духовной силы интеллекта гитлеровские варвары провозгласили культ грубой силы, невежества и низменных инстинктов. <...> Мы обращаемся к ученым всего мира в дни, когда всю тяжесть удара гитлеровской военной машины приходится выносить советскому народу, когда его города уничтожаются, население подвергается грабежу и диким издевательствам, насилиям. В те дни, когда в ожесточенных сражениях на гигантском фронте решается вопрос о том, быть или не быть свободными народам СССР, Англии, США, которым угрожает фашизм; быть или не быть свободными народам Франции и других поработанных фашистами стран» (Известия. 1941. 14 окт. № 243. С. 1).

¹¹⁹ Неустановленное лицо.

¹²⁰ Таганрог оккупирован 17 окт. 1941 г., освобожден 30 авг. 1943 г.

¹²¹ Речь идет о пьесах древнеиндийского поэта, драматурга Калидаса (IV–V вв.) «Шакунтала» (в русском переводе «Сакунтала»), «Маялика и Агнимитра» и пьесе итальянского драматурга К. Гоцци (1720–1806) «Турандот».

¹²² Неустановленное лицо.

¹²³ Некоторые сведения об О. И. Гордон содержатся в работе научного сотрудника Института исследования еврейской диаспоры при Санкт-Петербургском еврейском университете А. И. Хаеша «Хаеши: Биографические и генеалогические сведения»: «Племянница Аврама Марковича Прухно, Ольга Исааковна Гордон, была опытным врачом. Она работала в поликлинике № 26, что находилась на Бульваре Профсоюзов, рядом с Дворцом Труда. Поликлиника обслуживала наш микрорайон. В начале 60-х годов я во время туристского похода к Люсей по Белоруссии подхватил там инфекцию. Мы примчались в Ленинград, и я серьезно болел, причем участковый врач никак не мог понять, что со мной. Тогда меня посетила Ольга Исааковна и высказала подозрение на менингит. Меня на скорой доставили в „Боткинские бараки“, где все подтвердилось. Своевременный диагноз Ольги Исааковны, вероятно, спас меня от серьезных осложнений от этой тяжелейшей болезни. Я навсегда остался за это благодарен Ольге Исааковне» (<http://shkolnie.ru/voennoe/115/index.html>).

¹²⁴ *Амосовские печи* – первый в мире калорифер, изобретенный ученым Н. А. Амосовым в 1835 г. (нагретый воздух поступал в помещение по «жаровым» металлическим каналам под действием разности плотностей). Впервые установлены в Императорской Академии художеств.

¹²⁵ Харьков оставлен советскими войсками 24 окт. 1941 г., освобожден 23 авг. 1943 г.

¹²⁶ Немецкие войска занимали Ростов-на-Дону дважды. Первый раз – 20 нояб. 1941 г.; 28 нояб. советские войска отбили город. Освобождение Ростова-на-Дону стало первой значительной победой Красной Армии в начальный период войны. 24 июля 1942 г. город был вновь захвачен гитлеровскими войсками; окончательно освобожден 14 февр. 1943 г.

¹²⁷ *Лозовский Соломон Абрамович* (наст. фам. Дридзо; 1878–1952; расстрелян) – советский партийный деятель и дипломат, публицист. В 1939–1946 гг. – заместитель наркома иностранных дел; с июля 1941 г. – заместитель начальника, затем начальник (1945–1948) Совинформбюро. В январе 1949 г. арестован по делу Еврейского антифашистского комитета. В дневнике Крайского речь идет о пресс-конференции Лозовского с иностранными корреспондентами 23 окт. 1941 г. в связи с предполагаемой эвакуацией руководства страны в Куйбышев (Ленинградская правда. 1941. 25 окт. № 255. С. 4).

¹²⁸ Наступательная операция на Донбасс продолжалась с 29 сент. по 4 нояб. 1941 г. Окружной центр Юзовка (с 1924 г. – Сталино, ныне Донецк) был оставлен советскими войсками 21 окт. 1941 г.

¹²⁹ В статье писателя В. Г. Лидина «Мы еще придем!» речь идет об отступлении советских войск на Украинском фронте: «Далеко, на сотни километров, лежат родные нам степи Украины. Далеко, на сотни километров, лежат родные нам поля Белоруссии. Мы не покинули вас, не ушли от вас, родные нам люди! Стиснув зубы, сжимая в руке оружие, натуго обтянув подбородок ремнем стального шлема, мы временно ушли, потому что этого требовала необходимость войны. Мы запомнили каждый верстовой столб на этом пути, потому что этот путь будет путем нашего возвращения. Через пространства и степи летит весть от одного человеческого сердца к другому, и на ваш далекий, молчаливый вопрос: – Вернетесь ли вы? Мы отвечаем: – Вернемся! Вернемся, потому что в этом сейчас цель и смысл нашей жизни, ради счастья народа мы строили, жили, несли в нашем сердце человеческие чувства, растили детей, страдали и любили» (Известия. 1941. 4 нояб. № 261. С. 3).

¹³⁰ Речь идет о прозаике, поэте, мемуаристе *Леониде Ильиче Борисове* (1897–1972). Был дружен с Крайским, посвятил ему стихотворение «Великолепные твои стихи...» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 117). Как и Крайский, руководил литературными кружками, был одним из организаторов Ленинградского отделения Всесоюзного союза поэтов (1924). Обиду на Борисова, не навестившего Крайского, высказывает и Е. П. Крайская в дневниковой записи 3 мая 1942 г.

¹³¹ *Батт* – представитель органов обороны США. В конце сентября 1941 г. приехал в Москву в составе англо-американской миссии для ознакомления с положением дел в Советском Союзе и обсуждения вопросов расширения военных поставок по ленд-лизу. В советских газетах публиковалось «Выступление члена миссии США в Москве г-на Батта по радио», в котором он высоко оценил усилия СССР по созданию оборонной промышленности и квалификацию советских рабочих, умеющих обращаться со сложной техникой, отметил всеобщий настрой сражаться до победного конца. Выражая уверенность, что военная помощь не будет «пущена на ветер», он призвал руководство США «к огромному увеличению и ускорению производства вооружений в США для удовлетворения потребностей Советского Союза и Англии» (Ленинградская правда. 1941. 6 нояб. № 265. С. 4). 7 нояб. 1941 г. президент США Рузвельт принял декларацию о предоставлении Советскому Союзу военной помощи по ленд-лизу.

¹³² Речь идет о докладе Сталина на торжественном заседании Моссовета с партийными и общественными организациями Москвы 6 нояб. 1941 г. (Известия. 1941. 7 нояб. № 264. С. 1).

¹³³ Вероятно, имеется в виду Сталин. Так же Сталин назван и в дневнике Е. П. Крайской.

¹³⁴ С 20 нояб. до 25 дек. 1941 г. введены минимальные нормы выдачи: рабочим – 250 г хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет – 125, личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии, – 300 г, войскам первой линии – 500. С 25 дек. население Ленинграда стало получать 350 г хлеба по рабочей карточке и 200 г по служащей, детской и иждивенческой.

¹³⁵ Неустановленное лицо.

¹³⁶ Город Керчь несколько раз переходил из рук в руки. Первый раз был захвачен 16 нояб. 1941 г., освобожден 30 дек. Вторично Керчь оккупирована 19 мая 1942 г., полностью освобождена 11 апр. 1944 г.

Дневник Е. П. Крайской

3 мая 42 г.

Первого Мая, вопреки ожиданиям, немцы вели себя тихо; на сегодняшнюю ночь был налет тоже незначительный. К празднику выдали наши «граммы», от 50 до 100 грам<мов>, как-то: сыр, масло, сухие фрукты, селедки, правда, их дали от 250 гр<аммов> до 500 гр<аммов>. Градации: рабочий, служащ<ий>, иждивенец и дети. Водки по ½ литра, пива по ½ литра. Ой, ой, выпили, и нечем было закупить.

Нет конца нашим мукам. Мне удалось променять часы и медальон на продукты, немного поддержалась, и морг отодвинулся, но, к сожалению, ценностей у меня нет, и что будет дальше, трудно представить. Уехать к Светлане? Тоска. Тоска. Нет Леша. Пиджак его, который я надеваю на себя, сохранил еще его запах. Я глажу рукава, я зарываюсь лицом в его лацканы... Леша, Леша Любимый, зачем ты ушел.

Порой мне кажется, что это возмездие судьбы за единую секунду мысли, что «лучше будет, если он умрет». У меня было такое жуткое отчаянье перед голодным днем, когда мне нечем было накормить его, и в эту же ночь его не стало. Тихий, солнечный, отошел в вечность так же тихо. Я не выдержала до конца испытания, я возроптала, будил он меня через 2 часа, и ворчала я... «Боже мой, ну что ты дергаешь меня, как в НКВД. Мне же завтра идти под снарядами, бомбежкой, утром, пешком от Маклина до Литейного моста почти на целый день...».

Леша, Леша, голодная, измученная, я ничего не могла дать тебе. Я, обожающая тебя, забыла о ласке, я ни разу не поцеловала тебя, я забыла, что в мире существуют поцелуи и бесконечное количество ласковых слов.

Ф. В.¹ говорит, что я казню себя, что я говорила эти слова, что я, приходя буквально черная от усталости, говорила с улыбкой: «Ну вот и я, Лешкинъка».

Не помню я, не знаю. Мне кажется, я так мало любила его последние дни. Так больно вспоминать сейчас. Обливаясь слезами, я вспоминаю его последние минуты и мученья. Смотрю на его кабинет... вот пришел бы Леша, Леша! Нет, и не будет никогда.

Проклятие войне, унесшей лучшего из лучших.

Проклятие людям корыстным, жадным шакалам двуличным, вроде Борисова,² этого самого Леонида Борисова, говорившего елей-

ные слова о дружбе и любви и не откликнувшегося на призыв Алеши... Как он страдал, как ему больно было, что все его забыли. О, прости мне Боже, смерти им всем прошу, умертвившим бесчувственностью Лешу.

20/V <1942 г.>

Опять телеграмма от Идочки,³ просит выезжать. Шлет на дорогу деньги. Ах, деньги, деньги. Я уже потратила 2000 руб. из страховых денег, а что купила?

Вот последняя тысяча, куда я ее растратила!

Хлеб ½ кило 200 р<ублей>

—.— 300 гр<аммов> 120

—.— 300 120

Пост<ное> масло 200 гр<аммов> 220 руб.

Еще хлеб 300 гр<аммов> 120 руб.

На руках 220 руб. — еще хлеб 120 р<ублей> — 300 гр<аммов>.

Я не работаю. Поступать на работу нужно, необходимо. А нужно ли уезжать, не знаю.

Вчера прислала письмо знаменитая жуткая б<ывшая> наша управхоз Ольга Ивановна. Пишет: «Везли нас хуже свиней, приехали в гор<од> — Вятской губ<ернии>. Голод, ничего нельзя достать. В обмен все на простые ситцы, кофты и т. д.». Жалеет, зачем уехала. Правда, в лагере и Света и Идочка, и мне есть где приклонить голову... Но жутко, жутко двинуться, имея малое количество монет, не имея ценностей и никаких материалов. А главное, ехать налегке немислимо, взять все мягкие вещи невозможно. Остаться на старости лет нищей, где-то ютиться в чужом углу, смотреть на жалкое существование и ничего не сделать для Светы. Не лучше ли здесь умереть с голоду, чем жить там, только имея чем набить желудок. Культурные многолетние привычки, книги, Светкина учеба, все это скомкано, сорвано и только живот... Пошло, глупо. До чего звереют голодные люди.

22 <мая 1942 г.>

Хлеба! Хлеба! Хлеба! Все вопят кругом только о хлебе.

Но есть и «сытые, и пьяные, и нос в табаке», как говорят. Вчера в Фонтанку угодил грузовик, нагруженный водкой, вероятно для фронта. Шофер, военный и двое сопровождающих тоже угодили в реку, когда их вытащили, они в недоумении смотрели на окружающих, не понимая, почему их вытащили из воды. Пьяные все трое бы-

ли вдрызг. Жалко мне их? Живут они последний день. Военно-полевой суд, конечно, приговорит их к расстрелу. Сегодня из Фонтанки вылавливали водку и поднимали машину.

Сегодня на Сенной под трамвай⁴ бросилась женщина. Прибыли пожарные поднимать вагон. Она еще имела мужество кричать из-под вагона: «Все равно снова брошусь». «Вот и спасай», – шутят пожарные.

По городу кое-где двигаются трамваи, света нет еще, и водопровод по-прежнему не работает.

Приехавший из Москвы, вернее прилетевший, военный был удивлен, поражен, увидев наш разрушенный город, услышав о смерти родных и знакомых и видя, как волокут сейчас на всевозможных^{<ных>} ручных тележках покойников. Самого ужаса он не видал: бомбежки и вереницы саней, везущих мертвых на свалку, равнодушных, закопченных, исхудалых до костей Ленинградцев. Сейчас как-то пообчистились, остались люди посильнее, но кажется, и сильные скоро будут слабыми.

Паек – это медленная смерть, нужно, значит, работать в столовой, в лавках, иметь знакомых спекулянтов или уметь воровать самому. Быть завом питания, словом, ловчить.

После маленького просвета в питании я опять голодаю, опять ослабли ноги и неистово сосет в желудке, как будто там вставлена трубочка, которая очень медленно и нудно вытягивает оттуда какие-то жизненные соки. Вымирают и вымерли целые семьи. На фронте не имеют понятия, что здесь творится. «Ленинградцы снабжаются хорошо», а большинство защитников города потеряли и родителей, и жен, и детей. У нас в доме таких семейств несколько. Смирнова потеряла троих детей 18 лет, 10 и 6 лет. Сама смотрит в морг, а муж, красный партизан, имеет отличия. Опухла и умерла от истощения Симакова, а муж ее защищает Советские границы. До войны еще было: «У нас запасов в случае войны на 10 лет». Хороши запасы, через полгода люди сталидохнуть, как осенние мухи, и продолжают подыхать, и неизвестно, что ^{<будет>} с нами, героями в кавычках; долго ли мы будем защищать наш город, и долго ли он будет глотать, пожирать своих жителей, волею одного человека⁵ обреченных на гибель. Сегодня я съела 300 гр^{<аммов>} хлеба и около ста граммов риса, и все. стакан, два чая без сахара. Завтра и риса нет, значит, только хлеб.

Эта героиня похожа на скелет; ноги как соломинки, руки – палочки. Война! война! Проклятие тебе и людям, ее создающим!

Морг. На железных листах, визжа по каменной мостовой, тянут, тянут покойничков; на колесиках иногда каких-то ободранных тележек, и по несколько в ряд на настоящих ручных тележках.

А вот и тянуть нечего. Попал снаряд в трамвай у Московского вокзала. Каша, кровавое месиво из людей... рука на тротуаре с кольцом... голова с вытекшим глазом... шатаясь идет женщина... «Я не переживу, я не переживу»... – повторяют посиневшие губы. Она жива, она спаслась. В книге судеб ей еще «жить». А Леша, милый Леша! Поют птички, голодная, исхудавшая как вобла твоя Лильчинька, и ей еще написано: «жить». А может быть сегодня, страшное жужжание адской машины в небе.... И она, и комната, и книги, и Леша мой... Ты жив... вокруг меня все ты... Все рухнет... Света, девочка моя, увидимся ли? Молись, родная, за маму, за папу. Да кончится проклятая бойня. Неужели не сможем мы вместе чтить память Любимого, сходить на могилу, посадить цветы (он так любил их), читать его стихи, просматривать его рукописи. Боже, дай силы, уверенности и помоги пережить этот ужас.

24 <мая 1942 г.>

Людоедство. Говорить нельзя, но принимает оно размеры немалые.⁶ Пропадают дети, пропадают женщины... А наряду с этим травку собирают голодные жители, вырывают крапиву, одуванчики, ветки различные с почками. Стоят в очереди за водой, отпускаемой в пивных. Ест траву и глотает воду несчастный Ленинград.

Есть и краснощекие, есть и веселые. Есть. Это не в счет, как правило: печаль, тоска, морг, снаряды, исковерканные дома, измученные люди. Дуся⁷ рассказала жуткую историю: их продавщицу арестовали за передачу кому-то килограмма хлеба. Ее посадили в камеру людоедов. (Это она узнала потом.) Сначала она увидела диких людей, которые набросились на нее и стали ощупывать и теревить. Испугалась она ужасно, боялась спать, боялась есть. Но, очевидно, она была девушка ловкая. Она поладила с ними, потерявшими человеческий облик, и... они ей поведали, за что они сидят. Они съели человека, и после их тянуло есть человежье мясо... Девушку эту выпустили до суда, но забыть этих людей, съевших себе подобных, она не может. Ей все кажется, что по улицам ходят людоеды.

Нет. По улицам ходят те, кто собирает травку, те, кто стремится обменять свои тряпки на хлеб.

25 <мая 1942 г.>

Обмен запрещен.⁸ Грозное распоряжение. Приказ, карающий тюрьмой всякие обмены товарами или на вещи и т. д.

С начала войны все угрозы. Даже очищать город от нечистот – приказ домохозяйкам – и то угрозы.⁹

А птички весело чирикают, странной кажется эта радостная переключка ожившей природы. Мы-то сами полумертвые, даже солнце не радуется. К тому же весь май холодный, суровый, пасмурный. Так и лучше: «Ты ненавистна мне, луна».¹⁰ Так и солнце, раздражает оно. Все мрачно, все темно. Ждать больше нет сил, вера слабнет, силы уходят. Работать! Мы вчера с Ф. В. поработали 2 ч., и как устали!

26 <мая 1942 г.>

Собачий лай! Необычайно и странно! Да откуда же эта животи-на? Поднимаю глаза. Из окна второго этажа выглядывает шпиц. Настоящий живой шпиц. Его еще не скушали, позабыли? Нет. Хозяева, очевидно, питаются сами и песика берегут. Поистине странно. Столько вымерло и мрет людей от голода, а здесь собачонка нарядная, белая в своей пушистой шкурке...

Вероятно, где-нибудь и котики сибаритствуют, свернувшись калачом на диванчике.

Все в жизни условно. Благоденствуют собаки и кошки,дохнут люди. Но все-таки это не как правило, а как исключение. Город живет без собак и кошек; съели их давно. Сегодня немцы опять молчат. Вчера дули здорово. Ууу...жжжж... Трах-тах-тах... Так и разрывались снаряды где-то близко возле нас. Да и немцы возле нас бок о бок. С Невдубстроа,¹¹ вероятно, бахали, там сейчас передовые позиции.

27 <мая 1942 г.>

Свету видела во сне, когда же наяву? Немцы сегодня молчат. На улице пасмурно, холодно. Иду сейчас наниматься на работу – рабочей-подсобницей на 1-ую катег<орию>. Если не выйдет, придется идти на вторую. Требуется в Автобазу зав<едующий> лич<ным> столом.¹² Боюсь ответственности, такой огромный перерыв в работе, 18 лет. Боже, Боже, сколько потеряно драгоценного времени. И писатель пропал во мне, и работник.

28 <мая 1942 г.>

Опять забухали немецкие снаряды. Игрушечки, пендериюшечки... побухают и перестанут. И только не перестает ныть голодный

желудок! Сегодня ела только хлеб 300 гр<аммов>. Сейчас принесли еще 300 – за 120 руб. Съела половину, тянет, как пьяницу к водке, доест все. От этого не буду сыта. Сегодня ходила наниматься на работу. Опять зав<едающей> личного состава. Автобаза, и 2-я категория. Да будет воля Твоя. Все лучше, чем иждивенческая, это совсем голодная, морговская карточка. Говорят, с первого прибавят продукты. Везде и всюду в учреждениях единый разговор, единое желание – поест. За исключением сытых учреждений; лавок, продбаз, столовых и т. д.

29 <мая 1942 г.>

Леша не терпел насилия над своей свободной личностью человека. Оттого он так страдал, что в «свободной стране» насилие и гнет стали несравнимы с «проклятым царским режимом». Война тем более насилие, что, конечно, ни один человек в мире ее не желает. Желают те – сидящие у власти, которые ставят на карту даже свои головы... лучше потерять жизнь, чем власть. О, власть, это гений зла; это Людоед, который пьет кровь миллионов людей, посылает их в тюрьмы, гноит заживо, нанизывает на земле курганы, как бусы, обильно поливая их кровью.

Я тоже страдаю от насилия, сейчас нас женщин кидают, как пшечек. Вчера два раза ходили в Райжилищсоюз, опять группы самозащиты,¹³ детские игрушки в военном снаряжении; грозят трибуналом, тюрьмой, невзирая на то, что большая половина женщин страдает цингой; ноги, как колоды, языки, как вата. На них орут люди, здоровые на вид, их подкармливают, чтобы они брали за жабры измученных и больных. Что не делает страх; он гонит этих женщин, истощенных до третьей степени, вперед, исполнять поистине ненужные распоряжения. Кому нужны эти жактовские группы самозащиты? За год они показали свою ненужность, текучесть; потом повальная смерть вырывала домохозяек, шедших в группы из-под «кнута», проклиная всех и вся. Сейчас снова. На этот раз Военная игра. Прикрепят меня, рабу Божию, мобилизуют как нач<альника> группы самозащиты. Тоже, вlepили меня, как ком глины, в дырявую стену. Сейчас я никуда не годна, хожу, как муха, полное истощение, и нет конца мукам голода. Мне страшно работать, вчера я два раза прошла до Сенной – сегодня больна, голодна, измучена. Какая я самозащита!

Призывают женщин на военную службу до 30-лет<него> возраста.¹⁴ Уморили всех мужчин. Я вчера слышала разговор молодежи.

«Это будет рассматриваться как акт вредительства, погибали культурнейшие силы, профессура, научные работники, много необходимых и нужных людей, потому что они имели вторую категорию 125 гр<аммов> хлеба, а хлеборезы первую, да еще воровали».

Да. А Леша не культурная сила? Прекрасное знание литературы, художественное чутье тонко и остро развито, столько пользы еще принес бы он. Его не умели ценить и мягко – как это нужно было – подойти к нему.

Погиб ценнейший, прекрасный и любимый мной единственный, неповторимый.

17 июня <1942 г.>

СССР заключил договор с Англией и Америкой о взаимопомощи, об уничтожении общими силами немцев.¹⁵ Что обещали наши и какой лакомый кусок отхватят обе эти страны, мы не знаем, но факт тот, что помощь есть, и значительная. Немец не громит так Ленинград, как разрушал его прошлый год, говорят, американские самолеты, английские авиационные силы брошены на наш фронт.

По здравому рассуждению оно, вероятно, так и есть. Если в начале войны наши, еще не истощенные силы, не смогли удерживать врага и позволяли ему так разрушать город, то почему же теперь мы почти не допускаем его прорываться? Стали лучше летчики? Наготовили прекрасные летные машины? Нет, конечно. Значит, это существенная помощь союзников, а за это они потребуют... говорят, они и требуют наш город Ленинград на несколько лет для его восстановления.¹⁶ Иностранные концессии. Американские поставки. Кипучая и шумная жизнь демократических стран. «Демократических?». Буржуазных. Возможно ли это?

Мира, мира, только мира, измученным, изголодавшимся Ленинградцам!

Сегодня опять телеграмма от Идочки, выслали посылки. И если они в Союзе¹⁷ – какое хамство не сообщить даже. Идочка пишет: «Умоляю ответить получение посылки, писем. Посылки Союзе». Что это значит? Одна или две посылки? Боже, какое это было бы счастье. Возможно ли?

Леша, посмотри на меня из далекого мира беспечального, бестелесного, и протяни свою легкую руку помощи твоей несчастной, измученной Лиличке, исхудалой, изможденной, одинокой, тоскующей, оплакивающей тебя ежечасно, ежеминутно, до самой встречи с тобой в далеком нездешнем немислимом крае.

Света трогательно пишет, что теперь она должна заботиться обо мне. Как изменилась эта эгоистичная, капризная, избалованная девочка; она полна забот и тревоги обо мне, она любит меня, «мы должны жить друг для друга». Будем ли? Сумеем ли? Что ждет нас?

Сейчас в Ленинграде осталось население наиболее сильное, я причисляю себя к сильным, несмотря на дистрофию 2-ой степени. Цинга еще щадит меня. И если выдержит сердце и пощадит шальной снаряд или бомба – даст Бог, я увижу Свету и Идочку. Надо только сильно желать, надо уметь верить. Надо внутренний стимул. «Крепись, мамочка, я не знала, что ты такая стойкая и мужественная».

«Желай, Света, сильнее, и верь, родная, – говорю я ей, – и мы увидимся».

20/VI <1942 г.>

Ура! Идочка прислала посылку, до чего трогательно. Не могу не пересчитать необыкновенных богатств, полученных мною:

1. Банка консервов мясных
2. Мешочек с пшено (возможно килогр<амм>)
3. Мука с полкило
4. Горсточка сухарей
5. 10 картошек
6. 4 луковицы
7. 4 пряника
8. Корейка, кусок с ½ кило
9. 2 кусочка кеты
10. Чайный напиток, суррогат (кусочек)
11. 2 куска сахару.

Какое это счастье! Ела сырую картошку нескобленную, сверху нарезанный лук и соль; все это на кусочке хлеба необычайно вкусно, а главное – противочинготное средство. Если когда-нибудь, кому-нибудь суждено читать эти строчки, будет казаться странным, что люди были настолько голодны, что сырая картошка казалась райским яблоком, а луковица – ананасом. Я хваталась за все понемножку, я отрезала корейку, кету, жевала чайный напиток, отколола кусочек сахару, грызла сухарики, наконец, взяла себя в руки и все спрятала. Предварительно поделившись чуть-чуть с сослуживицами; дала им по ½ пряника, по кусочку корейки, по ½ луковицы и по ½ картофелины. «Пиршество, настоящий праздник», – восхищались они. Что это, сказка? Нет, быть, жуткая быть 1941–42 года.

22 <июня 1942 г.>

Сегодня понедельник, пришла на работу, казалось бы, мирная картина, против окна колышятся зеленые пышные листья клена, идут люди, гудят машины. Но вот женщина, выбиваясь из сил, тянет к себе корзину, т. е. идет пятками вперед. Корзина большая бельевая, а в корзине... мертвый человек, зашитый в простыню; ноги перевесились за борт корзины и волочатся по земле, спеленутые ноги мумии.

Везти ей не далеко, морг минут десять ходьбы, но она, вероятно, протянет свою корзину с час. Кого она везет? Возможно, подростка, узенький, длинненький скелетик, еще недавно дышал, во что-то верил, ждал помощи и избавления...

Ровно через 10 минут после моего печального наблюдения начался жуткий обстрел нашего района. Я только что вышла в столовую, чтобы принести гороховую кашу, которую дают по талонам. 40 гр<аммов> крупяных талонов и 200 гр<аммов> готовой каши. Кошка плачет больше. До чего ее мало. Едва я успела вбежать, как все вокруг загрохотало, засвистало, посыпались стекла, полетела штукатурка, пыль поднялась столбом, жались к стенкам перепуганные женщины. С свистящим визгом летели снаряды, казалось, все это над твоей головой, и живешь ты последнюю минуту, прижавшись, как к якорю спасения, к капитальной стене; нас четверо в маленькой комнатке. Трах-тах-тах-ах! Это где-то возле нас вонзился снаряд. ДЗЫнь!инь!инь! Дзынь! Это сыпятся стекла. Мы смотрим друг на друга. Все на секунду смолкло, только пыль дымится на улице. Это самая страшная тишина. За ней... Камни, камни летят с неба, целые глыбы рушатся на наш дом, но камней мы не видим, мы только слышим адский грохот, свист, завывание, звон стекол. Все. Словно по мановению волшебной палочки смолкло все.

Висят оборванные провода, кирпичи валяются, известка, стекла, как конфетти засыпана ими улица. Остатки еще сохранившихся окон сегодня без стекол все. В Лешином кабинете до сих пор все стекла были целы, сегодня два вылетели. Оторвало угол нашего дома. Это уже второй снаряд – первый угодил в окно парадной, но пока что счастливо, без человеческих жертв.

Напротив, в доме, попал снаряд во двор, все разворотил: камни, землю, балки, все смешал вместе, обильно посолив стеклами.

Сегодня годовщина войны. Наивные, мы думали тогда, что это пустяк, два, три месяца.

Это ужас, смерть, разрушение, голод. Мертвый город. Жалко смотреть. Вчера я долго смотрела в окно, в девять часов вечера почти

нет людей, идут кое-какие парочки, моряки с дамами, да торопятся запоздавшие, скорей домой, под крышу, а крыша тоже не спасает, ничто нас не спасает. Обречены ли мы на смерть или выживем? Почему я не уезжаю? Почему не стремлюсь к Светлане и Идочке? Почему? Они единственные у меня, которых я люблю, с которыми хочу быть вместе. Ф. В. от моей души далека, мозгом я, пожалуй, люблю ее, но столько «но» и закорючек, что я так много страдала из-за нее, когда, измученная до последней степени, не имея в доме, кроме соли, горчицы и перца, ничего, я поднималась к себе, а она шла домой, пила чай с вареньем, с вином, с хлебом, с дурындовыми лепешками, покупала себя мясо, масло, крупу и т. д. Никогда не забуду. Она мне предложила помакать в мясной соус кусочком хлеба, я макнула, и когда хотела еще раз, т<ак> к<ак> на хлеб ничего не прицепилось – она отодвинула от меня тарелку. И я стерпела, я не завывала от боли и оскорбления, я только еще раз убедилась, что это не друг, что это милая соседка, ну, а как соседка, она делала и делает многое, иногда подкинет сухарик, даст ложечку кашки, тарелку супу. Я благодарна ей за это. И когда умирал Леша, она, как милая соседка, приносила капельку варенья на маленьком блюдечке и полрюмочки прокисшего вина, имея корзину нераспечатанных вин.

1 июля 42 г.

Жизнь, как ты пошла, нелепа и глупа. Сейчас прочитала инструкцию (старую) о выдаче продовольственных карточек по нормам рабочих и нормам служащих. Служ<ащие> – директора, профессора, доценты, преподаватели, писатели, художники, скульпторы и т. д. Как можно было оставить людей умственного труда на 125 гр<аммах> хлеба? Чем думали они, эти толстопузые Попковы?¹⁸ Стольких полезных и нужных людей отдать земле, стольких искалечить цингой, дистрофией. Россия-Матушка! Всегда ты страдала глупостью, и твои правители большевики оказались не лучше всех былых правителей, только больше гонора, нахальства и хвастовства. Бесконечное прославление все 24 года, а результат самый печальный; через полгода войны жуткий, невероятный, неописуемый голод. Горы трупов в наскоро отведенных моргах, непрерывные вереницы покойников по улицам Ленинграда, полное равнодушие к закутаным мумиям, к грузовикам, полным замерзших, искореженных трупов, падающих на улицах (все это зимой). А сейчас, правда, смертность сократилась, но и народу убавилось, ой, ой, сколько.

Пустыня, а не город. Попков распинался, что голод, как таковой, изжит. Толстая скотина, можно ли жить месяц на норму служащего, допустим. Вот в граммах все довольствие:

Хлеб: 400 гр<аммов> в день		
крупы: 1500 гр<аммов> в месяц		
мяса: 1000	.-	.-
масла: 400	.-	.-
сахар: 500	.-	.-
Норма рабочего		
хлеб: 500 гр<аммов> в день		
крупы: 2000 гр<аммов> в месяц		
мяса: 1800 гр<аммов> в месяц		
масла: 800	.-	.-
сахар: 900	.-	.-

Все.

Голода нет, санаторный С<оветск?>ий паек.

А немцы все играют, пошлют нам пачечку хорошеньких снарядов, вырвут каменное мясо и кишки домов, раскрошат живое мясо людей, или трамвай разлетится, полный пассажиров, вылетят окна, как огрызки стоят объединенные рамы, сдернут провода, искорежат мостовые, и опять тишина. Кажется, ведутся переговоры... тишина... и снова. Через несколько дней полетят гостинцы.

10/VII <1942 г.>

Мне кажется, что ни в одной стране, воюющей только год, нет такого хозяйственного упадка, как в СССР. А у нас уже через ½ года голод и бесхозяйственность, головоотяпство рабочих правителей (?), уж половина жителей Ленинграда в могиле, вторая половина медленно поддыхает тоже, и еще часть жителей, которая не знает голода и удивляется, как матери желают смерти своим детям, и наоборот, дети призывают ее на родителей; недоумевают, как можно воровать друг у друга, закрывать под замок, отделяться друг от друга, подозревать, и вообще, как голод может разъединить самых близких и, казалось, любящих людей. Так говорят только те, кто не испытал голода, и таковые есть. Это известная корпорация людей могущих, говоря мягко, брать, а попросту воровать. Жены этих людей до глупости наивны или до наивности подлы.

Мне же, пережившей и еще переживающей этот кошмар, когда я с полным сознанием своей правоты воровала хлеб у человека, который имел четыре карточки, следовательно, сама она голодать не мог-

ла, ужаснее всего, что она не понимала, что голодаю я, и жаловалась на голод при мне... О, как мне хотелось ее задушить. Я вижу сейчас это лицо, наглое лицо, жующее хлеб с маслом, чай пьющее с сахаром, обильно насыпанным, а я пустой пила, без единой крошки хлеба. Вот она, Ольга Ивановна, еще я восстановлю этот жгучий образ советской коммунистки, эксплуататорши, воровки, авантюристки, носящей образок на шее, давящей всех, терроризирующей население дома... Жалкая социалистка, жена купца, ставшая агитработником, управхозом, все для того, чтобы скрыться, замазаться и свое подлинное лицо утопить в яростной лжевере в партию и правительство. Вот кто правит нами. Все сплошь лжекоммунисты, и все они, до простого милиционера и управхоза, облечены властью – броней, через которую не пробивается правда, и все, желающие сказать ее, давно сложили свои буйные головушки, разбивши их об эту лжеброню. Проклятие, а не страх, страх, страх и подавленность... Дворник, и тот хозяин над тобой, свободный советский гражданин!

20/VII <1942 г.>

До чего же терпелив ты, даже голодный, даже умирающий, русский народ – нет, это зовется иначе. Это просто рабство, в натуре рабство и подавленность, боязнь всякого начальства, страх и трепет, а может быть, трусость, инертность. Вот как я могла просидеть 15 лет домохозяйкой, ловя за хвост призрачную литературу, а она все удирает от меня. А если бы я работала, вероятно, не погиб бы Леша, и я, возможно, давно была бы писателем квалифицированным, а не только для себя. Всю жизнь прописавшая роман...¹⁹ Боже, Боже, начать бы... нет, поздно.

20/VII <1942 г.>

Сегодня получила первую категорию, это – если не уложит меня снаряд или бомба – немного спасает, а спастись мне необходимо. Кости мои настолько отовсюду выпирают, что страшно смотреть на себя голую, древняя старуха и... розовое лицо, правда похудевшее, с морщинками под глазами, но со свежей кожей, довольно гладкой, и только если я очень голодна, я бледнею и сразу увядаю, стоит только чуть-чуть покушать, как румянец вновь набегаёт на щеки и светлеет лицо, и потому внешне (кстати, я закрываю шею, она нехороша) на голодающую я не похожа. Я не нытик, вид у меня не унылый, словом, меня можно демонстрировать как стойкого защитника Ленинграда. Ехать по-прежнему мне не хочется. Хочется и Свету и Идочку сюда.

Плохо там будет, не может быть хорошо. И эта жалкая жизнь по чужим избам меня страшит. Черствость, скаредность и алчность людей, вот все, что ждет меня в чужом городе. Жалкое существование вдвоем со Светой. Бедная девочка, рано выпали на твою долю заботы, труд, суровость жизни и потеря отца. Если бы сохраниться мне, сохранить все, тогда все-таки кое-что будет у девочки. Да будет воля Твоя!

Недавно немцы опять колошматили из дальнобойных, у нас на Маклина попал во второй этаж в комнату – крошево одно из комнаты, и огромная брешь в окне. Самолеты сбрасывали листовки содержания невразумительного – «Вас продают жида» и т. д., не воюйте, сдавайтесь – я не читала, слышала из газет шлеп-шлеп.

Когда же конец? Как жаждет его измученное тело и большая душа. А главное, дочуру мне, Идочку, тихой, мирной работы и спокойного сна.

24 июля <1942 г.>

Сегодня в 7 ч. вечера в наш дом попал третий по счету снаряд, но все не в квартиры. Первый раз на парадную, второй раз в угол дома, и сегодня сделал брешь под 5 этажом. Наш тупик весь был засыпан кирпичами, по счастливой случайности никто не пострадал. Очевидно, мне еще не суждено умереть. Я только что перед обстрелом хотела пойти получить по карточке воблу, потом решила подогреть суп и съесть с кусочком хлеба. Я сняла пальто и осталась дома. И вдруг наш дом вздрогнул, засвистело, заходило все вокруг. Еще удар, казалось, что я сейчас полечу, или я только одна жива, а все вокруг меня погибло.

29/VII 42

Недолго я поработала, «Главвторчермет» эвакуируется не то в Челябинск, не то в Свердловск. Там и там голодно, и учреждение, несомненно, меня прикрепит. Света пожелает приехать ко мне, и боюсь я жалкого существования с ней вдвоем, жалованья не хватает, тряпок нет, тоже голодать, да в чужом углу, даже без кровати и матраца. Сейчас я хоть одна, а Света сыта и в надежных руках. Хочется сказать себе: «Подумай, мать. Не лучше ли оставить дочь на месте и самой сидеть тоже на месте». Опыт прошлых лет показал, что все, уезжающие из Ленинграда, теряли все. Правда, не было такой жути и такого голода. Я верю в провидение. Против Леши все восстало, все складывалось так, чтобы ему умереть. Суждено мне, я умру здесь от

снаряда ли, бомбы или еще от чего, но голод пока меня пощадил. Как я голодала! Да и сейчас не блестяще, несмотря на 500 гр<аммов> хлеба в день, мне его не хватает. Меня может удовлетворить только килограмм, или наличие масла и сахару, тогда я бы могла удовлетвориться меньшим количеством хлеба. А что будет там. Даже в лагере Литфонда. Идочка пишет: «Если Вас не пугает 400 гр<аммов> хлеба в день, 200 гр<аммов> масла и 300 гр<аммов> сахару на месяц, то приезжайте». Если я голодна, имея 500 гр<аммов> хлеба. Правда, остальные продукты я еще полностью не получала. Ибо I категория только с 20/VII у меня, то что же я буду там? Сейчас я дистрофик 1-ой или 2 степени, там я стану 3-ей. И страдать еще за Свету, видя ее мучения за меня. Нет, лучше мне остаться здесь, будь что будет. Да будет воля Твоя!

7 августа <1942 г.>

На носу осень, я не еду к Светлане, и не видно конца нашей блокаде. Кто-то пустил слух, что есть какое-то международное право, по которому нельзя держать в блокаде город больше 1 года. Год истекает в августе, мы все еще зажаты в кольцо – мы, оставшиеся «герои» – город опустел – мертвый, тихо, как в могиле, в его вечерний час. Вот мимо окна проходят две парочки, два молодых моряка под руку с барышнями, смеются, девушки хорошо одеты, у одной букет цветов. И так защемило сердце, грустно, грустно стало, за них ли, за себя ли, за все человечество, что живет в ужасную эпоху истребления друг друга. Завоевали воздух и творят невероятные вещи: немцы скидывают с парашюта даже живых коров, не говоря о людях, танках, продовольствии и т. д. По слухам, Одесса была взята ночью, был выброшен десант в огромном количестве.²⁰ А Киев? Украина? Шагает немец на Донбасс,²¹ и если нефть приберет – погибли мы. А союзники второй фронт не открывают. Англия со своей выжидательной политикой медлит. А Ленинград дохнет, осталось все сильное, но и оно начнет выдыхаться... Ужас предстоящей зимы нельзя даже представить. Если сейчас не действует канализация, нет света, нет дров, трамваи ходят – всего несколько номеров по всему Ленинграду, то что же будет зимой? Хочется мечтать о конце бойни до зимы. Вот опять третий день тишина, ни обстрела, ни тревог. Так и кажется, что ведутся переговоры, что вот-вот какие-то события разрядят сжатый воздух, и мы вздохнем полной грудью. Пройдут эти дни, снова засвистят снаряды, загрохают разрывы, оглушительно зальются пулеметы, снова я буду стоять, прижимая руки к сердцу, в уборной или между дверей,

и ждать, когда придет моя очередь. От одного этого состояния мыши, попавшей в капкан, нужно бы бежать, бежать без оглядки. И не бежится, уж очень везде нерадостные картины. Единственная радость там – Света и Идочка, но у Идочки поддержка – муж и братья. А у нас со Светой? Мы все время и при Леше жили очень скромно, хотя, с другой стороны, мы жили не по средствам, имели прекрасную квартиру из 3-х комн<ат> (телефон), прилично обставленную, а должны были жить в одной комнате, без всяких телефонов. В довершение всего я плохая хозяйка, Леша тоже. Бывало так: то густо, то пусто, то нет ничего. Вот теперь я вижу, как нужно бы вести хозяйство, и Леша был бы жив и сейчас. Поздно приходит опыт, когда непоправимо, когда несчастья тебя изломали, и ты плетешься по течению, и больше нет ни сил, ни желания. Иногда у меня запас жизненных сил, хочется Свету, новой жизни с ней. А вот сегодня я всю ночь потела, даже простыня была мокрая, ночью переодевала рубашку. Все это говорит о слабости, несмотря на то, что я стала немного лучше питаться.

Долго ли ждать, помышляя о чуде?

27/VIII 42

Давно не писала. Автобаза уехала, я осталась, что я жду в осажденном Ленинграде? Чуда? Да, чуда. Вознаграждения за все страдания? Да, Свету домой, покоя и тишины. Наивная, хочется сказать себе, неужели ты думаешь, будет покой? Да, думаю. Верю. Нельзя бесконечно страдать. Вчера я вышла вечером подышать воздухом, возле какого-то дома поравнялась с женщиной, обе мы услышали радио: «20 ч. 20 мин<ут>», и обе повторили это, потом посмотрели друг на друга и разговорились о том, сколько мы, Ленинградцы, пережили и сколько положено нам пережить еще. У нее погибла сестра, ее муж и ребенок. Жуткая история. В январе месяце 42 г. муж умирает от дистрофии, молодой инженер, жена в отчаянии, на почве психического заболевания она повесила свою трехлетнюю дочь на спинке кровати, а сама в уборной, на старой рваной веревке, которую ей дала мать.

«Мать сама послала ее в петлю, когда она, приодетая, нарядила в меховую шубку Мариночку и заявила, что пойдет определять ее в очаг.²² Я сказала ей: „Брось, я сама схожу с ней завтра, не ходи“. Мама возмутилась: „Что ты удерживаешь ее, первый раз на нее нашло просветление и жажда деятельности, а ты ей противоречишь, пускай идет“. Она сейчас же снова быстро оделась, снова одела Мариночку

и, попросив у мамы веревку от ведра, ушла. С тех пор мы ее не видели живой, ни ее, ни нашей чудесной девчурки. Вот теперь мама и мучается, сама послала умирать, сама дала веревку...».

Я ей рассказала о смерти Леша, о том, что я тоже своей беспомощностью не сохранила его. Я отняла у него стимул жизни, я перестала быть терпеливой. Он сказал Ф. В.: «Я измучил ее; мне нужно умереть», – и в ту же ночь умер. Вечная мука и вечная память до самой моей смерти. Обожаемый, Любимый, и я вдруг безразличная, как будто холодная, а сама я страдала, страдала от того, что чувствовала свое бессилие, знала, что дальше голодная смерть и я ничем не могу помочь. Какой это непередаваемый ужас.

Опять военная игра, угрозы и прикрепления, мы все мобилизованы по МПВО.²³ Не понимаю я, зачем? Если летит артснаряд, чем поможет... ну хотя бы я... Когда падает бомба и разрушает дом сверху донизу, что тут сделает МПВО?

Когда же нужна действенная помощь, идет тот, кто силен, мужественный, и обладает известной долей храбрости. Когда я шла на чердак и звала мужчин тушить бомбу, пошли не из группы самозащиты, а просто деятельные и сильные, и несколько человек из группы – молодежь, которая полезла на крышу. Я и Ф. В., мы смогли подавать воду, песок, на крышу я ни при каких обстоятельствах не полезла бы. Боюсь, и все. Трусость или что – не знаю.

Сейчас прикрепляют и говорят: «Вы пожарный, вы по санзвону...». «Не умею, не знаю», – отвечают: «Ничего, научим». Сейчас с вами говорят языком военным, приказ и все. А толк? Хочется спросить. Нельзя спросить. Трибунал, и все что хочешь,²⁴ только не человеческий язык.

Сердце разрывается на части, когда я смотрю на лицо Леша, лицо обреченного человека. Хочется выть жалобно и горько; верните мне его, чтобы я могла отдать за него жизнь, только бы спасти. Поздно. Ты сама подумала, глядя на беспомощного больного мужа: «Ему лучше умереть». До тех пор, пока ты говорила: «Выцарапывайся, Лешкинъка», «Выцарапаюсь, я чувствую», – говорил он. И вот ты измучилась, устала, изголодалась, и позорное малодушие охватило тебя. Не хватит сил, не справиться, и нет вокруг друзей. Ф. В., дама-патронесса на 5–10 минут. Я, задыхаясь от усталости, сдалась, и... его не стало. Любимый, мой любимый, ты жив и будешь жить. Помогите мне не плакать, помогите жить и воспитать Светлану.

Сегодня объявили всеобщую мобилизацию по заготовке дров.²⁵ Какой я заготовщик? В течение месяца 2 кубометра государству

и 2 к<убо>метра себе, а я дома не могу колоть дрова. Нелепо все. Дали бы паек и плату, и здоровые люди заготовили бы дрова. Очередная петрушка.

Немцы летят все вперед и вперед, невероятные, баснословные переходы. Юг в их руках, прут к Донбассу, Майкоп взят.²⁶ А сегодня по радио: наши продвинулись вперед на 60 км.

«Я шел вперед, я шел назад, я делал смотр своим страданиям».
(М. Жижмор)²⁷

То вперед, то назад, и без конца страдает человечество, и когда кончат поедать друг друга?

Всем великим, правительству, им хорошо, они не голодают, живут и спят на мягких постелях, а народу кричат: защищай, дохни, вайляйся в грязи, мерзни, голодай, это твоя родина. У нас сегодня банкет с бананами среди зимы, а у населения 125 гр<аммов> хлеба и мертвые в морге. Во имя чего? Вас? Или нас?

«Кто разбойник: Я или ты?». А. Крайский²⁸

4/IX 42

Сегодня видела во сне бабулю, она была в красивом светлом шелковом платье, с траурной наколкой на голове, собиралась уходить. Хороший сон, скоро конец нашим мукам.

Война. В районе Сталинграда, Краснодара, в районе Воронежа у противника сосредоточены крупные силы. Наши «по плану командования отошли на новые оборонительные рубежи». «Немцам ценою больших потерь удалось занять несколько высот и два населенных пункта»²⁹ и т. д.

Три года войны в Европе. Пора кончать. Европа еще живет. «Азиатчину, турок да русских».³⁰ Никто не возьмет костей даже на мыло, а сколько их гниет на российских просторах. После четырех месяцев войны не стало половины. Очередное вредительство, кто-то был заинтересован в истреблении Ленинградцев, или головоуятство российское «авосек и небосек». Оно так и идет с нами в продолжение двадцать пятого года.³¹ На сентябрь вдруг отменили выдачу продовольственных карточек иждивенцам.³² Ведь это все равно, что выставить людей где-нибудь на поле и пальнуть в них из пушки или пулемета. Так и иначе смерть. Результаты не замедлили. Несколько случаев самоубийств (повесились) заставили мудрых отцов города

Попкова и Авдеенко³³ дать срочное распоряжение о выдаче карточек иждивенцам. Первого, уже вечером, в конторах домохозяйства стояли очереди за карточками. Обычно люди хлеб заедают вперед, т<ак> 31-го берут на 1-ое и т. д. Смерти достойно такое головоупящее распоряжение, не сидели Попков и Авдеенко на 125 гр<аммах> – не знают.

Везде и всюду женщины, девчонки под ружьем. Когда-то наша пресса ядовито высмеивала Германию: «Детей заставили воевать, обучают военному искусству даже девушек». Вижу я этих вояк у нас – смеху подобно, а все облачается в серьезную форму. На тысячу найдется одна, может быть, которая серьезно и по-взрослому воспримет это трагическое положение – мужчин нет, женщины, половина цинготных и дистрофиков, а им, зеленой молодежи, хочется жить, бузить, шалить... любить... И вдруг ружье, окопы... дисциплина. Все это скучно и тяжело, а Севастопольские Даши³⁴ рождаются раз в столетие. Недаром на каком-то корабле командир не терпит женщин. (Я, кажется, писала уже.)

– «Почему женщина?»

– Я... я... не женщина, – шепчет перепуганная дама.

– Кто же вы? Что за глупости.

– Я... артистка...

«Вон девчонки!» – вероятно, не один командир крикнет самому себе потихоньку.

Пора, пора кончать войну, с девчонками далеко не уедешь. Светлана моя тоже желает воевать, но ведь это же слова, возмущенное сердце все желает. Кричит и побеждает. Одного сердца мало; сила, ум, стойкость, где ее взять, измучены все, а голод притупил все лучшее в человеке, оставил только животную оболочку, тупость и страх.

Читаю у Дос Пассоса «Манхэттен».³⁵

«Когда Бэд принес последнюю корзину, он нашел на кухонном столе тарелку с холодным мясом, полкаравая черствого хлеба и стакан кислого молока». Описывается завтрак голодного человека. Скучный завтрак! Какое счастье, если бы мы могли кушать так каждый день.

5 сент. <1942 г.>

По всей комнате раскинуты осенние солнечные блики, воздух свежий и прозрачный, только холодно Леше в могиле и темно у меня на душе.

Какой-то свет принесла бабушка в светлом платье. Призрачный, а хочется верить, верить, верить. Верил и Леша, что выпарапается от когтей смерти, а я отняла у него жизненный стимул. Страдатель и печальник, он пожалел меня...

Леш! Мой любимый, живой, незабываемый, родной.

Вокруг нас молчат немцы, молчим и мы, и только бойницы и бойницы говорят, что тишина перед грозой... Окна, целые этажи закладывают кирпичами с маленькими отверстиями для орудий... Пощади нас, Боже.

17 окт. <1942 г.>

Горит коптилка – коптит коптилка, тишина и дома, и за окном... Короткое время продолжался обстрел. В мертвом городе все мертво; живем (я на рации, т. е. карточки сданы и меня питают в заводе три раза в день) от завтрака к обеду, от обеда к ужину и к постели, иного интереса нет. Огрубели, отупели; люди ссорятся, ругаются, грызутся. Но я сейчас не голодна, правда и не сыта, а жить можно на этом рации, если бы меньше воровали наши граммы, то и совсем было бы ничего.

Вот он, этот рацион:

В 8 ч. утра завтрак: каша 200 иногда 300 гр<аммов>, не густая, «цыпленки тоже хочут жить», и разбавляют ее водой.

Зелень или щи, 10 гр<аммов> масла и чай или кофе, иногда добавляют сою, так называемые «шроты».

Обед: щи или суп. Котлета рыбная или мясная, или колбаса кровяная (раньше кот мой не ел) с кашей грамм<мов> 50–80 и компот, иногда соя.

Ужин: зелень или щи, зелень – это тушеная хряпа. Каша 200 гр<аммов>, масла 10 гр<аммов>, иногда масло заменяют 20 грам<ма-ми> сыра или шпика, чай или кофе.

Все.

Я на заводе «Марти» приобретаю квалификацию товароведа и не еду к Светлане. Бедная девочка ждет маму, тоскует. Я для нее хочу иметь профессию, чтобы больше зарабатывать и дать ей сносное существование в дальнейшем. Ну, а если погибну, значит, так суждено.

Придется, видно, опять зимовать без света, воды, уборных и т. д., но если придется голодать так, как прошлую зиму – морг нам обеспечен.

Немец силен, отогнать, а тем паче – победить нет ни сил, ни возможности, возможен только дипломатический мир, но наш В. С<та-

лин»³⁶ решил «победить и нэ сдавать». Игрушечки, бабская армия, как ни пойте им дифирамбы, в 18 лет девчонка есть девчонка, и ничего серьезного ждать от такой армии нельзя. Мне самой ведь было 18 лет, и я была серьезной, могла пойти под пули... ну и только.

«Вояки с клопами», – сказала мне красноармейка в трамвае, когда я указала на ползущего клопа на ее рукаве.

24 <октября 1942 г.>

Вчера был день огорчений. Боже, как мы зависим от того, дадут нам рабочую карточку или нет. Как мало нужно для удовлетворения, лишних 100 гр<аммов> хлеба. Сегодня это рассеялось. Кажется, опять у меня будет рабочая, а впрочем, еще не знаю.

Говорят, Ленинград будет немец брать штурмом. Вот это жуть. Район наш противный. Сегодня я из окна Главметаллосбыта на ул. Гоголя смотрела на разрушенный напротив дом. В пятом этаже стоит в уголке кровать, накрытая одеялом, стоит она уже год или чуть меньше. Еще мы обсуждали с Лешей это разрушение. Огромный дом, как карточный домик рухнул, похоронив сотни людей. Силою взрыва он был приподнят вверх и потом рухнул.

Не могу писать. Все что угодно, штурм, морг, только бы поскорей, нет сил. Превратилась в животное, жаждущее только еды. Невозможно, мучительно, отвратительно до омерзения. Послала Светлане и Идочке три посылки. Родные мои, скоро ли свидание?

11 декабря <1942 г.>

Печальная годовщина. Прошел год, сегодня в три часа ночи я крикнула: «Леша, ты умираешь». Последний раз он улыбнулся своей чуть кривой улыбкой и сердце, многострадальное и огорченное в последние свои минуты, – перестало биться. Бедный, родной, даже я тебя покинула, я, обожавшая тебя 17 лет. И вот после тебя я голодала еще год, и я живу и продолжаю голодать. Только август я жила на две карточки первой категории, и это меня поддержало, я чуть-чуть окрепла и поправилась. Сейчас опять все жилы выступили наружу, пошаливает сердце – дух еще крепок, слез только много. Леша, Леша, все ты, и только ты. Но есть стимул – дочь, моя Светлана, всю любовь я перенесла на нее – я «не горячая» мать, люблю и жду ее, и хочу жить только для нее.

Хлеба бы съесть, сколько хочешь, каши бы съесть, сколько хочешь. Я сейчас съела сто грамм<мов> без хлеба, выпила кофе без сладкого, я уже о сахаре не говорю, его нет. 1500 рублей кило, масло

1750 и 2000 руб., даже писать противно. «В мире есть царь, этот царь беспощаден».³⁷

Голод.

Какую жуть будет говорить историк, а люди не будут верить, что можно было еще жить, что человечество не вымерло до единого. Остались жить сильные и выносливые, приспособленцы и рвачи. Работники столовых, магазинов и т. д.³⁸ Зато так мало отрадных лиц, грубые, отъевшиеся на крохах рабочего люда, они говорят, поют и вопиют о дисциплине, о работе в сто лошадиных сил, и первую категорию, как знамя, преподносят вам и попрекают, угрожают, если вы окажетесь не лошадью, а жалким дистрофиком, нуждающимся в покое и питании.

Война, Война! О, будь она проклята, и люди, допускающие ее, затягивающие ее на долгие годы, разорение, голод, рабство, свое или чужое, одинаково. Серое существование и упадок культуры, она у нас и так как белая ворона. Хамье вокруг жуткое, и злое, и жадное.

5 апреля <1943 г.>

Прошло три месяца. Три месяца работы, рационного питания и ожидания конца, плохого или хорошего, но конца. Его все нет и нет. Немец вокруг, рядом, иногда постреливает, всю зиму так себе постреливал, только на днях был жуткий обстрел и налет. В Госзнак³⁹ попало 23 снаряда. Фугасная бомба разбила дом и засыпала бомбоубежище, куда был переведен детский очаг, раскапывать было нельзя, боялись обвала. Прорыли окошко и двое суток питали засыпанных. Дикие раздирающие картины. Вопли матерей, не знающих, живы ли их ребята. Дети кричали оттуда: «Мамочка, я жива, жива». Через два дня в расширенное отверстие детей вытаскивали поодиночке.

12 апр. <1943 г.>

Опять группы самозащиты,⁴⁰ опять подстегивания, подхлестывание, доколе люди будут играть? Война и потешное войско, война и глупые истерики. Развивать ненависть к врагу? У войны жестокие законы, вот девочку несут, ей снарядом раздробило ноги, она еще имеет силы кричать, сейчас она умолкнет навеки, а будет кричать безутешная мать. Судьба. Что это за слово? Предопределение? Провидение? Вот двенадцатидюймовый снаряд попадает сверху в маленькую лавчонку на Международном (бывший) Забалканский), разносит всю ее, даже стены вырвало. Насмерть убивает зава (родст-

венник Ф. В.), а двоих покупательниц и помощницу зава даже не ранило. «Если суждено умереть от веревки, то ты не утонешь». Кажется, так. Где и как суждено умереть мне? Молю Бога, моих дорогих покойников даровать мне жизнь для свидания со Светланой, чтобы я могла дать ей все, что позволят мне мои силы.

Вспоминаю о чудесах. Вот мать и дочь идут под руку по Невскому – разрывается снаряд, мать убивает наповал, дочь невредима, опасались за ее умственные способности, но и здесь все благополучно. И много случаев такого чудесного спасения, я еще запишу о них.

1 мая <1943 г.>

Город вздрагивает от редких артобстрелов, позвякивают стекла, и можно считать, что это тишина. Последнее время город опять жестоко пострадал, и нет конца страданиям, есть только одно неистощимое терпение и, вероятно, в глубинах души надежда, что все-таки когда-нибудь все это кончится.

Света пишет стихи:

Блокада. Тяжелое слово нависло
Над купою древних дворцов.
Смотрело в тревожные лица,
Внедрялось в квадраты торцов,
И вороном черным летало
Над городом наших отцов.
Но город, как мученик ада,
Стоял, не склонив головы,
И знамя людей Ленинграда –
Свирепые, мудрые львы.

Я пишу Светлане, и тоже стихи.

Стоит твоя школа печальная,
Как саваном покрытая,
Под снегом окна черные
И двери не закрытые.
Вот мост, где бегала ты с Майей.⁴¹
Он вздыблен, опрокинут и висит.
И в мерзлые воды канала
Расщепленный тополь глядит.
Под саваном кости скелета,
Под снегом уснули года!
Какая суровая смета
Лишений, борьбы и труда.
Из девочки в платьице легком

Большой и испытанный друг.
И на лице ее матери блеклом
Румянец зажжется вдруг...
Зажжется – растопится льдина,
Смешаются слезы и мед...
Ундина, ее Ундина
С весною домой придет.

Сейчас колыхнулся дом и просвистел снаряд.⁴² Да будет воля Твоя! Сейчас может и от дома, и от меня ничего, кроме развалин, не остаться. Там страшные раскаты, редкие, но тяжелые. Гудят и летят где-то над домом, и нет желания уйти.

Вскочила я, перо выпало, совсем рядом страшно ухнуло. Опять пишу, видно нужно прекратить. Страх, как такового, нет, но помимо воли сердце замирает... Зловещая тишина и грохот внезапный, сотрясающий и дом, и душу. Опять тихо. Мысль работает плохо, села с желанием записать многое, а сейчас не могу. Все жду раската, свиста, дребезга и опять зловещей тишины. Леша, Леша, спасай свою Лилу и соедини ее со Светланой.

2 мая <1943 г.>

Жива. А вчера многих не стало. Лида⁴³ ехала в трамвае. Снаряд разорвался на площади, б<лиз> Сенной. Трамвай не доехал метров двух до катастрофы, но тем не менее многих в трамвае ранило и убило осколками. Лида видела жуткую картину. На площадке стояла девушка, до этого веселая, и светлые завитые волосы лежали у нее на плече. И вдруг осколок вырывает у нее клочок волос. Лида видела, как висели они, вырванные с мясом от виска. А светлая золотистая прядь так и осталась на плече. Девушка схватилась руками за лицо, и из-под пальцев обильно потекла кровь, а девушка стала падать – ее подхватили. Больше Лида ничего не видела, она убежала. Когда же кончится этот ужас, это проклятие. «До тех пор, пока существуют правительства – будут внешние войны, а республики – внутренние междоусобия».⁴⁴ Это говорит один из персонажей из рассказа Мопассана. Сегодня читала приказ нашего главнокомандующего и маршала Советского Союза Сталина.⁴⁵ Гениальный вождь. Не верю я в гения. Есть удачники и неудачники. Моцарты и Сальери. Приказывают крепиться, уничтожать врага... Родина... Родина... Родина... и т. п. и т. д. Устали все, измучены. Только нельзя говорить об этом; нужно опьяняться и опьянять, не волноваться, не волновать, нужно писать небывшие лица и заставлять верить в них давно уже неуверенных людей.

То, что я запишу сейчас, почти невероятно, но это факт. Гонимое священство и умный митрополит Алексей пожертвовал бриллиантовую панагию на нужды войны и... мудрый вождь наш дал священникам... первую категорию...⁴⁶

Против правды не попрешь. Священники, служители культа, элемент донныне ненужный, гонимый, осмеянный, оплеванный... работает на оборону страны? Ибо даже на военном заводе самый строжайший отбор людей на первую категорию. Так-так, чудны дела на свете.

19 мая <1943 г.>

Генералы, погоны,⁴⁷ ордена,⁴⁸ блеск и мишура... о социализм, до чего ты опоганился! Но тебя еще воспевают, на каком-то колышке ты качаешься, а вот сорваться не можешь. Только Лешу закопал в могилу, кто песни пел, тот лег в могилу, изверившись и в людях, и в себе. Кто крал, обманывал и предавал, тот жив и здравствует поныне. Интересно, отчего у Светланы неприязнь к Кетлинской?⁴⁹ Посылая с ней посылочку, Света пишет: «Я не перевариваю ее, мне хотелось дать ей пощечину, когда она, спросив „кто это?“, быстро взяла посылку». Девочка моя, ты права, ненавида ее. Она убийца твоего отца, хоть крови и нет на ней. Она секретарь Союза, бездушная бюрократка... О подлая... не могу вспоминать. Воздастся ей за папу твоего.

Немец лупит нас последнее время интенсивно. Как странно звучит: «Наши аэропланы сбросили бомбы на объекты противника: Орел, Брянск, Кременчуг, Днепропетровск... и т. д.»⁵⁰ Все говорят, что скоро война кончится. Просто желают все этого. Как она может кончиться, когда половина России в руках Германии. Что-то должно измениться в Европе, чтобы изменил Гитлер свои намерения. Тогда она может кончиться.

29/V <1943 г.>

Слезы, слезы и слезы! Если бы я могла утопить свое горе в них, свою муку по тебе, Леша! Если б я могла перестать терзать себя за то, что не спасла тебя, что была до жути одинока. И я перед неизбежным голодным «завтра» растерялась так, что позабыла о ласковых словах, о любви, о нежном поцелуе. Все это могло бы подбодрить его, а может быть, и спасти. И не о своем голодном «завтра», ужас был в том, что на вопрос его: «Чем ты меня будешь кормить?» – я должна была сказать: «Ничем». Вот это ледяное слово сковало мой ум, мою душу... мои уста. А теперь... «Никогда!» – в этом слове безнадежность,

в этом слове смертная тоска. Никогда ни ласкового голоса, никогда ни улыбки, никогда твоих светлых лучистых глаз не увижу я.

Свету мне, на нее моя любовь... и, может быть, притупит мою муку, освободит мою душу от терзаний. Любовь матери? Может быть! Хочу и молю Создателя и Лешу об этой единой милости мне.

Два светлых, чистых духа, моя Мать и мой Леша, с Вами как с живыми я говорю, умоляю Вас, прошу и верю в помощь Вашу.

1943, 22 июня

Тоска. И тоска, и беспросветность, 2 года мы в блокаде. После четырех месяцев войны, невероятный в истории войн – голод. Сейчас мы вылезли из этого Ада голодной смерти, но какой ценой! Ценой миллионов жизней, жизней нужных, сколько погибло умов, сколько ценных и нужных людей. Серая, беспросветная серая скотинка населяет сейчас Ленинград. Офицеры, погоны, лейтенанты... О, «ты не сумлевайся», «ейная» и т. д. и т. п. – лексика нашего офицерства, а это не как исключение, а пожалуй, как правило!

28/VI <1943 г.>

Вся в прошлом. Леша и только Леша! Война, голод. Сейчас нет голода. Есть недоедание, а у некоторой части людей даже переедание – это рвачи, продовольственные пайковые люди – ответственные с двумя, тремя и т. д. продкарточками.

Опять предсказатели. Война кончится 1 августа, нас усиленно подогревают к немецкому наступлению, горячат всякими зверствами (кстати, малюют беса), выпускают душу раздирающие фильмы. А немец окопался вокруг, и сидит, и будет сидеть, пока не снимет урожай. А наши огороды лопнули.⁵¹ С вола нельзя снять десять шкур, а наши правители рады снять сорок. Работай без выходных, поливай огород, держи свое жилище в чистоте и будь на производстве ежедневно 9–12 часов. Поистине, думают одним местом. Ну, так все и получается, по плану. О, Иезуитское племя, доколе мы будем терпеть!!

7/VII <1943 г.>

Артобстрел. Бежала по улице, над головой со свистом мчатся вагонетки – это мое определение снаряда, когда он просвистит вверх, и как будто стремительно промчался поезд, грохоча по рельсам, а потом свист с шипением и грохот, описать его нельзя; дома, стены, камни, словом, где-то все это летит, сыпется... Сейчас колыхнулся дом от

страшного грохота. Вот так люди привыкают на позициях. Привыкли и мы к адскому грохотанию, я собиралась на работу, забежала домой выпить чашку чаю и перекусить. Обстрел продолжается. По радио велят укрыться, а люди идут, бегут, и никто не хочет укрываться; силой загоняют под ворота.

Какой ужас, а страха нет, сердце помимо воли пугается, вздрагивает, замирает, а ум ничего не говорит, вернее, он подает сигналы покоя. Ну, что же, что будет... Я должна жить для Светланы.

14 июля <1943 г.>

Тоска моя все глубже, все сильнее. Ежечасно, ежеминутно в уме и в сердце Леша. Не могу вспомнить о нем без слез. Это слово «никогда» убивает меня. Эта смерть, такая нелепая, оттого, что не было куска масла и хлеба; сознание своего бессилия в тот момент, растерянности и, я бы сказала, безразличия перед грядущим – сейчас эта мысль кидает меня то в жар, то в холод. Я погубила одного из лучших людей, любимейшего мною безгранично 17 лет... Ну вот и снова слезы. Кому ты будешь нужна слепая. Перестань. Леша, Леша, взываю к тебе, приди ко мне в сонном видении, успокой меня. Я так страдаю. В эти дни немец натворил немало бед.

20/VII <1943 г.>

Леша, Леша, ты мир хотел украсить позолотой, а мир подло тебя засыпал землей. Проклятые правители...

Нет, вновь тебя я не убью,
Не выгоню опять на холод, –
Чужую мать, а не мою
Убьют страдания и голод.⁵²

Как ты был прав, любимый мой. Власть, которой ты ставил памятник в стихах, подло выкинула тебя за борт, оттого что перестал петь, чувствуя фальшь в каждой ноте своего стиха. Не то ты ждал, не в то ты верил. Не позолотой мир украсил за 25 лет. Кровью, застенками, ссылками, концлагерями, чудовищными пытками... о, мир еще узнает эту «позолоту». И только тебя не будет, светлого, чистого, ты изнывал, ты страдал от несправедливости, подхалимства, подкапывания, подлости. А бороться не мог, выдохся, устал, потерял стимул.

25/VII 43

Бальмонт писал о Бодлере: «Ты, павший в пропасть, но жаждавший вершин...».⁵³

Бодлер... Как милый мой Крайский во многом похож на него.

Только... «Ты, знавший женщину, как демона мечты». А Крайский обожествлял женщину. Двух женщин он любил в жизни: В.⁵⁴ и меня..., одной он писал:

И вот пройдена заветная стена
И ужаса, и радости полна
<...>
Моей души живая глубина
Будь проклята и будь благословенна.⁵⁵

Другой:

Выйду в мир огромный и прекрасный
И поверю в первый раз,
Что недаром приоткрылись
Занавески утомленных глаз.⁵⁶

Ты пал в пропасть, но жаждал вершин. И сейчас я прихожу к воду, что любовь его ко мне погубила его. И его поэзию.

Несчастливая его болезнь. Боязнь потерять меня... Обожествление тела любимой женщины мешало ему быть мужчиной... Любя друг друга, были ли мы счастливы? Нет. Мы оба бесконечно страдали 17 лет, тщательно скрывая друг от друга эти страдания. Милый друг мой, ты уже отстрадал, а я еще осталась мучиться и оплакивать твою смерть, хоть и знаю, что для тебя она спасение. Как поэт, ты был уже мертв, как человек и муж, изъеденный до глубин тоской о невозможном.

Сегодня почти непрерывная канонада.⁵⁷ Рвутся наши дома, гибнут люди. Окно открыто, воздух чист и свеж и совсем где-то близко разрываются снаряды. И там воздух пахнет кровью, пыль, земля и камни взлетают вверх. К.⁵⁸ вчера видела у Финляндского вокзала, как летели человеческие ноги и руки, головы и камни.⁵⁹ Вчера же попал снаряд на наш заводской двор в бассейн; снаряд брызг дымом взлетел вверх и все. Где-то у цеха 17 разорвался другой снаряд, жертв, кажется, нет.

4 августа <1943 г.>

Вдыхаю запах Лешиного пиджака, обнимаю его кресло, целую его фотографию, разговариваю с ней... И это все, что мне осталось. Тяжелая тоска, ежесекундно, если я не занята делом, мысли о нем. Мне кажется, что я могу сойти с ума.

Где-то рвутся снаряды. Я глуха, я слышу только собственную муку, я слезы лью из потускневших глаз.

Бьет, бьет и бьет немец.

Страданиям нет числа, страданиям нет конца. И наряду с этим неопикуемый разврат в армии. ППЖ (походно-полевая жена), блокадные жены. Все молодежь зеленая. Отдается, продается, по самой дешевой цене. За масло, хлеб, сладкое и т. д. и т. п.

Сейчас появилось много раздобревших девушек. Женщины с погонами... лейтенанты... Поистине нелепо... Через девять месяцев какой-нибудь пузатый капитан променяет погоны на... ребенка. В худшем случае, скинет его в ясли, и опять погоны и... любовь.

В ночь на 7/VIII <1943 г.>

Почти два года назад и тоже в ночь на 7-ое, только на 7-ое сентября мы, т. е. наш дом, пережил неопикуемый ужас, когда рядом в дом попала фугасная бомба. Вчера она попала вторично в ту же воронку, которую сделала почти два года назад. Тогда еще был жив Леша, тогда никто из живущих в доме не оставался в квартирах. Леша еле удержался на лестнице, схватившись за перила. Я была под воротами. Кажется, весь этот кошмар я записала тогда же. Вчера кошмар был меньше, но я его ощутила больше. Сейчас я до ужаса одинока. Я проснулась от звона стекол, падающих возле меня; на меня летели книги, лекарства из аптечки, еще что-то... На небе висели пять огненных фонарей, было ярко и светло как днем. На улице кричали люди. Накинув пальто на рубашку, сунув ноги в ночные туфли, я выбежала на улицу. На улице еще звенели стекла, с неба медленно спускалась вниз фанера... суетились люди... И все, «Мавр сделал свое дело».⁶⁰ А несчастным Ленинградцам – хоронить своих мертвецов, сгребать лопатами стекла и ждать новых ударов в лоб или в затылок.

А сегодня снаряд попал на Невский, на углу Садовой, возле трамвайной остановки.⁶¹ Вот что рассказала мне очевидица: «Подъехала я к Невскому, вышла, навстречу бежит военный, кровь капает у него из рукава; женщина кричит визгливо: „Клава, Клава, ой, погибла, зачем мы приехали!“».

Милиция... машины... и груды на дороге... пестрая, красная... цветные платья женщин смешаны с кровью... кто там, что там... меня затошнило... мне стало худо, я побежала через улицу на № 20 трамвая». Убирали, замывали, и снова город жил, чтобы умирать ежеминутно.

11 августа <1943 г.>

Эрзац-солдатики. Так называют нашу девичью армию. Все фальсифицированное, все плохое – называется «эрзац».

– Женя, что Вы сегодня делали на ВУПе? (военно-учеб<ная> подготовка).

– Урали?

– Что?

– Ну, Ура кричали. Уракать-то легко.

В воскресенье снаряд угодил на Невск<ий> в толпу у трамвайной остановки. Каша. Я уже писала. У нас из штаба убило девушку, она поехала в театр. Любопытно то, что, когда ее нашли, на ней не оказалось туфель и часов.

Вчера М. И.⁶² была на рынке, начался обстрел, торговцы, т. е. колхозники, сразу присели за прилавки, а кто понахальнее, – тащить с прилавков, что попадалось под руку. Устроили невероятную панику. М. И. видела, как дама в модной шляпке схватила за жабры рыбу и побежала с ней из рынка. Жуткое хамье осталось, все лучшее погибает и уже погибло.

17/VIII <1943 г.>

«Внимание. Внимание! Артиллерийский обстрел района продолжается». Это, как попугай, повторяет радио. Зачем нам слышать это по радио? Стекла дрожат, свистят снаряды, разрывы слышатся совсем близко вот уже три часа без перерыва.

Снаряд летит: джжуу, снаряд упал: тррр.

1/IX <1943 г.>

«Идете, как хороните, поете, как кошки мяукаете». Это все про эрзац-солдатиков. Командиры говорят своим бойцам. У маршала приказы сыпятся, как из рога изобилия.

Генерал, полковник... награды, переименования и т. д. и т. п. Никогда не занимались столько побрякушками, как теперь. Генералы еще и штатские, железнодорожного транспорта – «Генерал-директор путей сообщ<ения>», «Директор-полковник движен<ия>» и т. д. и т. п.

Опят<ь> лауреаты...

10 сент. <1943 г.>

Тоска, тоска смертная. Через три месяца два года, как нет моего любимого. Возможно ли? Не знаю горше муки, смотрю в могилу

и вижу синий костюм, клетчатую рубашку, скрещенные прекрасные руки, чудесное восковое лицо... желтые ботинки, упирающиеся в подушку... И это все гниет. Боже, Боже, за что Ты наказал меня. За все. За мать, за многое. Мука, мука на всю жизнь. Остаток, какой?

Святейший Синод. Патриарх всея Руси избран 8 сент. 1943 г.⁶³ Остается венчать на царство нашего отца и друга (?). И Патриарх всея Руси возложит на главу сию венец. Терновый, терновый, за любовь к человеку, за заботу о нем, за миллионы погибших в зиму 1941 года, за миллионы погибших в годы 38–39, за ежовщину, за лишенцев, за паспортизацию, за золото. Какие должны быть тернии в этом венце: до мозга, до сердца... Почему Николай Второй – кровавый? Ошибка.

На юге победы наши, это факт. Только уж очень стремительно катятся, как на колесах, где здесь собака зарыта, а где-то зарыта. Под Ленинградом все так же; крошит, но немного. Италия вышла из войны.⁶⁴ События неизбежны, какие?

14 сент. <1943 г.>

Сегодня я получила медаль за оборону Ленинграда. Ничего не ощутило мое сердце. Холод, нет – лед. Все ненужно, нелепо, все гадко.

Два раза прерывалось торжественное заседание. Немец обстреливал район. Снаряды рвались совсем рядом. Все тряслось, дрожало, трещало и с грохотом где-то рассыпалось, ну и пусть. Герои?.. Все мы вынужденные герои. Тупое безразличие, а не героизм.

24/IX <1943 г.>

Тоска гнетущая, тоска безумная. Мозговое переутомление, болят глаза. Леша... везде и всюду Леша. Мне нужно спасение, и это спасение – Света, иначе я погибну от горя и тоски. Горе все глубже и тяжелее, и я не мучилась бы так, погибни Леша на войне. Глупо, нелепо, из-за куска масла, из-за горстки муки... какая гнись, какое проклятие...

После Патриарха и Синода преподнесли «Кадетский корпус».⁶⁵ Света пишет: «Сережа Зонин⁶⁶ уезжает в кадетский корпус». Вот тебе и фунт с изюмом. Мальчики и девочки учатся отдельно... Генералы, чины, ордена, погоны. Не хватает еще господ и... царя... Встань, Ленин, и посмотри на содеянное твоим «верным учеником и соратником».⁶⁷ И что ты скажешь. Ты снова сойдешь с ума. Говорили, что ты разрешил НЭП, якобы малость свихнулся. Нет, ты

единственное сделал умное, догадавшись создать ее тогда... ну а сейчас сплошной НЭП, только без экономики, еще торговать мы попробуем сами, мало миллионов людей легло в могилы, еще предстоит лечь немало, если станем заливать послевоенные раны. Избавь, Боже, от этой муки пятилеток, собачьих котлеток, всяческих дальней<ших> «достижений», очередей за всякой дрянью и – песня песней – газет ходульных.

26/IX <1943 г.>

Ну вот и еще победа. Взят Смоленск.⁶⁸ Хочу верить в победы. А Новороссийск, а Полтава, а Харьков⁶⁹ и т. д. и т. п. Как на кошелках мчимся... И почему же ум мой – старый скептик сомневается в чем-то, в ком-то. Где-то тут зарыта собака? А где? Разгадка, конечно, будет.

Сегодня Лида слышала в магазине: «Капуста подешевела – 60 руб. кило, картофель – 70 руб. кило». А мужчина говорит: «Подождите, через несколько дней всего будет много и все дешево». Лида говорит: «Я посмотрела на него. Нет, не пустельга, так, человек серьезный, интеллигентный, видно». Ну что же, можно поздравить и с Кадетским корпусом? Света пишет: «Сереза Зонин уезжает учиться в Кадетский корпус». Кажется, я уже писала – повторяюсь.

Вчера немцы наломали у нас дров. Дули чуть не целый день артильями.

Кажется, кончается моя первая категория и с ней мое неудачное политорганизаторство. По существу, работа этих злополучных организаторов сводилась к 0, кто не умел брать за шкурки жильцов дома и заставлять их работать, или сумеет привить сознание своей ответственности перед страной, родиной. Все высокие материи... а люди измучены, как лошади у плохих хозяев... ни корму, ни отдыха.

Ну вот, таких, не умеющих накачивать, беспартийных политорганизат<оров>, снимают и... не знаю, что за этим и... Знаю, что вместо 900 гр<аммов> сладкого буду получать 500, вместо 800 гр<аммов> масла – 400. Ну, хлеб 500 гр<аммов> мне хватит, остальное все равно мало, и крупа уже не лезет в глотку. Каши... Еще в начале года я писала: «Съесть бы каши, сколько хочешь, хлеба, сколько влезет». Оказывается, когда организм вышел из дистрофии, ему не нужно огромное количество хлеба и каши, ему нужно другое, продукты, очищающие кровь, а их нет, или купить их нельзя. Я чувствую себя сейчас хуже, чем в периоды голода. Вялость, тупость, забывчи-

вость, словом, неладно с мозгом. Живи! Говорю я себе. Коль не умерла в 1941–42. Должна дожидаться Свету.

27/IX <1943 г.>

Сегодня кончилась моя первая категория, справки я не получила. С первого октября перехожу на 2-ую категорию. И страшно, и некоторое удовлетворение, а то это политорганизаторство висело, как дамклов меч надо мной. Да будет воля Твоя.

- Да. Вы думали когда-нибудь о вступлении в партию?
- Никогда. – Я отвечаю.
- А сейчас?
- И сейчас нет?
- А почему?
- Считаю, что это большая ответственность?
- Да, конечно.
- Все? Можно уйти?
- Да. Пожалуйста и т. д.

4/X <1943 г.>

Да будет воля Твоя! Я с первой категорией. Не знаю, как и почему. Бог помог и Леша. И только нет еще конца страданиям и моим, и общим.

Не вместе мы старость о тобой дожидали.
Она пришагала ко мне,
Когда звезды на небе дрожали,
И люди метались в огне.
Нет больше мук, как быть живой,
Когда вокруг и смерть и смрад.

13/X <1943 г.>

Пью чай, а может быть, сейчас и чай, и я, и все – труха и мусор. Вот такова сейчас наша жизнь. Грохот, свист, разрывы... А радио наяривает песни.

25 октября <1943 г.>

Вот и еще отмерен год. Снова осень. И скоро вторая годовщина Лешиней смерти. Лешиней смерти! Ни сердце, ни ум мой не хотят с этим примириться. Сегодня мне рассказывала молодая женщина, которая потеряла дочь и мужа – умерли от голода. Как умирал он? – спросила я. – Он плакал как ребенок и все говорил: «Ты подумай, мне

только 30 лет, и я должен умереть». А девочка все просила: «Мама, маленькую корочку дай».

По-моему, нет казни правителям, допустившим подобный мор.

А немцы третий день молчат, ни артобстрелов, ни канонад. Тишина. А что дальше?

27/X <1943 г.>

Сегодня немцы дуют с утра. Снаряды, как конфетти, сыпятся по городу; выхватывают и здесь, и там живое, движимое и недвижимое.

В ночь на сегодня я видела во сне Лешу. Будто он из могилы стал приходить ко мне, и я, провожая его, все упрашивала, чтобы он оформил свое пребывание на земле. Он как-то умалчивал об этом и, прощаясь до следующего дня, говорил, что ему неплохо в могиле. «Холодно, страшно там. Ты скажи, что ты ожил и желаешь жить дома». «Не страшно, нет, вот только, когда я вылезая из могилы, пугаются даже коршуны». Я вынесла такое заключение, что только ко мне бы Леша пришел с удовольствием, а мир – мир ему противен, в могиле лучше и оформиться в СССР он не хотел бы.

Вот до чего доконали певца свободы и любви к людям.

4 ноября <1943 г.>

День моего ангела. Тяжелый, тяжелый. «И гасит, гасит числа страданий наших – смерть». А. Крайский.⁷⁰ Одна смерть избавит меня от горя, что Леша не со мной, погасит числа моих страданий. Я должна еще долго страдать. Свету нужно поставить на ноги.

5/XI <1943 г.>

Вчера я была в командировке на заводе «Красный Маяк». Иду по заводскому двору, ведет меня девушка показать круглую сталь. И вдруг... «Боже, кого я вижу! Все та же!».

Поднимаю глаза. Он!? Тот, кого я покинула 25 лет <назад>. Покинула? Это слово не подходит, пожалуй. Он был влюблен в меня, я увлечена им, и все. В 1918 году я уехала в Москву с тайной надеждой, что он станет умолять меня не уезжать, он не сделал этого. А когда через некоторое время прислал письмо: «Милая, любимая, помнишь ли, скажи да или нет». Я, оскорбленная долгим его молчанием, написала холодное письмо. И все было кончено. Он не ответил мне. Так кончился роман мой.

И вот вчера по той радости, которой он был охвачен, я поняла, что 25 лет назад он любил вероломную девушку Люлю, а она прошла мимо этого чувства, как много проходила, чтобы полюбить крепкой любовью, большой любовью на 17 лет и до конца моего больного, несчастного Лешу. Тяжелой, ужасной для мужчины болезнью страдал мой дорогой мальчик, страдал еще и за меня, боясь потерять, обожая и любя меня безнадежной, сжигающей его на медленном огне – страстью 17 лет. Зажигаясь, гас мгновенно. «С неизбежной любовью», – он писал. И с неизбежной страстью, добавляю я. И вот эта бесплодная страсть отняла у него и энергию и жизненные соки. Это я поняла, к сожалению, очень поздно. А голод довершил остальное. Он погиб. Да будет светла память о Тебе, мой страдалец.

Зачем судьба меня столкнула с Поляковым? Может быть, наши дети поженятся. Как знать, чего не знать?

А немец вчера покروшил в Ленинграде. Ох, как колошматил, пух и перья из огня! Долго ли еще?

26 лет – 7 Ноября, какой силой? Насилием. Террором.
Бумажная Конституция. Все, кроме свободы.

6/XI <1943 г.>

Да. 26 лет. Если царствование Романова было кровавым, то что же сказать про большевиков? Сегодня в 5 ч. передавали по радио: «Взят Киев». ⁷¹ Как будто должна быть радость. Нет ее. Почему? Все мертво. Проклятые иезуиты убили, отравили всякую мысль о радости и счастье. И веры нет. Ложь и ложь, все основано на вранье, на втирании очков. Народ – быдло, дурак, а следовательно, сегодня его можно драть, завтра похвалить, а руку он одинаково будет поднимать «за». Женя ⁷² видела, как по мосту бежал человек, военный без головы. Снаряды летели вокруг. Таким образом он пробежал метра два и упал. Женя и другие люди видели это из-под ворот дома на набережной Лейтен<анта> Шмидта. 4-го был большой пожар на Курляндской. Люди спасались, выбегая из горящего здания, но вот одна женщина забыла ребенка грудн<ого>. Она бросилась обратно, вытащила его, сильно обгорела (ребенок задохся), а когда узнала, что в огне все погибло и она в одном обгоревшем платье осталась – сошла с ума. Девушка в больнице, у нее ампутировали обе ноги и руки – она еще жива. Зачем она жива?

Чем-то угостит нас коварный наш сосед?

14/XI <1943 г.>

Сосед ничем не угостил. Тишина полная. А юг очищается от немца. Ничего не понимаю. Или на самом деле немцы обессилили, или какой-то подвох? А я, мой Леша, в наш домик с тобой жду другого. Зачем, почему, не знаю сама. Одиночество томит, ежедневные слезы надламывают. И приятно сознание, что кто-то думает о тебе, хочет встречи. Не поздно ли, милая женщина, Маркиза? «Вы сегодня такая маркизистая», – сказала Ф. В. Если бы Леша мог увидеть? Даже не маркизу, а печальную, заплаканную свою Лилю?

19/XI <1943 г.>

Ах, горько мне. Сколько слез, безнадежности и тоски. Милая моя Света, суждено ли нам увидеться? Будет взрослая, будет у нее «он», а я останусь все-таки одна со своим неизбывным горем. Но все-таки она нужна мне – она моя цель в жизни, мой стимул. Какой ужас. Я разучилась излагать свои мысли, я отупела. Я вся в прошлом, в воспоминаниях. Леша, и только он. Все он. После долгого затишья обстрел в течение 5–6 часов. К Жене попал снаряд в комнату. Боже, избавь от этого ужаса.

Говорят, в Ленинграде погибло от голода три миллиона.⁷³ А война унесла?

«Любит, любит кровушку русская земля».⁷⁴

22/XI <1943 г.>

Ордена славы? Бросьте в помойку. Главнокомандующий на фронте? Он даже в уборную идет с двумя охранниками. Что это? Кто это говорит, враг? Нет, работница другой работнице в столовой. Душу вынули и кровь выпили. Но ведь война? Что война, везде война. Поди-ка навоюем с сосунами, обучают мальцев, сердце разрывается. Немец хлопнет, и не стало. Не война, а истребление. Так ведь немца-то прогнать надо? Не пускать надо было. Мир надо, сил нету больше.

22/XI <1943 г.>

А немец сегодня угощал нас. Ух, как угощал, из таких тяжелых орудий, что колыхалось наше ЛКИ з<аво>да Марти. Мы с Катюшей бежали по двору, во время затишья, из столовой. Как грохнет адская хлопушка, как посыпятся осколки... мы вправо, мы влево, как крысы в капкане. Вбежали в здание и дух вон, я думала, и по лестнице не поднимусь. Дыхательная машинка совсем остановилась.

29 <ноября 1943 г.>

Тишина в городе. На сердце тоска. Леша в могиле. Я одна. Света не со мной. И нет конца мукам ожидания конца войны. Вчера или позавчера англичане и американцы громили с воздуха Берлин.⁷⁵ Ну и что? Будто есть улицы – цент<ральная> Фридрихштрассе и др., уничтожен<ные> до основания. Не верю. Какой-то «Барон Мюнхаузен», корреспондент. Какие-то идиотики верят. Как плохо жить с умом скептика.

1 декабря <1943 г.>

Близится, близится роковой день 11 декабря. Сейчас для меня Леша все еще живой, после 11 он уже мертвый. Тоска и тоска, и тишина на фронте. Впрочем, сегодня был обстрел центра, мы не слышали, говорят, не шли трамваи.

Сегодня мне рассказали анекдот как факт, но он характерен для нашего времени. Девушка познакомилась в кино с мужчиной, конечно, военным, пошли вместе. Прощаются. Она приглашает зайти к ней, выпить какао. Выпили какао. Разговорились. У нее муж на фронте, ребенок эвакуирован. У него жена эвакуирована. Собирается уходить. Время уже одиннадцатый час. «Куда же Вы пойдете, оставайтесь у меня. У Вас? Но где же я лягу? У Вас одна кровать? Ничего, мы ляжем вместе. Ну хорошо, раздевайтесь, я отойду». А когда женщина была в постели, он подошел, откинул одеяло и отхлестал ее ремнем. И сказав: «Довольно с Вас», ушел. Вот и все.

Это о женщине. А по-моему, нужно говорить о девушках. Распушенность отвратительна во всем и во всех, но женщина, может быть, иногда и не может подчинить себе свои желания, а девушка обязана быть сдержанной и строгой, в этом ее красота и сила. А именно девушки распушены до невероятности.

У Ф. В. приехала Люся с мужем, приятель лейтенант и девушка военная. Сидели все за столом, между этим военным и девушкой как будто нет никакого общения, он на нее не обращает внимания. А когда настало время идти на отдых, т. е. спать, Ф. В. спрашивает Люсю: «Это что, пара или нет, как их укладывать?». Люся пошла к мужу и пришла, коротко сказав: «Вместе». Мы с Ф. В. переглянулись. Ах, девушки, девушки. ППЖ. Одно удивление, без доли уважения.

5/XII <1943 г.>

День Сталинской Конституции! Боже мой, неужели все идиоты? Кому и что дала эта пресловутая Конституция. Не было рабства гор-

ше, бесправия и произвола под именем свободы. Политик я плохой, вернее совсем никакой, но я вижу, и глаза мои меня не обманывают, а жизнь за 26 лет показала, что получила я и мой муж, воспевавший эту свободу. Мы, стоявшие в привилегированном положении, все-таки член Союза советских писателей. И зарабатывал Алеша неплохо. А что мы видели? Вечная погоня за чем-нибудь, то денег нет, достанет денег, нет того, что тебе нужно. Смешно сказать. Член Союза писателей не имел костюма приличного и не мог его сделать оттого, что был честен, не умел халтурить, обманывать и подлизываться. А деньги нужны были на все огромные. И так пролетели 17 лет в заботах, в тревогах, в недостатках. Проклятая эпоха. А потом чернйй неопиcуемый ужас. Вчера на заводском дворе я разговорилась с женщиной, она проработала на «Марти» 25 лет. А когда голод лишил ее сознания, ее бросили в морг, на нашу Канонерку.⁷⁶ Она очнулась под трупами. «Я не из робких и вылезла из-под мертвецов, кое-как доползла до дома. Кое к кому зашла из прежних приятелей, но никому не было до меня дела, и я ушла к себе. 125 грам<мов> хлеба и ничего больше. Я нашла дохлую крысу на дворе. Решила ее съесть, быть может, умру. Пробовала веревку, нет, не могу... И съела крысу, очистила, сварила ее... И так я четырех крыс сварила. И вот видите, жива и до сих пор. Я только хочу сказать, революции или хозяину нужны здоровые и сильные, а когда ты болен, ты никому не нужен. Вот и теперь я болтаюсь по двору, по черной работе, а была машинистом».

Морщинистая женщина, старая и больная, отошла и уныло пошла по двору.

Была в больнице у Лидии. Сколько там раненых от обстрелов – полна больница. Я совсем разучилась писать. Какие-то тяжелые, дубовые фразы и мысли нет.

Тоска. Тоска. И писем нет от Светы. И немец дует по Ленинграду и нет конца. Веревки тоже не хочу и не имею права.

7/XII <1943 г.>

В больнице лежит девушка, и вот что она рассказала: «Моя старшая сестра кормила ребенка, я и мама приготавливали чай. Мама вошла на кухню. Был обстрел, совсем близко, но мы уже привыкли и не боялись. И вдруг... я только помню крик мамин и больше ничего не помню, меня что-то странно ударило в грудь. Потом я помню опять крик мамы: ой ручку, ручку оторвало. Потом я узнала, это нашему Володе,

ему 4 месяца, оторвало кисть руки. Он жив... а сестра... она, наверно, умрет, ей сильно ранило грудь».

Я уже знаю, что эта женщина – мать 19 лет – умерла, молодой муж приехал с фронта на... похороны. Он плакал, как ребенок, и хороша была убитая в гробу.

10/XII <1943 г.>

Сегодня в три часа ночи 2 года назад мой Леша последний раз улыбнулся своей кривой улыбочкой. Это было в три часа утра на 11 декабря. И я не страдала, не плакала. Страдаю и плачу теперь. Отдала бы все в жизни, чтобы еще хоть раз увидеть дорогую улыбку, светлых лучистых глаз его ласковый взгляд «неизбывной» любви. Увижу. Когда буду умирать. Леша будет звать меня, и я радостно пойду навстречу ему. Живи, мой любимый, и жди меня.

Тоскую и сегодня не плачу. Где девочка, отчего от нее нет писем с 20/XI?

16/XII <1943 г.>

Если б знали мертвые, как грустят живые? Нет минуты, чтобы я не вспомнила Лешу. Он всегда со мной и во мне.

Наши генералы в расписных мундирах подписывают договоры, устраивают обеды в честь иностранных гостей⁷⁷ и, вероятно, соя не украшала их стола, или немислимая коврижка, какой угощают нас, рабов своих. Боже мой, Боже! Худшего рабства не видел мир. И везде все Он,⁷⁸ великий, единый и мудрый. Немцы мудро нас колотят, а мы все ждем и верим в победу.

О разнузданности женщин:

Ленинградская блокада,
До чего ты довела,
Девяностолетняя старушка
Капитана завела.

Еще:

Стук, стук. Кто там? Крупа.
Я не так глупа.
Стук, стук. Кто там? Хлеб.
Дома нет.
Стук, стук. Кто там? Песок.
Зайди на часок.
Стук, стук. Кто там? Консервы и масло.
Я на все согласна.

23/XII <1943 г.>

Вчера был день тяжелый, незабываемый день, Лешины похороны. Милый, милый, Твой гроб прискакивал по ступенькам лестницы, ибо не было сил нести его, мы волокли его. И я, холодная и мрачная, даже не сказала тебе последнее «прости». Как я теперь страдаю, как терзаюсь, и слезы каждый день льются из моих глаз, но не вернуть Лешу... Дальше старость одинокая... У Светы будет свой Леша, и любовь ко мне будет только любовью привычной, обыденной, незаметной. Дай Бог, если я останусь той же «не горячей» матерью. А если...

Опять масса жертв, снаряд попал в трамвай № 7... Каша из людей и крови.⁷⁹

29/XII <1943 г.>

Ночь была ужасная. Проснулась я от звука страшного, знакомого, когда после громового удара рассыпается дом. От волн пролетевшего над домом снаряда задрожали, задрожали остатки стекол, и я на кровати колыхнулась, как на палубе. В эту же ночь снаряд попал на «Марти» в цех, убил охранницу, утром ее нашли на льду канала мертвой. Утром сегодня пока еще не объявляли обстрела, и радио горлопанило песни. Снаряд большой разрушительной силы попал в компрессорный цех, несколько человек ранило, убило девушку, от бедняжки остались только ноги, голова, расплюснутая, висела на каком-то изломанном станке... За минуту сплюснутая девушка говорила: «Наши Вашим посылают, Ваши нашим отдают...», и это был ее последний смех...

Комья крови и одежды, туфель, скинутый с ноги, и пальцы белые еще говорящей о жизни недавней... Прах и тлен. И Леша мой тоже. Боже, Боже, пощади и спаси меня для Светы.

Как-то сегодня, наш враг и завоеватель, будешь ты крошить наши жизни, как яичные скорлупки?

8 января 1944 г.

Вот и новый год, что он даст нам. Новые страдания и новые уничтожения?

Сегодня 16 лет моей Светлане. Бедная девочка, третье рождение без семьи и родного дома. Когда же конец нашим мукам? Пускай приедет, пусть, что будет. Умрем, так тоже вместе. Если приедет Идочка, не хочу я, чтобы Света там оставалась одна. Надо действовать, но как?

18/1 <1944 г.>

Эти дни стоит жуткая, несмолкаемая канонада! Наши наступают, как мне кажется, безуспешно, немцы пока молчат, изредка обстреливая.

Говорят, кто не знаю, Гитлер сказал: «в этой войне не будет победителей и побежденных, будут истребленные и оставшиеся в живых».⁸⁰

Лозунг наших женщин:

Не отдадим эвакуированным женам

В блокаде завоеванных мужей.

21 <января 1944 г.>

Ну, что ж, победы и на Ленинградском фронте!⁸¹ Мой скептический ум не может не согласиться. И все-таки душа моя упрямо молчит. Или личная мука все заслонила. Всю радость съела, всю веру выжгла, как испепелен наш милый Петергоф... Дворец, фонтаны, Самсон... Ничего больше – развалины. Свои или немцы, не все ли равно. Так и моя душа... Все пусто. Свои или немцы. Не все ли равно.

Я читаю о злодеяниях немцев и не верю в эти злодеяния. Почему? Оттого ли, что слишком много было собственных злодеяний, чтобы удивляться немецким. А ведь всплывут когда-нибудь и пытки, и муки миллионов замученных только потому, что хотели мыслить по-иному, а жили и работали как все. А убивали их за что в 38 и 39 году?

28 января <1944 г.>

Блокада Ленинграда прорвана, последние жертвы артобстрелов долечиваются в больницах, немец отступает. Ликование Ленинградцев.⁸² Наши идут вперед... на Берлин... А страшные раны Ленинграда некому лечить. Много, много лет <надо>, чтобы был он прежним стройным красавцем Петроградом. Улицы главные уже носят старые названия. Вероятно, и город Петра будет снова Петроградом.

Помнишь, Леша? «По привычке – все еще „на Невском“, а пора бы – „на проспекте Октября“...».⁸³ Пора эта была 26 лет, а теперь что бы ты писал? Милый, милый, Ты избавлен от многих, многих страданий. Мир твоей душе, страдалец мой.

Свету домой хочу.

6/II <1944 г.>

Всей нежности не передать, всей муки не рассказать к нему, о нем, о Леше моем дорогом... Леша, Леша... мужа, мальчишка.

Боже, Боже. Что же делать мне? Любить Свету и быть ей нужной и полезной.

Не угрожают больше снаряды, не летят бомбы, и тем тяжелее моей душе, и мир не для меня.

13/II <1944 г.>

Все двадцать шесть лет без насилия ни на шаг. Леша рассказывал, как их, заслуженных, приглашают вступить в партию.⁸⁴ Это уже не первый раз, а они все медлят. Решили сразу. Директор⁸⁵ приглашает: Казико,⁸⁶ Никритину,⁸⁷ Грановскую,⁸⁸ Богдановского,⁸⁹ Ларикова,⁹⁰ Софронова⁹¹ и др. к себе в кабинет. К Казико: «Вот Вы – имярек, заслуженная артистка, правительство Вас оценило и в дальнейшем оценит, партия Вам доверяет (Кака така партия?)». Боже спаси, это не Казико сказала, это я говорю. Такие же Пети, Вани, Миши, Гриши, только ловкачи. Вот и партия. Одни уничтожили других, а та ведь тоже была партия. Ну, так вот.

Казико с милой улыбкой заявляет: «Я так много плакала, но если партия считает, что я нужна там, что могу приносить пользу, я могу подать заявление о вступлении в члены партии».

Никритина: «Нет-нет, я человек неорганизованный».

Богдановский: «Я благодарю за оказанную мне честь, я уже говорил по этому поводу. Если я сейчас вступлю в партию, невольно напрашивается вопрос, а почему же до сих пор не вступал в... – Да бросьте, А<лексей> А<лександрович>, никто Вас не будет спрашивать. – Ну положим, а вот подчиняться распоряжениям партии я должен беспрекословно? А потом, мне не позволяют мои религиозные убеждения». Точка.

Грановская: «Что Вы, товарищи. Куда мне в партию в мои годы, а потом вот (указывая на Богдановского) я, как и А<лексей> А<лександрович>, верю в Бога. Если вы мне позволите панихидки служить по моим мужьям, в церковь ходить...». Точка.

Софронov запричитал: «Да куда мне, да я больной, я старый, нет-нет, увольте пожалуйста, и т. д.».

А какой-то Лёва Рабинович желает вступить, его не берут. Слишком много Рабиновичей в партии большевиков.

28/III <1944 г.>

Куда уйти, где грусть схоронить, где слезы осушить? На милом плече своей дочери. Ибо друзей нет у меня. Идочка? Боюсь, что жизнь ее завертит, личные переживания очерствят. Я же ее искренне люблю, и любила всегда. Хочу от всей души иметь близкого родного и друга в лице Светланы. Дай Боже быть мне тем, чем надо для нее. Не срываться. Характер у меня нетерпимый, кажется, и у нее такой. И если она будет любить меня, все будет хорошо. Я для нее отдам все, что есть во мне хорошего.

Все идем вперед. Только у Нарвы⁹² что-то встали, и жертв, жертв. Крови и мук.

Май 1944

Заполнить день, чтоб не
вгрызалась в сердце мне
тоска ежовая когтями
черными.

Вот он, сонет. Народ Коммуны – с глубоким соболезнованием. Давно ли пачками ссылали священников как врагов народа. Воинствующие безбожники, насмешки и издевательства, уничтожение церквей, склады в храмах, а теперь, видите ли, немцы издеваются над святынями русских. О, иезуиты! О, подлая власть, которая когда-либо жила на свете! Если бы в 1940 году сказали единому, великому и неделимому, что он будет блеснуть звездами, сиять погонами, принимать у себя священников и говорить им вроде того, что власть не преследует верующих и т. д. – Вероятно, тот смельчак был бы замучен в советских застенках, а потом нравственно добит в концлагерях.

Под Нарвой застряли, жестокие бои. Финляндия тоже шлет гостинцы,⁹³ раскаты ухают, дрожат дома, но все это уже не волнует, того ужаса, что мы переживали, больше нет. И мира нет, и веры нет.

3 мая 44 г.

Тоска, тоска и жизнь проклятая.

Вызов Светлане послан. Даже мыслить боюсь, что скоро будем вместе. В нашей иезуитской стране даже мыслить нельзя, как хочешь.

Бесправные, жалкие крепостные. «Да хуже», как сказала одна «коекаерка», так называют людей, которые получают только одну карточку, т. е. первую или вторую категорию. Эта как раз вторую. «Какой же может быть разговор, крепостные в доброе старое

время, конечно, ели лучше первой категории, а я даже того хуже – я вторая».

Сегодня я была возмущена до глубины. Есть такая поговорка: «Каждый черт – Иван Иванович». Так вот, каждый над нами Иван Иванович. Надо работать по двенадцать часов – не выпускают из завода. Подошел к воротам, предъявил пропуск, а черт, в виде кабинщицы, говорит: «Не велено, идите обратно, до семи работаете и т. д.». А попробуй возмутиться... Тебе могут приписать все, вплоть до измены родине. Какое проклятие над страной 26 лет. Все кувырком, все отвратительно. Газеты полны хвастливого бахвальства и вранья, тошно читать. То, что делают немцы, отвратительно, то же самое делаем мы – и это геройство, доблесть и всякая ...лесть. Немцы, видите ли, везут наших женщин в... скотских вагонах, а наши женщины, рабочие в особенности, хуже всякого скота.

Характерно. К директору нашего <завод>а приходит женщина, служащая, к тому же она пенсионерка, и просит ее уволить с работы, <так> <как> у нее дочь родила ребенка, муж которой погиб на фронте. Ребенок слабый и в ясли отдавать его опасно, а месяц, положенный после родов, истекает, и дочь ее должна выйти на работу. К тому же дочь от волнений захворала грудницей. Что же ответил директор, коммунист, а ведь они по завету своего вождя и отца проявляют заботу о человеке... Наша страна... наша родина... наши люди и т. д.

Так он ответил:

«Плевать я хотел на Вас и на Вашего ребенка, мне нужно выполнить программу». Достойный ответ сына великого вождя.

Наконец свершилось 10/VI 44 г. Я больше не одинока. Светлана со мной, дай Бог, чтобы она оправдала все мои чаяния и ожидания. Девочка хорошая, умная, способная – увы, нервная, это наследие родителей. Как порадовался бы отец, как можно бы было быть счастливыми хоть капельку в этом аде головокружительных успехов, великих стратегов, идолопоклонства, орденосного дождя и бурного самохвальства. Одну каплю счастья личного в своей ячейке без навязчивого «родина», «должен», «все силы», «сверх силы». Работа вола и питание таракана. Бедные таракашки, Вас тоже и жалеют так же, шпарят речами, кормят бурой или бурдой, а Вы все ползете и ползете, безмолвные, целой стеной, а если велят – закричите, придавят – не пикнете.

Ты же русская, радуйся победам, все вокруг говорит об этом! А ты что? Сжала горько сердце в комок, закрыла наглухо его и не

ждешь от этих побед ни радости, ни счастья. Ты никогда не попадешь в эту кучку избранных, ты серая масса, а эта масса будет жить тяжело, надсадно, безденежно и безнадежно. «В нашей стране, солнечное счастье, отец заботится обо всех. Только у нас и т. д. и т. п.»

Леша, Леша! Мир твоей памяти, любимый, сократил свои страдания, не видел этой лжи и фальши.

30/VI <1944 г.>

Комичное государство! Только бы урвать, урезать у трудящихся... проклятые иезуиты. Вчера Света получила иждивенческую карточку, имея справку, что удовлетворена продовольствием по 16 июня, а ей дали: 10 грам<мов> масла (шпик), 50 гр<аммов> мяса (20 гр<аммов> яичного порошку), 60 гр<аммов> крупы и 50 гр<аммов> конфет. Кошачий паек. Голодная моя кошка-Светка похудела на моих хлебах и на государственном иждивении.

Вчера я говорила с приехавшей из подсобного хозяйства:

«Я была в концлагерях, условия жуткие, ели как свиньи, грязно, но не обильно, спали хуже их, а бригадиры нас вежливо величали „Леди“, только с буквой „б“. Работали по 12 часов... ну словом, ка-торга, а русская или немецкая, не все ли равно».

20/VIII <1944 г.>

Ордена, ордена, медали – целый дождь орденов. Мать-героиня, Материнская слава, Медаль материнства!⁹⁴ Боже, какая чушь! Отчего же нет ордена лучшему производителю?⁹⁵

4/XI <1944 г.>

Сегодня мой праздник. Три года назад еще Леша был жив, сидел на кровати и не думал умирать. Записал: «Было шумно, Лиля ушла потом мне за белой булкой».

И вот прошло три года. И из ясной Лили стала седая пожилая женщина со следами былой красоты. Все, все съели война и голод. А сейчас что я имею. Так, грамоты пустые, и ничего полезного.

Оттого ум тупеет, ни мыслей, ни слов. Иногда мне просто тяжело говорить. Мучает меня это сознание пустоты во мне, мучает и убивает.

7 ноября 1944 г.

27 лет насилия человека над человеком, лжи, хвастовства и т. д. Это 27 лет советской власти. Сегодня я проклинаю ее мучительно.

4 часа я простояла в очереди, чтобы получить 400 гр<аммов> капусты, 200 гр<аммов> сырковой массы (на школьника) и 200 гр<аммов> паршивого гнилого урюка, да еще по 10 гр<аммов> лаврового листа и перца.

Увенчали лаврами. О, проклятие! Когда конец будет. От Бога или от дьявола пришла эта власть и поработила людей, обезличила, обволокла жутким страхом. Запугивания, суды, репрессии и тюрьмы...

Перо не в силах, ум без топлива. Точка.

11/XII 1944 г.

Третья годовщина. Память о тебе, мой Леша, жива, ярка и мучительна. Ненависть, бессилие, да и сама я бессильна. Нет, не могу писать, нет слов. Все выпила и съела «любимая родина». «У пролетариата нет отечества», – когда-то вопили большевики. А теперь, как каторжника к тачке, приковали к этой родине. Нацепили на плечи погоны, сделали генералов, повесили бляшек, сиречь – орденов, и толкуют о каком-то социализме в нашей великой стране с мудрым отцом и глупым дедом. Характерно, для генералов есть приказ по армии. Генералам вступать в брак с женщиной, имеющей не ниже среднего образования. Приходят в Загс регистрировать брак Генерал и девушка. Оказывается, она закончила только три класса. Регистрировать ее нельзя. Генерал смущен, сокрушенно смотрит на свою невесту и наконец говорит: «Ну что же теперича мы будем делать с тобой, Маруха».

Комментарии излишни.

1945 год

Мне хочется оставить страницу пустой, ибо так пусто в душе, так бесцельна жизнь. Еда – вот цель. Где? Как? Что? Сколько? А в кармане столько, что сколько? – никак не получается.

Сегодня Рождество, завтра день рождения Светланы. Я больна. Снова дистрофия, сердце и т. д. Что можно ждать в этой проклятой стране, кроме голода, холода и зверской работы.

13/I <1945 г.>

Сегодня по-старому канун Нового года. Точка. Я тупо гляжу на пустой лист бумаги.

«Проклятая». Сегодня опять слезы. Ненависть, как шар, надуется, прорвется, снова надуется. «Мама, ты рассуждаешь, как Базаров, хи-

мик нужнее, чем поэт».⁹⁶ Совершенно верно. Советская власть это блестяще доказала, только не на химике. «Ну, что ты, мама?».

В 41 году хлеборезка могла воровать хлеб, менять его на ценные вещи, и получала первую категорию, а твой отец? Член Союза советских писателей – карточку служащего, а до этого – иждивенца. Это ли не блестящее доказательство ненужности поэзии в частности, и литературы вообще.

16/ III 45

Меня опять постигло несчастье, сломала руку вчера, направляясь на работу.

Так хорошо наши дворники чистят тротуары.

Вчера прочитала в газете сообщение об увековечении памяти Шишкова,⁹⁷ так больно, больно стало. Никто, никто не вспомнит Лешу. А я больше чем уверена, что Леша переживет Шишкова.

Тоска, тоска, до чего устала я, до чего все надоело. Все же постепенно СССР очищен от немцев, даже больше, наши подходят к Берлину, а в тылу все хуже и хуже. Четыре года один хлеб, а год и без хлеба, ни масла, ни сахару, ни всего того, что очищает кровь. Транспорт хромает, угля нет, нужных материалов нет... Все выполняем, перевыполняем на бумаге.

Если бы не Америка, давно бы все подошли с голоду. И сейчас кучка живет, пайки и т. д., огромная масса голодает... разве это питание, то, что едим мы.

Боже мой, я перестала уметь излагать свои мысли, вот они, каши и каши, сушат мозг, отнимают руку.

28/ III <1945 г.>

Новое несчастье свалилось на меня. Отняли комнату. Не сумела я закрепить ее за Павлом.⁹⁸ Теперь будем жить в коммунальной квартире. Еще раз убедилась, какое великое действие – блат. А я со своей прямоотой села в лужу. Прокурор защитит? А прокурор так же втер очки, как и жилотдел. А какая поражающая грубость, только прокурор говорила по-человечески. «Возьмем», «отнимем», «милиция» и всякие угрозы.

Перед тем, как лишиться мне комнаты, видела Лешу во сне. Живого, моего Лешу, я так обрадовалась, так его обнимала, а он улыбался, но никак не реагировал на мой буйный восторг. Тогда я в отчаянии спрашиваю его: «Что с тобой, ты не любишь меня больше». Он так ласково ответил: «Нет, я так, всему виной дистрофия».

Я хочу пожаловаться на то, что у меня отнимают комнату. Только заикнулась и... проснулась.

В каком я была горе, что так мало его видела во сне.

Неизбывное горе, слез море, сегодня голова и ум ослабленный. Вот что оставила мне война.

22 июля <1945 г.>

2 мая был взят Берлин, 9-го подписана капитуляция Германии. А записываю это радостное событие только 22 июля. Почему нет радости? Ничего, ровно ничего не изменилось в нашей жизни, тот же голод «винтиков», за которых поднимал бокал и пил Сталин, «наш отец», на банкете: «Черт возьми, мы без этих винтиков ничто, мы маршалы»...⁹⁹ а эти винтики работают по 8–12 часов, получая гроши, едят всякие отбросы и даже на отбросы не хватает скудных заработков; всякими комбинациями, всяким жульничеством занят малый народ, прославляя «отца родного». Только ловкач, жулик, поднявшийся на ступеньки власти, только тот живет в нашей стране. Говорят американцы: «Мы работаем для того, чтобы жить и иметь все необходимое, в России живут для того, чтобы работать и не иметь даже необходимого». Терпелив русский народ – раб. Даже «папа»¹⁰⁰ признал это: «Другие бы сказали своему правительству: довольно, вы не оправдали наших надежд, уходите, а наш терпеливый русский народ терпел и ждал, и вот дождался, враг разбит на его же территории».¹⁰¹

Все это прекрасно, прекрасно, но от этого не легче, не легче, не легче...

До чего противно жить; задавленный, затперканный, измученный человек. Ты не можешь по своей воле переменить работу, комнату, словом, раб стопроцентный.

Моя зарплата 600 рубл<ей>, вычеты 180 р<ублей>, следовательно, 420, раздели их пополам – 210 руб. за две недели. Иду на рынок, покупаю 1 килогр<амм> картошки – 20 руб.

100 гр<аммов> масла – 30 руб., в особторге дороже

100 гр<аммов> песку – 20

100 гр<аммов> луку – 10

200 гр<аммов> мяса – 50 руб., этого не покупаем

щавельн<ый> корень – 10

булки 500 гр<аммов> – 25, этого не покупаем

молоко ½ лит<ра> – 15

180 руб.

Съедаем со Светланой в два дня, потому что недосыта, и экономим, а надо еще платить за квартиру 60 руб., и все прочее. И что же получается, арифметика простая: голодный паек, а перечисленное лакомство только, когда продам что-нибудь я – книги. За что же, собственно, мы работаем. Жить и продавать вещи и кое-как питаться...

27 лет этот кошмар какой-то. Правительство – людоеды. Отраслили себе морды, затылки, брюхи, а когда-то орали за народ... О, да никогда они не орали. Те, кто орал, уже в сырой земле.

¹ См. примеч. 79 к дневнику А. П. Крайского.

² См. примеч. 130 к дневнику А. П. Крайского.

³ Имеется в виду Ида Михайловна Купер. См. о ней примеч. 62 к дневнику Крайского.

⁴ Решением Ленгорисполкома от 11 апр. 1942 г. первые пять маршрутов трамваев (№ 3, 7, 9, 10, 12) были пущены 15 апр. 1942 г. (Ленинградская правда. 1942. 12 апр. № 86. С. 2); на линию вышли 116 трамвайных поездов (Там же. 15 апр. № 88. С. 2). «В этот день торжественно, с красными флагами, лозунгами, плакатами, под восторженные лозунги ленинградцев, двинулись из своих парков красно-желтые вагоны первых пяти маршрутов, – записал в дневнике писатель П. Н. Лукницкий. – <...> Какое это было торжество! С какой невыразимой гордостью рассказывают мне о нем все, без исключения все беседующие со мной ленинградцы!...» (*Лукницкий П. Н. Ленинград действует...* Кн. 1. С. 649).

⁵ Очевидно, имеется в виду Сталин.

⁶ Статистические данные и информация о конкретных случаях убийства людей и воровства трупов в моргах и на кладбищах для употребления в пищу приведены, в частности, в секретных сообщениях начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду П. Н. Кубаткина. В одном из сообщений в марте 1942 г. указано число арестованных «за употребление в пищу человеческого мяса» – 1025 человек; в ноябре 1941 г. – 4 человека, в декабре – 43 человека, в январе 1942 г. – 366 человек, в феврале – 612 человек; за каннибализм расстреляно 396 человек, осуждено на 10 лет лишения свободы 86 человек (*Ломагин Н. А. Неизвестная блокада (Документы, приложения)*. СПб., 2004. Кн. 2. С. 301–302).

⁷ Жена брата А. П. Крайского.

⁸ Речь идет о решении Ленгорисполкома от 21 мая 1942 г. «О борьбе со спекулятивным обменом продовольственных товаров», предписывающем привлечение лиц, занимающихся обменом, к уголовной ответственности. Предусматривалось наказание в виде лишения свободы на 5 лет с конфискацией имущества (Ленинградская правда. 1942. 22 мая. № 120. С. 2).

⁹ Весной 1942 г. в заблокированном Ленинграде, заваленном снегом, нечистотами, трупами, возникла угроза распространения инфекционных заболеваний. Первые воскресники по уборке города состоялись 8 и 15 марта (Ленинградская правда. 1942. 10 марта. № 57. С. 2; 17 марта. № 63. С. 2). Решением Ленгорисполкома от 25 марта 1942 г. население города (мужчины в возрасте от 15 до 60 лет, женщины – от 15 до

55 лет) с 27 марта по 8 апр. было мобилизовано на очистку города. Рабочие и служащие действующих предприятий должны были заниматься очисткой города по 4 часа в день, рабочие и служащие так называемых законсервированных предприятий и иждивенцы, к числу которых относилось большинство населения, – по 8 часов ежедневно, домохозяйки и учащиеся – по 6 часов. За уклонение от этих работ предусматривалась ответственность по законам военного времени (Там же. 26 марта. № 71. С. 1). В следующих номерах «Ленинградской правды» помещена информация о лицах, уклонившихся от трудовой повинности, оштрафованных на сумму от 200 до 1000 руб., лишенных свободы на разные сроки, привлеченных к уголовной ответственности: «На две недели лишения свободы осуждена А. Г. Бойцова (Лермонтовский пр., 17). Получив повестку, она не вышла на работу и укрывалась у сестры в другом районе. <...> На шесть месяцев лишения свободы осуждена В. Е. Соколова (Фонтанка, 133). Отказавшись получить повестку и выйти на работу, она пошла на рынок» (Там же. 29 марта. № 74. С. 2). См. также заметку «За отказ от участия в работах по очистке города – лишение свободы» (Там же. 31 марта. № 76. С. 2). 7 апр. Ленгорисполком продлил мобилизацию на очистку города до 15 апр. (Там же. 8 апр. № 82. С. 1). В результате проведенных мероприятий удалось предотвратить массовые эпидемии. Решением Ленгорисполкома от 16 апр. «всем гражданам, принявшим участие в работе по очистке города» (свыше 300 тыс. человек ежедневно), объявлена благодарность (Там же. 17 апр. № 90. С. 1).

¹⁰ Цитата из романа «Я помню вечер» (1905) на слова и музыку Я. Пригожего (1840–1920): «Свидетель жизни неудачной, / Ты ненавистна мне, луна, / Так не гляди в мой терем мрачный, / В решетку узкого окна». Вероятно, является переложением стихотворения Д. Д. Минаева «Лунная ночь» (1866): «Свидетель жизни неудачной, / Мне ненавистна ты, луна!.. / Так не смотри в мой угол мрачный / Сквозь раму тусклого окна».

¹¹ *Невдубстрой* – г. Кировск (с 1953) в Ленинградской области. Вблизи Невдубстроя, напротив Невской Дубровки, на знаменитом «невском пяточке», с конца августа 1941 г. и до прорыва блокады в январе 1943 г. шли ожесточенные бои за Ленинград.

¹² Очевидно, имеется в виду отдел кадров Автобазы.

¹³ Группы самозащиты при жилых домах первоначально формировались на добровольных началах. 23 мая 1942 г., в связи с резким сокращением населения Ленинграда, Ленгорисполком утвердил новое положение, предусматривавшее обязательное участие в них населения в возрасте от 16 до 50 лет. В передовице «Укрепить группы самозащиты МПВО в домохозяйствах», опубликованной в «Ленинградской правде» 27 мая 1942 г. (№ 124. С. 1), говорилось: «Дело чести, святой долг каждого бойца группы самозащиты МПВО – отлично овладеть всей суммой необходимых знаний. <...> Каждый дом, каждый квартал, каждая улица нашего города должны быть готовы отразить любое нападение врага с воздуха». В июле 1943 г. формирования МПВО вошли в состав кадровой Красной Армии. См. также примеч. 32 к вступ. ст., примеч. 23, 24, 40 к дневнику Е. П. Крайской.

¹⁴ Массовый призыв женщин в возрасте от 19 до 30 лет на военную службу начался весной 1942 г. Первое постановление ГКО от 25 марта 1942 г. предусматривало мобилизацию в части ПВО (телефонисты, радисты, зенитчицы и т. д.); следующее, от 13 апр. 1942 г., – в войска связи фронтовых, армейских и запасных частей, в основном во вспомогательные службы; постановление от 18 апр. 1942 г. – в войсковые части и учреждения военно-воздушных сил; постановление от 5 мая 1942 г. – в части Военно-Морского Флота, в основном на береговые службы.

¹⁵ Договор между СССР и Англией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» был заключен 26 мая 1942 г. в Лондоне (Правда. 1942. 12 июня. № 163. С. 1). 11 июня СССР и США подписали в Вашингтоне соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» (Там же. 13 июня. № 164. С. 1). На обеих встречах обсуждался вопрос об открытии второго фронта, и, как отмечалось в англо-советском и советско-американском коммюнике, «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.» (Там же. 12 июня. № 163. С. 1). В действительности второй фронт был открыт лишь в начале июня 1944 г. См. также примеч. 33 к дневнику А. П. Крайского.

¹⁶ Такие слухи зафиксированы и в секретной справке начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду П. Н. Кубаткина от 25 апр. 1942 г.: «Распространяются также слухи о том, что, якобы, Англия и Америка предложили Ленинград передать им в аренду на несколько лет. Служащая ОТК Кировского завода, Захарова: „... Между Америкой, Англией и Советским Союзом ведутся переговоры о сдаче Ленинграда в аренду Америке и Англии на 25 лет. Руководители советского правительства согласны сдать на 10 лет. Дураки будут американцы и англичане, если они не согласятся на этот срок. Ведь за 10 лет можно многое сделать“» (Ломажин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 370).

¹⁷ Ленинградское отделение Союза советских писателей.

¹⁸ О П. С. Попкове см. примеч. 40 к дневнику А. П. Крайского.

¹⁹ Имеется в виду роман «В тылу».

²⁰ См. примеч. 60, 70 к дневнику А. П. Крайского.

²¹ См. примеч. 71, 128 к дневнику А. П. Крайского.

²² Так в блокадном Ленинграде называли детские сады.

²³ В этот день в «Ленинградской правде» был опубликован приказ начальника МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткина от 26 авг. 1942 г., согласно которому все трудоспособное население города в возрасте от 14 до 60 лет приписывалось к группам самозащиты домохозяйств и обязывалось участвовать в защите города от пожаров и последствий артолетов. На эти группы возлагалась полная «ответственность за противоздушную и противопожарную охрану домохозяйств и за ликвидацию очагов поражения» (Ленинградская правда. 1942. 27 авг. № 203. С. 2). Сохранилось мобилизационное предписание Е. П. Крайской от 23 авг. 1942 г. явиться на службу «по защите Ленинграда от воздушных и химических нападений немецких захватчиков и противопожарной охране жилых домов и общественных зданий (школ, музеев и пр.)», подписанное военным комиссаром Октябрьского района Ленинграда (РО ИРЛИ, ф. 837, № 186, л. 4). См. также примеч. 13.

²⁴ По постановлению Пленума Верховного суда СССР «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противоздушной обороне» от 26 июня 1941 г. за невыполнение требований и мероприятий МПВО вводилась уголовная ответственность по законам военного времени. Согласно приказу начальника МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткина, начальника штаба МПВО В. Р. Трегубова, военного комиссара штаба МВПО А. С. Чепурина от 21 мая 1942 г. за нарушение установленного порядка во время воздушных налетов взимался штраф в размере 25 руб., за злостные нарушения – штраф до 3 тысяч руб. или лишение свободы до 6 месяцев (Ленинградская правда. 1942. 22 мая. № 120. С. 2).

²⁵ Решением Ленгорисполкома от 25 авг. 1942 г. все население города (мужчины от 16 до 55 лет, женщины от 16 до 45 лет) с 1 сент. по 1 окт. было мобилизо-

вано на месячник заготовки дров. Каждый работающий должен был заготовить не менее четырех кубометров дров: два – для себя, остальное – в общий топливный фонд. Сносу подлежали выделенные Ленгорисполкомом деревянные строения; проживающим в них горожанам обещалось предоставление другого жилья (Ленинградская правда. 1942. 26 авг. № 202. С. 1). Здесь же опубликована передовая «На заготовку дров!», в которой говорилось, что «каждый гражданин обязан лично заготовить и запасти на зиму дрова для себя, для своего завода, для школ, для больницы».

²⁶ Немецкие войска заняли Майкоп 9 авг. 1942 г. В сводках Совинформбюро вплоть до середины августа сообщалось о боях в районе Майкопа. Информация о сдаче города появилась в вечернем сообщении Совинформбюро от 16 авг. (Ленинградская правда. 1942. 18 авг. № 195. С. 4); освобожден 29 янв. 1943 г.

²⁷ *Жижмор Макс (Михаил) Яковлевич* (1888–1936) – поэт, драматург. Вместе с А. Крайским участвовал в работе Пролеткульта, Ассоциации пролетарских писателей «Космист», Петроградской/Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, сотрудничал в журн. «Грядущее». В 1922 г. подарил Крайскому свой сборник стихов «Шляпа. Куцопись» (Пб., 1922) с надписью: «„...сосны седые знают, что все-таки будет весна“. Другу и товарищу моему поэту А. Крайскому. М. Я. Жижмор. 29/VII–1922» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 201). Скончался от туберкулеза.

²⁸ Неточная цитата из поэмы А. Крайского «Я или ты». Правильно: «Больно сердцу, больно, / Давят, давят кресты... / Кто из нас разбойник: / Я или ты?» (Накануне. Литературное приложение. Берлин. 1922. 3 сент. № 16. С. 2).

²⁹ Цитируется вечернее сообщение Совинформбюро от 1 сент. 1942 г. о военных действиях под Сталинградом и Краснодаром (Ленинградская правда. 1942. 2 сент. № 208. С. 1).

³⁰ Цитата из поэмы А. Крайского «Повесть о солдатских костях, похороненных в Турции», повествующей о предприимчивом американце, решившем использовать останки солдат для массового производства костяных изделий: «А газеты... Да мы не французских... / Не английских разроем солдат, / Азиатчину – турок да русских... / Ну, что ж, мистер Ховард? / – Я... рад!» (Л., [1927]. С. 9).

³¹ Имеется в виду 25 лет со дня Октябрьской революции.

³² Возможно, имеется в виду неоднократная отмена выдачи продуктов по карточкам иждивенцев в конце августа 1942 г. В частности, в извещении отдела торговли Ленгорисполкома о нормах выдачи сливочного масла на 23 авг., пшена и риса с 25 авг. категория иждивенцев не указана (Ленинградская правда. 1942. 22 авг. № 199. С. 2; 25 авг. № 201. С. 4).

³³ Фамилия «Авдеенко» указана ошибочно. Речь идет об *Иване Андреевиче Андреевко* (1904–1987) – заведующем отделом торговли Ленгорисполкома в период блокады. В «Ленинградской правде» печатались подписанные им извещения о нормах выдачи продуктов по категориальным карточкам. «Раз в десять дней с разъяснением норм выдачи продуктов по Ленинградскому радио выступал начальник Управления торговли продовольственными товарами Андриенко (так! – Т. К.). Каждое его выступление, которое с нетерпением ожидали, ничего, кроме разочарования, не приносило. Очередная, как тогда говорили, „симфония Андриенко“ только раздражала голодных людей» (*Синдаловский Н.* От Романова до Романова. Послереволлюционная судьба Петербурга в городском фольклоре // Нева. 2012. № 9. С. 131). См. о нем: *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть 2. Инскрипты на афишах, программах и других носителях // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 859–860.

³⁴ *Севастопольская Даша* (наст. имя Дарья Лаврентьевна Михайлова; в замуж. Хворостова; 1836–1892) – первая военная сестра милосердия, героиня обороны Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг. За свой подвиг во время войны была награждена императором Николаем I золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на груди.

³⁵ Имеется в виду роман американского писателя Дж. Дос Пассоса «Манхэттен» (Л., 1930; пер. В. И. Стенича).

³⁶ Вместо инициала имени Сталина – Иосиф – ошибочно указан инициал отца – Виссарионович.

³⁷ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога» (1864): «В мире есть царь: этот царь беспощаден, / Голуд – названье ему». Первую строфу Крайский взял эпиграфом к своей поэме «Повесть о солдатских костях, похороненных в Турции». См. также примеч. 31 к вступ. ст.

³⁸ Ср. с выдержкой из перлострированного письма из Ленинграда, приведенной в спецсообщении начальника НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду П. Н. Кубаткина от 5 сент. 1942 г.: «Хорошо живут те, кто в столовых, в магазинах, на хлебозаводах работают, а нам приходится много времени тратить, чтобы получить мизерное количество пищи. А когда видишь наглость сытого персонала столовой – становится очень тяжело» (*Ломагин Н. А. Неизвестная блокада*. Кн. 2. С. 333).

³⁹ Правильно – «Гознак» – Главное управление производством государственных знаков, монет и орденов. Гознак объединял бумажные и печатные фабрики, монетные дворы. Современное название – Федеральное государственное унитарное предприятие «Гознак».

⁴⁰ Возможно, имеются в виду очередные учения групп самозащиты. 13 апр. 1943 г. в «Ленинградской правде» (№ 86. С. 4) была помещена статья М. Григорьева «Быть готовым к противопожарной обороне», в которой говорилось о проведении систематических тренировок населения, укреплении «противохимической дисциплины», запрещения являться на работу без противогазов. См. также примеч. 13, 23, 24.

⁴¹ *Рыжова Майя Ильинична* (род. 1927) – литературовед, переводчица. Специалист по словенской литературе. Работала в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Подруга Светланы Крайской с детских лет. Во время блокады вместе с семьей осталась в Ленинграде. Имя Майи неоднократно упоминается в письмах родителей Светлане в эвакуацию. В начале 1990-х гг. при посредничестве М. И. Рыжовой архив А. Крайского поступил в Пушкинский Дом.

⁴² В этот день, 1 мая 1943 г., «обстрел города начался в 8 часов 54 минуты и прекратился в 13 часов 12 минут. <...> В 14 часов 53 минуты он возобновился и продолжался более трех часов. В городе разорвалось 288 снарядов, 20 человек убито, 147 ранено» (*Буров А. В. Блокада день за днем*. С. 503).

⁴³ Неустановленное лицо.

⁴⁴ Вольный пересказ диалога героев рассказа Г. де Мопассана «Два приятеля» (1883) в период Франко-прусской войны и осады Парижа: «И подумать только, что так будет всегда, пока будут существовать правительства! Г-н Соваж остановил его: – Республика не объявила бы войны... Но Мориссо продолжал: – При королях война идет с внешним врагом, а при республике – внутри страны».

⁴⁵ Речь идет о приказе Сталина от 1 мая 1943 г. Поздравив советский народ с праздником, верховный главнокомандующий призвал работать «слаженно и четко, как хорошей часовой механизм, <...> беспощадно истреблять немецких захватчиков,

непрестанно гнать их с Советской земли». Красной Армии отдал приказ «закрепить и развить успехи зимних боев, не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли, быть готовой к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками» (Правда. 1943. 1 мая. № 112. С. 1).

⁴⁶ Русская Православная Церковь с первого дня войны заняла патриотическую позицию, выпустив ряд воззваний с призывом к защите родины. В блокадном Ленинграде обращение к Церкви, поддерживавшей духовные силы жителей, носило массовый характер. Религиозный фактор сыграл важную роль в обороне города, что сказалось и на отношении советского руководства к Церкви. Православным приходам Ленинграда даже выделялось некоторое количество вина и муки для причащения. По предложению Алексия I (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970), митрополита Ленинградского и Новгородского, с 1945 г. – Патриарха Московского и всея Руси, верующие Ленинграда уже с 23 июня 1941 г. начали сбор пожертвований в Фонд обороны страны и советского Красного Креста. В декабре 1942 г. по призыву Патриаршего Местоблюстителя Сергия в храмах начался сбор средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. Из собранной суммы, превышавшей 8 миллионов рублей, один миллион рублей перечислили верующие Ленинграда. Вносились также жертвования на авиационную эскадрилью имени Александра Невского. 14 янв. 1943 г. митрополит Алексей направил Сталину телеграмму о взносе Ленинградской епархии в фонд обороны страны 3 182 143 руб., пожертвованиях ценными вещами, а также взносе на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского еще 500 тыс. руб. В ответной телеграмме Сталин благодарил верующих: «Прошу передать православному русскому духовенству и верующим ленинградской епархии – мой привет и благодарность Красной Армии за их заботу о Красной Армии» (Ленинградская правда. 1943. 16 янв. № 13. С. 1). 1 мая 1943 г. была введена новая «Инструкция об отнесении населения к группам снабжения при выдаче продовольственных и промтоварных карточек». Служители культа, после революции 1917 г. причисленные к так называемым «лишенцам», были приравнены к советским служащим (*Шкаровский М.* Блокадное служение Патриарха Алексия (Симанского) // <http://www.spbdba.ru/news/a-74.html>). В октябре 1943 г., впервые за все годы советской власти, за организацию патриотической деятельности в храмах города в период блокады митрополит Алексей с группой духовенства был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

⁴⁷ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 янв. 1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» вместо треугольников, кубиков и ромбов на рукавах и петлицах были введены погоны – полевые и повседневные (Ленинградская правда. 1943. 7 янв. № 5. С. 1). Это сенсационное новшество должно было способствовать восстановлению исторической преемственности и русских традиций, укреплению авторитета командного состава армии и флота, установлению в них единоначалия. Размеры, рисунок советских погон в значительной степени повторяли формы погон царской армии. В это же время в официальный военный лексикон вернулось старорежимное «контрреволюционное» слово «офицер».

⁴⁸ В годы Великой Отечественной войны Президиумом Верховного Совета был учрежден ряд орденов и медалей: орден Отечественной войны двух степеней (20 мая 1942 г.), ордена Александра Невского, Михаила Кутузова, Александра Суворова (29 июля 1942 г.), медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда» (22 дек. 1942 г.), высшая военная награда СССР – орден «Победа» и солдатский орден «Слава» трех степеней (8 нояб. 1943 г.) и др. С весны 1942 г.

в газетах регулярно помещались списки награжденных, иногда занимавшие несколько полос.

⁴⁹ *Кетлинская Вера Казимировна* (1906–1976) – писательница. Автор книг о блокадном Ленинграде «Рассказы о ленинградцах» (1944), «В осаде» (1947). С июля 1941 по октябрь 1942 г. возглавляла ленинградский Союз писателей вместо ушедшего на фронт Б. М. Лихарева. С 1942 г. – жена писателя-мариниста А. И. Зонина (1901–1962).

⁵⁰ Источник цитаты, возможно неточной, не выявлен. Информация об успешных налетах советской авиации на перечисленные города, оккупированные немецкими войсками, неоднократно появлялась в печати. См., в частности: Ленинградская правда. 1943. 16 мая. № 114. С. 1; 18 мая. № 115. С. 1. См. также примеч. 112, 113 к дневнику А. П. Крайского

⁵¹ Весной 1942 г. в блокадном Ленинграде началось устройство индивидуальных огородов и подсобных хозяйств на предприятиях. 19 марта Ленгорисполком принял решение о развитии индивидуального огородничества (Ленинградская правда. 1942. 28 марта. № 73. С. 2). Под огороды отводились городские сады, скверы, газоны, пустыри из расчета 100 кв. м на каждого члена семьи. Были предусмотрены организованная продажа населению семян и рассады, изготовление и продажа мелкого инвентаря, издание «Агроправил для индивидуального овощеводства», консультации по вопросам выращивания овощей и картофеля, организованные Музеем социалистического земледелия в ряде Домов культуры. Благодаря огородной кампании ленинградцы смогли обеспечить себя зеленью и запасами овощей на зиму. Поводом для суждения Е. П. Крайской о «лопнувших огородах» могли послужить критические публикации о просчетах в организации огороднической работы и плохом уходе за посевами. 27 июня, накануне дневниковой записи, в «Ленинградской правде» были помещены передовица «Уход за посевами – важнейшее дело каждого колхоза и совхоза» и заметка «Четко организовать труд на прополке (В подсобных хозяйствах районных трестов столовых)» о результатах проверочного рейда газеты (№ 151. С. 1, 2). См. также заметку «Уход за посевами решает судьбу урожая (В подсобных хозяйствах Василеостровского района)» о легкомысленном отношении к борьбе с насекомыми-вредителями (Ленинградская правда. 1943. 20 июня. № 144. С. 2).

⁵² Из стихотворения А. Крайского 1920-х гг. «Ты, мама, ты? – Да нет же, это – бред...» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 23, л. 69).

⁵³ Неточная цитата из стихотворения К. Бальмонта «К Бодлеру» (1899). Правильно: «Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин, / Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин, / Ты, между варваров заложник-властелин! / Ты, знавший Женщину, как демона мечты, / Ты, знавший Демона, как духа красоты, / Сам с женскою душой, сам властный демон ты!».

⁵⁴ Имеется в виду актриса *Наталья Георгиевна Волотова-Семенова* (урожд. Бруггер; псевд. Волотова; 1896–1982). С 1923 г. – жена писателя С. А. Семенова. В архиве Крайского хранятся ее письма поэту 1920–1922 гг. О Семенове см. примеч. 7, 104 к дневнику А. П. Крайского.

⁵⁵ Цитата из «Сонета» с посвящением «Н. В.» (Наталье Волотовой – Т. К.). Правильно: «И вот пройдена заветная стена... / И ужаса и радости полна, / Всегда изменчива и неизменна, / Бездонная, бескрайняя страна, / Моей души живая глубина, / Будь проклята и будь благословенна!» (*Крайский А. У города-разбойника*. Пг., 1922. С. 17).

⁵⁶ Неточная цитата из стихотворения Крайского 1923 г. «Я забыл, я ничего не помню...» с посвящением «Л. Б.» (Лиле Богдановой, тогда – невесте поэта. – Т. К.).

Правильно: «Выйду в мир, огромный и прекрасный, / И поверю в первый раз, / Что открылись не напрасно / Занавески утомленных глаз» (*Крайский А.* На панельных квадратах. Л., 1930. С. 48).

⁵⁷ В этот день, 25 июля 1943 г., «обстрел города начался с четырех утра и продолжался более двух часов. После перерыва последовал новый обстрел. Снаряды рвались с 7 часов 30 минут до 9 часов 53 минут. Обстрел, начавшийся в 10 часов, продолжался почти до полуночи. За день в Ленинграде разорвались 274 снаряда. 38 человек ранено, 14 убито» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 550).

⁵⁸ Неустановленное лицо.

⁵⁹ 24 июля 1943 г. на площади у Финляндского вокзала убито 14, ранено 13 человек (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 550).

⁶⁰ Цитата из драмы Ф. Шиллера «Заговор Фиско» (1783), нередко приписываемая шекспировскому Отелло.

⁶¹ Эта трагедия произошла 8 авг. 1943 г. в воскресенье, когда в центре города было много народа. Записи об этом артобстреле есть в дневниках многих ленинградцев. В этот же день снаряд попал в трамвай около площади Искусств; погибли 23 пассажира.

⁶² Неустановленное лицо.

⁶³ 4 сент. 1943 г. в Кремле состоялся официальный прием Сталиным и Молотовым митрополитов Алексия Ленинградского, Николая Киевского, Местоблюстителя Патриаршего Престола Московского митрополита Сергия. Сталин дал согласие на созыв Архиерейского Собора, избрание Патриарха и образование Священного Синода. 8 сент. Архиерейский Собор, первый после 1918 г., единогласно избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия; был избран также Священный Синод при Патриархе. Эти события ознаменовали перелом в отношении к Церкви государства, искавшего пути консолидации общества в период войны.

⁶⁴ Италия, союзница нацистской Германии, официально вышла из войны 8 сент. 1943 г.

⁶⁵ Имеются в виду средние специализированные военные училища, предназначенные для подготовки юношей к обучению в высших военных и военно-морских училищах и дальнейшей офицерской службе. По постановлению СНК СССР от 21 авг. 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» были созданы 9 суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ.

⁶⁶ *Зонин Сергей Александрович* (1928–1998) – морской офицер, капитан первого ранга, автор книг о Военно-Морском Флоте. Сын писателя А. И. Зонина. Как и Светлана Крайская, был эвакуирован Литфондом с детьми ленинградских писателей в г. Гаврилов Ям Ярославской области, затем в деревню Черная в Пермском крае. См. его воспоминания об отце: *Зонин С. А.* Из того поколения. Воспоминания. История семьи Кетлинских / Подгот. архивных материалов к публ. О. Ю. Шилиной // Альманах XX век. СПб., 2011. Вып. 3. С. 85–95. См. также примеч. 49 к дневнику Е. П. Крайской и примеч. 53 к дневнику А. П. Крайского.

⁶⁷ Имеется в виду Сталин.

⁶⁸ Операция по освобождению Смоленска началась 7 авг. 1943 г., 25 сент. город был освобожден. См. также примеч. 21 к дневнику А. П. Крайского.

⁶⁹ Новороссийск освобожден 16 сент. 1943 г., Полтава – 22 сент., Харьков – 23 авг. (см. также примеч. 105, 125 к дневнику А. П. Крайского).

⁷⁰ Цитата из поэмы Крайского «Я или ты» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 23, л. 29). В опубликованной редакции эта строфа отсутствует (Накануне. Литературное приложение. Берлин. 1922. 3 сент. № 16. С. 1–2).

⁷¹ См. примеч. 71 к дневнику А. П. Крайского.

⁷² Неустановленное лицо.

⁷³ Точное число жертв блокады неизвестно. На Нюрнбергском процессе фигурировало число 649 000 человек; 632 253 человека умерли от голода, 16 747 человек погибли при бомбежках и артобстрелах. Современные исследователи указывают цифры – от 800 тысяч до 1,5 миллионов человек.

⁷⁴ Цитата из стихотворения А. Ахматовой 1921 г. «Не бывать тебе в живых»: «Не бывать тебе в живых, / Со снегу не встать. / Двадцать восемь штыковых, / Огнестрельных пять. / Горькую обновушку / Другу шила я. / Любит, лобит кровушку / Русская земля».

⁷⁵ В ноябре 1943 г. в газетах регулярно печатались сообщения о налетах авиации союзных государств на немецкие города. По-видимому, в дневнике речь идет о бомбежке Берлина английской авиацией в ночь на 26 и 27 нояб. и бомбежке северо-западной Германии и Бремена американской авиацией днем 26 нояб. (Ленинградская правда. 1943. 27 нояб. № 280. С. 2; 28 нояб. № 281. С. 4).

⁷⁶ На ул. Канонерской, д. 3 размещался морг Октябрьского района.

⁷⁷ Очевидно, речь идет о визите в Москву 11 дек. 1943 г. президента Чехословацкой Республики Эд. Бенеша, в честь которого был дан обед у председателя Верховного Совета СССР М. И. Калинина (Ленинградская правда. 1943. 12 дек. № 294. С. 1). 12 дек. в Москве был подписан договор между СССР и Чехословацкой Республикой о дружбе и взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве (Там же. 14 дек. № 296. С. 1).

⁷⁸ Имеется в виду Сталин.

⁷⁹ Эта трагедия произошла 22 дек. 1943 г., в 19 часов 48 минут на Невском проспекте, недалеко от Литейного проспекта. Убито и ранено 98 человек. Всего в тот день по Ленинграду было выпущено 120 снарядов, убито и ранено 150 человек (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 631).

⁸⁰ Фраза из прокламации Гитлера, произнесенной от его имени Геббельсом 30 янв. 1943 г. в Берлине на праздновании 10-й годовщины прихода к власти нацистской партии: «После этой войны не будет победителей и побежденных, будут лишь выжившие и уничтоженные» (Штайнер М. Гитлер // http://books.google.ru/books?id=GaG5AAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gb_s_atb#v=onepage&q&f=false). Это высказывание Геббельс повторил в своей речи о тотальной войне 18 февр. 1943 г.: «Фюрер был прав, когда сказал, что по ее окончании не будет победителей и побежденных, а будут живые и мертвые» (<http://hedrook.vho.org/library/goebbels4.htm>).

⁸¹ 19 янв. 1944 г. войска Ленинградского фронта освободили Красное Село, 20 янв. в районе Ропши соединились войска 2-й ударной и 42-й армий; Петергофско-Стрельнинская группировка немцев была разгромлена. 20 янв. войска Волховского фронта освободили Новгород. 21 янв. освобождена станция Мга, через которую 29 авг. 1941 г. ушли два последних эвакопоезда (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 654–656).

⁸² Блокадное кольцо было прорвано 18 янв. 1943 г. на южном побережье Ладожского озера, у Синявино, что позволило восстановить сухопутную связь с Ленинградом. В дневнике речь идет о полном снятии блокады 27 янв. 1944 г. В этот день, в 19 часов 45 минут, по радио был оглашен приказ командующего Ленинградским фронтом генерала Л. А. Говорова и членов Военного Совета А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, Н. В. Соловьева, начальника штаба фронта Д. Н. Гусева о разгроме немецких войск, осаждавших Ленинград. В 20 часов в городе был дан праздничный салют (Ленинградская правда. 1944. 28 янв. № 24. С. 1).

⁸³ Цитата из стихотворения А. Крайского «На проспекте Октября» (1922) с посвящением «Л. Б.» (Е. П. Крайской). Опубл.: На панельных квадратах. Л., 1930. С. 59–60.

⁸⁴ Речь идет об агитации в члены ВКП(б) актеров ЛБДТ. Судя по тому, что перечисленные далее актеры одновременно работали в театре с конца 1930-х гг., описываемый сюжет относится к этому периоду.

⁸⁵ *Бабочкин Борис Андреевич* (1904–1975) – художественный руководитель ЛБДТ, возглавлял театр в 1938–1940 гг.

⁸⁶ *Казико Ольга Георгиевна* (1900–1963) – актриса, педагог. Народная артистка РСФСР (1956). С 1927 г. и до конца жизни работала в ЛБДТ, была одной из ведущих актрис. Преподавала в Ленинградском театральном институте, с 1952 г. – доцент, заведующая кафедрой «Сценическая речь».

⁸⁷ *Никритина Анна Борисовна* (1900–1982) – актриса, заслуженная артистка РСФСР (1934). Жена поэта А. Б. Мариенгофа. С 1928 по 1962 г. работала в ЛБДТ.

⁸⁸ *Грановская Елена Мавриковна* (1877–1968) – актриса. Народная артистка РСФСР (1944), лауреат Сталинской премии третьей степени (1951). С 1939 г. работала в ЛБДТ.

⁸⁹ *Богдановский Алексей Александрович* (1869–1952) – актер. Заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии третьей степени (1951). С 1930-х гг. работал в ЛБДТ. Двоюродный брат Е. П. Крайской. В письмах дочери в эвакуации А. П. Крайский советует ей написать Богдановским: «Может быть, они раскошелятся, пришлют тебе кое-что?» (из письма от 20 июля 1941 г.: РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л. 6 об.).

⁹⁰ *Ларинов Александр Иосифович* (1890–1960) – актер. С 1925 г. и до конца жизни работал в ЛБДТ. С 1943 г. – член ВКП(б).

⁹¹ *Софронов Василий Яковлевич* (1884–1960) – актер. Народный артист СССР (1956), лауреат Сталинской премии (1951). Был одним из организаторов ЛБДТ (1918), где работал до конца жизни.

⁹² В феврале–апреле 1944 г. шли ожесточенные бои под Нарвой, где немецкими войсками был оборудован хорошо укрепленный плацдарм. Советские войска добились локальных успехов и захватили небольшой плацдарм. От удержания этого плацдарма зависело дальнейшее продвижение через Эстонию к Финскому заливу. В сводках Совинформбюро последнее сообщение о ситуации под Нарвой опубликовано 5 марта, до конца месяца официальные сведения в газетах не появлялись. 26 июля 1944 г. Нарва была освобождена.

⁹³ В 1941–1944 гг. финские войска участвовали в блокаде Ленинграда на северном направлении. Последнее вторжение финской авиации в воздушное пространство Ленинграда произошло в ночь с 3 на 4 апр. 1944 г. и было успешно отражено. Весной 1944 г. Финляндия вела переговоры с СССР о выходе из войны, но финская сторона отклонила условия, предложенные Советским Союзом, как нарушающие самостоятельность Финляндии. «У нынешней Финляндии нет государственной самостоятельности. Она потеряла ее с того момента, когда впустила немецкие войска на свою территорию, – говорилось в ноте правительства СССР от 22 апр. 1944 г. о советско-финских отношениях. – Теперь дело идет о том, чтобы восстановить утерянную самостоятельность Финляндии путем изгнания немецких войска из Финляндии и прекращения военных действий» (О советско-финских отношениях (На пресс-конференции в Наркоминделе СССР) // Правда. 1944. 23 апр. № 98. С. 1). Финляндия вышла из войны с СССР с заключением договора о перемирии, подписанного 19 сент. 1944 г. в Москве. См. также примеч. 69 к дневнику А. П. Крайского.

⁹⁴ Звание и орден «Мать-героиня», орден «Материнская слава» трех степеней, «Медаль материнства» двух степеней учреждены Указом Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. Статут, положение и описание орденов и медали утверждены 18 авг. 1944 г. (Известия. 1944. 19 авг. № 197. С. 1).

⁹⁵ Далее вклеена газетная вырезка из «Ленинградской правды» (1944. 20 авг. № 199. С. 2) с изображением орденов «Мать-героиня», «Материнская слава» I степени, медали «Медаль материнства» I степени.

⁹⁶ Неточная цитата одного из высказываний Евгения Базарова, героя романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862): «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта».

⁹⁷ *Шишков Вячеслав Яковлевич* (1873–1945) – писатель. Автор романов «Ва-тага», «Угрюм-река», исторической эпопеи «Емельян Пугачев». Находился в блокаде Ленинграда до 1 апр. 1942 г., писал рассказы и статьи для фронтовой газ. «На страже Родины», выступал по радио, в красноармейских клубах и офицерских собраниях, работал над романом «Емельян Пугачев». Эвакуирован в Москву. «Думаем остаться в Москве до конца войны, – писал он Л. И. Раковскому. – Томашевские, живущие пока тоже в гостинице, также думают оставаться в Москве. Мы из Ленинграда выехали 1-го апреля автобусом через озеро, а на ст<анции> Лаврово сели в отдельный вагон с академиком Орбели (ему дали до Тифлиса) и 12-го были в Москве. Ехали через Вологду, до Александровска, что в 100 верст<ах> от Москвы» (из письма от 29 мая 1942 г.: РНБ, ф. 1203, № 1355, л. 15). В марте 1945 г. СНК СССР принял постановление «Об увековечении памяти писателя Вячеслава Яковлевича Шикова» (Литературная газета. 1945. 24 марта. № 13. С. 1). В 1946 г. награжден посмертно Сталинской премией первой степени за роман «Емельян Пугачев».

⁹⁸ Родственник Е. П. Крайской.

⁹⁹ Неточная цитата из тоста Сталина на приеме в Кремле в честь участников парада Победы 25 июня 1945 г. Правильно: «Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незavidное. За людей, которых считают „винтиками“ великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо „винтик“ разладился – и кончено. Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за „винтики“, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей» (Правда. 1945. 27 июня. № 152. С. 2).

¹⁰⁰ Имеется в виду Сталин.

¹⁰¹ Вольный пересказ тоста Сталина за здоровье русского народа, произнесенного на банкете 24 мая 1945 г. в Большом Кремлевском Дворце в честь командующих войсками Красной Армии: «Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!» (Правда. 1945. 25 мая. № 124. С. 1).

ДНЕВНИКИ БЛОКАДНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ИЗ АРХИВА О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ

- 1. «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы)**
- 2. «Черные дни черного 1942 года» (дневник учителя)**
- 3. «...Уцелела и осталась человеком...»
(дневник М. В. Васильевой)**

(Публикация Н. А. Прозоровой)

Публикуемые дневники блокадных жителей хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в архиве О. Ф. Берггольц (ф. 870). «Я прочла множество блокадных дневников, – отмечала Ольга Федоровна в книге «Дневные звезды», – писанных при темных коптилках, в перчатках, руками, еле державшими перо от слабости (чаще – карандаш: чернила замерзали), записи некоторых дневников обрывались в минуту смерти автора. То опаляюще, то леденяще дышит победоносная ленинградская трагедия со многих и многих страниц этих дневников, где с полной откровенностью человек пишет о своих повседневных заботах, усилиях, скорбях, радостях. И, как правило, „свое“, „глубоко личное“ есть в то же время всеобщее, а общее, народное становится глубоко личным, воистину человеческим. История вдруг говорит живым, простым человеческим голосом».¹

Именно такого рода дневники, написанные ленинградцами разных «возрастов, положений и профессий», сохранились в архиве поэтессы. Вела дневники и сама писательница, и они, как и блокадные записи простых жителей осажденного города, стали подлинным документом истории.²

Размышляя о ценности блокадных свидетельств «самых обыкновенных людей», Г. А. Князев, автор обширного дневника 1941–1945 гг.,

¹ Берггольц О. Ф. Дневные звезды // Собр. соч.: В 3 т. Л., 1990. Т. 3. С. 243.

² См.: Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц / [Сост., коммент.: Н. Соколовская, А. Рубашкин]. СПб., 2010.

директор архива Академии наук, писал: «Газеты полны статьями о борьбе с врагом на подступах к Ленинграду. <...> Но газеты не передают и не передадут оттенков, „нюансов“ переживаний отдельных людей. <...> А вот здесь, на этих страницах я стараюсь передать бесхитростно то, что переживается самыми обыкновенными людьми, к которым принадлежу и я. <...> Только сохранятся ли мои записи? <...> Не развеет ли их в какой-нибудь страшный момент вихрь взрывной волны?».³ Понимание ценности блокадных свидетельств было свойственно большинству ленинградцев: одни из них вели дневники, другие их сохраняли, иногда переписывали, а затем передавали лицам, на чье доверие могли рассчитывать. Так, «по праву разделенного страдания» дневники блокадных жителей попали к Ольге Федоровне Берггольц.

В настоящую публикацию включены три дневника. Первыми публикуются записи безымянной блокадницы. Второй дневник принадлежит учителю математики, имя которого тоже неизвестно. Третий дневник вела Васильева Мария Васильевна, по профессии музыкант, а в блокаду – медицинский работник.

Автор первого публикуемого текста – немолодая женщина, имя и фамилия которой неизвестны, а записи не содержат каких-либо биографических подробностей. Ее дневник представляет собой подлинный документ блокады. Записи сделаны на отдельных листах бумаги разного размера и цвета. Встречаются обрезанные по нижнему или верхнему краю листы со связным текстом, но некоторые из них содержат записи, начало или конец которых утрачены. Часть листов наклеена (вероятно, позднее и, скорее всего, неустановленным лицом) на лист-основу. Тем не менее все записи принадлежат одному человеку, о чем свидетельствует как содержание дневника, так и характерные особенности почерка. Хронологически дневник блокадницы охватывает период с августа 1941 г. по 1944 г. включительно.

Несмотря на скудость сведений ленинградки о самой себе, – мы знаем лишь, что она работала в блокаду в госпитале, – на страницах дневника отчетливо вырисовывается портрет образованной, тонко чувствующей личности. Содержательно-информационная сторона ее

Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 205–206. ...Неужели никто сейчас не ведет записей того, что делается в городе, как переживают люди события. Как бы хорошо организовать такую запись, – говорил Князеву астрофизик С. И. Белявский, – освободить такого человека от других обязанностей, поручить ему ходить по улицам, заходить в учреждения, дома...» (Там же. С. 175).

записей содержит параллели с текстами двух других публикуемых дневников из архива Берггольц, но восприятие блокадной повседневности у автора первого дневника острее, а рефлексия глубже. Блокадница тяготела к осмыслению блокадного опыта, причем, независимо от угнетающего быта, ее дневнику присуща патетически-приподнятая интонация.⁴

Ее записи содержат и потрясающие воображение картины блокадной жизни, очевидцем которых была сама ленинградка, а также включают истории, пересказанные ею со слов других лиц. Особенно «обжигает» эпизод, случившийся на глазах блокадницы, когда стоявший в очереди голодный мальчишка вырвал хлеб у незнакомой женщины и тут же принялся его жадно и быстро есть. «Ж<енщина> бьет его по губам, – писала блокадница, – по носу, старается вырвать свой хлеб. Кровь течет, а мальч<и>шка все ест, не отпуская кусок, вытирашив глаза, жует, глотает поспешно с хлебом и кровь и слезы свои. Так и съел, едва не подавившись, большую часть, а женщина, причитая, наконец вырвала из его рук только маленьки<й> весь в крови кусочек...». Как не вспомнить в этом контексте известную стихотворную строчку Берггольц – «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», – и не добавить: омытых слезами ребенка.

Тяготы блокадной жизни переданы в дневнике женщины и опосредованно – в виде короткой, взывающей о помощи молитвы. Религиозно-духовная составляющая ее личности проявилась на одном из пожелтевших листков дневника: не находя никакой другой опоры в окружающем ее блокадном кошмаре, она обратилась к высшей силе:

«Молюсь Тебе не словами – их нет у меня.

В смятении, ужасе и смертельном страхе молюсь дыханием моим...».

Второй публикуемый дневник, названный ленинградцем «Черные дни черного 1942 года», велся недолгий период: с 27 янв. по 4 марта 1942 г. Это было самое страшное, «смертное время» («зимний кошмар», по словам Берггольц) блокады Ленинграда. Автор записей, молодой уже мужчина, пережить эти дни не смог: он умер 8 апр. на шестьдесят третьем году жизни.

Дневник блокадника представляет собой рукописную копию, сделанную рукой его дочери, Тамары Боровковой. Во время блокады она находилась со своей маленькой дочерью в эвакуации в Сибири

⁴ См. об отношении блокадницы к природе, музыке, искусству во вступ. ст. к сборнику.

и дневниковые записи отца получила уже после его смерти. Тамара потеряла всех своих родных, оставшихся в осажденном городе. Сделав неполную копию дневника, – «выдержки», по словам Боровковой, – она переслала его Берггольц в 1964 г., сопроводив двумя пояснительными письмами. Одно письмо предваряет дневник, другое является своеобразным послесловием к нему. Однако дочь не сообщила каких-либо биографических сведений о своем отце – учителе математики. И фактически неизвестна даже его фамилия.⁵ Так, автор хроники самых страшных дней зимы 1942 г., «честный и добрый человек», остался для истории безымянным летописцем.

Дневник написан в форме писем к родным: в нем встречаются обращения к Тамаре и отчеты о полученной от нее корреспонденции.⁶ Не предназначенные для немедленной отправки эти записи изначально были адресованы только дочери, чем и объясняются самые детальные описания блокадником состояния здоровья (своего и близких), а также другие подробности повседневности. Тем не менее автор называл свои записи именно «дневником» и видел в нем выражение своей духовной жизни. «Дневник занимает до некоторой степени духовный интерес, – писал он, – хотя дневник я до сих пор никогда не вел». Постепенно круг потенциальных читателей его записей стал расширяться и включал уже не только родных. «Дневником все интересуются, – сообщал блокадник, – почитывают. <...> Дневник пишется легко».

С привычной педантичностью – даже в день своего рождения 2 февр. – блокадник регистрировал неутешительные факты блокадной повседневности. «Мы не имеем телефона, радиопередач, трансляции, почты, газет, даже „Лен<инградской> правды“, кот<орая> выходит с перебоями, – сообщал он, – питаемся слухами. Не имеем света, освещаемся лампочками от аккумуляторов, ни керосина, ни свечей. Не имеем воды, уборной, за водой ходим на Литейный (а живем на углу ул. Маяковского и Баскова пер.)». Автор перечислял ленинградские испытания с ровной интонацией, без паники, с одной стороны, надеясь на то, что они временны, что блокада будет скоро прорвана, а «Гитлер к осени будет разбит и уничтожен», а с другой стороны, вероятно, учитывал то, что его записи прочитают другие, и потому не давал воли своим эмоциям.

⁵ Возможно, фамилия дочери – Боровкова – приводится по мужу.

⁶ Такого рода прием характерен для многих дневниковых записей в блокаду. Г. А. Князев называл свои записки «Письмами к дальнему другу». «Не столько записки, – писал он, – сколько письма, именно – неотосланные письма <...> Письма для тех, кто будет жить после меня» (Князев Г. А. Дни великих испытаний. С. 3).

Впрочем, положение с продовольствием описано им более драматично. «За январь мы получили по 50 гр. масла, 400 гр. крупы (муки), 300 гр. мяса, 250 г. сах<арного> песку и по 250 г. хлеба в день. При таком положении, – сообщает ленинградец, – прожить трудно, а запасов нет. <...> Мои руки, шея и голова покрыты фурункулами, причиняющими мне физическую боль, их штук 40–50, весь гнию. <...> дело дошло до того, что я стал падать на лестнице, улице, магазине, даже дома». Голодный обморок свалил автора дневника 10 февр. Физически ослабевший мужчина в полной мере ощутил «переходное» состояние, оказавшись между жизнью и смертью, но перенес его мужественно. «Ночь без сна, – писал блокадник, – просветление полное, воспоминания детства, как у Толстого. Такие не живут. Вызываю врача, хотя это очень трудно сделать. Чувствую дыхание смерти. Умираю без тоски, страдания и страха, но не без сожаления». На два дня записи были прекращены, а затем вновь продолжены: «Чувствую себя много лучше. <...> 10/II я находился на вершине кризиса, откуда мог покатиться в обе стороны жизни и смерти. Я покатился в стороны жизни. Я тогда явно ощущал смерть, я ее чувствовал, в ночь на 10-ое мне казалось, что к утру я умру. <...> В настоящее время я чувствую жизнь, явно ощущаю выздоровление». Обратившись вновь к дневнику, блокадник продолжил записи в привычном для себя стиле: регистрировал обстрелы, воздушные тревоги и «ужасающие» впечатления от фугасных бомб. «Всего, по моим записям, – сообщал он, – было 352 возд<душные> тревоги, из них с бомбежкой 265!». Мужчина описывал в дневнике разрушенные дома, называл «пострадавшие» улицы, приводил цифры людских потерь. «Вообще, Лен<ингра>д производит ужасное впечатление, масса домов без окон, забитых фанерой, без дверей, – констатировал он. – Узнать город трудно».

4 марта 1942 г. немцы обстреливали город в течение четырех с половиной часов, в том числе и район, где жил блокадник. Удивительно, что именно тогда им была сделана запись, полная надежды на освобождение, которую, как видно, разделяли тогда немногие. Перечисляя первые наступательные операции советских войск (освобождение партизанами Дорогобужа 15 февр. 1942 г. и окружение 16-й немецкой армии), блокадник писал: «Я надеюсь, что наше наступление будет продолжаться и впредь, хотя в этом отношении меня считают безнадежным оптимистом.

Я верую, блажен, кто верует!».

Кончатся ли на этом записи прожившего еще месяц блокадника, нам неизвестно. Вполне возможно, что его дочь, Тамара Боровко-

ва, в душе которой «снова всколыхнулась страшная драма тех лет», по причинам личного характера не смогла скопировать дневниковую тетрадь полностью. Но даже присланные Ольге Берггольц «выдержки» из дневника о «черных днях черного 1942 года» донесли до нас портрет его автора – сдержанного ленинградца, сохранившего достоинство в нечеловеческих условиях блокады.

Автор третьего публикуемого дневника – Мария Васильевна Васильева (1892–?) делала подневные записи на листах настольного календаря. Ее записи были обнаружены неизвестным лицом (возможно, поселившимся позднее в квартире блокадницы) и аккуратно переписаны в общую тетрадь. Неизвестный копиист дал тетради название «Записки-дневник, деланный на листочках настольного, перекидного календаря Марией Васильевной Васильевой, с 21/III–43 г. по 5/V–44 г. ул. Скороходова, дом 21/9, кв. 17». Позднее дневник был передан (без пояснительных записок) Ольге Берггольц.

Мария Васильевна работала медсестрой в больнице при Пролетарском и Октябрьском заводах Дорсанотдела Октябрьской железной дороги Володарского района (Цимбалына, 13) на суточных дежурствах, а в дневное время – в детском саду № 49 Смольнинского района (Невский пр., 154), и при необходимости – в подшефном детском саду госпитале. Она вела записи практически ежедневно, пропустив всего несколько дней. Во время ведения дневника автору исполнился 51 год.

Марии Васильевне удалось пережить страшную зиму 1941/42 г., в которую умерли от голода ее мать, сестра, тетя и дядя. Вместе с ней голодал ее сын Николай Дмитриевич Васильев, эвакуированный в Новосибирск 22 мая 1942 г. «...трупы близких мы с ним вместе возили...», – с горечью записала она позднее в дневнике.

Первая запись дошедшего до нас дневника сделана 21 марта 1943 г., через два месяца после прорыва блокады. Таким образом, записи Васильевой относятся к последнему периоду жизни осажденного города. Они включают счастливый момент полного снятия блокады и описания последующих, по-своему драматических месяцев, когда в Ленинград стали возвращаться эвакуированные.

В дневнике блокадницы можно выделить несколько регулярно повторяющихся тем, которые интересовали ее и описывались с разной степенью подробности. Подневная запись Васильевой, как правило, начиналась кратким описанием дежурства в больнице, работы в детском саду и констатацией общей обстановки в городе. При этом для записей она отбирала наиболее важные события дня и ночи и в

первую очередь указывала на характер бомбежек и обстрелов, описывала разрушения на улицах города и гибель ленинградцев. Вот характерная запись от 17 июля, в этот день вражеская артиллерия выпустила по городу 453 снаряда.

«17/VII–43 г. Суббота.

С 4-х часов утра идет сильный обстрел района. Сейчас уже 6 ч. 15, а только что передавали, что обстрел района продолжается. Сейчас был разрыв где-то совсем близко.

Бил весь город до 19 ч. вечера. Оказывается „страшный“ разрыв был в квартире № 4 нашего дома. Днем, когда добралась до детского сада, сразу пришлось идти в бомбоубежище. Дети измучились за целый день».

Васильевой посчастливилось дожить до дня полного снятия блокады Ленинграда и испытать радость освобождения. «...в 19 ч. объявили об уничтожении блокады. <...> Мы все побежали на улицу, – писала она. – <...> Весь Невский залит огнем: фейерверк, снопы зеленых и красных звезд сыпались на нашу землю. Слезы сами бежали из глаз. <...> Жить! если выдержит сердце все, что происходит в эти дни. А сейчас спать спокойно».

Другая важная тема записей касается личной жизни женщины. Весь дневник пронизан заботой и болью Марии Васильевны об эвакуированном сыне Николае Дмитриевиче (1927 г. р.). «Безумная тоска по Коле» и мысли о том, как «достать Колю домой», не отпускали ее ни днем, ни ночью. Как большинство эвакуированных, сын голодал и бедствовал, несмотря на то что жил у родственников. «Все мысли с Колей» – таков лейтмотив записей Васильевой. Судя по записям матери, сын был музыкально одаренным подростком и еще до войны получал лестные отзывы от своего учителя – руководителя Ленинградской хоровой капеллы А. В. Свешникова. Николай был воспитанником Хорового училища для мальчиков при капелле. Сохранилась групповая фотография хористов 1940 г., на которой Коля Васильев снят в кругу однокашников.⁷ Среди них его друзья – А. А. Юрлов (в дневнике – Шурик Юрлов, в дальнейшем – крупнейший хормейстер), С. Л. Розенблат, В. Н. Хвастунов, Н. А. Петров. Хоровое училище было вывезено в начале войны из Ленинграда в Арбаж.⁸ «Поло-

⁷ Источник: личный архив А. А. Мурина. URL: kapellanin.ru/names/?id=999 (дата обращения: 22.06.2013).

⁸ См. воспоминания известного композитора А. Г. Флярковского, бывшего в годы войны хористом младших классов, о пребывании в Арбаже: *Флярковский А. Жизнь моя – музыка!* Источник: muzruk.info/?p=8713 (дата обращения: 22.06.13).

жение в Арбаже, – писала Мария Васильевна, – куда их эвакуировали, видимо, тяжелое. Мальчики разбегаются. Как хорошо, что Коля не попал туда». Сын Васильевой работал в блокаду слесарем 3-го разряда на заводе № 218 («Пирометр»), с которым и был эвакуирован в июле 1942 г.⁹ Сокровенным каждодневным желанием Марии Васильевны было получение письма от любимого сына. Но письма приходили чрезвычайно редко, и их отсутствие рождало в душе матери тревожное беспокойство. «Писем нет, – писала Мария Васильевна 22 мая 1943 г. – Если бы хоть он был счастлив, а то он, видимо, много горя за это время хлебнул. Кажется, с живой дала бы снять с себя кожу, чтобы он был счастлив». «Письмо необходимо, как хлеб насущный, – опять отмечала Васильева. – В чем дело?».

Постоянной заботой матери были попытки добыть деньги, продукты и вещи для посылок сыну, которые не все доходили до адресата, да и достать разрешение на посылку было непросто. Особенно трудным стало положение Васильевой, когда Николай, направляясь домой, оказался в Тихвине и дожидался разрешения на въезд в Ленинград. Мать поддерживала сына всем, чем могла, а Марии Васильевне, отзывчивой на беды других людей, помогали друзья, сослуживцы, соседи. «Надежда К. подарила мне свой хлеб для Коли за два дня, – писала Васильева. – Убила меня. Чем расквитаться. Собрала посылку».

Характерно, что дневник Васильева закончила вести после возвращения сына домой. «На этом записи мои кончаются, – сообщала она, – т<ак> к<ак> с приходом Коли свалилось столько на меня дел и хлопот, что некогда не только писать, но подчас передохнуть». В действительности же не занятость, а отсутствие потребности вести дневник дальше явилось причиной прекращения записей. Впрочем, блокадница обращалась к дневнику позднее, но уже как читательница: об этом свидетельствует комментарий, сделанный ею к собственному тексту.

Еще одна болезненная и неотъемлемая составляющая тема дневника Васильевой – продовольственная. Блокадница жила в постоянных поисках-получениях продуктов, занималась их обменом, дозировала и распределяла. Несмотря на улучшенное снабжение ленинградцев хлебом и продовольствием в 1943–1944 гг. (по сравнению с зимой 1941/42 г.), Мария Васильевна, по ее собственным словам, оставалась еще «долго дистрофична». Отчасти это было потому, что она непрестанно «выкраивала» продуктовые посылки для сына, а также потому,

⁹ ЦГА СПб., ф. 327, оп. 3, д. 484, л. 22–23.

что привыкла делиться своим небогатым рационом с теми, кто, по ее мнению, нуждался больше нее. «Зоя дала два молодых огурчика со своего огорода, – писала Мария Васильевна. – Отдала их Марусиным ребятам». «Утром получила от сестры-хозяйки кочан капусты, а от тети Даши огромную брюкву, – сообщала она. – Брюкву подарила газетчице (киоск рядом с детским садом). Очень она была довольна». А выкупленные в магазине три мандарина Васильева отнесла в госпиталь и распределила их между ранеными.

В обращении с больными Мария Васильевна проявляла истинное милосердие, не жалея сил, выхаживала их и радовалась выздоровлению. Оказать помощь встретившемуся на ее пути случайному человеку, будь то раненый боец либо оказавшийся без ночлега красноармеец, было привычной нормой жизни. Особенное внимание она проявляла к Феде Сабко, молодому парню, почти ровеснику ее сына, получившему тяжелое ранение в боях за Ленинград. «Какой ценой получили мы свободу? Мальчик, которого видела я еще прошлый раз, – писала она о Феде, – жив, но т° 37.9. Плохо ест. <...> Если я получу мандарины, то только для него. Всю дорогу домой проплакала и сейчас не могу успокоиться». Через два дня Мария Васильевна вновь навестила раненых в госпитале. «Погибает Михайлов, – записано в дневнике. – Федя Сабко с очень высокой т°. Два дня не ест. Очень болит нога, – разорван седалищный нерв, кроме того, у него удалили селезенку (разорвана в клочки) и ранение мочевого пузыря. Все ночи на морфии. Очень был рад мне, молоку, мандаринам. Сразу один съел. <...> Как их всех жалко. <...> Какое преступление перед Богом и людьми – война».

Еще одна постоянная тема дневника Васильевой – религиозная. Естественным образом в описания реалий блокадного города блокадница включала упоминания православных праздников и краткие сообщения о посещении храмов. Чаще всего она просто констатировала свое присутствие в церкви – «попала ко всенощной», «поехала прямо к Николу Морскому», оставляя, как правило, за страницами дневника молитвенную сторону своей духовной жизни. Автор дневника была постоянной прихожанкой Князь-Владимирского и кафедрального Никольского соборов. В обоих храмах совершал богослужения митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (в миру – Симанский Сергей Владимирович (1877–1970)). Похоже, что всякий раз, когда Васильева присутствовала на службе, которую вел митрополит, она упоминала о нем в дневнике. Первая запись об Алексии относится к 11 апр. 1943 г.: «Много лет я его не видела. Стал он совсем седой,

очень худой и постарел». Позднее, в Пасху 25 апр., она добавила свой отклик на его проповедь: «Хорошее впечатление осталось от воззвания митрополита Алексия. Оно полно веры в нашу победу и любовью к Родине». 21 нояб. 1943 г. Мария Васильевна записала: «Вечером была в церкви, служил владыка Алексей. Плакала и просила. Как я, наверно, надоела Богу». И последняя запись с упоминанием митрополита от 16 янв. 1944 г.: «Утром была у обедни. Служил митрополит Алексей, очень было торжественно и красиво, недаром когда-то понравилось предкам, – писала Васильева. – Стрельба не прекращается ни на минуту. От сотрясения в куполе вылетело стекло, но никого не поранило».

Несмотря на скупость оставленных Марией Васильевной впечатлений от богослужений в блокадных храмах, она не обошла вниманием важные перемены, возникшие в церковной жизни во время войны: проведение Архиерейского собора, избрание Патриарха и Синода. Да это и неудивительно, ведь сообщение о встрече Сталина с тремя митрополитами (Московским, Ленинградским и Киевским) было опубликовано в «Известиях» и стало предметом осмысления в обществе. Но в дневнике сохранился не только отклик на это событие. Как известно, не вся Русская Православная Церковь признала полномочия новоизбранного Патриарха Московского и Всея Руси Сергия (в миру – Страгородский Иван Николаевич (1867–1944)). Мария Васильевна обозначила в дневнике и эту болезненную сторону текущей жизни русской церкви короткой фразой о том, что во время обедни «*поминают* (курсив мой. – Н. П.) патриарха всея Руси Сергия». Таким образом, она отделила священников, «поминающих» в молитвах своего патриарха, от «непоминающих», т. е. тех, кто не признавал церковный курс Сергия, обвиняя его в соглашательстве с атеистическим режимом.

Автор дневника была хорошо знакома и с театральным миром довоенного Ленинграда. Об этом свидетельствуют упоминания в дневнике имен известных артистов как давних знакомых. Судя по дневнику, дружеское участие принимал в Васильевой вернувшийся из эвакуации актер Большого драматического театра В. П. Полицеймако, помогая ей билетами и контрамарками на спектакли. Интерес представляют и лаконичные отзывы Васильевой на увиденные спектакли. Так, постановку Е. П. Студенцова «Анны Карениной», которая шла в Зале камерных концертов, по свидетельству Васильевой, публика, а в особенности военная, не приняла. «Пообедала и пошла в Камерный театр на „Анну Каренину“, – писала Мария Васильевна, – <...> Железнова ужасна, жалка, но общее впечатление сносное. <...>

Ужасно вела себя публика. Во время музык<ального> антракта громко разговаривали. „Анна Каренина“ сейчас трудно перевариваема. „Блажит барыня“, – сказал один боец».

Однако не всякий спектакль помогал Марии Васильевне восстановиться после дежурств в больнице или работы в госпитале. Когда она ощущала себя бессильной помочь молодым бойцам с тяжелыми ранениями, даже театр не помогал ей забыться: мысль о тех, кого надо «попробовать выходить», не оставляла ее нигде. «Вечером Елена Николаевна заставила пойти на „Летучую мышь“, – писала Васильева на следующий день после посещения в госпитале Феди Сабко. – Хорошо, но напрасно я согласилась. Так больно и стыдно. Домой шла в тяжелом состоянии».

Автор дневника касалась разных сторон блокадной жизни, но все ее записи пронизывала основная мысль: сохранить достоинство, «остаться человеком» и воспитать в том же нравственном каноне и сына.

Первый дневник публикуется по рукописи, два других – по рукописным копиям, хранящимся в архиве О. Ф. Берггольц (ф. 870). Общие принципы публикации следующие. Описки и ошибки исправлены без пояснений. Пунктуация приближена к современным правилам. Недописанные в тексте слова раскрыты при публикации в угловых скобках. Часто повторяющиеся сокращения отдельных слов (например, дет. сад, б-ная, б-ца, пол-ка), а также имен и отчеств (например, Ел. Ник., Мар. Ив.) раскрыты при печати полностью. При комментировании текста дневника фамилии больных (пациентов больницы и раненых госпиталя), а также лиц, однократно упомянутых либо названных только по имени и отчеству, сведения о которых найти не представляется возможным, в примечания не включены и отсутствие данных о них не оговаривается.

Немалые трудности вызвала публикация дневника неизвестной ленинградки (условно названного нами «Жестокое испытание...»). Их следует оговорить отдельно.

Первой особенностью этого дневника является то, что записи, как уже отмечалось выше, сделаны автором на отдельных листах бумаги, т. е. представляют собой, так сказать, россыпь. При этом встречаются листы с утраченным или наклеенным на лист-основу текстом.

Другая сложность касается датировки записей. В целом дневник велся с августа 1941 г. по 1944 г. включительно и некоторые записи имеют датировку, которая полностью учтена при публикации. Однако многие тексты этого промежутка времени не датированы, что вызвало

трудность в установлении последовательности записей для печати. Определить время написания некоторых фрагментов текста удалось по содержанию. В тех случаях, когда установить дату по содержанию не представилось возможным, текст располагался с учетом способа воспроизведения (например, цвета чернил), а также характерных особенностей бумаги (таких как плотность, цвет, наличие или отсутствие вертикальных или горизонтальных полосок) и т. д. Таким образом, последовательность записей была предположительно установлена публикатором.

Третьей отличительной чертой этого блокадного дневника является наличие стилистической и смысловой правки текста. Эта правка могла быть сделана автором по ходу ведения записей или при обращении к дневнику позднее. Но нельзя исключить, что она могла принадлежать и другому лицу. Автор писала дневник синими, темно-синими, фиолетовыми и черными чернилами. В тексте имеются вставки и правка, сделанные разного цвета чернилами и карандашом (простым и синим). При публикации важно было отделить авторскую правку от исправлений, сделанных, возможно, другим лицом. Если способ воспроизведения записи и правка совпадали (например, исправление было сделано теми же чернилами либо тем же почерком, что и запись), то эта правка признавалась авторской и была учтена при публикации. Если исправления были сделаны неопределенным почерком (который не распознается при минимальной правке), то при печати эти исправления оставлены без внимания. Не учитывались при публикации зачеркивания отдельных слов, если они были сделаны позднее, чем сама запись. Таким образом, важно было передать *первоначальную* запись, сделанную непосредственно («с первой попытки»). Однако в тех случаях, когда поздняя правка носила не стилистический, а смысловой характер и в ней прослеживается самоцензура или самоконтроль, т. е. стремление (автора или неустановленного лица) смягчить негативные эмоции текущего дня, она приведена в примечаниях.

Поясняющий текст публикатора, указывающий на способ воспроизведения, предположительную датировку и т. д., дается курсивом в угловых скобках.

1. «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы)

1941

<Синими чернилами:>

Авг. 41

Незабываемый вечер. Я постигла Ленинград как некое прекрасное художественное произведение, все неисчерпаемое великолепие кот<орого> я еще никогда не восчувствовала так живо, как в это, казалось мне, прощальное путешествие в почти пустом трамвае по пустынным улицам, по затихшим мостам над невозмутимыми перламутровыми водами.

Измученные бессонницей, <в> предчувствии надвигающихся испытаний, мы попробовали на час оторваться от тяжелых мыслей. Настороженно, прижавшись друг к другу, я и N. <3 нрзб.> проехали Невский, всю Петроградскую и вернулись через Кировский мост,¹ завершив сказочно прекрасное кольцо. Вечерняя заря тихо догорала. Спокойствие и воля к долготерпению осенили нас.

<На об. листа, синими чернилами:>

Ошеломляющий гул мотора. На самом <1 нрзб.> бреющем полете бомбы. Мы бросились в ворота дома, на лестницу. Ужас пронзил сознание.

<На листе с вертикальными полосками; синими чернилами:>

Авг. 41

N. ушла вместе с другими сотрудниками ГПБ.² Куда – не знаю. Говорят, рыть окопы. Я долго смотрю вслед удаляющейся компании, ища взглядом скромную фигурку девушки в легком темном платье с провизией – мешком за плечами. Еще не в состоянии осознать, что же это значит?

<Август>

<На листе с вертикальными полосками; синими чернилами:>

Вернулась N. на побывку: поесть, помыться и опять на окопы, похудевшая, загорелая. Мбя ее, обнаружила величиной с тарелку фиолетовый синяк на боку. След недавнего ушиба: в темноте она упала в крестьянск<ой> избе, где ночевала в чулане, наткнувшись на старую железную кровать.

Ужасаюсь и думаю: только бы не было последствий.

<На листе с вертикальными полосками; синими чернилами:>

Сентябрь.

Пришла Н. – я с трудом узнала ее. Лицо потемнело, осунулось, еда ходит, нога опухла, замотана в тряпку, в руках рукоятка от лопаты.

– Ты ранена?..

– Нет, упала в какой-то мрак... Меня вытащили.

Мерю температуру. Больше 39°. Бегу в поликлинику за врачом.

Диагноз: растяжение связок.

<На об. листа; синими чернилами:>

Целый сноп зажигалок почти коснулся моей спины, когда я, ничего не чувствуя, пробиралась ночью в бомбоубежище. Н. видела это, но ничем не реагировала.

<Сентябрь>

<На листе с вертикальными полосками; фиолетовыми чернилами:>

Плакаты со словами «Враг у ворот города» жгут мой мозг.³

Все темнеет вокруг.

Налеты все ожесточенней.

<На листе с вертикальными полосками; синими чернилами:>

Начало октября.

Мы переехали к Л. А. на Остров.⁴ Н. стала работать санитаркой военного госпиталя.

Мы на казарменном положении.

<Осень>

<Фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> Глубокая усталость сковывает члены. Тело жаждет покоя. Психика с трудом выдерживает столь длинное напряжение.

Устав после ночного дежурства, особенно яростно хочется спать. Хороший, крепкий, в спокойной тишине сон – это пока лишь мечта!

...мы все вернем себе опять.

И сон – спокойный, долгий, теплый,

и песни с самого утра,

и будет в доме, в ясных стеклах

заря вечерняя играть (О. Б.),⁵

а пока затемнение, безобразные перекрещенные бумажной полоской окна, бессонница, усталость.

<Осень>

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

Затемнение рождает чувство убогости, унижения. Когда я ежевечерно (так. – Н. П.) спускаю занавеси на окна, вспоминаю неизменно тот же жест на картине, написанной маслом Л.* Молодая испанка в смертельном страхе задергивает занавес, <группа> людей убегает. В окне зарево пожара. В комнате мрачный, зеленоватый полусвет. Все полно тревоги и напряжения. Так Л. представляла себе Воз<душную> Тревогу в Испании. Увы! В действительности она *бывала еще трагичнее.*

<На листе с горизонтальными полосками; карандашом:>

Ноябрь 41

<Фиолетовыми чернилами:>

Н. была в городе. Ходили в ЖАКТ⁶ за справкой. Зашли к Ю<ре>. Он тает – едва движется. Сестренка все лежит. Дедушка совсем обесилел, почти без сознания, мать, тетка едва говорят и ходят.

Тени когда-то живых, еще не старых людей.

Мысль упрямо сосредоточена на одном: как бы превратить в еду что-либо.⁷ Осматриваю критически комнату, утварь, книги... Что бы такое съесть.⁸ Голова болит от голода, из-за этого не могу спать. А ночи тревожные, длинные, утомительные; сплю почти не раздеваясь.

Голодно – пусто в середине. Неужели мы погибнем?

«Нам декабрьские дни сентября тяжелей...» О. Б.⁹

Стоят грозные, холодные, голодные, беспросветные дни. Мы пользуемся чистой и теплой относительно комнатой, а кругом только и слышно о смерти. «Коконь» вереницей везут на саночках из города, не довозят до кладбища, оставляют у забор<ов>, на пустырях, говорят, даже бросают в прорубь.

<На об. листа карандашом:>

Слышу голос в очереди:

<Фиолетовыми чернилами:>

«А я дура-то, дура. Были у нас 2 кошки и собака. Всех украли... А вот если б я зарезала да поджарила, да еще можно было достать, да приготовить, зажарить да повесить на морозе в коридоре, а теперь бы по кусочку резать...».

* Впоследствии я узнала, что Л. умерла от тифа в эвакуации (*примеч. автора*).

<Синими чернилами:>

Дек. 41

Внимание сосредоточилось, заострилось на питании, на пищевых продуктах. Где, как достать, как использовать, как продлить блаженное состояние сытости?

Жизнь стала похожа на ту, что была много, много лет т<ому> назад. Отодвинуты все удобства. На все нужны силы и силы, а они-то все убывают.

Все стали ходить с мешками, жестянками, бидонами, бутылками на «всякий случай». Вдруг где-нибудь что-нибудь можно будет достать.

Не хочется думать ни о ком. Мы сами теперь самые главные по праву, наша борьба, наша победа.

Победа жизни над смертью, права над бесправьем, света над тьмой.

<На приклеенном здесь же листе, синими чернилами:>

Молча продолжаем работать и ждать. Душен воздух блокады, отупляюще однообразна жизнь в осажденном городе.

Я стремлюсь быть объективной, упрямо веду борьбу сама с собой, борьбу за сохранение психического здоровья среди ада сверхчеловеческих, внезапных переживаний.

<На об. листа; синими чернилами:>

Медн<ый> снаряд упал у самых моих ног и не разорвался. Странное чувство, я даже не испуга<лась>, до того показалось абсурдным: какой-то предмет летит и ложится мирно возле меня.

<Карандашом:>

Дек. 41

<Синими чернилами:>

5 ч. утра. Сильная стужа. По хрустящему снегу спешу в очередь за продуктами. Погода прелестна. Воздух тих. Глубокие темные небеса озарены светлым сиянием звезд. Первые отсветы далекой зари. Дома, деревья, решеток кружево – все в обильном розовом инее. После канонады подчеркнуто захватывает красота тихого зимнего раннего утра. Думается: именно для этой картины должна быть написана музыка.

Странно: благодаря очередям присутствую при утреннем пробуждении природы и краешком сердца ликую, невзирая на душевную боль и горечь, и все те неудобства, кот<орые> связаны с многочасовым пребыванием в очереди.

<Декабрь>

<Синими чернилами:>

Стою в толпе возле продлавки. То и дело провозят мимо по дороге на кладбище зашитые в одеяла или просты<ни> «коконы». Должно быть, всю оставшуюся жизнь не смогу смотреть на детские саночки, не вспоминая жуткую поклажу, к кот<орой> их приспособили теперь.

На днях бреду после бесплодного стояния в очереди – слышу вдруг дикий женский вопль позади. Оборачиваюсь и вижу двух женщин: одна везет саночки с двойным печальным грузом, другая в иступлении зовет меня. А... А... видишь? Видишь? Два сразу...

В очередях то и дело слышно: «Мужики валяются».¹⁰ На днях на моих глазах грохнулся на пол молодой мужчина. Женщины оказывают выносливее. Стало очевидным: чем рослее, крупнее человек, тем скорее становится он жертвой недоедания – дистрофиком, как стали говорить теперь.

<Декабрь>¹¹

<Синими чернилами:>

Жестокое испытание – голодом, холодом, темнотой, бессонницей, дьявольски оглушительным шумом, треском, гулом, нескончаемым ожиданием гибели, неотступным, навязчивым соседством с лукавой смертью... Жестокое испытанье... Каменные громады города угрожают обвалом, подавляют сознание своими размерами...

<Декабрь>

<Синими чернилами:>

Все мое существо связано бесчисленными, тончайшими, таинственными, б<ыть> м<ожет>, но в то же время совсем реальными нитями с теми, с волей тех, кто на фронте.

Чувствую, как они томятся там, в окопах, в грязи и крови. Нам нельзя пасть духом здесь, это будет значить сдать на фронте. Наш удел, превозмогая горе, голод, бессонницу, боль, закаляться все больше и больше и отбросить врага общими с фронтом усилиями.

Враг – дикий зверь, коварно бросившийся на спину. Он вонзил острые когти в плечи и душит в жутком последнем рывке...

Но мы его отбросим...

<24 декабря>

<На листе с вертикальными полосками; фиолетовыми чернилами:>

Поразила обстановка налета. Когда мы сбежали со ступенек, в саду было светло как днем, каждая веточка, четко освещенная, резко выделялась в ослепительно ярком воздухе. Все было похоже на театральную декорацию в волшебном лунном сиянии.¹² Вдруг глаз заметил гигантские серебряные шары, висевшие на сказочных¹³ деревьях как игрушки на елке... Было так красиво,¹⁴ что, несмотря на страх и беспокойство, невозможно было не залюбоваться. Позднее кто-то сообщил, что враг употребил искусственное солнце в целях освещения объектов обстрела.

25/ХІІ. Сегодня великое событие – нам прибавили хлеба, целых 100 гр. на раб<очую> карточку, т. е. дали 350 гр. на человека. Несмотря на то, что голод изнуряет нас ежеминутно, неуклонно гоня в гроб, еще более мучительно душевное смятенье.

1942

<Начало февраля>

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

Вчера очень беспокоилась. С утра Н. с саночками отправилась в город за Юрой. Поздно вечером, когда я уже почти потеряла надежду увидеть ее живой,¹⁵ явилась, а с ней совсем обледеневший мальчик с синим заострившимся личиком. С трудом стащила с него замерзшую, точно стеклянную одежду, усадила у печурки слабенькую, совсем изнемогающую фигурку. В рот налила вина и засунула припасенную шоколадку. Мы все молчали. Юра жадно навалился на горячую печурку, стремясь поскорей согреться – загорелись рукава курточки. Потушили. Стала освобождать его руки и ноги от мокрой ваты и ниток, в кот<орые> мать замотала. Накормила горяч<им> супом. Ю<ра> ослаб невероятно. Его все клонило ко сну. Вся эта сценка напомнила андерсеновскую сказку, как-то все вышло совсем не реально.

Вот что рассказа<ла> Н.¹⁶ о своем походе в город.

В семье Ю<ры> полный развал: отец, ссылаясь на тяжелое время, ушел, перестав окончательно заботиться о детях. Мать, еле передвигая ноги, стала его (Юрия. – Н. П.) собирать, но так как не может двигаться быстро, на сборы ушло несколько часов, отыскивала вату и нитки и увязывала руки и ноги Ю<ры>, отдала свои боты, надела на Ю<ру> все чистое, напялила совсем никудышное пальто, собрала узелочек необходимо<го> белья с собой.

В комнате морозно. На диване трупик умершего Игорька, двоюродного братца Ю<ры>. На постели агони<зи>рует дедушка. Н. перевязала Ю<ру> своей большой, теплой шалью, привязала к саночка<м> и потащила. Стало уже темнеть, когда они тронулись в путь. По дороге Ю<ра> от слабости не мог усидеть и все падал с саночек. В конце Киров<ского> пр<оспек>та он свалился в воду, и Н. никак не могла его вытащить. Был большой пожар, воду качали из Невки, вода лилась из шлангов на панель и тут же замерзала. Ю<ра> промок, и одежда замерзла на нем. Совсем стемнело. Стужа стала еще сильнее. Началась стрельба. Спотыкаясь и падая по свежеебледневшей панели, Н. с большим трудом наконец вытащила скользящего, беспомощного мальчика из воды и снова привязала его шалью к саночкам. Какая-то человеческая фигура помогла ей.

<Начало февраля>

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами.>

Ю<ра> водворен в больнице.

Тяжелый дистрофик. Пальцы и пятки отморожены, пальцы на руках также.

Лежит одетый, в шапке, как и все его соседи. В палате жутко холодно, он счастлив, как мне кажется, он сам все молчит. Прихожу к нему почти ежедневно, на неск<олько> минут, чтобы не утомлять, только чтобы он знал, что о нем кто-то заботится.

Думается мне: Ю<ру> спасти надо не для него лично, а для блага всех – он такой особенный – он для будущего. *<Текст утрачен>*

<Начало февраля>¹⁷

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами.>

Приходил из города П. Он работает районным врачом. Он молод и легкомыслен по природе, но то, что он рассказывает о визитах к своим злосчастливым пациентам, – жуть. Еще в авг. 41 г. все забили окна досками, фанерой от кано<нады>. Квартиры стоят темные, ледяной ветер свободно гуляет изо всех разбитых окон и щелей, всюду свалены нечистоты, грязь¹⁸ – убирать некому, всюду мороз – топить нечем. Люди истощены, похожи на призраки, часто и ходить не могут, передвигаются ползучи, двери наружные нарочно оставлены открытыми. На днях вошел в комнату, больше похожую на темную холодную пещеру, – с трудом разглядел больную. У кровати приложена широкая гладильная доска...

– Зачем это?..

– По ней сползаю, ежели надо... – отвечает больная.
На другой постели – покойник.¹⁹

*<Ночь с 17 на 18 февраля>*²⁰

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

Злопамятная ночь. Снаряды рвались в непосредственной близости больничного домика, в кот<ором> мы живем. Простояли около трех часов под угрозой. В конце я свалилась в обмороке, познав весь ужас чувства животного, предназначенного к расстрелу, длящемуся часы. Кто может представить себе это?

Осознала чувство мишени.

Утром мы все как после перенесенной тяжелой болезни²¹ сдержанно молчим, но, я чувствую, пережитое гнетет каждого.

У меня дрожат руки и ноги, плечи гнутся. Потрясение неисправимо – чувствую, как я заметно состарилась в одну ночь.

*<Ночь с 17–18 февраля?>*²²

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

Молюсь Тебе не словами – их нет у меня.

В смятении, ужасе и смертельном страхе молюсь дыханием моим...

18 фев. 42

<Фиолетовыми чернилами:>

Утро наступило, серое, молчаливое, несказанно печальное. Самочувствие как после тяжелой болезни: слабость, робость, но уже теплится надежда. Каждый стесняется своей немощности. Всем неловко, не по себе. Говорить, вспоминать, что было ночью – невозможно.

Вдруг входит доктор С., осунувшийся, заметно поседевший, без галстука, с расстегнутой пуговкой на воротничке; мучает отдышка... Лицо желтое, восковое. «Ну, как вы?..» – чуткий, дружеский голос – ласка, кот<орой> цены нет в такое утро. «А... вы?..». «Было ужасно...». И он делает безнадежный жест своей тонкой рукой скрипача... «Нет сил терпеть это... уеду. Часть крыши и балкона в моем павильоне сорвана...».

Стояли в очереди за хлебом женщина и маль<чи>шка. Получила она свой и вышла из лавки, а маль<чи>шка за ней, вытянул хлеб и стал жадно, быстро есть. Ж<енщина> бьет его по губам, по носу, старается вырвать свой хлеб. Кровь течет, а мальч<и>шка все ест, не отпуская кусок, вытаращив глаза, жует, глотает поспешно с хлебом

и кровь и слезы свои. Так и съел, едва не подавившись, большую часть, а женщина, причитая, наконец вырвала из его рук только маленьки<й> весь в крови кусочек...

<Синими чернилами:>

Ю<ра> лежит на больничной койке. Навещаю его ежедневно.

<После 18 февраля>

<На листе с горизонтальными полосками, наклеенном на другой лист; синими чернилами:>

Ю<ра> так слаб, что не может даже сидеть в кровати.

<На об. листа; синими чернилами:>

Чем реже канонада, чем больше часов между одним обстрелом и другим, тем сильнее, острее воспринимаешь его, когда он приходит.

Сердце падает куда-то в глубину, в пропасть без дна, замираешь и ждешь... Один – другой залп – Что дальше?..

Ю<ра>²³ стал просить книги.

<Вторая половина февраля>

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

После похода в город я не узнала свое тело – оно сгорело, исчезло, осталось что-то незнакомое, точно не мое, чужое, страшное.²⁴ Гадкие худые ноги, острые, угловатые плечи, локти. Бедрa исчезли, юбки падают. Пришлось сшить подтяжки и к ним пристегивать юбки.

<Фиолетовыми чернилами:>

Я совсем обессилела. Утром, вставая со своих 3-х стульев, на кот<орых> сплю, явственно чувствую – ноги не хотят слушать меня – в буквальном смысле они подкашиваются. Вот я и слегла. М<ожет> б<ыть>, это к концу. Немного читаю, а больше сплю. Если воздушный бой вблизи, всеми силами стараюсь не слышать его. *<Текст утрачен>*

<Конец февраля – начало марта>

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

С удовлетворением и живой радостью отмечаю еще один признак возрождающейся жизни города: в нескольких местах стало работать кино.

Так, следя за возвращением к жизни дорогого больного, радуешься, наблюдая и жадно отмечая всякий, даже малейший признак выздоровления – вот взгляд стал яснее, губы получили окраску, руки и ноги не так холодны, вот появился аппетит, интерес к окружающему...

Теперь следишь настороженно и отмечаешь каждый намек на возвращение к нормальной жизни нашего непостижимого города.

<Фиолетовыми чернилами:>

Пришла из города Н. З., только что похоронила 2-х братьев, т. е. на саночках впряглись вместе с сестрой, свезла на пункт приемки трупов. Мать и сестры эвакуировались вместе с детьми. Она остается у нас, поживет, немножко придет в себя.

<Начало марта>

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

Все женщины от 15 л. вышли на очистку снега.²⁵ Днем во время обстрела, комбинированного с воздушной тревогой, я видела Ю<ру>; к моему изумлению, вместо смятенья и страха, он весь поглощен небывалым зрелищем: прильнув к окну, исполненный любопытства, с великолепным самообладанием, презирая опасность от настойчиво дребезжащих, каждую минуту могущих вдребезги разлететься оконных стекол, он следил за воздушным боем.

Разговор в очереди:

– Здравствуй, как живешь?

– Ты, наверное, обозналась, я тебя не знаю.

– Полно, это я – Д.

– Ты? Неужели?

– У меня украли карточки, я весь месяц только хлебом жила.

Опять бомбежка ночью, опять бессонница, опять сердце падает в пропасть...²⁶

<Март>

<Фиолетовыми чернилами:>

Никогда не забуду мою больную, <моло>дую девушку Л. Она беспомощно валялась в последней стадии истощения. Она лежит неподвижно и постоянно стонет. И есть от чего стонать, – сегодня я помогала 2-м врачам, силившимся сделать ей перевязки всех ее ран. Мы втроем работали около 2-х часов – задача была сложная. Вся нижняя половина тела Л. буквально разлагается. Раны такие глубокие, что сквозят кости, запущенные, грязные, смрадные. Поражаюсь, как Л. не теряет сознания.

<Карандашом:>

Март 1942 г.

<Весна>

<На листе с горизонтальными полосками; синими чернилами:>

Вчера сквозь чудесную весеннюю тишину, сквозь идиллический щебет пташек изредка прорывались одинокие далекие залпы. К вечеру пальба усилилась. Ночью опять гроыхали орудия, глухо рычали гигантские дикие звери, готовые прорвать все преграды и ринуться на нас.

Усталость берет свое, несмотря на частые вздрагивания, засыпаю.

Если тихо совсем – подозрительно, если слышна далеко приглушенная канонада, думаешь – идет горячий бой и становится спокойнее... Это ведь нас защищают, отстаивают. Я боюсь ночной полной тишины, тишины в темноте. Не раз ночью, высунув голову в форточку, напряженно прислушиваюсь. Все ли тихо? Что это? Зенитки? Дальнобойки? Кто? Мы или они?..

<Весна>

<Синими чернилами:>

Испытала еще раз, что значит сила всепоглощающего отвлеченного внимания. По экстренному требованию главного врача я делала перевязки в 2-х павильонах. Полутемные с заколоченными окнами палаты, переполненные больными в шапках, пальто, полушубках. Одна беспомощная сестра,

<На другом листе, синими чернилами:>

няня, разглагольствующая, сидя на постели больного. Выкрики: «Повара сюда! Врача! Мне ноги перевязать. Банки мне...». Я потребовала от сестры список больных, нуждающихся в перевязке, и няню с ведром для отбросов и стала обходить палаты. Через 2 часа я подсчитала – было сделано 25 перевязок. Тут же я услышала, что в это же время 11 снарядов легли где-то вокруг... а я-то ничего и не слышала.

Больные были с ужасными, зловонными, цинготными ранами.²⁷

Бесконечная оглушительная канонада ночью. Такой сильный зенитный огонь, которого давно уже не было слышно. Кажется, их сотни прямо над нами, особенно звучные, громкие орудия. Новые? А м<ожет> б<ыть>, так гулко отдается каждый звук оттого, что мы живем на берегу реки?

Было жутко. Радио объявило обстрел. Я работала в огород<е>. Не хотелось уходить от начатой полураскопанной грядки. Превозмогая страх и прямо физическое отвращение к завывани<ям> снарядов, я продолжала копать. Снаряды сыпались градом с запада на восток. Все внутри меня замерло, я съезжилась, но не уходила. Томило желание, б<ыть> м<ожет>, бессмысленного протеста. Не запугаешь. Не боюсь. Не сдамся.

<Весна>

<Синими чернилами:>

Неумолчный вой снарядов. Кажется, в воздухе самом напряжение великой борьбы.

Всю ночь ни на минуту не смолкают орудия. Сон невозможен. На сердце холодно и тихо. Сознание долга сковывает: я на дежурстве.

После двойного налета днем и ночью я совсем разбита, но утро такое безмятежное, такое ясное, что ночные переживания кажутся мне кошмарным сном, какой-то ошибкой. Точно страшная сказка, кот<орую> не хотелось слышать на ночь, точно болезненная фантазмагория, кот<орую> развеяли первые лучи утреннего солнца. <Текст утрачен>

<Весна>

<Синими чернилами:>

<Текст утрачен> Небывалая еще со мной история. Во время жуткого²⁸ обстрела я, как обычно, оделась и, сев в прихожей подальше от окон, уснула под гул громыхающих орудий. Сквозь сон я слышала, как дребезжали стекла, как вздрагивал до основания дом при каждом ударе, но усталость после ночи на дежурстве победила все виды раздражений, и я так крепко спала, что опоздала в столовку к обеду.

<Весна>

<Синими чернилами:>

Всю ночь вздрагиваю от стрельбы и колебаний почвы, но чувствую себя настолько усталой, что продолжаю спать. Утром проснулась с сильной головной болью – плохо отдохнула после суточного дежур-

ства. Еще бы – был А<ртиллерийский> О<бстрел> много часов подряд, рассказыва<ла> мне потом Н.

Июль 42

<Синими чернилами:>

Сегодня много стирала халаты и белье, потом пошла полоскать на Невку. Одной рукой держусь за столб, другой полощу, стоя на коленях на бревнах. Никогда не думала, что научусь так искусно и эффективно полоскать. На огороде устроила веревку меж деревьев. На солнышке сушить одно наслаждение.

<Июль>

<Синими чернилами:>

Работаю на огороде, начинается канонада, – не все ли равно, полоть надо. А м<ожет> б<ыть>, утихнет сейчас, а м<ожет> б<ыть>, уйдешь в дом, а он грохнется. Продолжаю полоть.

Иногда, сидя дома, начинаю волноваться, одеваться, а идти некуда. Ночью, когда началась сильная близкая пальба, я встала, закрыла двойные двери на балкон, потом подумала равнодушно: кому стрелять, а кому спать, – легла и сразу же заснула.

Видимо, предел раздражения достигнут, а дальше уж не поволнуешься. Усталость берет свое. Н. с ночного дежурства – я тоже – надо как-то отдохнуть. Пришла Н. с ночного дежурства – она сторожиха госпиталя. Поели в столовке, в хаосе, грязи и шуме. Пришли к нам – она свалилась и тут же уснула на диванчике.

Недавно я узнала о гибели старой верной Э. Преданное сердце и любящее у нее было – всю жизнь отдала она чужой семье.

Без вести пропал Л. Хорошо, что после него осталась крошечная дочурка. Его черты стоило оставить потомству. Сердце мое деревенеет. М<ожет> б<ыть>, от переутомления после ночной работы с великим трудом я делаю утреннюю уборку дома, ем что попало и засыпаю, невзирая на остальные обстоятельства.

<Июль>

<Синими чернилами:>

Обстрел довольно ощутимый по близости попадания где-то на Петроградской. Опять старое знакомое по горькому опыту прошедших месяцев чувство обреченности. Всеми силами моего бытия (так. – Н. П.) борюсь, не поддаваясь безнадежности. «Не сдаваться душевно», не падать духом! – иначе начинается психическая гибель. Про-

бую читать газету между залпами. Плохо понимаю, читаю только механически, не воспринимая. Жестокое беспокойство охватывает меня всю. Л. А. и Н. глухо и сосредоточенно молчат. Все замерли на своих местах. Вижу, как у окна, в соседнем павильоне дежурная сестра в тоске положила голову на сложенный локоть и замерла в ожидании. Л. А. выходит на крыльцо «наблюдать». С отвратительным волчьим воем проносятся над нами снаряды... К счастью, через 20 минут все вернулось к нормальной жизни.

Сиюю поздно вечером на ступеньках крыльца – караулю огород. После назойливо-настойчивого длительного грохота орудий очень устала. Напряженье сковало мысли, чувства, части тела. Вдруг в темноте и тишине раздался нежный, чистый, исцеляющий душевную боль женский голос. Не знаю, что он пел, но в его оживляющей струе была большая прелесть, как никогда я поняла суть, силу, могущество музыки, жадно слушая, я отдыхала всем существом, еще не остывшим от потрясения.

<Июль>

<Синими чернилами:>

Слушала радио.

<Фиолетовыми чернилами:>

Сидя на ступеньках крыльца, сбегавших прямо в мой огород, стерегла его одновременно.²⁹

<Синими чернилами:>

Очень устала. Передавали длинную деловую речь кого-то зрелого, сурового, серьезного. Я дремала. Внезапно в мое сознание упали слова «страданья осажденного города». Я сразу подумала ответно: «Да, да, как это хорошо, верно сказано – именно так». И как-то вновь почувствовала, что и я тоже принадлежу этому удивительному городу, а мои страданья только уголочек его. Стало легче, стало ясно: именно потому, что страдают все, мне лично облегчена моя ноша.

<Осень>

<Синими чернилами:>

<Текст утрачен> Наоборот, отощало только тело мое. Его я не узнаю, точно не мое, стала я раздражительнее, злее – это от постоянного недоедания, переутомления, стала непримиримая, выносливая, неутомимая.

Кс<ения> рассказала, как готовится к зиме.

– Убрала наконец комнату – пол вымыла, так рада, что осилила, и знаешь, чем мыла? Картиной, право, картиной, так хорошо – грунтовка, краска от горячей воды и щелока сошла и так хорошо моет, отличный холст.

Принесла и мне кусок холста от картины, только еще не успела загрунтовать – я сделаю из него рабочий передник. А когда-то Ксения художница мечтала над этим холстом... Так-то мы все изменились. Грозное, суровое время нас перерождает.

<Осень>

<Синими чернилами:>

В поисках кирпича комендант нашего дома отправил нас к обреченному на снос деревянному дому. Вошла я в него не без трепета. Еще серело утро. Вокруг безлюдье. Голые старые развесистые дубы и раскрытые двери.³⁰ На крыльцах, лестницах и в заваленных массой книг и бумаг комнатах – картина полного хаоса и разорения. Валяются трупы когда-то дорогой комфортабельной мебели. Прекрасный секретер повален навзничь, неск<олько> ящичков вывалилось. Внутри шкафчик зияет черными отверстиями. Большая, когда-то удобная кровать красного дерева накренилась

<На другом листе; синими чернилами:>

одной стороной – кто-то грубо рванул ее и почти опрокинул. Кто-то вытащил зеркало и оставил отличную стильную кр<асного> дерева раму у стены. Пианино нелепо стоит посередине комнаты. Кипа писем, карточек валяется на паркете. Тут же детский башмачок, абажур, бутылки, кухонная утварь, пестрые черенки битой посуды, корзинки, коробки, лоскутки.

Разворочены печи... выбиты окна. Открываю еще одни двери: пол сплошь покрыт книгами, беспорядочно брошены кипы бумаг. И посреди всего невероятного беспорядка бюст греческой богини, с невозмутимым спокойствием безмятежно взвращающей на весь окружающий непостижимый хаос. Я невольно залюбовалась белоснежной головкой, и присутствие ее здесь показалось мне символично: после всеобщего безумья, злобы, зверства – победит красота, гармония, мир, добро. Эта мысль и ее наглядное воплощение так взволновала меня, что я, вернувшись домой, не могла уснуть до утра. Редко мысль так ярко иллюстрируется и так пронзает сознание своей остротой. Нико-

гда еще в жизни не видала такой резко незабываемой картины – причина возникновения кот<орой> война.

<На об. на наклеенном листе; фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> Силы иссякли. У нас пищи так мало. Он нас давит, железным кольцом нас заковал. Выхода нет. Значит, гибель?

<Синими чернилами>

Ноябрь 1942

<На об. листа; синими чернилами:>

Ночью вспоминаю: в разоренном доме, на полупустой, заваленной хламом комнате с настезь открытыми в осенний сад окнами, среди разбросанных по полу книг – гипсовый бюст. Прекрасное, безоблачно спокойное лицо глядящей вдаль Афродиты... Как оно неуместно и в то же время как ценно именно здесь, среди хаоса и ужаса войны – как воплощение всепобеждающей красоты и правды.

<Около 7 ноября>

<Синими чернилами:>

<Текст утрачен> «Нервное истощение» – я вдруг ощутила его каждой клеточкой своего организма.

Кругом рев звериный... Ночей 10 не спим. Тревоги бесконечные снятся и нервируют. Вой орудий, дрожание земли, звон стекол – все это вместе – горе безысходное, от кот<орого> некуда скрыться. Очевидно, так нас приветствуют враги ради нашего праздника. Сердце уже устало сжиматься при всяком воздушном бое, так они часты.

Деревенеешь и погружаешься в тяжелую дремоту. Не слушать грохота, разрывов, не прислушиваться: изнемогая засыпать от переутомления, от напряжения, постоянного ожидания смерти, гнетущее однообразие тяжелых впечатлений, бессменность ежедневных переживаний, сосредоточие мысли на недоедании, помимо всего, раздражительность и легкая уязвимость.

<Карандашом:>

А после дежурств так хочется спать...

<Синими чернилами:>

1942 г.

<На об. листа:>

Бушует война непостижимая уму <в> своей беспощадности...
Скрытые от всех битвы с самим собой в глубинах ума и сердца.

Роберт Гринвуд

«Мистер Бантинг в дни мира и войны». ³¹

1943

<Фиолетовыми чернилами:>

1943

<Январь>

<На об. листа; наклеена вырезка из неустановленного печатного источника со стихами:>

«Ты никогда не встанешь на колени
Перед ордой взбесившихся врагов, –
Ты носишь имя дорогое – Ленин –
Жемчужина советских городов.
Пусть ранен ты, но раны излечимы,
Ты не склонил могучей головы,
И отражен твой вид непобедимый
В стальных волнах разгневанной Невы».

<Фиолетовыми чернилами:>

Он сыплет снарядами безостановочно. Сердце стынет, тело съедается. Мелькает тайное желанье – провалиться сквозь землю. Отдышка, руки, ноги тяжелеют, холодеют. Свет не мил становится. ³²
Чувство загнанного зверя.

Утешающие мысли: все, все решительно, имеющее начало, имеет конец – и другая – когда-нибудь будет тот обстрел, кот<орый> станет последним. Проходит ночь, снова наступает день со своими заботами, и ужасы ночи меркнут. Сноваходишь в жизнь.

Несмотря на несмолкаемые глухие далекие залпы, на гигантские красные молни<и> от разрывов снарядов, несмотря даже на сознание колоссального боя, ведущегося вокруг нас, – я, кажется, впервые с начала войны – невозмутимо спокойна. Предчувствие близкого освобождения, тоска по сладостному миру... Появилась уверенность в нашей несомненной стойкости, в скорой победе. На днях Л. А. радостным шепотом передал то, что у всех в упованиях и чаяньях: «У нас на фронте все идет очень, очень хорошо». Вчера пыльщица дров по секрету сказала мне на ухо: «Блокада уже прорвана, только еще нель-

зя говорить об этом». Ночью не могла спать от взволновавших меня мыслей.

<На наклеенном на об. листе; фиолетовыми чернилами:>

На улицах, на стенах домов появились надписи белые по яркосинему фону: «Граждане, во время А<ртиллерийского> О<бстрела> эта сторона наиболее опасна». Читаешь, и становится слегка жутко, потом привыкаешь – надписей, таких же точно, слишком много... и идешь, куда велит долг...

Вновь и вновь он открывает огонь по нам, нелепый, упорный, бешеный. Терзает нас *<Текст утрачен>*

<На наклеенном здесь же листе; фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> Музыка! Какой беспробудной ночью была бы блокада без тебя!³³ Какая спасительная, исцеляющая душевные раны сила! Как спасала она нас в мрачные годы суровых испытаний. Мне думается, это именно она, благодаря счастливому изобретению радио, спасла многих и многих из бездны отчаянья и пучины сумасшествия. Как научилась я ценить ее в невольном одиночестве и тоске затемненной комнаты в томительные часы В<оздушной> Т<ревоги> и А<ртиллерийского> О<бстрела>.

<Фиолетовыми чернилами:>

В институте слышала рассказы девочек о зиме 41–42. Чудовищные воспоминания о людоедстве. Пробую протестовать: не может быть... Наверное, кто-то недослышал, преувеличил, передал и так пошли разговоры об этом.

Девочки настаивают: «Да нет, что вы... У нас во дворе жил мальчик лет 6, жирненький такой – его съели – он пропал, а потом узнали, что его съели...». «А у нас одна женщина жила с маленькой дочкой, так та прямо рассказывала: „Моя мама не работает, она заманивает к нам ребят, потом убивает топором и варит суп“».

«А у нас соседи были, муж и жена, – они обещали друг другу, – кто раньше умрет, того съест тот, кот<орый> останется. Только муж не выдержал, не смог дождаться, убил жену и съел ее».

«А покойников так только-то и делали, что крали. У них куски резали, что помягче. Мы возле кладбища жили – все видели. А кто ест покойников, жив не будет, п<отому> ч<то> кровь из них никто не выпуска<ет>, и она ядовитая...». «А кто убивал и ел, тому ничего, тот жил...». «Мясо человеческое, говорят, сладкое, очень вкусное...». Я с содроганием слушала эти жуткие разговоры, и меня начинало *<Текст утрачен>*

<17 января>

<Фиолетовыми чернилами:>

Уже не страшна канонада, сегодня, хотя и дрожат стены и окна звенят, верится, что от наших орудий все это.

Теперь мы так привыкли к выстрелам, что даже не прерываем разговор, когда начинается обстрел. А год назад? Мы как юнцы бросались в траншею при первых звуках сирены.

18/1. Ночью вдруг стук – я открываю дверь – врывается П-н, возвещает:³⁴ «Я пришел поздравить вас с прорывом блокады Ленинграда!». Мы вскочили со своих коек: «Неужели? Не может быть? Когда? Как?». Закидали его вопросами, бросились обнимать и целовать. Даже сдержанный всегда Н. А. твердил: «Как хорошо, что вы пришли. Спасибо вам». А П. взволнованно повторял: «Вы понимаете, какое это счастье? – ведь это счастье!». Он был очень бледен с веселыми сияющими глазами, прямо с дежурства прибежал к нам.

Да – ЭТО СЧАСТЬЕ! Все так натерпелись, так изголодались, так жаждут мира. Теперь, наверное, начнут нас откармливать,³⁵ теперь уж будет доставка продуктов. Обнять, понять все то, что произошло, сразу было невозможно. Ведь это начало конца войны. Мы отлично продвигаемся на всех фронтах, победа следует за победой. Радио всю ночь и следующий день передает веселую звучную музыку, приветствуя бойцов на митингах. В наших больничных павильонах больные плачут, волнуются – никто не может спать в такую <ночь>. Всюду и везде праздник. Утром на улицах флаги.

43

<Конец января>

<Черными чернилами:>

С некоторой дозой удивления, вернее, благоговенья перед совершившимся, замечаю, что мы уже приспособились, сжились со смертью, попривыкли к необычным шумам, к постоянной, вынужденной бессоннице, к нашей скудной диете. Мы лавируем постоянно среди смертельных опасностей, живем, трудимся, исполняем свой долг, отчетливо отделяя главное от мелочей. <Текст утрачен>

<Фиолетовыми чернилами:>

АПРЕЛЬ 1943

<На об. листа; фиолетовыми чернилами:>

Ольга, Ольга,
поэтесса долга,
сестра Некрасова,
рожденная войной!

Твои доходчивые строки –
волна любви, омывшая сердца,
сердечный голос и нежность матери
и чуткость преданного друга –
все в тебе.

Ты призываешь нас к терпенью.
В страшной, темной непроницаемой ночи
ты учишь нас предвидеть свет зари.
Привет тебе, любимая,
в венце терновом Ленинград
воспевшая.

<Весна>

<Фиолетовыми чернилами:>

Вниманье, вниманье! Говорит штаб местной противовоздушной обороны. А <ртиллерийский> О <бстрел> района продолжается...

Я спала после ночного дежурства, сорвалась с постели в тоске и недоумении. Что собственно надо предпринять?

Терпко звучит четкий голос диктора. Холодок пробегает по спине. Сердце усиленно забило тревогу. Воображение стало вновь рисовать ужасающие картины.

Тут уж я просыпаюсь окончательно, беру вожжи сознания в свои руки. Не сдамся! Не позволю ему увести меня на грань безумья.

И вот и моя единственная, награждена. Пришла с работы и с удовольствием положила передо мной маленькую красную коробочку с медалью и аккуратно сложен<ный> листок бумаги.

Так отлились в конкретную форму наши незабываемые переживания в эти неповторимые годы.³⁶

<На наклеенном здесь же листе; фиолетовыми чернилами:>

Ушиваю одежду – все спадает – бедер не стало. Уже года 2 т<ак> н<азываемых> резинок не достать. Все приходится удерживать двой-

ными булавками и тесемка<ми>. Подобные ухищрения сковывают свободу движений.

<На наклеенном на об. листе; фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> Уже как будто жизнь стала налаживаться, приходило к нормальной, уже временно успели забыться бомбежки, ночные испуги, потрясающие душу и тело, от кот<орых> коченело сердце³⁷ и белели волосы, уже начинали жить б<олее> или м<енее> по-человечески,

<На другом, наклеенном здесь же листе; фиолетовыми чернилами:>

хотелось уже общаться друг с другом, устраивать свои маленькие человеческие дела, жаждалось уюта, семейного спокойного быта – и вдруг опять среди сияющего солнечного утра смертоносная канонада, злобная, яростная, длящаяся много часов... Мы с N. изнемогали дома, потом побежали голодные в столовку – по улицам ходить запрещалось, стояли у ворот дворники,³⁸ потом в перерывах между залп<ами> прибежали домой. И опять все показалось призрачным, и наша жизнь сама, и относительность покоя, и хрупкость нашего преждевременного наслаждения ими, вся печальная эфемерная жажда счастья среди нескончаемых ужасов войны. И опять лица состарились и плечи согнулись. Продолжать обычную рутину жизни почти нет сил.

Это, д<олжно> б<ыть>, и есть «психическая атака». Она высасывает кровь, последние силы из переутомленного организма. Уже страданием нашим не найти ни меры, ни названья, ни сравнения...

<Фиолетовыми чернилами:>

А<ртиллерийский> О<бстрел> длился более 5 <1/2> часов. Сначала редкие сокрушительной силы удары, потом все чаще и чаще, все сильнее и ужаснее. Весь наш дом трепетал. Я совсем одна. Все на работе. Всей силой воли удерживала свое воображение, заставляя себя быть слепым и немым. Одна мысль, тоскуя, рвала мое сознание на клочки. Думала, где N.? Что с ней? Уцелеет ли она? Сердце сжималось пребольно.

Я не смела зажечь печурку и приготовить ужин. Это была пытка, длящаяся часы, иного слова не умею подобрать.

А весна, вторая военная весна все-таки, помимо желания врага, отравляющего всякую радость существования, торжественно вступает в свои права. Уже поют храбрые пичужки, уже, переходя Елагин мост, я слышала жаворонка, уже нашла свежую, только что выгля-

нувшую из земли веточку снйти с розовым стебельком. Лед посинел и вот-вот тронется. Улицы совсем чисты и сухи. В огороде весеннее болото, я уже начала чистить мусор, скопившийся у дома за зиму. В горшках и ящиках прорастают

<На другом листе; фиолетовыми чернилами: >

кабачки, огурцы; кольраби и брюсселька кое-где дают 3 и 4-*<й>* листочки. Будем сеять – будем есть.³⁹ Хочется иметь огород побольше, посытнее, чем в прошлом году. Еще холодно, на террасе ночью t° падает до +2+4, а днем на солнце доходит до +10.

Умиротворяет мысль, что скоро появится на свет ребенок.⁴⁰ За стеной нашей комнаты родится новый земной житель. И то, что он будет так близко, и то, что он будет тихонечко питаться в своей невинности как в крепости, что его безмятежность в дикой внешней обстановке станет реальностью, – утешает меня. Раз возможно существование крошечного, нежного, хрупкого существа, значит, еще осталась нормальная жизнь, – не все еще поглотил хаос, безумье, ужас, смерть. Сознание этого успокаивает, придает новые силы.⁴¹

В столовке встречаю прелестную в своей скорби, всю в черных лохмотьях Ш. Она останавливает на мне свой горящий взор маньяка и возбужденным голосом настойчиво повторяет: «Мой сын погиб, но я записалась на его место, и я отомщу!».

<На об. на наклеенном листе; фиолетовыми чернилами: >

Когда мало пищи и нечем заполнить желудок, я собираю среди руин нашего двора дикорастущие сорняки и варю из них щи или пюре. Ездить на О<стро>в⁴² часто на огород не особенно удобно под постоянным обстрелом.

<Синим карандашом: >

Всегда и здесь, в сердце огорода особенно,

<Фиолетовыми чернилами: >

я так ценю каждый маленький солнечный лучик, каждое дуновение ветерка, несущего свежесть с прохладной огородной земли, и все разнообразие упоительных запахов трав. Они ласкают, согревают, утешают меня, а я медлю нарочно и несколько мгновений стою праздно, впуская в себя синеву неба.

<Синими чернилами: >

Май 1943 г.

А все-таки жизнь хороша. Благоуханное свежее майское утро ее символ. После целого ряда бесконечных ночей – вновь торжество

всеисцеляющей, юной, невозмутимой красоты. Глубокий контраст с ночными испепеляющими переживаниями. Такое утро! Хочется петь, славословить, плакать, благодарить за его приход.

Конца нет колебаниям между верой и сомнением. То жизнь кажется несомненным фактом, то смерть так близка, что не сомневаешься в ее наступлении. Изнурительно чрезвычайно.

Вот-вот наступит полное изнеможение. Но нет, где-то в глубине существа скрыт все еще живой родник силы.

Нечто непостижимое, граничащее с чудом, совершается ежеминутно.

<Фиолетовыми чернилами:>

ИЮНЬ 1943

<На об. листа; фиолетовыми чернилами:>

Ночью я дежурила у павильона в саду. Была нежная, тихая, белая ночь... Но он запятнал ее, воспетую поэтами. Ее хрупкую тишину пронзил гул немолчной канонады. Воздух сотрясался тяжелыми волнами. Весна уже окутала весь сад прозрачным зеленым кружевом. Изредка⁴³ робко насвистывали маленькие радостные пташки. Мирно дышалось бы здесь, если бы замолкло навсегда отвратительное завывание сирены, если бы забылся рокот тяжелых орудий, если бы не жужжали над головой самолеты.

В саду на солнце, рядом с матерью сидит мальчик, лет 3, 4-х. Оба нежатся на весеннем припеке. Внезапно залпы. Мать вздрогнула и застыла. Мальчик приник к ней. Личико сразу осунулось, уголки рта передернулись. «Буюсь», – лепечет он. Подавив первое чувство страха, мать отвечает: «Не бойся, глупыш, так надо».

«Так надо?» – переспрашивает сын.

«Надо!» – твердо отвечает ленинградка, победив самое себя,⁴⁴ и мальчуган, уверовав в материнское слово, уже спокойно продолжает подковыривать песок прутиком.

<Карандашом:>

Июль 43

<На об. листа; фиолетовыми чернилами:>

Пришла Р. Я ее не узнала. Коренастая, суровая красноармейка с милыми завитушками русых волос вокруг загорелого лица с ослепительными зубами и улыбкой – командир пулеметного взвода, сама пулеметчица-отличница.

Очень изменилась, и к лучшему. Спокойная, собранная и необыкновенно женственная в то же время.

«Никогда я не обращала вниманья на одежду – но теперь после войны, буду одеваться – так хочется!».

Она успокаивает меня, наверное, святой ложью; по ее словам, скоро конец нашим испытаниям. Надежда льется целительным бальзамом в мое сердце.

Дорогая Р.! Как радостно слушать ее и верить вместе с ней. Наши победы на Украине, союзников в Италии,⁴⁵ все это окрыляет.

Всюду по городу строятся ДЗОТы.⁴⁶ Сознание необходимости, по кот<орым> они возникают, заставляет стынуть кровь. Как-то мы справимся с ними в такой непосредственной близости?

<Июль>

<Фиолетовыми чернилами.>

<Текст утрачен> взором минуя ужасные искалеченные стены, безобразные развалины и груды камней и мусора, кот<орым> завалена часть нашего огромного двора, превращенного в настоящую свалку. Выйти на эту свалку для меня не так просто – ведь для этого надо спуститься с 4-го этажа, а при больном сердце это нелегко. Поэтому соединяю эту идиллическую прогулку с выносом домашнего мусора, с посещением сапожной мастерской, прачечной или хлебной лавки. И все-таки всегда эти несколько минут под открытым небом становятся моим отдыхом.

На свалке растут и цветы: ромашки, сурепка <текст утрачен> клевер <текст утрачен>.

<Фиолетовыми чернилами.>

24 / авг. Ослепительно блестящая победа: 240 орудий салютуют о ней в Москве. Харьков наш!⁴⁷ Эта весть оживила нас всех. Все поздравляют друг друга, лица зацвели улыбками. Суровые сосредоточен<ные> <1 нрзб.> лики ленинградских великомучеников просветлели. Надежда, надежда! Вот что вдыхает новую жизнь в нас. Надеждой великой жив человек – не хлебом единым!

Слышу голоса: ну, теперь пойдут на Брянск–Полтаву, а там и Киев. Головокружительно прекрасно. Только бы скорей. Хочется пожить еще, хочется сохранить силы для послевоенной лучшей жизни. Только бы не затягивалась война, только бы не осложнились положения! Довольно ужасов, разорения, голода, голода, смерти, болезней,

сомнений, разлуки, тоски, испытаний огнем и мечом, довольно страданий и многоликих потрясений...

Осень уже наступает, рано, медленно, но уверенно <текст утрачен> холодно перед рассветом на Острове. И ветер <текст утрачен>

<Осень?>

<Фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> Со мной дежурила санитарка Маруся, родом из деревни в 6 километрах от Дорогобужа. Она получила долгожданное письмо от своих. Пишут, что их занятие сейчас «убирать немца» – лежит кучами. Пишут еще, что им выдали хлеб и картофель. Вся семья живы. Дорогобуж весь сгорел.⁴⁸

Маруся пишет ответное письмо за моим столом, а слезы обильно капают на бумагу – она 2 года не знала, живы ли ее дети, уехавшие перед войной к бабушке на каникулы.

<Осень>

<Фиолетовыми чернилами:>

Теперь, как никогда, стали ясны Иисусовы слова «Станьте как дети».

Думая, размышляя о кровавой современности, я, совсем забыв, кто первый сказал – вдруг вырешила – жить надо не думая, лишь принимая все – нужно быть как дети, как маленькие дети. Только живя бездумно, можно пережить ужасы, горячечный кошмар войны. Вот где правда.

И еще одно уразумела я теперь, в исходе второго года войны – это моление о хлебе насущном. Ведь это мольба о жизни самой, теперь, как никогда, оно стало ясным, как солнечный свет.

<Здесь же на приклеенном листе; фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> Усталость одолела, и сон закрыл двери сознания всех эмоций, всех переживаний, даже страха.

Сегодня беспокойство среди работы в госпитале не раз охватывало меня – боролась с усилившейся игрой воображения, кот<орая> жестоко рисует передо мной потрясающие картины.

<Фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> А он, злобный, преступно продолжает громить нас ежедневно, подряд уже несколько дней. Сердце при каждом первом ударе.⁴⁹ Воображение с готовностью рисует скорбные картины. Обуздываю его, чтобы сохранить мозг здоровым, чтобы не ри-

нуться в пучину безумья. Решительно ничего нельзя предполагать, воображать, предчувствовать. Единственное, что возможно и нужно: раствориться в работе и ждать.

На улице маленькая школьница, измеряя своими ножками ямки из вырванн<ого> осколками снаряда асфальта, замечает: «Это, должно быть, ночью какой-нибудь великан ходил...». В своей невинности она мечтает о сказке, играя по дороге в школу на панели, с вечера, б<ыть> м<ожет>, залитой⁵⁰ кровью. Так жизнь и смерть идут в ногу.

Дальняя канонада слышна всю ночь.

Небо вздрагивает от зловещих зарниц.

<Фиолетовыми чернилами:>

<Текст утрачен> ко всему прочему – нас всех угнетает гнетущее однообразие жизни, однообразная диета, убийственно однообразный маленький круг, в кот<ором> мы вращаемся. Темнота времени года и добавочное затемнение – вот что разрушает самую сущность жизни. Бесконечная усталость овладевает всем телом. Изнемогаем в ежедневной нескончаемой работе, день так короток, и так мало можно из него вынести. Каждому и дома, и на работе нужно уделить особое внимание: все так повышено раздражительны, так душевно изранены. Нужно быть абсолютно чуткой и очень, очень внимательной к себе, чтобы не становиться нервной и раздражительной.

<Черными чернилами:>

Нояб. 43

Ночью вхожу в буфетную. Две крысы дерутся у плиты. Одна из них быстро убегает, другая бросается на меня когтями, впивается в чулок чуть пониже колена. Перепугала меня не на шутку. Отвратительно.

<На приклеенном здесь же листе; фиолетовыми чернилами:>

Сию возле дома на улице, – дежурю по МПВО.⁵¹ Мелькают в темноте светлые точки – ручные или прикрепленные к поясу или плечу фонарики – лучшие друзья ленинградцев в эти зимы. Они освещают путь, спасают от ранений, ушибов. Идешь на работу и возвращаешься в непроницаемой черной мгле. Огонечки, мерцающие робко, – наши маяки.⁵² <текст утрачен>

<Фиолетовыми чернилами:>

ДЕКАБРЬ 1943

<На об. листа; фиолетовыми чернилам; начало текста утрачено:>

<...> и заболели. Направили в больницу – оттуда к нам. Н. одинокий юноша 16 лет, еще крепкий на вид, но уже с далеко зашедшим процессом в легких, инвалид Отецеств<енной> войны. Заболел после того, как, спасаясь от преследования врага, просидел в реке неск<олько> часов. В другой раз ему случилось, спасая жизнь, просидеть под водой. Дышал через трубочку, полый стебель какого-то растения.

В. Г. – умирающая 15 л., тщедушная девочка с т<у>б<ер>к<улезом> легких и кишечника доставлена к нам из психиатрической больницы, где долго лежала, страдая душевным заболеванием в результате сильного истощения.

Л. худенькая, 12-летн<ая> девочка в результате разнообразных мытарств эвакуации заболевшая т<у>б<ер>к<улезом> желез...

В общем, все они невинные жертвы войны.

1944

<Январь>

<Фиолетовыми чернилами:>

С самого раннего утра небывалая, совершенно особая канонада. И страшно, и радостно. Радио не предупреждает, следовательно, это никак не вражеская стрельба. Впечатление такое, точно в буквальном смысле по небу Илья Пророк в огромной колеснице катается по плохой мостовой или, вернее, по бревенчатому мосту. Мост, бревна – колоссальные, и звук соответствующий. У всех настороженный вид.

Особенно небывало спокойно на сердце, ежеминутно крепнет вера в мощь наших защитников.

Недоумеваю, почему враги не отстреливаются, ставя мишенью наши головы, и в то же время чувствую, что их время упущено, и мы вот-вот огласим новую великую победу.

Вернулась вечером Н. с работы, возбужденная и нервная: «Я только тогда успокоюсь, когда радио сообщит о конце блокады», – твердит она. За город не боюсь, всегда была уверена, что сюда не пустят врага, но могут быть еще всякие осложнения... Л. А., вернувшись из госпиталя, рассказывает: «По дороге с О<стро>ва, на<д> Вас<ильевским> О<стро>вом огневые вспышки, бьют наши орудия». Он олимпийски спокоен, ни на мгновение не сомневается в нашем полном и скором успехе...

Поздно вечером канонада утихла. Однако я легла спать не совсем безмятежно, шевелится червь сомнения: спокойна ли будет ночь? Надо ли раздеваться? До часу читала. Все спокойно. Разрывов не слышно. Все крепко спали до утра. Утром сильные, резкие удары орудий. С тяжелым чувством, но все-таки с верой, что все будет благополучно, отпускаю моих на работу. Погода меняется, вместо -12 – оттепель. Общее потепление, отмечаемое всюду, бывает каждые 30 л., как говорят метеорологи. Мы начинаем переживать фазу потепления после суровой зимы 41–42 годов.

<На наклеенном на об. листе; фиолетовыми чернилами.>

Простые чудесные слова несут надежду, особенно нам, живущим в кольце блокады, и особенно теперь, когда враг так озлоблен и так преступно мстителен.

Уже иссякают и последние силы: напряжение достигло своего апогея. Ожиданье заостряет все чувства – жажда отдыха превышает все остальные. Только бы дотерпеть! Дотянуть *<текст утрачен>* до лучшего дня окончательной победы. *<Текст утрачен>*

<На наклеенном здесь же листе; фиолетовыми чернилами.>

<Текст утрачен> Радость осенила наши сердца, скорый конец войны оповещен ясно и определенно. Сердце плачет благодарными слезами. Какая жизнь должна воспрянуть на руинах прошлого. Москва пожар на украшение,⁵³ а теперь пожар охватил всю Европу.

<Фиолетовыми чернилами.>

Целый день А *<артиллерийский>* О *<обстрел>*. 4 раза в нашем районе. Снова накаленные страхом переживания, снова все моральные силы сосредоточены на борьбе с естественной душевной и физической паникой, кот *<орая>* естественно возникает при приближении ревуших снарядов, при взрывах, сотрясающих весь громадный б-эт *<ажный>* дом, в кот *<ором>* мы живем. Л. А. вернулся вечером из лектория:⁵⁴ на углу Литейного шел по свежеусыпанной стеклами панели: был исковеркан снарядами один из домов.

На дежурстве экстренно вызвали вниз. А., сильно взволнованная, но все же улыбающаяся, приняла меня в свои объятия. Она получила отпуск на неск *<олько>* часов – попрощаться перед наступлением. Была в бане, сделала маникюр, сходила в кино, попрощалась с Х. и вот теперь зашла ко мне. Серьезна, собрана... «Если буду жива, ждите после 1-го. Моя подруга вчера убита...». В глазах А. нечто – огонь, решимость и твердость, м *<ожет>* б *<ыть>*, доля отчаянья. У нее никого, кроме сестры в эвакуации

и сыночка, где-то затерянного в далекой Сибири, – полгода нет известий. А. – минерка и радистка.

Радио сообщило о молниеносной постройке моста через Днепр.⁵⁵ Чудесно! Прекрасно – сказочно! Слова бледно выра<жают> чувства радости и гордости за людей, умеющих так слаженно, так творчески работать. Слава им, нашим подлинным героям. Совсем несравнимы<е> ни с кем люди.

Всему приходит конец – должен наступить и войне. Только бы дотерпеть, только бы не свалиться.

Верить, верить, что доживем мы до радости освобождения.

<Фиолетовыми чернилами:>

17/1 Ночью все спали плохо – мешала сильная стрельба. Днем А<ртиллерийский> О<бстрел> свирепый до жути.

18/1. С вечера долго читала. Потом настороженно заснула. Вдруг слышу явственно шепот радио (оно у нас как назло было испорчено уже несколько дней): «Войска Ленинградского фронта прорвали сильно укрепленную линию противника и продвинулись вперед...». Бужу моих, сразу очнувшись, все слушаем. Радио совершенно умолкло. Рассматриваем карту. Взволнованные, с трудом засыпаем снова.

19/1. В темноте раннего утра иду на дежурство. Погода весенняя, очень скользко. В сердце неясно, но определенно радостно. Утром на работе со мной обморок: слишком много переживаний, притом душно в палатах. Днем гуляю с детьми в саду.

Несколько оглушительных разрывов. Дети визжат, я строго призываю к порядку (а у самой мурашки по коже начинают бегать), но все же удовлетворительно владею собой. День светел на редкость, солнце прекрасно, мы приветствуем его как редкого, любимого гостя. Говорят, вчера Выб<оргская> сторона подверглась жестокому А<ртиллерийскому> О<бстрелу> в течение 3 ½ часов. Злоба его⁵⁶ еще неиссякаема.

Будь мужественно, мое сердце! Надейся и не тоскуй. Будь сурово, неуязвимо, несокрушимо, терпеливо...

<На другом листе; фиолетовыми чернилами:>

19/1. Волнующие, необычайные вести. Молодею сердцем. Ночью на моем дежурстве все время оживление, спуют врачи, дети нервничают. Наши победы головокружительны. Все ликуют. Завтра митинг утром после ночного дежурства. Дудергоф, из кот<орого> нам слали снаряды, наш! Красное Село! Петергоф!⁵⁷ Чудесно!

20/1. Утром митинг. Не я одна в смятении. Все, кто выступают, сильно волнуются... Нет слов выразить наши чувства... Не знаешь, как сказать, не нахожу выражений. Ораторы прерывают речь неоднократно, глотая слезы. Горечь и радость переплетаются. Со всех сторон⁵⁸ плачут. Милая молодая сестра Кира декламирует любимое стихотворение О. Берггольц...

Тише смейтесь, плачьте тише –
будем наслаждаться тишиной...⁵⁹

Эти строчки возбуждают еще больше слез вокруг. Море чувств, взбудораженных радостным потрясением. Облегченье достигнуто.⁶⁰

21/1. Новгород взят. Лигово тоже взято.⁶¹ Великое смятенье чувств. Радость, изумленье, благоговенье перед подвигом тех, кто освобождает нас, горькая горечь обиды и живое воспоминание перенесенных мук, боль в сердце и мозгу, боль незаживших ран и опять радость ослепительная и надежда на восстановление новой жизни и мысль о еще новых страданиях, лишениях и слезы обильные, неудержимые за 2 ½ г. невыплаканные. «Слезы вымерзли у ленинградцев» в феврале 42 писала О. Берггольц⁶² – тогда мы не могли и плакать.

<22–23 января>

<Фиолетовыми чернилами:>

Не могу ничего делать. Пусть будет праздник. Никогда я не чувствовала себя так, как сегодня. Делать решительно ничего нельзя – нужно пережить великий момент – он слишком важен. Я плачу. Мучаюсь невольными воспоминаниями: уже не удерживаю воображение, пускаю его на свободу – но оно не парит – оно устало, и я вся тоже, я в изнеможении.⁶³

Итак: можно лечь спать и не готовить одежду, чтобы скорей убежать при необходимости. Прислушиваю<сь> к радио – воодушевленный голос четко возвещает: «Не станет снарядов – будем рвать зубами немецкие глотки». Голос так решителен, что веришь ему безоговорочно... 23/1. «Бои продолжаются с неослабевающей силой. Враг цепляется за каждый рубеж, сопротивляется с волчьим остервенением, с отчаянием смертников. Но врагу не остановить могучую лавину полков, движимых святым порывом любви к Родине, неугасимым чувством мести за страдания и раны Ленинграда.

Смертию смерть поправ, идут они вперед, благородные освободители советских людей и городов, грозные и беспощадные мстители

ли.⁶⁴ С глубочайшим удовлетворением следят трудящиеся Ленинграда за ходом боев. Из глубины переполненных радостью сердец шлут они слова благодарности героям, восхищаясь их подвигом.⁶⁵ Подвиги героев в боях рождают подвиги в труде, вливают новую животворящую силу в сердца ленинградцев...» (читаю в передовой «Ленинград<ская> правда»⁶⁶).

<27 января>

<Синими чернилами:>

Сегодня 27 января 44 г. в 20 ч. на дежурстве услышала по радио знаменательные слова, возвещавшие о полном прорыве блокады Ленинграда:⁶⁷ слава воинам, освободившим его, слава стойким и мужественным его жителям (эти слова особенно ласкали слух). Слава павшим при освобождении.

Еще гремят пушечные, давно знакомые, но теперь такие радостные раскаты. Живописно испещрено небо. Серые туманы наших небес зацвели ослепительно прекрасным каскадом ярких цветов, малиновых, зеленых, серебряных. Дети мои в экстазе. Сердце мое замирает, руки дрожат. Неужели? Неужели все прошло? Весь дикий кошмар нашего горького существования. Неужели уже?

Праздничное небо, люди радостны, детский звонкий, свободный, веселый смех – все это не сон!

Томительно и сурово было наше житие.⁶⁸

Ск<олько> раз подкашивались ноги, кружилась голова, душу заливала горькая волна обиды и ужаса.

<28 января>

<Фиолетовыми чернилами:>

Передо мною горят ослепительно радостные слова Приказа войскам Ленинградского фронта, напечатанные в газетах 28 ян. 44 г. (пятница), и я читаю и вновь перечитываю их:

«Товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры войск Ленинградского фронта! Моряки Краснознаменного Балтийского флота, трудящиеся города Ленина!».⁶⁹

¹ «через Кировский мост» – дописано позднее синим карандашом.

² ГПБ – Государственная Публичная библиотека, с марта 1992 г. – Российская национальная библиотека.

³ Запись датируется по содержанию этой фразы. Имеется в виду плакат «Окон ТАСС» с изображением красноармейца со штыком в одной руке и энергично поднятой другой рукой на фоне тревожного неба и шпиля Петропавловского собора. Надпись на

плакате призывала: «Ленинградец, враг у ворот – все силы на разгром врага!». Словами «Враг у ворот Ленинграда! Грозная опасность нависла над городом» начиналась передовая статья в «Ленинградской правде» 2 сент. 1941 г. 16 сент. «Ленинградская правда» вышла с передовой статьей «Враг у ворот», которая была отпечатана листовой и расклеена по городу.

⁴ Как следует из дальнейшего текста, имеется в виду Васильевский остров.

⁵ Цитата из стихотворения О. Берггольц «Первое письмо на Каму» (1941).

⁶ Жилищно-арендное кооперативное товарищество.

⁷ В этом месте синим карандашом вместо точки вставлен вопросительный знак.

⁸ В этом месте синим карандашом вставлен вопросительный знак.

⁹ Строчка из стихотворения «Разговор с соседкой» (1941) О. Берггольц зачеркнута синими чернилами.

¹⁰ Подтверждение этому см. в статистических данных по общей смертности населения в блокаду. «Вымирать начали раньше мужчины <...> в 1941 г. на 100 умерших женщин приходилось 185 мужчин. <...> При этом <...> на 100 умерших женщин в декабре 1941 г. приходилось 314 мужчин» (Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 353). Рост числа умерших женщин достиг своего максимума в марте 1942 г.

¹¹ Датируется по чернилам и бумаге, имеющей характерный волнистый край по левому полю.

¹² Видимо, описание «волшебной» картины налета показалось позднее неестественным и было «переписано»: синими чернилами зачеркнуто «в волшебном» и исправлено на «залитую общим лунным сиянием».

¹³ «Сказочных» зачеркнуто синими чернилами; перед «елке» вставлено «сказочной».

¹⁴ Слова «Было так красиво» зачеркнуты синим карандашом.

¹⁵ Позднее эмоциональность записи смягчена: «увидеть ее живой» зачеркнуто синим карандашом, а после слова «явилась» вставлено «N.».

¹⁶ В тексте рукописи инициал имени подруги пишется по-разному: то N., то H.

¹⁷ Датируется по содержанию, цвету чернил и бумаги.

¹⁸ Позднее фиолетовыми чернилами «грязь» исправлено на «мусор».

¹⁹ Описанная картина была характерной для зимы 1941/42 г.: трупы горожан лежали в квартирах, на лестницах, во дворах и т. д. и подолгу не убирались. При этом изменилось отношение к смерти, которая стала обыденностью и требовала от блокадников непосильной работы по перевозке умерших.

²⁰ Датируется по характеру бумаги и цвету чернил.

²¹ Пять последних слов позднее зачеркнуты фиолетовыми чернилами; в результате текст приобретает другую тональность: «мы все... сдержанно молчим».

²² Датируется по бумаге и чернилам. Лист с записью обрзан сверху и снизу.

²³ В этом месте фиолетовыми чернилами вставлено «лучше».

²⁴ Позднее «страшное» исправлено фиолетовыми чернилами на «странное».

²⁵ 25 марта 1942 г. исполком горсовета объявил о мобилизации трудоспособного населения (мужчин – от 15 до 60 лет, женщин – от 15 до 55 лет) на очистку города от нечистот, мусора, льда и снега (см. об этом: *Шумилов Н.* В дни блокады. М., 1977. С. 164–167).

²⁶ Предложение зачеркнуто синим карандашом.

²⁷ Предложение вписано автором позднее карандашом, а затем текст обведен фиолетовыми чернилами.

²⁸ Позднее «жуткого» исправлено на «очередного».

²⁹ Предложение вписано автором позднее.

³⁰ Правка карандашом: «у раскрытых дверей».

³¹ Упоминается роман английского писателя Роберта Гринвуда (1897–?) «Мистер Бантинг в дни мира и войны», написанный в 1941 г.

³² Предложение зачеркнуто простым карандашом.

³³ Возможно, предложение приписано позднее.

³⁴ Карандашом исправлено на «возвещая».

³⁵ Слова «Теперь, наверное, начнут нас откармливать» зачеркнуты синим карандашом.

³⁶ Слова «в эти неповторимые годы» добавлены автором позже синими чернилами.

³⁷ Зачеркнуто синим и простым карандашами: «потрясающие душу и тело, от кот<орых> коченело сердце».

³⁸ Последние четыре поясняющих слова приписаны автором позднее синим карандашом.

³⁹ Предложение зачеркнуто простым карандашом, но оно очень точно передает настрой блокадных жителей, осваивавших выращивание овощей. «По этим вопросам, – сообщал П. С. Попков английскому журналисту А. Верту, – было прочитано много лекций, и они были встречены очень хорошо. Людям говорили: „Сколько вы вырастите, столько и съедите, поэтому не рассчитывайте на помощь со стороны!“» (Верт А. Пять дней в блокадном Ленинграде. СПб., 2011. С. 177).

⁴⁰ После слова «появятся» вставлено синими чернилами «у соседки», зачеркнуто «на свет».

⁴¹ По документальным сведениям рождаемость в Ленинграде достигла минимума в октябре 1942 г. «Начиная с ноября 1942 г., среднесуточное число рождений начинает медленно нарастать до мая 1943 г. (18,7) и потом, после небольшого снижения в июне <...> уже без колебаний нарастает до декабря 1943 г., давшего 43,1 рождений за сутки в среднем» (Ленинград в осаде. С. 352).

⁴² Елагин остров.

⁴³ Перед словом «Изредка» синим карандашом вставлено «На заре».

⁴⁴ «Победив самое себя» зачеркнуто синим карандашом.

⁴⁵ Речь идет о Сицилийской операции, начавшейся 10 июля 1943 г. высадкой на острове англо-американских войск под общим командованием генерала Д. Эйзенхауэра и завершившейся захватом Сицилии 17 авг. 25 июля Б. Муссолини был арестован.

⁴⁶ ДЗОТ – деревоземляная огневая точка, оборонительное сооружение.

⁴⁷ Харьков освобожден от немецких войск 23 авг. 1943 г. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. М., 1960–1963. Т. 3. С. 291 (далее – История ВОВ, с указанием тома и страницы).

⁴⁸ Дорогобуж был оккупирован немцами 5 окт. 1941 г. Партизанские отряды освободили город 15 февр. 1942 г. С этого времени Дорогобуж контролировался советскими войсками. Окончательное освобождение города было осуществлено 1 сент. 1943 г. войсками Западного фронта. Дневниковая запись датируется по содержанию: письмо из окрестностей Дорогобужа санитарка могла получить не ранее осени 1943 г.

⁴⁹ Предложение зачеркнуто простым карандашом.

⁵⁰ «Залитой» зачеркнуто, синим карандашом исправлено на «обагренной».

⁵¹ Местная противовоздушная оборона.

⁵² В годы войны была популярна песня «Фонарики» (музыка Д. Шостаковича, слова М. Светлова) о «лучших друзьях» – карманных фонариках – во время дежурств на затемненных улицах городов.

⁵³ Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Правильно: «Пожар способствовал ей много к украшенью».

⁵⁴ Имеется в виду Лекторий Горкома ВКП(б) (Литейный, 42).

⁵⁵ После освобождения Запорожья и Днепропетровска от немецких войск встал вопрос о наведении временных (деревянных) мостов через Днепр, один из которых строил 126-й мостостроительный батальон 4-го Украинского фронта. В январе 1944 г. по нему начала осуществляться переброска грузов.

⁵⁶ Синим карандашом исправлено на «врага».

⁵⁷ Петергоф, Красное Село и Дудергоф (ныне поселок Можайский) были освобождены 19 янв. 1944 г.

⁵⁸ Вставка синим карандашом слова «облегченно».

⁵⁹ Неточно цитируется стихотворение Берггольц «Разговор с соседкой» (1941). Правильно: «Плачьте тише, смейтесь тише, тише, / будем наслаждаться тишиной».

⁶⁰ Предложение зачеркнуто синим карандашом.

⁶¹ Новгород был освобожден войсками Волховского фронта 20 янв. 1944 г. В этот же день войска Ленинградского фронта освободили Лигово (Урицк) (История ВОВ. Т. 4. С. 673).

⁶² Из поэмы Берггольц «Февральский дневник» (1942): «Но мы не плачем: правду говорят, / что слезы вымерзли у ленинградцев».

⁶³ «я в изнеможении» – зачеркнуто синим карандашом.

⁶⁴ Цитируется передовая статья «Слава мужественным воинам!» (без подписи) (Ленинградская правда. 1944. 23 янв. № 20. С. 1). Примечательно, что в этом месте автором дневника намеренно пропущен текст: «Благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина окрыляет их».

⁶⁵ В тексте статьи: «восхищения их подвигами».

⁶⁶ Об источнике цитаты см. предыдущие примеч.

⁶⁷ Речь идет о полном снятии блокады.

⁶⁸ Поверх слова «житие» черными чернилами написано слово «бытие».

⁶⁹ В этом месте синим карандашом приписано: «и т. д.». Приказ войскам Ленинградского фронта за подписями командующего Ленинградским фронтом, генерала армии Л. А. Говорова, а также членов Военного Совета А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, Н. В. Соловьева и начальника штаба фронта Д. Н. Гусева см.: Ленинградская правда. 1944. 28 янв. № 24. С. 1.

2. «Черные дни черного 1942 года» (дневник учителя)

<Дневник предваряет письмо дочери автора дневника Т. Боровковой.>

Уважаемая Ольга Федоровна!

Я давно хотела Вам написать и переслать дневник моего отца. Отец вел дневник с 27/І по 4/ІІІ 1942 г. Он так и называет его «Черные дни черного 1942 г.». Умер отец 8/ІV–42 г. Писал дневник в виде писем, адресованных мне – я была в то время эвакуирована с маленькой дочкой Таней в Сибирь.

Получила эту тетрадь уже после смерти отца. И до сих пор я не могу без боли и слез читать эти записи. Я сама ленинградка. Вся моя семья погибла во время блокады, отец был первым. Все время, что я была в эвакуации, я жила только ленинградскими делами, думала о своих лен<инград>цах и старалась им помочь, чем могла. А могла я только теплым словом ободрить их.

Сейчас снова всколыхнулась страшная драма тех лет. И я решила написать Вам выдержки из дневника отца, кот<орый> погиб, как и тысячи других в ту страшную зиму.

Пишу Вам, т<ак> к<ак> знаю, что Вы пережили то же самое. Пишу, потому что читала почти все Вами написанное, и потому, что и до нас, живших в 42 г. в далекой Сибири, доходил и Ваш голос. Мы уже и тогда слышали Ваши стихи.¹

Думаю, что Вы не откажетесь прочесть эти выдержки, а быть может, они и пригодятся.

Отец был преподавателем математики. С октября м<еся>ца остался без работы. Меня бесконечно поражает его оптимизм и вера в русского человека.

Дневник

27/І – 42 г. Мы получили сразу в<аши> письма от 17 и 24/ХІ и 23 и 25/ХІІ.

У нас в почтовом отд<елении> скопилась масса телеграмм, груды писем. С конца декабря мы все живем в одной комнате в целях экономии света, топлива и пр.

Живем дружно и хорошо. У нас и новая дочка – Олечка (племянница), кот<орая> ухаживает за нами и носит нам все, даже продукты, хотя сама голодает. Ее отношения прямо трогательны, она носит нам даже воду – мы ее обожаем.

2/II. Сегодня день моего рождения 62-ая годовщина.

Бомбежек с 6/XII больше нет. Артил<лерийский> обстрел прекратился, наоборот, наши обстреливают фашистов, выбили их из угольной гавани. Наш дом чудом несколько не пострадал, хотя кругом не осталось ни одного целого дома. Все стекла у нас целы, мы тоже не пострадали. Мы полны надежд, что кольцо блокады будет скоро прорвано. Гитлер² к осени будет разбит и уничтожен, наше наступление будет продолжаться до конца. Наши ленинградские испытания по сравнению с этим пустяки. Мы не имеем телефона, радиопередач, трансляции, почты, газет, даже «Лен<инградской> правды», кот<орая> выходит с перебоями,³ питаемся слухами. Не имеем света, освещаемся лампочками от аккумуляторов, ни керосина, ни свечей. Не имеем воды, уборной, за водой ходим на Литейный (а живем на углу ул. Маяковского и Баскова пер.). Зато морозы у нас крепкие, в поле до 40° С. Весь декабрь и январь морозы стояли небывалые, в квартирах темп<ература> стояла 0–3°. Трамваи абсолютно не идут. Но хуже всего обстоит дело с продовольствием: в декабре паек почти совсем не выдавался, в январе не лучше. За январь мы получили по 50 гр. масла, 400 гр. крупы (муки), 300 гр. мяса, 250 г. сах<арного> песку и по 250 г. хлеба в день. При таком положении прожить трудно, а запасов нет.

Недостаток пищи хуже всего сказался лично на мне. Мои руки, шея и голова покрыты фурункулами, причиняющими мне физическую боль, их штук 40–50, весь гнию. Кроме того, у меня развилась страшная слабость: дело дошло до того, что я стал падать на лестнице, улице, магазине, даже дома. Так, третьего дня, я упал в комнате с кастрюлей кофе в руке, чуть ли не ошпарился. Меня перестали выпускать из дома. За мной все ухаживают, откармливают, относятся, как к тяжело больному.

На почве истощения в городе развилась большая смертность, умирает в день 15–20 000 чел.⁴ На улицах так и тянутся саночки с трупами по направлению к больницам, откуда их вывозят на грузовиках на кладбища и хоронят в братских могилах. И здесь почти как правило: кто раз слег, тот уже не встает.

Сына нашей жилицы Олега привели с улицы домой, ночью он умер. У Вани умерло 3 сослуживца его возраста (33 года) от истощения. Все это напугало наших относительно меня.

Затем идет Соня (моя сестра, 33 г.): она сильно похудела, вес ее 35–36 кг., так же слабо держится на ногах, падает.

Третье место занимает Ваня (ее муж), кот<орый> жалуется на слабость. И лучше всех, молодцом, держится мама. Она реже прежне-

го жалуется на сердечные боли, но очень сильно похудела. Мы все постарели на много лет.

7/II. Завтра день рождения маменьки. Чтобы дать понятие о наших рыночных ценах и о ценности у нас денег, приведу несколько цифр: масло на рынке стоит 1000 р. кг., сахар 1500 р., хлеб 300–400 р. Папиросы «Беломор» 6 р. штука, спички 6–7 р. Наш кот Кентик исчез, т<ак> к<ак> цена ему 100 р. и т. д. При таких ценах с деньгами нечего делать, т<ак> ч<то> и присылать их не стоит, они и вам пригодятся. Другое дело сухари, папиросы, табак, но пересылать их невозможно.

Чувствую себя неважно, часто по ночам не сплю, едва ли выкарабкаюсь. Чувствую, что силы постепенно меня оставляют. Ты знаешь, что моей постоянной мечтой было жить нам всем вместе, а без меня большая комната будет вашей. Мои личные вещи останутся в распоряжении мамы, она распределит их между тобой и Соней и зятьями по моему указанию.

8/II. Сегодня день рождения маменьки – моего ангела-хранителя. У нас, конечно, Олечка.

9/II. Слег, очень ослаб, ноги измучили меня. Снабжение несколько улучшилось, обещают прорвать блокаду к 23/II.

10/II. Сегодня было «падение» с обмороком, думал, кончаюсь. Упал на гладком полу, Соня и мама еле подняли. Ночь без сна, просветление полное, воспоминания детства, как у Толстого.⁵ Такие не живут. Вызываю врача, хотя это очень трудно сделать. Чувствую дыхание смерти. Умираю без тоски, страдания и страха, но не без сожаления. Мне жаль, что я не увижу и не обниму Вас, мои дорогие, дочь и сын, и обожаемая внучка. Жалко оставлять моего ангела-хранителя – маменьку, другую дочь и сына. Мне жаль, наконец, не увидеть падения Гитлера, торжества русского оружия. Живите дружно, в согласии и не забывайте своего отца. Обнимаю Вас, целую крепко. Тату растите, храните как зеницу ока.

Любящий Вас отец.

13/II. Два дня, 11-го и 12-го, пролежал и 2 ночи провел без сна. Маменька, наоборот, слегла. Занимался хозяйством и ни разу не упал, несмотря на усиленное хождение.

Мы снабжаемся уже лучше. Получили прибавку хлеба – 300 гр. вместо 250 гр. Ваня на коне: он получает на службе по 2 обеда и 500 гр. хлеба.⁶ От студня из столярного клея совершенно отошел.⁷

У нас есть репродуктор – слушаем трансляцию, иногда получаем и газеты, но воды не имеем.

14/II. Чувствую себя лучше, бодрее, не совершился ли у меня перелом к лучшему? Но на ногах держусь плохо. Зато мама слегла.

15/II. Сегодня оттепель, тает 1–2°. Это первая оттепель с середины октября. Ноябрь стоял холодный, декабрь, январь и половина февраля морозные, температура ни разу не была выше –10°.

Вследствие бездействия водопровода, канализации, бань, парикмахерских в течение 2-х мес<яцев> и загрязнения дворов и улиц нечистотами, антисанитарное состояние дворов и улиц стало ужасающим. Пока были морозы, это не сказывалось. Смертность от истощения продолжается.

16/II. Чувствую себя бодрее, с ног не валюсь, бодрствую. Очевидно, произошел перелом в сторону улучшения. Чудеса! Черные мысли исчезли, как тени, буду следить за мамой и не брать ее паек.

На Лен<инград>ском фронте началось наступление, по крайней мере, «Марат» обстреливает вражеские позиции,⁸ снаряды падают в пределах города и в центре.

Живу без духовной пищи, только изредка читаю газеты, не занимаюсь и не читаю за отсутствием света. Дневник занимает до некоторой степени духовный интерес, хотя дневник я до сих пор никогда не вел.

17/II. С улучшением питания, очевидно, поправляюсь. Чувствую себя лучше, только не владею ногами, точно дряхлый старик.

Оттепель продолжалась только один день, снова пошли морозы – 12–15°.

18/II. Чувствую себя много лучше. Раздумывая над происшедшим, я пришел к заключению, что в начале февраля, особенно 10/II, я находился на вершине кризиса, откуда мог покатиться в обе стороны жизни и смерти. Я покатился в стороны жизни. Я тогда явно ощущал смерть, я ее чувствовал, в ночь на 10-ое мне казалось, что к утру я умру. Но случилось иначе, кризис разрешился в сторону жизни. В настоящее время я чувствую жизнь, явно ощущаю выздоровление. Я окреп, бодр, разные функции организма, действовавшие ранее ненормально, приходят в норму. Лучший признак – фурункула засыхает. Словом, я на коне, поправляюсь.

Военные действия на Лен<инградско>м фронте продолжают, идет артил<лерийская> дуэль с обеих сторон.

Ежедневно немцами обстреливается Лен<ингра>д, а на днях шел обстрел Литейного пр. вдоль его. Сильно пострадал Литейный мост, повреждены некоторые дома, число человек<еских> жертв велико, называют цифру 180 по числу доставленных в больницу убитых и раненых. Но артил<лерийский> обстрел не производит на

лен<инград>цев особенного впечатления, они к нему привыкли точно так же, как ранее не производили особенного эффекта зажигательные бомбы. Загорались дома, крыши, некоторые дома сгорали, но с пожарами быстро справились. Другое дело фугасные бомбы, они производили ужасающее впечатление, к ним привыкнуть никак нельзя было. Такие бомбы при падении производят отвратительный визг и свист, если бомба падает близко, то фундаменты близ расположенных домов ходят ходуном, стены сотрясаются, стекла звенят; разрыв, сопровождаемый обрушением домов, ужасающий. Всего, по моим записям, было 352 воздушные тревоги, из них с бомбежкой 265!

Бомбежки начались 6/IX, закончились 5/XII, ровно 3 месяца, немец пунктуален. После 5/XII была только одна бомбежка 2/1—42 г.

Бомбежки продолжались по многу часов, иногда тревога длилась 5–6 час., например, 7/X она длилась 6 ч. 40 м. (артиллерийский обстрел бывал до 7 ч.).

Бывало до 11 бомбежек в течение одного дня (23/IX,⁹ 4/X¹⁰), редко бывало 1–2–3 бомбежки, большей частью 5–6. Особенно сильно подвергались бомбежке торговый порт и район Кировского завода¹¹ и «Большевика».¹² Население из этих районов было выселено, главным образом, на Васильевский остров и Петроградскую сторону.

Пострадал сильно и центр. Из близких к нам улиц особенно пострадали ул. Чайковского, П. Лаврова, Жуковская,¹³ Моховая, Дмитровский пер. и Большая Московская, на которой разбомблены дома №№ 3, 5, 7, 11, 13 и 15 (всех домов 15). Пострадал дом № 15/10 на углу Московской и Разъезжей, где родилась ты, Тамара, дом № 1 на Дмитровском, где мы жили до этого, где родилась Соня, а также дом на углу Вознесенского и Казанской, где мы жили с мамой после женитьбы. Не пострадал только дом, где мы живем теперь. На Басковом пер. бомбы попали в дома №№ 25, 16, 12, 10, а также в дом 31 по Маяковской.¹⁴ К счастью, все бомбы, попавшие на Басков пер., не разорвались – это были вредительские бомбы, изготовленные в какой-то оккупированной стране, иначе и наш дом не устоял бы.

На Жуковской, Дмитровском и Большой Московской нет ни одного целого стекла.

Вообще, Ленинград производит ужасное впечатление, масса домов без окон, забитых фанерой, без дверей. Узнать город трудно.

Часто приходилось проводить в бомбоубежищах больше времени, чем дома, до 14–15 ч. Особенно страдали семьи с детьми. Но

бомб<оубежи>ща не всегда служили надежной защитой. Многие были разрушены с человеческими жертвами. На Моховой в д. № 7 бомб<оубежи>ще было засыпано, из находившихся там 70 чел. спасли только одного.

Самая большая катастрофа была на углу Сувор<овского> пр. и Кирочной ул., в новом доме И<н>стит<ута> легкой промышл<енности>, где помещался военный госпиталь. Туда попали фугасные и зажигат<ельные> бомбы. Погибло до 500 чел. Пожар продолжался до утра след<ующего> дня, все громадное здание сгорело до основания.

Вначале бомбежки происходили по вечерам и ночью, а затем и среди белого дня. Много сотен домов в Лен<ингра>де разрушено и повреждено. Вот к этим ужасам привыкнуть никак нельзя. Вначале мы все во время бомбежек уходили в бомбоубежище, затем это нам надоело, и мы даже в самые страшные бомбежки сидели дома. Такова сила привычки.

Ну, довольно об этом, всего не расскажешь и не изобразишь никакими словами. Это надо пережить, чтобы понять. Мы были в высшей степени счастливы, что вас здесь в то время не было.

19/II. Получили от вас октябрьское письмо, теплое, хорошее, ласковое, милое, хотелось расцеловать тебя, Тамася, за каждую строчку.

Я пишу теперь открытки, а дневник, этот самый, привезет Вам тетя Женя, кот<орая> вот-вот должна уехать из Лен<ингра>да.

Дневником все интересуются, почитывают. Вчера написал 7 ½ стр., несмотря на то, что мама и Соня ворковали и мешали мне писать. Дневник пишется легко.

Снабжаемся лучше. Теперь слежу, чтобы мама питалась лучше, а то она сдает. Но это трудно, т<ак> к<ак> привыкла уделять часть своей доли мне, бороться с этим трудно, таков уж ее нрав. Ждем многого от дня Кр<асной> Армии – улучшения пайка и объявления о бедах на фронтах.

20/II. Сегодня дают даже сухую картошку. У нас тяжелое впечатление производят магазины, окна закрыты деревянными щитами, темно, свечи и огарки.

22/II. Вчера был у меня тяжелый день. Чувствовал себя отвратительно, едва держался на ногах, слабость, головокружение, опухло лицо, появились мешки под глазами, что очень напугало наших. Сегодня чувствую себя лучше. Все это очень странно и доказывает неустойчивость состояния моего здоровья.

23/II. Сегодня день Кр^{асной} Армии, принесший нам гораздо меньше, чем мы ожидали.¹⁵ Эвакуация идет у нас вовсю, население быстро уменьшается. Вместе с эвакуированными из пригородов население Лен<ингра>да определялось в 4 с лишком миллионов человек. Смертность и эвакуация уменьшили его до 1–1 ½ мил. Это большой плюс для остающихся в отношении снабжения продовольствием, очередей, воды и вообще бытовых условий, но является минусом для педагогов. Правда, их много умерло и эвакуировалось, но много меньше учащихся.

Морозы все еще стоят крепкие. Это хуже для немцев, дров, воды, но благоприятно в отношении развития эпидемий. Город понемногу очищается.

24/II. Сегодня день твое<го> рождения, Тамася. Жаль, что не можем его отпраздновать вместе. Горячо поздравляю тебя. Сегодня же получили 3 твоих письма, но не те, где находился лук. Очень рады были твоим письмам, а я как вспомнил о Тате, то чувство умиления пронизало меня от головы до ног.

Декабрь и январь были самыми тяжелыми месяцами. Теперь много лучше. Объявлено о продаже населению какао и шоколада по 25 г на карточку¹⁶ и керосина по ¼ л., словом, проявляются заботы о населении.

4/III. Давно не беседовал с вами на отдаленном нас расстоянии в 6000 км. Причина в том, что я неожиданно заболел голодным поносом и пролежал 4 дня. Эта болезнь совершенно истощила мои силы и без того слабые, т<ак> ч<то> я не мог сесть за дневник. Силы мои тают, тают...

Мы получили 2 ваших письма. Писем же, где был лук, так и не получили, видимо, они пропали.

Последние дни немцы опять обстреливают Лен<ингра>д из тяжелых орудий, а на днях, как и сегодня, обстреливался и наш район. Обстрелу подвергалась ул. Некрасова, пострадал дом, в кот<ором> помещается Кукольный театр.¹⁷ Наш дом не пострадал. Наши успехи за последнее время вселяют бодрость. Занятие Дорогобужа с обходом Вязьмы,¹⁸ разгром трех дивизий под Ст<арой> Руссой с уничтожением 12 000 фашистов,¹⁹ окружение 8 дивизий в 96 000 чел. 16-ой немецкой армии²⁰ и, наконец, бодрый тон последних сводок доказывает, что наше наступление на фронтах продолжается с нарастающей силой. Я надеюсь, что наше наступление будет продолжаться и впредь, хотя в этом отношении меня считают безнадежным оптимистом.

Я верую, блажен, кто верует!

<Далее послесловие дочери:>

На этом записи дневника кончаются. Отец умер от истощения 8/IV – 42 г. Он заснул и больше не проснулся никогда.

Похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище.

Затем погиб Ваня, потом сестра Соня. Мама пережила всех, умерла последней.

Если сможете использовать этот дневник, я буду бесконечно счастлива. Это будет памятью честного и доброго человека.

26/І– 64 г. Т. Боровкова.

Я знаю, что подобные дневники Вам присылают в большом количестве, и ничего нового я не сообщила Вам.

Поэтому простите, что отнимаю время.

Приношу Вам глубокую благодарность за все, что Вы сделали для ленинградцев во время блокады. А также поздравляю с праздником – 20-летием снятия блокады.

¹ Стихи О. Берггольц читала в Сибири А. Г. Коонен, находившаяся в эвакуации вместе с Московским государственным Камерным театром, сначала в Балхаше, а затем в Барнауле. Так, А. Я. Таиров сообщал Берггольц в письме 1943 г. о том, что Алиса Георгиевна читает ее поэму «Февральский дневник» и «читает очень и очень вдохновенно и хорошо» (Из писем А. Я. Таирова // Театр. 1985. № 7. С. 92).

² Гитлер Адольф (1889–1945) – основоположник национал-социализма, вождь Национал-социалистической немецкой рабочей партии, рейхсканцлер и фюрер Германии; инициатор развязывания Второй мировой войны и главнокомандующий вооруженными силами Германии; главный военный преступник и организатор массового истребления военнопленных и мирного населения на оккупированных территориях.

³ «Ленинградская правда» выходила ежедневно, за исключением воскресений, но с 10 дек. 1941 г. из-за недостатка бумаги печаталась на 2 страницах вместо 4. См об этом в книге ответственного редактора газеты: Шумилов Н. В дни блокады. С. 134. В январе 1942 г. доставка корреспонденции на дом для работников почты была непосильной. По воспоминаниям Д. И. Каргина, в январе «Ленинградская правда» была доставлена всего два раза в количестве 5 экземпляров. Когда подписчик пришел на почту, ему объяснили, «что этими <номера>ми исчерпывается получение газеты из редакции самой почтой» (Каргин Д. И. Великое и трагичное. Ленинград 1941–1942. СПб., 2000. С. 141).

⁴ Точная цифра умерших в блокаду неизвестна: погибло около 750 000 ленинградцев. В январе и феврале 1942 г. была зафиксирована самая высокая смертность. Число погибших в блокаду колеблется от 641 000 до 1,5 млн чел. в разных источниках. Сведения приводятся по изд.: «...Сохрани мою печальную историю... Дневник Лены Мухиной. СПб., 2011. С. 354.

⁵ Блокадник соотносит свои воспоминания с первой повестью трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность».

⁶ 11 февр. объявили о прибавке хлеба. «Рабочие и инженерно-технические работники получают теперь по 500 грамм хлеба в день, – сообщал Буров, – (рабочие

горячих цехов даже по 700), служащие – по 400, дети и иждивенцы – по 300» (Буров А. В. Блокада день за днем. СПб., 2011. С. 214). В этот день о прибавке хлеба сообщает практически каждый автор дневника. См., например: «11/II. Сегодня прибавили хлеба» («Сохрани мою печальную историю...». С. 196); «11/II. Сегодня в 6 ч. утра объявили о прибавке хлеба» (Живая память: Сб. воспоминаний. СПб., 2010. С. 52); «1942. 11 февраля. Среда. Сегодня радостный день для ленинградцев: прибавили хлеба на 100 граммов» (Князев Г. А. Дни великих испытаний. С. 478).

⁷ Из столярного или обойного клея, а также ремней из свиной кожи варили студень; это был привычный блокадный рацион. «Клей в большом количестве употребляют в пищу, – писал 28 янв. 1942 г. блокадник А. И. Винокуров, – на рынках его продают по 40 рублей за плитку весом около 100 г.» (Блокадные дневники и документы. СПб., 2007. С. 223).

⁸ Речь идет о линкоре «Марат», который наряду с крейсерами и эсминцами входил в систему артиллерийской обороны Ленинграда. 23 сент. 1941 г. корабль был тяжело поврежден во время налета немецкой авиации: на «Марат» были сброшены две бомбы, в результате чего погибли 326 человек экипажа и вся артиллерия вышла из строя. Но боеспособность корабля была частично восстановлена. Оставшиеся три орудийные башни и зенитные установки продолжали использоваться до окончания блокады. Последний раз корабль открывал огонь по позициям противника 17 янв. 1944 г.

⁹ «В Ленинграде в этот день воздушная тревога объявлялась 11 раз, – писал Буров о 23 сент. – Но, потеряв на подступах к нему 21 самолет, враг смог осуществить только одну бомбежку и сбросить на город 16 бомб» (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 93–94).

¹⁰ По сообщению А. В. Булова, воздушные тревоги объявлялись 4 окт. десять раз. Особенно тяжелой была ночь с 4 на 5 окт.: «Вражеские самолеты сбросили на город 76 фугасных бомб и до 3500 зажигательных бомб. Большинство из них попало в жилые дома» (Там же. С. 103).

¹¹ Кировский завод (б. Путиловский завод, с 1922 – Красный Путиловец) – предприятие с многолетней историей. Он был основан в 1801 г. по указу Павла I, который повелел перенести в Санкт-Петербург Кронштадтский чугунолитейный завод. На заводе отливались пушечные ядра, выпускались железнодорожные рельсы, вагоны, миноносцы. С 1922 г. завод выпускал тракторы, трамваи, а с 1939 г. – танки. В 1934 г. после смерти С. М. Кирова завод стал носить его имя. Во время войны основные мощности завода были эвакуированы в Челябинск. Часть специалистов осталась в Ленинграде. На работающем заводе продолжали собирать и ремонтировать танки.

¹² В 1863 г. в Петербурге (пр. Обуховской обороны, 120) было основано сталелитейное предприятие, с 1869 г. – Обуховский завод. После революции Обуховский завод был национализирован и в 1922 г. переименован в Петроградский Орудийный Оптический и Сталелитейный завод «Большевик». В годы войны выпускал и ремонтировал военную технику, изготавливал снаряды, мины и т. д. В послевоенные годы на заводе создавались сельскохозяйственное оборудование, мостовые конструкции и буровые установки, судовые валы, антенны системы дальней космической связи, а также наземное оборудование для универсальной космической системы «Энергия-Буран» и уникальная система защиты атомных реакторов. В 2002 г. Обуховский завод был реорганизован и включен в состав ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей».

¹³ Имеется в виду ул. Жуковского.

¹⁴ Имеется в виду ул. Маяковского.

¹⁵ Надежды на прибавку хлеба к праздничному дню не оправдались. 23 февр. по радио объявили, что «с 24.02 будет выдано по карточкам: рабочим и детям по 25 гр. шоколада, служащим и иждивенцам по 25 гр. какао» (Блокадные дневники и документы. С. 77).

¹⁶ См. предыдущее примеч.

¹⁷ С 1940 г. на ул. Некрасова, 10 находился Второй ленинградский театр кукол (в настоящее время – Большой театр кукол).

¹⁸ Дорогобуж был занят немцами с 8 окт. 1941 по 15 февр. 1942 г. и с 7 июня 1942 по 1 сент. 1943 г. Во время оккупации город был центром партизанского движения. Именно партизанские отряды («Ураган», «Дедушка» и другие) освободили город 15 февр. 1942 г. (История ВОВ. Т. 2. С. 354). С этого времени город контролировался советскими войсками. Окончательное освобождение Дорогобужа войсками Западного фронта произошло 1 сент. 1943 г. (История ВОВ. Т. 3. С. 366).

¹⁹ 20 февр. 1942 г. на Северо-Западном фронте в ходе боев при окружении вражеских войск были разгромлены три немецкие дивизии. Потери противника составили до 12 тыс. человек (История ВОВ. Т. 2. С. 337).

²⁰ Во время Первой Демьянской наступательной операции советских войск были окружены семь дивизий 16-й немецкой армии (60–70 тыс. чел.). Однако противник разорвал кольцо окружения в марте–апреле 1942 г. и операция Северо-Западного фронта успеха не имела (История ВОВ. Т. 2. С. 337–338). Старая Русса была освобождена 18 февр. 1944 г. во время Ленинградско-Новгородской наступательной операции (История ВОВ. Т. 4. С. 47).

3. «...Уцелела и осталась человеком» (дневник М. В. Васильевой)

Записки-дневник,

деланный на листочках настольного, перекидного календаря
Марией Васильевной Васильевой, с 21/III–43 г. по 5/V–44 г.

ул. Скороходова, дом 21/9, кв. 17

21/III–1943 г. Воскресенье.

Дежурила в больнице (сутки). Ночью был налет. Бомбы сброшены рядом с больницей. Было очень жутко. На работу шла пешком. Разбита дорога у Невской Лавры.

22/III–43 г. Понедельник. <Пояснение переписчика:> Записи нет.

23/III–43 г. <Пояснение переписчика:> Записи нет.

24/III–43 г. Среда.

Всю ночь были тревоги. Особенно били зенитки в 5 ч. 15 м. утра. Когда ехала на работу, шла от угла Садовой и Невского и узнала, что очень он разбил дома на ул. Марата, на Невском 104, на Колокольной ул., на Загородном и Московской ул.¹ У повара (детского сада) Фени попала бомба в дом (не ее флигель). Очень стало жутко. Послала открытки: Коленьке,² Нине, Сереже и Зое Дмитриевне.³ Работалось плохо. Сердилась, что дети плохо ели. Днем было голодно. Вечером слушала радио и думала о Коленьке и Кирише. Когда же кончится война?

25/III–43 г. Четверг.

Ночью были тревоги. Сильно били рядом зенитки, особенно утром. Иду на суточное дежурство в больницу. Радио начало работать в свое время. Дежурство прошло спокойно. Есть было нечего. Только хлеб. Вечером налет был рано, около 20 час. Мимо окон пролетело много самолетов. Жутко били зенитки. Все небо было покрыто огнями разрывов и ракетами наших корректировщиков. Ночью сильно били дальнобойные, но не очень близко. Налета ночью не было.

26/III–43 г. Пятница.

Работала после дежурства в больнице в детском саду (Невский, 154).⁴ Водила старшую группу на взвешивание в поликлинику (на 2-ую Советскую). Была сыта двухдневным рационом. Днем все улицы были засыпаны листовками. Наша педагог подняла одну: угрозы и вранье. Дома получила открытку от Люси (жены брата Сергея), живут, видимо, с Колей дружно. Боже, какое это счастье и как я рада за Коленьку. Денно и ночью благодарю Бога и молюсь за них за всех.

27/III-43 г. Суббота.

С утра на работе. Много было больных детей и пришлось ходить по квартирам. Очень устала от этажей. Домой доехала благополучно. Тревог не было. Хочу завтра попасть в церковь. Топила ванну. Очень скучаю по Коленке.

28/III-43 г. Воскресенье.

Утром встала рано. Удалось попасть в церковь. Очень хочу быть лучше, но не знаю, как удастся. Днем занялась уборкой в комнате. Слушала Козловского.⁵ На душе было хорошо. Если бы сбылось, о чем я мечтаю для Коли. Обедала в детском саду. Обрато на 12-м трамвае доехала до церкви. Вечером, в 20 ч., дежурила в ЖАКТе.⁶ Хорошо, что это сделала сегодня.

29/III-43 г. Понедельник.

Еду на дежурство в больницу. Приеду (должна приехать) домой завтра в 7 ч. веч<ера>, после работы в детском саду.

Дежурство прошло спокойно. Тревог и обстрела не было. Написал<а> ответ Люсе. Дала Зине Жигаловой 50 рубл. на кислую капусту.

30/III-43 г. Вторник.

Утром получила апрельские карточки. Богданов орал (как обычно) и издевался над всеми, кто просил выдать пораньше. Я позвонила в детский сад, что запоздаю, и спокойно дождалась выдачи. В детском саду много было работы. Водила детей на взвешивание. С 4-х часов началась тревога. Домой шла пешком. 21 ч. Сейчас опять тревога. Получила письмо от Нади Фосс из Свердловска. Она все надеется, что Кирюша жив и найдется. Я тоже. Сегодня же напишу ей.

31/III-43 г. Среда.

День прошел спокойно. С утра и до утра шел дождь. Вечером была с Юрловыми⁷ в Выб<оргском> доме культуры, на «Отчизне» (Краснознамен<ный> ансамбль песни и пляски Александра).⁸ Вечер прошел очень приятно. Я получила 73 гр. америк<анского> шоколада и скормила его Шурику Юрлову.⁹ Шурик молчал, но ел с удовольствием. А я точно бы с Колей была. Говорили о Коле. Они прочли его письмо мне, а я его открытку Шурику.

1/IV<-43 г.> Четверг.

Целый день в детском саду стоял несмолкаемый хохот. Елена Николаевна (завхоз) и девушки до того изолгались и изобманывались с 1-м апреля, что прямо страх. До 5 ч. веч<ера> меня никак не могли обмануть, а вечером обманули доплатным письмом от Коли. Много смеялись, как дети. Я тоже многих обманула.

2/IV—43 г. Пятница.

Дежурила в больнице. Ночью написала письма Коле и Нине. Сутки прошли спокойно, хотя день был ясный. У меня днем был сильный озноб, и болело горло. Видимо, грипп. К утру стало лучше.

3/IV—43 г. Вторник.

Целый день просидели в бомбоубежище. Не успевали раздеть детей, как снова надо было одевать. Измучили детей, и сами измучились. В городе было тихо, видимо, прорваться в город не дали. Домой пошла пешком, задворками, но у Литейного был отбой, и доехала на трамвае.

4/IV—43 г. Воскресенье.

Утром ходила со своей жилицей в церковь. Ездила обедать в детский сад. Купила Коле симфонии Бетховена в 4 руки.¹⁰

5/IV—43 г. Понедельник.

День прошел плохо. Писем нет. Тревоги начались вечером. Плохо сплю. Очень хочется выспаться. Легла рано. Не знаю, что сулит ночь. Хоть бы получить письмо от Коленьки.

6/IV—43 г. Вторник.

Всю ночь были тревоги. Очень били зенитки. Все время просыпалась от стрельбы и сигналов воздушной тревоги. 6 ч. 30 утра: передают акт о зверствах немцев над нашими в Гжатске и Сычевке и над военнопленными.¹¹ Неужели Кирюша в плену? Дежурство прошло спокойно. Больных немного. Особенно тяжелых нет. Тревог не было. Погода плохая.

7/IV—43 г. Среда.

В детском саду все прошло спокойно. Вечером ходила к домуправу насчет жироприказа. Оказывается, у меня нет лицевого счета и я плачу якобы только за комнату в 12 м. Я очень расстроилась и даже заплакала, но сразу ушла, а он вдогонку мне закричал, чтобы я не расстраивалась, все будет сделано. Спала очень плохо, хотя приняла luminal.¹² Ночью было тихо.

8/IV—43 г. Четверг.

Утром очень плохо себя чувствовала. До Невского (со Скороходовой ул.) пришлось идти пешком. До обеда ходила взвешивать две младшие группы. Около 2-х часов начался обстрел района, а когда кончился, не знаю. Детей матери разобрали по домам в 18 ч. Около 20 ч. ушла домой. Били шрапнелью. До Садовой шла пешком. Дома узнал<a>, что у нас с 3-х часов тоже был обстрел. Все это ужасно.

9/IV—43 г. Пятница.

Ночь прошла спокойно. Сейчас где-то бьют. Иду на работу. Может быть, сегодня будет письмо от Коленьки. Так давно ничего нет. Очень тоскливо.

Вечером получила чудную открытку от Коленьки. Все забыла. Все неприятности, усталость, а боли в ногах как рукой сняло. Письмо полно интересами театра и филармонии. На заводе все хорошо. Господи, помоги ему быть счастливым.

10/IV-43 г. Суббота.

Дежурила сутки в больнице. Дежурство прошло беспокойно. Ночь сильный был обстрел. Света совсем не давали, и мы всю ночь провели в абсолютной темноте, под вой страшного ветра и жуткий артиллерийский обстрел. Утром поехала прямо к Николе Морскому.¹³

11/IV-43 г. Воскресенье.

В Никольском соборе несметно много народу. Служил Влад<ыка> Алексей (патриарх).¹⁴ Много лет я его не видела. Стал он совсем седой, очень худой и постарел. Обедала в детском саду. После обеда была у кн. Владимира.¹⁵ Там хорошо.

12/IV-43 г. Понедельник.

Ночью просыпалась. Было две тревоги. Встала с трудом. В детском саду очень много было дела. Получила письма: от Нины и от сестры Евгения Викторовича Тарле¹⁶ Марии Викторовны Тарновской¹⁷ из Казани. Нина огорчила тем, что у них холодно в комнате, и они болеют гриппом. Мария Викторовна просила проведать жилища ее и Евгения Викторовича. Обязательно схожу. Сейчас 21 ч. 20, началась тревога. Пока тихо.

13/IV-43 г. Вторник.

И день и ночь прошли спокойно.

14/IV-43 г. Среда.

Дежурила в больнице. Погода пасмурная. Стрельба где-то далеко. Ночью шел дождь. Налетов не было. Больных слабых нет. Всю ночь дремала, сидя в большом кресле в коридоре.

Необходимо срочно послать Коле деньги. Достану в долг рублей 300 и пошлю на содержание.

15/IV-43 г. Четверг.

Достала 300 р., добавила и послала 500 р. ко дню рождения. Работы в детском саду было очень много. Ребятишки трогательно нежничают. У зав<едующей> детским садом Веры Львовны ишиас. Очень, видимо, страдает. Поставила ей банки. Дома приводила в порядок серое бархатное платье, чтобы одеть с жакетом.

Сегодня очень тепло.

Сейчас 23 часа. Тревога. Зенитки бьют глухо. Лягу спать.

16/IV—43 г. Пятница.

С 3-х часов начался обстрел района детского сада, – Смольнинского. Сидели в бомбоубежище до 20 ч. Я потом пошла домой. Уже у Моск<овского> вокзала пошли трамваи. В 22 ч. началась тревога. Очень бьют зенитки. Здорово насыщенный день.

17/IV—43 г. Суббота.

В 3 ч. ночи были спущены две бомбы. Одна упала где-то рядом, в доме 23, а вторая уг<ол> Дивенской и Мал<ой> Монетной. Обе, слава Богу, не разорвались, а то нас потрянуло бы здорово. На нашу Скороходову не пускают со стороны Вульфовой ул. Ночью было очень страшно, но вставать не имело смысла. Вечером попала на конец всеобщей. Послала письма Коле и Нине. Сейчас опять тревога. Время 21 ч.

18/IV—43 г. Воскресенье.

Дежурила сутки в больнице. Сутки прошли спокойно. Тревога началась около 22-х часов, но была недолго и прошла тихо. Зенитки били.

19/IV—43 г. Понедельник.

Приехала в детский сад и узнала, что к нашему завхозу Елене Николаевне в комнату попали крупные осколки снаряда, разорвавшегося напротив ее дома (Разъезжая ул., недалеко от 5-ти углов¹⁸). Все перемолото и погребло, даже пианино пробито. Елена Николаевна очень осунулась и расстроена. Что-то нас ждет?

В 22 ч. началась тревога и продолжалась до 4 ч. утра с перерывом на ½ часа. Очень били зенитки, но было сносно.

20/IV—43 г. Вторник.

День прошел без обстрела. Домой приехала в 20 ч. 30, т<ак> к<ак> врач детского сада Анна Вульфовна пришла очень поздно, а надо было посмотреть младшую группу.

Я поймала чесотку. Сегодня же изничтожу. Это от одного нового больного.

В 21 ч. 30 тревога. Когда-то кончится? По сему случаю разбираю портфель. Воз мусору. Удалось отдать 2 пары туфель в починку в госуд<арственную> мастерскую. Очень рада, а то нечего носить. Уж очень много пешего хождения.

21/IV—43 г. Среда.

Тревога, говорят, была всю ночь. Просыпалась и снова засыпала. В детском саду писала «адрес» по случаю 25-тилетия педагогической деятельности завед<ующего> Смольнинским районо, Марка Ивановича Морозова.¹⁹ Мазала, перевязывала ребятишек. Что-то мне очень

невесело. Заехала в церковь. Написала Коле и Нине по открытке. Утром опушу. Слушаю Ленского – Козловского.²⁰ Какое наслаждение. Проклятый пока еще не гудит. Скоро 22 часа. Ложусь спать.

22/IV–43 г. Четверг.

Хорошая погода. Что-то будет? Иду в больницу. Сутки прошли очень спокойно. Ночью было холодно. Тревога была недолго и тихая. Видимо, наши не пустили. С больными дружила.

23/IV–43 г. Пятница.

Утром рано идеально убрала больную бабушку Альбову. У несчастной ужасный пролежень на крестце. Поступила – еще страшнее был. Сейчас проходит. В детском саду отпросилась уйти в 2 часа, чтобы поехать на вынос Плащаницы.²¹ Вера Львовна отпустила беспрекословно. На душе хорошо. Вспомнила всех живых, особенно Коленку, и, конечно, умерших. У меня их столько прибавилось за это время. Дома была холодн<ая> кипяченая вода и хлеб. Поела и легла спать.

24/IV–43 г.>. Суббота.

Ночь прошла спокойно. Писем нет. Работала в детском саду. День прошел спокойно. После работы ездила в больницу, возила флаконы из-под одеколona (для медикаментов). Дома вечером прибрала комнату. Передают последние известия. 22 ч. 30 – пока тихо.

Ночь темная и очень теплая.

25/IV–43 г. Воскресенье. Пасха.

Ночь прошла спокойно. В 5 ч. утра ушли с Марусей в церковь к заутрене. Шли быстро, как «две Марии».²² В церковь попали хорошо. Хорошее впечатление осталось от воззвания митроп<олита> Алексия. Оно полно веры в нашу победу и любовь к Родине.

Днем пошла на «Леди Гамильтон».²³ Была потрясена. Пойду еще раз. Купила Коле клавир «Ивана Сусанина».²⁴ Днем поплакала от тоски по Коле. Вечером была необычайная гроза. Идет дождь. Какое счастье.

26/IV–43 г. Понедельник.

Дежурила сутки в больнице. Дежурство прошло спокойно. Сговорились пойти завтра с товарищами на «Леди Гамильтон». Тревог не было. Очень болят ноги, особенно колени, от старости и погоды.

27/IV–43 г. Вторник.

В детском саду все спокойно. Надо что-то подарить санит<арке> Оле. Она выкупила мне все продукты. У меня не хватает сил. В 6 ч. веч<ера> смотрели «Л<еди> Гамильтон». Купила Коленке Капниста.²⁵ Целый день идет дождь, но не холодно. На ул. Пролеткульта видела остатки дома. Ужасно!

28/IV—43 г. Среда.

День прошел спокойно. 21 ч. Идет обстрел района. Бегала к управхозу. Свист стоит от пролетающих снарядов. С утра шел дождь. Увы, к вечеру разъяснило. 24 ч. Обстрел кончился. Видимо, можно спать спокойно.

29/IV—43 г. Четверг.

Ночь прошла спокойно. Целый день была занята украшением групп. Я взяла шефство над младшей группой. Хорошо спроектировала и помогла сделать занавески. Домой уехала поздно.

30/IV—43 г. Пятница.

Дежурила сутки в своей Пролетарской больнице.²⁶ В 3 ч. дня был митинг. Приезжал начальник Дор<ожно>-сан<итарного> отдела. Я – стахановка, вывешена на почетной доске. Здорово приятно.

Сутки прошли спокойно. Больных очень мало. Перед 1-м мая многие выписались. Получила одеколон и душистое мыло с фабрики через Надежду Петровну.

1/V—43 г. Суббота.

Утром заехала в детский сад за рационом и продуктами, которые мне выкупила Оля. Спасибо ей. Ночью выпал снег! На обратном пути домой, угол Невского и Садовой, попала в обстрел. Боже, до чего страшно. Были даны шесть выстрелов. Мы прижимались к воротам Публичной библиотеки (на Садовой). Один снаряд попал в аптеку (Невский, 50), рядом с Пассажем, 2-ой под аптеку. Один разорвался где-то над головой. Нас засыпало штукатуркой. Да, ужасно страшно.

Днем была в ЖАКТе. Записалась на дежурство на вечер, с 20 ч. до 22 ч. Целый день убиралась в комнате. Обстрел шел весь день. Вечером опять снег и дождь.

2/V—43 г. Воскресенье.

Целый день не выходила из дома. Сделала очень красивый плакат – аппликацию для детского сада. Окантовала Колину капелльскую группу.²⁷ Дежурила. Сейчас получила Колино письмо. Очень рада.

3/V—43 г. Понедельник.

Вышла утром в 7 ч. 15. Началась тревога, но было тихо. День прошел спокойно. Получила письмо от Колиной классной наставницы – Зои Дмитриевны.²⁸ Положение в Арбаже,²⁹ куда их эвакуировали, видимо, тяжелое. Мальчики разбегаются. Как хорошо, что Коля не попал туда. Вечером была в церкви. Послала Коле телеграмму.

4/V—43 г. Вторник.

Дежурила сутки. Коленьке сегодня 16-ть лет. Послала ему письмо и деньги, а вчера телеграмму. Так бы хотелось его повидать. Вече-

ром была тревога. Зенитки били оглушительно. Дежурила с тетей Дашей. Под утро прикорнула в кресле и задремала.

5/V–43 г. Среда.

Днем был очень сильный обстрел. Сидели с детьми в бомбоубежище. Очень устала. Не помню, как доехала домой. Была тревога, и, говорят, очень били зенитки, а я ничего не слышала, – так спала. Как умно ответил Коленька по поводу «биографии».

6/V–43 г. Четверг.

Целый день была в сутолоке. Приехала домой поздно. Очень устала. Кое-что починила. Легла поздно. В 23 ч. началась тревога. Две волны зениток слышала, а потом и заснула. Хочется повидать Коленьку!

7/V–43 г. Пятница.

Встала с большим трудом, так болят ноги. Утром получила открытку от Марии Викторовны Тарновской. Она просит адрес Коли. Надо еще мне пойти и справиться о ее квартире и кв<артире> Евгения Викторовича. Днем очень красиво украсила группу малышей. Завтра в детском саду майский праздник, а я дежурю. Днем шел проливной дождь. Лучше бы ночью.

8/V–43 г. Суббота.

Дежурила в больнице. День прошел спокойно. Ночью был налет. Очень сильно и непрерывно били зенитки. Прожекторы освещали, как днем, но в 2 ч. ночи все стихло.

9/V–43 г. Воскресенье.

После дежурства пошла на больничный огород.³⁰ 3 часа вскапывала землю. Работала в батистовой кофточке, так было жарко. Очень устала. На обратном пути заехала в детский сад – обедала. Заехала на ул. Маяковского в кв<артиру> Марии Викторовны. Узнала, в каком положении ее комната. Боюсь, что мало что там уцелеет. Дома легла пораньше спать, но не заснула из-за тревоги и переутомления.

10/V–43 г. Понедельник.

Днем сидели часа полтора в убежище. Была тревога, но тихая. Было страшно при мысли о ночи, но в 9 ч. веч<ера> пошел дождь и шел всю ночь. Вот-то поспалось. Ждала вечером Антонину Николаевну с луком, – не приехала. Неужели надует? Ноги болят нестерпимо.

11/V–43 г. Вторник.

Сегодня рано приехала в детский сад и вымыла голову, надо завиться. День был дождливый, разъяснило в 17 ч. Зачем – неизвестно? Ехала на 12-м трамвае, а потому заехала к Каз<анской> Б<ожией>

М<атери>.³¹ Около дома управхоз направил на регистрацию «на предмет ПВХО».³² Обязали каждую В<оздушную> Т<ревогу> спустаться в ЖАКТ. Лучше бы дежурства. Это мне не выдержать. Не придется спать ни одной ночи. Антонина Николаевна не приезжала.

12/V-43 г. Среда.

Дежурила у себя за Невской заставой, в больнице. Дежурство прошло спокойно. Днем был обстрел. Вечером испортилась погода. Утром в 6 ч. 45 началась тревога.

13/V-43 г. Четверг.

Тревога длилась с 6 ч. 45 до 14 ч. 30. Утром был разбит дом 174 по Невск<ому> пр. – райсовет. В детском саду все благополучно (наш дом 154). Узнала обо всем, когда добралась за шесть часов до детского сада. Пришла после отбоя. Переволновалась за детей, устала и сгорела на солнце. Несла 3 кгг. бел<ой> муки за водку. К вечеру пошел дождь. Легла в 22 ч. и заснула как убитая. Нет опять писем.

14/V-43 г. Пятница.

Доехала на службу благополучно. Тревога началась в 9 ч. утра. Сидели до 14 ч. в бомбоубежище, дети там и обедали. Устала рассказывать сказки. Послала Коленьке заказн<ую> бандероль: «Седова»³³ и «Броуди».³⁴

Писем нет. В 19 ч. пошел дождь. Дома все тихо. Елена Николаевна (завхоз) с девушками ходила на Навалочную³⁵ за дровами, и попали они под бомбежку. Она упала и ушибла ногу. Писем не было.

15/V-43 г. Суббота.

И день и ночь прошли в непрерывной тревоге. Обратнo домой простояла 2 часа в Кукольном театре Деммени,³⁶ а потом пешком шла до дому. Всю ночь была тревога. Погода, увы, прекрасная. Писем нет.

16/V-43 г. Воскресенье.

Сейчас ухожу на суточное дежурство. Не успела уйти, началась тревога. Села за рояль и позанялась час. Сейчас сбросил где-то бомбу. Заставила Валю одеть Шурика. Очень страшно. Стрельбы не было. Все было тихо, и вдруг раздался свист, треск. И сейчас летят, но не знаю, кто. Стрельбы нет. 11 ч. Ухожу. Отбой. Узнала: 15-го разбит детский сад около нашей больницы. В отделении у нас вылетели стекла. Дети не пострадали. Разбита кухня. Всю ночь налеты и обстрел без перерыва. Очень тяжело.

17/V-43 г. Понедельник.

Сегодня послала веселое письмо в Новосибирск и во Фрунзе – всем Васильевым.

Утром в 5 ч. 15 разбит дом руководительницы млад<шей> группы детского сада Елены Сергеевны. Она ранена в голову. Сын Валечка невредим. Комната разрушена. Становится страшно. Получила обратно письмо, посланное Наде. Она уже уехала из Свердловска. Жаль. От Коленьки писем нет. Как-то пройдет ночь?

18/V—43 г. Вторник.

Ночь прошла спокойно. Говорят, была тревога. Я ничего не слышала. Утром было пасмурно, шел дождь. Какое счастье! Вечером заехала к Кн<язь> Влад<имиру>. Храм уже был закрыт; пропустила какая-то женщина на минутку. Домой пришла около 20 ч. и почти сразу началась тревога. Сейчас весело гудят наши, милые. Писем не было. Погода холодная, но стало ясно. Хоть бы к ночи затянуло.

19/V—43 г. Среда.

Ночью была тревога. Я не слышала. Весь день очень холодно и пасмурно. Шел дождь. Слава Богу. С работы заехала к Елене Сергеевне, завезла ей рацион, предложила мою 2-ую комнату. Подарила ей хорошую, новую, покойной сестры моей (умерла 8/III—42 г.) рубашку и пальто с серым мехом. Вечером она зашла и посмотрела комнату. Она ей понравилась. У нее ничего не осталось. Я похвалила Костю и обещала прописать ей хорошенько, если она будет ему изменять. Говорит, не будет.

Вечером пекла блины. Елена Николаевна дала мне немного жира и сух<ого> картофеля. Половину жира отдала Марусе. Писем не было. Послала Коленьке Белинского.³⁷

20/V—43 г. Четверг.

Дежурила в больнице. День холодный, но очень ясный. Ночь была страшная! Бросал бомбы кругом: и в Пролетарский завод³⁸ и около 23-го детского сада. Такой страшной ночи не запомню (так! — *Н. П.*). Очень волновались больные. Не отходили от тяжелых. Утром взяла душ и пошла пешком до завода Ленина,³⁹ т<ак> к<ак> трамваи не ходили. Днем тревог не было. Елена Николаевна отпустила из детского сада пораньше, и я поехала ко всеобщей, послезавтра Николин день.⁴⁰

21/V—43 г. Пятница.

Сегодня была вечером за всеобщей. Горячо молилась «о всех и за вся». ⁴¹ Сегодня звонила Татьяна Александровна Юрлова.⁴² Решили собраться у меня Колины товарищи: Шурик и Сёма Розенблат,⁴³ который недавно вернулся из эвакуации. Писем не было. 21 ч. 30 — лягу спать. Пока пасмурно.

22/V–43 г. Суббота.

День прошел тихо. Договорилась с Юрловыми на вторник 25/V собраться у меня в 8 ч. веч<ера>. Получила кетовой икры 100 гр., жиру 200 гр. и шоколаду 240 гр. Как кстати. Сохраню для них. Писем нет. Поставила тесто. Завтра вечером спеку ко вторнику, т<ак> к<ак> <в> понедельник дежурю сутки.

23/V–43 г. Воскресенье.

Утром была в церкви. Исполнила, что надо. День прошел тихо, – пасмурно. Вечером зашла сестра Зоя. Попробовала петь. Пела, – ничего, голос с трещинкой. Почему-то вдруг появилось ощущение близкого конца войны, а почему, не знаю. Никаких, по-моему, показаний к тому нет. Надо Зое найти ноты современных песен для ее выступления в ее же лазарете. Она получила открытку от брата Сережи. Он очень занят. Их Воен<ная> академия эвакуирована во Фрунзе.⁴⁴ Идет дождь.

24/V–43 г. Понедельник.

Дежурство прошло, все сутки сравнительно спокойно. Целый день где-то, невдалеке, шла очень сильная артиллерийская стрельба. И наши, и не наши били жутко. Была тревога, но тихая.

Прочла «Кулисы» Горин-Горяинова.⁴⁵ Живо и интересно написано. Надо достать и послать Коле.

25/V–43 г. Вторник.

Получила открытку от Сережи. Пишет о необходимости учебы для Коли. Это, конечно, и мое самое основное желание. Около 16-ти часов без тревоги и зениток сброшена большая бомба на 2-ой Советской ул. Мы все как сумасшедшие бросились одевать маленьких ребятишек с тихого часа. Катя была недалеко и прибежала в ужасе. Дома ждала Юрловых и Сёму, приготовилась хорошо, но никому приехать не удалось. Очень жаль, завтра все уже потускнеет. Что-то сулит нам ночь?

26/V–43 г. Среда.

Днем сидели в бомбоубежище во время артобстрела. Вечером, только напилась чаю, началась тревога. Звонила Татьяна Александровна, что приехать они не смогут. Жаль, так хотелось угостить как следует. С горя сама поела и угостила ребятишек и Марусю. Очень облачно: «окна».⁴⁶ Погода самая неприятная. Так устала, что ничего не могу делать. Лягу спать. Писем нет.

27/V–43 г. Четверг.

Ночь прошла сравнительно спокойно, день тоже. Делала прививки против брюшн<ого> тифа детям и сотрудникам. Бежала за аскорбиновой кислотой. Очень устала. Дома рано легла спать. Писем нет

и нет. Получила открытку от Сережи, которая меня очень взволновала. Надо Коле учиться.

28/V-43 г. Пятница.

Сутки в больнице. День прошел спокойно. Ночь сносно. Вечером зашла медсестра Антонина Николаевна с дочкой. Долго просидела со мной. Беседовали. Обещала подарить мне «Кулисы» Горин-Горяинова, кстати, он очень болен. Надо найти девочке какие-нибудь книги. Утром сменилась аккуратно. Погода очень холодная. Написала письма: Сереже, Коле, Нине.

29/V-43 г. Суббота.

День много работала в детском саду. Очень устала за эти двое суток. Писем нет. Я без писем выбываю из строя. Послала письма и заказн<ой> бандеролью «Кулисы». Вечером поехала на 12-м прямо ко всенощной. Молилась о Колином и Кирюшином счастье (теперь я знаю, что Кирюша умер в плену, во Владимиро-Волинске 2/VII-42 г.)⁴⁷ и сохранении нашей жизни. Всех нас, людей нашей Родины.

Господи, хоть бы кончилась эта война! Сейчас передавали сцены из «Бориса Годунова».⁴⁸ Слушала с наслаждением.

30/V-43 г. Воскресенье.

Утром была у обедни. Очень рада, что не поленилась поехать. В 12 ч. дня поела основательно и, убрав «места общего пользования»⁴⁹ и свою комнату, принялась стирать, решив не ехать обедать в детский сад. В 21 ч. пожарила хлеба и колбасы, заварила кофе и насытилась вполне. Вот так бы в 41-м году. Бедные Лидочка, мама и тетя Паня. Писем не было. Легла спать со стоном, так отвыкла стирать, что руки и шея сзади безумно болят. Ночью часто просыпалась от боли. Ночь прошла спокойно.

31/V-43 г. Понедельник.

Утром была тревога, но недолго. Прошла пешком до Невского. Днем два раза сидели в бомбоубежище. Дети даже там обедали. Вечером в трамвае встретила сестру Зою с Гулькой. Договорились, если достану билеты на «Дорогу в Нью-Йорк»,⁵⁰ пойти с маленькой Зайкой. Писем не было. Дам послезавтра телеграмму. Сейчас была исключительно интересная передача «по листкам календаря»: Пушкин, Глинка, Белинский, А. Н. Островский. Пел, и пел божественно, романсы на слова Пушкина Глинки и Чайковского Козловский. Сейчас спать. Только бы это было возможно. Завтра сутки.

1/VI-43 г. Вторник.

Дежурила сутки. День и ночь – сутки прочь – прошли спокойно, т<ак> к<ак> было очень пасмурно. Пасмурно – какое чудное слово.

Очень много думала о Коленьке и мечтала о мирной жизни. Подписалась с удовлетворением на оклад на 2-ой воен<ный> заем.⁵¹

2/VI—43 г. Среда.

Шел дождь. Делала вторые прививки против брюшн<ого> тифа всем ребятишкам. Вечером поехала ко всенощной. В детском саду смеются, что я, как Малюта Скуратов,⁵² днем лютовала над малыми детьми, а вечером еду грехи замаливать. Завтра Вознесенье.⁵³ Молилась как могла. Писем нет. Волнуюсь безумно и тоскую. С телеграммой обожду. Как можно так долго не писать? Только бы все было благополучно.

3/VI—43 г. Четверг.

Писем нет. Ночью, говорят, была тревога долго. Я так устала, что ничего не слышала. Сегодня давали медали «За оборону Ленинграда» – пока верхам. Я бы очень хотела получить такую медаль. Помоему, я имею на нее право, а как бы я ею гордилась.⁵⁴ День прошел спокойно. Ночью долго была тревога. Хоть бы скорее кончилась война. Получила извещение на заказное письмо, адресованное покойной сестре Лидочке. Она умерла 8/III—42 г. от голода.

4/VI—43 г. Пятница.

Сходила на почту и получила письмо от какой-то Григорьевой, видимо, бывшей Лидочкиной сослуживицы. Непременно напишу ей, кстати, она, как и Коленька, в Новосибирске. А письма так и нет. Только бы Коленька был здоров. Завтра дежурю в больнице. Подписала в ЖАКТе на займ 100 рубл.

5/VI—43 г. Суббота.

Дежурила в больнице. Перемена всего начальства отделения. Вместо Надежды Петровны Цветков Сергей Иванович⁵⁵ и две девочки – врачи Растворова Е. Дмитриевна и Лариса Демьяновна Калюжник.⁵⁶ Сергей Иванович высокий, седой, худой старик, тиходум, но производит очень приятное впечатление человека с этикой. Шутки понимает медленно, а потому очень пытливо приглядывается. Сутки прошли спокойно. Очень устала. Чувствую себя очень плохо, а почему, некогда выяснять. Есть целый день было нечего, но для меня это не трудно. Читала о Глинке.⁵⁷ Писем нет. В чем дело?

6/VI—43 г. Воскресенье.

Писем нет. Утром, после дежурства, взяла очень горячий душ. Подбодрило. В детском саду пообедала за два дня и пошла в кино с горя. Видела «Актрису»⁵⁸ – ничего себе, и «Принца и нищего»⁵⁹ – совсем плохо, неинтересно и плохо сделано. Из кино поехала в цер-

ковь. Несколько стало спокойнее. Дома очень рано легла спать. Было пасмурно, а потому спокойно.

7/VI–43 г. Понедельник.

Писем нет и нет. Вчера послала Коле телеграмму. С утра сегодня шел сильный дождь. Как было хорошо, сейчас разъяснило и уже гудит что-то, правда, – наше. Сегодня ходила в поликлинику, чтобы подписаться на заем. Это для меня большое удовольствие. Я готова все отдать, чтобы скорее пришел разгром проклятым немцам. Писем нет и дома. Что такое? Нехорошо, но мне пришлось поднаврать Марусе, что я нездорова: мы собирались в кино, а мне захотелось побыть одной.

8/VI–43 г. Вторник.

Погода весь день потрясающая. Нонна Михайловна предложила билеты на «Морского волчонка». ⁶⁰ Была с Марией Ивановной Петровой. ⁶¹ Видела, какое удовольствие получали бойцы от спектакля. На лестнице домой (так. – *Н. П.*) увидела сестру свою Зою. Гуленька опять заболел. Зоя плачет и волнуется, а мне стало стыдно, что я была на оперетке, хотя я никакого удовольствия не получила. Дома Маруся сидит усталая, усталая. Еще стыднее. Писем нет.

9/VI–43 г. Среда.

Дежурила сутки в больнице. Поступила больная с неизвестной болезнью. Не то после укусов, не то от солнца страшный, жуткий отек лица. Раздуто все лицо так, что глаз нет совершенно, рот не открыть. День и ночь прошли спокойно. У нас больна страш<ая> м<едицинская> с<естра> Клавдия Александровна. Ночь прошла скоро. Утром получила зарплату.

10/VI–43 г. Четверг.

В детский сад попала еще не было 9-ти часов. В поликлинике получила деньги за детский сад. Делала 1-ую ванну солено-хвойную Людочке. Хотелось бы поправить ей ножки. Писем нет. На обратном пути зашла к Зое и отдала Гуленьке булку, полученную за хлеб. Дома погладила немного и легла спать.

11/VI–43 г. Пятница.

День прошел хорошо. Погода чудесная. Утром ребяташки и мы брали солнечные ванны. Вечером поехала в церковь. Писем нет. Написала Григорьевой, Коле и Нине.

12/VI– 43 г. Суббота.

День прошел спокойно. Вечером была у всенощной. Хорошо. Вечером убрала комнату, поела и спать. Договорилась с Юрловыми на 15/VI.

13/VI—43 г. Воскресенье.

Дежурила сутки в больнице. Днем была чудесная гроза. Какая она кроткая и благородная в сравнение с тревогами и какая не страшная. Вечером долго беседовала с больными. Славные и бедные женщины. Сколько ими пережито. Ночью шел дождь. Я без пальто. Авось не растаю.

14/VI—43 г. Понедельник.

Попала в детский сад рано. Идет дождь. Получила два письма: от Марии Викторовны и от Димы. Очень жаль, что не от Коленьки. Письмо Димы разозлило своей вычурностью и позой, а ведь неплохой человек и неглупый, а какой-то свихнутый и благоглупый. Дождь и ветер. Хорошо!

15/VI—43 г. Вторник.

Вечером были Сёма и Шурик. Накормила их до отвалу хорошими блинами и очень хорошим вареньем. Вечер прошел интересно. Мальчики живут воспоминаниями. Сёма стал красив и приятен. Совершенно молодой человек. Курит. Шурик хоть и большой, но еще мальчик. После их ухода безумная тоска по Коле. Писем и сегодня не было. Не знаю, что и думать, а потому стараюсь не думать. Сегодня днем был страшный обстрел города. У Елены Николаевны взяли⁶² ее друга Анатолия Кирилловича.

16/VI—43 г. Среда.

Получила телеграмму о том, что Коля уехал на полевые работы. Все благополучно. Очень меня это почему-то взволновало. Для него неплохо, конечно, поработать на воздухе. Верю, что все будет, как надо. Только бы был жив и здоров и честен, а осенью будет видно, как будет дело с учебой. Хорошо бы получить его адрес. Сегодня тоскую как никогда. Передают «Иоланту».⁶³ Ольга Александровна играла сегодня вещи Савельева⁶⁴ (современный композитор), очень интересные и хорошие.

17/VI—43 г. Четверг.

Дежурила сутки. Очень много больных и много работы. Есть случаи «пеллагры».⁶⁵ Больная с неизвестной болезнью (отек лица) тоже оказалась с пеллагрой. Очень хорошо идет на уколах аскорбин⁶⁶ и никотиновой кислоты. Еще один очень тяжелый больной. Весь день шел обстрел из дальнобойных и шрапнелью. Наша больница у самой, можно сказать, линии фронта. Вечером было жутко. Ночь необыкновенно прекрасная — полнолуние и темно-голубые небеса. Утром работу начала очень рано и все успела сделать. Больные симпатичные.

18VI–43 г. Пятница.

В детском саду работы тоже много. Ходила по квартирам. Устала. Главное, нет писем. Днем была тревога. Тоска сегодня одолела. Сейчас 20 ч. Но лягу спать, чтобы не думать.

19/VI–43 г. Суббота.

В детском саду все спокойно. Вечером поехала на Крестовский⁶⁶ к Заиньке, Зоиной дочке. У нее пеллагра. Делаю вливание внутривенно ас. ascorbinici и ас. nicotinici.⁶⁷ Долго ее ждала. Она ведь мобилизована. Она приехала в 9 ч. веч<ера>. Очень усталая и совсем больная. Сделала ей инъекцию и поехала домой. Не успела сесть в трамвай, как началась тревога. Все же я пешком добралась до Кировского пр., а дальше не пустила милиция, и я, в виду своего дома, стояла час в абсолютной тишине. Самолеты, видимо, не прорвались. Вот где перегиб. Пришла домой усталая и голодная. Вообще, эти дни голодно, но это не беда. Нет писем.

20/VI–43 г. Воскресенье.

Утром была в церкви, потом стирала. В 3 ч. 30 поехала обедать. Пообедала и пошла в Камерный театр на «Анну Каренину»,⁶⁸ контрамарку дала Ольга Александровна Норейко,⁶⁹ она там музык<ально> оформляет спектакль. Железнова⁷⁰ ужасна, жалка, но общее впечатление сносное. Мучили новые туфли. Ужасно вела себя публика. Во время музык<ального> антракта громко разговаривала. «Анна Каренина» сейчас трудно перевариваема. «Блажит барыня», – сказал один боец. Писем нет. Здорово голодна.

21/VI–43 г. Понедельник.

Дежурила сутки. Работы очень много. Ночью не удалось приехать. Очень устала. Еду в детский сад. Сейчас очень хороший состав больных. Нет злыдней и симулянтов, все действительно больные. Работала с большим удовлетворением.

22/VI–43 г. Вторник.

День (год) маминой смерти и два года войны. Бедные мама, Лидочка, дядя Костя, Паня, Алеша. Целый день было очень грустно и тревожно, особенно после суточного дежурства. Очень я устала. Сколько горя принесли эти два года. Как я ненавижу немцев-фашистов. Если бы я могла их убивать сама, было бы легче. Писем нет. Коля молчит, а что за молчанием? Одно желание спать. Где-то Кирюша? Болит печень. Что-то сулит ночь?

23/VI–43 г. Среда.

Сегодня с утра надо поехать в военкомат. Если бы больше было уверенности в своих физических силах, я бы попросилась на фронт.

Как противно, что тебе уже 51 год. Только бы получить письмо от Коли и нашелся бы Кирюша. Ночь прошла спокойно. Утром рано ушла на работу. Послала письма Коле и Нине.

24/VI—43 г. Четверг.

День прошел спокойно. Поехала домой на 12-м, но, куда хотела, не попала, опоздала. Встретила санитарку Пашу из больницы Эрисмана⁷¹ и потом старшую сестру,⁷² которая сидела и продавала мелкое барахло. Сама очень страшная. Работать не может, а жить надо. Узнала от нее, что зимой умерла доктор Лидия Федоровна Нордберг.⁷³ Отослала в Новосибирск письма.

25/VI—43 г. Пятница.

Дежурила сутки в больнице. День прошел спокойно. Все время идет дождь. Больные хорошие. Ночью был приступ у малярика. Брала кровь. Извела больная, которая хотела получить рентген.⁷⁴ Ночью взяла горячий душ, за отделением смотрела лектом Екатерина Ивановна. Она меня угостила душем и заменила меня на ½ часа. Писем не писала, так как днем нет ни минуты свободной, а ночью темно. Еще одна больная с пеллагрой, но это уже не страшно. Они идут хорошо.

26/VI—43 г. Суббота.

Утром получила июльские карточки. День работала в детском саду. Взвешивала детей. Кто прибавил, кто убавил. Получила жир и хорошую колбасу. Одну дала Оле, она с огородов и не получала. Получила хорошие конфеты. По дороге домой зашла к Зое и угостила Гуленьку конфетами. Сейчас слушаю «Неоконченную симфонию» Шуберта.⁷⁵ Я ее обожаю. У Маруси радость – вчера был муж и даже ночевал. Писем нет.

27/VI—43 г. Воскресенье.

Утром пошла в церковь. Служил митрополит.⁷⁶ Домой не заходила, проехала прямо в детский сад. Ставила банки Жене Андрюшиной. Обедала. Елена Николаевна получила письмо от «Толи». Мне писем нет. Из детского сада соблазнилась, зашла в «Октябрь» на «Парня из нашего города».⁷⁷ Неплохо. Шла мимо «Авроры» и в 4-й раз посмотрела «3-х мушкетеров».⁷⁸ Зашла к Зое. Угостила Гулю конфетами. Зоя и Володя понравились. Живут ничего, уже не дистрофики, хотя и худы очень. Отчего я так долго дистрофична?

28/VI—43 г. Понедельник.

Писем не было. День прошел спокойно. Погода плохая. Идет дождь. Холодно. Тоска ужасная. Что-то ждет меня нехорошее. Всю ночь во сне искала Колю.

29/VI—43 г. Вторник.

Дежурила в больнице. Работы много. Холодно. Идет дождь. Очень тоскливо. Почему-то целый день кружится голова. Настроение ужасное. Вот искушение! Не знаю, к чему бы это? Чего-то я жду.

30/VI—43 г. Среда.

Дождалась. Получила очень неприятное письмо от Сережи. Обвиняет Колю в том, что он продал и проел какие-то пуговицы. Написала Сереже и Люсе. Вот она тоска. Сегодня же напишу Коле. Он был, есть и будет честным человеком. В чем же дело? Неужели он так был голоден, что взял чужие пуговицы. Так на него не похоже. Сегодня был большой обстрел города. Разбит угол дома № 18, напротив нашего дома. А душа вся с Колей. Весь этот месяц прошел под флагом какой-то тяжести на душе и ожидания чего-то плохого. Все время не покидала мысль, что Коле плохо, что с ним что-то случилось. Предчувствие меня не обмануло. Сережино письмо все объяснило. Коля начал курить. Ему 16 лет. Конечно жаль, но это еще не трагедия. Не знаю, что делать, но верю, что не катастрофа.

1/VII—43 г. Четверг.

День прошел спокойно. Писем нет. Послала Коле письмо. На душе спокойнее.

2/VII—43 г. Пятница.

Целый день идет обстрел города. Сейчас 23 ч. Глухо, непрерывно слышны выстрелы. Не понять только, наши или чужие. У Нонны Михайловны между 1 ч. — 2 ч. дня пропало из детского сада пальто. Никто не входил и никто не выходил, а пальто нет. Настроение у всех ужасное, и ее очень жаль. Она очень плакала. Писем не было. Деньги не послала из-за обстрела. Плачу все время.

3/VII—43 г. Суббота.

Дежурила сутки в больнице. Время прошло спокойно. Много думаю и немного успокаиваюсь. Кажется, можно будет послать Коле посылку. Пошлю и табак.

4/VII—43 г. Воскресенье.

Утром приехала в детский сад. Был тяжелый сердечный приступ у Елены Николаевны. Пришлось ввести подкожно камфару и кофеин. Бегала за врачом в поликлинику. Когда ей стало лучше, я поехала в церковь, а потом домой. Выстирала Колино драповое пальто. Оно закоптело зимой 41—42 г.

5/VII—43 г. Понедельник.

Пальто вышло замечательно. Писем нет. Послала Коленьке деньги. Продала хлебн<ую> карточку на II полов<ину> июля и купила

300 гр. табаку. Обменяла у Зои за швейную машинку сапоги и галоши. Колин размер. Сапоги не новые, но целые, а новых нет, а на рынке они стоят 4 тысячи.

6/VII-43 г. Вторник.

Сегодня звонила Зинаида Александровна, что я получу талон на посылку. Вера Львовна говорит, что я не должна посылать табак, что это поощрение – безумие, а я думаю, что послать надо. Раз уже курит, то лучше помочь ему табаком, чем, не дай Бог, еще какие-нибудь пуговицы. Ведь ему 17-й год, он пережил блокаду, трупы близких мы с ним вместе возили, работает он на заводе. Трудно воздействовать за тысячи километров. Думаю, что надо помочь, а не усложнять и без того сложное. Я в него верила и верю. Он до сих пор был безотносительно честен и правдив.

7/VII-43 г. Среда.

Нет письма.

Еду в больницу на сутки. Сутки прошли спокойно. Получила талон на посылку. Рада до бесконечности. Как все ко мне добры. Целый день шла стрельба и близко и далеко. С полдня пошел дождь. Холодно. Все мысли о посылке. Клавдия Александровна принесла 4 пары новых носков.

8/VII-43 г. Четверг.

Утром Сергей Иванович сказал, что разбили нашу Петрогр<адскую> сторону. Позвонила по телефону Зое. Владимир Артемьевич ответил, что все у нас благополучно. В действительности снаряды попали в Лицей⁷⁹ и на площадь у ул. Мира и угол Посадской и Кировского просп. Писем нет. Паня обещает сапоги 41-го размера (велики) новые, но на резине. И то неплохо.

9/VII-43 г. Пятница.

Сегодня письма нет. В 16 ч. 30 две группы вышли уже в садик около дома, гуляли, как вдруг напротив в крышу дома попал снаряд (1-ый). Грохот был ужасающий. Садик засыпало железом, бревнами и кирпичами. Из детей очень легкие ранения у троих. Остальные отделались испугом. Бедные, бедные ребяташки. До глубокой ночи собирала посылку. Штопала, чинила. Только бы отослать и дошла. Отчего же нет письма?

10/VII-43 г. Суббота.

Сдала Колину посылку. Видела дочь нашего большого железнодорожника – Быковскую. Она сама дала мне телефон на всякий случай, буде будет в ней надобность. Писем нет. День прошел спокойно. Была в церкви. Послала заказным номер багажной квитанции (405292).

Тоскливо. Только бы дошла посылка.

11/VII-43 г. Воскресенье.

Дежурила сутки. Целый день и полночи под страшным обстрелом. Душа болит почему-то смертельно.

12/VII-43 г. Понедельник.

День несколько раз район был под обстрелом. Вечером получила письмо от Нины. Что делать. Письмо злое, видно желание очернить и оскорбить Колю. Сергей что-то намекнул на то, что она увлечена Колей, но без взаимности. Какая глупость! Все те же пуговицы. Можно с ума сойти. Напишу сейчас же ей и Коле. Но пусть не рассчитывает она, что я его оскорблю. Уж очень все прозрачно. И какое ей дело, за какими девочками может ухаживать ее двоюродный брат.

13/VII-43 г. Вторник.

День прошел сравнительно спокойно. Письма от Коли нет. Отдала 200 р. долг. Письма Коле и Нине написала. Дома сижу одна. Хочется помолчать.

14/VII-43 г. Среда.

В половине 5-го утра была тревога, но недолго. Было тихо. Зенитки били недолго. День прошел спокойно, хотя погода была хорошая. Получила письмо от Димы. Видела Марию Арсентьевну. Вова – сын, был в Тихвине, но в Ленинград его не пустили. Мне ясно: Колю надо достать сюда. Есть, слава Богу, совсем не могу.

15/VII-43 г. Четверг.

Дежурила в больнице. Сутки прошли спокойно. Днем мучила какая-то физическая боль в груди. Приняла пирамидон с бромом. Успокоилась. Видимо, нервного происхождения. Немцы били здорово. Ночью взяла горячий душ. После горячей воды ни малейшего желания спать.

16/VII-43 г. Пятница.

Писем нет. Болит душа. Работала целый день много. На фронте большая победа под Орлом.⁸⁰ Какое счастье! Домой ехала с Ольгой Александровной Норейко. Она очень сильная пианистка и приятная. Мне кажется, не без будущего. Сегодня она крайне нервозно настроена. Почему? Пришла домой и лягу. Как достать Колю домой? Все мысли о нем.

17/VII-43 г. Суббота.

С 4-х часов утра идет сильный обстрел района. Сейчас уже 6 ч. 15, а только что передавали, что обстрел района продолжается. Сейчас был разрыв где-то совсем близко.

Бил весь город до 19 ч. вечера. Оказывается «страшный» разрыв был в квартире № 4 нашего дома. Днем, когда добралась до детского сада, сразу пришлось идти в бомбоубежище. Дети измучились за целый день. На них больно смотреть. Видимо, это реакция на Орел.⁸¹ Сволочи проклятые, все равно им конец. Писем не было.

18/VII–43 г. Воскресенье.

Утром были с Марусей в церкви. Вернувшись, убрала комнату. Приходил муж Маруси. В половине 5-го поехала обедать в детский сад. По дороге взяла билет в «Молодежный» на «В старом Чикаго».⁸² После обеда поехала в кино. Картина интересная, изумителен пожар. Писем не было.

Послала Коленке заказное с квитанцией. Где-то далеко непрерывная канонада.

19/VII–43 г. Понедельник.

Сутки в больнице. Целый день далекий непрерывный гул канонады. Вечером поздно били фрицы и страшно били наши. Говорят, с кораблей. Было беспричинно весело. Ночь прошла спокойно. Поступил очень тяжелый больной Гасич. Было торжественное заседание по поводу 25-летия советского здравоохранения.⁸³ Очень хорошо выступил Василий Иванович Сазонтов.⁸⁴ Обещал награды ко дню железнодорожника.

20/VII–43 г. Вторник.

Опоздала в детский сад, так пришлось идти от завода Ленина.⁸⁵ В детском саду все благополучно. Писем нет и не было. Еще рано. Днем была в бане с доктором Анной Вульфовой, а вечером в церкви. День прошел спокойно. Получила консервированную грушу и снесла ее Гульке. Видела Заиньку. Где-то бьет рыжий, небритый, грязный фриц.

21/VII–43 г. Среда.

День прошел спокойно. Вечером пошла с Еленой Николаевной в кино. Встретила там Павла Федоровича Маслова.⁸⁶ Смотрели «Врагов» Горького.⁸⁷ Совсем хорошо. Писем нет. Тоска непередаваемая. Маруси нет дома. Легла спать.

22/VII–43 г. Четверг.

Сегодня год, как я видела последний раз Колю. Писем нет. Если бы хоть он был счастлив, а то он, видимо, много горя за это время хлебнул. Кажется, с живой дала бы снять с себя кожу, чтобы он был счастлив. Полна острой ненависти к фашистам и тоски. Видела Лиду. Хорошая девочка. Опять пошел в ход luminal.

23/VII–43 г. Пятница.

Дежурила сутки в больнице. Идет непрерывная артиллерийская стрельба, но не очень близко. Работы так много, что до глубокой ночи некогда было даже поесть. Но это даже хорошо. Написать ночью письмо не пришлось, да оно еще как-то и не сложилось.

24/VII–43 г. Суббота.

По случаю дня военно-морского флота⁸⁸ ад начался с 5 ч. утра по всему городу. С детьми сидели в бомбоубежище до 7 ч. веч<ера>. Там и завтрак, и обед, и ужин. Ребята устали до ужаса. Рассказывала сказки до хрипоты по 2–3 раза одну и ту же. Вечером заехала в церковь. Обрато попалa под обстрел у дома № 17. Нет письма.

25/VII–43 г. Воскресенье.

В 4 ч. утра начался жуткий обстрел нашего района. Бил с перерывом в полчаса. Даже дом дрожал. Радио истошно кричало «обстрел продолжается, населению укрыться». Куда? Я лежала и ни с места. Так долго не выдержать! В 11 ч. пошли с Марусей и маленькой Валей в церковь. Все мысли с Колей. Он не погиб – нет, был же он до сих пор умный, добрый, честный и хороший. Ах, эти пуговицы. Начиная с 16 ч. опять бьет со всех сторон, и тяжелыми и проклятой шрапнелью. Ни дома, ни в детском саду нет письма. Господи! Когда же будет письмо и когда кончится обстрел? В 23 ч. тревога, но тихая.

26/VII–43 г. Понедельник.

С начала 5-го часа утра бил, как хотел. Днем два раза принимался бить. Днем куда<-то> к линии фронта летело очень много наших самолетов, а сейчас тихо. Писем нет. Послала Коле большое письмо. В детском саду гуляет грипп. Я чихаю без конца. Хорошо бы было поспать. Нонна была в городе. Разбит Литейный мост. Пока трамвай по нему не идут. Ночь прошла спокойно.

27/VII–43 г. Вторник.

Где-то обстрел. Иду в больницу.

Дежурила сутки. Обстрел шел все сутки. Ночью был доставлен машинист с оторванной ногой, во время обстрела на Сортировочной.⁸⁹ Писем нет. Была тревога, но не длинная. На фронте неплохо. Успех наших войск под Мгой.⁹⁰

28/VII–43 г. Среда.

Из-за обстрела дважды были в бомбоубеж<ище>, но недолго. Читаю «Джеффри» Локка.⁹¹ Хорошо. Сегодня опять не знаю, можно ли желать Колиного приезда. Говорила с Анной Александровной, нашим хирургом, она сказала, как следует начать хлопотать <у> т<ов>. Поп-

кова.⁹² Машинист с оторванной ногой не выходит из головы. Вчера снаряд упал на ул. Мира за нашим домом. Надо подождать!

29/VII—43 г. Четверг.

Такой страшной ночи еще не было за всю войну. Небо пылало от светящихся пуль, ракет и каких-то зонтов. Город засыпан зажигательными бомбами. Где-то за Лаврой вспыхнул пожар, но за 15–20 мин. был ликвидирован. Зажигалки тушило население. Днем был обстрел долго и всюду. Писем нет. Прихожу в отчаяние. Нервы сдают.

30/VII—43 г. Пятница.

Ночь была сравнительно спокойная, хотя были и обстрел и тревога. Где-то бьет и сейчас. Сегодня мне исполнился 51 год. Будут ли письма? Целый день обстрел. Писем нет. Удалось попасть на 1 мин. во Влад<имирский> собор. Легла рано спать. Спала плохо, вернее, никак. Ночь прошла сносно. Нет денег, писать ли Попкову? Как достать деньги?

31/VII—43 г. Суббота.

Еду на сутки в больницу. Одно желание, чтобы Коля уже был здесь. Думала об этом и ночью и сейчас. Если бы только достать разрешение на въезд. Только?! Прожили бы как-нибудь. Опять обстрел. Свист и грохот. Сутки прошли под свист и грохот. Была тревога ночью. Часа четыре носила торф. Ночью брала горячий душ. Едва успела выскочить, как началась тревога. Утром был большой воздушный бой. Больных немного, но тяжелые. Иду в детский сад. Есть ли письма?

Вот прошел июль, а что он принес хорошего? Надежда Петровна не советует сейчас доставать Колю сюда. Не знаю, что и делать? Уж очень много за последнее время жертв от обстрела. Если бы письмо? Чтобы знать, что же делать? Денег совсем нет. Не знаю, из чего их сделать. Вещи не продаются, не ходкие. Надо хлеб.

1/VIII—43 г. Воскресенье.

Писем нет и нет. После обеда пришлось за Елену Николаевну побывать в детском саду. Она ходила за дополнительными карточками детям на хлеб по 100 гр. Мне пришлось сидеть на раздаче обедов. Потом поехала во Влад<имирский> собор, т<ак> к<ак> завтра «Ильин день».⁹³ Пришла домой, почитала и спать. Устала до ужаса. Конечно, идет обстрел района. Это уже постоянное вечернее развлечение. Все равно буду спать.

2/VIII—43 г. Понедельник.

Ночью была тревога, слышала отбой. Спала хорошо. Будут ли письма? Хочу и боюсь. Чего? День прошел благополучно. Обстрел был все время, отдельными, редкими выстрелами. Много болеет, от-

сутствует детей. Ходила по домам. Как достать денег? Писем нет и дома. Спать.

3/VIII—43 г. Вторник.

Ночь была очень бурная: и тревога, и обстрел, но я просыпалась, засыпала, не могла победить сон. На улице мокро. Видимо, прошел большой дождь. Иду на работу. День закончился благополучно. Вечером заехала в церковь, но служба уже кончилась. Завтра я именинница⁹⁴ и день смерти папы.

4/VIII—43 г. Среда.

Дежурила сутки. Работы очень много, но день прошел благополучно, хотя обстрел шел все 24 часа. Налета не было. Дождь. Вести с фронта хорошие. Там много тяжелее, чем нам. Скорее бы конец войне.

5/VIII—43 г. Четверг.

Писем нет. Стараюсь переделать хлеб в деньги. Может быть, и удастся. Ничего, потерплю. Днем была сильная гроза. На фронте хорошо. Сегодня была туберкулезник.⁹⁵ Вечером в 18 ч. на Невском попала в ужасный обстрел. Снаряды упали разом у Аничкова моста, у Публичной библиотеки, в Гостином дворе. Едва успели забежать в парадную. Очень почему-то испугалась. Домой попала пешком. Нет писем.

6/VIII—43 г. Пятница.

Ночью была очень сильная гроза, и, конечно, где-то били. Взяты Орел и Белгород.⁹⁶ Господи, хоть бы скорее кончилась эта бойня. На улице мокро, пасмурно, но не холодно. Будет ли письмо? Задержалась в детском саду и не попала в страшный обстрел, который был по всему городу. Опять какое-то несчастье у Елены Николаевны и у Елены Сергеевны. У нас по близости много бед. Господи, никаких нервов не хватает. Обстрел был одновременно с воздушн<ой> тревогой. Домой попала поздно, на трамвае, но не до Скороходовой.

7/VIII—43 г. Суббота.

Ночь прошла спокойно. Очень долго передавали Орловские события,⁹⁷ и была музыка. От волнения спала плохо. Сейчас, под утро, опять где-то бьют. День прошел спокойно. Писем нет. В 20 ч. назначено педагог<ическое> совещание в детском саду. Я удрала. Мне не обязательно. В церковь не попала. Поздно. Сейчас передают сцены из «Евг<ения> Онегина» из Филармонии.⁹⁸ 6-ая и 7-ая картины, просто наслаждение. Маруся в бане. Спать. Завтра сутки в больнице.

8/VIII—43 г. Воскресенье.

Дежурила сутки. Дежурство прошло спокойно в нашем Володарском районе. А в городе в 15 часов с минутами снаряд попал в толпу,

ждавшую трамвай на углу Невского пр. и Садовой ул. Груда трупов. Маруся случайно попала сразу после разрыва. Трамвай, на котором она ехала поперек, не остановился, но из окна она видела весь ужас. На обратном пути видела, как мыли мостовую и посыпали песком. Боже мой, какой ужас!⁹⁹ Я вела себя отвратительно в больнице. Ссорилась с сотрудниками, злилась, мирилась. Вообще, отвратительно. Все мы очень измучились. Не хватает терпения. Цепляемся за то, мимо чего прежде бы прошли бы и не заметили.

9/VIII—43 г. Понедельник.

Писем нет. Сегодня ушла из детского сада на час позже. Очень страшно. Боюсь улицы. Надо заняться собой. Нельзя так распускаться. Почему же до сих пор я не боялась? Домой доехала благополучно. Маруся плачет. Брат ее Саша ушел вчера на Мгу, на передовую. Писем нет. Деньги могу выколотить. Получила одну зарплату, раздала мелкие долги и заплатила за питание. 20 ч. 30. Жуткий обстрел. Что-то будет?

10/VIII—43 г. Вторник.

В московск<ой> «Правде» за 7/VIII—43 г. очень резкая статья о 2-м фронте.¹⁰⁰ К чему-то нас готовят. Писем нет. Обстрел продолжается. На фронте хорошо. Послала Коленьке 450 руб. Удалось продать хлеб Яде. Очень рада. Я имею возможность и без хлеба что-то есть. А как же в блокаду? Хоть бы Коля начал учиться, хотя бы вечером, если нельзя оставить завод. Верю, что все «образуется».

11/VIII—43 г. Среда.

Сегодня день прошел без бомбардировки. Писем нет. Ольга Александровна¹⁰¹ принесла два очень хороших стихотворения Константина Симонова.¹⁰² Домой попала рано (20 ч.). Сегодня долго разговаривала с Верой Львовной. Все будет хорошо. Почему только нет писем? Говорили о вере вообще. Завтра – в больнице. Маруся проводила мужа в распред<елитель>.

12/VIII—43 г. Четверг.

Дежурила сутки. Все было спокойно. Больные тяжелые. Болен Сергей Иванович (зав<едающий>). Колит. Лежит у нас. Вернее, временно живет в палате. Дела на фронте хорошие!!¹⁰³ У Зины Жуковой убили последнего брата, которого я недавно видела. Убили на Мге, где идут такие страшные бои. Ночью брала горячий душ. Где-то под утро здорово били, но не было сил волноваться. Получила зарплату. Если бы получить письмо.

13/VIII—43 г. Пятница.

Писем нет и не было. Я сердилась, что дети стали плохо есть. Скверно это. Вера Львовна сказала, что ночью думала о мне и Коле,

что я очень опять похудела и изменилась и что нельзя так себя мучить. Обстрела днем не было. В трамвае Сергей Михайлович много говорил на военные темы и что у нас неблагополучно с союзниками. Верится, что скоро должен быть конец. Заходила к сестре – Зое, в госпиталь. У них полно раненых. Зоя дала два молодых огурчика со своего огорода. Отдала их Марусиным ребятам.

14/VIII–43 г. Суббота.

Вечером попала в церковь. Потом опять к Зое. Все раненые у них из-подо Мги. Зоя настроена бодро, тоже верит, что скоро у нас в Ленинграде будет праздник. Вечером был очень сильный обстрел, но в центре города. Мы с Марусей рано легли спать. Сговорились завтра пойти к литургии. Хорошая она. Откуда у нее вера? Она из детского дома.

15/VIII–43 г. Воскресенье.

Утром были в церкви с Марусей. Очень хорошо. Какое счастье, такое утешение. Дома убрала комнату и поехала в детский сад обедать. Занялась с Еленой Николаевной музыкой. Начала с ней занятия на рояле, а потом вместе поехали в театр на «Слугу двух господ».¹⁰⁴ Весело, хорошо, но на то <i>Гольдони. Кончилось рано. На трамвай шли все вместе: я, Вера Львовна и Виктор Григорьевич. Холодно, темно, уже осень. Писем нигде нет. Сейчас спать. Завтра сутки в больнице. Когда же конец войне?

16/VIII–43 г. Понедельник.

Сутки прошли спокойно. Очень было голодно. Больные тяжелые. Было производственное совещание. Осадок после него нехороший. Все противно. Умные, хорошие люди говорили благоглупости. Я секретарствовала, сдержалась и глупостей не говорила, т<ак> к<ак> вообще не произнесла ни слова. В 12 ч. дня начался обстрел и тянулся до 24 часов. Очень много жертв.

17/VIII–43. Вторник.

Писем нет и нет. Подожду дня два и дам телеграмму. Можно сойти с ума. Занималась с Еленой Николаевной. Очень она способная. Елена Николаевна дала мне немного хлеба и сделала это очень мило. В счет уроков дала 200 руб. Я 150 р. отдала Марусе – долг. Господи, если бы Коленька был здесь. А снаряды?

18/VIII–43. Среда.

Нет писем. Вера Львовна очень мила. Елена Николаевна дала «попробовать» булку домашнего печенья. Булка – мечта. Какая она во всех отношениях способная женщина. А уж красива очень. В детском саду был праздник. Вечером попала в церковь. На душе стало легче.

19/VIII–43. Четверг.

Писем нет. Тоскливо. Обстрел продолжается.

20/VIII–43. Пятница.

Дежурила сутки. Дежурство прошло спокойно. Бил где-то в районе, но раненые к нам не поступали. Больные тяжелые. Ночью написала письмо Коле.

21/VIII–43 г. Суббота.

В детском саду все спокойно. Писем нет. Послала заказное и телеграмму насчет посылки. Завтра пойду с Еленой Николаевной в театр. Вечером была у всенощной. На душе чуть спокойнее.

22/VIII–43 г. Воскресенье.

С Марусей и Валею причащались. Из церкви поехала прямо в детский сад. Дала урок Елене Николаевне. Какие у нее исключительные способности. На ее занятиях настоял друг ее Виталий Павлович Полицеймако.¹⁰⁵ Тоже очень талантливый человек. Писем нет. В 4 часа поехали на «Дорогу в Нью-Йорк». В театре было хорошо. Если бы был Коленька!

23/VIII–43 г. Понедельник.

Сегодня было много работы. Анна Вульфовна в отчаянии. Видела своего сына в списке в 123 чел., пропавших без вести. Какой ужас! Домой уехала рано, т<ак> к<ак> надо заверить стандартную справку. Встретила Хвастунову. Вова едет домой.¹⁰⁶ Получила она разрешение на въезд сюда. Сейчас же напишу Попкову. В 20 ч. 30 передали о взятии Харькова.¹⁰⁷ Гремит музыка. Почему ушел или «ушли» Литвинова.¹⁰⁸ Пишу т<ов.> Попкову.

Сейчас полетели куда-то 30-ть наших штурмовиков. Мы все считали. Далеко где-то идет не стрельба, а прямо грохот. Господи, если бы здесь наступление! Взят Харьков. Если бы скорее.

24/VIII–43 г. Вторник.

Ухожу на сутки. Дежурство прошло спокойно. Днем такая была слабость, что я заснула на диване в коридоре. Ночью свистели снаряды через больницу.

25/VIII–43 г. Среда.

Зинаида Александровна подарила мне большое хорошее яблоко. Снесу Гуленьке. Заинька, племянница, заболела пеллагрой. 26-го – как хотела, не пойдет в театр. Звонила Татьяна Александровна Юрлова. Она пойдет со мной в театр, а из театра я к ней. Кто-то 27-го едет в Новосибирск. Какой-то артист Большого драм<атического> театра Р<у>тштейн.¹⁰⁹ Можно послать письмо, табачок и шоколад. Писем нет. Сейчас очень поздно, но напишу Коле и т<ов.> Попко-

ву. Господи, хоть бы что-нибудь вышло. Гулька с аппетитом съел яблоко.

26/VIII—43 г. Четверг.

29-го и 30-го придется работать в 156-й школе Смольнинского района. Осмотр школьников перед началом учебного года. Вечером с Шуриком Юрловым была, в который раз, на «Дороге в Нью-Йорк». Из театра пошли к Юрловым с посылкой для Р<у>тштейна. Познакомилась. Зовут его Кузьма Львович. Человек очень симпатичный. Взял письмо и посылку и обещал занести лично Коле. Сегодня послала письма т<ов.> Попкову и Коле. Домой пришла в 23 ч. 40. Ну и драла в темноте. Шла домой по Дворцовой набер. Через Кировский мост не пускали, обстрел. Попросила каких-то морячков захватить и меня с собой. Их пустили. «Девушка с нами», – сказали они. Я весело стучала каблуками, смеялась и легко перешла с ними мост. Сходя с моста, призналась, что мне 51 год. Один чиркнул спичку, что вел меня под руку, и сказал: «Да и правда, – мамаша». Так им это понравилось, что они меня до самого дома проводили и долго желали «покойной ночи». А я-то боялась, что придется ночевать в милиции.

27/VIII—43 г. Пятница.

День прошел спокойно. Вечером была в церкви. Поплакала вдоволь. Служил митрополит.¹¹⁰ Как он постарел и похудел. Народу было немного сравнительно. Дома все тихо. Писем нет.

28/VIII—43 г. Суббота.

Очень много было работы; хотя больных очень мало, но зато тяжелые. Ночью, конечно, душ. Весь день провела на сырых огурцах и на вареной свекле. Угощала тетя Даша. Я ее накормила булкой со сметаной. Для плоти не обременительно. Ночью очень болел живот. Не беда. Дала Надежде Петровне аскорбин<овой> и никотиновой кислоты.

29/VIII—43 г. Воскресенье.

Писем нет. С дежурства поехала в 156-ую школу. Осмотрела 60 девочек, а устала невероятно. Была без чаю. Из школы пошла в детский сад и съела вчерашний рацион. С 14 ч. до 15 поспала. В 15 ч. занялась музыкой с Еленой Николаевной, потом пообедала и поехала в церковь на погребение Б<ожией> М<атери> (Успенье).¹¹¹ Из церкви поехала на Крестовский. Очень легко и хорошо ввела Заиньке в<нутри>в<енно> никотиновую кислоту (пеллагра). Дала ей 2 яйца.

30/VIII—43 г. Понедельник.

Нет писем. Нет сил ждать, а что делать? С 10 до 13 ч. осматривала детей в школе. Много больных детей в детском саду. Вечером

опять к Зайке на Крестовский. Опять в<нутри>в<енное> вливание. Ей сразу стало лучше. Наблюдали с ней, как уходили тральщики в море, в залив ловить мины. Не все смогут вернуться. Победа на юге.¹¹² Скорее бы.

31/VIII—43 г. Вторник.

Большая победа на Смоленском направлении.¹¹³ Господи, помоги! Была у Зайки. Сделала ей инъекцию никотиновой кисл<оты>. Зайка воскресла. Отвалились страшные корки, почти нет болей, и все очистилось от гноя. Писем нет. Как узнать, в чем же дело? Смотрела, как уходят тральщики. Дай Бог всем вернуться обратно.

На Центральном фронте у Севска началось «стремительное наступление».¹¹⁴

Прошел месяц без единой весточки от Коли. Послала ему деньги 10/VIII и посылку 26/VIII с Рутштейном. Победы у нас! Господь, помоги скорее разгромить!

1/IX—43 г. Среда.

Дежурила сутки. Жуткий обстрел был весь вечер и полночи. Один снаряд попал в дом против яслей. Никто не пострадал. Дежурим с тетей Дашей. Очень тоскливо без писем.

2/IX—43 г. Четверг.

Зайнке лучше. Познакомилась с дружкой Зайкиной подружки Валечки. Светил мне, когда я колола Зайку. Милый, почти мальчик, Юра. Ночью должен идти в опасный рейс. Дай Бог, чтоб уцелел. Зайка почти поправилась. Обратно зашла к Зое большой. Была поражена, как Гулька стал похож на Колоу.

3/IX—43 г. Пятница.

С 11 ч. до 18 ч. был непрерывный, страшный обстрел Смольн<инского> р<айо>на. Разбито все вокруг. Снаряды упали напротив 3-ей поликлиники на 2-ой Советской. В бомбоубежище рассказывала ребятишкам сказки. Слушали, не дышали. Кажется, и взрослым понравилось. Бедные ребятишки. Писем не было. Занималась с Еленой Николаевной. После отбоя пошли с Еленой Николаевной на «Давным-давно».¹¹⁵

4/IX—43 г. Суббота.

Писем нет. Написала сама. Обстрела не было. Ребятишек сняли с усиленного питания. Занималась с наслаждением с Еленой Николаевной. После работы поехала к Зайнке. Юра ушел в разведыв<ательный> рейс. На судне против Зайкиных окон произошел несчастный случай с гранатой. Есть обожженные. Плохо себя чувствует Маруся.

5/IX–43 г. Воскресенье.

Дежурю сутки. Все спокойно. Не очень бьют и наши, и нас. Больные тяжелые.

6/IX– 43 г. Понедельник.

Писем нет.

Вчера объявлено о согласии Сталина на Собор в Москве для избрания Патриарха и Синода.¹¹⁶ Заболела Елена Николаевна. Вечером я уехала прямо домой. Зайка поправилась. Легла спать. Ночью ничего не слышала.

7/IX–43 г. Вторник.

Говорят, ночью бешено били зенитки. Вот здорово, а я ничего не слышала. На юге успехи необычайные.¹¹⁷ Скорее бы. Нет сил больше ждать письма от Коли. Как можно так долго не писать? Плачу даже на улице. Надо подтянуться. Была у Заиньки. Врачи сказали, что надо успех подкрепить инъекциями аскорбиновой кислоты.

8/IX–43 г. Среда.

Нет и нет писем. День вела себя скверно. Совсем не могла разговаривать. Занималась с Еленой Николаевной. Получила от нее в подарок 200 гр. табаку «Экстра». Заехала в церковь. Была у Заиньки. Ввела ей ас. ascorbinici. Приехала домой, поела и спать. У нас большая победа, весь Донбасс наш!¹¹⁸

9/IX–43 г. Четверг.

Господи, какое счастье. Италия вышла из войны – капитулировала.¹¹⁹ На юге потрясающие победы. Кролевец, Бахмач.¹²⁰ Дежурство прошло спокойно. Больные тяжелые. Читала им газеты. Приободрились.

10/IX–43 г. Пятница.

В Москве утвержден Свят<ейший> Синод.¹²¹ Взят Мариуполь.¹²² Наши наступают по побережью Азовского моря. Писем нет. Целый день убирала изолятор. Вымыла окно, печку, двери. Была у Заиньки и у мамы Зои. Все, слава Богу, хорошо. А писем нет.

11/IX–43 г. Суббота.

Писем нет ни от кого. День прошел, как во сне. Не знаю даже, что я делала и делала ли что-нибудь. На фронте хорошо. В Италии макаронникам худо. Вечером была в церкви. Это определенно хорошо. Приехала домой поздно. Послала Коле 300 рубл.

12/IX–43 г. Воскресенье.

Утром пошла в церковь. Хорошо коротенько сказал «сердитый батюшка» об Александре Невском и о Патриархе.¹²³ Дома убрала комнату и к 15 ч. поехала в детский сад. Там нашла ответ от Попкова.

Разрешение Коле не дали. Видимо, я жила последние дни только надеждой его получить, т<ак> к<ак> разревелась так, что и вспомнить стыдно. Утром встретила д<окто>ра Мальцеву Тамару Яковлевну.¹²⁴ Вид ее ужасен. Я едва ее узнала. 8/VIII—43 г. во время обстрела ее дочь Валечка, 16 лет, была смертельно ранена, во время обстрела (так. — Н. П.) на Марсовом поле. Очень страдала и несколько дней тому назад умерла. Значит, нельзя еще приезжать домой. Вечером в церкви.

13/IX—43 г. Понедельник.

Дежурила сутки. Сутки прошли спокойно. Ночью свистели снаряды через голову. Взяла горячий душ. Больные очень тяжелые. Взяты Брянск I и Брянск II.¹²⁵ Видимо, город будет взят на днях. Ох, скорее бы!

14/IX—43 г. Вторник.

Писем нет. Утром получила от сестры-хозяйки кочан капусты, а от тети Даши огромную брюкву. Брюкву подарила газетчице (киоск рядом с детским садом). Очень она была довольна. Писем нет. С 16 часов начался обстрел и кончился в 19 ч. С Невского уг<ол> Литейного шла пешком. Сильный пожар где-то около парка Блохина.¹²⁶ Воронки против «Стережущего»¹²⁷ на Кировском пр. От пр. Максима Горького пришло<сь> идти в обход. Не пускают, т<ак> к<ак> сильно все разбито. Домой попала по Кронверкской ул. и по ул. Скороходова. Дома Маруся в страхе. Очень переволновалась за Валечку. Я шла домой с д<октор>м Холманских и м<ед>с<естрой> Любиной.¹²⁸ Радовалась, что Коли нет здесь. Безумие — желать его сюда. 21 ч. Опять обстрел. Так хочется спать. Горит ф<абри>ка им. 1-го Мая.¹²⁹

15/IX—43 г. Среда.

День прошел спокойно. 19 ч. 40 сообщение, что взят Нежин.¹³⁰ 20 ч. Салют из Москвы. Хотя бы скорее Киев. Где-то Кирюша? Хоть бы был жив. Днем занималась с Еленой Николаевной. Ольга Александровна Норейко сказала, что урок музыки сейчас стоит 400 гр. хлеба, т. е. 50—60 рубл. Тогда я не возражаю против ее подарка «Экстры», а то я все время чувствую себя неловко. Елена Николаевна зовет завтра на «Кремлевские куранты».¹³¹ Пойду, если фрицы разрешат. Посолила кочан капусты.

16/IX—43 г. Четверг.

День прошел тихо. Все время идет дождь. Поздно попала в церковь. Вечером отослала письма: Коле, Сереже и Нине. Вечером радио сообщило о взятии Новороссийска.¹³² Как хорошо.

17/IX—43 г. Пятница.

Дежурила сутки. Работы очень много. Больные тяжелые. Много смертников. Заболел Сергей Иванович гриппом, но держится молодцом. Взяты Брянск и Бежецк.¹³³ Много думаю о Коленке и как ему помочь. С<естра>-хоз<яйка> Зинаида Александровна обещала снова устроить жел<езно>дор<ожную> посылку.

18/IX—43 г. Суббота.

Нет писем. После суток я совсем труп. Работаю с большим трудом. Елена Николаевна должна идти в понед<ельник> в военкомат. Думаю, что ее никуда не возьмут: малокровие и плохое сердце. Победы наши растут. Видимо, проклятым приходит конец. Как я их ненавижу.

19/IX—43 г. Воскресенье.

Была у обедни. Поминают патриарха всея Руси Сергия.¹³⁴ Дома поела, убралась и поеду в детский сад. Невероятные успехи по всему нашему Западному фронту.¹³⁵ Даже сердцебиение сделалось. Вечером разбирала мамины бумаги и письма. Не могу лечь спать.

20/IX—43 г. Понедельник.

Нет писем. Днем была в детском саду ревизия мед<ицинской> работы. Как всегда у меня не блестяще с учетом (не признаю франкопотолок)¹³⁶, но зато безукоризненно по прививкам и состоянию детей. Анна Вульфевна будет охать. Из детского сада уехала в 18 ч. 15. Заехала в церковь. Завтра Рождество Богородицы.¹³⁷ Из-за своей глупости пришлось спешить домой. Надо справку заверить.

21/IX—43 г. Вторник.

Сутки. Прошли спокойно. Несколько снарядов просвистели над больницей, куда и где — неизвестно. В 4 ч. утра умерла тяжелая больная. Ночь была исключительно звездная и морозная. Дежурила с тей Дашей. Ночью больная, родом из Житомира, вспоминала родину в связи со взятием Чернигова.¹³⁸ Когда-то конец?

22/IX—43 г. Среда.

Письмо необходимо, как хлеб насущный. В чем дело? Пошлю еще 200 руб. завтра. Получила зарплату в больнице, но 80 руб. надо отдать за рацион. Вечером начался обстрел где-то, громко, сильно, но глухо. Заходила к Зое. Заинька из воен<ной> части пришла домой с ночевкой. Гуля ничего. У меня сильно повысилась т°. Видимо, грипп. Спать!

23/IX—43 г. Четверг.

Писем нет. Послала 250 руб. Коле и телеграмму с оплаченным ответом. Днем занималась с Еленой Николаевной. Ночью т° была 40°.

Утром с трудом встала, но потом разошлась (aspirini + pyramidon).¹³⁹ Домой поехала поздно. Зоя ничего не сделала с парикмахером. Вера Львовна предложила начать уроки рояля с Танечкой Дормодихиной. Я согласилась. Взята Полтава.¹⁴⁰ Столица шумно торжествует. Здорово!

24/IX—43 г. Пятница.

После Полтавы еще один приказ на Смоленском направлении. До часу ночи гремела музыка. Я совсем раскисла. Сейчас 19 ч. Я легла и стараюсь разгриппиться. Психофизическое состояние паршивое. Думаю заснуть с luminal`ом. Завтра сутки, а сна нет. Что же с моим-то мальчиком?

25/IX—43 г. Суббота.

Дежурила сутки. Утром была в райвоенкомате. В 23 ч. 24-го принесли повестку. Задали один вопрос: как я знаю немецкий язык? Сказала, что по-гимназически. Свободна. Жалею, что не знаю основательно. В больницу попала в 12 ч. 30. Целый день и ночь бил кругом. Умерла старенькая больная Яковлева. Ночь дежурила легко. Очень замучил меня кашель. Ничем не могу успокоить. Очень разбит район Лиговки и Боровая ул.

26/IX—43 г. Воскресенье.

В детском саду поспала. Потом занималась с Еленой Николаевной. Вчера взяты Смоленск и Рославль.¹⁴¹ Сергей Михайлович не советует пока вызывать Колю. Если бы я знала, что с ним? 1-го сент. приехал Вова Хвастунов. Вечером была за всенощной. Завтра Воздвижение.¹⁴² Народу много. Служба прошла хорошо, но как страшно было возвращаться. Глухо бьет и сейчас.

27/IX—43 г. Понедельник.

Мне пришла мысль, что письмо Нины «месть оскорбленной девицы». Что все не так просто в новосибирской жизни. Звонила Наталья Александровна. Пока нет никаких вестей от Рутштейна. В детском саду дела много. Вера Львовна оскорбила Елену Николаевну. Наорала на нее. Я начала заниматься с Таней Дормодихиной. В детском саду случай дизентерии? Мазки и прочее. А сейчас спать.

28/IX—43 г. Вторник.

Нет ни строчки. Нет даже телеграммы. С 11 ч. начался обстрел. Сидели в бомбоубежище. Бил очень. Особенно Лиговку и Обводный.¹⁴³ Домой ехала на 12-м. По Садовой ни один трамвай не идет. Стало холодно. Как тоскливо и страшно за Колю. Хорошо на фронте. Спать скорее.

29/IX—43 г. Среда.

Дежурила сутки. Все прошло спокойно, только с 1/Х новый график работы. Для меня убийственный — 12-тичасовой. День с 9 до

9 веч<ера>, а на следующий день – ночь с 9 веч<ера> до 9 утра и двое суток свободна. Следовательно, после денного (дежурства. – Н. П.) я должна ночевать в больнице, из больницы в детский сад, из детского сада на ночное дежурство. Домой попадать через 2 ½ суток. Это ужасно, но я и виду не показала, что я в отчаянии. Долго это не продержится.

30/IX–43 г. Четверг.

Писем нет. Не хочется ничего делать и ни о чем думать. Дела много. Что делать? Прошел еще месяц, а я даже на телеграмму не имею ответа.

1/X–43 г. Пятница.

Послала письмо Коле. Заехала в церковь. Как могла, просила помощи. Дома вдоволь наплакалась. Спала крепко и даже не кашляла.

2/X–43 г. Суббота.

Дежурила день. В 12 ч. вызвала меня ст<аршая> м<ед>с<естра>, сказав, что меня кто-то спрашивает. Оказывается, врач Синицына Любовь Ароновна.¹⁴⁴ Приехала специально, чтобы найти меня. Она «вся офицер». Дала свой телефон, адрес. Рая на 2-м курсе мед<ицинского> института.

3/X–43 г. Воскресенье.

После денного взяла душ и переночевала в больнице, а утром поехала в церковь. Очень была рада, что попала. Потом пошла домой. Пospала часок и к 3 ч. дня в детский сад, а оттуда на ночное дежурство в больницу. Письма нет. Думаю, что Любовь Ароновна поможет достать Колю. Она ходовая. Днем занималась с Еленой Николаевной.

4/X–43 г. Понедельник.

Писем нет. Пусть было бы мне худо, лишь бы Коленке хорошо. Я совсем без денег. Вечером Оля вернула мне долг – 50 р. Хорошо! На фронтах затишье. Нельзя же без конца наступать, а так хочется, чтобы скорее.

5/X–43 г. Вторник.

День прошел спокойно. Писем нет. Писать нечего.

6/X–43 г. Среда.

День в больнице. К 10-му сдать паспорт, а взамен дадут какое-то жел<езно>дор<ожное> удостоверение. Что делать? Мне не вытянуть такую работу.

7/X–43 г. <Четверг.>

Вечером приказ: взят Невель, очищен Таманский полуостров,¹⁴⁵ наступление по всему фронту. Ночь. Успех на Волховском фронте.

Взяты Кириши.¹⁴⁶ По карте это у Мги. А мне хочется спать, особенно раздеться.

8/Х-43 г. <Пятница.>

В детском саду все благополучно. Все рады успехам. Я точно и не дежурила. Вечером зашла к Зое. Письма нет.

9/Х-43 г. <Суббота.>

Ну и мальчик! Только бы не было у него ничего страшного! Как достать денег на посылку? Ему надо послать белье. Нет даже времени поехать к Любове Ароновне. Она, наверно, поможет.

10/Х-43 г. Воскресенье.

Сегодня работаю день, а ночь придется ночевать в больнице, куда пойдешь после 21-го часа. День прошел очень спокойно, но физическое, вернее, психофизическое состояние ужасно. Очень болит бок, и кашель прямо задушил. Ночью взяла душ и спала неплохо. Снаряды летели через головы.

11/Х-43 г. Понедельник.

В детский сад приехала в 7 ч. 15. Елена Николаевна нашла на улице сумочку какого-то «лица» из Смольного. Буду умолять ее помочь добыть Колю. С 16 ч. начался обстрел района. Возила Людочку в больницу. Переждала обстрел у нашей нянечки Анны Михайловны. Только пришла в детский сад, – опять обстрел. Кончился в 19.15. Скорее поехала на ночное дежурство, но трамваи идут только до Красной площ<ади>.¹⁴⁷ Промучилась час и вернулась домой. Позвонила в больницу, что никак не пускают.

12/Х-43 г. Вторник.

Сегодня придется дежурить ночь. Опять обстрел с 16 ч. Попала в больницу после 20 ч. Дежурство прошло спокойно. Больных мало, и крупозники вышли из тяжелого состояния.

Дежурила с тетей Дашей.

13/Х-43 г. Среда.

День трудный. Две комиссии. Переписывала отчет для Веры Львовны. Звонила Любовь Ароновна. Условились на воскресенье. Днем опять обстрел. Так хотелось попасть в церковь. Завтра Покров.¹⁴⁸ Дала письмо Елене Николаевне для Грушко.¹⁴⁹ А может быть, не надо? Где-то бьет.

14/Х-43 г. Четверг.

День прошел беспокойно. С 16 ч. до 19 ч. обстрел.

15/Х-43 г. Пятница.

Бьет жутко, долго и всюду. Когда же конец? На фронтах хорошо. Надо терпеть. Во что бы то ни стало хочется уцелеть.

16/X—43 г. Суббота.

Получила письмо от Нины. Очень злое по тону, но сносное по содержанию. Коля еще (30/IX) на полевых.

17/X—43 г. Воскресенье.

Все дни бьет невероятно. Утром была в церкви. Потом все обычно: обедала, дала урок Елене Николаевне. Опять проехала в церковь, а потом домой спать, даже комнату не убирала как следует. Договорилась о завивке.

18/X—43 г. Понедельник.

Дежурила день. Дежурство прошло спокойно, т<ак> к<ак> больных мало. Ночевала в больнице. Спала неплохо, но под утро видела какой-то страшный сон. Проснулась в ужасе и забыла, почему именно ужас.

19/X—43 г. Вторник.

Вечером получила хорошее письмо от брата Сережи. Он болел желтухой. Это неприятно. Возвращается с Академией в Москву.¹⁵⁰ Очень хочется Колю достать домой. Дежурю ночь.

20/X—43 г. Среда.

Ночью все здание тряслось от канонады. Видимо, били «Катюши».¹⁵¹ Господи, хоть бы скорее прикончить проклятых.

21/X—43 г. Четверг.

С утра тихо. Дела очень много. Исследовали ребятишек на глисты. Вечером уехала в 17 ч., чтобы достать ордер на дрова, заверить станд<артную> справку и причесаться. Все удалось. Когда причесывалась у Екатерины Платоновны, неожиданно к ней приехал с фронта на одну ночь ее сын из-под Синявина.¹⁵² У меня так забилося сердце от радости за нее. Сын очень симпатичный, бодрый и мужественный человек. Какую муку терпят они на фронте. Он о всем говорит весело. А мне нет письма. Сыновья бывают разные.

22/X—43 г. Пятница.

Дежурила день. Пятерым ввела в<нутри>в<енно> аскорбиновую. Даже Туреевой (очень отечная), которой Сергей Иванович не смог ввести, ввела с одного разу. Она даже поцеловала меня. День прошел спокойно. Ночевала в больнице. Все было бы чудесно, если бы знать, что у Коли все хорошо. Все думы о нем.

23/X—43 г. Суббота.

День в детском саду прошел спокойно. Писем нет. Получила шоколад за сахар. Оставила Коле. Когда приехала в больницу дежурить ночь, узнала, что он<и> опять переводят на суточное дежурство. Дежурила с тетей Дашей и Зиной Жуковой. Ночью заварили и пили кофе и все время разговаривали. Взят Мелитополь.¹⁵³

24/X–43 г. Воскресенье.

Утром поехала в Никольский собор. Дождь идет весь день. Обедала, как всегда, в детском саду и занималась с Еленой Николаевной, а потом поехали опять на «Кремлевские куранты». Очень хорошо прошел спектакль. Возвращалась в кромешной тьме. Маруся продала мою водку за 500 рубл.

25/X–43 г. Понедельник.

Работалось целый день легко. Утром звонила Клавдии Александровне, чтобы она внесла за меня деньги (теперь есть) на картофель, а она мне сказала, что Колю можно будет вызвать через ее мужа на завод. Действительно это радость. Нажимать не буду, но стараться буду.

26/X–43 г. Вторник.

25/X взяты Днепропетровск и Днепродзержинск.¹⁵⁴ Теперь бы Киев. Сутки дежурила спокойно, хотя с 12 ч. до 19 ч. шел обстрел района. Если бы я знала адрес Колиного завода, его бы вызвали немедленно. Поплакала, а во время обстрела порадовалась. Какой ужас! Ночью, чтобы согреться, взяла очень горячий душ.

27/X–43 г. Среда.

В детском саду все комиссии разные. Елена Николаевна потеряла голос. Очень простудилась. Устала до того, что даже Коле не могу писать. Мне необходимо попасть к Любове Ароновне. Подписала на денежно-вещев<ую> лотерею 225 руб. Напишу Коле, чтобы выслал по телеграфу номер завода и адрес. Умираю хочу спать.

28/X–43 г. Четверг.

Написала письма: Коле, Сереже, Любове Ароновне. Дослала Коле 100 рубл. Делаю нечеловеческие усилия, чтобы быть спокойной. Целый день идет дождь. Домой приехала и читала.

29/X–43 г. Пятница.

И сегодня – проливной дождь. С трудом доехала домой. Темно, мокро и очень сиротливо. А каково на фронте? В окопах? Сегодня 25 лет комсомолу.¹⁵⁵ Вечером дома: сухо, чисто, тепло, светло и очень хороший митинг (радио) общегородской. Прекрасное выступление Ольги Берггольц.¹⁵⁶

30/X–43 г. Суббота.

Сутки прошли без единого выстрела. Сегодня мне ввели по настоянию Сергея Ивановича в<утри>в<енно> аскорбин<овую> кислоту. Больных очень мало. С больными «не ссорилась». На душе тихо. Перед душем трепала языком с лекпомом Анной Адамовной.

31/X—43 г. Воскресенье.

Утром поехала прямо во Владим<ирский> собор. По дороге в детский сад выкупила соль, спички и мыло. Елена Николаевна не могла заняться, если бы я знала, я бы не ездила в детский сад, а проехала лучше к Любове Ароновне на Крестовский. Вечером опять во Владимирск<ий>. Верю, что Коля будет счастлив и я с ним увижусь.

1/XI—43 г. Понедельник.

Письма нет. На улице только в дороге. Ни о чем не могу думать. Занималась с Еленой Николаевной сегодня, а потому домой ехала очень поздно. Сегодня оповестили о результатах конференции. Преступников будут судить на местах совершенных преступлений.¹⁵⁷ Проклятые, проклятые немцы.

2/XI—43 г. Вторник.

Думаю, что, может быть, я чем-нибудь обидела Колю? Опубликовано декларация.¹⁵⁸ Вечером убрала комнату. Обдумываю письмо Коле.

3/XI—43 г. Среда.

Дежурство прошло спокойно. Написала Коле письмо. Очень ласковое. Больных мало. Ночью было спокойно.

4/XI—43 г. Четверг.

Работала сквозь сон. Учила с Адиком Линде сольный номер — пение. Вспомнила первые шаги Коли в капелле. Вспомнила, что говорил о нем А. В. Свешников.¹⁵⁹ Сердце физически сжимается и болит. Что делать? Целый день обстрел. Где-то сейчас хлопали зенитки. Луна. Только не налеты.

5/XI—43 г. Пятница.

Письма нет. День прошел относительно спокойно. Бил очень, но не в нашем районе. Получила кое-какие продукты, убирала комнату до 2-х часов ночи. Утром 6/XI встала рано-рано и пошла в церковь. Утром совсем темно.

6/XI—43 г. Суббота.

Писем нет. Работы много. В 17 ч. передали о взятии Киева.¹⁶⁰ Теперь, может быть, узнаю что-нибудь про Кирюшу. Вернуть бы домой обоих мальчиков. Вечером раздавали обеды на дом. Уехала из детского сада в 20 ч. Сейчас говорит Сталин.¹⁶¹

7/XI—43 г. Воскресенье.

Дежурила сутки в больнице. Весь день шла канонада. Дрожали не только окна, но и все здание. Били наши, а потому ничего, кроме удовольствия. Больных почти нет. Всего 13 чел. Ночью взяла душ и присела дремать. Тяжелых нет.

8/XI—43 г. Понедельник.

Письма нет. Скоро надо послать деньги, а их пока нет. Занималась с Еленой Николаевной. По дороге домой встретила Заиньку. Очень она грустит что-то. Вечером ездила к Любви Ароновне, но не застала ее дома.

9/XI—43 г. Вторник.

Писем нет и нет. Достала 100 р. на продукты, но пришла Оля и попросила в долг. Отдала ей 80 рубл., я сыта, а она, видимо, не особенно, да ей надо больше, она молодая. Продукты подождут. Целый день готовилась с детьми к празднику. Занималась с Адиком Линде. Любовь Ароновна очень заболела. Звонила Рая.

10/XI—43 г. Среда.

Праздник в детском саду прошел очень хорошо. Настроение поганое, но придется остаться на вечер работников детского сада. Осталась. Неприятное впечатление от Марии Ивановны. Она очень много выпила и безобразничала. Очень плохо переношу пьяных женщин. Но все же все окончилось благополучно. Ночевала в детском саду.

11/XI—43 г. Четверг.

Из детского сада поехала на суточное дежурство. Много, как всегда, в больнице новостей. Откомандировали трех сестер на поезд. Римму на московский поезд. Нам, суточным, дали питание. Больных уже опять много. Ночью томил страх за Колю. Очень больна Любовь Ароновна, а я не могу к ней попасть.

12/XI—43 г. Пятница.

Письма в детском саду нет, а я почему-то решила, что оно будет. Осматривала всех детей. Чистые. К Любви Ароновне опять не попаду, т<ак> к<ак> Вера Львовна ушла на какое-то собрание и мне пришлось задержаться. Поздно поехала домой. Значит, спать, если засну.

13/XI—43 г. Суббота.

Скорее бы окончилась война. День прошел томительно. Письма нет, а страх есть. Вечером ненадолго попала в церковь.

14/XI—43 г. Воскресенье.

Утром выспалась. Хотела получить дрова, но их нет на складе. Днем получила кое-что из праздничных продуктов. Занималась с Еленой Николаевной. Получила за уроки 200 р. С тем, что есть на дрова, пошлю Коле. Все равно топить печь нельзя, дымит. На холод можно наплевать.

15/XI—43 г. Понедельник.

Сегодня дежурю сутки. Больных много и тяжелые. Устала и физически чувствую себя плохо. В 10 ч. веч<ера> села и долго не могла

встать. Хорошо, что все сделала. С трудом ходила к тяжелой больной. Стрельбы нет.

16/XI-43 г. Вторник.

Нет письма. Вчера одна больная, желая мне сделать приятное, решила мне погадать. Я этого терпеть не могу, но мне неловко было ей отказать, а как начала мне сыпать какие-то потери, неприятности и даже «больную постель» для Коли. Вот уж утешила. Днем в детском саду девочка средн<ей> группы облилась горячим супом. Слава Богу, не очень горячим и все кончилось испугом, но я переволновалась ужасно.

17/XI-43 г. Среда.

Работала очень много. До 20 ч. Готовим детей в больницу для изгнания глистов. Всего зараженных 27 человек. Очень высокий %. Демой попала после 21 ч.

18/XI-43 г. Четверг.

Приехала домой в 21 ч. Устроила детей, пока 19 чел., в больницу им. Раухфуса.¹⁶² Измучилась формальностями. В 21 ч. 40 передали приказ о взятии Ре<чи>цы.¹⁶³ Ужинала и читала статью Е. В. Тарле «Перелом в войне».¹⁶⁴ Умница он, хорошо пишет. Спать.

19/XI-43 г. Пятница.

Дежурила сутки. Работы много. Очень тяжелые больные. Обстрела не было. Вечером поступила девочка из нашей жел<езно>дор<ожной> школы Фарфоровского поста.¹⁶⁵ Тяжелое ранение бедра осколком снаряда. Ночью брала душ. Утром очень болела шея. Очень устала.

20/XI-43 г. Суббота.

Письма не было. Едва доработала, как во сне. Получила талон на 16 кгр. картофеля, подарок от казанских жел<езно>дорожников. Наши оставили Житомир.¹⁶⁶ Как больно за погибших за него. Значит, так нужно.

21/XI-43 г. Воскресенье.

Письма нет. Вымылась и пошла в церковь. «7-ой день Господу Богу твоему».¹⁶⁷ Ничего не делала. Ничего не доставала, ни картофель, ни дрова. Вечером была в церкви, служил влад<ыка> Алексей. Плакала и просила. Как я, наверно, надоела Богу.

22/XI-43 г. Понедельник.

Маруся предлагает деньги в долг, чтобы послать Коле. Водка у меня еще есть. Возьму, пожалуй. Сегодня сутки в больнице. В 9 ч. утра, как по сигналу, началась канонада наших, продолжавшаяся больше суток. Грохот стоял ужасающий, но страха не было, а только

радостно. Били и немцы, но глупо и нестрашно. Сутки в больнице прошли спокойно.

24/XI—43 г. Среда.

Утром Вера Львовна сообщила о своих многих радостях: едут сюда ее сестры. Я смотрела младших ребят, как пришла Нина Алексеевна с телеграммой от Коли. Учится в 65-ой новосибирской школе. Рада безумно. Послал ему 500 рубл. и письмо. Вечером благодарила Бога.

25/XI—43 г. Четверг.

Вчера вечером, на радостях, очень тяжело прихворнула, но, авось, все обойдется благополучно. Теперь надо беречь силы, чтобы помочь и ему, и себя сохранить. Хожу немного обалдевшая.

26/XI—43 г. Пятница.

День был очень тяжелый. Очень хорошая сводка. Большие успехи на Белорусском фронте, а в 20 ч. 30 передали приказ о занятии Гомеля.¹⁶⁸ Это очень хорошее направление. До 20 ч. сдавала еще партию детей в больницу.

27/XI—43 г. Суббота.

Дежурила сутки. Умерла тяжелая больная Кутьина, нестарая, очень симпатичная женщина с чудовищной гипертонией (280/170). Кровоизлияние и смерть без сознания. Очень плакал и всех расстроил ее муж. Душа не брала. Делала первую перевязку больному с Волховстроя. Размозженный палец. Сделала хорошо и осторожно. Вообще, работа с редким удовольствием.

28/XI—43 г. Воскресенье.

Утром после дежурства получила 16 кг. очень хорошего картофеля. Оставила у с<естры>-хоз<яйки>, взяла немного в своей сумочке. 1/3 возьму себе, а 2/3 отдам Марусе. Была в детском саду, но с Еленой Николаевной не занималась. Она занята на торфе.¹⁶⁹ Вчерашний рацион снесла газетнице. Заехала в церковь. Пришла домой и ложусь спать. Письма нет.

29/XI—43 г. Понедельник.

Чувствую себя значительно лучше. Анна Александровна успокоила своим врачевн<ым> советом. Писем нет, но после телеграммы я уже не так волнуюсь. На фронтах хорошо, хоть и без громких успехов. Купила Коленьке красиво изданные матерьялы дрейфующей льдины. Сама прочла с удовольствием. Денег нет, но книга больно хороша. После работы 2 часа чистила картофель в детском саду (повинность). Сейчас слушаю американскую музыку: необычно, оригинально и, пожалуй, неплохо. Хорош фокстрот «Танец кукол».¹⁷⁰ Михаил Корик¹⁷¹ превзошел сам себя. Спать!

30/XI–43 г. Вторник.

Самочувствие лучше, только еще кружится голова. День прошел тихо. Сегодня в детском саду был фотограф. Снимал детей поодиночке, а потом и нас, взрослых. Я снялась для Коли. Дала увеличить Колину карточку.

Месячная сводка: еще прошел месяц. Дома еще не очень холодно. Хорошо бы стекла вместо фанеры. Но, как подумаешь, что их у меня 4 окна, – замотаешься. Да еще может и высадить. На фронте хорошо. Была телеграмма от Коленьки.

Сама стала еще постарше. Война идет к справедливому концу. Только бы и на их земле горели дома и деревни. Какое счастье, что и в Берлине узнали, что значит жить без воды, без света, без транспорта. Жгучая ненависть к проклятым не дает покоя. Я часто мечтаю (стыдно сказать) о самых страшных карах, которые должны бы посетить всех, кто бесчинствовал на нашей земле, кто бил и бомбил Ленинград. Вчера в Ленинграде в Большом драматическом театре пел И. С. Козловский.

1/XII–43 г. Среда.

Дежурила сутки. С 11 ч. до 3 ч. дня шел обстрел. Били и мы, и нас. Уж очень здорово, особенно – мы. Будет ли когда конец? Больных опять немного, но тяжелые. На улице тепло. В голове пусто. Телом не можетя. Болит горло.

2/XII–43 г. Четверг.

Писем нет. С трудом хожу. Все болит, а особенно горло. Видимо, грипп. В детском саду половина всего населения болеет гриппом. Вечером ходила с Верой Львовной в больницу за детьми. Домой попала в 21 ч. 30. Объявлены: водка и яблоки,¹⁷² а денег нет. Придется подождать.

3/XII–43 г. Пятница.

Ночью было очень тяжело. Утром с трудом встала. Завтра «Введение».¹⁷³ Вечером хотела попасть в церковь, но 12-й трамвай не ходил, был очень сильный обстрел. Снаряды попали: Невский, 20 и на 8-ой линии, в бывш<ую> церковь. Это то, что я знаю. Получила 4 чудесных яблока, но без Коли радости от них нет.

4/XII–43 г. Суббота.

Писем нет. Вчера, оказывается, был ужас в районе Разъезжей ул., опять около Елены Николаевны. У нее опять вылетели стекла и даже фанера превратилась в щепки. Где-то на ул. Желябова снаряды попали в школу 10-тилетку мальчиков. Погибли ребята. Виталий Павлович Полицеймако говорит, что на Загородном стоял стон и крик. Господи, когда же конец этому ужасу?

5/XII–43 г. Воскресенье.

Сегодня дежурю сутки. В больнице узнала, что 3-го проклятый бил по «Большевику».¹⁷⁴ Попал в цеха и столовую. Вчера трамваи ходили только до завода Ленина. Целый день обстрел. Утром поехала со мной на работу Маруся, чтобы взять картофель. На обратном пути попала в сильный обстрел, уг

 Садовой и Невского. Страшное место. Домой бежала пешком, не помнит как, и сегодня еще плачет, когда вспоминает.

6/XII–43 г. Понедельник.

Письма нет. Было письмо от Колиного отца – Дмитрия Федоровича,¹⁷⁵ маленькое и грустное. Официально объявлено о сбавке хлеба, по всему Союзу. Голодает ли Коля или нет? Никак не могу выйти из гриппозного состояния. Держится температура и ломает. И сегодня, всюду, целый день обстрел. Был фотограф. Взял Колину карточку. Я вышла неплохо, только уж больно много муки на лице. Вероятно, так и есть. Я стала похожа на маму. В комнате стало холодно, но это не очень тревожит, только бы не бил.

7/XII–43 г. Вторник.

Бил целый день, даже газеты пишут «об усилившемся обстреле». Вечером получила письмо от Коли. Пишет, что хорошо поработал на полевых где-то в области, но учиться не удастся. Буду просить, чтобы учился. Я помогу. Вышлю все, что надо.

8/XII–43 г. Среда.

Сегодня в «Лен<инградской> правде» большая статья о наших обстрелах.¹⁷⁶ Пошлю Коле, чтоб он знал, что спешить с возвратом нечего. Нет денег, а надо срочно послать ему книги и деньги, да и водку надо выкупить. Сегодня сравнительно тихо. Побил немного днем и замолчал, а все равно жутко. Газетчица, кроме газет, подарила яблочко. Чудачка. Воображаю, как вырос Коля, если дядя Сережа ему кажется небольшим.

9/XII–43 г. Четверг.

7-го, во вторник, в 11 ч. 40 убит на Механической ул. (у больницы) наш глав<ный> врач Шмулевич.¹⁷⁷ Убит наповал, когда ходил за хлебом. Был он очень жестокий человек, но и смерть ему выпала страшная. Все потрясены. Приходил председатель завкома Николай Тихонович и не советует брать Колю. Подожду, как ни горько.

10/XII–43 г. Пятница.

В детском саду полдня шло обследование детей на вшивость. Конечно, нет. Проверяли прививки. Надо делать новым. Ночью взяла душ, и опять стало хуже с гриппом, но не мыться не могу. Срочно

надо делать деньги, чтобы послать Коле учебники, а также хлопотать о посылке. К Елене Николаевне приходил Анатолий Кириллович перед отъездом на фронт.

11/ХІІ–43 г. Суббота.

Получила очень злую открытку от Сергея. Будто бы я послала Рутштейна в «качестве осведомителя». Почему, отчего и для чего? Какая глупость. Я видела Рутштейна 10 мин. Очень милый и обязательный человек. О чем осведомляться? Как живет Коле? Я и так знаю, что плохо, принимая во внимание Сергея характер и Нины. Из двух зол пришлось выбирать меньшее. Очень все это неприятно.

12/ХІІ–43 г. Воскресенье.

Была в церкви. Стараюсь успокоиться, чтобы не написать глупостей. Я люблю сегодняшнее Евангелие: о богатом, который не знал, куда положить свое богатство, построил новые амбары и сказал, что «душа может пить и веселиться»,¹⁷⁸ а ночью душу из него взяли и богатство пошло прахом. Верю в Колино счастье.

13/ХІІ–43 г. Понедельник.

Работы много. Больные тяжелые. Вчера хоронили Шмулевича. Опять вспыхнула эпидемия гриппа. Много осложнений пневмониями. Я хожу с гриппом две недели. Настроение поганое. На фронте хорошо. У нас сегодня спокойно.

14/ХІІ–43 г. Вторник.

В детском саду спокойно. Получила обратно письмо, посланное Сергею во Фрунзе. Он выехал уже в Москву. Вера Львовна потеряла фотокарточку сына Анны Вульфовой. Как она ей это скажет? Получила зарплату, но из нее не могу послать Коле.

15/ХІІ–43 г. Среда.

Целый день взвешивала детей. Написала письмо Коле, но сегодня не пошло, т<ак> к<ак> уже поздно. Вера Львовна не нашла карточку Левы. Вложила Коле свою карточку. Мороз -7° , если это приблизит наше освобождение, – пусть крепчает. Лучше мерзнуть дома, чем дрожать от страха.

16/ХІІ–43 г. Четверг.

Утром в 5 ч. был обстрел, очень сильный, но недолго. Сейчас 7 ч. 15 объявили обстрел, но после того, как даны были залпы. В 8 ч. 15 дан отбой. На работу доехала благополучно. Бил целый день. Работы было много. 16 человек больных заболели гриппом. У Елены Николаевны t° 38,3, болит горло. Что делать с Колей? Вызывать или еще подождать? В Харькове идет процесс над мерзавцами.¹⁷⁹ Что надо сде-

лать с русскими изменниками? Изменить Родине? Даже в голове не укладывается.

17/XII–43 г. Пятница.

7 ч. утра опять обстрел. Нельзя выйти. Где-то все крушится и трещит. С вечера били до 1 ч. ночи. Ночью бил в чужом районе. День прошел тихо. Очень поздно пришла с работы.

18/XII–43 г. Суббота.

День прошел тихо. Вечером – церковь. Домой шла ощупью, так темно. Народу было очень много. Николин день.¹⁸⁰ Думала о Коле. Дома очень холодно. Мерзнут руки. За дровами не пойду.

19/XII–43 г. Воскресенье.

В церкви встретила Шуру Изоргину. Она переписывается с Федоровыми, а те с Олечкой Цигальской. Раиса Ивановна умерла от тифа, Дима убит 14/IX–43 г. Ольга одна осталась с маленькой Наташей. Шура обещала их адреса. Днем занималась с Еленой Николаевной, а потом пошла с ней на «Волки и овцы».¹⁸¹ На обратном пути попала на Садовой под обстрел. Было страшно. Очень я стала бояться. Почему? Где-то слабо бьет и сейчас. Спектакль очень понравился. Не Савина,¹⁸² конечно, но неплохо. Как достать деньги? От кого-то из новых ребят поймала чесотку. Пришлось мазать левую руку. Не страшно.

20/XII–43 г. Понедельник.

Ничего не писала.

21/XII–43 г. Вторник.

Сутки в больнице. Очень много больных. Много гриппозных. Лежит сын Богданова. Вспоминал, как отступали в 41-м году из-под Пушкина. Очень страшно; теперь видно, насколько всё и все выросли за эти два года.

22/XII–43 г. Среда.

Сегодня самый короткий день = 5 ч. 50 м. Работы в детском саду было много, но день прошел спокойно. Фотограф, Олег Владимирович, принес Колин портрет. Очень хорошо сделал. Спасибо ему. Домой едучи, попала под обстрел, уже начиная от Халтуриной ул. Доехала только до пр. Макс<има> Горьк<ого>, а там бежала пешком. Боялась очень. Собрала Коле учебники. Завтра пошлю. Вера Петровна Пейкова¹⁸³ обещала реализовать водку. Надо послать Коле деньги.

23/XII–43 г. Четверг.

Послала Коле две заказн<ые> бандероли, – книги. Сегодня доехала благополучно. Вчера накрошил вечером на Невском уг<ол> Литейного до жути. Елена Николаевна, расставшись со мной, до 23 ч. простояла под воротами. Нельзя было выйти.

24/ХІІ–43 г. Пятница.

День прошел тихо. Вечером пошла с Верой Львовной на какое-то собрание школьных и дошкольных работников. Оттуда уехала около 19 ч. В 20 ч. 40 передали о взятии Городка на витебском направлении.¹⁸⁴ Надо ответить Сереже и не могу. Уж очень несправедливо и обидно. Вера Львовна не в первый раз затеяла спор: есть ли Бог или нет. Беспокоит ее это что ли? Для меня, несомненно – есть.

25/ХІІ–43 г. Суббота.

Дежурила сутки. Дежурство прошло спокойно. Обстрела в районе не было. Больных очень много и тяжелые. Ночью взяла душ. С дежурства поехала прямо домой. Надо получить дрова, т<ак> к<ак> подходит срок ордеру. Должна же я иметь дрова. Будут морозы. Надо топить кухню.

26/ХІІ–43 г. Воскресенье.

Домой приехала в 11 ч. Получила ½ литра водки, ½ кг. америк<анского> столового масла. Разделила пополам с Марусей и отдала ей еще банку консервов. Жалко детей. Пошла за дровами. Перемучилась до 17 часов. За доставку тележки с Вульфовой ул. на Скороходову д. 21/9 заплатила 100 рубл. Переносила их домой. Думала, жива не буду, 4-й этаж и сердце дрожит, как овечий хвост. Был бы Коля, было бы легче. В 19 ч. ложусь спать. Обедать не могла поехать.

27/ХІІ–43 г. Понедельник.

Получила письмо от Марии Викторовны Тарновской. Получила водку и пиво. С завтрашнего дня вновь объявлена водка. Надо «загнать» сапоги с коньками. Нужны деньги.

28/ХІІ–43 г. Вторник.

Опоздала на 20 м. на работу. Проспала, вернее, не могла встать. Чувствую себя плохо. В 11 ч. был обстрел района, недолгий, но злой. Детей водила в бомбоубежище. Ребятки пока держатся. Грипп среди них незначительный. Писем и денег нет. Надо бы Коле на Новый год послать. Думаю, что вывернусь. Ночью два раза очень сильно стреляли, и сильно и близко.

29/ХІІ–43 г. Среда.

Еду на сутки дежурить.

Целый день был страшный обстрел. Снаряд попал в детскую больницу. Очень много раненых среди детей и персонала, но, слава Богу, ни одного тяжелого. Вечером в районе больницы было что-то страшное – артиллерийская дуэль. Вера Петровна взяла водку и обещала принести деньги.

30/XII–43 г. Четверг.

За сапоги с коньками обещали 102 руб. Отдала, а денег нет. Взяла у Галины Ивановны 92 руб., чтобы выкупить продукты. Заели меня мои бытовые дела, а главное, болит душа, что не послала Коле. Что делать? Деньги даются все труднее и труднее. На фронте дела очень хороши. Начинает юлить Финляндия, а гадости продолжает делать. Последний обстрел дело ее рук.¹⁸⁵ В детскую больницу снаряд попал со стороны Больш<ой> Невки. Надо ответить Сергею, написать Коле и Люсе. Думала ли я год назад, что столько горя получу оттого, что Коля будет у них в семье? Только бы не ожесточилось его сердце.

Кондит<ерские> изделия выдали страшными конфетами. Нечего и думать оставлять. В 21 ч. 40 важное сообщение: ждут занятия Коростеня.¹⁸⁶ Очень растянут фронт: 100 килом<етров> на 300.¹⁸⁷ День сегодня был очень тяжелый. Устала безумно. Выдавала обед <д>о 10 ч. веч<ера>. Домой добралась полуживая. Завтра надо убрать комнату. Прошел страшный год без Коли. Послала поздравит<ельную> телеграмму, а денег нет.

1/1–44 г. Суббота.

Встала поздно. Колю во сне не видела, хотя и очень хотела. Чистила трубу и боров в коридоре, но, видимо, дело в самой печке. Все же удалось истопить и порядочно. Утром напилела с Марусей дров. До 19 ч. убирала комнату, а потом побежала в церковь, попала на самый конец всенощной. За всех просила и молила.

Дома тепло и тихо. На душе тихо и грустно. Получить бы завтра деньги от Веры Петровны. Взят Житомир. В который раз?¹⁸⁸

2/1–44 г. Воскресенье.

Дежурила сутки в больнице. Боже, сколько было работы. Вера Петровна денег не принесла. Нет. Что делать? На нет и суда нет. Как получу, – пошлю. Опять был очень сильный обстрел в городе и у нас. В городе опять попал в трамвай. Дала письмо Римме, завезти в Москве Марии Викторовне. Душ взять не удалось. Очень много поздно поступало больных. 9 чел. гриппозных. Есть тяжелые. Я, кажется, снова начинаю чихать. Вот беда. Утром мороз –9°. Пришлось долго ждать трамвай, а потому немного запоздала в детский сад.

3/1–44 г. Понедельник.

Нет муз<кального> работника. Приходится вести муз<кальные> занятия с ребятами, готовить праздник елки. Давно таким делом не занималась, что выйдет? Получила 4 мандарина. А для чего? Коли же нет. Вечером дома был обстрел. Для детей Вали и Шурика и для жильца Геннадия Викторовича играла на рояле: песни Дунаевского

и новый гимн.¹⁸⁹ Ватутин взял Новоград-Волынский.¹⁹⁰ Когда же что-нибудь на нашем фронте?

Пропал Георгий Ильич Самойлов¹⁹¹ (Больш<ой> драм<атический> театр). 1-го уехал в Ольгино¹⁹² и двое суток нет. Театр волнуется. 4/1–44 г. Вторник.

Начинаю ждать письмо. Праздник в детском саду прошел очень хорошо. Начали в 16 ч. 30 и за час все провели. Дети очень довольны. Пели и танцевали хорошо. Вечером веселились сотрудники. Пришлось даже ночевать. Взята Белая церковь.¹⁹³ Был салют. На душе радостно. Утром, чуть въехали на Кировский мост, три раза ахнули тяжелые. Один снаряд попал на ул. Куйбышева. Почему-то так стало страшно, что долго дрожали ноги и руки. Вообще, нервы плохо стали справляться с такими «ахами».

Кругом такое безденежье, что боюсь и 6-го Вера Петровна не принесет. Что делать?

5/1–44 г. Среда.

Днем было сравнительно тихо. Писем нет. Обратю с Еленой Николаевной доехали до угла Садовой, а дальше *per pedes apostolorum*.^{*} Дошла благополучно. Маруся волновалась, что я не ночевала дома. Два дня сыпал снег. Напало много. Нажарила и угостила Марусю хорошей колбасой. В 21 ч. с минутами объявлен обстрел, после того, как кругом нагрохал до отказа. Пришел Геннадий Викторович, говорит, что снарядом разбит дом на Нижегородской ул. Жертв не было. Этот год високосный, говорят, тяжелый. Уж чего ужаснее 41-го года, а не високосный.

6/1–44 г. Четверг.

Сутки в больнице прошли спокойно. Очень много больных. Поступающих укладывали на стульях, конечно, на матрасах в коридоре. Все гриппозные, типа испанки. Устала очень. Мороз –10° с утра. Днем поднялся сильный ветер и вьюга. Далеко, на фронте, била очень тяжелая артиллерия. Хотелось думать о наступлении, но, видимо, еще рано. Получила наконец от Веры Петровны деньги за водку, 350 р. Аморальная статья дохода. А что делать?

7/1–44 г. Пятница.

В детском саду утром получила письмо от Нины. Коля учится с неохотой, не нравятся педагоги. Послала ему две алгебры, геометрию и 300 руб. денег. На душе стало спокойнее. Все они тяжело переболели гриппом. Заболели все вместе. В детском саду много боль-

^{*} пешком, «апостольскими стопами» (лат.)

ных: 6 чел. взрослых и 29 чел. детей. Все грипп. На больничн<ом> дома Вера Львовна, а Елена Николаевна ползает. Дома пили с Марусей пиво за здоровье Валечки, ей сегодня 9 лет. Просила Геннадия Викторовича вызвать через отдел кадров «Пирометра»¹⁹⁴ Колю на завод. Обещал. А сейчас спать!

8/1–44 г. Суббота.

Сегодня пошло письма: Коле, Нине, Люсе и Сергею. Днем обстрела не было. Домой попала поздно. Привезла Марусиным детям елку. Украшали до 1 ч. ночи, когда дети уснули. Взял Кировоград.¹⁹⁵ Скорее бы освободили нас. В 11 ч. веч<ера> вдруг забили зенитки. От страха даже сердце остановилось. Кажется, налет сейчас никак не выдержать. Ночью спала плохо. Обидно не спать, когда есть возможность выспаться. Хочется, чтобы Коля был уже здесь, и все страшное было бы позади. Топила печь и убрала комнату.

9/1–44 г. Воскресенье.

Утром пошла к обедне. Из церкви – домой и в чистой комнате и в тепле напилась кофе. В детский сад попала к 15 ч. Занялась с Еленой Николаевной. Необыкновенно она способная ученица. Из детского сада в 16 ч. 30 поехала в больницу Бехтерева¹⁹⁶ навестить Любовь Ароновну. Она была очень рада. Поговорили по душам. Она предлагает найти квартиру и обменять мои две комнаты и ее комнату на квартиру и жить вместе. Говорит, что вызывать Колю сейчас – безумие. Выглядит она очень плохо. Видимо, у нее были какие-то неприятности на работе, в результате чего она и заболела. Но я, конечно, ничего не спрашивала.

10/1–44 г. Понедельник.

Всю ночь шел снег и столько его насыпало, что трамваи ползли с трудом. На дежурство в больницу опоздала на ½ часа, хотя вышла раньше, чем обычно, на 15 м. Дежурство было очень трудное. Больных 81 чел. и много тяжелых. Ночью не мылась, а утром даже не удалось расчесать волосы. Не могла написать Коле.

11/1–44 г. Вторник.

Больных детей в детском саду 40 чел. Прямо ужас берет. Что делать, чтобы прервать эпидемию. Какая плохая сопротивляемость. Исходила десятки квартир. Очень устала, а вечером товарищи уговорили меня пойти с ними на «Джоржа из Динки-джаза».¹⁹⁷ Пошла на сеанс в 20 ч. и хохотали до упаду. Удивительное животное человек. Домой приехала поздно. И радуется и беспокоит молчание проклятых немцев.

12/І–44 г. Среда.

Сегодня писем нет. Больных 42 чел. и много ребятишек киснет. Ждали какую-то «комиссию по гриппу», – никто не пришел. Домой пришла поздно. Тяжело заболел Геннадий Викторович, вчера совсем не мог встать. Взятые Сарны (Полесье).¹⁹⁸ В 21 ч. 30 передавали концерт Александровича.¹⁹⁹ Совершенно исключительный по мастерству, темпераменту и красоте тенор. Излишняя есть слащавость. Надо будет завтра пойти в Филармонию.

13/І–44 г. Четверг.

Писем нет. Предложила Вере Львовне и Елене Николаевне пойти вместе на Михаила Александровича. Согласились с радостью. Подарила Анне Вульфовне черную сафьяновую рамочку, как раз для портрета ее сына. Очень пришлась хорошо. Она была очень тронута и горько поплакала. Вечером достала 6 билетов в Филармонию на 16-ое. Вечером попала ко всенощной.

14/І–44 г. Пятница.

Сегодня необыкновенный день. С вечера уже начала говорить наша артиллерия. Всю ночь с 21 ч. била. Утром мимо больницы шли танки. Выбегали кто с чем. У меня была маленькая водка. Отдала, и приняли с удовольствием. Работы было очень много. Больные очень тяжелые. Особенно плоха студентка нашего жел<езно>дор<ожного> техникума, – очень тяжелая пневмония. Очень ее жалко. Выберется или нет? Было общее собрание и новая глав<ный> врач во всех падежах склоняла «суд» и «под суд». Отвратительная манера бессильного ничтожества устанавливать авторитет. Всю ночь била наша артиллерия.

15/І–44 г. Суббота.

Утром по дороге в детский сад ровно в 9 ч. началась арт<иллерийская> подготовка, били со всех наших судов. Трамвай шел в огненных бликах от выстрелов с судов, стоящих по всему берегу, а где-то далеко гудел прямо вал. На душе так стало весело. Чего-то надо ждать. В трамвае разговаривали все сразу. На обратном пути зашла к Зое, она просила посмотреть Гульку. После тяжелого гриппа перестал есть и очень похудел. Обещала достать ей аскорбинов<ой> кислоты. Объявлена водка, а у меня и старая еще есть. Как хочется увидеть Колю. А пушки все бьют. У Маруси на заводе (Ватный остров)²⁰⁰ от стрельбы стоящих против завода судов вылетели стекла. Как это хорошо. И у них приняли сие с радостью.

16/І–44 г. Воскресенье.

Утром была у обедни. Служил митрополит Алексей, очень было торжественно и красиво, недаром когда-то понравилось предкам.

Стрельба не прекращается ни на минуту. От сотрясения в куполе вылетело стекло, но никого не поранило. Придя домой, долго играла сонаты Бетховена, потом поехала в детский сад. Ясно одно, что-то будет. Занялась с Еленой Николаевной, и поехали в Филармонию. Было холодно, все сидели в шубах. Александрович во фраке. Покорил всех.²⁰¹ На обратном пути обогнали много автобусов с ранеными и даже большой, двойной, америк<анский> трамвай шел полный раненых. Всю ночь обстрел многих районов. Спать не могла.

17/1–44 г. Понедельник.

Днем тоже был обстрел. Много летало самолетов. Все ждут завтрашнего дня. Слухи ходят самые разные. Сегодня наша артиллерия молчит, но это, конечно, не значит, что на фронте тихо. Сегодня пришло много детей после гриппа. С утра было –4°, а вечером шел дождь и снизу все смолкло. Грипп неминуемо даст ска<чок>. Так хочется спать. Достала Гуле аскорбинку.

18/1–44 г. Вторник.

Дежурила сутки. В городе был очень сильный обстрел. Римма пришла пешком в больницу. Очень сильно обстреливалась Садовая, особенно около Покрова.²⁰² Вечером было сообщение о наступлении наших на Ораниенбаумском фронте.²⁰³ И хочется, и страшно верить. Господи, помоги!

19/1–44 г. Среда.

Писем нет. Вера Львовна волнуется за брата. Очень много раненых. Почему еще так сильно обстреливают город?

В 20 ч. 40 м. передали приказ о взятии Красного Села и Ропши.²⁰⁴ и объявили салют. Хоть бы только удержать. Завтра же напишу Коле и пошлю деньги.

20/1–44 г. Четверг.

Писем нет. Неужели правда, что наше наступление бесповоротно и война идет к концу, к победному концу. Неужели правда, что кончатся обстрелы и немцы будут уничтожены. Сегодня взяты: Лигово, Урицк, Петергоф, Новгород.²⁰⁵ Прямо голова идет кругом. Отвратительная заметка о каких-то сепаратных переговорах Риббентропа с англичанами.²⁰⁶ Все возможно, «англичанка, – она подлая».²⁰⁷ Завтра день рождения Кирюши. Где-то он? Ему исполняется 25 лет. Не верится, что погиб.

21/1–44 г. Пятница.

Писем нет. Денег, чтобы послать, – нет. День прошел спокойно. Пока ничего не передавали об успехах, но в городе тихо. Вечером заехала в церковь. Достала крещенской воды, а вот как достать Ко-

лю? На улице очень тепло. Говорят, лучше небольшой мороз – для фронта.

22/І–44 г. Суббота.

Сутки в больнице. Сегодня Ленинградские и Волховские войска взяли Мгу.²⁰⁸ Наконец-то Мга. Сколько там легло народу.

Ночью был сильный обстрел на Выборгской стороне. Откуда? Дежурство было очень трудное. Очень тяжелые крупозные пневмонии и одно наружное кровоизлияние. Дежурила врач Александра Михайловна. Очень она милая, но совсем еще дитя и растерялась больше меня. Уж я по своему почину ввела ergotin²⁰⁹ и остановила кровотечение.

23/І–44 г. Воскресенье.

Получила письмо от Дмитрия Федоровича, волнуется за Колю и за меня. А я волнуюсь за Колю. Надо послать денег, а их нет. Водку не выкупила и старую не продала. Надо продать хорошие туфли, но что-то удерживает. Могут быть еще очень нужны. Днем заходила на квартиру Марии Викторовны. Там больна живущая в ее комнате Анастасия Павловна, оставила ей пшеничную кашу и обещала завтра прийти и поставить банки. Вечером была в церкви. Надо попасть к Любви Ароновне. Не знаю, дома она или еще в клинике. Утром позвоню Рае.

24/І–44 г. Понедельник.

Писем не было. Послала Коле 200 руб. Получила зарплату в 3-й поликлинике. Погода ужасная +2°. Днем все текло и ярко светило солнце. Совсем весна. Взяты: Пушкин и Павловск.²¹⁰ Вечером убрала в комнате. Утром звонила к Рае. Просила зайти. Все мысли с Колей.

25/І–44 г. Вторник.

У детского сада появился подшефный госпиталь. С утра работала в детском саду, как обычно, а с 3 ч. дня до 9 ч. веч<ера> в госпитале. Работала в отдел<ении> «брюшников», раненых в брюшн<ую> полость. Очень тяжелые раненые. Пошла работать с Еленой Николаевной. Ей с непривычки сделалось дурно, но она пересилила себя и до работала. Я помогла делать переливания крови и перевязки.

Боже мой, какой ужас. Кишки под повязкой без покрова, а человек улыбается и говорит: «Спасибо». Какое счастье ходить за ними.

26/І–44 г. Среда.

Сегодня дежурила сутки. Больных много и очень тяжелые, но, конечно, ничего общего с тем, что пришлось видеть вчера в госпитале. Как хорошо, что я могу выкупить мандарины и снести их им. Написала письмо Коле. Николай Тихонович обещал вызвать Колю к нему на завод. Как жаль, что сейчас не здесь, в это торжественное время. Это запомнилось бы на всю жизнь. Взято Гатчино.²¹¹

27/1-44 г. Четверг.

Письма нет. В 7 ч. веч<ера> объявили, что с 27/1 разрешено движение по улицам до 1 ч. ночи. Ясно! Что-то будет. И действительно в 19 ч. объявили об уничтожении блокады.²¹² Немцы кругом отогнаны на 65–100 килом<етров>. Будет салют 24-мя залпами из 30 орудий.²¹³ Мы все побежали на улицу. Я с Еленой Николаевной бежала бегом до Московского вокзала. Весь Невский залит огнем: фейерверк, снопы зеленых и красных звезд сыпались на нашу землю. Слезы сами бежали из глаз. Я забежала к Зое, в госпиталь. К госпиталю только что подошел автобус с ранеными. Я под руку довела какого-то бойца до вестибюля, т<ак> к<ак> он очень волновался: «темно, а место незнакомое, и очень болит нога». Горячо благодарил за помощь. Жить! если выдержит сердце все, что происходит в эти дни. А сейчас спать спокойно.

28/1-1944 г. Пятница.

Зоя обещала попросить какую-то сестру за Колю. Получила адрес Ольги Михайловны Федоровой. Надо написать ей. Писем нет. В магазине нет мандарин. Вечер работала в госпитале. Многие раненые умерли. Трупы лежат в клубе. Внизу, в холодном вестибюле, стоят носилки с ранеными. Все коридоры заняты ими, и все везут и везут. Какой ценой получили мы свободу? Мальчик, которого видела я еще прошлый раз, жив, но т° 37.9. Плохо ест. Вся его семья около Винницы. Они ничего не знают о нем, как и он о них. Если я получу мандарины, то только для него. Всю дорогу домой проплакала и сейчас не могу успокоиться. Нашла ему кое-что для чтения. Надо будет попробовать его выходить. Врачи пожимают плечами. Бедная мать. Братья его тоже в армии. Нет никакого оправдания войне. Завтра узнаю, как его зовут. Он похож на Кирюшу. Каждую ночь делают морфий. Курит много.

<29>/1-44 г. Суббота.

Сейчас объявили о взятии Любани и полном освобождении Окт<ябрьской> жел<езной> дороги.²¹⁴ Вечером Елена Николаевна заставила пойти на «Летучую мышь».²¹⁵ Хорошо, но напрасно я согласилась. Так больно и стыдно. Домой шла в тяжелом состоянии. Внизу, на лестнице увидела 4-х бойцов. На мой вопрос: «Что за привал?». Ответили, что дали им сутки отпуска. Товарищ их наверху стучит к знакомым. Надо где-то переночевать. Через час они еще лежали на лестнице, но уже двое, и мы решили пустить их к нам. Они были очень рады. Вымылись. Как они мылись? Надо было видеть. Напоили их чаем и даже водочкой. Я постелила им в свободной комнате чин-

чином, чтобы они выпались, как положено. Непередаваемо были счастливы и они, и мы. «Мы, – говорят, – с самого первого дня войны не сидели в гражданской обстановке». Один из них, – Миша с Украины, а Саша – туляк. Взаимно угощали друг друга. Спали они как убитые. Какое счастье было приютить их.

30/І–44 г. Воскресенье.

Утром обменялись адресами. Обещали писать. Мы пригласили заходить, буде пойдут еще раз мимо. Поехала дежурить сутки. Сашу и Мишу «перегоняли» со Мги на финский фронт. Дежурство прошло спокойно. Работы не очень много. Мыться не удалось. С работой справилась только к 3-м часам ночи, вода уже остыла. Попросила Лиду (м<ед>с<естра>) для мальчика из госпиталя, зовут его Федя Сабко, достать хоть ½ литра молока и <в>скипятить его. Снесу ему сегодня. У Сергея Ивановича хорошее настроение. Какой он милый человек.

31/І–44 г. Понедельник.

Писем не было. Надо готовить Коле деньги. До 6 ч. веч<ера> работала в детском саду, а потом пошла в госпиталь. Снесла 3 мандарина и молоко. В госпитале прямо ад: раненные лежат всюду. На полу, на носилках, перевязанные поверх шинелей. Все, что могли сделать, это обнести едой и стаканчиком водки. Благодарны за все. А за что? Старые знакомые чувствуют себя плохо. Погибает Михайлов. Федя Сабко с очень высокой т°. Два дня не ест. Очень болит нога, – разорван седалищный нерв, кроме того, у него удалили селезенку (разорвана в клочки) и ранение мочевого пузыря. Все ночи на морфии. Очень был рад мне, молоку, мандаринам. Сразу один съел. Один решили дать Михайлову. Как их всех жалко. Хочется выходить хоть Федю. Страшно, когда думаю, что, вероятно, где-то погиб Кирюша. Какое преступление перед Богом и людьми – война. Ушла домой очень поздно. Надо было помочь санитаркам. Домой не попала, уже час ночи. Ночевала в детском саду. Есть никак не могла.

1/ІІ–44 г. Вторник.

Утром в 8 ч. вымыла голову очень горячей водой и хоть опять двое суток работать. Обещала м<ед>с<естре> Ане в среду остаться с ней дежурить ночь в госпитале, а потом на сутки в больницу. Боюсь, что это мне не выдержать. Федя просил очень приходиться скорее. Он много стал бредить.

2/ІІ–44 г. Среда.

Дежурила в госпитале с 6 ч. веч<ера> до 12 ч. ночи. Многие бойцы умерли. Феде Сабко лучше. т° 37.8, но без морфия не может. Только бы не привык. «Балуют» его, как говорит Аня. Какое это преступ-

ление. А он к 11 ч. вечера уже не знает покоя, так хочет получить морфий. Два раза натирала ему ногу. Час терпит, а потом стонет и плачет, как положено морфинисту. Долго убеждала его потерпеть. Сердится. Ст<аршая> сестра считает, что «ни к чему это». Как «ни к чему» – ему, если уцелеет, жить надо будет.

Ночевала в детском саду.

3/II–44 г. Четверг.

Сутки дежурила в больнице. Работы не очень много. Ночью взяла душ. Самочувствие неплохое. Зинаида Александровна сказала, чтобы я принесла справку из ЖАКТа о жилплощади для вызова Коли. Думаю еще раз обратиться к Попкову. Дала водку и растит<ельное> масло Вере Петровне – реализовать.

4/II–44 г. Пятница.

Писем не было, сама не писала, работала в детском саду и госпитале. Была Любовь Ароновна. Она завтра выписывается из госпиталя. А мне тоскливо до ужаса.

5/II–44 г. Суббота.

Послала Коле письмо, чтобы выслал справку, что завод его отпускает домой. Разрешат ли ему уйти с завода? В госпитале была недолго. Федя обещал не просить морфий. Дома топила печку. Очень хорошо истопилась, совсем не дымила. Наши войска заняли Ровно, Луцк.²¹⁶ На нашем фронте тоже хорошо, а на душе скверно. В ЖАКТ не попала. А все же надеюсь, что Коля скоро будет дома.

6/II–44 г. Воскресенье.

Утром была в церкви. Встретила там Елизавету Ник<олаевну?> и от нее узнала, что Николай Кириллович Чуков овдовел, потерял всю семью, принял монашество и теперь митрополит Саратовский Григорий.²¹⁷ В госпитале работа вошла в колею. Наша помощь больше не нужна. Звали заходить и не забывать навещать больных. Федя ведет себя молодцом. Читает и уже 3-й день без морфия. Говорит, что сейчас уже «легко отказывается», хотя еще болит нога. Думаю, что не болит. Все же молодец. Очень благодарен за все. Дома узнала важное сообщение: прорыв к Никополю и взято Апостолово.²¹⁸ А я все думаю, как мне достать моего мальчика? Надо достать кучу справок, а в ЖАКТе никого не застала. Попробую отпроситься во вторник часа в 3. Завтра сутки в больнице. Сегодня очень летали самолеты.

7/II–44 г. Понедельник.

Дежурила сутки. Новость! Будем дежурить по одной на двух отделениях. Это будет очень тяжело. Николай Тихонович торопит справку о жилплощади. Атмосфера в больнице очень напряженная из-

за «хорошего» характера Клавдии Александровны, но все это в сравнении с происходящим – пустяки. Больные не тяжелые.

8/II–44 г. Вторник.

В детском саду назрел скандал с Верой Львовной из-за записи бракеража. Пишу, что есть, и никто не заставит меня написать, чего нет. Ор был великий. Я, как всегда, не дала спуска. Тошно, когда вспомнишь. Получила открытку от Марии Викторовны. Очень бы хорошо было повидать ее. Достала справку из ЖАКТа. Маруся продала водку мою за 350 рубл. 200 руб. должна была ей, а 150 р. + моих 150 р. пошлю Коле. Сейчас сильно заговорили из Финляндии.

9/II–44 г. Среда.

Письма нет, но не очень и жду. Послала деньги. Заплатила за питание. Вечером с тоски зашла в «Октябрь» и от души смеялась над Жаровым в «Воздушном извозчике».²¹⁹ А в душе пусто, как никогда.

10/II–44 г. Четверг.

Не очень хочется связываться с железн<ой> дорогой. Уходить оттуда трудно. В детском саду идет ревизия. Елену Николаевну довели до истерики. Надо отдать ей должное, она честна безотносительно. У меня болит голова и после селедочного паштета разошлась печень. Наши взяли Долговку и ст. Мойку.²²⁰ Видимо, скоро решится судьба Луги. В 20 ч. ложусь спать, т<ак> к<ак> завтра сутки в больнице. Очень хочется иметь дома Колю.

11/II–44 г. Пятница.

Дежурила сутки в больнице. Одна на 59 чел. и убедилась в том, что надвигается старость. Справилась только к 2-м часам ночи. Ночью казалось, что утром не смогу двигаться. Ночью взяла горячий душ, а утром работала, как миленькая. В трамвае удалось сесть и подремать.

12/II–44 г. Суббота.

Писем нет, и начинаю беспокоиться. Коленька молчит со всею твердостью своего характера. Если бы у него на все было такое упорство и постоянство. До сих пор не могла на него жаловаться. До 41 г. он был круглый отличник и стипендиат капеллы-школы. Обленилась или устала, но плохо стала молиться. Настроение ужасное. Коля сказал бы, что, «вероятно, печенка разгулялась». Может и правда.

13/II–44 г. Воскресенье.

Сегодня утром пошла в церковь. Хорошо выспалась, а потому на божий мир смотрю веселее. Вчера исполнилось два года, как умерла Прасковья Максимовна, первая в нашей квартире. Вспомнила и маму, и Лидочку, и поняла, как мало я ценила их, пока были вместе. Поплакала.

14/II—44 г. Понедельник.

Пришли обратно деньги, посланные 16/XI—43 г. Коле. Почему? Теряюсь в догадках. К 200 руб. прибавила еще 200 и отослала обратно. Очень волнуясь, но лучше не строить предположений. Заплатила за февраль и март за квартиру 126 рубл. Вчера сообщили о взятии Луги и Гдова.²²¹ Все это веселит. Вечером была в церкви. Завтра Сретенье.²²² Было очень торжественно. Домой пришла в хорошем состоянии. Всех люблю.

15/II—44 г. Вторник.

Сегодня в трамвае страшно схватило печень. Два года было спокойно. Неужели опять камни? Пожалуй, верно, что весь мрак, который тяготил меня последнее время, просто печеночные неполадки. Это селедка с уксусом. Значит, не ешь!

Сутки прошли спокойно. Больных 59 чел. Много слабых. Очень устала. Удалось посидеть с 4 ч. — 6 ч. утра. Славный лежит старик с тяжелой пневмонией. Давала sulfidine²²³ по часам. Выкарабкается обязательно, уже к утру резко улучшилось самочувствие. Все же в 4 ч. взяла горячий душ. Отдала бумагу с подробными сведениями о Коле Николаю Тихоновичу. Меня представили к медали «За оборону Ленинграда». Уже в списке. Очень бы хотелось получить.²²⁴

16/II—44 г. Среда.

Писем нет. Послала письма Коле и Ольге Михайловне. Домой приехала в 8 ч. веч<ера> и получила письмо от солдатиков Саши и Миши. Живы и здоровы. Завтра с Марусей ответим. Сегодня я труп. Из Новосибирска вернулся Даня Шафран.²²⁵ По сему случаю поплакала, т<ак> к<ак> из Новосибирска еще не вернулся Коля Васильев.

17/II—44 г. Четверг.

В детском саду наконец новый муз<ыкальный> работник. Я устала замешать. Зовут ее Мария Павловна, а фамилию пока не знаю. Она мне посоветовала пойти в Комитет по делам искусств к Загурскому²²⁶ и попросить о Коле. Думаю, что это надо сделать. Ему надо учиться по своей специальности. Послала ответ Мише и Саше. Домой пришла рано, чтобы попасть в ЖАКТ. Хотела топить печку, но раздумала, не очень холодно. На улице —13°, тихо.

18/II—44 г. Пятница.

Работала в детском саду. Водила Любшина в тубдиспансер. За последнее время очень похудел и побледнел. Была в церкви. Болят суставы, и вообще недомогаю.

19/II-44 г. <Суббота.>

Неожиданно сутки вышли легкими. Закрыли барак и освободилось много мест. Дежурила сутки только на своем отдел<ении>, а на мужском работала Матрена Георгиевна. Вторично взята Луга²²⁷ и еще много «пунктов». Попрошу день и съезжу на кан. Грибоедова в Комитет по делам иск<усств>. Буду добиваться.

20/II-44 г. Воскресенье.

Какой трудный мальчишка, не пишет. С дежурства поехала к Николе Морскому. Потом в детский сад. Занималась с Еленой Николаевной. Сегодня в Больш<ом> драматич<еском> торжественное заседание в честь 25-летия театра.²²⁸ Идет «На дне».²²⁹ Были с Еленой Николаевной. Очень осталась довольна. Завтра обязательно пойду в госпиталь. Шефство кончилось. Давно я не была.

21/II-44 г. Понедельник.

Коля не отвечает. А мне нужна справка, что завод его не задержит. Мне надо два свободных дня, чтобы привести в порядок личные дела, а дней этих нет.

22/II-44 г. Вторник.

Писем нет. Опять, временно, прекращен въезд в Ленинград. Целый день очень много ходила. Достала 10 кгр. рыбьего жиру ребятишкам. Вечером пошла в госпиталь. Федя Сабко поправляется. Был рад до слез, даже меня растрогал. Все бойцы очень тепло встретили. Снесла все, что смогла, главн<ым> образом сладкое и папиросы. Домой попала только в 23 ч. 45. В 24 ч. воздушная тревога. Вот где было страшно, как никогда. Отвыкли. Сообщение, что взят Кривой рог.²³⁰ Неужели опять начнутся налеты?

23/II-44 г. Среда.

Сутки дежурила в больнице. Дежурство прошло спокойно, но работы было очень много. Да, въезд пока запрещен. Я готова ждать, только бы знать, что ему там не очень плохо.

24/II-44 г. Четверг.

В детском саду был праздник, посвященный Красн<ой> Армии. Прошел очень хорошо. Мария Павловна очень мягкая и милая женщина, а фамилии так и не знаю. У Сергея Ивановича очень тяжело заболела жена. Живут они напротив детского сада. Ходила и ставила (банки. – Н. П.). Она тоже врач и чрезвычайно симпатичный человек. Вечером в детском саду был «товарищеский ужин». Как я это не люблю, какое осталось отвратительное впечатление. Если бы без водки, было бы лучше. Домой вернулась в 23 ч.

25/II—44 г. Пятница.

Писем нет, а потому реву. В детском саду было три комиссии. Почему не пять? Вечером опять ставила банки жене Сергея Ивановича Александре Федоровне. Домой направилась после 20 ч. С Еленой Николаевной дошли пешком по Невскому. Я села в тройку – трамвай на Инженерной ул., но началась тревога и домой пробиралась пешком. Погода чудесная. Небо все в звездах. Тихо. Термометр на 0.

26/II—44 г. Суббота.

Писем нет. Ничего пока не слышно. Сегодня без конца кружили самолеты. Всякие. Сброшена бомба на Колокольн<ой> ул., попала в помойку. Показательно! Вечером была в церкви. Слушала «Покаяние». Какое трагическое песнопение.²³¹ Душа отошла и успокоилась. Коля должен быть счастлив. Тревоги не было. В комнате здорово холодно.

27/II—44 г. Воскресенье.

Дежурила сутки спокойно. Днем работала на мужском отдел<ении> Елизавета Ильинична. Сегодня мороз -18° . Больных всего 44 чел. Есть тяжелые, но все же мы с Ниной по очереди помылись. Написала Коле письмо. Что бы я ни дала, чтобы ему было хорошо. Говорят, везде плохо. Боюсь, что голодает. Надо выслать деньги.

28/II—44 г. Понедельник (чистый).²³²

Писем нет. Мороз -15° . Очень болит голова, и очень я устала. Не могла попасть в госпиталь, а очень хотела. Дома ждало милое письмо от Миши и Саши. Живы и здоровы. В 21 ч. передали беседу «о разгроме Орловского плацдарма».²³³ Упомянули какого-то Ивана Сабко. Завтра спрошу Федю, не брат ли его? Полина купила мне папирос для Федя. Голова болит смертельно. Марусин муж 23/II заболел на фронте сыпняком. Какое горе.

29/II—44 г. Вторник.

Днем из Кирова вернулась бывшая воспитанница Веры Львовны: Лидочка Сме<кало>ва 14 лет. Отец ее отправил из Кирова, т<ак> к<ак> там ужасный голод. Лидочка говорит, что папа по ночам очень стонет, у него опухли ноги. Много народу умирает, а «люди в Кирове ужасные». Сама девочка очень дистрофична, хуже, чем был Коля в зиму 41–42 г. Последние дни ничего не ела. Мы ее неосторожно перекормили, и у нее поднялись сильные боли в животе. Успокоили грелками.

Кончился и февраль. А что он принес? Очень болят суставы ног, рук, плечи. Только бы не полиартрит, лучше пусть будет авитаминоз.

Лидочка своими рассказами усилила страх за Колю. Видимо, везде хуже, чем у нас. Сегодня получила чудное варенье. Оставлю Коле.

1/III-44 г. Среда.

Писем нет. Очень болят руки и ноги. Лидочку, вероятно, устроят на завод Петра Антипыча. Снесла ей пару чулок и пару новых туфель покойной сестры моей, Лидочки тоже. Они ей по ноге, 34-й номер. Ее надо приодеть. Очень хотелось попасть на канон Андрея Критского, – опоздала.²³⁴

2/III-44 г. Четверг.

Дежурила сутки в больнице. Очень болят суставы. До 8-го нечего думать о хлопотах. Работала с Зиной Жуковой. Душ не брала. У Марусиного мужа т^о 40.4. Она очень волнуется.

3/III-44 г. Пятница.

Писем нет. Сегодня отвезла Лидочку Смекалову в очаковскую больницу.²³⁵ Перед больницей она упросила меня свести ее в кино. Со страхом решилась. Попали на «Мечту».²³⁶ Девочка была очень довольна. Вечером Вера Львовна и Елена Николаевна уговорили пойти в клуб НКВД на «Цирк».²³⁷ Я люблю «Цирк». Домой приехала труп трупом. Хлеб не выкупила, но не умерла. Дождусь ли я Колю?

4/III-44 г. Суббота.

Нет ничего.

Работаю как-то без вкуса. Объявлены компот и консервированные фрукты за сахар. Хорошо, что я сохранила варенье. Вечером поехала в церковь. Мужу Маруси лучше. Мы очень рады. Спала температура. Сижу без денег. «Маленькую» отдала тете Даше за ботинки, «маленькую» вторую Вере Петровне.

5/III-44 г. Воскресенье.

Основательно выспалась. Утром была в церкви, а оттуда поехала в детский сад. Занялась с Еленой Николаевной. Вечером опять во Влад<имирский> собор. Думаю, что все будет, как надо. А сейчас спать. Завтра на сутки. В 22 ч. 50 сообщение о большом продвижении на 1-м Украинском фронте. Маршал Жуков²³⁸ заменил ген<ерала> Ватутина. Почему?

6/III-44 г. Понедельник.

Дежурила сутки. Больных всего 44 чел. Есть очень тяжелые. Вечером сделала глупость, которую всегда не терпела: одна больная погадала на картах, вышла «больная постель» (идiotка) Коле, а за ней все прочее, т. е. рёв ночь и день. Какая пошлятина. Вот уж глупость, говорят, от Господа, а пошлость несомненно от себя. Всю ночь и весь

день над головой гудели самолеты. Видели воздушный бой очень высоко. Тревоги не было. Что-то опять задержали медали.

7/III—44 г. Вторник.

За гаданье Вера Львовна отругала меня последними словами. Сейчас 22 часа. Передают о герое летчике Усачеве,²³⁹ который вчера, когда мы наблюдали, сбил юнкерса. Передают сейчас разговор с этим летчиком. Купила сказки Андерсена²⁴⁰ и подарила их Гульке. Он был очень доволен. Дома пыль, но не хочется убирать.

8/III—44 г. Среда.

Сегодня 2 года, как умерла от голода сестра Лидочка. Если бы она была жива, не знала бы я такого горя и одиночества.

Сейчас пришла телеграмма от Коли из Тихвина. Как страшно. Просит достать разрешение на проезд домой. Завтра дам телеграмму, чтобы не волновался и как-нибудь протянул 2–3 дня. Буду доставать разрешение.

9/III—44 г. Четверг.

Дала телеграмму Коле. Целый день хлопотала, но пока ничего. Послала адреса тихвинских жителей, чтобы было куда сунуться. Завтра утром в ЖАКТ, что есть площадь, потом в райвоенсовет, в райвоенкомат. 12-го его может захватить на свой поезд Гладков, если будет разрешение. Передали два важных сообщения. Где-то гудит, и бьют зенитки. Этого только не хватало.

10/III—44 г. Пятница.

Дежурила сутки. Вызывала глав<ный> врач. Почему вчера не вышла на дежурство? Объяснила, показала телеграмму. Все обошлось хорошо. Николай Тихонович в Москве. С ним дала письмо, чтобы опустил в Тихвине. Только бы не забыл. Все стараются мне помочь, но это не так просто. Сегодня послала 300 руб. денег, а завтра опять телеграмму. Говорят, в Тихвине сидят тысячи желающих вернуться.

12/III—44 г. Воскресенье.

Утром в церковь. Надо достать денег. От Коли ничего нет. Днем была в детском саду. Заним<алась> с Еленой Николаевной. Послала две большие телеграммы Коле. Вечером была у Любви Ароновны, она обещала позвонить М. И. Богдановой.²⁴¹ Приходили Сёма и Шурик, но не застали меня.

13/III—44 г. Понедельник.

От Коли ни звука. Что такое? Звонила Любовь Ароновна и сказала, что Мария Ивановна сделает, что надо, и вылетит в Тихвин. В среду, если ничего не получу, пошлю две телеграммы: одну до востребования, а другую В. К.²⁴² Только бы не заболел. В 21 ч. 50 сооб-

щили, что взят <Бреславль?>, Херсон.²⁴³ Получила открытку от Марии Викторовны. Надо сходить на ее квартиру. Погода ужасная. +1°, дождь и мокрый снег.

14/III—44 г. Вторник.

Сутки прошли спокойно. Не удалось получить зарплату. Нет денег.

15/III—44 г. Среда.

Письма нет. Из детского сада поехала к Богдановой. Ничего нет определенного. Зашла к Зое. Она советует обратиться к Екатерине Платоновне. Дома нашла письмо от Коли, очень тревожное. Побежала опять к Зое, а от нее к Екатерине Платоновне, с которой пошла к какой-то Ольге Николаевне. Ольга Николаевна обещает за неделю все сделать. Дома написала Коле письмо. Взяла у Маруси 100 рубл. Поеду насчет его багажа.

16/III—44 г. Четверг.

Утром в 7 ч. была уже на лестнице, где живут Ольга Николаевна и Екатерина Платоновна, и хорошо сделала, т<ак> к<ак> Ольга Николаевна очень спешила и не могла зайти к Екатерине Платоновне. Я ее остановила и передала ей бумаги, взятые у Екатерины Платоновны. Очень просила помочь. Она обещала. Поехала в детский сад. В 10 ч. пошла на почту и послала 350 руб. денег, письмо и телеграмму. Поехала в Дор<ожно>-сан<итарный> отдел к начальнику его д<окто>ру Сазонтову, чтобы попросить командировку в Тихвин. Сазонтов не советует ехать мне в Тихвин и предложил с его помощью связаться через мед<ицинский> пункт Московского вокзала с мед<ицинским> пунктом Тихвина. Дал письмо на мед<ицинский> пункт Моск<овского> вокзала. Все сделала, как он сказал, умница такой. Послала с мед<ицинской> сестрой Московск<ого> поезда Коле посылку. Вечером заехала к Ольге Николаевне, но она сегодня не ночует дома.

17/III—44 г. Пятница.

День прошел в приготовлении посылки, кроме работы, конечно. Зина Рассказова убила меня своей добротой. Собрала смену белья и все, что нужно. Я — хлеб, шоколад и табак. Когда пошла сдавать на поезд, то оказалось, что сдать надо Наденьке Никифоровой. Она взяла посылку, и не сомневаюсь, что передаст ее в мед<ицинский> пункт в Тихвине. За это я ей обещала билеты в Большой драматич<еский> театр. Это мне возможно через Виталия Павловича.²⁴⁴ Дала телеграмму, чтобы Коля вышел к поезду в понедельник.

18/III—44 г. Суббота.

Рано поехала на дежурство в больницу. В 12 ч. пошла с разрешения врача дать телеграмму Коле. Хорошо бы, чтобы все сошло глад-

ко. Ночью взяла душ со спокойной совестью, т<ак> к<ак> мальчику послала смену белья. Всю ночь летали наши тяжелые самолеты. Антонина Николаевна просит продать ей мои новые светлые туфли. Они великолепные. Сделаны перед самой войной и раз всего были одеты. Это выход.

19/III—44 г. Воскресенье.

С дежурства поехала в церковь. Потом в детский сад. Взяла с собой туфли. Из детского сада поехала к Антонине Николаевне. Сестру ее не застала. Туфли оставила. Вернулась опять в детский сад и занялась с Еленой Николаевной. Елена Николаевна расстроена, что-то нарычала Вера Львовна. Елена Николаевна обещала достать два билета на ближайшие спектакли. Из детского сада в церковь, а оттуда к Ольге Николаевне. Сердечно с ней разговорились. Обещала достать вызов. Зашла к Екатерине Платоновне, а потом к Зое. Домой шла со страхом, но напрасно. От Коли телеграмма, что деньги получил. Панкратьеву нашел, ждет вызов. Сегодня засну.

20/III—44 г. Понедельник.

На работу немного запоздала. До 4 ч. дня волновалась из-за детей. В 4 ч. дня Антонина Николаевна привезла деньги за туфли, но не 4 тысячи, а 3 ½ т<ысячи>, но и тому была безумно рада. Послала Коле 300 рубл. 100 рубл. дала Зине за белье. Она не хотела брать, расстроилась до слез, но потом все образовалось. Елена Николаевна достала два билета для Нади. Хорошие. Зашла к Зое, отдала долг 100 рубл. Видела Заиньку, она чувствует себя хорошо, очень поправилась после дистрофии. Дома поболтала с Геннадием Викторовичем и его братом, оба пьяненькие.

21/III—44 г. Вторник.

Встретила поезд с Надей. Надя видела Колю. Плохо выглядит, плохо одет, измучился и волнуется. Послала телеграмму ему и Панкратьевой. Живет он в Доме Крестьянина.²⁴⁵ Выкупила хлеб еще на два дня вперед, по 25/III включит<ельно>. В 6 ч. веч<ера> поехала домой, забрала рыбу, шоколад, шпик, табак, хлеб и послала все поездом с м<ед>с<естрой> Лизой Ерохиной. Я ее знаю. Она обещала все передать. Вечером занесла sulfidine Екатерине Платоновне и просила нажать на Ольгу Николаевну. Хотя бы поскорее достать его домой.

22/III—44 г. Среда.

После сделанной в больнице прививки против брюшного тифа и оспы очень плохое самочувствие. Температура 39.6. Это не страшно. Боялась, что утром не встану, но все обошлось. Говорят, бойцы на фронте очень болеют после этих прививок.

23/III-44 г. Четверг.

Вестей от Коли нет. Работала много и легко. Зина выкупила мне хлеб по 27/III. Пошлю сегодня посылку. Послала телеграфом 300 рубл. В медпункте очень долго ждала Римму. Передала ей посылку. Очень просила отдать в Тихвине. Поговорили с проводником, очень красивым малым. Если бы было разрешение, Колу мигом бы доставили домой.

24/III-44 г. Пятница.

Иду со страхом. Так устала ждать. День прошел спокойно. Вечером заехала в церковь, но служба уже кончилась. Зашла домой и пошла к Ольге Николаевне. Дошла с трудом. Такой вьюги я не видела никогда. От моего дома № 21 до дома 29 дошла с трудом. Ничего было не разобрать. Ольга Николаевна была дома, но пока ничего. Я не выдержала, расплакалась. Как это неприятно. Никому не нужен плачущий. Она обещала нажать, где только возможно. Рассказывала много о себе. Пережила она действительно очень много. Домой пошла успокоенная.

25/III-44 г. Суббота.

Известий нет, но если Коля получает посылки, можно уже не очень волноваться. Какое все же уродство. Утром зашел боец, который был с Мишей и Сашей. Принес от них письмо. Оба пока живы и здоровы. Сейчас же надо ответить. Надежда К. подарила мне свой хлеб для Коли за два дня. Убила меня. Чем расквитаться. Собрала посылку. Вечером, как домой, пошла на мед<ицинский> пункт. Дежурила врач Дода Моисеевна. Я с ней работала в школе на ст. Фарфор<овский> пост. Поехала какая-то м<ед>с<естра> Муся Петрова. Обещала передать посылку. На улице морозно. Как-то в Тихвине? Домой приехала в 22 ч. 45. Завтра сутки.

26/III-44 г. Воскресенье.

Дежурство прошло спокойно днем. Ночью пришел рабочий с завода им. Кагановича²⁴⁶ с тяжелым ожогом II ст<епени> от папиросы. Выпив, заснул крепко и проснулся, сгорев очень тяжело. Сама сделала все необходимое и перевязку. Утром врач похвалил. Сама как избитая. С трудом измеряла температуру. Зинаида Александровна говорит, что вызов готов, но въезд разрешен через три недели. Обалдеть надо. Ждать еще 3 недели. Не мне, конечно, а Коле. Как нарочно, холодно. -10° , -6° .

27/III-44 г. Понедельник.

Днем никуда не ходила. Лидочка выписана из больницы. Очень поправилась. Живет пока в изоляторе. Вера Львовна боится, чтобы не

попало. Посылку не собрала. Нет хлеба. Завтра пошлю обязательно. От Коли ничего нет. Вечером зашла к Зое и получила 1 кг. хлеба. Ольга Николаевна сказала, что вызов послан в НКВД Тихвина. Завтра узнаю окончательно и тогда можно дать телеграмму. Неужели это правда? Маруся сегодня узнала, что пропал без вести брат Саша. Еще в январе м<еся>це. Очень плачет. Ужас! Пока никому не скажу о вызове. Боюсь верить.

28/III—44 г. Вторник.

Целый день хлопотала о посылке. Послала телеграмму и деньги. Вечером снесла посылку. Передала Лизе Ерохиной. Она говорит, что девушки мед<ицинского> пункта в Тихвине говорили, что Коля заходил. Значит, посылки попадают ему. К Ольге Николаевне уже поздно идти. Зайду завтра. Взят Николаев.²⁴⁷ Спать не могу. День был солнечный, чудесный.

29/III—44 г. Среда.

День прошел спокойно. Много ходила. Принесла с трудом 10 кг. рыбьего жира. Из детского сада поехала в церковь. На душе тревожно, невесело. Ольга Николаевна больна. Снесла ей sulfidine и co-deine.²⁴⁸

Бумаги о Коле якобы в НКВД на проверке. Опять задержка. Вела себя прилично, не плакала. Когда же конец мученьям?

30/III—44 г. Четверг.

Сутки в больнице. Плачу потихоньку. Боюсь, что ему и голодно и холодно. Весь день не находила покоя. Работы было очень много. Душ не брала. Не хочется. Вечером куда-то все летели самолеты. Взятые Черновицы и много всяких пунктов.²⁴⁹ Утром пришла Зинаида Александровна и сказала, что 2/IV в 8 ч. 30 утра я должна быть в проходной завода. Оттуда с Николаем Тихоновичем пойдем к нач<альни>ку завода Богомольцу (какая славная фамилия), чтобы хлопотать за Колю. Уже что-то. Хлеб выкупила за 1/IV, за 31-ое дала Анна Михайловна. Вечером зашла к Зое. Она дала буханку хлеба. У меня есть америк<анские> консервы, шоколад, урюк, лиловый шерстян<ой> шарф и письмо. Послала телеграммы: Коле и Сергею. Посылку передала Наде Никифоровой. С вокзала зашла в детский сад. Съела картофель и домой. Взят Очаков.²⁵⁰ Спать!

1/IV—44 г. Суббота.

День прошел спокойно. Ничего нового нет. Пришло письмо от Коли. Просит какие-нибудь брюки. Завтра постараюсь купить. Вечером была тревога. В городе сильно били зенитки. Ночью взяла душ. Очень устала волноваться.

2/IV—44 г. Воскресенье.

Рано утром поехала на Октябрьский завод²⁵¹ к Сидорину. Там был митинг. Пришлось ждать. Завод очень красивый и опрятный. Сидорин свел меня к зав<едующему> кадрами. Там показали Колю в уже законченном списке, утвержденном в Москве. Сказали, что на этой неделе будет получено разрешение из райсовета, которое и будет мне передано. Это будет вызов. Поехала оттуда на рынок и купила брюки за 1500 рубл., вернее, за 900 рубл. + ½ л. водки. Вечером послала Коле хорошую посылку. Вечером поздно была в церкви.

3/IV—44 г. Понедельник.

Ничего нового не было. Работалось легко. Только бы Коля дотерпел до вызова. Завтра пошлю посылку. В больнице тихо. Вечером была тревога, о<чень> было страшно. Мы уже отвыкли, и она нам ни к чему. Денег всего 10 руб., но на днях зарплата. В голове нет мысли.

4/IV—44 г. Вторник.

В детском саду сказали, что Анна Вульфовна лежит дома. Надо и к ней попасть и посылку собрать и отнести. Много чего надо. Хлеб выкупила по 9/IV по своей карточке + 600 гр. по карточке Анны Михайловны. Была у Анны Вульфовны, поставила ей банки, отдала микстуру, выписанную Сергеем Ивановичем. Вечером послала посылку. Вызова еще нет и уже нет терпения.

5/IV—44 г. Среда.

Никто не звонил. Вера Львовна дала хлеб по своим двум карточкам за 5/IV. Купила очень хорошенькую буханочку. Зоя купила буханку. С работы поехала в церковь, все со своими просьбами. На душе полегче. Не знаю, как благодарить за то, что жив Коля, за то, что столько хороших людей, за то, что уцелела и осталась человеком сама. Спать сейчас.

6/IV—44 г. Четверг.

Сегодня пошлю посылку. Очень плачет бедная Маруся. Получила извещение, что 24/1 убит Саша. Вот это горе. Устраивала сегодня Лиду. Послала посылку Коле. Заехала в церковь. Дома нет почему-то света, холодно и неуютно.

7/IV—44 г. <Пятница.> <Пояснение переписчика:> Ничего не записано.

8/IV—44 г. Суббота.

Вызова пока нет. От Коли тоже ничего нет. Очень волнуюсь. Сегодня победы потрясающие. Вечером передаю посылку. Хлеб выкупила по 13/IV, Вера Львовна дала 1 кг 200 гр. Получила изюм, колбасу. Все посылаю и радуюсь, что есть что послать. Вчера вернулось

300 чел. завода «Пирометр»,²⁵² те, что уезжали с Колей. Бедняга, как ему не везет. Сегодня везет посылку Муся Степанова.

9/IV 44 г. Воскресенье.

Утром была в церкви. Очень много было народу. К Ольге Николаевне постеснялась зайти. В детском саду занималась с Еленой Николаевной, а потом поехала домой. Перетащили вещи из комнаты в комнату Коли. От него ко мне обеденный стол, платяной шкаф, письменный столик и прочую мелочь, а к нему поставила большой письменный стол. Провозилась по 5 час. утра и всего не сделала. Очень устала. Волнуюсь, как он там, в Тихвине? Только бы не угнетали местные власти.

10/IV—44 г. Понедельник.

И сегодня нет ничего. Волнуюсь. Антонина Николаевна звонила насчет водки. Слава Богу, есть. В субботу послала Коле в посылке 150 руб. Сегодня передала только хлеб, и пришлось послать свой рацион и масло. Получила телеграмму из Новосибирска от Васильевой Люси,²⁵³ что они могут Коле помочь. Странное впечатление, но чувствует сердце, что совершена была какая-то подлость. Дам телеграмму, что помощь нужна срочно.

11/IV—44 г. Вторник.

Ждала вызов, но его не было. Дохожу до отчаяния. Неужели опять обман? Дежурю с трудом.

<Пояснение переписчика:>12/IV, 13/IV, 14/IV, 15/IV утеряны листочки.

16/IV—44 г. Воскресенье.

Из больницы поехала в церковь. Сегодня первый день Пасхи. Потом поехала в детский сад и занималась с Еленой Николаевной. Она мне отдала всю вчерашнюю булку. Спасибо, пойдет Коленке. Анна Михайловна отдала хлеб за 2 дня. Дома дооборудовала и убрала Колину комнату. На душе спокойно, хотя показателей к тому мало. У себя еще не убирала, только повесила фонарь. Скорее бы он был дома.

17/IV—44 г. Понедельник.

День шел очень томительно, но с хлебом устроилась, и еще Вера Львовна предложила, но я отказалась. Сама я сыта. Посылку собрала хорошо. Положила конфеты и 100 рубл. денег. Передала на поезд Дусе Макаровой из Пролетарской больницы. Очень просила передать на мед<ицинский> пункт. Как я, наверно, всем надоела. Целый день идет дождь. Скоро Коля, наверно, будет дома. Почему не пишет?

18/IV—44 г. Вторник.

Ничего нового. Вечером получила телеграмму от Коли. Посылки получает. Спрашивает, получила ли я письмо? Пока не получила. Не удивляюсь, т<ак> к<ак> городские идут по 8 дней. На душе полегче.

19/IV—44 г. Среда.

Утром на дежурстве меня поздравили со скорым Колиным приездом. Зина Александровна говорит, что на днях будут получены пропуска. Не верю, пока не буду держать в руках. Очень было голодно, но за 20 рубл. Ядя где-то купила порядочный кусок хлеба. Получила за водку и для Зои продукты. Очень рада.

20/IV—44 г. Четверг.

Утром Зинаида Александровна сказала, чтобы я завтра обязательно дозвонилась к Николаю Тихоновичу. И чтобы не загнала продукты. Я так поняла, что, может быть, пропуск будет готов раньше воскресенья. Получила письмо от Коли. Пропала посылка от 8/IV (он ее не получил), посланная с Мусей Степановой. Жаль, там кроме еды 150 рубл. Но что же делать? Видимо, так тоже может быть. Никому об этом не скажу. Стыдно. Днем грузовик наскочил на детей 10-го детского сада и тяжело ранил 5 человек. Дети стояли на тротуаре. Кто виноват?

21/IV—44 г. Пятница.

Сегодня весь день прошел в томительном ожидании. Нет никаких вестей. Денег тоже нет. Надо непременно, чтобы продаться драповая кофточка. Просила Полину пойти со мной в воскресенье на толкучку. У Веры Львовны сестра с дочкой «сняты с поезда» в Тихвине, а 2-ая сестра, младшая, сегодня приехала в Ленинград в командировку. Завтра опять буду звонить на завод. До чего же страшно. Что делать? Вечером занялась с Еленой Николаевной за воскресенье. Что еще можно сделать?

22/IV—44 г. Суббота.

Утром позвонил Хряпенков, что получены пропуска и чтобы я приехала. Поехала, не помня себя от радости. Когда пришла к Сидорину, оказалось, что Коля в другом списке и на него еще нет пропуска. Я так отчаивалась, что он вместе пошел со мной к какому-то Колыхалову. Там я встретила Елену Георгиевну. От нее, оказывается, зависело, в какой список поставить Колю. Она успокоила, что все равно на днях все получают разрешение по всем спискам.

23/IV—44 г. Воскресенье.

Сегодня дежурю сутки. Просила Клавдию Александровну отпустить меня на часок в 6 ч. веч<ера>, чтобы сбежать к Елене Георгиевне.

Сказала, что очень сожалеет, что ничего не знала о моих затруднениях, чтобы я не волновалась, все будет сделано.

Думаю, что теперь действительно будет сдвиг. Дежурила благополучно. Сама-то я стала какая-то вроде дурочка.

24/IV—44 г. Понедельник.

Утром получила зарплату. Нас лишили 25%-ной жел<ез>но<дор><ожной> надбавки. Очень жаль, но ничего не поделаешь. Целый день, между делом, собирала посылку Коле. Послала 200 р. по телеграфу. Осталась с небольшой суммой, но как-нибудь вывернусь. Сестра Веры Львовны застряла в Тихвине.

Вечером передала посылку. Посылку повезла Дуся М<ака>рова. Домой попала в 23 ч. 30. На днях я послала письмо в Смольный тов. Капустину.²⁵⁴ Не думаю, что из этого что-нибудь выйдет. Придя домой, получила открытку, чтобы явиться на канал Грибоедова, д. 6 для заполнения анкеты. Даже страшно думать.

25/IV—44 г. Вторник.

Так оно и есть. Господи, какое счастье. И так просто. И не надо никого умолять. В пятницу надо идти за готовым разрешением для Коли. Так сказала мне тов. Воробьева, секретарь. Я стояла в очереди до 2-х часов. Заехала в церковь. Все под проливным дождем. Т<ов.> Капустина поблагодарю письмом. Вечером получила две открытки от Коли. Его вызывали в военкомат, и ему надо будет проходить всеобуч. Боятся, чтобы не угнали. Телеграмму послала с вокзала, т<ак> к<ак> было поздно, что в пятницу готов вызов, чтобы додержался. Видимо, много посылок пропало. Бедный мой мальчик. А сама я, кажется, скоро сойду в могилу. Ноги не идут, и голова не работает.

26/IV—44 г. Среда.

С утра поехала в детский сад. В 8 ч. 30 на канал Грибоедова. Узнала, что разрешение можно получить в четверг. Т<ов.> Воробьева обещала сделать все к четвергу, в 19. 30 м. Поехала в больницу, чтобы переменить дежурство. Удалось устроиться. Получила деньги и карточки. Заехала в детский сад. По дороге заехала в Лавру. Вечером на вокзал. Багаж еще не пришел. Послала Коле подробную телеграмму. Дома поставила Марусиным ребятишкам самовар. Приготовила пода-рок Римме, она повезет разрешение. Ложусь спать.

27/IV—44 г. Четверг.

Работала в детском саду. Вечером надо ехать за разрешением. Очень страшно. Идет дождь, прямо ливень, целый день. Приехала на кан. Грибоедова в 19 ч. Села в коридоре и боюсь спросить тов. Воробьеву о разрешении. В половине 8-го она вышла из комнаты, и я

спросила. Она провела меня в 62-ую комнату к т<ов>. Ивановой, и в течение 3-х минут я получила то, из-за чего Коля два месяца бьется в Тихвине, а я здесь. Вечером вызов и посылку передала Римме. Подарила ей батист на сорочку. Девочка была рада. 28-го утром дала телеграмму, что вызов послан. Волнуюсь так, что дрожат руки и ноги. День прошел в хлопотах, в работе. Уверена, что вызов дойдет.

29/IV—44 г. Суббота.

Две телеграммы от Коли. Моя телеграмма запоздала, и он к поезду не вышел. Вызов поехал в Москву. Теперь получит только в воскресенье. Завтра передам посылочку. Очень болит голова.

Вечером была в церкви. Потом вернулась в детский сад, где и переночевала. Идет мокрый снег.

30/IV—44 г. Воскресенье.

Что за погода. Снег идет и сегодня весь день. Ходила к Анне Вульфовне. Она очень плохо выглядит и плохо себя чувствует. Вечером снесла посылку. Едет очень милая сестра, Нина Алексеевна. Знает мою сестру, Зою. Думаю, передаст. Едет обратно через Тихвин 3-го/V и думает захватить Колю. Вечером был товарищеский ужин. Вторые сутки остаюсь в детском саду.

Праздник в детском саду прошел хорошо. Я очень устала и очень болит голова — невралгия. Непроизвольно вскрикиваю, так дергает голову. Как мне мой мальчик трудно дается. 4-го мая ему исполнится 17 лет. Завтра пойду встречать Римму.

1/V—44 г. Понедельник.

Встретила Римму. Она говорит, что, когда Коля получил вызов, схватил его и бросился бежать через лесок. Вероятно, хотел сразу оформить, на праздники задержат его на два лишних дня. Но теперь вызов у него в руках, и можно быть уверенной, что скоро будет дома.

Дежурю сутки в больнице.

2/V—44 г. Вторник.

Сегодня с дежурства заехала в детский сад. Взяла все свои праздничные продукты и свезла их домой. Потом поехала в детский сад обедать и заняться с Еленой Николаевной. Дома топила печку. Пекла блины. Сегодня сыта без хлеба. Хлеб удалось выровнять к Колиному приезду.

3/V—44 г. Среда.

Завтра может приехать Коля. Ставлю немного теста. В комнатах все в порядке. Известий нет, да я и не жду. Очень боюсь, что почему-либо не приедет 4-го. Ждать просто нет никакой возможности. Заехала в собор. На улице тепло, но дождь.

4/V–44 г. Четверг.

Утром спешила на вокзал. Приехала как раз к поезду. Коли нет. Видела Нину Алексеевну, посылку, говорит, передала, а потом «мальчик не приходил». В чем дело? Неужели сложно с оформлением выезда. На столе дома приготовила все, чтобы мог поесть без меня. Я дежурю. Эти сутки мне совсем ни к чему. Завтра утром поеду прямо на вокзал.

5/V–44 г. Пятница.

На вокзале никого не встретила, а когда приехала домой, меня встретил Коля. Большой, славный. Очень вырос. Какой-то немного чужой. <Далее текст переписчика:> В календаре за 5/V рукой Коли написано: «Ну вот и приехал. Коля».

На этом записи мои кончаются, т<ак> к<ак> с приездом Коли свалилось столько на меня дел и хлопот, что некогда не только писать, но подчас передохнуть.

¹ Имеется в виду Большая Московская ул.

² Николай Дмитриевич Васильев, сын М. В. Васильевой. См. о нем в преамбуле.

³ Имеется в виду *Козырева Зоя Дмитриевна* – учительница русского языка в 1940-х гг. в Хоровом училище для мальчиков, в котором учился Николай Васильев.

⁴ Имеется в виду детский сад № 49 Смольнинского района (Невский, 154).

⁵ *Козловский Иван Семенович* (1900–1993) – оперный и камерный певец (лирический тенор), ведущий солист Большого театра (1926–1954).

⁶ Сокращение раскрыто в примеч. 6 к дневнику «Жестокое испытание...».

⁷ Имеется в виду *Татьяна Александровна Юрлова* и ее сын *Александр Александрович Юрлов* (1927–1973) – хоровой дирижер, педагог, народный артист РСФСР (1970). Ученик А. В. Свешникова. Александр Юрлов не смог эвакуироваться с Хоровым училищем при Ленинградской капелле и остался в блокадном городе с большой матерью. «Позже Саща не любил вспоминать те страшные блокадные годы», – сообщал его однокашник А. Ушкарев (Александр Юрлов: Сб. статей, материалов, воспоминаний. М., 1983. С. 60). Как отмечает А. Н. Крюков, Юрлов «в ту пору учился... на повара: ему было необходимо содержать и себя, и мать, попавшую под артобстрел и оказавшуюся в госпитале» (Музыка в дни блокады: Хроника / Авт.-сост. А. Н. Крюков. СПб., 2002. С. 242). В конце войны Свешников перевез истощенного блокадной мальчика в Москву и поселил в хоровом училище. Композитор Фляковский вспоминал: «...А. В. Свешников привез из Ленинграда и Александра Юрлова, тогда худого, немногословного, с не по возрасту усталыми глазами. Условия для А. Юрлова были созданы иные, нежели для всех учащихся: он жил в маленькой комнатке при медпункте – отдельно от нас» (Александр Юрлов. С. 67). В 1950 г. Юрлов окончил дирижерско-хоровой факультет Московской консерватории. С 1958 г. – художественный руководитель и главный дирижер Республиканской русской хоровой капеллы (с 1973 г. им. А. А. Юрлова). См. о нем также: Александр Юрлов: Сб. статей. Тамбов, 2002.

⁸ Васильева ошиблась, написав, что была на выступлении ансамбля песни и пляски А. В. Александрова. В действительности она была на театрализованном представ-

лении под названием «Отчизна» Ансамбля песни и пляски НКВД СССР (создан в 1939 г.; художественный руководитель З. О. Дунаевский). Программа исполнялась 30 и 31 марта 1943 г. в Выборгском доме культуры (см. анонс: Ленинградская правда. 1943. 30 марта. С. 2). «Программа называлась „Отчизна“, – писал о представлении Бирюков. – В ее создании участвовало целое созвездие замечательных мастеров советского искусства. Главным режиссером всех постановок ансамбля военных лет был С. Юткевич. Хоровой группой руководил А. Свешников. Танцевальной – А. Мессерер и К. Голейзовский. Оркестром – З. Дунаевский и Ю. Силантьев. Художественное оформление возлагалось на П. Вильямса. Это были не традиционные концерты, а театрализованные представления со сквозным сюжетом, который объединял все хоровые, вокальные, музыкальные, танцевальные и прочие номера» (По военной дороге / Сост. Ю. Е. Бирюков. М., 1988. С. 225–226). Для спектакля «Отчизна» Шостакович сочинил сюиту «Родной Ленинград». В Ленинград московский ансамбль песни и пляски НКВД приехал 4 марта, а первое выступление состоялось 6 марта. Отзывы прессы о программе см.: Музыка в дни блокады: Хроника. С. 313–314.

⁹ Об А. А. Юрлове см. примеч. 7.

¹⁰ Имеется в виду переложение симфоний для двух фортепиано. См., например, изд.: *Бетховен Л. ван*. Симфонии. Т. 1 (№ 1–4). Переложение для ф-но Ф. Листа. М., 1938; То же. Т. 2 (№ 5–7). М., 1938 и др.

¹¹ Масштаб злодеяний немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и городе Ржеве Калининской области был установлен Председателем Чрезвычайной Государственной Комиссии Н. М. Шверником и членом ЧГК Николаем, митрополитом Киевским и Галицким. Подробнее см.: Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1983. С. 56–59.

¹² Противозлепептическое и снотворное лекарственное средство.

¹³ Имеется в виду Никольский собор (или собор Николы Морского), построенный в Петербурге в середине XVIII в. С. И. Чевакинским в честь святого чудотворца Николая – покровителя моряков.

¹⁴ Упоминается Ленинградский и Новгородский митрополит *Алексий (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970)*. (В тексте дневника ошибка переписчика: Алексей.) С 1933 г. проживал и служил в Ленинграде, сначала в Новодевичьем монастыре у Московской заставы, затем в Князь-Владимирском соборе, а с 1940 г. в кафедральном Никольском соборе (при котором и жил), где совершал литургии и молебны, проповедовал и ободрял верующих. В июле 1941 г. он написал обращение к верующим и духовенству «Церковь зовет к защите Родины», имевшее горячий отклик среди прихожан. 2 февр. 1945 г. после смерти Патриарха Московского и Всея Руси Сергия (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) и по его завещанию был избран патриархом. Подробнее об Алексии I см.: *Шкаровский М. В.* 1) Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. СПб., 1995. С. 195–196; 2) Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995. С. 174–184.

¹⁵ Имеется в виду Князь-Владимирский собор на Петроградской стороне в Петербурге, названный в честь равноапостольного князя Владимира, имя которого связано с крещением Руси. С сентября 1940 г. в соборе находилась Казанская икона Божией Матери.

¹⁶ *Тарле Евгений Викторович* (1875–1955) – историк, член-корреспондент (1921), академик (1927).

¹⁷ *Тарновская (урожд. Тарле) Мария Викторовна* (1882–1957) – сестра Е. В. Тарле.

¹⁸ Пять углов – неофициальное название перекрестка, образованного пересечением Загородного пр. с улицами Разъезжей, Рубинштейна и Ломоносова.

¹⁹ *Морозов Марк Иванович* (1896–?) работал в Отделе народного образования Смольнинского района заведующим отделом, награжден медалью «За оборону Ленинграда» 4 июня 1943 г. (ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, наградная картотека).

²⁰ Партия Ленского из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» – одна из лучших исполнительских работ Козловского.

²¹ Вынос Плащаницы – большого плата с написанным или вышитым образом положенного во гроб Христа – совершается днем в Великую пятницу.

²² Имеется в виду Мария Магдалина и ее спутница Мария («другая Мария»; Мф 28: 1). По библейскому сказанию, они шли к гробу-пещере с телом Христовым и несли с собой драгоценное миро для умащения его. Ответ на вопрос о том, кто подразумевается под именем «другая Мария», имеет разные интерпретации. По одним толкованиям это была Мария Клеопова («мать Иакова и Иосии»), по другим – сама Богородица. Исследователи указывают на противоречия в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки относительно количества женщин-мироносиц, пришедших к погребальной пещере, и недостаточность документальных свидетельств о «другой Марии».

²³ Здесь и далее в рукописной копии дневника: «Лэди». Имеется в виду английский фильм «Леди Гамильтон» (That Hamilton women; 1941) режиссера А. Корда; в главных ролях Вивьен Ли и Лоуренс Оливье.

²⁴ Имеется в виду переложение оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» («Жизнь за царя»; 1836) для пения и фортепиано.

²⁵ Возможно, речь идет о довоенном издании: *Каннист В. В.* Избранные сочинения. Л., 1941.

²⁶ Имеется в виду больница закрытого типа, бесплатная для рабочих Пролетарского завода (Цимбалына, 13). Полное название: Больница при Пролетарском и Октябрьском заводах Дорсанотдела Октябрьской железной дороги.

²⁷ Речь идет о групповой фотографии воспитанников Хорового училища при Ленинградской капелле. См. о сохранившейся фотографии хористов в преамбуле.

²⁸ См. примеч. 3.

²⁹ *В Арбаш* – поселок городского типа, центр Арбашского района Кировской области, расположенный на обоих берегах реки Шуван, – были эвакуированы воспитанники Хорового училища для мальчиков при Ленинградской капелле. Один из младших хористов, композитор А. Г. Флярковский вспоминал о пребывании в Арбаше: «Это было в канун 1943 года. Мы давали концерт для работающих в МТС. <...> В зале (если можно так назвать простое барачное помещение — скорее всего, это был амбар) было холодно, но пели мы в своей ленинградской форме: в брючках и суконных рубашках с отложным матросским воротничком. А слушали нас одни женщины да дети, такие же, как мы. Одеты они были в зипуны да ватники. Когда мы запели „Священную войну“, в зале зарыдали, слышны были всхлипы. Долго после исполнения все молчали, молчали и мы. „Сильно баско поете“, — слышалось вместе с плачем... А после концерта каждому из нас, поющих в хоре, подарили кулечек со ста граммами семечек. Этот подарок был сделан детям Ленинграда от всего огромного русского материнского сердца. Я помню о нем всегда!» (*Флярковский А.* Жизнь моя – музыка! Источник: muzruk.info/?p=8713 (дата обращения: 22.06.13)).

³⁰ В начале 1942 г. началась работа по созданию в городе и вокруг него овощного производства и вовлечению населения в коллективное и индивидуальное огородничество. Овощные огороды, принадлежавшие различным организациям, обрабатывались их работниками. Под индивидуальные огороды были вскопаны Марсово поле,

площади у Исаакиевского собора, скверы и др. В городе читались лекции и велись консультации специалистов по выращиванию овощей.

³¹ В Князь-Владимирский собор. См. примеч. 15.

³² ПВХО – противовоздушная и противохимическая оборона.

³³ Речь идет, вероятно, об одном из изданий, посвященном легендарному дрейфу на ледоколе «Георгий Седов» в 1937–1940 гг. (например, Седовцы: [Героический дрейф ледокола «Г. Седов»]. М.; Л., 1940; *Бадигин К. С.* На корабле «Георгий Седов» через Ледовитый океан: Записки капитана. М.; Л., 1940).

³⁴ Имеется в виду роман шотландского писателя А. Кронина «Замок Броуди», написанный в 1931 г. и переведенный на рус. яз. в 1938 г. (*Кронин А.* Замок Броуди. Л., 1938).

³⁵ Станция на московском направлении Октябрьской железной дороги.

³⁶ Имеется в виду Ленинградский государственный кукольный театр под руководством Евгения Деммени (Невский пр., 52), образованный в 1930 г. при слиянии Театра Петрушки Евг. Деммени и Театра марионеток Л. В. Шапориной-Яковлевой. В настоящее время – Театр марионеток им. Е. С. Деммени.

³⁷ Из контекста неясно, о каком издании критика и публициста *Белинского Виссариона Григорьевича* (1811–1848) идет речь.

³⁸ Пролетарский завод – паровозовагоноремонтный завод (ул. Дудко, 3) в Ленинграде-Петербурге.

³⁹ Невский машиностроительный завод им. В. И. Ленина в Ленинграде (пр. Обуховской Обороны, 51). В настоящее время – Невский завод, включающий электротехнический, машиностроительный, металлургический комплексы и испытательный центр турбокомпрессорного оборудования.

⁴⁰ 22 мая (по ст. ст. 9 мая) – день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (1087). Этот праздник православные называют «Никола вешний».

⁴¹ Слова молитвы, произносимые священником во время литургии перед освящением Святых даров: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

⁴² Мать А. А. Юрлова.

⁴³ *Розенблат Семен Львович* (р. 1927 г.) – выпускник Хорового училища для мальчиков при Ленинградской капелле 1945 г.

⁴⁴ Имеется в виду Военно-инженерная академия им. В. В. Куйбышева, которая была эвакуирована из Москвы во Фрунзе (с ноября 1941 г. по декабрь 1943 г.).

⁴⁵ *Горин-Горяинов Борис Анатольевич* (1883–1944) – актер, сын актера А. М. Горин-Горяинова, автор книг «Мой театальный опыт» (Л., 1939), «Кулисы» (Л., 1940), «Федор Волков» (Ярославль, 1942) и др.

⁴⁶ В пасмурную погоду немцы не атаковали город с воздуха. Возможно, «окнами» автор называет перерывы в налетах.

⁴⁷ Текст в скобках приписан позднее.

⁴⁸ *Васильева слушала сцены из оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов»* (1869; 1872).

⁴⁹ «Места общего пользования» – в коммунальной квартире так называются ванная комната, туалет, кухня и коридор.

⁵⁰ Имеется в виду спектакль по пьесе Л. А. Малюгина «Дорога в Нью-Йорк», написанной по мотивам сценария «Это случилось ночью» Р. Рискина (название довоенного голливудского киносценария «Ночной автобус») в постановке Л. С. Рудника в Большом драматическом театре.

⁵¹ В 1942–1945 г. были проведены четыре государственных военных займа, выпускавшихся в виде облигаций разного достоинства сроком на 20 лет. Займы распро-

странялись по подписке и становились личным вкладом соотечественников в борьбе за победу над захватчиками. Подписка на 2-й военный заем была объявлена в июне 1943 г. Подробнее см.: *Сенкевич Д.* Военные займы СССР // Советский коллекционер. 1985. № 23. С. 122–127.

⁵² *Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта) (?–1573)* – государственный, военный и политический деятель, один руководителей опричников, помощник Ивана Грозного.

⁵³ Вознесенье Господне – христианский праздник, установленный в воспоминание вознесения Иисуса Христа на небо. Празднуется в 40-й день Пасхи.

⁵⁴ Медаль «За оборону Ленинграда» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 дек. 1942 г. для награждения всех участников обороны города.

⁵⁵ *Цветков Сергей Иванович (1875–?)* – врач, заведующий отделением Варшавской поликлиники, награжден медалью «За оборону Ленинграда» 16 июня 1943 г. (ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, наградная картотека).

⁵⁶ *Растворова Екатерина Дмитриевна (1918–?)* – врач-терапевт поликлиники и больницы Пролетарского завода, была награждена медалью «За оборону Ленинграда» 16 июня 1943 г. (ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, наградная картотека). Сведений о Калужник Л. Д. обнаружить не удалось.

⁵⁷ Возможно, Васильева читала книгу, вышедшую в блокадном Ленинграде: *Асафьев Б. В. М. И. Глинка. Л.*, 1942.

⁵⁸ Речь идет о вышедшем на экраны в апреле 1943 г. фильме «Актриса» (реж. Л. З. Трауберг).

⁵⁹ «Принц и нищий» (1942) – экранизация одноименного романа М. Твена; автор сценария Н. Р. Эрдман, режиссеры-постановщики Э. П. Гарин, Х. А. Локшина.

⁶⁰ С опереттой «Морской волчонок» выступал в Ленинграде ансамбль под художественным руководством Б. Бронской. В апреле 1942 г. артисты были на гастролях в Кронштадте; в августе выступали перед воинскими частями Ладужской флотилии, а с 1 сент. продолжили выступления в городе спектаклем «Морской волчонок» в Театре Сада отдыха. Среди участников ансамбля: М. Д. Ксендзовский, С. Рутковский, Г. Богданова, Е. Назарьян, С. Чесноков. В 1943 г. этот спектакль проходил в Зале камерных концертов, Клубе НКВД, Доме культуры им. Горького, Театре Сада отдыха, помещении Театра комедии, Доме культуры Первой пятилетки, Зале Малого оперного театра, Выборгском Доме культуры. 8 июня 1943 г. Васильева смотрела «Морского волчонка» в летнем Театре Сада отдыха. См.: Музыка в дни блокады: Хроника. С. 357.

⁶¹ *Петрова Мария Ивановна* – вероятно, мать Петрова Николая Александровича, воспитанника Хорового училища для мальчиков, вместе с которым учился Николай Васильев.

⁶² Здесь: мобилизовали на фронт.

⁶³ «Иоланта» – опера П. И. Чайковского по драме Г. Герца «Дочь короля Рене».

⁶⁴ Имеется в виду *Савельев Борис Владимирович (1896–1966)* – скрипач, композитор. Окончил Петроградскую консерваторию в 1915 г. по классу скрипки. Играл в Придворном оркестре, Оркестре Госфилармонии (1916–1923), в кабаре «Сверчок на печи», ленинградских кинотеатрах. С 1932 по 1956 г. играл в оркестре Радиокомитета. Во время блокады участвовал в постановке спектакля «Олеко Дундич» в Городском театре. О Савельеве есть упоминание в обзоре деятельности театров в годы блокады: «Драматический коллектив в то время осуществил постановку пьесы Александра Ржешевского и Михаила Каца „Олеко Дундич“ (режиссер В. Н. Лебедев, художник В. А. Покровский, композитор Б. Савельев). Первое представление состоялось 23 но-

ября 1943 г.» (Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1948. С. 302–303). Во время войны написал «Марш народного ополчения» (1941), «Героическую поэму» (1942). Автор балетов «Алладин и волшебная лампа» (1956), «Русалочка» (1960), а также произведений для симфонического оркестра. См. о Савельеве: *Крюков А. Н.* Музыка в эфире блокадного Ленинграда (указ.).

⁶⁵ Пеллагра («шершавая кожа») – заболевание, вызванное авитаминозом и неполноценным питанием и сопровождающееся поражением кожи, кишечника и нервной системы.

⁶⁶ Крестовский остров. Находится в западной части города.

⁶⁷ Аскорбиновая и никотиновая кислоты.

⁶⁸ Камерным театром Васильева называется Зал камерных концертов, открытый в Ленинграде в конце апреля 1942 г. в помещении Кукольного театра Деммени (Невский пр., 52). «В этом небольшом зале, вмещающем 210 человек, давались сольные и смешанные концерты разнообразных жанров и ставились одноактные комедии под руководством народного артиста РСФСР Горин-Горяинова» (Музыка продолжала звучать. Ленинград. 1941–1944. Л., 1969. С. 246). Здесь был поставлен спектакль «Анна Каренина» (по роману Л. Н. Толстого) Студенцовым Евгением Павловичем (1890–1943), который сыграл в нем роль Вронского.

⁶⁹ *Норейко Ольга Александровна* (1914–?) работала в детском саду № 49 кружководом. По профессии пианистка-концертмейстер. О ее концертной деятельности известно немного. Она выступала в Зале камерных концертов, выезжала с бригадами артистов в воинские части. 23 сент. 1942 г. выступала с артистами Кировского театра в эпидемиологическом госпитале № 2238; 21 февр. 1943 г. участвовала в литературно-художественном вечере в Доме ученых. См.: Музыка в дни блокады: Хроника. С. 227, 304, 349, 403. Награждена медалью «За оборону Ленинграда» 20 мая 1944 г. (ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, наградная картотека).

⁷⁰ *Железнова-Студенцова Нина Михайловна* (1899–1972) – актриса, жена Е. П. Студенцова. В спектакле «Анна Каренина» выступила в роли Анны. Идея постановки спектакля принадлежала Железновой, которая сделала сначала одноименную композицию для ленинградского радио. Премьера состоялась 8 февр. 1943 г. По мнению театроведов, «этот спектакль был крупным событием не только художественного, но и принципиального значения: он творчески решал проблему спектакля „большой формы“, который в то же время можно было играть на необорудованной сцене, благодаря портативным декорациям (см. об этом: Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны. С. 408–409).

⁷¹ Больница им. Ф. Ф. Эрисмана – клиническая база Первого Ленинградского медицинского института им. И. П. Павлова с 1935 г.

⁷² У переписчика в этом месте стоит знак вопроса, который, вероятно, передает сомнения: «старую» или «старшую» сестру.

⁷³ *Нордберг Лидия Федоровна* – дополнительных сведений отыскать не удалось.

⁷⁴ Болеутоляющее и снотворное лекарственное средство.

⁷⁵ Имеется в виду 8-я симфония си минор (так называемая «Неоконченная»), написанная Ф. Шубертом в 1822 г., рукопись которой была обнаружена лишь в 1865 г. Симфония писалась сначала как переложение для двух фортепиано. В фортепианной редакции сохранились наброски трех частей симфонии, однако в партитуре композитор записал лишь две. Поэтому она и получила в дальнейшем название «Неоконченной».

⁷⁶ См. примеч. 14.

⁷⁷ «Парень из нашего города» – фильм (1942), снятый по мотивам одноименной пьесы К. Симонова; реж. А. Столпер, Б. Иванов, А. Птушко; в главной роли –

Н. Крючков. Кинотеатр «Октябрь» (Невский пр., д. 80) во время блокады практически не прекращал работу.

⁷⁸ Вероятно, имеется в виду американская музыкальная комедия «Три мушкетера» (1939), снятая по одноименному роману А. Дюма; реж. А. Дуон (A. Dwan); шла в кинотеатре «Аврора» (Невский пр., 60).

⁷⁹ В здании Александровского сиротского дома, построенного по проекту арх. Л. И. Шарлеманя в 1831–1834 гг., с 1844 г. помещался Александровский (бывший Царскосельский) Императорский Лицей (Каменноостровский пр., 21).

⁸⁰ 15 июля 1943 г. войска Центрального фронта перешли в наступление против орловской группировки противника. (История ВОВ. Т. 3. С. 612). В ходе боев советские войска освободили более 60 населенных пунктов.

⁸¹ 16 июля 1943 г. советские войска продолжили наступление на Орловско-Курском направлении. В Ленинграде в этот день погибло 28, а ранено 128 человек. «В Ленинграде 17 июля, – сообщал Буров, – тяжелый день. Вражеская дальнбойная артиллерия выпустила по городу 453 снаряда» (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 545).

⁸² «В старом Чикаго» (1937) – американский фильм режиссера Г. Кинга.

⁸³ Организацию советской системы здравоохранения связывают с принятием Советом Народных Комиссаров 11 июля 1918 г. декрета «Об учреждении Народного комиссариата здравоохранения». Наркомздрав возглавил Н. А. Семашко.

⁸⁴ Сазонтов Василий Иванович (1897–?) – начальник врачебной санитарной службы, награжден медалью «За оборону Ленинграда» 7 июня 1943 г. (ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, наградная картотека).

⁸⁵ См. примеч. 39.

⁸⁶ Сведений о Маслове Павле Федоровиче не найдено.

⁸⁷ Фильм «Враги» по мотивам одноименной пьесы М. Горького снят на Ленфильме в 1938 г.; реж. А. В. Ивановский.

⁸⁸ Праздник военных моряков отмечается в последнее воскресенье июля начиная с 1939 г.

⁸⁹ Платформа Сортировочная Октябрьской железной дороги находится между платформами Фарфоровская и Обухово; поезда идут с Московского вокзала.

⁹⁰ На Ленинградском фронте советские войска улучшили свои позиции севернее и восточнее Мги.

⁹¹ Имеется в виду роман английского писателя Локка Уильяма (1863–1930) «Джеффри» (Л., 1926).

⁹² Попков Петр Сергеевич (1903–1950) – партийный и государственный деятель, с 1939 г. председатель Ленсовета, первый секретарь ленинградской партийной организации в 1946–1949 гг. Был арестован в 1949 г. и расстрелян. Резвакуация ленинградцев проходила сложно. Так, О. Ф. Берггольц писала сестре 8 апр. 1944 г.: «С въездом к нам все усложняется: резвакуация будет совершаться по плану, утвержд<енному> Совнаркомом. Партизанские походы к „отцу города“ Попкова пока что ни у кого не увенчались успехом. После нагоняя, который он получил от пр<авительств>ва за бардак первой недели резвакуации, Попков и вообще наш Военный совет просто зверствует. Так, в нашем Союзе паника: около 15 чел<овек> наших лен<инградских> писателей подали список на возвращение семейств, этот список утвердил горком, а Воен<ный> совет дал разрешение выписать семьи только троим, остальным (в том числе Кетлинской) – отказано наотрез. <...> Вообще, что-то странное с въездом к нам» (цит. по: Письма О. Ф. Берггольц к отцу Ф. Х. Берггольцу (1942–1944) / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 632).

⁹³ 2 авг. (по ст. ст. 20 июля) отмечается день памяти одного из наиболее чтимых на Руси святых – пророка Ильи.

⁹⁴ 4 авг. (по ст. ст. 22 июля) – день памяти мироносицы равноапостольной Марии Магдалины.

⁹⁵ Имеется в виду врач-фтизиатр.

⁹⁶ 5 авг. 1943 г. в ходе Орловской наступательной операции войска Брянского фронта освободили г. Орел, а во время Белгородско-Харьковской наступательной операции войска Степного фронта овладели г. Белгород (История ВОВ. Т. 3. С. 612).

⁹⁷ Речь идет об Орловской наступательной операции.

⁹⁸ «Евгений Онегин» – опера П. И. Чайковского, написанная им в 1877–1878 гг. по одноименному роману в стихах А. С. Пушкина.

⁹⁹ Этот же эпизод блокадной жизни описан А. В. Буровым. См. примеч. 5 во вступ. ст. к данному сборнику.

¹⁰⁰ Имеется в виду статья «О втором фронте», в которой дан анализ военных операций союзников. В ней отмечалось, что поскольку англо-американские войска еще не имели настоящих встреч с войсками гитлеровской Германии, то «организация второго фронта еще не осуществлена» (Правда. 1943. 6 авг. № 195. С. 2).

¹⁰¹ Вероятно, О. А. Норейко.

¹⁰² *Симонов Константин (Кирилл) Михайлович* (1915–1979) – поэт, прозаик.

¹⁰³ 12 авг. 1943 г. продолжались Смоленская (Западный фронт) и Белгородско-Харьковская (Воронежский фронт) наступательные операции. Войска Центрального фронта освободили Дмитровск-Орловский (История ВОВ. Т. 3. С. 285).

¹⁰⁴ «Слуга двух господ» – комедия К. Гольдони, которая шла в Большом драматическом театре.

¹⁰⁵ *Полицеймако (наст. фам. Полицеймакос) Виталий Павлович* (1906–1967) – актер театра и кино. С 1930 по 1967 г. работал в Большом драматическом театре им. М. Горького в Ленинграде. В 1942 г. исполнял роль Питера Уорена в спектакле «Дорога в Нью-Йорк» Л. Малюгина (по сценарию Р. Рискина); в 1944 г. играл Луку в пьесе «На дне».

¹⁰⁶ Речь идет о *Владимире Николаевиче Хвастунове*, воспитаннике Хорового училища для мальчиков при Ленинградской капелле. О его матери – Хвастуновой дополнительных сведений отыскать не удалось.

¹⁰⁷ Харьков был освобожден войсками Степного и Воронежского фронтов 23 авг. 1943 г. (История ВОВ. Т. 3. С. 291).

¹⁰⁸ *Литвинов (наст. имя и фам. Меер Генох (Макс) Моисеевич Валлах*; 1876–1951) – советский дипломат, нарком иностранных дел (1930–1939). Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1941–1943 гг. посол в США и одновременно посланник СССР на Кубе. В 1943 г. был отозван в Москву. С 1946 г. в отставке.

¹⁰⁹ Первоначально в рукописи: Ротштейн, затем Рутштейн. Имеется в виду *Кулаков (наст. фам. Рутштейн) Кузьма Львович* (1901–1979) – актер театра и кино, режиссер, писатель. Окончил Белорусскую драматическую студию в Москве (1926). Во время войны был эвакуирован с Белорусским еврейским театром в Новосибирск. С 1952 г. и до конца жизни работал в Государственном русском драматическом театре Белоруссии.

¹¹⁰ См. примеч. 14.

¹¹¹ 28 авг. (по ст. ст. 15 авг.) отмечается христианский праздник Успенье Пресвятой Богородицы.

¹¹² 30 авг. 1943 г. войска Южного фронта освободили Таганрог; полностью была освобождена Ростовская область (История ВОВ. Т. 3. С. 317).

¹¹³ 28 авг. 1943 г. после артиллерийской подготовки и ударов авиации было возобновлено наступление войск Западного фронта в направлении Ельня, Смоленск. 30 авг. Ельня была освобождена (История ВОВ. Т. 3. С. 365–366).

¹¹⁴ 26 авг. началась Черниговско-Припятская наступательная операция войск Центрального фронта. Севск был освобожден 27 авг. (История ВОВ. Т. 3. С. 308).

¹¹⁵ Спектакль «Давным-давно» по героической комедии А. К. Гладкова (первоначальное название – «Питомцы славы») ставили во время войны многие театры страны. В 1943 г. спектакль был поставлен П. К. Вейсбремом на сцене Большого драматического театра, творческий коллектив которого находился в эвакуации в Кирове, но группа артистов (60 человек) вернулась после прорыва блокады в Ленинград. Именно этим спектаклем, премьеры которого состоялась 24 марта, началась работа БДТ после полуторогодичного перерыва, но «закончить этот жизнерадостный патриотический спектакль сегодня не удалось» из-за воздушных налетов и артиллерийских обстрелов (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 482).

¹¹⁶ 4 сент. 1943 г. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит московский Сергей (Страгородский) вместе с Ленинградским митрополитом Алексием (Симанским) и Киевским митрополитом Николаем (Ярушевичем) был принят Сталиным Иосифом Виссарионовичем (наст. фам. Джугашвили; 1875–1953). На встрече присутствовали также В. М. Молотов и полковник НКГБ Г. Г. Карпов, назначенный позднее председателем Совета по делам Русской Православной церкви. Митрополиты изложили свои пожелания, в числе которых было проведение Архиерейского собора и избрание Патриарха. Сталин заверил, что правительство СССР окажет всяческое содействие. На следующий день было опубликовано следующее сообщение: Прием тов. И. В. Сталиным Митрополита Сергея, Митрополита Алексия и Митрополита Николая // Известия. 1943. 5 сент. № 210. С. 1.

¹¹⁷ К исходу 7 сент. 1943 г. войска Центрального фронта продвинулись в юго-западном направлении до 180 км: продолжалось наступление в Донбассе, на Бахмачском направлении, а также западнее и юго-западнее Харькова.

¹¹⁸ 8 сент. 1943 г. 5-я ударная армия при содействии войск 2-й гвардейской армии овладели областным центром Донбасса г. Сталино (История ВОВ. Т. 3. С. 613), а также заняли свыше 150 населенных пунктов.

¹¹⁹ После ареста фашистского лидера Италии Бенито Муссолини итальянская фашистская партия была распущена. 3 сент. 1943 г. новое итальянское правительство заключило перемирие с США и Великобританией. 8 сент. 1943 г. капитуляция вступила в силу.

¹²⁰ Кролевец был освобожден 2 сент. 1943 г., а 9 сент. советские войска овладели городом и крупным железнодорожным узлом Бахмач (История ВОВ. Т. 3. С. 309).

¹²¹ На встрече Сталина с тремя митрополитами 4 сент. 1943 г. митрополит Сергей говорил о том, что в Русской Православной церкви нет центрального руководства, так как с 1935 г. нет Синода, и просил разрешения созвать Архиерейский собор, который изберет Патриарха и образует при главе церкви Священный Синод. Собор состоялся 8 сент. в новом здании Патриархии в Чистом пер. в Москве. В нем участвовало 19 архиереев. Митрополит Сергей предложил избрать Священный Синод при Патриархе из 3 постоянных и 3 временных членов. Постоянными членами Синода были избраны Ленинградский митрополит Алексий (Симанский) и Николай (Ярушевич), а также архиепископ Горьковский Сергей (Гришин). Временными членами в Синод были приглашены архиепископы Куйбышевский Алексей (Палицын), Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий) и Ярославский Иоанн (Соколов), а также управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Николай Колчицкий. Собор епископов

избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия. 12 сент. 1943 г. состоялась интронизация новоизбранного Патриарха в кафедральном Богоявленском соборе.

¹²² Силами войск 44-й армии Южного фронта (с 20 окт. – 4-й Украинский фронт) и поддержкой 4-й воздушной армии и подразделов Азовской Военной Флотилии 10 сент. 1943 г. был освобожден Мариуполь (История ВОВ Т. 3. С. 321). Наступление по побережью Азовского моря продолжалось. К 14 сент. войска продвинулись вперед на 15 км и заняли свыше 20 населенных пунктов.

¹²³ 12 сент. (по ст. ст. 30 авг.) Русская Православная церковь празднует память перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского (1220/1221–1263) в 1724 г. из города Владимира в Санкт-Петербург.

¹²⁴ *Мальцева Тамара Яковлевна* (1891–?) – заведующая физиотерапевтическим отделением больницы им. Раухфуса, награждена медалью «За оборону Ленинграда» 25 окт. 1943 г. (ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, наградная картотека).

¹²⁵ В ходе наступательной операции войск Брянского фронта (командующий – М. М. Попов) 13 сент. были взяты железнодорожные узлы Брянск-1 и Брянск-2.

¹²⁶ Трамвайный парк им. К. Н. Блохина.

¹²⁷ Имеется в виду памятник героям миноносца «Стерегущий», погибшим во время Русско-японской войны. Памятник работы К. В. Изенберга (1908–1911) находится на Петроградской стороне Ленинграда (Петербурга).

¹²⁸ Холманских, Любина – неустановленные лица.

¹²⁹ Ленинградская государственная бумагопрядильная фабрика им. 1 мая находилась на Петроградской стороне (Петроградская наб., 34). Первоначально: бумагопрядильная фабрика АО «Джеймс Бек», организованная в 1893 г. В 1919 г. была национализирована. В 1953 г. вошла в состав прядильно-ниточного комбината им. С. М. Кирова.

¹³⁰ В ходе Черниговско-Припятской наступательной операции 15 сент. 1943 г. был освобожден Нежин (см.: История ВОВ. Т. 3. С. 309).

¹³¹ Большой драматический театр возобновил спектакль «Кремлевские куранты» по пьесе Н. Ф. Погодина в 1943 г. в Ленинграде в постановке Л. С. Рудника. Первый возобновленный спектакль состоялся 14 июля.

¹³² В ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции войск Северо-Кавказского фронта (командующий И. Е. Петров) утром 16 сент. был полностью освобожден крупнейший черноморский город и порт Новороссийск (История ВОВ. Т. 3. С. 355).

¹³³ Видимо, ошибка переписчика. 17 сент. войска Брянского фронта освободили города Брянск и Бежица (История ВОВ Т. 3. С. 370).

¹³⁴ Не вся Русская Православная церковь признавала церковный курс московского митрополита, а затем патриарха всея Руси Сергия, сохранив каноническую верность патриаршему местоблестителю Петру. Несогласие ряда епископов и священников выразилось в отказе от поминовения за богослужением имени митрополита Сергия (на тот момент он был заместителем патриаршего местоблестителя, а фактически — единственным признанным советской властью высшим «администратором» Московского Патриархата). Несогласные с митрополитом Сергием и его линией на соглашательство с атеистическим режимом и получили прозвище «непоминающие». Так, например, епископ Афанасий (Сахаров) отказался подчиняться избранному патриарху и образованному им Синоду. Когда же он решил все же помянуть патриарха при богослужении и первый раз помянул его, то оказалось, что Сергий незадолго до этого умер.

¹³⁵ 19 сент. успешное наступление шло в Киевском, Запорожском и Мелитопольском, Днепропетровском, Полтавском, Рославльском направлениях, а также западнее и юго-западнее Новгород-Северского и на Кубани.

¹³⁶ Franco (*итал.*) – свободный. Франко-потолок – свободный, неустановленный «потолок» (ограничение) в каком-либо процессе. Судя по контексту, Васильева не признавала ведение учета без четких инструкций. Здесь: франко-потолок – неточный метод («цифры с потолка») учета медицинской работы.

¹³⁷ 21 сент. христиане отмечают Рождество Богородицы пресвятой Девы Марии в семье праведных Иоакима и Анны.

¹³⁸ В ходе Черниговско-Припятской наступательной операции войска правого крыла Центрального фронта 21 сент. 1943 г. освободили г. Чернигов (История ВОВ. Т. 3. С. 312).

¹³⁹ Жаропонижающие лекарственные средства.

¹⁴⁰ 23 сент. 1943 г. в ходе битвы за Днепр была освобождена Полтава (История ВОВ. Т. 3. С. 313).

¹⁴¹ В ходе наступательной Смоленско-Рославльской операции войска правого крыла Западного фронта 25 сент. освободили города Смоленск и Рославль (История ВОВ. Т. 3. С. 367).

¹⁴² Воздвижение Креста Господня празднуется 27 сент. Во время всенощного бдения происходит вынос Креста и совершается чин поклонения ему.

¹⁴³ Обводный канал.

¹⁴⁴ Дополнительных сведений о *Синицыной Любови Ароновне* не обнаружено.

¹⁴⁵ 7 окт. 1943 г. войска Калининского фронта освободили Невель (История ВОВ. Т. 3. С. 373), 3 окт. был освобожден г. Тамань (Там же. С. 357), к утру 9 окт. был очищен от сил противника весь Таманский полуостров.

¹⁴⁶ Войсками Волховского фронта 7 окт. 1943 г. были освобождены Кириши.

¹⁴⁷ С 1923 по 1952 г. площадь Александра Невского в Ленинграде называлась Красной площадью.

¹⁴⁸ Праздник Покрова Пресвятой Богородицы, отмечаемый православными 14 окт. (по ст. ст. – 1 окт.), установлен в память о видении блаженному Андрею во время богослужения в константинопольском Влахернском храме Пресвятой Богородицы со святыми ангелами, стоящей в воздухе и простирающей Покров над молящимися.

¹⁴⁹ *Грушко Евгений Семенович* (1894–1955) – руководящий сотрудник органов госбезопасности и милиции. С 1939 по 1944 г. начальник Управления милиции и помощник начальника УНКВД по Ленинградской области.

¹⁵⁰ См. примеч. 44.

¹⁵¹ Народное название боевых систем советской реактивной артиллерии (БМ-13, БМ-8 и др.) во время Второй мировой войны.

¹⁵² Синявино – поселок в 45 км от Ленинграда (Петербурга), где велись ожесточенные бои.

¹⁵³ Мелитопольская наступательная операция войск Южного фронта (с 20 окт. переименован в 4-й Украинский фронт) началась 26 сент. и продолжалась до 5 нояб. 1943 г. 23 окт. войска 4-го Украинского фронта (командующий Ф. И. Толбухин) освободили г. Мелитополь (История ВОВ. Т. 3. С. 352).

¹⁵⁴ 25 окт. 1943 г. войска 3-го Украинского фронта при активном содействии 2-го Украинского фронта овладели областным центром Украины г. Днепропетровск и г. Днепродзержинск (История ВОВ. Т. 3. С. 349).

¹⁵⁵ Коммунистический союз молодежи (полное название – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) – политическая организация, созданная 29 окт. 1918 г.

¹⁵⁶ Имеется в виду радиовыступление 29 окт. 1943 г. «Наш комсомол», которое Берггольц завершила чтением стихотворения «Твоя молодость» («Будет вечер – тихо и сурово...»). См.: *Берггольц О. Ф.* Собр. соч.: В 3 т. Л., 1989. Т. 2. С. 227–233.

¹⁵⁷ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии, проходившая в Москве с 19 по 30 окт. 1943 г., была создана для согласования планов антигитлеровской коалиции по дальнейшему ведению войны и для выработки общей позиции по ряду международных проблем. На конференции обсуждался вопрос об ответственности гитлеровцев за совершенные злодеяния (см. также примеч. 158).

¹⁵⁸ 2 нояб. 1943 г. в газ. «Правда» была опубликована «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» за подписями Ф. Рузвельта, Сталина и У. Черчилля. См.: *Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.): Сб. документов.* М., 1984. Т. 1. С. 336–337 (Приложение № 10 к секретному протоколу Московской конференции 19–30 октября 1943 г.).

¹⁵⁹ *Свешников Александр Васильевич* (1890–1980) – композитор, хоровой дирижер, педагог, народный артист СССР (1956). В 1937–1941 гг. возглавлял Ленинградскую хоровую капеллу. Среди консерваторских учеников Свешникова – крупнейшие хормейстеры А. А. Юрлов и В. Н. Минин. См. также примеч. 7.

¹⁶⁰ Бои за Киевский плацдарм шли с конца сентября 1943 г. 6 нояб. немцы были вынуждены оставить Киев (История ВОВ. Т. 3. С. 339).

¹⁶¹ Имеется в виду речь И. В. Сталина 6 нояб. 1943 г. на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы по случаю XXVI годовщины Октябрьской революции.

¹⁶² Во время войны в детской городской больнице № 19 им. К. А. Раухфуса (Лиговский пр., 8) лечили детей с алиментарной дистрофией, ожогами, ранениями и др. соматическими заболеваниями.

¹⁶³ У переписчика ошибочно: Рекецы (?). Войска Белорусского фронта в ходе Гомельско-Речицкой наступательной операции в ночь на 18 нояб. 1943 г. после трехдневных ожесточенных боев овладели городом Речица (История ВОВ. Т. 3. С. 379).

¹⁶⁴ Речь идет о статье: *Тарле Е. В.* Неизбежный перелом // *Правда.* 1943. 14 нояб. № 281. С. 4.

¹⁶⁵ Имеется в виду 31-я средняя школа станции Фарфоровская Октябрьской железной дороги. В 1950-е гг. там находилась Школа рабочей молодежи, а в настоящее время это 659-я школа Фрунзенского района.

¹⁶⁶ Первый раз Житомир был освобожден 12 нояб. 1943 г. (История ВОВ. Т. 3. С. 341). 18 февр. противник вновь захватил его (Там же. С. 342).

¹⁶⁷ Цитируется четвертая заповедь Саваофа: «...шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу, Богу твоemu...» (Исх. 20:9).

¹⁶⁸ 26 нояб. войска Белорусского фронта освободили Гомель (История ВОВ. Т. 3. С. 379).

¹⁶⁹ Т. е. отправлена работать на торфоразработки.

¹⁷⁰ Имеется в виду фокстрот немецкого композитора Фридриха Вильгельма Руста. Он же автор фокстрота «Регтайм» и музыки к кинофильмам 1934–1936 гг., снятым в Германии: «Полицейский доклад сообщает» (1934), «Инкогнито» (1936) и др.

¹⁷¹ Упомянут известен в 1930–1960-е гг. пианист-аккомпаниатор и дирижер *Корик Михаил Григорьевич* (1903–после 1973). Окончил в 1924 г. Ленинградскую государственную консерваторию по классу рояля профессора Л. В. Николаева. Концертная деятельность Корика началась в 1923 г. на сцене театра «Гранд-Палас». Был аккомпаниатором К. И. Шульженко. Во время войны – участник 1500 концертов в час-

тах Советской армии. В юбилейной заметке «Полвека на эстраде» (без подписи) сообщалось: «Пятьдесят лет имя М. Г. Корика не сходит с афиш эстрадных и академических концертов. <...> В течение двадцати лет М. Г. Корик был главным дирижером оркестра Ленинградского театра эстрады. <...> Его работа в городе-крепости Кронштадте в период Великой Отечественной войны отмечена правительственными наградами.

20 апреля 1973 года во Дворце работников искусств им. К. С. Станиславского состоится творческий вечер старейшего артиста эстрады пианиста-дирижера Михаила Григорьевича Корика, посвященный семидесятилетию со дня его рождения и пятидесятилетию со дня его творческой деятельности» (Театральный Ленинград. 1973. № 16. С. 10). О его концертной деятельности см.: Музыка в дни блокады: Хроника (указ.).

¹⁷² Т. е. объявлен приказ отдела торговли Ленгорисполкома о продаже населения водки и яблок.

¹⁷³ 4 дек. (по ст. ст. 21 нояб.) празднуется Введение во храм Пресвятой Богородицы.

¹⁷⁴ О заводе «Большевик» см. примеч. 12 к дневнику «Черные дни черного 1942 года» (дневник учителя).

¹⁷⁵ Сведений об отце Николая Васильева не обнаружено.

¹⁷⁶ Речь идет о статье «Фашистские злодеи» за подписью «Майор В. Карп», опублик.: Ленинградская правда. 1943. 8 дек. № 289. С. 2.

¹⁷⁷ Сведений о враче Шмулевиче не найдено.

¹⁷⁸ Неточно цитируется Евангелие от Луки 12:19. Правильно: «...и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись».

¹⁷⁹ В декабре 1943 г. в Харькове состоялся первый в мировой истории открытый судебный процесс над военными преступниками, ставший прологом к Нюрнбергскому процессу. Очевидец харьковских событий, К. Симонов, командированный на процесс вместе с А. Толстым и И. Эренбургом, писал: «...Когда кончился процесс и всех четырех осужденных приговорили к повешению, мы с Алексеем Николаевичем Толстым пошли на площадь, где происходила публичная казнь. Колебаний – идти или не идти – не было. <...> ...немцам было очень страшно, но они до последней секунды силились держать себя в руках. Шофер душегубки Буланов от ужаса падал на землю, вываливаясь из рук державших его людей, и был повешен, как бесформенный мешок с дермом. <...> Ни из какой самой тяжелой фронтовой поездки я еще не возвращался в Москву с таким камнем на душе, как тогда из Харькова» (Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1981. Т. 2. С. 323).

¹⁸⁰ 19 дек. – день памяти Святителя Николая архиепископа Мир Ликийских и Чудотворца. Этот праздник православные также называют «Никола зимний».

¹⁸¹ Спектакль «Волки и овцы» по пьесе А. Н. Островского был поставлен Л. С. Рудником в Большом драматическом театре.

¹⁸² Савина (урожд. Славич) Мария Гавриловна (1854–1915) – русская драматическая актриса, ведущая артистка Александринского театра, на сцене которого выступала с 1874 г.

¹⁸³ Дополнительных сведений не обнаружено.

¹⁸⁴ В ходе Городокской наступательной операции (нач. 13 дек. – оконч. 31 дек. 1943 г.) 24 дек. Городок был освобожден (История ВОВ. Т. 3. С. 375).

¹⁸⁵ Как отмечает Н. И. Барышников, на Ленинградском фронте с пристальным вниманием следили за действиями финской артиллерии, представляющей опасность для города. «Но были явно, – считает исследователь, – и определенные факты преувеличения оценок действия финской артиллерии, которые использовались советскими дипломатами, чтобы показать сохраняющуюся угрозу для города самим присутствием

финской армии вблизи него» (*Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002. С. 190–191).

¹⁸⁶ У переписчика ошибка: Коростеля. Первый раз железнодорожный узел и город Коростень был освобожден 17 нояб. 1943 г. (История ВОВ. Т. 3. С. 342), затем вновь занят противником, окончательно освобожден в конце декабря 1943 – начале января 1944 г. (История ВОВ. Т. 4. С. 59).

¹⁸⁷ В ходе Житомирско-Бердичевской наступательной операции 30 дек. войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону противника на 300 км по фронту и более чем на 100 км в глубину (История ВОВ. Т. 4. С. 59).

¹⁸⁸ См. примеч. 166. Окончательно город был освобожден в конце декабря 1943 г. и начале января во время Житомирско-Бердичевской фронтовой наступательной операции, проведенной войсками 1-го Украинского фронта (История ВОВ. Т. 4. С. 59).

¹⁸⁹ Упоминается *Дунаевский Исаак Осипович* (1900–1955) – композитор, автор оперетт, балетов и популярных песен. Новый «Гимн Советского Союза» (слова С. Михалкова и Г. Эль-Регистана; музыка А. В. Александрова) был исполнен в новогоднюю ночь 1 янв. 1944 г. Текст и ноты гимна были опубл.: Правда. 1944. 1 янв. С. 1.

¹⁹⁰ 3 янв. 1944 г. был освобожден крупный железнодорожный узел Новоград-Вольнский, 4 янв. – Белая церковь (История ВОВ. Т. 4. С. 673). *Ватутин Николай Федорович* (1901–1944) – генерал армии. Во время Великой Отечественной войны начальник штаба Северо-Западного фронта (июль 1941–май 1942), заместитель начальника Генштаба и уполномоченный Ставки на Брянском фронте (май–июль 1942). Командовал войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. Войска под командованием Ватутина освобождали Левобережную и Правобережную Украину и Киев. Умер в результате тяжелого ранения.

¹⁹¹ *Самойлов Георгий Ильич* (1905–1982) – актер театра и кино. Играл в Большом драматическом театре им. М. Горького, Академическом театре драмы им. А. С. Пушкина (Александринском). Исполнял роли Труфальдино в спектаклях «Слуга двух господ» и поручика Ржевского в «Давным-давно».

¹⁹² Поселок в пригороде Ленинграда, ныне входит в состав Приморского района Петербурга.

¹⁹³ См. примеч. 190.

¹⁹⁴ С 1929 г. по адресу Большая Монетная, 16 располагался завод «Термоэлектроприбор», с 1932 г. – «Пирометр». В настоящее время «Пирометр» выпускает бортовые приборы и системы для летательных аппаратов российского производства, авиационные микродвигатели.

¹⁹⁵ Войсками 2-го Украинского фронта под командованием И. С. Конева 8 янв. 1944 г. был освобожден Кировоград (История ВОВ. Т. 4. С. 673).

¹⁹⁶ Научно-исследовательский невропсихиатрический институт им. В. М. Бехтерева в Ленинграде (Красный городок, Казачья ул., 8). Ныне – Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева.

¹⁹⁷ Английский фильм «Джордж из Динки-джаза» (1940) – военный мюзикл; реж. М. Варнель. Оригинальное название «Let George Do it!» («Предоставьте это Джорджу!»).

¹⁹⁸ 11 янв. 1944 г. войска 1-го Украинского фронта освободили Сарны (История ВОВ. Т. 4. С. 673) – крупный железнодорожный узел и опорный пункт немцев на Полесском направлении.

¹⁹⁹ *Александрович Михаил Давидович* (1914–2002) – артист оперы (лирический тенор). Концерт певца (аккомпанировал Даровский) состоялся 11 янв. 1944 г. в Филармонии. «Публики было мало, но артист очень понравился, – сообщает Крюков. –

Среди исполнявшегося – ария Канио из оперы „Паяцы“» (Музыка в дни блокады: Хроника. С. 489). Этот концерт был передан по радио на следующий день. 13 янв. состоялся еще один концерт Александровича, где исполнялись романсы, арии из опер Направника «Дубровский», Римского-Корсакова «Майская ночь», «Тоска» Пуччини. Отзыв об этом концерте см.: Там же. С. 490–491. С 1971 г. Александрович жил в Израиле, с 1974 г. – в США, с 1990 г. – в Германии.

²⁰⁰ Ватный остров, находившийся в дельте Невы между Биржевым и Тучковым мостами, ныне не существует. В 1960-е гг. протока, отделяющая Ватный остров от Петроградской стороны, была засыпана. Накануне войны на Ватном острове в корпусах спиртоочистительного завода размещался Химический институт оборонной промышленности (позднее – Государственный институт прикладной химии (ГИПХ), РНЦ «Прикладная химия»; адрес: пр. Добролюбова, 14). Во время блокады в корпусах института изготавливались зажигательные средства, гранаты и др. В настоящее время Институт прикладной химии переселен в другое место, и на территории бывшего Ватного острова проектируется квартал «Набережная Европы».

²⁰¹ Судя по записи Васильевой, Александрович выступал в Филармонии еще и 16 янв. и «покорил всех». Об искусстве общения Александровича со зрителями вспоминал И. Гусельников: «Владение залом, чувство пульса, градуса заинтересованности публики – одно из ярких проявлений артистического умения Александровича. Он обостренно чувствует время – время выхода и ухода во время программы и после ее окончания, какие и сколько бисов можно и нужно спеть. При этом он – сама доброжелательность, но без тени заискивания, сохранял высокую позицию артиста. Искусству общения с публикой можно было учиться у него бесконечно» (*Гусельников И. Вырванная страница // Музыкальная академия. 2005. № 4. С. 120*).

²⁰² Видимо, речь идет о пересечении ул. Садовой и Английского пр., где стояла Покровская церковь, снесенная в 1936 г.

²⁰³ 18 янв. в ходе Ленинградско-Новгородской операции войска Ленинградского фронта под командованием Л. А. Говорова продолжили наступление из районов Пулково и южнее Ораниенбаума.

²⁰⁴ 19 янв. войска Ленинградского фронта овладели Ропшей и Красным Селом (История ВОВ. Т. 4. С. 40–41).

²⁰⁵ Войска Ленинградского фронта 19 янв. 1944 г. освободили Петергоф. Об освобождении Новгорода, Урицка и железнодорожного узла Лигово (дачный поселок Лигово был переименован в Урицк в 1918 г.; ж/д станция сохранила свое название) см. примеч. 61 к дневнику «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы).

²⁰⁶ Речь идет о короткой заметке «Слухи из Каира» (Правда. 1944. 17 янв. № 15. С. 4), в которой указывалось, что «в одном из прибрежных городов Пиренейского полуострова состоялась секретная встреча двух английских руководящих лиц с Риббентропом. Встреча имела целью выяснение условий сепаратного мира с Германией». Затем в «Правде» от 19 янв. было опубликовано «Заявление английского министра иностранных дел», опровергающее слухи, согласно которым «будто бы имела место встреча двух английских руководящих деятелей с Риббентропом». Заметки имели читательский резонанс. Так, в дневнике Князева тоже имеется отклик на них: «В „Правде“ напечатаны слухи из Каира о переговорах англичан с Риббентропом о заключении сепаратного мира. Известие это произвело на всех очень тяжелое впечатление. Никто больше не верит в мир на земле...» (*Князев Г. А. Дни великих испытаний. С. 983*). Упоминаемый в дневниках *Риббентрон Иоахим* (1893–1946) – государственный деятель и дипломат Германии; один из фашистских военных преступников, казненный по приговору Нюрнбергского международного трибунала.

²⁰⁷ Слова «англичанка, – она подлая» содержат аллюзию на героиню рассказа А. П. Чехова «Дочь Альбиона» (1883).

²⁰⁸ 22 янв. 1944 г. войска Ленинградского фронта освободили железную дорогу Кириши–Мга–Ленинград.

²⁰⁹ Кровоостанавливающее лекарственное средство.

²¹⁰ 24 янв. 1944 г. войска Ленинградского фронта освободили Пушкин и Павловск (Слуцк).

²¹¹ Правильно: Гатчина; город в 45 км от Ленинграда. Гатчина была освобождена 26 янв. 1944 г. (в 1929–1944 гг. город назывался: Красногвардейск).

²¹² 27 янв. 1944 г. – день полного снятия блокады Ленинграда. «Честь салютовать этой великой победе Москва уступила Ленинграду, – писал Буров. – Приказ о салюте в порядке исключения подпisan не Верховным главнокомандующим, а Военным советом Ленинградского фронта. <...> Газета „Нью-Йорк таймс“ писала: „Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в анналы истории как своего рода героический миф... Ленинград воплощает непобедимый дух народа России“» (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 661).

²¹³ Видимо, ошибка переписчика. Над Ленинградом прогремел праздничный салют в 24 залпа из 324 орудий.

²¹⁴ Октябрьская железная дорога была освобождена на всем протяжении от Москвы до Ленинграда.

²¹⁵ Оперетта И. Штрауса «Летучая мышь» – спектакль Театра музыкальной комедии.

²¹⁶ Ровно-Луцкая наступательная операция была проведена войсками правого крыла 2-го Украинского фронта 27 янв. – 11 февр. 2 февр. были освобождены Луцк и Ровно (История ВОВ. Т. 4. С. 673).

²¹⁷ Митрополит Саратовский Григорий (в миру – Чукон Николай Кириллович; 1870–1955) – окончил Олонецкую духовную семинарию в 1895 г. в Петрозаводске; был назначен епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты. После революции был дважды арестован, выслан из Олонецкой губернии. С 1920 по 1923 г. – настоятель Казанского собора и ректор Петроградского богословского института. 30 мая 1922 г. вновь арестован и как один из основных обвиняемых на Петроградском процессе приговорен к высшей мере, которую заменили 5 годами лишения свободы. Срок отбывал в Петроградской тюрьме, освобожден 30 окт. 1923 г. В 1924–1935 гг. – настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора Ленинграда; в 1925–1928 гг. – ректор Высших богословских курсов. После очередного ареста в марте 1935 г. был выслан в Саратов. Овдовев и потеряв в блокаду троих детей, принял монашеский постриг с именем Григорий. 14 окт. 1942 г. хиротонисан во епископа Саратовского, 15 окт. возведен в сан архиепископа. С 1943 г. – поручено временное управление Сталинградской епархией с титулом Саратовского и Сталинградского. С 1944 г. – архиепископ Псковский и Порховский, с 1945 г. – митрополит Ленинградский и Новгородский.

²¹⁸ В ходе Никопольско-Криворожской наступательной операции войска 3-го Украинского фронта выступили в направлении г. Апостолово и 6 февр. 1944 г. освободили его. 8 февр. был освобожден Никополь (История ВОВ. Т. 4. С. 72).

²¹⁹ В музыкальной комедии «Воздушный извозчик» (1943; реж. Г. Раппапорт) о любви летчика и певицы в главных ролях снимались М. Жаров и Л. Целиковская.

²²⁰ 9 февр. 1944 г. советские войска на Лужском направлении заняли более 30 населенных пунктов, в том числе освободили Долговку и несколько населенных пунктов западнее и юго-западнее Новгорода.

²²¹ 12 февр. 1944 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов освободили г. Лугу (История ВОВ. Т. 4. С. 45) и вошли в освобожденный к 4 февр. партизанами Гдов (Там же.)

²²² Сретенье Господне – христианский праздник принесения в храм младенца Христа его родителями. В Иерусалимском храме Святое семейство встретил Симеон Богоприимец. Праздник символизирует встречу Ветхого и Нового Заветов.

²²³ Активное лекарственное противовоспалительное средство.

²²⁴ Васильева была награждена медалью «За оборону Ленинграда» 18 мая 1944 г. (ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, д. 943, л. 38 об.). В ее наградной характеристике говорилось: «Работает с 20.04.42. Опытная, добросовестная медсестра. Пользуется большим авторитетом среди больных, благодаря внимательному, хорошему к ним отношению. Участвовала в оборонных работах» (Решение № 112 п. 68 от 29.04.44. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, д. 669, л. 300 об.).

²²⁵ *Шафран Даниил Борисович* (1923–1997) – советский и российский виолончелист, лауреат Сталинской премии третьей степени (1952), народный артист СССР (1972). Во время войны был в Новосибирске в эвакуации. В 1950 г. окончил Ленинградскую консерваторию по классу виолончели у А. Я. Штримера. См. о нем: *Ямпольский И. Даниил Шафран. М., 1974.*

²²⁶ *Загурский Борис Иванович* (1901–1968) – музыкально-общественный деятель, музыковед, ученик Б. В. Асафьева. Отец виолончелиста С. Б. Загурского. Окончил Петроградскую консерваторию. Был ректором Ленинградской консерватории (1936–1939), а затем главой Комитета по делам искусств и культуры при исполкоме Ленинграда и Ленинградской области (1938–1941; 1944–1951), директором Малого Оперного театра (1951–1961). «В рассказах тех, кто был в Ленинграде в переломный момент блокады, – писал А. Крюков, – имя Загурского упоминается часто. Людьми, общавшимся с ним, он запомнился как внимательный человек, заботливый „опекун“ артистов и музыкантов. „Он многим спас жизнь“, – не раз приходилось слышать эту фразу» (*Крюков А. Н. Ленинград. Блокада. Музыка // Музыка продолжала звучать. С. 36*). См. также: Воспоминания о Борисе Ивановиче Загурском. Л., 1971; *Шапорина Л. В. Дневник: В 2 т. М., 2011* (указ.).

²²⁷ Об освобождении Луги см. примеч. 221. 19 февр. 1944 г. бои шли юго-западнее и южнее Луги; были освобождены около 30 населенных пунктов.

²²⁸ Большой драматический театр открылся 15 февр. 1919 г. трагедией Ф. Шиллера «Дон Карлос», начав свои выступления в Оперной студии Консерватории.

²²⁹ Пьеса М. Горького шла в БДТ в постановке Л. С. Рудника.

²³⁰ 22 февр. 1944 г. войска 3-го Украинского фронта овладели крупным промышленным центром Украины г. Кривой рог (История ВОВ. Т. 4. С. 674).

²³¹ Накануне Великого поста Православная церковь начинает петь песнопения о покаянии. Одно из наиболее известных: «Покаяния отвержи ми двери».

²³² Чистый понедельник – распространенное в православии название первого дня Великого поста.

²³³ Операция по освобождению от немецких войск Орловского плацдарма проходила в июле–августе. 1943 г. Разгром Орловской группировки немецких войск предопределил успех последовавших затем наступательных операций летне-осенней кампании 1943 г., в том числе: Белгородско-Харьковской, Смоленской, Донбасской, Черниговско-Полтавской, Новороссийско-Таманской, Нижнеднепровской и Киевской.

²³⁴ Преподобный *Андрей Критский* (ок. 660–ок. 740) – византийский ритор, автор Великого покаянного канона, который читают во время вечерних служб в дни первой седмицы поста: в понедельник, вторник, среду и четверг.

²³⁵ Городская детская больница № 20 Смольнинского района (ул. Очаковская, д. 4/6).

²³⁶ Фильм «Мечта» (1941), реж. М. Ромм, в главных ролях Ф. Раневская, Е. Кузьмина.

²³⁷ Созданный 26 июля 1940 г. Клуб НКВД находился на ул. Полтавская, 12. Упоминается музыкальная комедия «Цирк» (1936) – популярный фильм реж. Г. Александрова; в главных ролях Л. Орлова, С. Столяров; музыка И. Дунаевского.

²³⁸ Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – выдающийся советский военачальник, маршал Советского Союза (1943), министр обороны СССР (1955–1957). В течение 1943 г. Жуков координировал действия фронтов в операции «Искра» при прорыве Ленинградской блокады. О Ватутине см. примеч. 190.

²³⁹ Имеется в виду Усачев Филипп Александрович (1908–1976) – военный летчик, подполковник, Герой Советского Союза. С первого дня войны вел боевые действия: командуя 22-й, а затем 44-й авиаэскадрильей Балтийского флота, водил эскадрилью на бомбовые удары по войскам и технике противника, вылетал на разведку. 20 апр. 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования, мужество и героизм, умелое командование полком подполковнику Филиппу Александровичу Усачеву было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

²⁴⁰ Видимо, речь идет об издании, вышедшем в блокадном Ленинграде: *Андерсен Г.-Х. Сказки*. Л., 1943. Об этом издании сообщал в своей хронике Буров: «Сделан хороший подарок и детям – сегодня (25 сент. 1943 г. – Н. П.) подписана к печати книга сказок Ганса Христиана Андерсена. В ней более ста иллюстраций живущего в осажденном городе В. Конашевича. Правда, печатается книга на газетной бумаге. Но все равно ленинградские ребятишки будут рады такому подарку» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 586).

²⁴¹ Сведений о *Богдановой Марии Ивановне* не найдено.

²⁴² У переписчика в этом месте знак вопроса. Возможно: <Васильеву> <К<оле>».

²⁴³ Херсон был освобожден войсками 3-го Украинского фронта 13 марта 1944 г. (История ВОВ. Т. 4. С 674). Очевидно, что в записи «взят Бреславль» ошибка или описка копииста, так как польская крепость Бреслау (русское название – Бреславль; ныне – Вроцлав) была освобождена от немцев в мае 1945 г.

²⁴⁴ В. П. Полицеймако.

²⁴⁵ В 1930-е гг. в стране стали массово строиться гостиницы для переезжавших в города крестьян, которые обычно назывались «Дом Крестьянина» или «Дом Колхозника».

²⁴⁶ Имеется в виду Октябрьский вагоноремонтный завод им. Кагановича, история которого началась еще в 1826 г. со строительства морских пароходов. С 1844 г. назывался Александровский Главный механический завод С.-Петербургско-Московской железной дороги и в дальнейшем стал специализироваться на ремонте пассажирских вагонов. После национализации в 1922 г. получил название Пролетарский; с 1931 г. – Октябрьский вагоноремонтный им. Кагановича. Во время Великой Отечественной войны выполнял заказы Ленинградского фронта. В 1962 г. предприятие получило название Октябрьский электровагоноремонтный завод, а в 1992 г. государственное предприятие ОЭВРЗ было преобразовано в Акционерное общество открытого типа Октябрьский электровагоноремонтный завод.

²⁴⁷ Один из крупнейших портов Черного моря г. Николаев освободили 28 марта 1944 г. войска 3-го Украинского фронта (История ВОВ. Т. 4. С. 85).

²⁴⁸ Противокашлевое лекарственное средство и анальгетик.

²⁴⁹ В ходе Проскуровско-Черновицкой наступательной операции войска 1-го Украинского фронта 29 марта 1944 г. освободили г. Черновицы (История ВОВ. Т. 4.

С. 79) и другие города и населенные пункты Черновицкой и Станиславской области.
С 9 авг. 1944 г. город стал называться Черновцы.

²⁵⁰ 30 марта 1944 г. войска 3-го Украинского фронта овладели крепостью и городом Очаков.

²⁵¹ Октябрьский вагоноремонтный завод им. Кагановича. См. примеч. 246.

²⁵² См. примеч. 194.

²⁵³ Рукой переписчика добавлено: «или Нины?».

²⁵⁴ *Капустин Яков Федорович* (1904–1950) – советский государственный и партийный деятель. В 1940–1945 гг. – секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Во время блокады Ленинграда – Уполномоченный Государственного комитета обороны по эвакуации предприятий Ленинграда. С января 1945 г. — 2-й секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). 28 июля 1949 г. был арестован, обвинен в связях с английской разведкой («Ленинградское дело»). Приговорен к смертной казни. 1 окт. 1950 г. расстрелян; в 1954 г. реабилитирован, в 1988 г. восстановлен в партии.

**«ДНЕВНИК СТАЛ ПОТРЕБНОСТЬЮ...»:
ДНЕВНИК Е. А. БОРОНИНОЙ**

(Публикация Т. С. Царьковой)

Детская писательница Екатерина Алексеевна Боронина родилась в Петербурге 3 апр. 1907 г. в семье кондуктора инженерных войск. В 1917 г. поступила в первый класс казенной женской Петровской гимназии. После Октябрьской революции состав гимназии был слит с бывшей частной мужской гимназией, так образовалась 190-я Единая Трудовая школа, о которой с большой любовью и теплотой писала Боронина в автобиографии 1948 г.:¹

«Годы обучения в единой трудовой школе были интереснейшими годами моего детства. Несмотря на множество бытовых и житейских тягот, которые были неизбежны в те годы, когда шла Гражданская война и полчища интервентов осаждали молодую Советскую Республику, школа, где я училась, жила напряженной, полнокровной жизнью. Хотя мы учились в нетопленых классах и у нас не было тетрадей, а подчас и чернил, мы были энергичны, веселы, а главное – спаяны между собою настоящей коллективной дружбой. Мы приобретали свои знания не только на уроках, но и во множестве кружков и научных обществах, которые были созданы в школе с помощью наших учителей. Тогда не было еще ни Дворца Пионеров, ни Детских домов Культуры, ни Районных Домов Пионера и школьника. Вся жизнь учащихся протекала в стенах самой школы. До хрипоты мы спорили в литературных кружках и в „Дискуссионном клубе“ о самых высоких материях, цитировали в подтверждение своих мыслей и высказывания писателей, и высказывания философов – от Аристотеля до Маркса, прибегали к авторитетам людей науки, а иногда попросту и друг друга. <...> Мы ходили в музей – Русского Искусства, Эрмитаж, писали доклады для исторического кружка и на отвлеченные темы, например, „Роль лич-

¹ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 66, л. 1–2.

ности в истории“, и на темы, посвященные прошлому города. Ездили мы в далекие естественнонаучные экскурсии – на Хибины, в Мурманск (1921 г.), на водопад Кивач, побывали на биологической станции под Мурманском, плавали на пароходах в наших северных морях и по Северной Двине. Устраивались в нашей школе и специальные исторические экскурсии – в города Суздальской Руси (Ростов, Суздаль, Владимир, Ярославль) и в Москву. В Москву в 1923 г. ездил почти весь мой класс. Мы осматривали художественно-исторические достопримечательности столицы, побывали в кремлевских теремах, Грановитой палате, изучали и современный быт города. А вечером непременно шли в театры – в Московский Художественный, в театр Революции, Камерный. Времена тогда были не очень сытые и одеты мы были неважно, я, например, ходила в старых огромных солдатских ботинках, но нетерпеливый интерес к окружающему и к знаниям заставлял забывать обо всем этом. <...> Приходилось нам пилить дрова для школы, самим убирать класс, коридоры, зал – мыть полы, окна, – но эта работа шла всегда дружно, весело, почти, как игра. Были у нас и мастерские – столярная и переплетная».

И далее о том, как сами ученики расчистили школьный двор от свалки и построили на нем стадион, а еще оборудовали в здании сцену и создали свой общешкольный театр. Несомненно, этот юношеский энтузиазм и память о самодеятельных спектаклях сказались в творческой биографии детской писательницы, последние произведения Борониной – драматические, ее послевоенные пьесы шли на сцене ТЮЗа во второй половине 1940-х гг.

По окончании школы с 1924 по 1929 г. училась на Высших курсах искусствоведения при Государственном Институте истории искусств (ВГИК при ГИИИ). В студенческие годы зарабатывала на жизнь, трудясь землекопом на прокладке водопровода за Невской заставой, курьером на заводе, грузчицей в порту, статистом на кино-съемках, корреспондентом в газете.

В 1926 г. за потайную работу в анархо-синдикалистском кружке Боронина была арестована. Среди студентов, проходивших по следствию, была и ее близкая подруга Лидия Корнеевна Чуковская, в дальнейшем принимавшая вместе со своим отцом К. И. Чуковским участие в ее судьбе. В отличие от Чуковской, Боронина, приговоренная к трехгодичной ссылке в Ташкент, дала там подписку ГПУ, согласно которой обязывалась никогда не участвовать ни в какой контрреволюционной организации, и выступила в местной

газете с покаянным письмом.² В начале 1928 г. она вернулась в Ленинград.

Первые писательские публикации Борониной появились в журналах «Еж», «Юный ударник» и др. Первая книжка вышла в 1931 г. – «Звериный доктор» – о лечении зверей в Ленинградском зоосаде. Почти одновременно с ней – вторая – «А можно ли?», в которой «маленький смешной человечек по фамилии Уклейкин беседовал с разными учеными о пластических операциях».³ Боронина начала писать детские рассказы для журналов «Чиж» и «Костер», продолжали выходить ее детские книжки, своим учителем в детской литературе она считала С. Я. Маршака. В 1934 г. была принята в Союз советских писателей.

Всю блокаду писательница жила в Ленинграде. Писала для детского отдела радиовещания: очерки о городе, рассказы на военные темы, инсценировки классики, сценарии детских радиопраздников, обзоры «Пионерской правды». Выезжала в воинские части и госпитали, где читала свои рассказы, беседовала с ранеными солдатами и офицерами. Была бойцом МПВО, дежурила в пожарном звене дома, где жила – на Петроградской стороне, Барочная улица, 4.

Муж Борониной – Сергей Исаакович Хмельницкий тоже был писателем и тоже в годы войны работал для Радиокомитета. Кроме того, он вел большую общественную работу в Союзе писателей. Павел Лукницкий вспоминал о нем: «...тишайший и скромнейший человек, который, несмотря на тяжелую форму астмы, возглавлял отдел пропаганды художественной литературы. Это дело требовало от него невероятной энергии и самоотверженности. Принимая заявки от госпиталей и учреждений, Хмельницкий организовал в них литературные выступления писателей. В самые тяжелые месяцы – декабрь–январь – не было отвергнуто ни одной заявки. Многие писатели совершали дальние „пешие переходы“ (например, в Лесной), чтобы выступить в каком-либо госпитале. В их числе были и О. Берггольц, и В. Кетлинская, и Л. Рахманов, Е. Рысс, С. Хмельницкий, Г. Гор, В. Волженин, Черников и десятки других, находящиеся в крайней степени истощения».⁴

В 1945 г. выходит книжка Борониной «Таинственный подарок» – повесть о трех мальчиках, которые в тайне от своей учительницы ре-

² Подробнее об этом см.: *Чуковская Л.* В поисках мировоззрения // Звезда. 1999. № 9. С. 86–116; *Разумов А.* Памяти юности Лидии Чуковской // Там же. С. 120–123, 130–133 (далее – *Разумов А.*).

³ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 66, л. 4.

⁴ *Лукницкий П.* Ленинград действует... Фронтовой дневник. Первый год войны. 2-е изд. М., 1971. Кн. 1. С. 551–552.

монтируют ее квартиру, пострадавшую в годы блокады. В 1946 г. – повесть «Удивительный заклад», которая в соавторстве с драматургом Софией Давыдовной Зельцер была положена в основу одноименной пьесы, поставленной на сцене ТЮЗа. Вторая пьеса тех же авторов «Испытание» (1946) шла в том же театре в 1947 г.

В 1948 г. Боронина завершила повесть «Большие годы», которой придавала особое значение, так как действие ее разворачивалось в 1939–1942 гг., т. е. в военное и блокадное время. Известно, что положительный отзыв на рукопись повести дала В. Кетлинская. Произведение не было опубликовано, машинопись хранится в архиве.⁵

Однако вскоре судьба писательницы резко и трагически изменилась. В 1950 г. она была арестована и осуждена по статье 58, п. 10, ч. II сроком на 10 лет. Местом отбывания наказания были назначены мордовские лагеря, где узнице надлежало отрабатывать и томиться до 30 октября 1960 г. Сама Боронина, ознакомленная с делом, считала, что центральным пунктом обвинения против нее стало ее выступление на совещании при редакции журн. «Ленинград» по поводу «Короткого рассказа». В архиве сохранился черновик ее обращения в ЦК КПСС 1954 г., где она обосновывает именно эту причину и называет имена доносчиков.⁶ Боронина имела наивность утверждать в дискуссии, что рассказ не обязательно должен иметь оптимистический конец. К сожалению, конец и ее недолгой жизни оптимистичным не назовешь. В лагере она почти совсем ослепла, сказались и другие, приобретенные в блокаду заболевания. Познакомившаяся с Борониной в лагерном стационаре Римма Ильинична Луцик, осужденная, а во время войны – технический переводчик с английского, работавшая с американцами, вспоминала: встретила ее «пожилая, тяжело больная женщина. Замкнутая, не желающая входить в контакты, недоверчивая, чем-то глубоко подавленная. Иногда, когда позволяли силы, она прогуливалась вокруг санчасти. Небольшого роста, полноватая, в очках с очень толстыми стеклами. Как я узнала, – ленинградская писательница Екатерина Алексеевна Боронина. Меня это взволновало; живо вспомнился родной город, зимний снежный день, в который я услышала передачу „Удивительный заклад“. Я рассказала ей об этом. Так родилась наша дружба. Между нами была разница в 15 лет.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 3.

⁶ Там же, № 70. В действительности сумма судебных обвинений была больше, и решающим из них явилось то, что Боронина проходила в суде как «повторница». Подробнее об этом см.: Разумов А. С. 132.

В том, 1952 году, Екатерина Алексеевна выглядела гораздо старше своих 45 лет, но отношениям нашим это не мешало.

Мы вспоминали о красотах Ленинграда, вели разговоры о литературе, о любимом нами писателе Кнуде Гамсуне. Постепенно она утрачивала свою замкнутость, оттаивала, хотя для совместных прогулок времени выдавалось немного – я уже выписалась из стационара и работала в швейном цехе, где шили военные бушлаты. Нередко Екатерину Алексеевну мучили сердечные приступы, и тогда она вынуждена была лежать. Родственников, которые бы с нею поддерживали связь, у нее не было, посылок она не получала.

Знакомство наше длилось около года, потом Бороной стало много хуже и ее отправили в Центральный лазарет».⁷

В это свидетельство вкралась одна неточность. В Ленинграде у Бороной оставались родственники, и она получала от них разрешенные посылки и письма.⁸ Однако в последние два года ответных писем от мужа не приходило. Догадывалась о худшем, но только накануне освобождения получила известие от родных о том, что Сергей Исаакович умер в 1952 г.

Работавший со следственным делом Бороной Анатолий Разумов пишет: «1 ноября 1954 года Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, отменила постановление Особого совещания при МГБ СССР, решив прекратить ее дело и освободить ее из-под стражи. В Ленинград она возвращалась через Москву.

Из дневника Л. К. Чуковской:

9/XI 54 Приехала Катя Бороина. Жила у меня. <...>

Катя тяжела. Стенокардия, ревматизм, утрата зрения в одном глазу – полная, в другом – почти. <...> Я купила ей билет, проводила на вокзал и мы шли с ней по платформе 25 минут – она не в силах была дойти до вагона. Но это не тяжело, это только вызывает жалость и память. А сама она мне не понравилась. Дурно говорит о людях; злобно, несправедливо, неблагодарно. С юности она любила быть таинственной, многозначительной; теперь это возросло в 100 раз.

Но все это – бог с ней, бог с ней. Надо спасать остаток ее жизни, затоптанной.

И Корней Иванович сделал запись о том же: „Был на минутку дома. Видел Катю Бороину. Такое впечатление, будто ее только что

⁷ http://www.belousenko.com/wr_Dicharov_Raspyatyel_Boronina.htm.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 71–72.

переехал грузовик. В каких-то отрепьях, с одним поврежденным глазом, с хриплым голосом, изнуренная базедом – одна из сотен тысяч невинных жертв Берии. Я рад, что мне посчастливилось вытащить ее из ада»⁹.

Екатерина Алексеевна на свободе прожила совсем недолго. 29 мая 1955 г. ее не стало.

Личный архив Борониной поступил в Пушкинский Дом так же, как и архив ее мужа, в 1966 г. от ее золовки Евгении Исааковны Хмельницкой.

Хронологические рамки дневниковых записей Борониной: 10 сент. 1941 г. (начало массированных обстрелов и бомбардировок города) – 2 мая 1945 г. (взятие Берлина), с 1944 г. записи становятся нерегулярными. Дневники представляют собой 7 маленьких (карманных) блокнотов, которые удобно было брать с собой в бомбоубежище, и 5 тетрадей. Всего 440 листов, исписанных с обеих сторон карандашом и авторучкой. Распространенные записи соседствуют с конспективными, по стилю характерными для записных книжек. Они заносились для памяти, отсюда ряды назывных предложений: остальное потом дополнится, осмыслится. Писательские дневники в точном смысле этого понятия. Боронина намеревалась вернуться к ним – развить какие-то сюжеты в художественной прозе (что и осуществилось) или, обработав, опубликовать как документ времени (и такая попытка ею предпринималась, но не была осуществлена).

Писатель предполагает читателя. Прямых обращений к читателю, конечно, нет, но он выступает в подтексте, в интонациях. Опыт первого ареста не прошел для Борониной даром. Она старается быть осторожной в высказываниях, подключает автоцензуру, часто декларативно заявляет о своем патриотизме. Эти оглядки, хоть и оказались в итоге напрасными, были провидческими. В обращении 1954 г. из лагеря в ЦК КПСС Боронина пишет о том, что ее дневники просматривались и в них не нашли ничего антисоветского. Об этом говорит и тот факт, что дневники вернули, не приобщив к делу, хотя весьма вероятно, что подчеркивания красным карандашом в текстах сделаны именно читателем из следственных органов.

Так же, как и в большинстве блокадных дневников, Боронина в своих записях отмечает начала воздушных тревог, их продолжительность, места бомбежек и артобстрелов в городе, изменения норм выдачи хлеба по карточкам, известия Совинформбюро о положении

⁹ Разумов А. С. 133.

на фронтах, работу радиовещания, транспорта, водопровода и телефонной сети. Но есть темы особенно, по-писательски, ей дорогие. Она пристально всматривается в меняющееся поведение детей. Если в записи от 10 окт. 1941 г., в начале блокады, говорится о том, что дети, проводившие с мамами в бомбоубежищах по 4–5 и более часов, «очень распустились внешне. Днем они ничем не заняты», то позднее, с усилением трудностей блокадной жизни, потерей сил и подвижности и уже появившейся привычкой к убежищному быту, замечается: «Дети стали более дисциплинированные, тихие». И разговоры у них меняются: если в октябре: о чем шепчутся? «Наверное, у них есть свои тайны, обиды, не имеющие отношения ко всему происходящему», то в декабре: «Дети в бомбоубежищах говорят об еде. Фантазируют. Им хочется пирожного. Только по одному пирожному».

Рисуются героические детские характеры – мальчик, пришедший с оккупированной территории, где по приказу немцев он должен был рыть могилу своему расстрелянному отцу, а теперь живет с одной целью – отомстить фашистам и характеры надломленные непереносимым голодом, подтолкнувшим к воровству, жестокости по отношению к чужим или самым близким людям.

Остановимся на дневниковом эпизоде – детально выписанной, со слов очевидицы, смерти 12-летнего мальчика Вити. Спустя время, может быть еще в блокаду, Боронина напишет небольшой, трехстраничный рассказ «Мать»,¹⁰ в котором смерть сына становится побудительной причиной для героини, учительницы, воспитательницы детдома, идти сражаться, убивать убийц. Он дается в публикации в «Приложении» к дневникам, дабы читатель мог сравнить сухую, наждачно раздирающую душу стилистику документальной записи от 20 янв. 1942 г. и пафосную, идеологически продуманную подачу этого страшного события, ставшего литературным сюжетом.

Вторая тематическая особенность этих дневников – наполненность сведениями о литературной жизни и писательском быте Ленинграда. Они поданы лаконично, это опять же записи для себя – остальное вспомнится. Описание условий пребывания в стационарах, куда однажды случилось попасть дней на 10 и Борониной, встреч, разговоров и происшествий в писательской столовой: кражи обедов у коллег коллегами, обезумевшими от голода и утрат близких, редкие праздники со скудным застольем и чтением произведений о войне и блокаде с неудержимыми слезами авторов-чтецов.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 672, оп. 1, № 11. Рассказ сохранился в машинописи. Б. д.

Хроникальность дневников позволяет обращаться к ним и как к документальному источнику. Так, именно по этим записям удалось установить более точные даты смерти и обстоятельства кончины писателей В. И. Валова, Л. С. Савельева и др.

Еще одна тема, проходящая красной нитью через дневниковые тексты 1941 г., – это поляризация в сознании автора интеллигенции – ей поется гимн – она читает, пишет, высоко мыслит – и теми, кого Боронина называет *чернью* (это слово несколько раз появляется в текстах), или иногда мягче – *мещанами*.

24 нояб. 1941 г.: «Мы все еще живы. В городе – голод, очереди. *Чернь распоясывается*».

4 дек. 1941 г.: «Вчера дежурила в радиокомитете. Патрульные бабы выли о голоде (все из крестьян, недавно в городе). Морды тупые. Никаких интересов. Это не кадровый ленингр<адский> пролетарий, а так дерьмецо».

Потом эта социальная полярность угасает. Есть всеобщая страшная трагедия, кто-то не выдерживает, тихо, безропотно умирает, есть подлецы, воры, хамы, убийцы, людоеды, но стилистически это уже сухая констатация, вся неиссякаемая ненависть писательницы обращена на фашистов и энергетика – на чувство мести. Буквально в каждой записи такой мотив: 7 янв. 1942 г.: «И все-таки мы никогда не сдадимся. Никогда. Умирает в эти дни 10–12 тысяч. В месяц это дает тысяч 250. <...> Хлеба и топлива, – вот главное для города. Как он замучен, мой город. Пусть Берлин испытает это на себе. Мúка за мúку. За смерть – сотни».

Тематический анализ можно продолжать. Но необходимо остановиться еще на одном аспекте – собственно текстологическом. Кроме этих блокнотов и тетрадей хранится в архиве 2-й экземпляр машинописи (86 стр.). Он охватывает период с 10 сент. 1941 по 10 февр. 1942 г., который мы в основном и воспроизводим в настоящем издании. Машинопись – это послевоенное переписывание дневников. Есть привнесенные фразы – итоговые, которые позволяют это утверждать. Повествование становится более гладким, распространенным. Уходит цепь назывных предложений. Еще заметнее подключается автоцензура, исключаются резкие персональные характеристики (Гофман, Хмельницкая и др.) – момент этической редактур. Появляются позднейшие фактические уточнения (инициалы, адреса и др.). Автор явно готовила дневник к публикации с естественной ориентацией на политические и стилистические нормы конца 1940–самого начала 1950-х гг. И когда встал перед публикатором выбор между этими

двумя источниками, была выбрана шероховатая, неотделанная рукопись – экспрессивная, надрывная, без позднейшего сглаживания содержания и стилистики.

В пользу этого выбора был еще один говорящий аргумент. После войны, до второго ареста, Боронина написала множество детских повестей, рассказов, пьес и радиосценариев. В черновиках есть прямые отсылки к дневникам – номер блокнота и дата, именно к блокнотам, а не к машинописи. Таким образом, сама писательница ценила первоисточники и работала с ними. Пришло время опубликовать их без купюр и любого другого вмешательства.

Текст дневников воспроизводится предельно точно, исправлены только явные описки. В угловых скобках раскрываются недописанные слова или пояснения публикатора. В квадратных скобках – зачеркнутые фрагменты текста.

10 сентября 1941 года.

Я только что разделась, чтобы лечь спать. Раздался вой сирены. И одновременно с ним грохот, дом весь задрожал, посыпались стекла, ощущение, что валится дом. Грохот такой: рухнуло раз, рухнуло два, рухнуло три. Этаж за этажом. На самом деле это несколько взрывов бомб.

Потом страшные крики. И все смолкло. Различить в этом аде звуки трудно. И ничего неизвестно. М<ожет> б<ыть>, рухнул дом напротив (это неверно). См. стр. 3.*

Я, Дуся, мама, Вера сели в прихожей. Мама не хотела без меня идти в газоубежище. Открылась дверь из комнаты Дуси. Потом мы пошли все вместе. Еще пошла Жулька. Она все время лаяла и металась. Побежала за нами. Стреляли зенитки. Стрельба зениток после того грохота казалась нестрашной. Прислушивались. Летели самолеты. «Это наши!».

«Это они!.. Другой шум моторов».

Там уже было полно. Бежали полураздетые люди, тащили детей. Какая-то мать забыла маленького ребенка дома. Другая несла ребенка вниз головой.

Ужас на лицах. Плакала Вера А. Накануне в бомбардировку убили Колю. Он ехал в машине. Прибежал какой-то человек, сказал, что

* Примеч. автора.

бомбы попали в дом на углу З<елениной> и Г<еслеровского>. Он помогал вытаскивать раненых. Сколько прошло времени – сказать трудно. По часам около $1\frac{1}{2}$ часа. Отбой.

Через несколько минут снова сирены. В газобезопасном хлынула еще толпа людей. Шум моторов немецких самолетов.

Стрельба из зениток почти непрерывная. Где-то глухие взрывы. Бомбят.

18/IX

Была в Союзе.¹ Стрельба. Разрывы. Отвечали наши орудия. Была на радио. В Детиздате. Ехали с Шурой² через Дворцовый мост. Горит Сенат. Сволочи. Потом опять стрельба. Не производит впечатления. Боюсь только ночи.

Люди, которые были в момент бомбежки дома и бомбили их дом, не слышат грохота разрыва, который слышат в окружающих домах.

Ослепленные кварталы без окон. Как слепые люди с неподвижными глазами.

В городе спокойно 18 сент. Бомбардировка города снарядами. Сволочи. Люди лежали в трамвае на Дворцовом мосту. Потом водитель пустил трамвай. «Бегите в Зимний». Снаряды попали в крыло Адмиралтейства.

Беженцы из Кировского района. Дети. Не успели взять документы. Вселение к Шуре. Разговор Шуры с девочкой о евреях. Откуда эта гадость у детей?

Звериные инстинкты. Сцена у трамвая. Окрики на людей с тюками. Никто не желает им помочь.

В газобезопасном.

Дружно держатся старые жильцы, подбадривают друг друга.

Дети! Дети! Измученные бессонницей. С синими кругами под глазами. Желтые лица.

<22 IX> Памятник Пушкина зарывали в Лицейском сквере. Это было страшно. Большая четырехугольная яма, вырытая в глине (голубая).

Страшно, когда заколачивали на Невском первые этажи – магазины. Стук, как по крышке гроба.

Плакала, когда уходили корабли по Неве. Слава русского флота*.

Выключены телефоны. Нелепо. Нельзя узнать после бомбежек о близких.

Игорь. Очень страшно за него. Во время воздушной тревоги он похож на больного Тынянова.³ Та же пришибленность.

Ужасная усталость у людей в бомбоубежище. С каждым днем все сидят тише и тише. Очень замучены женщины с детьми.

Надежды на серое небо не сбываются. Сегодня, 22-го сентября, несмотря на серое небо и порывистый ветер, к 6 часам уже три тревоги.

Стрельба, стрельба. Звуки далекой бомбежки. Очень трудно выдерживать. Нервы никуда не годятся.

Смерть Александры Андреевны. Калека. Как страшно она хрипела. Зачем все эти вещи, о которых она так заботилась...

Бомба в середине Гост<иног> двора. Где Сережа?⁴ Ужасно ничего не знать о нем.

Страшное известие о Киеве.⁵ Усилием воли заставляешь себя не думать о том, что там сейчас делается.

Вчера с 21-го около 12 ночи в городе погас свет и перестало работать радио. Очень страшно. Через десять минут дали свет. Радио начало отбивать свои такты.

20-го утром была сброшена осколочная бомба на рынок в Нов<ой> Деревне, полный женщин. Почти с бреющего полета. Эта сволочь

* 17/X Да они же не уходили... Они шли на боевые рубежи в Ладугу. И все-таки больно (Примеч. автора).

видела, что здесь, кроме женщин, никого нет. Потом пришли санитары убирать раненых. Он, этот зверь, спустился снова и бросил опять бомбу.

Они, т. е. псы смердящие, бомбят специально госпитали.

Если я и мои близкие останутся живы, то психические жертвы не пропадут. Любопытство к жизни. Но я ничего не могу сейчас писать. Нужно, чтобы в душе отстоялись события. Я испытываю слишком большую ненависть к полулюдям-полузверям.

Мне хочется написать рассказ о чувстве родины.

23/IX

С 8 утра тревоги. К 7 вечера уже 11 тревог. Невозможно уйти из дома. Как будто бомбежек поблизости нет. Разрывов не слышно. Зенитки почти не стреляют. Идут воздушные бои.

Настроение у тех людей, что я вижу в доме, чуть лучше. Сегодня не чувствуется такого угнетения. Девушки с фабрики. Четверо. Толстые, веселые, курносые. «Мы ничего не боимся. Мы уж под огнем не раз бывали на окопах». Парень, с кот<орым> я разговаривала ночью сегодня, опять разговаривал со мной. Ему на вид лет 20. Очень верит в помощь Л<енингра>ду от армии Кулика.⁶

В темноте во время тревоги под лестницей какой-то гражданин, по виду вожатый, разглагольствовал на тему, что города разрушать нельзя и вести в городе бой бессмысленно. «Провести черту. Как дойдут до черты, так сдавать город. Город цел останется. Ну, пусть в нем германские рабочие жить будут». Когда В. М.⁷ остановила его разглагольствования, он сразу притворился ничего не понимающим и злобно заметил, что «вот все больно культурные». Сволочь! Такой будет участвовать и в погроме.

Заявление Д. «Я газетам не верю. Я верю только слухам». Дрянь!

Работница с Кр<асного> Зн<амени>⁸ из дома № 6. Очень хорошая женщина. Она каждый вечер с такой радостью говорит, сколько она сделала сегодня шлемов для армии. Очень добрая женщина с хорошей душой.

Вчера 23/IX – 13 тревог. Почти весь день с маленькими перерывами. Небо ясное. Ночь прошла спокойно. С 9-ти утра 24-го опять тревога. Небо серое. Стрельба из орудий.

Вчера 24-го спокойный день. Только две тревоги утром. Ночь без тревог. Встала в 3 ночи. Небо звездное. Разделась, легла.

Смерть Танечки Гуревич.⁹ Посылать самолет, бросить бомбу, которая убьет Танечку. Сволочи!

Впереди еще много смертей. Танечку жаль. Я ненавижу все сильнее их. Она была уверена, что не погибнет. Не хотела уйти в бомбоубежище.

Валя с крыши Дома книги слышала свист этой бомбы. Шура разговаривала с ней за 40 минут до смерти. Выражение ужаса на лице Танечки. Зажмуренные глаза и поднятая рука для защиты лица. Удар по затылку. Сегодня хоронили на Волковом.

10-го октября

Каждый день похож на другой. Особенно ночью. Луна, как ночное солнце. В 7.30 вечера начало тревог. Они продолжаются часами. 2, 4, 5, 6... Зенитки, зенитки. Шмельный гудеж немецких бомбардировщиков. Воеет, воеет над головами.

Ресторан Союза писателей. Очередь из голодных людей. «Больше обедов не будет». Хамы официанты. Они не ставят тарелки, а швыряют. Они больше не заискивают, как раньше.

Прожекторы на светлом ночном небе. Четверть суток это жизнь в подвалах. Холодно.

Когда очень хочется спать, тогда все равно. Пусть развалится дом.

Вчера, 9-го, раненый лейтенант рассказал о мальчике, который пришел в их часть. Сумка с 8900 р. и израненная рука. «Это за папа» (так. – Т. Ц.)... Как он стиснул зубы.

Хладнокровная, недетская злоба сына рабочего. Они хотели купить смерть отца за 8300 р. и 600 р. за две курицы. Значит, жизнь человека всего в 14 раз дороже жизни курицы. $8300 : 2 = 4150$. $4150 : 300 = 14$. Простая арифметика. Душа этого мальчика. Ясная, простая, цельная. Нельзя откупиться за смерть. Вот так же нельзя «купить» смерти Танечки.

Злоба, злоба.

Вчера, 9-го, опять приехал Моля. Он приходит как из другого мира. Женя уехала в Ульяновск. Там другая жизнь, там другой мир. Дай мне силы написать этот рассказ о мальчике.

До чего ужасна, бессмысленна война. Читаю «Войну и мир». Сейчас это особенно хорошо. Если бы немцы читали эту книгу, м<ожет> б<ыть>, они были бы лучше.

Одиночество мое во время тревог. Глупо, но, когда начинают стрелять зенитки близко, я ухожу вниз. Когда не слышишь, тогда легче.

Если бы мне надо было рано вставать, я бы, конечно, спала. Иначе человек не может жить.

Почему дают такие короткие отбои? Это хуже изводит людей. Они идут домой и снова бегут вниз.

Вот и сегодня так. С полвосьмого несколько отбоев. Сейчас уже час ночи. Сколько еще продлится тревога? Плач детей спросонок. Матери несут их в уборную. Кашель стариков и больных. Ужас, ужас.

Почему пять миллионов должны каждый день испытывать такие мытарства? Голод, бомбежка, холод, работа. С точки зрения простого человеческого смысла это чудовищно. Неужели война не исчезнет с лица земли? Сколько у этих чудовищ самолетов?

Какая страшная жизнь. Все изменилось. Ты не в состоянии уже беспокоиться обо всех. Притупление чувств. Только злоба.

У меня нет желания писать письма. О чем, зачем. Они же там все равно не поймут. Это надо испытать самому. Описание не то. Только великий мастер слова сможет потом описать все это.

И все равно ведь они не победят и не станут счастливее.

Опять плачет ребенок во сне. М<ожет> б<ыть>, весь ужас здесь заставляет женщин легче переносить неизвестность за судьбу близких на фронте. Ожидание смерти, которая может прийти каждую секунду, естественно заставляет людей меньше думать и страдать за близких там на фронте.

Дети очень распустились внешне. Днем они ничем не заняты.

Девочка Вета Сергеева. 12 лет. Она скучает без школы. Организация библиотеки в газобезопасном убежище это возмещение здоровых инстинктов этой девочки – желание учиться, общественник. Я несколько раз спрашивала ее, боится ли она? «Нет, не боюсь». Мама ее говорит, что на самом деле она боится. Трогательно, что здесь, где много людей, она ни за что не хочет сознаться, что ей страшно.

О чем шепчется она по вечерам со своей приятельницей? Наверное, у них есть свои тайны, обиды, не имеющие отношения ко всему происходящему.

А в общем большинство людей очень устало. Надо иметь железное здоровье и нервы.

Рабочий городок около одного из строителей. Летом женщины, живущие там, не хотели рыть щели. Начались бомбежки. В два дня вырыли себе индивидуальные щели, перетащили туда вещи, навесили замки.

На днях на городок упали зажигательные бомбы. Одна из женщин миглом бросилась в барак, схватила две подушки, потащила их в щель. Ребенка она забыла в бараке. После окрика соседей вернулась, схватила ребенка, потащила вместе с подушками. По дороге выронила ребенка. В щель его принесла соседка. Случайно ребенка не затоптали сбежавшиеся люди.

Утром было собрание. На собрании выступала В. М. Она рассказала об этом факте с негодованием. Тогда выступила женщина, бросившая ребенка. «Вот вы, В. М., очень умная, а не понимаете: был бы мужик, будет и ребенок, а уж подушек таких у меня больше не будет».

Это фронт в тылу. Фронт собственника и мещанина.

11/X

Тревога с 11 вечера, небо опять очистилось. Днем тихо. Вчера шел первый снег.

8900 рублей

Сад был таким, как всегда. Цветы.

Он роет могилу.

«...когда нет труса впереди, который закричит: „Мы отрезаны!“ и побежит, а есть веселый, смелый человек впереди, который крикнет: „Ура!“ – отряд в 5 тысяч стоит 30-ти тысяч...»

«Война и мир» ч. III г. XI.

<16/X> две ночи без тревог. Сводки, заставляющие страдать. Что-то будет? Сегодня, 16-го, очень подавленное настроение у всех. Как Москва? Что там? Неужели наша армия не вынесет этого удара? Обращение ЦК германской компартии к рабочим и крестьянам Германии.¹⁰

Тревога в 7 ч. 30 м. горит Народный дом. Страшное зарево. Через полтора часа потушили.

В 12 ч. 30 м. опять тревога. Сразу где-то бахнуло. Кончилось в 1 ч. 30 м.

Потом опять тревога.

Летают наши ястребки.

17/X

Страшные сводки. «Обе стороны несут тяжелые потери». Если бы я верила в бога, я бы сказала: «Господи, спаси мою родину!».

Танки грохочут по улицам.

Стрельба была.

В 7 ч. 15 м. тревога. Пожары, пожары...

О! Проклятые!

Юноши в летней спецшколе. Суровость лиц, подтянутость.

Вчера встретила Регину. Она стала старухой. Тамара С. худая, замученная, скрывающая личное горе.

Как растревоженный муравейник люди в газоубежище.

И все-таки мы победим. Если я перестану верить в это – тогда жизнь не нужна. Дальше все неинтересно. Нельзя закабалить русский народ.

Нет, нельзя. Этого не будет. Не может этого быть.

Все читают «Войну и мир». Разговор в ресторане Союза со Шв<арцем>¹¹ об определении Толстым как бывают самоуверенны разные национальности. Противное ощущение – сидеть и ждать, когда завоет сирена.

Рассказ Шварца о разговоре двух работниц в трамвае, которые топят печи незагоревшимися зажигательными бомбами.

28/X

Сережа уехал вчера в Колпино. Увижу ли я его? Сегодня после девяти дней тишины без двадцати восемь вечера тревога. Пурга. Снег. Бомба попала почти рядом, Зеленина 22. Дрогнул пол.

2/XI

Вчера Сережа приехал. Много впечатлений. Сегодня уехал опять до 6-го.

Несколько дней артиллерийский обстрел города. Сволочи! Сволочи! Тревоги, бомбежка, голод, героизм одних, пакость и мелкотравчатость других. Моя родина, родная, окровавленная, истерзанная...

Замечательные дети приходили вчера на радио. Особенно мальчик Толя Серебряков и Люся Малярова. Из этих детей вырастут настоящие люди – товарищи, которые не предадут. В этих детях превосходные моральные устои и человеческая доброта. Лица у них обыкновенные, русские. Сероглазые. Много скромности. И помполит хорошая девушка Танечка Волошина. Много энергии, веселья, порыва.

4/XI

Вчера, позавчера артобстрел города то днем, то ночью. Мигает электричество. Грохот разрывов снарядов. Снова бомбежки. Сегодня к 9 вечера уже шестая тревога. Вчера бомбы на Выборгской. Опять жертвы. Где-то сегодня. Нева замерзает. Утром 10 градусов мороза.

Особенно звонко играют дудки на кораблях на Неве, когда возвращаются из Союза. От мороза порозовели сегодня лица у людей. Как много голодных. Земличный цвет. Есть опухшие лица.

7/XI

24-ая годовщина.

Вечер. Жужжит в небе наш патрульный самолет. Темно. Тучи. Идет снег. Где-то неподалеку рвутся снаряды. Негодяи, негодяи....

Речь Сталина на параде в Москве. Уверенность. Гнев, великий гнев зреет в народе моей родины. И силой страшной, яростной, несказанной обрушимся мы на стаю шакалов, немецких варваров. Как земля носит на себе эту падаль, эти отбросы человечества.

Опять разрыв снаряда. Еще, еще. Ближе. Вдрагивают стекла. Мигает свет. О, чудовища. Нет для вас на моем родном языке слов бранных, которые могли бы воздать вам должное.

И я хочу жить, жить, чтобы увидеть растоптанную Германию. Эта страна должна понести заслуженную кару.

14/XI

Ужасный день, ужасная ночь.

Непрерывные тревоги, тревоги...

Ночью разрывы бомб поблизости. Один за другим, один за другим. В газоубежище не спали всю ночь. Ракеты освещают звездное небо. Светло. Впечатление сцены. Направо, за домом горела Новая Деревня.

Люди ничего не могут сегодня получить по карточкам. Нет ничего в лавках и опять тревоги, тревоги. Никуда нельзя уйти. Я не знаю, что с Сережей, Шурой.

Звонила на радио. Шуры еще нет. Наверное, была дома? Звонила Вале на службу. Она там, но я не разговаривала с ней. Она куда-то вышла.

Сколько голодных, истощенных лиц. «Они» хотят сломать нашу волю голодом и бомбежками. Сколько дней эта сволочь будет так мучить людей?

Шум истребителей в небе. Тишина. Ужасающий грохот зениток. В ночь на 14-ое стакан от зенитного снаряда в доме напротив пробил крышу, перекрытие, прошел два матраца на кровати, врезался в пол. На кровати спали двое людей. Стакан пробил матрац в нескольких сантиметрах от их ног. Судьба.

Что на фронте? Неужели сомкнулось кольцо и у Т<ихвина?>. Пробьемся ли.

Застывший город, скованная льдом Нева. Дымят трубы заводов. На сколько нам хватит угля, металла, воли?

Впереди может быть гораздо тяжелее. Только бы устоять, не отдать им города, моря, флота.

Скоро, наверное, кончится тревога и через несколько минут, полчаса, час опять.

Утром в 7 часов толпы людей на остановке на Зелениной. Под ногами битое стекло. Ведь они должны попасть на работу. Когда они попадут?

Хочется спать, но каждый раз будит ужасающий грохот зениток. Так раньше они не били. Эти дни они стали особенно звучны, лающи. Их грохот напоминает грохот обвала.

Ночью не работало в доме радио. К утру починили.

Вчера в столовой Союза старик Десницкий¹² складывал свою порцию манной каши в баночку. Спрятал две косточки от компота. Эйхенбаум¹³ тоже жене свою порцию компота. Так делают многие. Вместо хлеба у некоторых к обеду лепешка из дуранды. А в общем там много противных, грубых, думающих и говорящих только об еде типов. Масса каких-то парнишек. Я их никогда раньше не видела. Жалкие старики Клейнборт,¹⁴ Эдуард Эдуардович (Зигфрид),¹⁵ Ганзен Анна Васильевна¹⁶ совсем вдруг состарилась.

Все спешат.

В такие дни, как вчера и сегодня, невозможно писать. В газобуежище шумно, нервно.

Трудно видеть муки людей. А много среди них мелких душ. Собственники, склочники.

Воскресенье – 16-е ноября.

Опять, как вчера, удивительный день. Голубое небо весь день. Звездные вечера и ночи. Капает с крыш. Похоже на весну. Люди звереют от голода (очереди, очереди, пустые лавки).

Неужели они, гады, возьмут нас измором? Только не так. Лучше в бою сдаться, чем от голода. Сережа голодный утром. У Шурки. Смерть Мих. М.

Звонила Валя. Их вчера выселили из дома. Неразорвавшаяся бомба.

Сколько еще недель можно вынести такую жизнь? Нет передышки у людей. А главное голод. Что-то еще будет впереди? Замерзнет вода, не будет света? Выдержат ли тогда?..

Если представить себе всю муку, которую терпят ленинградцы? Нет, представить себе этого нельзя.

11 вечера. Недавно кончилась тревога. Измученность. Одиночество. Чужие люди, чужие разговоры. Я думаю о моей стране. Как страшно она истерзана. Мы недоедали столько лет, и теперь кучка мерзавцев погнала в нашу страну миллионы зверей для того, чтобы они уничтожили то, куда вложены миллиарды человеко-часов. Горе, радость, творчество, мысли, коллективная воля народа.

Страна моя, бедная...

Играют Интернационал за стеной (радио).

Что в Москве.

И в эту самую минуту люди на полях сражений умирают, их ранят, они навеки остаются калеками.

Это чудовищно, чтобы кучка людей, посаженных на самолеты, заставляла 4 миллиона людей в течение нескольких часов ждать смерти. Нет, надо только вдуматься в это. До чего страшна техника в злых руках.

Асладзе¹⁷ – певица, дура.

Рассказывает мне. «Знаете, почему Анастасия Ник. (ее соседка по квартире) не ходит в газоубежище? Она сказала мне, что пусть меня засыплет здесь. А так как она не желает быть засыпанной вместе со мной, то и не ходит. Понимаете, ее собачка все время лезет ко мне в комнату. Анаст<асия> Ник. и говорит мне: „Это она чувствует, что вас засыпет“. Нет, вы понимаете. Вот она и не ходит сюда. Сидит наверху».

Ее муж «квакша». Вор, развратник, дурак. Разговоры об устройстве блинов в газоубежище, где сидят голодные люди. Потом разговоры о том, что «вот в такие ночи немцы будут спускаться на город парашютистов». Говорит все это по глупости. Вечно врет. Гадюка.

Дети стали гораздо дисциплинированнее. Их легко успокоить, когда они шалят. В ответ не грубят, как раньше.

Сегодня (20/XI) в булочной разговоры: «Пусть один конец, но конец». «Что же вы хотите? Немцы придут. Они ведь тоже не накормят».

Растерянность на лицах. Кондукторша: «Хлеб из страны тогда привезут». «Так ведь никто из нашей страны им хлеба не даст». Опять растерянность. «А зачем их так близко подпустили?». Тон злобный. «Ну, товарищи, потерпите. Трудно, но потерпите». Молчание. Потом женщина в меховом жакете, на вид служащая, говорит: «Русский народ терпеливый. Он вынесет. Я сама ничего. А вот сын пухнет. Он всеобуч проходит. Молодой, растет. Очень тяжело на него смотреть».

Кл. Як. говорит: «А зачем работать? Деньги не нужны. Лучше лечь и лежать. На этот паек не наработаешься». Нет, они мещане, не понимают. Меня ничто не может поколебать. Ленинград останется наш. Война уже на переломе. Вершина преодолена. Теперь немцы начнут скатываться вниз. У-у-у, негодяи. Страшно думать о Киеве, об Одессе.

Днем ни одной тревоги. Пасмурно. Идет снег. Потеплело. Тьма. Уже 10 ч. 30 вечера. Непривычно, что сидишь дома, а не там внизу.

Сережа забегал, не застал. Утром был тоже. Принес обед. Беденький, он очень голодный. Чем ему помочь? И Валя голодная. Какая все-таки сила у интеллигенции.

Сегодня почти кончила очерк об почте в Париже 1870 года. Завтра его отвезу. Сегодня передавали «Севаст<опольский> мальчишка». ¹⁸ Завтра продолжение.

Мы наступаем. Вышибаем мразь из нашей земли. Их надо уничтожать так, как уничтожают паразитов. Давить. Выковыривать. Ненависть, ненависть, еще раз ненависть. Смерть за смерть. Что они сделали с миром, что они сделали с миллионом людей. Боже, боже.

Если я останусь жива, с какой страстью и ненавистью я буду писать о пережитом. И самое мерзкое – погибнуть от бомбежки. Рухнет дом и все кончено. В этом есть что-то ужасное по своей бессмыслице. Так гибнут сотни. За что? Для чего? Что они, немцы, будут от этого счастливее? Какая чушь.

24/XI 41 г.

Мы все еще живы. В городе – голод. Очереди. Чернь распоясывается.¹⁹ Опять наступление на Москву. Дай нам сил отстоять столицу русской земли, советской земли. Несколько дней эти сволочи опять обстреливали город. Позавчера шли из Союза – Сережа, Рахманов,²⁰ я. Свист тяжелых снарядов над головой, как полет шмелей.

Два дня нет тревог ни днем ни ночью. Пасмурно. Временами идет снег.

Ночью изредка слышны разрывы снарядов. Потом гул наших орудий. Днем часто выключают электричество. У меня еще целы окна. Я могу работать днем.

Позавчера дежурила у телефона: Девушки – патрульные.. Хороший народ. Смешной старик Гордон.²¹ Утешает девушек. Одна говорила: «Вот он придет ночью, поговорит, всегда хорошее скажет и на душе легче». Гордон говорил: «Я всю ночь читаю исторические романы». – «А спите когда?» – «Урывками». – «А книги в библиотеке берете?» – «У меня своих много: Я покупаю. Больше сейчас деньги не на что тратить».

Немцы в Тихвин сунулись. Думали, теми запасами, что для нас, ленинградцев, приготовили, пользоваться. И: по морде получили. Верьте, верьте, все хорошо будет.

С. вошел на кухню. Думал, что меня нет дома. Со злорадством говорил В. «В Одессе они расправились с жидами. 22 тысячи угробили». Все, что он способен сказать. Вот что читает эта чернь в газете. Больше ее ничто не интересует. Звереет от голода. Радио выключает. «Все вранье».

24/XI

В «Последний час».²² Разгром немецких дивизий под Ростовом.²³ Стрельба из орудий. В 2 ч. 40 м: дня тревога. Сижу в Радиокomitee. Шура – тень. Тикает метроном. Телефоны не звучат. Очень тихо. Тревога уже два часа. «Дадут по килограмму сыру!». Все перешептываются. «Когда будут давать сегодня или завтра?».

Шла домой почти всю дорогу пешком. Переехала Троицкий мост. Потом опять пешком. Свист снарядов над головой, тихий, пищущий. Выхлоп, эхо, свист. Значит наши. Изредка слышны разрывы. Где-то далеко. Это чужие.

Какой страшный Невский. Как его изуродовали, проклятые. Как вывернуты в районе Д<ома> книги окна, дворы. Этот дом на углу Канала Грибоедова... У-у-у, гады!

Хлеб сегодня почти одна дуранда. Мокрый.

25/XI

Четырехчасовая тревога днем. У нас, на Петр<оградской>, тихо. Изредка зенитки. Ночью изредка оруд<ийные> залпы. Вечером несколько минут сильная стрельба наших дальнобойных. Две-три минуты.

Все труднее получать продукты. Очереди ждущих, когда привезут что-нибудь. Тревоги все нарушают. Во многих домах весь день не горит электричество. В бомбоубежищах темно. Нет керосина, свечей. Какие-то обезумевшие женщины на улицах в очереди. Они не слушают того, что им говоришь. Бестолково мечутся. Запомнилась одна, в очках, в черной шляпе. Она цеплялась за очередь, как безумная. Она даже не спрашивала, что дают.

По дороге к Сереже. Женщина, молодая, в платочке, с узелком. Под глазами огромные мешки – опухоль. Разговоры о том, что с 1-го вместо хлеба дуранда. Была бы и она. Неужели голод заставит сдать-ся? Ни за что. Ни за что.

Какая тишина сейчас на улице. А ночи какие тихие. И вдруг выстрел, дребезжание стекол.

Небо сейчас мутное, серое, петербургское. И где-то там «они», звери, летящие на машинах. Старый бухгалтер. Живет в третьем этаже. Его комната с одной стороны имеет наружную стену. В комнате большой камин.

Во время тревоги забирался в камин. Рассказывал: «Я в полной безопасности. С одной стороны комнаты – брандмауер. В углу камин. Как тревога – я сажусь в камин. По-моему, надежно». В дом попала бомба. Отвалилась часть брандмауера, камин треснул. «Вы понимаете, – говорит бухгалтер, – я немного ошибся. Оказывается, это было не так надежно. А я-то столько недель считал себя в полной безопасности...».

Тревога продолжается. То гудит в выси «их» бомбардировщик, то несутся наши истребители. Что там видно, за этой серой мглой неба?

Вал<ентина> Мих<айловна> сегодня проводит собрание на Выборгской. Вернется ли?

Сережа раздраженный. Видела его утром. Ушел в Союз. Он плохо приспособляется к быт<овым> неудобствам. Не сообразителен. Тося испортил<a?> замок на двери. Не мог как следует вставить. Ничтожество. Шура написала ему записку. До чего все мерзко.

А я хочу жить. Я хочу увидеть, как они, немцы, будут наказаны за свои злодеяния. Вчера фельетон Эренбурга.²⁴ «Они» назначили уже хозяина земли русской – Адольфа Розенберга. «Миф 20-го века».²⁵ Гнусняк, интеллектуальный садист. И еще Адольф Миллер. До чего противно.

Выстрелы. Где-то упали три бомбы. Сколько убитых, искалеченных. И опять тишина. И опять неизвестность.

И то же серое небо. Уже 2 часа дня. Тревога началась в 12 ч. 25 минут. Сколько это еще продлится сегодня. А под этим небом, в этом городе 4 миллиона. И они должны жить, думать, работать. И каждый сейчас в напряжении. Одни это скрывают, другие нет. Вот и вся разница.

Кончилась тревога около 4-х.

В пять взрыв, где-то рядом. Снаряд, бомба, зенитка? Опять взрыв. Тревога. Тишина. Через минуту – две тревоги по радио. Повидимому, первая тревога была дана местным штабом после внезапно сброшенной бомбы.

В шесть тридцать отбой. Свист снарядов. Теперь тишина. Из-за тревог трудно получить даже хлеб. Когда же те, кто работает, попадут домой? Где Сережа, что с ним? Что с Валеи, со всеми? И так каждый день.

27 ноября.

Вчера в 9 часов пришел Сережа. Шел пешком. Злой, усталый. Украли в Союзе мой обед (кашу с селедками) и часть его обеда, который он оставил себе на ужин. Очень это переживал. Едва его успокоила (маниакальность).

В темноте я шла из булочной и несла, прижимая к себе, полкило хлеба из дуранды. И мне стало легко на душе. Ведь я несу хлеб своей страны. Пусть из дуранды, пусть крохи, но это хлеб свой, родимый. Где-то рвались в городе снаряды. Очереди, крики из магазинов. Злоба черни в булочной.

Тревога началась в 12 ч. 15 м. дня. Кончилась в 5 ч. 45 м. Итого 5 ч. 30 минут. Боже, боже. И это в голодном городе. Значит, специ-

ально. Выдержит ли население? Садисты, мерзавцы, твари. И неужели они не получают за это достойной расплаты?

А что завтра? А послезавтра?

А сейчас они опять, наверное, начнут артобстрел.

Ночь прошла спокойно.

Изредка выстрелы.

Вечером долго не работало радио.

Провокаторы распространяют слухи, что город будет сдан, что войска уходят...

28/ХІ

Сегодня сволочи прилетели в 11 ч. 50 м. утра. Сережа пошел в Союз в 12 часов. Пешком. Дошел благополучно. Заснула в 3 часа.

Кончилась тревога без 15 минут пять. Опять 5 с половиной часов.

Упали поблизости три бомбы.

Опять прыгал дом. Ничего, привыкаем.

Вечером опять были у Вал<ентины> Мих<айловны>. Так легче. Одной невозможно. Радио в нашем квартале не работает.

Превосходная статья Орбели в Лен. правде от 27-го.²⁶

Да, да, они должны будут трудом искупить свои преступления.

Какая несчастная, нечеловеческая война. А ленинградцы – герои. Вот ударят морозы покрепче. Неужели не погоним их прочь? Погоним, погоним, заставим за все расплатиться. Расквитаемся. О, только бы дожить до этого.

30 ноября, воскресенье.

Вчера тревога началась в начале двенадцатого. В два дня кончилась. Дождь, слякоть, туман.

Очереди, очереди...

Краснофлотец пьяный ломался около очереди. «Ждете? Ждите. Как же, дождетесь. С голоду подохнете». Сам вертлявый, смазливый, маленького роста. Шапка-ушанка. Смуглый. Из ленинградской шпаны. Баба его остановила: «Ну, иди, иди, куда шел...».

Мат, «весь мир б., а все б.»

– «Ты-то с голоду не помираешь... Ишь какой гладкий», – говорит старуха.

– И мы подохнем...

Женщина из очереди со злобой:

– Это ты врешь, краснофлотец, кого-кого, а вас, балтийцев, кормят.

– Кормят?.. (мат).

– Да, кормят. У меня у самой муж краснофлотец.

Парень пьяным движением держит себя за шинель.

– Сорок две раны. Не пересчитаешь.

– Ну, иди, иди, нашел чем взять.

Парень снимает ушанку. Крестится.

– Коммунист, а в бога верю, бабы. Ей-богу верю.

Опять крестится.

Две старухи из очереди с презрением:

– На бога нас не возьмешь. Катись, катись.

Я подхожу. Прошу его уйти. Мат. Шатается меньше. Уходит. Догоняет женщину с ребенком на руках. Жена. Здоровенная, толстомордая, шуба хорошая.

– Уведите мужа, зачем он женщин мутит...

– А вам что?

Парень опять входит в пьяный раж.

– Да, я с фронта... Пусть расстреливают. Я за правду...

Поспешно смываются.

Кто он? Дурак, шпана, провокатор?

По виду расхлябанный, может, и на корабле не был. В писарях здесь сидит. Гад.

30.XI. 11 ч. 30 м. вечера.

Кончилась тревога. Сколько их сегодня! Часами. 311 по счету с начала войны. Гады, гады... Я чувствую, что уже очень устала.

Додумала сегодня рассказ о мальчике. Напишу ли?

Был Сережа. Голодный. Выпил пива, съел два сухаря. Пошел обедать в столовую Ленфильма. Тревога, артобстрел. Тревога.

Опять бомбили около Кировского моста. Вечером тихо. Небо ясное. Ложусь спать. Хлеба на завтра нет. Не получила еще карточек.

Радость. Победа под Ростовом.²⁷ Узнала поздно.

Весь день не работало в доме радио. Газета вечером.

1 декабря, понедельник.

Тревога в 9 утра. Небо серое. Тихо. Жужжат истребители. Ночью выстрелов не было. Тактика понятна: не давать возможности купить хлеб, получить карточки. Расчет на сдачу города с помощью внутреннего озлобления. Не выйдет! Выдержат.

В 10 ч. 5 м. тревога кончилась. Когда новая? Через десять минут? Через полчаса, через час? Через три? В 12 начался артобстрел. Снаря-

ды рвутся где-то на Петроградской. Треск разрывов, шум истребителя нашего.

...жалкий человек.
Чего он хочет!... Небо ясно
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?!²⁸

Опять была тревога.

Женщине из соседней квартиры оторвало снарядом ногу. Умерла через 10 минут. Мать кричала. Из соседних квартир доносятся какие-то вопли. Не то ребенок плачет, не то взрослый.

Опять обстрел. Окна дрожат. Тревоги с 5 ч. 45 до 7-ми. С 9-ти до 11. Пришел Сережа. Хороший вечер.

2 декабря. Утро.

Небо серое, тихо. Стрельбы пока нет. 10 часов.

Сережа рассказал:

Один управхоз, чтобы повлиять на жильцов, не желающих спускаться в бомбоубежище, вывесил объявление: «Хладнокровие ведет к излишним жертвам».

Около трех тревога до четырех с чем-то. Где-то поблизости упали четыре бомбы. От последней шатался дом. Стрельбы артиллерийской не слышно. Уже 6 ч. 30 м.

Чудные известия о ростовском фронте. Дай боже, дай боже.

Вчера Шура ничего не ела до 8 часов вечера.

Разговоры об эвакуации 1,5 млн.

3 декабря.

Тревога в 11 ч. 40 м.

Сережа приносил обед утром. Ушел в Детиздат, Союз. Завтра поедет в Смольный.

Шварц улетает. Этот человек держался достойно.

По-видимому, блокада будет прервана не так скоро. Немцы сильно укрепились вокруг.

Дети в бомбоубежищах говорят об еде. Фантазируют. Им хочется пирожного. Только по одному пирожному.

4 декабря.

Вчера дежурила у телефона. Патрульные бабы были о голоде (все из крестьян, недавно в городе). Морды тупые. Никаких интересов. Это не кадровый ленингр<адский> пролетариат, а так, дерьмецо.

Эвакуир<оваться> не хотят. Как же мы уедем, да все бросим. «Ну, так не войте здесь!» – «Да мы ничего».

Из разговора дальше выясняется, что у них есть еще зеленая капуста, было много зерна (собирали рожь на правом берегу Невы).

Просто удивительно, как эти люди ничему не научились. Все получают первую категорию.

Вся злоба у них на лавочников. «Ишь, толстомордые. Сами жрут в три горла».

5/ХІІ.

Вчера несколько тревог. Днем. Ночью в 12.30 до 1 ч. 50. До этого артобстрел. Потом тоже. 4 бомбы.

Сегодня артобстрел нашего района с 3 ч. 30 м. Недолго. В 5 ч. 30 тревога. Была на службе у В. М. Мылась в кочегарке. Утром пили кофе с Сережей. Настроение хорошее, хотя объективно в Л-де мрачно. Тревога до 8 ч.

Асладзе рассказывала:

«Наша актерская бригада, которая в Кронштадт ездила, погибла. Есть убитые, раненые. Но самое интересное! В чемоданах, кот<орые> они везли, нашли 17 шкаликов спирта!..».

Тревога с 9 ч. 40 м. до 10 ч. 15 м. У нас было тихо.

6 декабря.

С утра Сережа, Шура. Шура совершенно истощена. Взяла с собой чуточку каши и кусочек хлеба, дурандовый. Это до понедельника.

Развешивала лапшу. 125 гр. Шуре. 200 маме. Маше 75 гр. амер<иканских> консервов на декаду. (Это наш пай.)

Эвакуация, по-видимому, прекращена.

Очереди, очереди. Сегодня утром 13° мороза. Слухи в очередях о прибавке хлеба.

Выстоим ли? Неужели возьмут голодом?.. Это самое страшное. Что здесь тогда будет?

На кладбищах очереди к могильщикам. Надо рыть самим могилы. Привозят даже без гробов, на саночках, оставляют на снегу мертвых.

Привыкаешь ко всему. К бомбам, к артобстрелу. Мы живем на фронте. Человек не может всегда испытывать страх, иначе он гибнет. Такие сейчас гибнут. Выживают приспособленные. Закон Дарвина.

И все еще ходят трамваи, и есть вода. Это героизм.

9/XII.

Вечером сегодня трамваи не ходят. Вчера снег, заносы.

Канонада далекая. Налетов нет три дня. Погода нелетная.

Эвакуация. В Союзе все хотят уехать. Дали слив<очного> масла на первую декаду. В магазинах нет электричества.

Объявление на дверях булочной.

Граждане! Утеряны пять карточек. Три детских, одна служащая, одна иждивенческая. Фамилия, адрес. Граждане! Умоляем нашедшего вернуть. Граждане! Не обрекайте семью на муки.

Приписка.

Очень просим вернуть.

Семья...

Англия объявила войну Финляндии, Венгрии, Румынии 6 декабря в 0 часов. Япония объявила войну США и Англии.

Напала внезапно, как Германия на нас. Сука!

Какой странный город сейчас. Полумертвый, притихший, снежный.

Люди идут по мостовой, сугробы. Саночки тащат.

Самая чернь, конечно, не желает уезжать. Она уходит с работы, бережет силы, выжидает. Она надеется на сдачу города.

Старухи шипящие, потерявшие голову.

Жизнь сейчас очень интересна. Надо смотреть, смотреть и ненавидеть, ненавидеть...

10/XII.

Мы взяли Тихвин. Армия Шмидта наголову разбита. Ура!²⁹

Сегодня тишина. Трамваи не ходят. Снег идет. Сережа пошел опять пешком. Налетов нет. Где-то за тучами летают наши самолеты.

Мороз 14–15°.

11/XII.

Пошли трамваи. Настроение в городе лучше.

В трамвае шел разговор между женщинами о хлебе. Вмешалась, ободрила людей. С каким волнением эти женщины говорили: «Мы все перенесем. Только бы их проклятых выгнать».

Это героизм простых людей, героизм души русского народа.

Нет, вот эти женщины были настоящие люди. «Какие муки мы вынесли. И не зря, не зря».

На Невском утром много народу. Шли трамваи. Дворники мели панели. Радио сообщило об обстреле какого-то района. Все спокойны. Ко всему привыкли. Лица только очень истощенные. Есть опухшие, желтые. Глаза провалились как-то, обострились носы. Закутаны многие в несусветные платки.

Разгром немцев под Ельцом.³⁰ 10 ч. 30 м. вечера. Валит густой снег. Тьма такая, что не найти дверей лестницы. Тишина, тишина... Вспышки трамваев.

12 декабря.

Всю ночь снегопад. Утром все бело, сугробы, трамваи встали. Чистят пути. Погода прояснилась. Голубое небо, солнце.

Речь Рузвельта к амер<иканскому> народу.³¹ Герм<ания> и Ит<алия> объявили войну США. Так! Теперь война мировая. Демократия или фашизм.

Страшная война, интересное время. Только бы его пережить.

Везут покойников на саночках. Кое-где люди идут за водой с ведрами. Зимой замерзла вода. В небе опять шум патрульных истребителей. Где-то стреляют – мы ли, по нас ли?

Стук метронома по радио. Тук-тук-тук. Похоже на весеннюю капель с крыш.

Сереза пошел утром пешком. Сегодня вечером будет дома принимать ванну. Брошюру свою он кончил.

Шура раздраженная, мало во что верит. Очень плохо выглядит. Тоже пошла пешком. Валя едва тащит ноги. Настроение хорошее. Сегодня работает дома. Шли по Малому вместе по сугробам. Обещала на днях прийти. У них тоже нет света. И горячее для коптилок кончается.

Пришла уборщица к Вал<ентине> Мих<айловне>.

– Грачева! Не могу больше работать. Умираю. Пойду сейчас лягу и умру.

– Ну, дорогая, не умирай сейчас. Ну, потерпи еще до 15-го. Ведь хлеба прибавят...

– Нет, не могу. Умру. Знаю – умру.

И верно, вид такой, что пойдет, ляжет и умрет. Потеряла веру.

– Ну, только до 15-го потерпи. Ну, ради меня. Еще четыре дня выдержи.

Думает, считает по пальцам:

– Да, четыре дня. Хорошо, до 15-го не умру. Ради вас только.

В. Мих. умоляла плотника сколотить гроб для умершего рабочего. Вечером сколотил, утром помер сам. Так его в эту домовину и положили.

Умирают тихо. Кто за столом сидя, кто в кровати. Ходит, работает и вдруг готов. Помер. Тихо, безропотно.

15/ХІІ.41 г.

Наша победа под Москвой!³² На душе легче, грянули морозы. Вчера, сегодня 18–22° Деревья в инее. Изредка идут трамваи, часто не работает радио, нет света, плохо подается вода.

В доме за последние четыре дня четверо умерло. Все мужчины. Хлеба! Хлеба!

На Сытном рынке толкучка. Здесь голодные, спекулянты, просто зеваки. Меняют – масло, свечи, дуранду, керосин, хлеб, сахар, табак, валенки, буржуйки. На деньги ничего. Страшное зрелище.

К В. М. женщина привела плачущего пятилетнего мальчика. Он подобрал ключ к ее комнате и стащил лепешку. В комнату лазал дважды. Мальчик, плача, оправдывается: «Дак первый раз там же ничего не было. Только во второй раз я нашел лепешку».

Тревог нет. Каждый день недолго обстрел Петроградской. Агония немцев. Стреляют по жилым домам ежедневно. В ночь с 12 на 13-ое пожар в Сережином доме. Комната Сережи вся залита, проломлен потолок. Над ним сгорело два этажа. Встреча с пожарными. Начальник ленингр<адской> технической команды. Худощавый, сероглазый, некрасивый. Очень интересовался книгами.

– Я никогда не ругаюсь. Это потому, что вырос в среде, где всегда была пьянка, ругань. Книги мои сгорели. А я их очень люблю.

Второй боец – здоровяк, русак типичный, с хитрецей. Тушил пожар от зажигательных на Обводном, 119. В дом попала фугасная. Сбросило с четвертого этажа. Только ранка на тыле ладони.

«Родился в сорочке». Рядом стоял товарищ – убило наповал.

Соседей Гофманов убило снарядом. Оторвало руки, ноги.

16/ХІІ.

6 ч. вечера. Свет не горит. Коптилка. Только что пришла домой. Была в Радиокomiteте, потом в Союзе. Полусолнечный день, белая Нева. Везут на санках гробы, некрашенные, сколоченные наспех. Сколько покойников.

Умерла от голода Варя Наумова.³³ Умер отец Таси. Умер отчим Пановой.³⁴ Умер Крайский.³⁵

Варя позавчера приходила за обедом синяя, распушшая. Мать 70 лет жива. Страшно. У меня нет мужества зайти туда.

Мерецков³⁶ позавчера подошел к Чудову. Вчера немцев отогнали на 18 км от Волховстроя. Бои за Новгород. От Тихвина осталось пепелище.

Валя Литвиченко читает сейчас рассказ Золя «Осада мельницы». Страшно слышать сейчас ее голос. Только что видела там, на радио. Савельев погиб во время отправки в Кронштадт от бомбежки с воздуха.³⁷

18/XII.

Клин, Коломна, Ясная Поляна. Трофеи.

Родина моя, несчастная, истерзанная... И мы найдем силы, чтобы снова восстановить все разрушенное, сожженное, поруганное. Своею черною кровью удобряют немцы наши поля. Горек им будет наш хлеб, горек...

Умирают люди, все больше и больше. И все ближе час победы. Только бы дожить. Ну, еще десять дней протянуть, ну, две недели.

Вода замерзла, живем с коптилками. Мать моя, по-видимому, сошла с ума.

Коты умирают с голода. Ничего не могут достать по карточкам. Бабушка уже не встает. Ел. Сем. не ходит на работу.

Умирает Михайлов,³⁸ Валов.³⁹ Их отправляют в больницу. Тамара Хмельницкая⁴⁰ совершенно истощена. Володя Орлов⁴¹ плох. Элико⁴² беременна. Ей тоже трудно выдержать. Скорей бы сняли блокаду, скорей, скорей. Дети умирают пачками.

Старуха на вид полуинтеллигентная. Типичная бабушка, у кот<орой> много внуков. Верит в бога.

– Ненавижу я его одноглазого, – говорит она, – скоро ли конец нашим мукам будет...

– Да кто это одноглазый?..

– Кто? Гитлер, милая, Гитлер. У-у-у, ненавижу проклятого.

– Ну, мы его докончим, бабушка.

– Да может и докончим, только нам-то, ленинградцам, не дожить. Попрем все.

– Потерпи, бабушка, немножко потерпи. Скоро блокаду прорвут. Хлеба привезут.

– О, голубушка, я все согласна вытерпеть, только бы увидеть, как антихриста в клетку посадят и по всей вселенной повезут. По-нашему, по-православному, он-то и есть антихрист. Понимаешь, милая, антихрист он... Самый настоящий...

Налетов нет. Трамваи идут – плохо, но идут. Маршруты фантастические. Кондукторы злые, не говорят, куда идет трамвай. Все лезут как попало. Давка, злоба. Везут буржуйки, мешки, одеяла, машины швейные. Пальто грязные, нечищенные. Вымыться в бане уже невозможно.

Убирают снег женщины у домов. Трудовинность. Движения вялые, мертвые.

19 декабря.

Меня шатает. Ноги идут плохо. Очень рассеянное внимание.

Смерти, смерти, смерти.

Изредка артобстрелы.

Привыкаем к свисту снарядов.

Слег Эйхенбаум.

У Шуры пухнет над глазами.

Мерецков уже взял Погостье (85 км до Ленинграда) (до Мги осталось 26 км).⁴³

Болят глаза от копилки. Вода не идет. Замерзла.

Сегодня на лестнице мальчик вырвал хлеб у слепого.

Привезли мужчину и женщину с окопных работ и В. М. Умирили. Принесли им карточки первой категории. Уже поздно. Вложили в руки. Умерли. Комнату заперли. Через три дня пришла В. М. хоронить их. Карточки в руках зажаты, а хлеб за три дня получен. Уборщица пробиралась ночью и брала карточки.

Мальчик Витя, сын Феклы Алексеевны. Ходит занимать очередь в 3–4 часа ночи. Мерзнет. Валенки нет. Очень серьезный, не по летам стал взрослым. Рассудительный. Говорит ровно, спокойно, хозяйски.

Пекла лепешки из соевого кофе. Горькие, рассыпаются, вызывают жажду.

У мамы псих<ическое > расстройство. Вера умирает.⁴⁴

– Я от дома подальше уйду и умру, чтобы тебе не хоронить меня. Ты не беспокойся. Я хлопот не доставлю. А только я больше не могу. Чувствую – умираю.

Достала вместо крупы повидлы (200 г).

Спящая Красавица – Чайковского по радио.

Кругом тьма, тишина, в нескольких километрах умирают люди на фронте. Умирают в доме, где-то в соседних квартирах.

По слухам, немцы ушли из Пушкина. Собираются вон и из Урицка.⁴⁵ И за Чудское озеро. Показать бы им, вспомнить бы...

21/ХІІ.

Полгода войны.

Мерецков подходит.

Федюнский взял Войболово.⁴⁶

Умер Михайлов.

Вчера шли с Шурой вечером из Радиокomiteта. Мягкий вечер. Мертвый город. Обстрел. Люди идут по дороге. Саночки. Везут покойников. Трамваи стояли. Удивительные звуки скрипок.

Слег Эйхенбаум.

Гофман – св<олочь>.⁴⁷

Сегодня была у Вали. Плоха Ел. С., бабушка. Валя у нас. Накормили обедом. Уже больше месяца не ела она второго. Дала для Е. С. 4 кусочка сахара. Вчера Сережа получил бут<ылку> портвейна, изюм, какао. Обед сегодня мясной. Ели хлеб с маслом, лепешки. Носили с Вaley дрова, воду. Коптилка. Ничего не видно. Керосин кончается и для коптилок. Перейдем на лучину.

Около двух сильный обстрел. Много убитых на Сытном рынке. Потом возд<ушная> тревога. Потом опять обстрел.

22/ХІІ 41 г.

Полгода войны. Самый темный день в Л<енингра>де. Мерецков взял Будогощь, Груздино. Оттепель. Лужи. Трамваи стоят весь день. Где-то артобстрел. Передавали по радио «Медного всадника». Все больше страшных лиц. Люди как тени. Ждут 1-го января.

Хлеба! Хлеба!

Писать рассказ не могу из-за темноты. Пока светло, носила воду, топила печь, подогревала обед.

Везде темно. В аптеках, банке, лавках, учреждениях. Телефоны работают. Обещали поставить здесь. Если бы был свет. Мать лежит. Псих<ическое> расстройство, сердце. Лекарств не достать.

И все-таки они, сволочи, не взяли нас ничем и не возьмут. Тикает радио. Тишина. Коптилка. На душе хорошо. Мы победим.

У Кутузовых утром. Дети плачут – просят есть. Тьма, грязь, небурные постели.

Сережа сегодня измучается. Очень скользко. Хотел зайти еще к Коцам.⁴⁸ Занести суп. Вчера кончил передачу о Москве. Много работает.

25/ХІІ.

Прибавили хлеба. Радость.

Встречаются люди, поздравляют друг друга. В очереди оживление.

Вчера ночью умер в Союзе Валов.

27/ХІІ.

Тревога 20 м. Мороз до 20 градусов. Вечером шли трамваи. Обстрела не было.

Блокада прорвана.⁴⁹ Немцы бегут всюду. Сволочи.

Была у В. М. Подарили бутылочку керосина. Мой кончился. Если бы не эта бутылочка – полная тьма.

Лунная, необычайно ясная ночь.

28/ХІІ. 6 утра.

Какая тихая заря.

Не спится.

С каждым днем все острее интерес к жизни. Вчера была в «Костре»,⁵⁰ радио. Эшман⁵¹ при смерти.

Город оживает. Днем трамваи от Михайловской к Советским (12, 10, 36, 16).

На Кировском пр<оспекте>, мосту, Марсовом скалывают лед с рельс. Сотни женщин. Работают с подъемом. От мороза люди идут быстрее. Бодрость на лицах. Люди опухшие, а глаза другие. Нет этой страшной безнадежности, безмерной усталости.

Встреча с рабочим на Петрозаводской. Маленький, лицо почерневшее. Что-то обезьянье в чертах, но приятное. Торбочка за спиной. Шли по рельсам. Идет медленно, тяжело.

– Тяжело идти, товарищ?

– Тяжеленько. Устал.

– Ну, ничего. Теперь-то лучше будет. Хлеба опять прибавляют.

Глаза зажигаются.

– Ничего. Вытерпим. Только бы еще несколько дней продержаться. Вчера на заводе 70 человек умерло. Не выдержали. Многие духом упали, а дух, если он твердый, много значит. С верой, надеждой и голодать легче.

Прибавляет со злобой:

– А все-таки нас, ленинградцев, ничем не взяли. А за смерти голодные тоже в счет им припишем. Сволочи.

– До свиданья, товарищ.

– Счастливо, товарищ. С наступающим Новым годом.

У булочной.

Две девушки, закутанные в платки.

Девочка лет 16, лицо сине-белое.

Приплясывают от мороза.

– Завтра хлеба прибавят. Продавщица сказала.

Подходят женщины.

– Слава богу.

– Дожили, дожили.

Улыбаются.

На глазах у девочки слезы:

– А я уже съела свой хлеб на завтра. Лучше бы потерпела. Если бы я знала...

Отчаяние. Вдруг улыбается, подсакивает:

– Так завтра же я на послезавтра возьму. Все равно с прибавкой буду. А 1-го опять прибавят.

Каждую ночь эти дни на улицах города подбирают около 400 трупов.

На рынке продавали студень из покойников. Поймали, судили.

В эвакупункте для беженцев ночью, в темноте убийство из-за 100 гр. хлеба.

Оля Кузнецова. Больная, пневмоторакс. Удивительно держится. Бодрая, интересно жить. Много работает.

Включают электричество. Вчера горело в Детиздате, в аптеке Урицкого.⁵²

Включили правую сторону Зелениной.

Милиционеры тихие, голодные, не рывкают. Нет обстрелов. По слухам (приезжал Розен,⁵³ был на радио), позавчера взята Гатчина.⁵⁴ Дай боже, дай боже.

Заходила к Коцам. Бабушка желтая, худая. Буржуйка, щепки. Появилась бодрость духа. Валя и Ел<ена> Сем<еновна>⁵⁵ были в кино на «Маскараде».⁵⁶ Звала Валю прийти – не пришла. Видно, устала.

Шура в очень плохом состоянии. Мрачная. Видно, много плакала. Очень истощена. Уговаривала съесть шоколад. Не хочет. Думает, что могут быть дни еще тяжелее.

Вечером с Сережей думали о встрече Нового года. Я, Шура, Валя и Сережа.

На фронт не поедет. Простужен.

30/XII.

Город, как человек, кот<орый> был приговорен к смерти, и вот он начинает оживать. Медленно, конвульсивно. То вздрогнет, то снова замрет.

Вчера Берггольц читала стихи «Письмо матери».⁵⁷ Очень сильное впечатление.

Тишина, коптилка, ожидание Сережи и голос Ольги. Взволнованный.

Сегодня продавали круглый хлеб. В булочной горело электричество.

Лунные, морозные ночи. Ночью стрельба. Тревог нет. Вчера была в «Костре». Темно, холодно. Тоня пошла на Петрогр<адскую> в Горком за обедом для Эшмана. Сама худая, замученная. Бодрая.

Была в Союзе. Обрато с рюкзаком за плечами. Обед, вино, хлеб. Скользко. Боялась упасть. Был обстрел около 4 часов где-то в центре.

28-го в школе учителя шили подарки для бойцов на Новый год. Холодно, лица у многих распухшие. Но сколько энергии, желания сделать как можно лучше, больше.

Кочегар принес ваты. Вяжут носки, шьют рукавицы, портянки, шарфы. Собрали 1500 р. на подарки. Многие отдали всю свою зарплату.

Как много дано мне видеть.

Сегодня была на Редкол<легии>. Письмо от октября от И. Э. и Е. С.

Шура измучена вконец.

Опять гробы, гробы. Лунный вечер. На санках тащат дрова, гробы, рухлядь, печи <?>.

Все груз<овые> машины в городе – военные. Замазаны белой краской.

Сегодня от Барочной шел 42 номер трамвая. Кажется, к Кировскому заводу через Васильевский. Водопровод работал весь день.

2 января.

31-го лит<ературный> альманах в Союзе. Холодно, горел камин. Свечи в канделябре. Сидели в пальто.

Вступ<ительное> слово Сережи. Надо, чтобы он его восстановил. Читали стихи Ойфа,⁵⁸ Берггольц, Шишова,⁵⁹ Лихарев,⁶⁰ Решетов,⁶¹ Козь<нрзб.>. Ойфа плакал. Инбер читала конец поэмы «Пулковский меридиан».⁶² Плакала. Читал стихи Рождественский.⁶³

Читал Гор⁶⁴ – «Молодую смерть», Тобояков⁶⁵ – «Березку», Кучеров⁶⁶ – главу о Марксе. Плохо, претенциозно.

В шесть обед. Суп, размазня, амер<иканское> мясо с черными макаронами.

Вино! Мускат. Шампанское. Кричали «ура». Пили за победу, за Сталина. Подъем. Вера в победу. Ненависть. Бродила тут же сумасшедшая переводчица. Убит муж. Плакала. Ломала руки. Какая-то сумасшедшая старуха.

Обратно ушли с Рахмановым.

Страшный обстрел. Мороз 25° Неприятный свист снарядов над головой.

Разговор с Инбер за обедом. Нет, она не жалеет, что приехала сюда 24-го августа.

Валова наконец похоронили.

Вчера маме опять хуже. Опять психоз после обстрела.

Вечером пришла Валя. Ночевала. Пили кофе с хлебом. Сегодня страшный мороз. Сережа ушел в 8 утра. Радио не работало с 7 вечера. В 11 вечера вдруг заработало: «Отбой воздушной тревоги». А мы ничего не знали. Неожиданность этих звуков, как во сне. Водопровод не работает. Трамваи стоят. Тишина. Холод.

3/1.

Умерла Вера. Мать сумасшедшая. Очень все тяжело.

4 января.

Выст<упала> в госпитале на ул. Кр<асного> Курсанта. Огромный зал. Тяжело. Нет воды. Темно по вечерам. Прохладно. Грязно. Сотни тел на койках. Кашель. Беседа с бойцами. Юноша из Киева. Ранен в ногу. Кончил десятилетку. Колхозник, неграмотный из Кировска. Казах-юноша из Южного Казахстана. Вера в победу. Настроение хорошее. Удивительное понимание событий. Здесь же рабочий с Выборгской. Мы все говорим на одном языке. Мы понимаем друг друга с полуслова. Колхозник из Вятки (неграмотный) говорит о том же, о чем юноша из Киева: «Мы победим».

Раненые видят страдания родных в Л<енингра>де. Очень тяжело, но надо все вынести. Говорим о немецком народе. «Эту страну надо уничтожить». «Они должны восстановить нам все». Юноша с Киева со слезами на глазах говорил о разоренном Киеве, о разрушенном Днепрогэсе. «Наш Днепрогэс, наш Днепрогэс... Они нам его построят». Удивительное ощущение нашей общей советской народности.

Приходят жены к раненым. Раненые вытаскивают из-под подушек кусочки чего-то. Суют родным. Ведь там их дети, голодные дети.

«Почему не работает радио? Мы ничего не знаем. Расскажите нам, что в сводках, что взяли наши». Юноша из Киева трогательно подарил две коробки папирос. «Звездочку». Дал несколько спичек. Колхозник из Вятки угостил папиросой.

Большинство лежит на койках. Дремлют. Кашель, кашель. Курят тут же. Ждут обеда с нетерпением. Обед опаздывает. Вид бивуака. Дымно. Как непохоже на травматологический в августе. Играют в до-

мино. Обход врачей. Перевязки. Похоже на вокзал ночью. Вот едут куда-то люди и легли на время отдохнуть.

Вчера Сережа принес килограмм миндаля. Обменяли буржуйку на отруби. Пекли лепешки. Ели вечером, утром. Впервые за два месяца ощущение сытости. Пили мадеру.

(Как умирала Вера.)

Жалость, бессилие что-нибудь сделать. Мама то пришибленная, то озлобленная. Жалко ее. Она все еще живет старыми нормами и представлениями. Жалкая, беспомощная, озлобленная на меня.

Тьма, тьма, копоть в квартире. Носка воды с Сережей.

И все-таки мы все живем, мы увидим Ленинград другим. Счастливым, выздоравливающим.

Очередь в поликлинике регистрировать смерти. Только бы поскорее, поскорее отделаться от покойника. Дают справки по устному заявлению.

Зажжется огонь в госпитале. Радостные восклицания: «Огонь!».

Лица раненых бледные, истощенные. Синие халаты у всех. Многие уже в форме. Уходят из госпиталя. Те подтянуты.

Многие читают лежа. Читать темно. Пошли обедать. Ковыляют на костылях. Другие бодрым шагом. Спешат.

В шапках, шлемах на головах. Кто как.

4/1.

Вчера обстрел. Опять. Была оттепель. Хоронила Веру. Кладбище Серафимовское. Вереница людей с санями. Везут мертвец<ов>. В гробах, без гробов. Завернуты в одеяла, в простыни. Трупы, трупы. Завернутые в простыни, окоченевшие похожи на гипсовые статуи, поверженные на землю.

6/1. (Кладбище.)

Слышны взрывы. Бойцы взрывают братские могилы. В могилах один на другом сотни трупов. Горят костры. Какие-то люди греются здесь же. Спекулянты могилами. Вырыть могилу стоит 180 р. + 500 гр. хлеба. Могильщики жгут гробы, отогревают землю. Сережа – возчик. Девочка Шура, хоронившая мать. Отец умер 14-го декабря. Осталось трое детей.

Носилки, на которых несут с кладбища живых.

В поликлинике дают справки о смерти любому по предъявлению паспорта. Можно взять справку для себя. Формулировка: «Сердечная слабость».

Очереди в загсах. Становятся в 6 утра.

Все больше людей падает на улицах. В лавках ничего нет. Не выдано еще мыло за II и III декаду декабря.

История с юношей, учеником Марии Михайловны. Украл 1/2 кило гречневой крупы. Держался нагло, врал.

Едим лепешки из отрубей. Обедаем из двух блюд. Все время американское мясо. Миндаль, вино. Замерзли уборная, раковина. Все. У Шуры то же самое. Почти везде так. Радио почти все время молчит (авария, нет тока).

В городе эти дни, по-видимому, умирает по 10–12 тыс. в день. Газеты не приходят. Ожесточенные бои в Крыму.⁶⁷

Несчастный город.

7/1 42 года.

Город умирает. Люди падают на улицах. Вырывают из рук карточки, хлеб. Сегодня кончилось горючее для коптилок. Пойду на рынок менять 200 гр. хлеба на керосин и спички. Хлеб компенсируем отрубями.

Не выходит из головы братская могила. Пожалуй, мы видели больше, чем на войне. Там все ясно. Смерть, кровь, раны. Здесь другое.

И все-таки мы никогда не сдадимся. Никогда. Умирает в эти дни 10–12 тысяч. В месяц это дает тысячу 250.

Чистят трамвайные линии. Трамваи стоят мертвыми. Изредка вспыхивают в них синие огни. Жить интересно. Сажу у Грачевых.

Маквани украл от дверной двери ключи. Прибежала Мар. Мих. Попросила посидеть. Вчера Сережа работал над «Илиадой» и рукописями до 12 ч. 30 мин.

Чад от коптилок.

Все черно.

Мама невыносима.

Маразм разума.

Лежит с утра.

Не желает вставать.

Мерецков идет вперед.
Огромные трофеи на Зап<адном> фронте с 1 по 5 января.
Немцы бегут из Крыма.
Газеты не разносят.
Была на почте.
Говорят, с 10-го.
Нет бумаги, стоят типографии. Нет тока.
Хлеба и топлива – вот главное для города.
Как он замучен, мой город. Пусть Берлин испытает это на себе.
Мука за муку.
За смерть – сотни.

8.I.42 г.

Смертность увеличивается из дня в день.

На рынке Дерябкином.⁶⁸

За ½ литра керосина предлагают 85 р. Отказ. «Дайте 200 гр. хлеба». Хлеб мерило всего. Сытый старик в барашковой шапке, барашковый воротник. Трость. Борода холеная.

Спекулянт. Курит небрежно. Охотно дает спичку для закурки. «Может, продадите коробок?». «Нет, не продаю». Спыхватывается внезапно, как боевой конь. «А сколько дадите?! А впрочем, не продаю. Мелочами не занимаюсь».

Усмешкой расплывается лицо.

Люди толкаются, кружатся. Вытаскивают в бумажках замусленные конфеты.

«Меняю конфеты на хлеб».

«Меняю папиросы на хлеб».

Продают вещи. Часы, кальсоны, детские вещи.

Страшные лица, голодные взгляды.

Сегодня около полудня обстрел Петроградской из автомат<ической> пушки. По-видимому, с финской стороны. Снаряды попали на Геслеровский д. 5а. Наш дом прыгал, как при фугасных.

Шуре плохо. Просила зайти. Страшно за нее.

Была у Коцов. Страшно. Какой голод. Елена Сем<еновна> сидела работала. Вода у них идет. Уборная действует. Получили только шпик вместо мяса.

Люди ташут воду по улицам. В баночках, графинах, чайниках, кастрюлях. Спрашивают: «Где достали?».

11/1

Город умирает.

Все больше мертвых.

Обстрелы. Радио молчит. Все замерзает. Единицы еще ходят на работу.

В хлебе опять дуранда. Пожары в домах. Убийства вечерами из-за хлеба, карточек. Тишина. Изредка проходит по улицам машина.

Семья Лебедевой – уборщица. Рабочая – [поденщица]. Двое младших эвакуированы. Старший 14 лет здесь. Ушел в 6 утра за хлебом и исчез. Мать искала, не нашла.

На четвертый день пришло письмо: «Мама! Ты плохо меня кормила. Теперича я буду сам. Твои карточки я взял. Оставляю тебе продуктовую с талонами на третью декаду». Дело происходит 7 января. Карточка матери хлебная у него тоже. Значит, смерть для нее.

В Серезиноме ЖАКТе убита депутатка Александрова у себя в квартире. Цель – грабеж продуктов. Этому предшествовал разговор в ЖАКТе в компании многих жильцов. Александрова говорила, что вот ее муж не бывает дома и очень плохо выглядит. «Если бы дома бывал – я бы о нем позаботилась. Кое-что у меня есть». По-видимому, она была убита в ту же ночь. Труп обнаружили через два дня в квартире.

С 7-го исчез муж Анаст. Ник. Она не может дозвониться в филармонию и не в силах туда пойти. Плохо себя чувствовал. Наверное, умер по дороге. Все карточки у него. Теперь обречена и она.

На каждой лестнице в доме уже по несколько покойников. Не хоронят – некому.

Мороз под 30°

Сереза слег. Распухли ноги. Не может ходить. Отеки лица. Мама тоже распухла. Сумасшедшая. Я еще держусь. Очень раздражительна.

12 января.

Ходила в Союз за обедом. Мороз 26°. Все застывает. Вереницы людей в <нрзб.> видны. Везут мертвецов на санках. Везут на санках дрова. Волокут бревешки на веревках.

Вчера утренник интеллигенции в Капелле. Собралось человек 150. Холод был адский.

Рассказывал Груздев,⁶⁹ что эти 150 топали ногами от холода, но ждали упорно. Выступал Вишневыский,⁷⁰ Тихонов,⁷¹ Прокофьев,⁷² Саянов,⁷³ Кетлинская,⁷⁴ Крафт,⁷⁵ проф. Клеман.⁷⁶ Старик говорил хо-рошо.

15 января 1942.

Смерти, смерти... Но мы отомстим за все, за всех.

Каждое утро крики на улицах. Это убийства.

Второй день молчит радио, газет нет. Ничего не знаем. Взята Мга, Любань, Новгород, Старая Русса?⁷⁷ Звонила сегодня больше часа по разным телефонам, чтобы проверить. Дозвониться невозможно.

Провокаторы распространяют слухи о том, что немцы снова взяли Тихвин.⁷⁸

Народ в хлебной очереди. Убеждаешь – не верят, что скоро станет лучше. «Мы все равно не доживем. Даже до 21-го».

Сегодня впервые настоящий хлеб из ржаной муки, круглый.

Вчера была в Союзе за обедом. Мороз, умирающие, безумные. Почти все больны. Кетлинская, Груздев пошли к Попкову.⁷⁹

Вчера горел Гостиный двор.⁸⁰ Пожары тушить невозможно. Нет воды.

Варят суп из столярного клея. На рынке плитка клея стоит 15 рублей.

Мужчин умирает в несколько раз больше, чем женщин. (Любоедство.) До чего страшно.

Все кажется – вот зажжется электричество, заговорит радио и скажут: блокада прорвана. И будет тогда праздник.

После вчерашнего 30-градусного мороза сегодня потеплело. Шел снег.

Вчера видела Прокофьева. В военной форме, похудел мало. Стал привлекательней.

У Тамары Хм<ельницкой> умер отец.

Умерла жена Панфилова, убитого на фронте. Крысы съели ей лицо.⁸¹

Могилы на кладбище взрывают с помощью самолетов. Бросают вниз фугаски.

20 января.

Нет времени записывать.

Смерти, трупы, грабежи. Хлеб превосходный. Сережа лежит. Все время хочет есть. Коптилки организуем с трудом. Нет горячего. Хожу за обедом. Сегодня мороз 28°.

У нас тепло. Радио говорит изредка.

Начали выдавать в счет январских норм крупу по 400 гр. + 100 и по 200 гр. конфет.

Ждут прибавки хлеба. О, как он нужен. Мы достаем отруби. Только в суп.

Сереза доделывает «Илиаду» для радио.

По ночам слышим теперь шум машин. Везут муку в хлебозавод.

Воды нет. Берут на Неве.

У Клав<дии> Як<овлевны>.⁸²

«У нас сегодня замечат<ельный> чай, со сладким. Вот я пью с каплями датского короля, Женя с гомеопат<ического> лекарством, Ал. Вас. с глицерином». Это всерьез радость.

Смерть Вити.⁸³

13-го его нашли на лестнице. Он упал от голода.

Пришли домой. На след<ующий> день Шура увидела, как отец несет его в уборную.

«Папа! Не носи меня туда. Я не хочу, – сказал Витя, увидев Шуру. Посмотрел на нее безумным взглядом:

– Александра Иосифовна! А я ночью съел все кофе...».

Бред.

– Александра Иосифовна! Дайте мне, пожалуйста, одну конфетку...

– Витенька! У меня нет. Господи, я бы дала...

– Александра Иосифовна! Ну, тогда дайте мне маленький кусочек сахара.

– Витенька! У меня нет сахара. Витенька! Ляг! Я тебе кофе сейчас дам и кусочек хлеба. Ляг, милый!

Посмотрел серьезно и сказал тоном взрослого человека.

– Нет, Александра Иосифовна, я не лягу.

И в этих словах было глубокое сознание того, что лечь – значит умереть.

Через два часа он умер. За час до смерти постучала какая-то женщина из дома:

– Здесь живет тот мальчик, который вчера упал на лестнице? Вот передайте эту лепешечку ему. Я взяла ее от своих детей.

Сегодня у дверей соседней квартиры женщина кричала и плакала:

– Леночка! Пусти меня. На минутку. Я сейчас уйду.

Дверь не открывали. Женщина кричала час. Глаза безумные, зубы оскалены. Одета хорошо. Ничего добиться от нее было нельзя.

Рабочий Михалев у Вал<ентины> Мих<айловны> выменял 10 кг отрубей за золотые часы. Сам сдохнет с голоду. Требуется, чтобы его везли на лошади в поликлинику.

В воскресенье выступала в госпитале. Там политрук. Унизительно. Раненым доставила какую-то радость – это искупает все.

Накормили супом из муки, каша из муки. Это было сытно.

21 января.

Разговор со Стан. Дашевской в столовой, потом пешком через Неву с ней, с Валею В. разговор о мужестве города. «В Варшаве не было и сотой доли того, что здесь, а город сдался. Я все больше удивляюсь героизму советского народа, особенно русской женщине».

В 6 ч. 50 м. торж<ественное> заседание в Москве, посвященное памяти Ленина. Говорил Сталин, почти ничего не было слышно. Заглушали хамским образом.

Мороз 29°. Поездки за водой.

Вагнер,⁸⁴ Вальдман,⁸⁵ Раковский⁸⁶ завтра эвакуируются. С богом!

Ссора с Сережей из-за кусочка хлеба. Гнусно. Я хорошо чувствую себя, когда я не дома. Хорошо шагать по городу и видеть, видеть.

Встретила на Кировском с М. Н.

Опять был обстрел. Выносила утром помои, свистели над головой снаряды. Потом разрывы. По-видимому, шрапнель.

28/1 42.

Четвертый день как в городе бездействует водопровод. Весь город едет за водой. Везут воду, покойников, дрова. Пожары все чаще. Тушить их невозможно. Очереди за хлебом. На хлебозаводах нет воды. Смертей все больше. Света нигде нет. Радио молчит четвертый день. Не знаем сводок. Живем слухами. Мороз ужасный от 25 до 30°.

В Союзе полный б<ардак>. Никто не работает. Мороз там отчаянный. Умирает сын Кугеля⁸⁷ в комнатке при ред<акции> «Звезды». Здесь же дочь Панфилова. По ней ползают вши. Лежит на диване Роза Солом<онова?>.⁸⁸ Понос. Ужас. Уборные не работают. В столовой мороз градусов 10.

Вчера и позавчера не работали по городу и телефоны. Обстрелы. Стреляет Кронштадт. Зарево пожаров. Люди разбирают дома, заборы.

Разговор В<алентины> М<ихайловны> с бабой.

«Вот и радио не работает. Ничего не узнаем, что там делается. А говорят немец на нас зигзагом идет».

На днях шла по Кировскому. Рядом кондукторша. Разговорились. Говорю ей: «Хлеба прибавят». «Правда ли?». Обрадовалась. «А что на фронте-то делается?». Рассказываю ей, что немцев так от Ленинграда не вышибить. Окружают их. Всех уничтожат.

«Правильно говоришь, правильно. Всех их надо уничтожить. Всех. За наши муки, за покойников».

«Вот родственник от немцев пришел, – рассказывает кондукторша, – и говорит: „Лучше здесь в Ленинграде с голоду умереть, чем у немцев жить“». Прощаемся.

«Ну, дай тебе бог здоровья, милый ты человек», – говорит кондукторша.

Рассказ В<алентины> М<ихайловны> о женщине, кот<орая> варила студень из ч<еловечех> ч.<?> и н.<?>. Расстреляли. Ищут собобщников. Сегодня на рынке опять видела этот студень. В воскресенье была в госпитале. Выступала в двух палатах, долго разговаривала с ранеными. Хорошее настроение. Расспрашивают о городе. Холодно в госпитале, нет воды.

Хамы политруки. Не накормили.

Политкук Морозов, деж<урный> по кухне, заявил: «Много тут вас ходит разных. Есть карточка, ну и ешьте».

В кухне замерзает вода в посуде, хотя вчера топила.

1 февраля.

28-го Сережа простоял за хлебом 4 часа (вечером). Не достал. 29-го он ушел в 8 утра без еды. Простоял до 6 ч. 30 вечера. Хлеб кончился за шесть человек до него. Все это в темной холодной лавке битком набитой, откуда нельзя даже выйти.

В 4 часа я встала в очередь за мукой (взамен хлеба 65%). Простояла до 10 ч. на улице. Мука кончилась за два человека до меня. Значит, голодный день, вечер, ночь. Неизвестно, как завтра. Опять все сначала. От угла Геслеровского, где стояла за мукой, бегу к Барочной. В булочной давали хлеб. Хлеб кончился. М<ожет> б<ыть>, будут давать муку. Неизвестность. Идет женщина от Крестовского моста. «Граждане, на Константиновском в лавке хлеб без очереди». Я, еще

несколько женщин бежим туда. Прибежали. Лавка закрыта. Перед ней несколько женщин. Они умоляют впустить их. Не пускают.

В двери внизу дырка. Женщины, стоящие в лавке, шепчут: «Лезайте! Мы все так влезли».

Пролезли две женщины, потом я. Пролезла. Становлюсь в очередь. Народу мало. Хлеб вкусно пахнет. Круглый, горячий.

Вдруг меня кто-то хватается за шиворот. Орет: «Ты что сделал? А? Пошли! Живо!». Толкает. Смотрю – мильтон. Сытый, шинель новая.

– В чем дело?

– Дверь сломана, грабежом занимаешься. Иди, иди.

Толкает в спину куда-то в темноту, потом по темной лестнице наверх. Пытаюсь объяснить, в чем дело. Говорю: «Вы незаконно закрыли магазин, у вас полно хлеба. Вы же знаете, какое положение сегодня в городе».

Не слушает, орет:

– Знаем мы вас. Давай документы!

Документов у меня нет.

– Отдавай карточки!

Отдаю.

Выскакивает из комнатки рядом заведующий. Маленький, черное пальто с иголки. Каракулевый воротник. Шапка круглая каракулевая. Морда лисья, хитрая, чистенькая, сытая, намеки на интеллигентность.

Орет:

– Я вам покажу.

В это время снизу проволакивают еще одного гражданина. Тоже пролез в дырку. Мильтон отбирает у него паспорт. Оказывается, управдом. Пожилой. Тяжело дышит.

Мильтон орет:

– Вы, может, кассу хотели ограбить. Знаем мы вас.

Зав. орет.

Пытаюсь объяснить, кто я.

Хохочут и зав., и мильтон.

– А, писатель!

Смех сытый, наглый.

У меня капает из носа. Я не могу сразу достать платок, так как замерзли руки.

Мильтон орет:

– Писатель, нос утри!

Хочется дать в морду, плюнуть.

Объясняю заву, в чем дело.

– Моя жена стояла тоже с 10 утра до 10 вечера, а не достала хлеба. И в дырку не лазила.

– Ну так вы же здесь получили хлеб.

Подбоченивается, нагло смеется:

– Хо. Быть при хлебе и остаться голодным. Конечно, я сыт.

Мильтон командует:

– Пошли в отделение.

Меня и управхоза ведут вниз. Прошу разрешения позвонить начальнику 34-го отделения.

Грубо:

– Телефон не работает.

Стоим внизу, ждем. Карточки мои у мильтона. Управхоз просит:

– Разрешите сперва взять хлеб, потом ведите. Я не ел уже два дня.

– Потерпишь. Не разрешаю.

В лавке тип в форме пограничника (старого образца) орет на женщин, стоящих в очереди.

Я говорю ему спокойно:

– Почему вы разрешаете себе так орать на голодных людей?

Стихает. Подходит ко мне ближе. Ослабливается.

–А, здравствуйте, это вы.

–Здравствуйте.

Отходит. Исчезает куда-то.

Мильтон мгновенно протягивает мне карточки, управдому паспорт.

– Идите.

Становлюсь в очередь. Я стою шестая или седьмая. Наконец я четвертая.

Продавщица объявляет:

– Хлеба больше нет. Уходите из лавки.

Является тип, кот<орый> поздоровался со мной.

– А ну, живо, живо очищайте лавку.

Женщины, стоящие передо мною, кричат:

– У вас полная кладовая хлеба. Не имеете права не давать хлеба.

Где заведующий?

– Заведующий ушел. Ключи у него. Хлеба больше не дадим.

Одна из женщин говорит:

– Не дадите. Почему у того прилавка только что двум женщинам хлеб был отпущен на 31-ое. А мы не можем получить даже за 29-ое. Давайте жалобную книгу. Составим акт.

Мгновенно является заведующий:

– В чем дело? Хлеба нет. Уже поздно.

Женщина настаивает. Другая шепчет:

– Надо упросить его. По-хорошему. Может, сжалится.

Зав. ерепенится.

– Врете вы. На 31-ое не отпускали. Обмена производить не позволю. Докажите, что в лавке есть талоны на 31-ое.

Смягчается:

– Ну, ладно, ладно, так и быть, вынесу две буханки.

Доходит очередь до меня. Хлеб кончился.

Прошу вынести одну буханку. Артачится, ломается. Наконец выносит.

Получаю хлеб. Теплый. На два дня.

Прихожу домой в 12 ночи. Пьем чай с хлебом. И мы счастливы. Ощущение борьбы за жизнь.

31-го ужас в столовой Союза. Ожидание обеда в темноте до 8 вечера. Сумасшедший, нестерпимый холод. Неопишимо. Сволочь Израилевич.⁸⁹ <Крала Кулишер?>. Гадость.

Дома в 9 вечера. Сережа и мама не обедали.

5 февраля

Хорошие вести с фронта.

Вчера в 12 ночи в стационаре умер Гофман. Этот человек вызывал озлобление. Сегодня мне жаль его. Два разных образа перед глазами. Тот, чистенький, в костюме как у Сережи, у себя дома за круглым столом разговаривающий о перспективах войны, англофил. Интересные мысли о межд<ународном> положении. И Гофман страшный, опустившийся, психически тронутый, обворовывающий жену, съедающий потихоньку ее запасы, укравший два раза у Сережи из портфеля мой обед.

Мы шли месяц тому назад вместе домой. Он уже был тронутый. Говорил, что протянет еще месяц. Но не больше. Пожар в их доме накануне его смерти. Квартира разграблена пожарными. Вынесены все вещи, кроме мебели и книг. Даже катушки ниток.

В Союзе ад. С каждым днем люди безумнее, лица страшнее. Несколько человек еще вполне люди – Роз. Арк<адьевна>, Кетлинская, Гольдин, бухгалтера. Толпа безумных, желающих уехать.

Плачущая Тамара Хмельницкая. Потеряла хлебные карточки до конца месяца. Безумный вид, растерзанный, лицо серое, грязное, старое.

Шла вчера в Союз. Иду по Петрозаводской. Везут на саночках трупы – двое саночек в одну сторону, двое – в другую. Два трупика детских. Я в первый раз заплакала.

С каждым днем все больше встречаешь эти саночки. Молча идут женщины, впряженные в саночки. Часто везут по двое, по трое на одних саночках.

На улицах не видно совсем детей. Шла по Геслеровскому. Навстречу четыре девушки. Здоровые, краснощекие. Громко смеются. Это странно.

Пожары. Вчера горел дом на Пушкарской, около Вани. Дом на Кировском около Скороходова. Пожарные тушили. Вода пошла по центральным трубам. Здесь же огромные очереди за водой, прямо на улице, у пожарных колодцев. Пожар никого не интересует. Интересует вода.

В 4 часа обстрел Сытного рынка. Люди бежали оттуда. Другие туда. Плетется женщина с ворохом вещей – пальто, платье. Гражданка навстречу:

– Не ходите на рынок. Видите, все оттуда идут. Обстрел.

– А я пойду, мне все равно.

Пошла дальше.

В<алентина> М<ихайловна> рассказывала:

Пришли две девки, держатся за лица, ревут:

– Она меня искусала, за нос кусала.

– Она меня за щеку.

– Это почему же?

– Хлеба требовала.

– Она тоже требовала. А то, говорит, нос отъем.

Обе не работают, карточки иждивенческие. Выгнала обеих, пригрозила выселить из барака, требовала, чтобы шли работать. Ушли, обругав В<алентину>М<ихайловну>. Помирились.

– Ишь, сытая видно.

Через час явились. Принесли заявление:

«Очень просим нас не выселять. Обещаем не кусаться».

Там на Кемской крысы сжирают покойников. Родные стараются подкинуть трупы так, чтобы они попались на глаза администр<ации>. Сажают мертвецов в уборные, кладут поперек дверей.

Ночью стук на улице. Ломают заборы, доски от щитов с песком, закрывающих окна бомбоубежищ. Удивительно резки эти ночные звуки в тишине мертвого города.

По-прежнему на углу Кировского и М. Горького стоит с разбитыми стеклами трамвай № 12 – американский и № 22 – обыкновенный.

Дворы залиты помоями, дерьмом. На улицах нагажено. Снег выпадет – прикроет. Назавтра то же самое.

Радио на Петрогр<адской> не работает. Газеты не приходят. Когда идешь в Союз, ничего не знаешь.

Телефоны начали работать и на Петроградской.

10 февраля.

Умерли Франковский,⁹⁰ Энгельгардт,⁹¹ Цырлин,⁹² Оксенов,⁹³ Молчанов – муж Берггольц (в сумасш<едшем> доме).⁹⁴ Хармс умер 2-го в тюрьме. Его не успели вывезти.⁹⁵

На кладбищах не хоронят. На Петроградской везут в морги – на Глухую Зеленину и в Нар<одный> Дом.

Вчера валялся труп на нашем дворе. Никто не подбирал.

Воды нет. На Невке грязная в прорубях. Газеты не приходят. У нас радио молчит. Люди оскотинились. Выливают дерьмо на лестницах, у самых дверей. Рубят дрова в квартирах. Дурно пахнет от людей. Появились воши.

Как ждут прибавки хлеба!

Нет курева. Пачка папирос – 200 г. хлеба.

Вчера сообщение об очищении Волховского района. Окружен Смоленск (?).^{*96} Слухи о приезде Московской комиссии.

На улицах больше машин. Везут муку, горячее. На саночках – воду, трупы, дрова.

Первые признаки конца блокады. Я верю, что скоро наши муки кончатся. Мы пережили.

История с Алей и Анной Ник. Старуха пережила.

Рассказ хирург<ической> сестры в госпитале о силе жизни.

* Знак вопроса поставлен автором.

Кухонный политрук (госпиталь, политрук Морозов – «много вас тут ходит. Есть своя карточка, ну и ешь на нее. Подумаешь, артисты, писатели»).

Жена коммуниста Пименова, педагог, работая в ЗАГСе при 30 поликлинике, брала за оформление документов без очереди 400 гр. хлеба плюс 2 кор<обки> папирос.

История с людоедством на Моск<овском> шоссе в доме Треста (В<алентина> М<ихайловна>).

Женщина съела соседку. Остались только ноги и живот. Потом женщину убили. Устроили поджог. Потушили. Милиционеры не могли вести следствие от ужаса и отвращения.

Садовник в оранжерее ждал карточек. Так и умер. Восемь дней сидел в той же позе.

10 февраля

Вечером у нас заработало радио.

Мальчик 12 лет ушел из дома утром за хлебом (на Кемской). Не вернулся. Съели.

Мать родила ребенка. Умерла. Остался ребенок. Здоровый. Кормят хлебом.

Смертность достигла 40 тыс. в день. Из каждой подворотни везут мертвых. Когда же конец этим смертям?

В Союзе эвакуация. Уезжают почти все.

12/II 42 г.

Вчера прибавили хлеба. Рабочим – 500, служ<ащим> 400, ижд<ивенцам> 300.

Сегодня объявлена выдача крупы за февраль 500 раб<очим>, 375 сл<ужающим>, 250 ижд<ивенцам>, 300 детям. В феврале д<олжны> б<ыть> нормы сентября.

Сережа получил стацион<арный> паек на 5 дней.

500 гр. жирной свинины, 250 гр. рису, 250 гр. ячневой, 500 гр. масла, 400 гр. хлеба в день. 200 белого и 200 черного. Песок я еще не получила.

В Союзе все еще б<ардак?>. Уезжают эвакуир<ующиеся>. Все какие-то безумные, никому ни до кого нет дела.

Обратно шла с Шишовой. Нравится.

Поразил на пустыре вокруг школы на Геслеровском труп, зашитый в красный кумач на белом снегу. Трупы на Петрозаводской.

16/II

Встречи с Валею В. Разговоры о Викторе. Макогоненко.⁹⁷ Подарок райкома. Рассказ о Бояринских.

3 марта

Дистроф <далее 3 слова вымараны> был. Теперь Капит<олина> Михайл<овна> в госпитале. Жива ли она, не знаю. Я со вчерашнего дня в стационаре в Союзе. Здесь Тамара Хмельницкая, Ан<на> Вас<ильевна> Ганзен. Вчера я мылась здесь. Вечером страшная усталость. За столом все говорят об еде и смертях.

Вечером сидели у буржуйки в столовой – Тамара, Полоцкий.⁹⁸ Говорили о кино. Сережа болен. Отношения плохие. Приходила Валя.

Все эти дни в городе чувствуется оживление. Меньше смертей. Дают крупу, мясо, сахар, клюкву. Обстрелы продолжаются. Ждем больших событий. Здесь нет радио.

У меня очень холодные руки. Неприятное ощущение. Голова сегодня свежая. Спала одна в столовой. Спала неплохо.

Кормят вкусно, но маловато. Нет жиров. Володя, Рахманов, Рысс⁹⁹ вчера уехали. Ребенок у Володи умер. Говорила с Элико по телефону. Ее жалко.

4/III 42 г.

Утро в стационаре. Сушат хлеб на печурке. Вечером приходил Макогоненко. Здоровый, умный, интересный. Много рассказывал о фронте. Как тонул на Ладоге в декабре.¹⁰⁰

За столом разговоры об еде. Психозы голодные. Невыносим Зуккау.¹⁰¹ Тяжело с Тамарой. С утра обстрел. Погода полусолнечная. Сережа не разговаривает со мной. Уезжают почти все. Болит голова. Простужена. В комнате №245 холодно, дымно. Анна Вас<ильевна> Ганзен. Старенькая, несчастная. Все еще хлопчет о других. Милая Леля. Читает. Хорошо держится.

Какое голубое морозное небо. И тишина, тишина. Солнце. А кругом мертвый замерший город. Милый, родной, несчастный. И родина моя истерзана, залита кровью. Какой гнев души народной нужен, чтобы противостоять этим мерзавцам. Мы, русские, удивительный народ все же.

6/III 42 г.

Тамара похожа на голодную крысу. Когда она ест, у нее злое выражение мелкого хищника. Очень неприятное. Вот-вот укусит. Обстановка противная в смысле психозов и неинтересных людей.

Вчера приходил Коля Ч. Румяный, здоровый. С ним девушка тоже румяная, здоровая.

Они «оттуда» только в конце февраля.

Уехали отсюда в октябре.

Здесь еще больше поражает полная ночная тишина города.

Сегодня с утра опять обстрел, очень близкий.

Радио здесь нет.

Сегодня опять ослабло зрение. Голова ясная. Ноги идут плохо.

Сереза выписывается 9-го утром. Где будет жить – не знаю.

В городе усиленно чистят трамвайные пути. Неужели когда-нибудь пойдут трамваи?

8 марта 42 г.

Я больна. Грипп, понос продолжается. Ощущение слабости. Холод, холод. Лежу в холодной кровати. Утюг в ногах. Два одеяла. Не хочется есть.

На дворе капель весенняя. Голубое, глубокое небо. Шум самолетов. Стреляли днем зенитки.

У Шуры 3 стадия дистрофии. Только бы она выжила. Вчера была Валя.

Что с мамой, неизвестно. Сергей умер от поноса.¹⁰² Дуся собирается переезжать. Квартира брошена. Там, дома, лежит открытка от Жени. Где Женя? От какого числа открытка?

Ощущение беспомощности. Ты ничего не можешь сделать. Все сложно, запутано. Где будет жить Сереза! У Вали, в надстройке? Мы молчим оба. Мы как чужие. Ничего нельзя исправить.

Я плохо вижу. Не могу читать. Голова сейчас ясная.

Вчера выходила на улицу за хлебом. Выменяла 800 гр. хлеба на 300 гр. песку сахарного.

9/III 42.

Холод ночью. Кто-то плакал во сне. Я не могу видеть, как ест Тамара.

Мечется Азадовский. Ребенок грудной дома. Жена здесь. Ребенка не видят.¹⁰³

Обстрел опять. А может, зенитки. Очень плохо работают руки. Погода сумрачная, неморозная.

Мне хочется работать, а нет физических сил. Убивает холод. Что будет дальше?

Жить на II кат<егории> карточки невозможно. Ходить сюда обедать тоже невозможно.

10/III 42 г.

Вечером разговоры об университете с Азадовским. Он вспоминал лекции Шахматова,¹⁰⁴ Венгерова.¹⁰⁵ Ощущение, что все по-старому. Это несколько минут. Ночью проснулась и не могла уснуть. Как все странно, страшно.

Эвакуир<уют> у<ниверси>тет, Медицинский, Ак<адемию> Наук, Герценовский. Почти все и<нститу>ты.

В Союзе уже осталось 70 человек членов. 14-го еще уезжают.

¹ Имеется в виду ЛО ССП.

² Шура – как следует из машинописной расшифровки записи от 20 янв. 1942 г., Боронина так называет Любарскую Александру Иосифовну (1908–2002) – прозаика. Так же как и Боронина, и ее муж С. И. Хмельницкий, Любарская закончила ВГКИ при ГИИИ; работала редактором детских книг, в 1937 г. была репрессирована, в 1939 г. освобождена. В 1939–1942 гг. – редактор детского радиовещания, затем – редактор ЛО Детгиздата. В ее обработке и пересказе опубликованы произведения фольклора многих народов мира.

³ Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) – прозаик, литературовед. Автор исторических романов: «Кюхля» (1925), «Смерть Вазир-Мухтара» (1927–1928), «Пушкин» (не закончен) и «малой прозы» – «Подпоручик Киж» (1928), «Восковая персона» (1931), «Малолетний Ветушишников» (1933) и др. Во время войны больной Тынянов был эвакуирован из Ленинграда сначала в Ярославль, затем в г. Молотов (Пермь). Последние месяцы своей жизни Тынянов провел на лечении в Кремлевской больнице, где и скончался 20 дек.

⁴ Сережа – Хмельницкий Сергей Исаакович (1907–1952) – прозаик, детский писатель, переводчик, критик. В годы войны – рядовой, затем техник-интендант, сотрудник военной печати, готовил радиоинсценировки для ленинградского радио. Муж Е. А. Борониной.

⁵ См. примеч. 71 на с. 73.

⁶ Армия Кулика – имеется в виду 54-я армия, входившая в группу, идущую на помощь осажденному Ленинграду, и командующий ею маршал Г. И. Кулик. 24 сент. 1941 г. 54-я армия нанесла ощутимый удар у Ладозского озера по войскам 16-й немецкой армии.

⁷ В. М. – здесь и далее, вероятно, Грачева Валентина Михайловна – сотрудник Ленрадиокомитета, подруга Борониной.

⁸ Красное знамя – трикотажная фабрика (до революции – фабрика Керстена, ныне ОАО «Красное знамя»). В годы войны выпускала обмундирование для бойцов Ленинградского фронта и артиллерийские снаряды.

⁹ Гуревич Татьяна Евсеевна (ок. 1902–1941) – сотрудник редакции «Издательство писателей», в которое попала бомба (находилось на территории Гостиного двора). О гибели Т. Е. Гуревич писала в своем дневнике и О. Ф. Берггольц 24 сент. 1941 г.

¹⁰ В обращении ЦК КПГ к народу Германии и ее вооруженным силам от 6 окт. 1941 г. Центральный Комитет призвал трудящиеся массы взять судьбу страны в собственные руки, покончить с войной путем активных антифашистских действий и свержения гитлеровского режима, создать свободную, демократическую, миролюбивую Германию.

¹¹ *Шварц Евгений Львович* (1896–1958) – известный драматург и писатель. В начале войны вместе с М. М. Зощенко написал гротескную антифашистскую пьесу «Под липами Берлина» (1941).

¹² *Десницкий* (псевд. Строев) *Василий Алексеевич* (1878–1958) – литературовед, критик. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук, профессор. С 1930 г. и до последних дней – ведущий сотрудник ИРЛИ. В течении 40 лет был связан с ЛГПИ им. А. И. Герцена: возглавил институт в период организации, был его проректором по научной и учебной работе и на протяжении многих лет руководил факультетом русского языка и литературы. С 1918 по 1946 г., с некоторыми перерывами, был также профессором ЛГУ. Научные интересы Десницкого были преимущественно связаны с творчества Пушкина, Гоголя, Щедрина, Горького.

¹³ *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886–1959) – литературовед, критик, доктор филологических наук, профессор. Автор трудов по истории русской литературы XVIII–нач. XX вв., проблемам художественных форм, стиховедения, текстологии, литературно-художественного быта, связей русской литературы с западноевропейскими литературами. Преподавал в ЛГУ (1918–1949), на ВГКИ при ГИИИ (1920–1931). С 1936 г. до кончины был сотрудником Пушкинского Дома, с перерывами, вызванными внутривосточными кампаниями 1930–1940-х гг.

¹⁴ *Клейнборг Лев Наумович* (1875–1950) – лит. критик, публицист, мемуарист.

¹⁵ Правильно: Александрович. *Старк Эдуард Александрович* (1872; по др. св. 1874–1942) – театральный и музыкальный критик, известный под псевдонимом Зигфрид.

¹⁶ *Ганзен Анна Васильевна* (1869–1942) – переводчик.

¹⁷ *Асладзе* – дополнительных сведений отыскать не удалось.

¹⁸ Текст радиопередач по повести К. М. Станюковича «Севастопольский мальчик» (1902), подготовленный Бороной, звучал в эфире в ноябре–декабре 1941 г. Повесть посвящена обороне Севастополя в Крымской войне, главный ее герой – 12-летний мальчик Маркуша.

¹⁹ Подчеркивание красным карандашом, всего вероятнее, не авторское.

²⁰ *Рахманов Леонид Николаевич* (1908–1988) – прозаик, драматург, киносценарист. Наиболее известны произведения – написанный в 1936 г. совместно с Д. Дзюлом сценарий фильма «Депутат Балтики» и пьеса «Беспокойная старость» (1937).

²¹ *Гордон* – неустановленное лицо.

²² «*Последний час*» – выпуск Совинформбюро.

²³ Имеется в виду начало Ростовской наступательной операции, целью которой было овладение городами Ростов и Таганрог. 27 нояб. 1941 г. немецкие войска под Ростовом начали отступление.

²⁴ Несомненно, имеется в виду фельетон прозаика, публициста *Эренбурга Ильи Григорьевича* (1891–1967) «Черная душа», опубликованный в газ. «Красная звезда» от 5 дек. 1941 г. Фельетон посвящен биографии, личности и политической карьере Альфреда Розенберга. «Он родился в Ревеле. <...> Учился в Риге. <...> В 1918 году молодой, но прыткий Альфред ходил по темным московским улицам и жадно ел паечный хлеб. Он мечтал, что немцы придут в Москву. <...> Когда французские капитулянты сдали немцам Париж, Альфред Розенберг впал в восторг. <...> Он приехал в Париж.

Он вошел в здание французского парламента, поднялся на трибуну и горделиво сказал: „Мы выкинем идеи французских просветителей в мусорный ящик“. Месяц спустя я увидел Альфреда Розенберга в Брюсселе. Он устроил парад эсэсовцев на площади Конституции: он старался даже в деталях унижить побежденных. Он мечтал поехать в завоеванный Лондон, войти в здание английского парламента и крикнуть: „Ваша хартия свободы пойдет на растопку“. Но в Лондон он не попал... Теперь барон Альфред Розенберг дожидается желанного часа: Адольф Гитлер назначил его „министром Восточных областей“ – ему вручены захваченные гитлеровцами советские области. Барончику сорок восемь лет. Он еще полон прыти. Он видит себя Альфредом первым, российским кайзером» (цит. по: *Эренбург И.* Война. Июнь 1941–апрель 1942. М., 1942. С. 122–125). Расхождение в деталях – дневниковая запись от 25 нояб. и свидетельствует о дне предыдущем, а публикация фельетона от 5 дек. – может быть объяснено тем обстоятельством, что фельетон прозвучал по центральному радио до публикации.

²⁵ «Миф двадцатого века» («Der Mythos des zwanzigsten Jahrhunderts») – книга А. Розенберга, одного из главных идеологов нацистской партии и редактора нацистской газ. «Народный обозреватель» («Völkischer Beobachter»).

²⁶ Имеется в виду статья академика, востоковеда, общественного деятеля *Орбели Иосифа Абгаровича* (1887–1961) «Фашистские вандалы» (Ленинградская правда. 1941. 27 нояб. № 283. С. 3). Основной тезис статьи: неправомерно сравнение Гитлера с Тамиерланом и другими воителями древности. Те украшали завоеванные земли, возводя на них замечательные сооружения. Здесь – разрушенные Петергоф, Детское Село, распиленная фигура Самсона, разграбленная, вывезенная Янтарная комната. Кончается статья призывом: «Близок час расплаты. <...> Истребительная война началась! <...> Сто очей за око, сто зубов за зуб. Бешеного волка убивают каким угодно оружием, как можно скорее».

²⁷ См. примеч. 23.

²⁸ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова <«Валерик»> («Я к вам пишу случайно; право») (1840) с пунктуационными разночтениями.

²⁹ 9 дек. 1941 г. ленинградское радио передало: «Наши войска освободили город Тихвин».

³⁰ 9 дек. 1941 г. советские войска полностью очистили Елец от захватчиков.

³¹ Речь президента США прозвучала по радио 10 дек., была опубликована в изложении и цитировании в газ. «Красная звезда» (1941. 11 дек. № 291. С. 4). По сообщениям центральной печати, президент «дал заверения, что правительство США твердо намерено продолжать осуществление своей программы по оказанию помощи Советскому Союзу в той борьбе, которую он ведет» и «США не согласится ни на какой исход войны, кроме победы полной и окончательной».

³² 13 дек. было опубликовано сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. В результате контрнаступления советских войска, начатого 6 дек., две немецкие ударные фланговые группировки разбиты и отступили.

³³ *Наумова Варвара Николаевна* (1911–1941) – поэт, переводчик с эвенкийского. Работала в редакциях журналов «Звезда» и «Литературная учеба». В 1930-е гг. участвовала в экспедициях на дальний Север, была сотрудником Института народов Севера. Посмертно принята в Союз писателей.

³⁴ *Панова Вера Федоровна* (1905–1973) – прозаик, драматург. Войну встретила в г. Пушкине, до прихода немцев эвакуироваться не успела. С ребенком (двое детей оставались в деревне на Украине), с тяжкими бедствиями добралась до украинского села. Впечатления от этого драматического пути впоследствии отразились в ее пьесе

«Метелица» (1942, под названием «Военнопленные», вторая редакция – 1957) и в последней автобиографической повести «О моей жизни, книгах и читателях», вышедшей посмертно. Наиболее известные произведения: роман «Кружилиха» (1947), повесть «Спутники» (1946). Кто такой «отчим Веры Пановой», остается неясным. В своей мемуарной книге Панова описала раннюю смерть отца и добавила к этому: «Дети – эгоисты, теперь-то мне очень жаль, что мама не вышла вторично замуж, она была такая хорошая и так заслуживала любви и счастья» (Панова В. О моей жизни, книгах и читателях. Л., 1975. С. 64).

³⁵ О Крайском см. публикацию с. 19–79.

³⁶ *Мерецков Кирилл Афанасьевич* (1897–1968) – советский военачальник, маршал Советского Союза (1944).

³⁷ *Савельев (наст. фам. Липавский) Леонид Савельевич* (1904–1941) – детский писатель. Автор ряда лингвистических работ. Редактор Детгиза, сотрудник журн. «Костер». В начале войны был призван в армию; может быть, сведения Борониной о гибели собрата по перу более точны, чем формулировка в позднейшем источнике: «Пропал без вести в ноябре 1941» (Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник: 1934–1981. Л., 1982. С. 270).

³⁸ Имеется в виду Михайлов Д. Д. Инициалы установлены по машинописной расшифровке дневника. См. также запись от 21 дек. 1941 г. о его кончине.

³⁹ *Валов (наст. фам. Кузьмин) Василий Игнатьевич* (1902–1941) – детский писатель, прозаик. Печатался в журналах «Чиж», «Еж», «Звезда». Автор ряда детских книг. С первых дней войны ушел в народное ополчение, участвовал в боях. В последние недели жизни был в писательской группе ПВО. Скончался от дистрофии 24 дек. 1941 г. Боронина приводит точную дату. См. записи от 25 дек. 1941 г. и от 2 янв. 1942 г. В справочнике «Писатели Ленинграда» (Л., 1982) дата смерти обозначена: «конец 1941» (С. 54).

⁴⁰ *Хмельницкая Тамара Юрьевна* (1906–1997) – критик, литературовед, переводчик. Автор работ по русской классической и зарубежной литературе.

⁴¹ *Орлов Владимир Николаевич* (1908–1985) – литературовед и критик. Специалист по русской классической и советской (в том числе грузинской) литературе. Особое место в его работах занимает творчество А. Блока. До марта 1942 г. был специальным военным корреспондентом ТАСС на Ленфронте. О состоянии Орлова Лукницкий писал 15 янв. 1942 г.: «В. Н. Орлов опух. Еще не похоронена его мать. Жена через месяц должна родить. Видел Орлова в Союзе, куда он приплелся с палочкой, чтобы съесть кашу. Он – мужественный человек, но состояние его таково, что, боюсь, он не протянет долго...» (Лукницкий П. Ленинград действует... Фронтовой дневник: Первый год войны. М., 1971. С. 421).

⁴² О жене Орлова Элико П. Лукницкий писал в дневнике 5 марта 1942 г.: «...Девятнадцатилетняя жена В. Н. Орлова, Элико Семеновна, 12 февраля родила ребенка. Из дома на канале Грибоедова ее доставили волоком, на саночках, на Васильевский остров – в родильный дом. Здесь печуркой обогревалась одна-единственная палата, в которой при свете лучины принимались роды, производились операции, лежали первые дни женщины с грудными детьми. Элико родила в темноте, в тяжелейших условиях. Ребенок оказался отечным. Несмотря на все усилия и самоотверженность врачей, на одиннадцатый день ребенок умер от кровоизлияния и разрыва сердца...» (Лукницкий П. Ленинград действует... С. 552).

⁴³ Погостье – станция Октябрьской железной дороги, которая в период зимы 1941–весны 1942 г. стала отправной точкой для начала Любанской наступательной операции по прорыву блокады. О Мерецкове см. примеч. 36.

⁴⁴ Тетя Борониной.

⁴⁵ См. примеч. 75 на с. 73.

⁴⁶ Правильно: *Федюнинский Иван Иванович* (1900–1977) – советский военачальник, генерал армии.

⁴⁷ *Гофман Виктор Абрамович* (1899–1942) – литературовед. См. о его смерти запись от 5 февр. В машинописном варианте уточняется, что Гофман умер в стационаре педагогического института им. М. П. Покровского (позже, в 1957 г., слитого с педагогическим институтом им. А. И. Герцена). Негативная характеристика не воспроизведена.

⁴⁸ Имеется в виду семья *Коц Елены Семеновны* (1880–1967) – переводчика, правоведа, архивиста, библиографа. В годы войны сотрудник ГПБ. Автор мемуаров: Эпизоды, встречи, человеческие судьбы // Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945. СПб., 2005. С. 182–207. Во время блокады жила с матерью и дочерью Валентиной Александровны Коц – сотрудницей Радиокomiteта.

⁴⁹ К концу декабря наступление советских войск достигло большого успеха, и это вселяло уверенность в прорыве блокады. Однако превратить наступательную операцию в районе Мги в решающую победу не хватило сил.

⁵⁰ Имеется в виду редакция детского журн. «Костер», выходявшего в 1941–1942 гг. в радиоверсии.

⁵¹ *Эшман (псевд. Тонин) Юлий Аронович* (1910–1984) – прозаик, журналист. В 1938–1942 гг. – редактор журн. «Костер». Автор ряда научно-популярных книг для детей.

⁵² Аптека № 7 им. Урицкого располагалась по адресу: пр. 25 Октября (Невский), д. 66.

⁵³ *Розен Александр Германович* (1910–1978) – писатель, военный корреспондент. Был связан с радио, выполнял прямые задания Радиокomiteта. Зимой 1942 г. писал очерки и рассказы о ленинградцах. Автор мемуарной военной прозы «Разговор с другом» (Л., 1973).

⁵⁴ Гатчина была освобождена 26 янв. 1944 г.

⁵⁵ Е. С. Коц.

⁵⁶ Имеется в виду экранизация драмы Лермонтова «Маскарад», осуществленная реж. С. Герасимовым в 1941 г. и ставшая значительным событием в истории советского кино. Главные роли исполняли: Н. Мордвинов, Т. Макарова, С. Герасимов, С. Магарилл.

⁵⁷ 29 дек. 1941 г. О. Берггольц выступала по ленинградскому радио с предновогодним поздравлением, в которое включила чтение своих стихов «Первое письмо на Каму» и «Второе письмо на Каму», обращенных к матери – М. Т. Берггольц, находившейся в это время в эвакуации в Чистополе. На этот выпуск «Радиоэтики» поступило много отзывов радиослушателей. См., например: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. СПб., 2005. С. 123. О сходном восприятии ее стихов сама О. Берггольц писала в дневнике 1942 г.: «...ленинградцы, масса ленинградцев лежит в темных, промозглых углах <...> и единственная связь с миром – радио, и вот доходит в этот черный, отрезанный от мира угол – стих, мой стих, и людям на мгновение в этих углах становится легче – голодным, отчаявшимся людям. Если мгновение отрады доставила я им – путь мимолетной, пусть иллюзорной, – ведь это не важно, – значит, существование мое оправдано» (*Берггольц О. Ф.* Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 102–103). В дневнике 1945 г. Боронина опять вернется к теме военной поэзии Берггольц и вклеит в него газетные вырезки ее стихотворений.

⁵⁸ *Ойфа Петр Наумович* (1907–1987) – поэт. В годы войны был рядовым, участвовал в боях за Ленинград, затем – военный корреспондент ЛенТАСС, газ. «Смена». После войны работал в газ. «Ленинские искры».

⁵⁹ *Шишова Зинаида Константиновна* (1898–1977) – поэт и прозаик. Ее поэма «Блокада», по оценке известного радиожурналиста Льва Мархасева, – «одно из самых замечательных и правдивых произведений о первой блокадной зиме. 13 июля 1942 г. эту поэму (тогда она называлась «Дорога жизни») начали читать по ленинградскому радио. Начали, но не закончили. По звонку из горкома партии чтение было прервано. Поэму назвали „политически неправильной“...» (Радио. Блокада. Ленинград: Сб. статей и воспоминаний. СПб., 2005. С. 95).

⁶⁰ *Лихарев Борис Михайлович* (1906–1962) – поэт. В войну работал сначала в газ. «На страже Родины», затем состоял в группе писателей при Политуправлении Ленинградского фронта.

⁶¹ См. примеч. 100 на с. 76.

⁶² *Инбер Вера Михайловна* (1890–1972) – поэт, прозаик, журналист. Во время войны Инбер находилась в осажденном Ленинграде. Выступала в газ. «Ленинградская правда», по радио, на митингах, на заводах, в школах, воинских частях. Облик трудового города запечатлела в стихах и очерках. Основные произведения того времени – ленинградский дневник «Почти три года» и поэма «Пулковский меридиан».

⁶³ *Рождественский Всеволод Александрович* (1895–1977) – поэт. В первые дни войны вступил в ряды народного ополчения, работал в газ. «На защиту Ленинграда», был военным корреспондентом, прикомандированным к 7-й армии. За военные годы выпустил две книги стихов «Голос Родины» (1943) и «Ладога» (1945). Военные стихи были собраны в книге «Родные дороги» (1947).

⁶⁴ *Гор Геннадий (Гдали) Самойлович* (1907–1981) – прозаик. В 1941 г. вступил в Кировскую дивизию народного ополчения.

⁶⁵ *Тобояков (наст. фам. Городков) Владимир Николаевич* (1898; по др. св. 1899–1942) – писатель. Родился в Тобольске, с 1923 г. жил в Ленинграде. Во время войны вступил в народное ополчение, был военным корреспондентом газ. «За Советскую Родину», участвовал в тяжелых боях под Лугой. В конце лета 1941 г. оказался в Ленинграде, заболел туберкулезом, был эвакуирован в Тюмень, где 9 апр. 1942 г. скончался.

⁶⁶ *Кучеров Анатолий Яковлевич* (1907–1968) – прозаик, литературовед, критик. Окончил ВГКИ при ГИИИ в 1930 г. Преподавал в вузе, был научным сотрудником ИРЛИ (1932–1936). В годы войны работал в военной печати Балтийского флота.

⁶⁷ Речь идет о боях под Севастополем и Евпаторией.

⁶⁸ Старый деревянный рынок, располагался на Петроградской стороне по адресу: Малый пр., 54–56.

⁶⁹ *Груздев Илья Александрович* (1892–1960) – прозаик, драматург, литературовед и критик. В годы войны занимался также радиопублицистикой. См. об этом: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. С. 102–103.

⁷⁰ *Вишневский Всеволод Витальевич* (1900–1951) – драматург, прозаик. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С юности был связан с Балтийским военным флотом. В Гражданскую войну был пулеметчиком, командиром и политработником, участвовал в боях на Волге (Волжская военная флотилия), на Украине (Конная армия Буденного), в Новороссийске (дивизия сторожевых катеров). Автор пьес «Первая Конная» (1929), «Оптимистическая трагедия» (1933) и др., сценария фильма «Мы из Кронштадта» (1936). В годы войны Вишневский возглавлял оперативную группу писателей при Политуправлении Балтфлота. По заданию последнего он вместе А. Кроном и Вс. Азаровым написал героическую комедию «Раскинулось море широко...» (1942), пьесу «У стен Ленинграда» (1944). Постоянными были его передачи по ленинградскому радио. «Дневники военных лет» впервые были изданы лишь в посмертном собрании сочинений писателя.

Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – поэт, прозаик, публицист, переводчик. Ушел добровольцем на фронт Первой мировой войны. Это время отразилось в первых книгах стихов «Орда» и «Брага», принесших автору широкую известность. В 1920–1930-х гг. Тихонов много ездил по стране (Грузия, Армения, Азербайджан, Туркмения, Узбекистан), побывал и в странах Западной Европы, руководил ленинградской писательской организацией, с началом Советско-финляндской войны ушел на фронт. С первых дней Великой Отечественной войны, находясь в Ленинграде, выполнял задания Радиокomiteта, Совинформбюро, публиковал стихи, статьи, очерки в «Ленинградской правде», в газ. народного ополчения «На защиту Ленинграда», в окружной военной газ. «На страже Родины», в центральных и дивизионных газетах. 1 дек. 1941 г. газ. «Правда» напечатала поэму Тихонова «Киров с нами» – первое крупное произведение советской поэзии, созданное в условиях блокады Ленинграда. В 1942 г. была написана поэма «Слово о 28 гвардейцах», посвященная подвигу гвардейцев под Москвой в 1941 г. Сотни военных публикаций Тихонова стали героическим эпосом, отразившим подвиг народа.

⁷² О Прокофьеве см. примеч. 21 на с. 23.

⁷³ *Саянов (наст. фам. Махнин (Мохнин)) Виссарион Михайлович* (1903–1959) – поэт, прозаик, критик. Участник Советско-финляндской и Великой Отечественной войн в качестве военного корреспондента. В эти годы вышли книги: «Фронтовые стихи» (Л., 1941), «Повесть о Кульнев» (Л., 1942), «Повести о русских воинах» (Л., 1944), «Весна 1945 года» (Л., 1945), «На полях Ленинградской битвы» (Л., 1945), «Небо и земля: Роман в четырех частях» (Л., 1935–1948), отмеченный Сталинской премией 1949 г., и др. издания. Был корреспондентом «Ленинградской правды» на процессе военных преступников в Нюрнберге, что нашло свое отражение в книге «Нюрнбергский дневник» (1946). Наиболее яркой и убедительной остается проза Саянова, собранная в книге «Ленинградский дневник» (Л., 1958), в которую вошли статьи, рассказы и заметки о подвиге ленинградцев в дни блокады.

⁷⁴ *Кетлинская Вера Казимировна* (1906–1976) – писатель, ответственный секретарь правления ЛО СП СССР (июнь 1941–29 июля 1942). Кроме организационной работы во время войны и блокады выступала в прессе со статьями и очерками. Обороне Ленинграда посвящены «Рассказы о ленинградцах» (1944) и роман «В осаде» (1947). Оценки ее деятельности на посту секретаря правления см.: *Золотоносов М. Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями. Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов. М., 2013. С. 37–91.

⁷⁵ *Кратт Иван Федорович* (1899–1950) – прозаик, драматург. В годы войны опубликовал ряд книг, в том числе: «Партизаны» (М., 1941); «Шестой „хейнкель“» (Л., 1941), «Балтийские рассказы» (М., 1942), «Труженики войны: рассказы о связистах Ленинградского фронта» (Л., 1944). Чуть позже вышла повесть о людях героической ладожской трассы «Суrowый берег» (М., 1947).

⁷⁶ *Клеман Михаил Карлович* (1897–1942) – литературовед, занимался творчеством И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, А. Ф. Писемского, В. Г. Белинского и др. Во время войны сначала находился в блокадном Ленинграде, умер в Оренбурге по дороге в эвакуацию в Среднюю Азию.

⁷⁷ См. примеч. 20 на с. 193.

⁷⁸ Тихвин был освобожден 9 дек. 1941 г.

⁷⁹ О Попкове см. примеч. 92 на с. 270.

⁸⁰ Большой пожар в Гостином дворе возник глубокой ночью 12 янв. 1942 г. по вине работников магазина – неосторожное обращение с огнем – и полностью был ликвидирован только 16 янв. (см.: *Буrow А. В.* Блокада день за днем. С. 186, 191).

⁸¹ О Панфилове см. примеч. 90 на с. 75. Тот же драматический факт о смерти жены Панфилова приводит в дневниковой записи от 15 янв. 1942 г. П. Н. Лукницкий (*Лукницкий П. Ленинград действует...* С. 421).

⁸² Соседка по лестнице.

⁸³ *Вита* – 12-летний мальчик, сын рабочего Кировского завода, семью которого осенью 1941 г. переселили в Петроградский район на Большую Разночинную ул., д. 3, кв. 28.

⁸⁴ *Вагнер Николай Петрович* (1898–1988) – прозаик, драматург, поэт. В 1941–1942 гг. был сотрудником политотдела Ленинградской милиции.

⁸⁵ *Вальдман Вера Семеновна* (1874–1962) – переводчик. В 1939–1941 гг. заведовала литературной частью Ленинградского театра им. Ленсовета.

⁸⁶ *Раковский Леонтий Иосифович* (1896–1979) – прозаик. В годы войны – сотрудник газет «На защиту Ленинграда» и «Ленинградская правда».

⁸⁷ Контекст записи не позволяет установить, о ком из семьи Кугелей идет речь. Известно, что журналист *Кугель Иона Рафаилович* (1873–1941; по др. св. 1942) умер в блокадном Ленинграде.

⁸⁸ *Роза Соломоновна* – в машинописной копии дневников Борониной сделано уточнение: «Драпкина – сотрудница управления Союза <писателей>».

⁸⁹ Израилевич – не установленное лицо.

⁹⁰ *Франковский Адриан Антонович* (1888–1942) – переводчик. Переводил произведения Д. Свифта, Г. Филдинга, Л. Стерна, Д. Дидро, М. Пруста, Р. Роллана и др. Погиб в блокаду.

⁹¹ *Энгельгардт Борис Михайлович* (1887–1942) – литературовед, переводчик. Преподавал в Институте Живого слова (1918–1919), на ВГКИ при ГИИИ (1920–1925). Работал в Пушкинском Доме, БАН. В 1930 г. был арестован по «академическому делу» и сослан в район строительства Беломорско-Балтийского канала. В 1932 г. вернулся из ссылки и продолжил филологическую работу.

⁹² *Цырлин Лев Вениаминович (Лейб Бениаминович; 1906–1942)* – критик, литературовед. В 1936 г. был исключен из партии, вероятно, по обвинению в троцкизме. В начале 1942 г. просил об эвакуации, ему было отказано. Умер в январе–феврале того же года. См. об этом: *Золотоносов М. Н.* Гадюшник. С. 39, 143.

⁹³ *Оксенов Иннокентий Александрович* (1897–1942) – критик, поэт, переводчик. Погиб в блокаду 25 янв.

⁹⁴ *Молчанов Николай Степанович* (1909–1942) – литературовед, журналист. Второй муж О. Ф. Берггольц. О его смерти Берггольц писала: «На почве тяжелейшего истощения у него обострилась эпилепсия, принявшая форму тяжкого, сначала даже буйного психоза. Он был переведен из госпиталя в психиатрическую лечебницу и 29/1 умер там». См.: *Берггольц О. Ф.* Ольга. Запретный дневник. С. 217 (письмо к М. С. Довлатовой). См. об этом также: *Берггольц О. Ф.* Собр. соч.: В 3 т. Л., 1990. Т. 3. С. 490–491. См. о Молчанове подробно: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 2003. Т. 3. С. 397–398.

⁹⁵ *Хармс (наст. имя и фам. Даниил Иванович Ювачев; 1906–1942)* – поэт, прозаик, драматург. Автор 11 детских книг, вышедших при его жизни. Член «объединения реального искусства» (ОБЭРИУ). В декабре 1931 г. и в августе 1941 г. был арестован. При последнем аресте Хармса принимают за сумасшедшего, помещают в психиатрическую больницу, где он и умирает. Дата смерти указана Борониной точно. Сведения о намерении его эвакуировать в других источниках отсутствуют.

⁹⁶ Об освобождении Смоленска см. примеч. 141 на с. 274.

⁹⁷ *Макогоненко Георгий Пантелеймонович* (1912–1986) – литературовед. Во время войны работал военным корреспондентом Радиокomiteта. Был третьим мужем О. Ф. Берггольц. После войны – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ЛГУ.

⁹⁸ *Полоцкий Семен Анатольевич* (1905–1952) – поэт, детский писатель, драматург, киносценарист. В 1942 г. был эвакуирован в Алма-Ату, где работал над сценарием о Дороге жизни. После войны по его сценариям на студии «Ленкинохроника» был снят ряд документальных фильмов.

⁹⁹ *Рысс Евгений Самойлович* (1908–1973) – писатель, публицист, сценарист. Учился на ВГКИ при ГИИИ. Сотрудничал с журн. «Звезда». Во время войны работал корреспондентом ТАСС.

¹⁰⁰ Этот рассказ о неудавшейся переправе через Ладожское озеро – все машины «попали в полыньи, затянутые тонким льдом и занесенные снегом» – и спасении от обморожения в палаточном госпитале на острове Малый Зеленец Г. П. Макогоненко приводит в публикации писем О. Ф. Берггольц к нему (*Макогоненко Г. П. Письма с дороги // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 126–128*).

¹⁰¹ *Зуккау-Невский Владимир Гербертович* (1911–1968) – переводчик, начинал литературную деятельность в «Молодом объединении» при газ. «Смена». Вторая часть фамилии взята в память о матери, погибшей в блокаду. Из осажденного Ленинграда ушел на фронт, воевал под Лугой и Псковом.

¹⁰² Вероятно, один из родственников Борониной.

¹⁰³ *Азадовский Марк Константинович* (1888–1954) – филолог-фольклорист, специалист по истории и этнографии Сибири, текстологии, библиографии. Профессор Института книговедения, Института речевой культуры, Государственной Академии искусствознания, зав. кафедрой фольклора филологического факультета ЛГУ, зав. Сектора фольклора ИРЛИ, член ССП. 20 марта 1942 г. был эвакуирован с семьей, женой и полугодовальным ребенком, в Иркутск. См. подробнее о блокадной жизни и эвакуации в кн.: *Азадовский М. К. Сибирские страницы. Иркутск, 1988. С. 283–335*.

¹⁰⁴ *Шахматов Алексей Александрович* (1864–1920) – языковед, исследователь русского летописания, академик Петербургской Академии наук (1894), профессор Петербургского университета (с 1910), председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук (1906–1920).

¹⁰⁵ *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855–1920) – выдающийся историк русской литературы, библиограф, профессор Петербургского университета.

Е. Боронина

Мать
(Рассказ)

– Простите, товарищ комиссар, что я вас задерживаю. Но я хочу, чтобы вы поняли, почему я пришла к этому решению. Тогда вы не откажете в моей просьбе. Я буду очень краткой.

Худенькая женщина в синем берете говорила спокойно, но с той настойчивостью, которая заставляет собеседника непременно выслушать, как бы он ни был занят.

– Я учительница. Десять лет я учила детей русскому языку. У меня был сын, у меня был внук, у меня были отец и мать. Отец и мать погибли при эвакуации из Одессы. Пароход, на котором они ехали, потопили немецкие самолеты. Мой муж убит на фронте 18-го сентября прошлого года под Пулковом. У меня остался сын. Ему было десять лет. Товарищ комиссар, вы зимой были в Ленинграде?

Комиссар склонил седую голову.

Женщина продолжила свой рассказ.

– Я слегла в конце января. Мой мальчик делал все, что мог. Он стоял по нескольку часов в очереди при тридцатиградусном морозе. Он привозил на саночках воду с проруби у Петропавловской крепости и таскал ведра на пятый этаж. Он пытался даже сам стирать. И у него было мужество утешать меня: „Мамочка! Ты лежи, ты поправляйся, скоро хлеба прибавят, не умирай, золотая моя, мамочка! – говорил он. – Мы обязательно доживем с тобою до победы“.

Но [он сам] я-то, я-то видела, что он таял с каждым днем, и я ничего не могла сделать для него. Ничего... 9-го февраля его нашли на лестнице. Он был без сознания. Кто-то принес его домой. Он пришел в себя, вскочил с кровати. „А я ночью съел все кофе...“, – сказал он. Я поняла, что он говорит это в бреду, в голодном бреду. Потом он попросил: „Мамочка! Дай мне пожалуйста одну конфетку...“ – „Витенька!... У меня же нет... Ты знаешь...“ – „Мамочка! Ну, тогда дай мне маленький кусочек сахара...“, – шепнул он. – „Витенька! У меня нет сахара [даже крошечки...].

Ляг, милый: я дам тебе чаю и кусочек хлеба. Только ляг [милый...].“

Он посмотрел на меня внимательно-внимательно и ответил тоном взрослого человека: „Нет! [мамочка] Я не лягу!“.

И я поняла его. Он отчетливо осознавал, что лечь – это значит умереть. А он не хотел умирать...

Через час его не стало. [Он лежал на своей кровати будто спал. Маленький] Вместо него, живого, лежал [на кровати] скелетик, обтянутый кожей.

[Под вечер в квартиру постучала незнакомая женщина.

– Здесь живет тот мальчик, который упал на лестнице? Вот передайте эти лепешечки ему. Я взяла их от своих детей, – и она протянула мне сверток.

Я ничего не ответила. Я только отвела ее руку: „Простите! – сказала она. – Я не знала...“].

Женщина заплакала.

Комиссар поднял склоненную над столом голову. Лицо женщины было строго, спокойно, лишь чуточку дрожали веки.

– Сын умер, а я вот выжила... – прибавила женщина почти шепотом.

Комиссар почувствовал, что она упрекает себя за это, и ему хотелось ответить [этой] матери, сидящей перед ним, какими-то особенными словами, но он только сказал:

– Вы должны жить. Должны...

– Да, я знаю, – ответила женщина. – Я нашла в себе силы жить. Я нашла эти силы потому, что я оказалась нужна другим детям, нужна...

– Вы работаете в детском доме? – спросил комиссар.

– Да, я воспитываю сирот в детском доме.

– Почему же вы пришли сюда, ко мне?

Женщина поднялась со стула, снова села.

– Я пришла сюда, товарищ комиссар, вот почему. Сегодня рано утром я шла по Международному проспекту. Навстречу два красноармейца вели пленного [немецкого офицера] немца. Это был рослый, здоровый юноша с интеллигентным лицом. Наверное, до войны он готовился к экзамену на кандидата наук... И вот, когда этот [немецкий офицер] пленный немец проходил мимо меня, он [улыбнулся] гадко улыбнулся, и сказал по-русски...

Женщина вдруг [замолчала. Она] побледнела, как бледнеют люди при очень сильном душевном волнении.

– Выпейте воды! – сказал комиссар.

– Нет, не надо. Спасибо! [И вот, когда этот [пленный] немецкий офицер поравнялся со мною, он улыбнулся и сказал по-русски] – женщина отвела руку комиссара с протянутым стаканом воды.

– Он [сказал мне] гадко улыбнулся, – повторила женщина. – и сказал по-русски: [„Оказывается, вы еще не все сдохли от голода. Я был уверен, что все женщины в петербурге уже сдохли от голода. Как я ошибался, мадам!...“] – Вы еще не все женщины сдохли от голода в вашем Ленинграде.

[Учительница встала]. Женщина порывисто встала.

– Товарищ комиссар! [Теперь] Я уверена, что вы не откажете в моей просьбе. Я обещала сама убивать убийц моего сына. [Я должна убить] Я мать. Они все такие, как этот немец...

Комиссар взял перо и написал несколько слов на уголке заявления, лежащего перед ним.

– Ваше ходатайство удовлетворено, – тихо сказал он. – Вы зачислены добровольцем-красноармейцем в стрелковый полк.

Потом он подошел к женщине, взял за руку и подвел к окну.

– Хорошая вы моя, посмотрите...

От края неба до края сияла радуга, широкая, лучистая.

– Это ворота бессмертия над нашим [городом] Ленинградом, товарищ комиссар. – И худенькая женщина в синем берете впервые улыбнулась.

БЛОКАДНЫЕ ЗАПИСИ И. А. ГРИНЕВСКОЙ

(Публикация Е. В. Виноградовой)

В письме Л. Б. Модзалевскому от 8 янв. 1944 г. из блокадного Ленинграда в Казань В. А. Мануйлов сообщает, что можно купить за 1000 рублей архив Изабеллы Гриневской. «Архив, конечно, стоит гораздо больше. Гриневская утверждает, что там есть письма Льва Толстого».¹ Архив действительно стоил дороже: прочитав записи И. А. Гриневской, сделанные во время блокады, можно понять, какой ценой досталось писательнице это право – сохранить свой архив в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Изабелла Аркадьевна Гриневская (урожд. Фрейдберг) – поэт, прозаик, переводчик – родилась в 1864 г. в г. Суwalkи (Suwalki, Польша). Она получила хорошее образование дома, знала несколько европейских языков; уже в 15 лет она выступала в Петербурге с благотворительным концертом в помощь бывшим воспитанникам коммерческих училищ. В 1880-х гг. закончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, в это же время вышла замуж за А. К. Гриневского, беллетриста и публициста. Первыми публикациями Гриневской стали ее переводы с французского, итальянского, польского и др. языков; в 1896 г. ее пьеса «Первая гроза» была поставлена на сцене Александринского театра, а стихи и проза публиковались в различных периодических изданиях Петербурга.² Ею был также написан ряд статей по итальянской и польской литературе для «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, статья «Кого любит Софья Павловна?» в сб. «Ежемесячные сочинения» (1901. Т. VI. № 11. С. 209–221), посвященная образу грибоедовской Софьи.

¹ РО ИРЛИ, ф. 187, научно-техническая обработка фонда не завершена. *Модзалевский Лев Борисович* – зав. РО ИРЛИ с авг. 1943 г.; *Мануйлов Виктор Андроникович* – уполномоченный Президиума АН СССР по ИРЛИ, отв. хранитель неэвакуированной части фондов института с 1942 по 1944 г.

² «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Новое время», «Вестник Европы», «Театр и искусство», «Женщина» и др.

Самую большую известность, особенно в демократических кругах, принесли писательнице ее пьесы в стихах «Баб»³ (СПб., 1903 и 1916 – 2-е изд.) и «Беха-Улла»⁴ (СПб., 1912), в основу которых были положены реальные события – борьба за независимость в Персии и зарождение новой мировой религии – бехаи. Начав работу над пьесой «Баб», Гриневская сама оказалась под влиянием учения бехаи (или, в современной орфографии, бахаи) и стала его последовательницей, изучая труды историков и востоковедов. Л. Н. Толстой, который тоже интересовался учением Баба и Беха-Уллы, одобрительно отозвался о пьесе «Баб» в своем письме к Гриневской 22 окт. 1903 г.

В 1910 г. Изабелла Аркадьевна в качестве паломницы бехаи отправилась в долгое путешествие в страны Ближнего Востока, и в окрестностях Александрии ей удалось встретиться и говорить с Абдул-Беха, сыном и духовным наследником Беха-Уллы. Путешествуя по Востоку, она вела путевой дневник. Этот очерк «Путешествие в Край Солнца» был закончен в 1914 г., но так и не был полностью опубликован; выдержки из него были прочитаны в виде докладов в Обществе ориенталистов и в Обществе ревнителей истории.

Гриневская всегда занимала активную гражданскую позицию: писала статьи о польском и еврейском вопросах, о феминизме, о семье, о вере; в начале Первой мировой войны организовывала литературно-музыкальные вечера в Петербурге и Москве, средства от которых передавались на лечение раненых и семьям погибших; переписывалась с известными общественными деятелями, писателями, артистами. После революции 1917 г. писательница осталась в Петрограде. Она занималась переводами для издательства «Всемирная литература», преподавала сценическое мастерство и декламацию в разных студиях, писала пьесы, выступала с лекциями и докладами в различных учреждениях; в предвоенные годы не работала, получая маленькую пенсию от Академии наук по секции научных работников.

Причину своего решения остаться в блокадном городе Гриневская объяснила в своем письме к академику И. Ю. Крачковскому от 8 янв. 1942 г.: «В начале войны Лит<ературный> фонд предложил

³ *Баб* (1819 или 1820–1850) – основатель и пророк религии бабидов в Иране; был публично расстрелян по приказу визиря Мирзы Таги Хана.

⁴ *Беха-Улла* (или Бахаулла) – один из первых в Иране последователей веры Баби, провозглашенной Бабом; объявил себя той самой личностью, о которой пророчествовал Баб. Им написаны «Наисвятая книга», богословский трактат «Книга несомненно-сти» и др. произведения религиозного характера.

мне эвакуироваться из Ленинграда куда-то далеко. Я отказалась принять это предложение, ибо я знала, что не перенесу эту поездку. А главное, я не смогла бы взять с собою массу моих неизданных сочинений, давно написанных, и множество рукописей последних лет, отчасти требующих тщательного просмотра, которые я считаю обязательным долгом моим сохранить для будущего. Для сохранения их-то я и цепляюсь за жизнь».⁵ И. А. Гриневская всегда была очень смелым человеком и умела преодолевать трудности, вероятно, на этот раз она решила, что справится, и оказалась права: ей удалось пережить блокаду. Она умерла в 1944 г., после того как лично передала в Пушкинский Дом свой архив.⁶

В годы блокады Гриневская не вела дневника в классическом понимании этого слова, т. е. изо дня в день – вероятно, не позволило здоровье: перед войной она перенесла операцию на глаза, которая спасла ее от слепоты. Она произвольно делала записи одновременно в трех тонких (школьных) тетрадах, условно названных нами «Тетрадь 1», «Тетрадь 2» (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 62), «Тетрадь 3», так называемая «расходная» (Там же, № 61). Тетради начали использоваться еще до войны. Они включают записи хозяйственно-финансового характера, списки произведений, тексты довоенных стихов, адреса знакомых. В этих тетрадах остались чистые страницы, которые Гриневская заполняла в блокадные дни, так как бумаги не было. При этом рассуждения или бытовые записи писательницы перемежаются с ее новыми стихами; почти каждая блокадная запись отмечена датой. Самая ранняя запись в тетрадах отмечена августом 1941 г., последняя – 5 мая 1942 г. Сохранились также блокадные документы на отдельных листах, начаты в тетрадах: черновик одного письма к П. С. Попкову (председателю Ленгорсовета) и несколько вариантов – А. А. Жданову, один переписан набело и перепечатан на машинке; варианты завещания И. А. Гриневской 1941–1942 гг. (последний датирован 25 апр. 1942 г.) и обращение в правление Союза писателей в мае 1942 г. Полный текст письма Жданову, которое представляется нам наиболее интересным, дается в примерах.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 66, л. 86–86 об.

⁶ В биографическом словаре «Русские писатели» (М., 1992. Т. 2. С. 45) указывается другая дата смерти Гриневской – 1942 г., но в ходе работы над ее архивом удалось установить, что писательница умерла в промежутке с 6 февр. по 11 нояб. 1944 г. (см.: *Виноградова Е. В.* Гриневская Изабелла Аркадьевна. Фонд 55 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 1103).

Публикуемые записи Гриневской, относящиеся к блокадному времени, выбраны из трех тетрадей. Текст выстроен публикатором по хронологии, с указанием тетради и номера листа.

Орфография И. А. Гриневской исправлена в соответствии с современными правилами, сокращения раскрыты в угловых скобках; поясняющий текст публикатора дан в угловых скобках курсивом.

1941

<Тетрадь 1>

Л. 3 об.—4 об.

ПРЕСТУПНИК

В мире человек родился
В самый скоротечный миг.
Лишь его раздался крик,
Тут же суд над ним свершился:
К смертной казни присудился.
А за что? Он не постиг.

И на смерть тут осужденный,
Он у матки грудь сосал.
Спал иль пальцами играл
Так он рос... Неугомонный,
Жизнью только увлеченный,
Бегал взапуски, скакал!

Вот он отрок. Игры, школы.
Непонятлив иль смышлен,
Школьный путь проходит он.
Радости пути, уколы,
Возвышения и доли
Промелькнули, точно сон.

Но до старости глубокой
Семьянин он, одинок,
Радости ль приносит рок,
Рвет ли горе из истока,

Павший ль он, парит высоко –
Суд свершился зол, жесток!
С колыбели шаг за шагом,
Будь он низок иль велик –
Неотступно стан и лик
Смерти в виде страшном, нагом
С ним иль сзади, или рядом
В каждый, каждый жизни миг.

До поры, пока судьбою
Казнь назначена свершить,
Жизнь рожденного скосить
Беспощадною рукою
Иль манерою другою
Рвать ее немедля нить...
Проходящие пред нами
В одиночку иль гурьбой –
Будь обласканы судьбой,
Как преступники, мы сами –
С мглой закрытыми очами –
Все идем мы на убой.

За какие преступления
Все на смерть осуждены?
Мы ль на то сотворены,
Чтобы с самого рожденья
Несть печати осужденья,
Кару несть и без вины.

1 августа 1941 г.

Л. 5–5 об.

26 сентября. Я иду в штаб, чтобы поговорить с пом<ощником> начальника И. Н. Богдановым по поводу несчастного случая в моей квартире. Поворачиваю на Колокольную улицу. Яркое солнце засветило мне в лицо и ослепило меня. Я вхожу в комнату. Хотя на двух стол<ах> стоят зажженные лампы – но я ничего не вижу. Так как на мой вопрос мне отвечают, что нужного мне лица нет, и я хочу его подождать – мне предлагают сесть на скамью. Ни лиц говорящих не вижу, ни скамьи. Какой-то гражданин меня берет за руку и усаживает.

Только просидев 10 минут или даже 1/4 часа, я стала разбираться, что делается вокруг, довольно отчетливо. На одном столе женщина, лицо которой мне стало ясно видно, записывала что-то и отдавала записанное ряду стоявших у стола граждан. А против меня за столом сидели две особы: одна молодая девушка и другая молодящаяся женщина. Первая писала, а вторая так сидела и некоторым подходившим что-то отвечала. Все я стала ясно видеть.

И вот это столь обычное всем явление, что после сильного света малый свет не сразу действует на зрение, а к нему надо некоторым образом привыкать, чтобы видеть окружающее, меня навело на мысль, что те люди, умы которых освещаются большим светом высоких мыслей и пребывающих долго в области того сильного света, когда они переходят в зону малого света обыденной жизни, они ничего не видят, только после долгого пребывания в ней начинают разбираться в окружающем. Вот почему большие ученые, вообще умы высшего порядка слепы в практике жизни. Но зато если они наконец разберут в ней кое-что, то они в этом кое-что видят то новое, чего обычно глядящие на это «кое-что» — не видят.

Л. 6—6 об.

28 сент.

ПОЧТИ БЫЛЬ. РАССКАЗ О.З.Ж.С.

Володя 7 лет был врун и хвастунишка.
Переживаем дни мы страшные войны,
Бесхлебицы, а он, мальчишка,
Так хвастал на дворе: «Пекли у нас блины».
А дети тут: «Блины? Муку где взяли?».
— А очередь за чем?
— Да, мы на днях стояли.
Мамаша мне печет блины, а я, я ел!
Рассказы слышал он о разных там снарядах.
Володя захотел снарядами хвастнуть.
— Дотронулся я до снаряда чуть,
А он и разорвись. Пошли осколки.
— А где же видел ты снаряд?
— А дяденька принес. И мамочка на полку
Его запрятала. — На полку? А? Снаряд?
— Лопочешь зря, без толку.
— Нет, правда, было то три дня назад.

И о снаряде слух разнесся по квартирам.
«Снаряды прячутся, едят блины,
Когда над миром,
Над городом родной страны
Висит гроза военной непогоды,
Когда народы
Все стонут под пятой
Фашизма подлого». В квартире той
Пришлось что пережить родителям мальчишки,
Вруна и хвастуна,
О том
Нам говорить не надо.
Потом
Снаряда,
Конечно, не нашли
И не в пыли
Углов и не на полке,
И что напрасны были толки
И о блинах.
Муки и не было в шкафах.
Когда же оказалось,
Что обо всем Володя хвастал, врал,
Ему, конечно, многое досталось,
Отец, как говорят, кнутом его стегал
За лживость в наказанье.
Какое же отсель выходит назиданье?
Не хвастай и не ври:
Будь скромн, нехвастлив, лишь правду говори.¹

Л. 7–8

Из области совпадений. Сон Марии Степановны.²

26 сентября, кажется.

«Пришли в такое учреждение, где начали всем давать бумаги, а еврей берет бумаги и не дает русским и рвет эти бумаги. А я думаю: сейчас приду и скажу Из<абелле> Ар<кадьевне>, что он это делает!!». Она рассказывает мне этот сон, в то время как я одеваюсь, чтобы пойти вместе с нею в штаб к Богданову (на углу Колокольной и Нахимсона № 18/2).³

Спускаясь с лестницы, мы еще говорим о странном сне. Выходим из ворот. У ворот сидит на дежурстве гражданин Гинзбург (еврей), который рассказывает мне следующее: «Я сижу в газоубежище, где я по состоянию здоровья имею право быть (и по определению врачей), а Класс⁴ гонит меня вон. Я говорю ей: я не пойду, я вправе иметь допуск до газоубежища и буду в часы тревоги всегда сюда заходить, тем более что оно под моей лестницей. Сказав ей это, я выхожу из убежища и поднимаюсь на лестницу, а Класс вслед мне кричит уборщице Михайловой: „Не пускай его, слышишь? Проклятые жида, их давно пора ужокошить“. Я подал прокурору. Что вы скажете на это? Вызвали Михайлову, но она не явилась». Что же можно сказать на это, на это нет слов, ответила я.

Мы торопились поспеть в штаб, чтобы застать Богданова. Приходим. Говорят: он ушел, сейчас, верно, придет. Мар<ия> Ст<епа<на>новна> пошла стоять в очереди за сыром, растянувшейся вдоль всей Колокольной, а я решила подождать и села у дежурившей из нашего жакта барышни, по случайному стечению обстоятельств тоже еврейки. Не успела я сесть, как заговорило радио: сообщают статью, в этот день напечатанную в «Ленинградской правде», где же именно говорится об антисемитизме и вреде его для государства, особенно именно в такое время, когда требуется дружное единение народов. В статье этой определяются антисемиты как агенты фашизма.⁵

Я внимательно выслушала статью и просила барышню записать ее заглавие на клочке бумаги. Возвращаюсь домой. Во дворе встречаю опять Гинзбурга, очевидно, кончившего свое дежурство и идущего из жакта к себе домой. Мы остановились. Я говорю: «Вот странное стечение обстоятельств: сейчас по радио читали статью из „Ленинградской правды“ по антисемитизму», – и я передаю ему записочку с заглавием этой статьи, написанную по моей просьбе дежурившей барышней. В это время мимо нас прошла с кем-то произнесшая типичную антисемитскую фразу...

В моих трудах ярко изображено гибельное значение для человечества взаимной вражды народов, и тут не приходится об этом повторять. Привожу этот инцидент только как один из многих, даже мною отмеченных случаев странных совпадений.

Предисловие к приснившемуся сну и описание сна
31 декабря 1941 г.

В час пошла в жакт за карточками. Их еще не было. Думаю, поговорю по телефону с Ю. К. Она не подошла. <1 слово нрзб.> Хочу поговорить с Литфондом. Мне помогает милая барышня. Прошу ее узнать № Литфонда. Она меня связывает. Говорю с Нат<альей?> Ив<ановой>⁶ Кончив разговор, я благодарю девицу за содействие и прошу записать телефон, хотя я и так запомню. Девица на это: – Я знаю, какая у вас память хорошая. – Почему вы это знаете? Вы моя знакомая? Повернитесь к свету, чтобы я на вас посмотрела. – Да вы меня не знаете, а я вас хорошо знаю, встречала вас, и приходится часто говорить о вас с разными людьми о ваших произведениях. – Вот что! Рада. Ваша фамилия? – Смородина. Живу в Дмитровском переулке, 13! – Это дом, который пострадал? – Да.

Прощаюсь с нею ласково. «Кланяйтесь тем, кто помнит меня». Ухожу из темного жакта несколько взволнованная. Думаю: все-таки помнят меня, не забыта. Читают, может быть, в эти грозные дни войны мои миротворческие сочинения. Прихожу домой и записываю те строки, которые я задумала еще ночью, а именно вроде письма к правителям воюющих стран по-английски, написанного мною год назад к 4-м воевавшим странам.

На этот раз я записала следующее:

Enough gentlemen!
Make peace together.
Take pity
To millions present and future
of folks
to whom your very aims and reasons
of your shamful fights are for nothing.⁷

Записав эти строки, это было в 4 ч., верно, я легла на постель, укуталась в шубе и заснула. Крепко, видно, заснула, и мне привиделся такой сон. Перед каким-то алтарем, будто в храме, спиной ко мне стоит человек в восточном обл<ачении>, с длинными волосами, как рисуют Христа или как играли Баба, и как на портрете Беха-Улла или Абдул-Беха, высокий, стройный, и торжественно произносит, как бы

обращаясь к находящемуся вне здания народу: «Войдите, войдите все до единого! Войдите!» (как у меня написано в «Беха-Улла», в акте, где он зовет все народы в Храм природы). А я стою и сильно плачу, как я много лет не плакала, чувствуя, что этот человек именно призывает в это место все народы. Разбудила меня Марья Степановна. Вот кушайте обед. Проснулась сильно взволнованная, и мне казалось, все еще в слезах. Проснулась в 3 часа. А несколько дней перед тем мне снился Абдул-Беха, который сильно плакал. Я на другой день объяснила этот сон так: мне, верно, грозила опасность, и он плакал по этому поводу.

Л. 28–30

В первые годы голода и разрухи, когда жители простаивали часами за продуктами в магазинах и даже кооперативах, я написала статью в газете о вреде этого явления для государства. Статейка вышла под названием «Хвосты».⁸ Напечатав статью и пояснив причины, по которым они создались, я пригласила к себе уполномоченных Владимирской ул. (пр. Нахимсона) и предложила им создать кооператив исключительно для нашей улицы. Созванные отнеслись с одобрением к моему предложению и выбрали меня даже председателем. Я отказалась от этой чести и предложила избрать председателем знатока торгового дела, я же взяла на себя содействие в самом распорядке.

И действительно, благодаря предложенному мною порядку, который годился бы и теперь, хвосты у нас в кооперативе исчезли, о чем я напечатала в шуточной форме в газете, назвав статью «Наш хвост». Все жители нашей улицы были в восторге и с большой благодарностью отнеслись к инициаторше этого дела и к его участникам. Я тогда не раз думала, что следовало просить от правителей нашего дома, да и других домов нашей улицы, официальное проявление благодарности к нашей деятельности, но... было не до того.⁹

Вот теперь, когда я, беспомощная, лежу в постели, это было бы кстати. Может быть, это вынудило бы членов правления нашего домхоза оказать мне хотя бы маленькую помощь. Между тем ничего. Вот, лежа в постели, я думаю о нынешних наших деятелях, и думаю о их будущем, и считаю нужным предложить следующий порядок в домах: все даровые работники домов на общую пользу должны быть зарегистрированы в особую книгу. Неужели, например, очищавшие грязь наших дворов в случае болезни или нужды <не могут> встретить помощь со стороны правления в настоящем и даже далеком будущем, и неужели они должны быть лишены всякого внимания и покинуты, как я.

Я бы предложила привлечь к соответствующей работе и детей даже от 7-летнего возраста. Это отвлекло бы их от вредных шалостей, и эти дети должны быть внесены в книгу, и их деятельность должна быть характерно отмечена. Об этом я могла бы сказать еще многое, и об этом следует еще многое сказать.

Л. 32–33

<Письмо А. А. Жданову>

Послано.¹⁰

Глубокоуважаемый и дорогой Андрей Александрович. Посланный вами ко мне гражданин после долгожданной вести об исполнении обещанного мне растрогал меня до слез. Я знала, что Вы не <забыли> меня и не можете забыть моих трудов и протянете мне руку. Первое проявление участия ко мне, полученное из <1 слово нрзб.>, было, как я узнаю, тоже по Вашему внушению. И мне этого никогда не забыть. Теперь я жду эту главную помощь, без которой мне не прожить долго. В одном из последних моих стихотворений, в кот<ором> я пишу о себе самой, сказано:

«Что в старости моей мне рок пошлет?
От голода лишь смерти злой угрозы.
Вот моего пути бесславнейший конец».

Глуб<окоуважаемый> и дорогой Анд<рей> Ал<ександрович> <нрзб. несколько слов> и кончатъ свою жизнь в ожидании смерти от голода без всякого участия со стороны <работавших> на моих путях, что я должна чувствовать при том, лишенная возможности двигаться вследствие падения от слабости!! Я пишу в один союз: я работаю на моих поприщах около 30 лет, и только этот факт, помимо значения моих трудов, должен обязывать моих товарищей к существенному участию к такому труженику, а между тем ничего! Я живу рядом со столовой, <принимающей> моих сочленов (пр. Нахимсона, 12), где в свое время игрались тоже мои пьесы, а меня оставляют в ожидании бесславного конца. И я прошу Вас внушить моим товарищам, которые, быть может, захотят мне <помочь>, не медлить. И я призываю к Вам внушить лицу, которому Вы, дорогой Андр<ей> Ал<ександрович>, назначили занятие делом помощи мне, не очень медлить, чтобы дать мне возможность восстановить мне силы, но уже Ваше заботливое проявление участия Вашего ко мне посылкой ко мне доброго человека уже много сделало для состояния моего духа и здоровья, конечно, и как Вас благодарить...

Л. 38

С покорнейшей просьбой секретариату по прочтении этого письма запечатать, отослать его адресату в Иран, в Тегеран. С глубоким почтением И. Гриневская. Ленинград, пр. Нахимсона, д. 10, кв. 32. 17 декабря 1941 г.¹¹

Л. 38 об.

Христианские кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном судилище у Господа проси.

О мире всего мира, о благосостоянии святых божиих церквей, о соединении всех господу помолимся.

О <благорастворении> воздуха, об изобилии плодов земных и времени мирном господу помолимся.¹²

Л. 41 об.–42

О Господи, мольбе моей внимли,
Услышь меня, о Господи, о Бог всеблагий
Спаси народы все твоей земли,
Внуши им силу мощную отваги
Не воевать! Внемли моей мольбе
О мире благостном, довольно горя,
Кому же взнести мольбы, как не тебе,
Пусть отшатнется прочь то крови море,
Что заливает мир широкий твой.
О Боже, гибнут все народы!
Уйми их лютый гнев, нещадный, огневой!
Как горы, падают на них невзгоды
И беды грозные за их грехи...
Прости им, Боже, прегрешенье,
Что были к зову твоему глухи,
Имей к народам сожаленье
Твоих детей, о Боже, пожалей!
Отринь от них твои ты кары
Как от неведущих детей.
И молодой, и старый
Пусть будет вразумлен.
Пошли им мир, терпенье,
Смири их, Господи! Услышь мое моление,
Услышь мой скорбный плач
О людях гибнущих, мой Боже!

<Тетрадь 3>

Л. 31

1941. Октябрь. (Прежних 300) В кассе 30 р. Пенсия 250
На книжку 170

Всего 470 р.¹³

<...> Хлеб – 45, курица – 260, масло – 125, масло – 140, хлеб – 50.

Мальчикам за дрова 400

14-го Сахар, конфеты, <корешки > 2,20 к.

Вермишель – 100, сыр – 350, хлеб – 50; 20, 21, 22, 23 цикория 300

Мясо – 420, хлеб – 100, **бедным – 50** (выделено нами. – Е. В.),
продукты – 500, тарелки – 560, за вставку окна 17.30, лекарства 460,
курица 420, хлеб 100, лекарство 300.

Л. 31 об.

Ноябрь.

<...> вино 1230, мясо 450, хлеб 45, за бомбоубежище 200, элек-
тричество 400, масло 500, баня 220, хлеб 100, конфеты 300, бобы 250/
1770 меланж 150/ 19.20

Хлеб 1.00 Шпроты 700, конфеты и сахар 360, свечи 240 / 14.00. <...>

Л. 32.

Декабрь 1941

Бедной 40, квартира 15, хлеб 560, конф<еты > 574, 13 мясо 5,60.

квартира 15 карточки хлеб 40 мясо 4 М.С. 100 р.

23 (декабря. – Е. В.) хлеб 125 гр, 24 хлеб 200, 25 хлеб 200, 26
хлеб – 200 гр.

1942

<Тетрадь 1>

Л. 8 об.– 9

1942 г.

В ХРАМЕ

Пошла я в храм. Сквозь сумрак туч
Светила дня последний луч
Пробился вдруг и осветил
И плиты древних двух могил,
И лики темные святых
В блестящих ризах золотых.

Святые те глядят на нас,
Суров их взгляд, но в поздний час,
Когда потушены огни
И смолкнет все, тогда они
Благого Господа за нас
Со скорбью молят в поздний час.

Когда потушены огни,
Со скорбью молятся они:
О Боже, ты детей твоих
За вздох о бедствиях чужих,
За шаг к добру, за миг любви,
За это их благослови!

За вздох о бедствиях чужих,
Когда не счесть и бед своих,
Когда из ада злобный дух
Смущает ум, и взор, и слух,
Им прегрешения прости,
Открой им благодати пути.

Открой им благодати пути,
Чтоб легче жизнь было нести,
Спаси от зол, спаси от бед,
Дай разумения им свет,
Дай чувства жаркие в мольбе,
Что носятся, Господь, к Тебе.

Дай чувства жаркие в мольбе
Поникших в горестной борьбе,
Обиженных судьбой сердец,
Услышь ее, благой Творец!
Мольбе детей твоей земли
Внемли, о Господи, внемли.

Л. 10 (лист из блокнота вложен между л. 9 и 11)

В нашем жакте одно газоубежище и два бомбоубежища, предназначенные для 3-х домов. Несмотря на изданный приказ, опубликованный в газетах об отоплении этих убежищ, они в течение последних 2-х месяцев не отапливаются. За неимением дров и при первой

воздушной тревоге жители этих домов от стариков до грудных младенцев погибли не от фашистских снарядов, а от губительной сырости и холода. Я, как недавно назначенный управхозом этого дома, считаю долгом об этом заявить, чтобы снять с себя ответственность и за упущения, создавшиеся до сих пор. Но, чтобы не быть ответственной в дальнейшем, настоятельно прошу отпустить мне нужные для жакта дрова. Дорогой товарищ. Не могу сейчас прийти, и я передаю Марии Степановне для регистрации моих продуктовых карточек.

И. Гриневская
19 января 1942
пр. Нахимсона д. 10 кв. 32.

Л. 9 об. –11

Февраль 1942 г.

ОТРЫВОК ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ (БИБЛИИ)

От бедствий этих дней застыли в нас умы.
О, Боже Правый!
И кто из нас силен и здоровый –
От холода, и голода, и тьмы
Все ж падает, как лист осеннею порой.
О Господи, иль это новый мира строй,
Иль Ты решил те снести с лица земли народы,
Что отошли от праведных путей
И, путаясь средь адских злых сетей,
Отвергли Своды
Законов мировых
Твоих святых?
И наш такой народ: в желаньи лучшей жизни
Он в собственной отчизне
С братьями завел жестокою борьбу
За власть, за первенство, за достоянье,
Губя противников без меры, состраданья,
Маня лишь для себя светлейшую судьбу,
Стремясь внушить о ней заманчиво идею
Народам всем другим.

И вот
Кровь братьев страждавших днесь громко вопиет!
И беды эти все-то Божье наказанье
Народам будущим в науку, в назиданье,
Но...Боже, Наш Творец,
Ты удержи карающую руку
Страданиям, грядущему в науку
Ты положи конец,
Карай Ты лиходеев,
Которые, борьбу с собратьями затеяв,
Не кончили ее для блага всей страны
Затем, что были им нужны
Своекорыстные лишь цели,
О благе всех они лишь песни пели,
В которых фальшь и ложь,
Цена которым грош.

Л. 11 об.-12

ЕЩЕ МОЛИТВА О НАРОДАХ

О Господи, мольбе моей внимли,
Услышь меня, о Бог всеблагий,
Спаси народы все Твоей земли,
Внуши им силу мощную отваги.

Не воевать! Внемли моей мольбе
О мире благостном. Довольно горя.
Кому же взнести мольбы, как не Тебе!
Пусть отшатнется прочь то крови море
Что заливают мир широкий Твой!

О Боже, гибнут все народы.
Уйми их лютый гнев нещадный огневой!
<...>

И молодой, и старый
Пусть будет вразумлен.
Смири их, Господи, услышь мое моление
И сердца моего мой скорбный стон
О людях гибнущих. Они Твое творенье.
Спаси их, Боже мой!

Л. 12 об.–13
18 февраля 1942 г.

ЕЩЕ МОЯ МОЛИТВА

Услышь, мой Бог, с слезами, стонами молящих
Спасти от бед несущихся, грозящих!
Меня услышь, хоть я молюсь без стонов, слез.
От скорби молкнет стон и сохнут мои слезы.
Скорблю, что в старости мне рок принес
От голода лишь смерти злой угрозы!
Вот моего пути бесславнейший конец!
 О, мой Творец.
<...> Теперь я одинока, сира,
О помощи мне некого просить. О, мой Творец,
Коль я сосуд, в который повеленья
Вложил Ты, Господи, его Ты не разбей
 Без сожаленья!
Тобой проложенный мой путь Ты не развей,
Спаси меня, спаси мои творенья
 От расхищенья
И дай мне завершить мои труды,
Спасая жизнь мою от злой беды
Сих дней и от врагов ничтожных.
Пошли на помощь мне не ложных,
 А истинных друзей,
Чтоб скорби, горести моей
Могла б найти я утешенье!
Тебя лишь, Господи, молю я о спасеньи.
Открой Ты для меня теперь сердца людей. <...>

Л. 14–14 об.

23 февраля 1942

В день Красной Армии
хор гражданок квартиры 32 дома 10 пр. Нахимсона

Красная Армия – наша защита,
Наша защита от лютых врагов,
И Ленинградом не будет забыта,

Век не исчезнет из наших умов
Красная Армия...

В Красной той Армии ведь наши дети,
Дети и братья, отцы и мужья,
Лучше, чем Красной той Армии в свете,
Хоть ты ищи – отыскать и нельзя.

Красная Армия – наша защита,
Наша защита от лютых врагов,
И Ленинградом не будет забыта,
Век не исчезнет из наших умов
Красная Армия...

Выступает Соло

Стась Богомолов, родившийся 23 января 1942 г.

Любит ее и вся Родина наша,
Как не любить ее также и мне,
В ней ведь мой папа, в ней дядя Яша,
Думой я полон о них и во сне.

Вариант – примечание суфлера-миротворца:

Красная Армия наша защита!
Но пусть не встретим мы больше врагов,
Вся их вражда к нам пусть будет забыта,
Вся пусть исчезнет из наших умов.

<Тетрадь 3>

Л. 33

1942 Январь

1 мука 1 хлеб 2 хлеб 3 хлеб 4 хлеб 5 Розе 6 хлеб 7 хлеб карт. Му-
ка Розе 5 р.

16.15 Расчет сделан

16 спички мыло 1,20 17, 18 мозольная мазь 2,40 20 сахар
21 масло

22 крупа керосин 50 р. Дрова 50 мясо 27 хлеб Лиза (170)

Л. 34

Февраль

Картошка – 100 Перловка 250 Мясо 260 Лекарство 150 Масло 250
Какао 300 Мясо сахар клюква 560 горох 60 керосин 17 спички

1500

Хлеб до 11 – 374 и до 28 1048 Квартира 30.60 Дрова 50.00

Л. 34 об.

Март

1–6 мясо сахар изюм 4 р. 35 Переписчице 10.00 Спички 10 к. Рис – 1,95

Крупа 42

7 на марки 300 9 масло 100 гр – 260

Мой взнос 400 гр хлеба

кусочек

кусочек

кусочек

16 хлеба 370 гр.

(кус. масла)

в кашку

Л. 35

Апрель

Масло – 260

селедка 140

картошка 80

горох 84

песок 100

мясо 150

дрова 2600

хлеб 748

17 мясо 154

крупа 99

гречн. 80

пост<ное> масло 150

28 провизия 17 – 30

Карточки 80

<Провизия> 1000

5 мая

квартира

горох за мною

взято моих денег 20 р.

Без сахара мы можем обойтись,
 Без лука же, как ни вертись,
 Нет-нет, без лука
 В желудке скука,
 Как, например, в С.С.С.Р
 Бывают рыбы
 Большие глыбы,
 За луком же несись, ищи, авось
 Найдется где лучок. Без лука рыбку брось.
 Без лука кто уху хлебает, да и суп,
 Лишь тот, кто глуп... Селедка
 Без лука то ж, что злая тетка.¹⁴

¹ Аббревиатура в заглавии – О.з.с.ж. – не поддается расшифровке, но на обложке тетради есть запись автора: «Басня из детской жизни Хвастун и Лгун». Басни для детей Гриневская писала в начале 1930-х гг., когда вела детскую театральную студию. Различные варианты басен советского периода сохранились в ее архиве (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 38).

² *Степанова Мария Степановна* – домработница и помощница И. А. Гриневской, жила у нее с конца 1930-х гг. В своем завещании Гриневская все имущество и деньги от продажи архива отдает ей.

³ Владимирский проспект, который одно время назывался Владимирской улицей, в октябре 1918 г. был переименован в пр. Нахимсона; 13 янв. 1944 г. ему было возвращено прежнее название – Владимирский.

⁴ *Класс* – фамилия зам. начальника ПВХО дома № 12 по пр. Нахимсона, эта подпись стоит на пропуске в бомбоубежище.

⁵ Речь идет о статье М. Кропачевой «Против антисемитов – агентов фашизма», опубликованной в «Ленинградской правде» (1941. 25 сент. № 229. С. 2). Главными в ней были следующие строки: «Антисемитизм всегда был в истории оружием реакции и контрреволюции. Фашизм начинается с антисемитизма. <...> Советские люди никогда не станут рабами фашизма! Тот, кто посягает на дружбу народов, посягает на само существо советской власти. Вот почему антисемит – предатель народа. Змеиным ядом антисемитизма не отравить фашистам благородную душу русского народа!».

В течение 1941–1943 гг. советским правительством принимались специальные постановления по борьбе с антисемитизмом и антисоветской пропагандой, так как фашисты с помощью своих агентов и печатных листовок пытались убедить население в том, что война ведется против евреев и коммунистов. Таким образом антисемитская пропаганда становилась антикоммунистической, и партийная власть боялась антисемитских настроений, которые до войны находились лишь на бытовом уровне (подробнее см.: Об антисемитизме в период войны // *Ломажин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2004. Кн. 2. С. 127, 223.)

⁶ Упомянуты неуставленные лица.

⁷ «Довольно, господа! Установим мир вместе. Будьте милосердны к настоящему и будущему миллионов людей, для которых цели и причины вашей позорной схватки не имеют смысла» (англ.).

⁸ Речь идет о двух статьях Гринева, опубликованных в «Петроградской газете» (ее редакция находилась по соседству – в доме 12 на Владимирской ул.). В статье «В хвостах» (1917. 13 июля. № 161. С. 1) автор предлагает продовольствие по карточкам получать через домовые распределительные пункты и кооперативы, т. е. не каждому жителю долго стоять в очереди, а одному ответственному лицу (например, управдому) получать продукты на весь дом.

В следующей статье «Наш хвост» (Петроградская газета. 1917. 22 сент. № 223. С. 4) говорится уже о практической пользе от выступления Гринева: на углу Стремянной и Владимирской улиц образован Владимирский кооператив, и теперь «известному, точно определенному количеству пайщиков назначены для получения хлеба, а также и для получения иных продуктов свой час, своя очередь». Газетные вырезки с этими статьями сохранились в архиве их автора (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 21, л. 22–23).

⁹ Фрагмент письма П. С. Попкову, полный текст которого также сохранился в архиве Гринева:

Глубокоуважаемый Товарищ. 20 декабря этого года я позволила себе послать Вам письмо с просьбой помочь мне в моей нужде. К письму была приложена копия Отзыва обо мне, подписанного известными академиками и профессорами с быв. президентом Академии наук во главе А. П. Карпинским. В отзыве говорится о моих литературных заслугах, имеющих государственное значение. На мою просьбу не получила ответа. Не знаю, дошла ли она до Вас. В случае, если она дошла до Вас, считаю нужным тут сказать о себе следующее. В первые давнишние годы разрухи и голода после Октябрьской революции, когда масса интеллигентов покинула наш город, бежав за границу или переезжая в хлебные, более удобные для жизни места, я его не оставила, а всеми силами старалась с не очень многими группами поддержать в нем едва тлевший очаг культуры.

Вернувшись с концертных поездок, совершенных мною как декламатор с группой музыкантов на двух фронтах до Витебска и до Рыбинска, я стала давать уроки в драматических студиях декламации и практики сцены и читать лекции по истории русского театра, причем ставила с моими учениками спектакли не только в студиях, но и в театрах (в трамвайном парке, в Олимпии).

Ввиду загромождения трамваев публикой я ими пользоваться не могла и в мои студии совершала походы на громадных расстояниях пешком во всякие погоды и по неосвещенным улицам. Деятельность моя длилась до 23–24 года. Хочу надеяться, что Вы, как Председатель Совета нашего славного города, сочтете эту мою деятельность в заслугу и захотите продлить мои дни, дав мне возможность получить бытовую помощь, которую я могла бы оплатить более значительным пайком, а также дать мне возможность получить для моего очага топливо, без которого могу погибнуть. А в помещении моем находится мой архив, который, как утверждается в прилагаемой копии Справки, представляет собою большую культурную ценность, следовательно, имеет государственный интерес, подлежащий охране от могущих расхитителей, и я являюсь теперь не только работником над этим архивом, но и зорким его хранителем. За все последние годы я посылала труды над архивом в виде очерков в Гослитмузей Москвы, за которые я получала плату. Последний труд мой послан 21 июня 1942 г. (это описка, имеется в виду 1941 г. – Е. В.).

Я позволю себе довести до Вашего сведения еще о следующем – что, смею думать, Вы сочтете за заслугу по отношению к управляемому Вами городу Ленина. В упомянутые годы голода и разрухи я, напечатав в популярной газете статью «Хвосты» (так назывались очереди), в которой говорилось о вреде их для государства, я создала уполномоченных тогда еще Владимирской улицы (ныне пр. Нахимсона) и по моей инициативе и при моем содействии был создан «1-й кооператив исключительно Владимирской улицы». Благодаря предложенному мной способу распределения продуктов никаких «хвостов» не было, о чем я оповестила в газете статьей под шуточным заглавием «Наш хвост». Между прочим, способ этот можно было бы применить и теперь во многих случаях. С глубоким почтением

И. Гриневская. 27 января 1942 г.

пр. Нахимсона д. 10, кв. 32

Изабелла Аркадьевна Гриневская (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 66, л. 76–77).

Сохранилась и одна из справок о дровах, «Копия справки домхоза»:

Выдано гр-ке Гриневской И. А., персональной пенсионерке, за литературные заслуги. Писатель и поэт, проживающий в д. № 10 кв. 32 по пр. Нахимсона, в которой помещается архив, признанный важным в государственном значении, над которой сама работает и охраняет – лишена дров, и д/х 197 не имеет возможности предоставить талон на дрова из-за отсутствия талонов на дрова. Талона на дрова не выдавал.

Управхоз 26.Ш.42 г. (Там же, № 67, л. 83).

¹⁰ Помета Гриневской. Запись письма обрывается, но в архиве писательницы сохранились черновики ее обращений к Жданову. В них нет никаких подтверждений тому, что приходил какой-то человек по указанию А. А. Жданова. Возможно, это был визит служащего НКВД в связи с ее письмом в Иран. Во всяком случае, в архиве остались только те обращения к Жданову, которые писались позже упомянутого визита, последнее – 25 апр. 1942 г. с мольбой заменить вторую категорию пайка на первую:

«Глубокоуважаемый товарищ Жданов.

Хотя Вы теперь обременены небывало большими, великого значения делами, но для избранного судьбой выдающегося лица нести бремя больших дел – нет малых дел, которые ведь являются частицами этих больших дел, нередко существенными, значение которых обнаруживается не сразу, а впоследствии. Вот почему я позволю себе беспокоить Вас теперь собой, этой весьма малой частицей великого дела культуры, одного из дел, обременяющих Вас теперь и которые Вы всегда считали нужным и возможным охранять и поддерживать его процветание, защищая интересы и жизни его составляющих частиц. Я говорю здесь об одной из этих частиц, о себе. <...> Я голодаю и не получаю никакой поддержки от наших учреждений. Я голодаю, ибо из моего пайка II категории я принуждена уделять хлеб за бытовые услуги, без которых по моему возрасту и слабому здоровью обойтись совсем не могу, без этой помощи я бы уже давно погибла. Глубокоуважаемый товарищ Жданов, взываю к Вам о помощи, и могла бы даже сказать, о скорой, чтобы мне не умереть от голода, чтобы мне не пришлось воскликнуть, как сказано в моем последнем стихотворении: „Вот моего пути бесславнейший конец!“ Умоляю Вас назначить мне I-ую категорию, которую Вы бы мне назначили даже за мои заслуги как общественника <...> С истинным глубоким уважением Изабелла Гриневская» (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 66. 80–82).

¹¹ Это конец письма Гриневской в Иран. Его адресат – персидский принц Джагамбони, давний ее знакомый из Ирана, который учился в Петербурге в артиллерий-

ском училище. С ним она дружила и после его отъезда переписывалась вплоть до начала 1930-х гг. Приводим часть текста этого письма ниже.

17 декабря 1941 г.

Ленинград, пр. Нахимсона, д. 10, кв. 32

Изабелла Аркадьевна Гриневская

Дорогой друг,

Пишу Вам после долгого молчания, дорогой мой друг. Не писала Вам по причинам, о которых в эти дни переживаемой нашей страной войны напрасно и тяжело говорить. Вы, конечно, верите, что я не переставала думать о Вас. Есть дружеские связи, никогда не забываемые. Перечитываю часто и со слезами подаренные Вами мне Ваши строки Ваших воспоминаний, подаренные мне в награду за мои сочинения «Баб» и «Бега Улла», говорившие столь много Вашему большому уму и благородному, любящему Вашу родину сердцу. <...> Вот теперь, дорогой друг, автор этих книг нуждается в самом важном для поддержания жизни, а именно в хлебе, продуктах питания, и не потому, что государство мое не дает мне для этого средств, а потому, что враг обложил наш город.

В эту очень тяжелую минуту я все-таки думаю, что если бы из Москвы Иранское посольство захотело мне кое-что доставить, это могло бы меня спасти от преждевременной гибели. А у меня есть еще что сказать важное и о Вашей стране, которую я так хорошо поняла и полюбила, и сказано уже, но не издано в моем «Путешествии в Край Солнца».

Не можете ли просить об этом Ваше посольство по телеграфу?

Я уверена, если только Вы здоровы, Вы сделаете все, чтобы поддержать мою жизнь.

Всегда высоко ценивший и сердечно любивший Вас друг

Изабелла Гриневская. <...> (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 109).

Письмо задержали, о чем свидетельствует письмо востоковеда И. Ю. Крачковского Гриневской от 2 янв. 1942 г. (ему Гриневская также написала с просьбой посодействовать отправке ее письма в Иран). В своем письме академик вежливо сообщает о том, что спецотдел Академии наук считает нежелательным получение такой посылки (РО ИРЛИ, ф.55, оп.2, № 704). Вероятно, он не мог откровенно сказать, что об отправке письма в Иран, принявший сторону Германии, не могло быть и речи, тем более с просьбой о помощи.

¹² Эти молитвы написаны очень бледными чернилами, с трудом читаются, написаны не Гриневской, а неизвестным лицом.

¹³ Из этих записей мы видим, что хлеб в октябре 1941 г. покупался 5 раз, даже подавался бедным. Цифры – цены продуктов, в которых автор дневника не всегда отделял сотые доли, т. е., вероятно, здесь следует читать 100 как 10,0 руб. В дальнейших записях цифры действительно могут быть очень большими: люди покупали продукты на рынке, продавая или выменивая на них какие-то вещи.

¹⁴ Стихотворение написано на клочке бумаги и вложено в тетрадь, не датировано.

«...ТАК ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ!»: БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК И. Ф. КРАТТА

(Публикация А. В. Сысоевой)

Судьба писателя и военного корреспондента Ивана Федоровича Кратта (1899–1950) в блокадном городе оказалась удачной: выжили и он, и жена. Для дневника, который Кратт начал вести 21 окт. 1941 г., характерен оптимистичный тон. Он верил в освобождение, говорил о необходимости быть сильным духом, чтобы выжить. В дневнике нет ничего, что могло бы не пройти цензуру; писатель полностью поддерживал власть, хотя и был беспартийным.

Кратт уже участвовал в двух войнах, работая по линии пропаганды: в 1919–1920 гг. был инструктором в Красной Армии по культурно-просветительской работе Политического управления округа; во время Финской войны «служил военным писателем», за что получил грамоту Военного Совета. В первые же дни Великой Отечественной войны, 4 июля, Кратт выступил на митинге писателей, призывая идти в народное ополчение, и в тот же день записался добровольцем. Его убеждения, несомненно, помогали пережить блокаду.

Военная служба представлялась ему менее продуктивной и привлекательной, чем литературная деятельность. Судя по записи от конца ноября–начала декабря 1941 г., он разочаровался в идее ополчения: «Разве не нужнее десятка три писателей, нужных стране там, за блокадой, и в дальнейшем, чем эти три десятка негодных вояк? Практика уже показала с писательским ополчением».¹ В июне 1943 г. во время мобилизации Кратт был взят в армию рядовым, хотя имел звание интенданта 2 ранга. Положение рядового не позволяло работать по специальности и мешало назначению его заведующим отделом прозы в журн. «Звезда», о котором ходатайствовало Ленинград-

¹ Кратт И. Ф. Дневниковые записи о блокадном Ленинграде и о последних днях Великой Отечественной войны // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 500, л. 1 об. Текст дневника приведен в данной публикации, потому цитаты из него в дальнейшем приводятся без пояснений.

ское отделение Союза писателей (далее – ЛО СП). К решению вопроса был привлечен секретарь Союза советских писателей (далее – ССП) СССР А. А. Фадеев, сам Кратт писал Председателю Всесоюзного радиокомитета Д. А. Поликарпову и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома А. А. Жданову,² но остался рядовым и был демобилизован 11 июля 1945 г.³

Сложности военного времени не повлияли на общий тон записей. Кратт даже отказался эвакуироваться в начале декабря 1941 г. А в конце месяца в дневнике он писал: «Вставать радостно. Ждешь нового дня, как события. Кажется так интересно жить! Ведь живем в необычное время. Мы участники замечательных страниц истории. Одно плохо: движешься с трудом и страшно становится расстояний. Но голова работает. Хочется, как никогда, писать». От тяжелых мыслей во многом отвлекала погруженность в работу: «Иногда думаю о романе как о единственной отдушине среди жестокой действительности. Работаю – отдыхаю». Творческая активность Кратта зафиксирована в составленном им списке созданных в годы войны произведений, – это сборники рассказов, повести и роман. Но не все его работы вошли в 9 пунктов списка: «Помимо этого рассказы и очерки печатались в журналах „Звезда“, „Ленинград“, „Литературный современник“, „Костер“, газетах фронтовых и городских, сборниках „Родина зовет“ № 1, 2 и 3, „Ленинград 44 г.“ и др.

В 1941–1943 свыше 50 статей и фельетонов для радио, около ста выступлений на фронте, заводах и госпиталях. Написаны истории двух воинских частей. Кроме того, заканчиваю вторую книгу о связистах».⁴

С начала войны Кратт служил военным корреспондентом Телеграфного агентства Советского Союза, входил в Правление и Президиум ЛО СП; в июне 1942 г. ему предложили войти в Правление Пушкинского общества. Любимая работа, а также ощущение значимости происходящих событий, мысль об участии в создании истории поддерживали писателя. Конечно, выжить помогло и то, что Кратт работал сразу в нескольких местах. При этом он сумел не только воплотить в жизнь довоенные замыслы, но и написать новые актуальные произведения, в первую очередь рассказы и очерки о войне. Они были востребованы, а писатель прикреплен к столовой ССП; ему как

² Кратт И. Ф. 1) Письмо Д. А. Поликарпову // Там же, ед. хр. 346; 2) Письмо А. А. Жданову // Там же, ед. хр. 327.

³ Направление демобилизованного Кратта И. Ф. // Там же, ед. хр. 507, л. 61.

⁴ Кратт И. Ф. Список книг, написанных им за годы Отечественной войны // Там же, ед. хр. 497, л. 1.

активному члену Правления ССП иногда выдавали дополнительное снабжение; он получал приглашения на торжественные заседания в честь государственных праздников; уже после первой тяжелой зимы был вместе с женой командирован в Москву и Вологодскую область.

В дневнике речь идет и об организации так называемых «устных альманахов». Судя по «Книжной летописи», в апреле 1941 г. Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», в котором работал Кратт, выпустило в том числе под его редакцией «Ленинградский альманах» с произведениями ленинградских авторов (Кратт поместил там свои рассказы; в сборник вошли также стихотворения упоминаемых в дневнике А. Прокофьева, С. Спасского, рассказы Г. С. Гора, и др.). Рецензент сборника отметил, что «это первый номер из задуманной Издательством постоянной серии. Следующий номер выйдет в конце 1941 г.»⁵ Война не дала продолжиться серии. Но «устный альманах», названный Краттом вторым, обсуждался им с Гором тогда, когда предполагался выход в свет второго печатного альманаха. Видимо, «устные альманахи» представлялись заменой планировавшимся изначально печатным, и Кратт собирал поэтов для чтения своих произведений. Предновогодний альманах 29 дек. 1941 г. даже завершился обедом в ресторане Дома писателя им. Маяковского.⁶

И работа, и быт автора дневника связаны с ССП. Жил Кратт в доме 9 по каналу Грибоедова. К 1935 г. к зданию были достроены два этажа, и эта надстройка, включающая в себя 56 квартир, была передана писательскому кооперативу с 1 июня 1935 г., в нее сразу въехало 60 писательских семей. В доме жили Л. И. Борисов, Б. С. Житков, М. М. Зоценко, В. А. Каверин, В. К. Кетлинская, М. И. Козаков, Л. И. Раковский, В. А. Рождественский, В. М. Саянов, М. Л. Слонимский, И. С. Соколов-Микитов, О. Д. Форш, Е. Л. Шварц, В. Я. Шишков и мн. др. Надстройка была сделана плохо (о холоде именно в ней регулярно сообщал в дневнике Кратт, в его же архиве сохранилась выписка из приказа Ленинградского отделения Литературного фонда от 28 нояб. 1944 г. об отстранении коменданта надстройки от должности, поскольку она не приводила помещения в порядок⁷), была тес-

⁵ Б. н. Ленинградский альманах. Рецензия // Там же, ед. хр. 539, л. 2. В следующий раз сборник с таким же названием вышел в 1945 г. в «Лениздате». Он начал серию, составившую 11 книг (5 двоек) и завершившуюся в 1959 г. книгой № 16–17.

⁶ Подробнее об альманахах см. в воспоминаниях: Лукницкий П. Н. Ленинград действует. М., 1961. С. 390–391, 494 (записи от 15 нояб. и 29 дек. 1941 г.).

⁷ Кратт И. Ф. Материалы, связанные с его квартирой в надстройке Литфонда // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 538, л. 18.

ной, два ее этажа по высоте соответствовали одному этажу остального дома. Кратт сначала жил в квартире 14, но после того, как в здание под ней попал снаряд, его перевели в квартиру 78, практически нежилую, и в 1943–1944 гг. ему пришлось делать обширный ремонт стоимостью в 12 100 руб.⁸

В дневнике не вставал обычный для тяжелого времени вопрос безденежья. Но появлялись темы, характерные для многих других блокадных записей: Кратт сообщал о нормах выдачи хлеба, о стоимости еды на рынке, о высокой смертности и опасности чумы из-за трупов на улицах, о прекращении трамвайного движения и молчании радио, об обстрелах и о бомбоубежище. Конечно, в документе нашли отражение и приметы личного быта (холод, плохое освещение, замерзающие чернила), и события из жизни писателя (контузия снарядом по пути в Союз, вражеский обстрел и попадание в дом Кратта, когда он сидел в своей комнате и работал).

В записях Кратта нашла отражение специфика его труда, он фиксировал значимые события литературной деятельности: работу над первой частью романа-трилогии «Америка» (вариант названия – «Русская Америка», при публикации – «Великий Океан») и рассказом «Закон жизни», замысел которого вскоре расширился, и писатель создал одноименный сборник рассказов. Обе работы Кратт ценил высоко. Скорее всего, именно о «Законе жизни» в письме к Поликарпову от 1 июня 1944 г. он сообщал: «единственная книжка прозы в самые тяжелые дни города была выпущена мной».⁹ Видимо, об этой же книге идет речь в письме австралийской писательнице-коммунистке Катарине Сусанне Причард, посещавшей Советский Союз в 1933 г., постоянной корреспондентке журн. «Интернациональная литература». Приведем черновик письма, сохранившийся в архиве писателя, полностью, поскольку он может дополнить дневник:¹⁰

«Уважаемая госпожа Причард!

Два года назад в журнале „Интернациональная литература“ было опубликовано Ваше письмо о классической и современной русской

⁸ Там же, л. 14.

⁹ *Кратт И. Ф.* Письмо Д. А. Поликарпову. Л. 1.

¹⁰ *Кратт И. Ф.* Письмо Причард (Prichard) Катарине Сусанне // Там же, ед. хр. 347, л. 1. Здесь и далее при цитатах из архивных источников используются следующие условные обозначения: в квадратных скобках [] помещается зачеркнутый фрагмент, в косых \ / – вставки в текст, в угловых < > приведены пояснения публикатора. В письме Причард показана не вся правка, а только характерная. Можно заметить, что Кратт несколько смягчил описание бедственного положения города.

литературе. В этом письме Вы писали и о моей новелле „Каюр“ («Мульта»)¹¹ Кроме того, я узнал, что обо мне упомянули и на Вашей ноябрьской конференции прошлого года.¹²

Сейчас я живу в Ленинграде, городе, который никогда не сдается фашистам, и вместе со всеми писателями стараюсь быть достойным его защитником.

Ленинград – фронт. На передовые линии мы ездим в трамвае, но обстрелы вражеских батарей, блокада не могут помешать нам работать. Посылаю Вам свою маленькую книжку военных рассказов, выпущенную в осажденном Ленинграде в самые суровые и трудные дни, в стужу, в бомбежки, [когда не хватало электрической энергии и] \когда/ книги \иной раз/ печатались вручную, при свете коптилок. Но город не прекращал ни на минуту своей напряженной и прекрасной жизни.

Шлю Вам далекий, искренний привет соратнику в борьбе против гитл<еровской> Германии.

Мы победим!

Ив. Кратт

6/Х 42 г. Ленинград»

Письмо выдержано в тоне официальных отчетов, потому что оно было обращено к зарубежному адресату. Для нас важна в этом случае не автоцензура, а то, что писатель стремился поддерживать связь с внешним миром, хотел заявить, что и он, и город не сдаются. Видимо, свою книгу военных рассказов он воспринимал как вызов врагу. Но книга была подписана в печать в июне 1942 г., а в письме речь идет о стуже. Возможно, зимой был начат набор. К сожалению, нет точной

¹¹ «Недавно я выступила в Обществе австралийских писателей с лекцией о классической и современной русской литературе. <...> Мною был отмечен также рассказ Кратта „Каюр“, который я считаю замечательным образцом новеллы» (*Причард К. С.* Письмо в редакцию // *Интернациональная литература.* 1940. № 7–8. С. 318). Журнал был подписан к печати только 30 сент. – 16 окт. 1940 г., так что, несмотря на то что в 1940 г. было подготовлено еще два сдвоенных номера, № 7–8 действительно вышел примерно за два года до даты составления письма. Рассказ «Каюр», как и большинство довоенных произведений Кратта, посвящен народам Севера. Это произведение о погонщике собак, совершившем героический поступок, догоняя по пурге ведущего перепиш населения человека, чтобы сообщить ему о рождении не внесенного в список ребенка.

¹² Об этой конференции см.: *Причард К. С.* Голос народа Австралии // *Интернациональная литература.* 1942. № 6. С. 146. Но в заметке Причард не идет речь о содержании ее доклада и об упоминании в нем Кратта. Откуда писатель получил эти сведения, неизвестно.

информации о времени выхода сборника – в годы войны страдала обычная система регистрации книг, в «Книжной летописи» за 1942 г. не зафиксирована ни одна книга Кратта, увидевшая свет в Ленинграде. В списке, составленном писателем, есть еще три книги, выпущенные в 1941–1942 гг. Но две из них вышли уже летом 1941 г., а третья, «Балтийские рассказы», была выпущена в Москве. Все же обращение к сборнику в составленной им для Совинформбюро биографии («Во время осады Ленинграда им написана книга рассказов „Закон жизни“, единственная книга художественной прозы, вышедшая в те месяцы в осажденном городе»¹³) позволяет с высокой степенью уверенности утверждать, что о нем же Кратт сообщал Поликарпову и послал его Причард.

Не менее знаковым произведением был роман на тему истории России, начатый в мирное время, «Остров Баранова». Запись о его окончании оказалась одной из пяти в блокноте после февраля 1942 г., причем четыре оставшихся были посвящены прорыву и снятию блокады и Победе в войне. Судьба романа оказалась тесно связана с войной, Кратт говорил на обсуждении этого произведения: «Половина романа написана до войны. 22 июня 41 г. Н. П. Вагнер¹⁴ в 12 часов мне сообщил, что объявлена война. Я писал, кончил одну из глав, и тогда это известие даже не дошло до меня, и только потом пришлось прекратить работу на полгода. Во время блокады я продолжал писать».¹⁵ Действительно, в фонде Кратта сохранился читательский билет Публичной библиотеки за 1941 и 1942 гг., – писатель собирал материал, читая и копируя исторические книги, сборники документов. Судя по отзыву рецензента А. А. Садовского от 27 июня 1944 г. и редактора М. М. Зощенко от 3 нояб. 1944 г., роману требовалась серьезная доработка. Для того чтобы предоставить служившему рядовым писателю возможность ее осуществить, понадобилась телеграмма директора Гослитиздата П. И. Чагина и договоренность с секретарем горкома А. И. Махановым.¹⁶ Переписка с рецензентом приходится на 1944–1946 гг.¹⁷ Длительная работа над произведением не прошла даром – в историю литературы писатель вошел как автор романа об ос-

¹³ Кратт И. Ф. Биография // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 494, л. 1.

¹⁴ Вагнер Николай Петрович (1897–1988), см. примеч. 84 на с. 344.

¹⁵ Заседание секции прозаиков. Обсуждение романа И. Ф. Кратта «Остров Баранова». Стенографический отчет // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 563, л. 5.

¹⁶ Кратт И. Ф. Разные документы, связанные с его литературной и общественной деятельностью // Там же, ед. хр. 507, л. 54–60. Маханов Александр Иванович – секретарь Ленинградского горкома партии.

¹⁷ Садовский А. А. Письма (8) и телеграммы (2) Кратту И. Ф. // Там же, ед. хр. 448; Кратт И. Ф. Письмо Садовскому А. А. // Там же, ед. хр. 348.

воени русскими первопроходцами Аляски «Великий океан», первой частью которого был «Остров Баранова».

Столь многообразное содержание дневника было изложено кратко и в очень спокойном тоне. Подобно спокойствию в моменты смертельной опасности (из дневника известно, что в бомбоубежище во время налетов Кратт с женой не ходили) отношение к событиям и сценам из жизни: слабо выражены эмоции, почти нет оценки происходящего, нет жалоб. Кратт выступал скорее как хроникер. Даже случаи поедания кошек и людоедства просто фиксировались. На этом фоне необычным выглядит негодование по поводу отношения к еде: в столовой ССП «рвутся к обеду, как свиньи к корыту». Кратт отмечал, что его коллеги перестали смущаться, выпрашивали и выменивали карточки. Сильно его задевало то, что члены Союза писателей опустили и не следят за собой. Видимо, Кратт считал, что такое поведение не соответствует моральным принципам, которые должны быть присущи интеллигентному человеку. Отдельная запись посвящена тому, что ленинградки перестали наряжаться, ходят в мужской одежде. Кажется, писатель пытался уловить и перечислить различия между мирным временем и войной, в первую очередь проявленные в поведении окружающих. Главным для Кратта, судя по композиции дневника, оказалось все-таки отношение не к еде, а к смерти. Равнодушие к смерти близких описано в нескольких сценках из жизни, одной из них и заканчивается основная часть документа. Писатель подвел черту под диалогом двух женщин о своих потерях: «Смерть стала привычной». Запись без даты, но по контексту ее можно отнести к середине февраля 1942 г. После этого писатель обращался к блокноту очень редко, только для того, чтобы отметить самые значительные события жизни.

Дневник можно рассматривать не только как источник биографической информации, данной сквозь призму оценок автора, но и как рабочие материалы писателя – военного корреспондента. Он включает подслушанные диалоги, сценки из жизни. Судя по архиву Кратта, писатель часто собирал материал для произведений, беседуя с очевидцами, и работы его носили в большой степени документальный характер. Так, две записи дневника посвящены «дороге жизни». Уже в годы войны Кратт начал работать над повестью о ее создании. Он общался с бойцами, прокладывавшими путь через Ладогу, собирал о нем газетные статьи (от 10–14 мая 1942 г.) и фотографии,¹⁸ т. е. действовал как кор-

¹⁸ В фонде Кратта сохранилось 5 номеров газет и вырезок (Там же, ед. хр. 62); а также датированные 1942–1943 гг. фотографии перевалочной базы и майора М. Х. Абдурахманова, героя Ладожской кампании (Там же, ед. хр. 63₁, 63₂).

респондент, но в результате написал не очерк или статью, а повесть «Суровый берег» (Л., 1947). Вероятно, записи, относящиеся к началу декабря 1941 г., фиксируют возникновение замысла произведения. В повести даны и яркие картины блокадного города, и резко негативная оценка наживающихся на голоде людей. Речи о них в дневнике нет.¹⁹

Записи, приобретенные для Рукописного отдела Института русской литературы у вдовы писателя в 1966 г., велись в блокноте формата 144 × 203 мм мелким почерком чернилами и карандашом. Часть их датирована, часть оставлена без даты, они отграничены друг от друга небольшой чертой по центру. При публикации разделители были сохранены, а также добавлены для единообразия оформления недостающие (писатель не всегда обозначал конец записи, если тот совпадал с концом листа или следующая строка начиналась датой). В начале дневника текст помещен в две колонки. Судя по датированным записям, писатель мог поочередно писать то в правой, то в левой колонке; более того, он мог начать работать на новом листе, а следующую запись поместить в конце предыдущего. Возможно, это было связано с экономией бумаги. Хотя исписано оказалось всего 7 листов из 94, что говорит о том, что дневник должен был быть по первоначальному замыслу более подробным. Начиная с 25 дек. 1941 г. записи велись подряд и занимали всю ширину листа, проблем с их распределением в хронологическом порядке не возникло. Первые же записи датированы приблизительно по содержанию, и их расположение при публикации является условным. В некоторых случаях записи дневникового характера военного времени Кратт вел на отдельных листах меньшего формата (75 × 129 мм) с отверстиями для прошивки их в блокнот.²⁰ В фонде писателя сохранились такие блокноты с записями разных лет и подготовительными материалами к произведениям, т. е. подобные листы Кратт регулярно брал с собой. Записи на отдельных листах делались, когда писатель находился вне дома (в поездках, в госпитале). Они опубликованы наряду с текстом из блокнота. Перед такой записью дается пояснение в угловых скобках «на отдельном листе». Если кроме датированной записи на листе есть

¹⁹ О цензурной истории повести подробнее см.: И. Ф. Кратт. «Суровый берег». Запрещенная повесть (Публикация А. В. Сысоевой) // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. С. 298–309.

²⁰ Кратт И. Ф. Записные книжки (12) // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 501, л. 395–399.

недатированные, они приводятся вместе. Возвращение к основному корпусу отмечено надписью в угловых скобках «в блокноте».

Текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации. Незначительная стилистическая авторская правка и исправления описок приведены без оговорок, вся смысловая правка показана с помощью условных обозначений. Соблюдены авторские отступы красных строк и абзацев.

21/X 41 Ленинград.

Курьерша, услышав артиллерийскую стрельбу, беспокоится [, кто стреляет].

– Это наши, – отвечают ей.

– Наши? Ну, господи, помоги им. Царица небесная...

И крестится.

Заваленный взрывом дома, чувствуя, что крошатся от удара зубы, хочет вынуть золотые коронки. Чтобы не погибли, потом теряет сознание.

Убит Игорь Побуковский.¹

Мина взорвалась, когда он подвозил снаряды. Ранение в брюшину, скоро умер.

Не мог ничего сказать в утешение его жене.

Жаль бедного Игоря. В его смерти виноваты Кетлинская² и Черных.³ Они буквально заставили идти его в рабочий отряд.

Эвакуируются издательства, театры. Нет тока, машины нужно пускать вручную. Скоро закроются, конечно, журналы. А писателям эвакуироваться нельзя – «позор». Что же им делать?

Для обороны города они не годятся, писать некуда и не могут. Истощены. Разве не нужнее десятка три писателей, нужных стране там, за блокадой, и в дальнейшем, чем эти три десятка негодных во-як? Практика уже показала с \писательским/ ополчением.⁴

В столовой опять появились какие-то старухи с голодными глазами, темными неумытыми лицами. Они появляются в Союзе только во время бедствий.

С 20/XI хлеб по карточкам для служащих и иждивенцев 125 гр. в день. Рабочим 250 гр.

27/XI <1941 г.> Военторг пригласил нас – меня, Шварца, Груздева, Спасского, Берггольц (Вера Инбер заболела)⁵ – почитать что-нибудь командирам штаба. Главное, покормить нас.

Когда ужинали, мы, еще стесняясь, незаметно спрятали по 2 маленьких кусочка хлеба. И ели, сколько могли. Хлеб подавался в общих тарелках.

Писатели, \вернее, околотерат<урные> люди,/ приходят в столовую с утра.

Особенно Сторицын.⁶ Ждут и ссорятся. Обед начинается в 1 час.

1/XII <1941 г.> в 12³⁰

Снарядом меня контузило, когда шел в Союз. Снаряд упал в канал против церкви Спаса на Крови. Меня швырнуло, залило водой, легкая рана на щеке. Сохранил большой осколок, упавший рядом. Он был еще теплый.

2/XII <1941 г.> Груздев сообщил мне, что Попков (уполн<омоченный> СНК и председатель Ленисполкома)⁷ разрешил отправить на самолетах человек 10 писателей. В том числе и меня. Отлет 4го. Я пока воздержался. До сих пор я все еще чувствую ответственность перед товарищами и, кроме того, куда ехать?

Шварц и Спасский охотно согласились.

4/XII <1941 г.> Два дня в Союзе толкуются люди, хотят эвакуироваться и жадно ищут заявления.

5/XII <1941 г.> Шварц получил эвакуировочное свидетельство. Возможно, улетает после 7го.⁸ Спасский – пока нет. Кетлинская, вероятно, наклеузничала в Горком и там взялись пересмотреть список.

5/XII <1941 г.>

Сегодня Островский⁹ собирался домой поскорее, чтобы есть кошку. Он поймал ее на лестнице, убил молотком, освежевал. Получилось кило три мяса. Жена стушила. Говорят, мясо кошки не очень плохое. Можно есть.

Немцы часто меняют тактику обстрела и бомбежек. Первые дни декабря тревога продолжалась 5–6 часов. Начиналась почти одинаково в 12 ч. дня. Зато ночью был только обстрел.

Теперь, с 4го тревога прерывается несколько раз за день и часто бывает раза три ночью.

Люди уходят из города пешком, через Ладожское озеро. Холод, ветер, обстрелы. Идут в белых халатах, в белых чехлах вещи.

Путь «пешеходно-бомбежный» около 300 километров. Часть дороги, говорят, можно проехать на машинах, подвозящих в город продовольствие. (Мало, незаметно его.)

Что будет? Нервы издергались, нет у многих силы воли.

Нина¹⁰ часто спит, не раздеваясь. В бомбоубежище почти не ходит. Разве, когда тащит ее Римма,¹¹ или приходит напуганный Геннадий.¹²

Я не хожу вниз.

Пещерные жители.

У нас в доме пока еще тепло, есть вода и свет. Но с декабря уголь весь будет только для заводов, дома ничего не получат. Свет не горит у многих. Страшнее голода – холод.

Талонов на крупу (в столовой) часто не хватает до конца месяца. Люди меняют друг у друга, выпрашивают, занимают. Уже никто не стыдится.

На самолетах в ноябре эвакуировали не только рабочих заводов, но и их семьи. Аэродром похож на вокзал III класса.

Женщины с узлами, тюками, рев детей. Многие тащат с собой швейные машинки, хотя вес багажа на человека до 20 кг. Обычное российское «богатство» – машинка! Потом приходится бросать.

6/XII <1941 г.> Сегодня совсем не было тревог.

7/XII <1941 г.> Сегодня воздушных тревог тоже не было. Зато происходил сильный артиллерийский обстрел с 6 до 10 вечера (наш район), а потом ночью.

Наверное, немцы в связи с объявлением Англией войны Финляндии оттянули на север свои воздушные силы. Их здесь под Ленинградом немного. Над городом летает 5–6 самолетов.

<на отдельном листе:>

10го декабря <1941 г.>. Сегодня под Тихвином разгромлена группа генерала Шмидта.¹³

Тихвин освобожден. Убито до 7000 немцев.

Это первая крупная победа на нашем участке за последние <меся>цы войны.

Настроение поднялось сразу. Затихли даже разговоры об эвакуации.

Пять дней уже нет воздушных тревог.

Хорошо было бы, если бы так продолжалось по возможности дольше.

<в блокноте: >

24/XII <1941 г.> Сегодня была утром воздушная тревога в первый раз за все эти дни. Звучит странно, но люди идут. Никто не стремится в бомбоубежище. Правда, налета, как видно, не было. Тихо все прошло.

24/XII <1941 г.> В надстройке холодно.

Сидим на кухнях около маленьких «буржук».

Необычно звучит снизу рояль в 12 ч. ночи.

Свет у нас пока есть, но лимит 1 ½ клв. в сутки. А я сжигаю 7. И то только на освещение.

Зато с Гором разработали план 2го альманаха (устного).¹⁴

Хочется поговорить о литературе.

24/XII <1941 г.> Люди здорово мрут.

У нас в надстройке 4 покойника. Похоронить трудно. Вырыть яму 500 р. или за 2 кило хлеба. Гробов нет. Хоронят в одеялах, мешках. Везут на саночках.

Отощали все. В учреждениях холодно, темно, много не выходит на работу. «Умер».

Умирают тихо, в постели, иной раз на улице. Часто в пути просят довести домой.

Сегодня ночью умер Валов.¹⁵ Он так и не ушел из дома писателя. Остался в общежитии МПВО.¹⁶ Умер во сне в 12 ч. ночи.

Вчера еще просил карточку 1^й катег<ории>.¹⁷ Ему вчера же и разрешили.

Трамваи почти не ходят. Порваны провода, некому чинить. Нет тока.¹⁸

Вставать радостно. Ждешь нового дня, как события. Кажется так интересно жить! Ведь живем в необычное время. Мы участники замечательных страниц истории. Одно плохо: движешься с трудом и страшно становится расстояний. Но голова работает. Хочется, как никогда, писать. Мечтаю закончить роман. Написал большой рассказ

«Закон жизни». О трусе, который гибнет, и человеке большой воли, который побеждает, потому что хочет жить и выжить во что бы то ни стало не только для себя.

Ложиться спать не хочется. Все так же мало дня.

Перефразирую латинян:

«Sana mens in corpora sano»¹⁹

«Corpora sano pro sana mens»

(«Здоровое тело благодаря здоровому духу»)

Нужно выжить во что бы то ни стало. Впереди много еще замечательного.

Слухи ОЖС –

«одна женщина сказала»

Слухи ОВР –

«один военный рассказывал».

(Это в ноябре и октябре, насчет вестей с фронта)

На рынках меняют все:

часто видишь 2 залапанных конфеты.

– Что хотите?

– Дуранды.

Дуранда (жмык)²⁰ основная мера ценности. Как древние египетские плитки. Она и похожа на них. Плитки, и можно отламывать.²¹

декабрь:

Килограмм хлеба (если удастся купить) стоит 300 рублей.

Разговоры везде только о еде.

Еще о прорыве кольца блокады.

Еще о прибавке по карточкам (хлеба).

Ждут почти каждую декаду. Люди фантазируют и верят.

Сахар в столовую носят писатели мелкими кусочками в коробочках от лент для пишущих машин. У меня «Pelican».²²

25/XII <1941 г.> Сегодня наши взяли Мгу.²³ Дорога свободна, кольцо прорвано. Мы победили! Великий русский народ. Чудесные ленинградцы. Мы выдержали и не сдали. Сегодня прибавили и хлеб 350 раб<очим> и 200 гр. служ<ащим> и иждивенцам. Общая радость. Люди стали добрее. Главная радость не в прибавке даже, а именно в сознании, что город выдержал блокаду. Хочется праздновать!

19/I 42 г. Пишу при едкой копилке «глазке» у плиты на кухне. Нет света, отопления. Живем с Ниной здесь, мать спит, закутанная всем, чем можно, в холодной столовой.

Предыдущая запись была слишком рано оптимистической, преждевременной. Уже еле хожу. Умерло от истощения 16 человек у нас, в Союзе. Умер Сергей Семенов²⁴ (уехал к Федюнинскому²⁵ на прорыв и получил, помимо всего, еще и крупозное воспаление легких). Родовались мы рано. Продовольственное и топливное положение города в январе резко ухудшилось. В магазинах пусто, очереди по 5 часов за хлебом. Правда, последние дни лучше. Очередей нет, и хлеб хороший, чистый.

Люди мрут на улицах, трамваев давно нет. Огромная деревня с затоптанными накрепко путями. Пожары. Сгорел Гостиный двор (часть). Равнодушные, апатичные люди смотрят, и только. Морозы до 35°. Воды нет. Нет у людей и сил. Хоронят, если можно довести до кладбища, в братских могилах без гробов. Люди везут родственников на детских саночках. Папирос и табаку нет. Пачка Беломора 40–50 рублей. Кило конины 250 р. Соли нет. Хлеб до 400–500 р. кило. Мясо, если можно добыть, 400 р. Шоколад (плитка) 300 р. И это за деньги случайно. Все только меняется. Свеча 40–50 р. Говорят, что умирает ежедневно до 20 000 человек. У всех на уме и языке одна мечта – прибавка хлеба. Люди ждут конца перерегистрации карточек (с 12 по 20^е) как избавления: может быть, с 21го будет прибавка хлеба.

В Союзе холодно. Не раздеваемся, замерзают чернила. В столовой холод и часто мрак. Сидят в шубах, шапках. Истерика, стуки. Ждут по несколько часов, каждое промедление вызывает неистовство. Многие опустились, не бреются, не моются. Рвутся к обеду, как свиньи к корыту.

11го был общегородской утренник интеллигенции в капелле (платный). Мороз 35°. Помещение не отапливалось. Почти треть зала все же была заполнена. Выступал Вишневский, как всегда, немного

подогрел.²⁶ Читала Кетлинская, Прокофьев, Тихонов.²⁷ Я и Саянов²⁸ уже не читали. Просто люди окончательно замерзли, а еще ждали артисты. Кроме того, архитектор Ильин²⁹ чересчур долго выступал и совсем затянул программу. Но все же утренник состоялся. Это было единственное «мероприятие» в городе, сбывшееся из-за холодов, в этот день.³⁰

Писатели все же пишут, хотя многие не могут ходить. Я с огромным желанием понемногу работаю над «Америкой». Нет только света и быт заедает почти весь день. Одно хождение на обед отнимает 4–5 часов.

Мечтаю в книжной лавке купить «Волшебную гору» Т. Манна. Теперь книг много, но они все же раскупаются. Правда, магазины из-за света не торгуют. Работает только наш отдел лавки.³¹ Вообще, город почти умер. Еслиходишь в какой-либо уцелевший магазин, сам зажигаешь спичку, присматриваешься к остаткам товаров на полках. Холодно, темно, пусто...

Вот когда мы почувствовали блокаду.

Зато Новый год встречали хорошо. Перед новыми (после первой прибавки хлеба) перспективами «раскошелились». У меня была бутылка шампанского, бутылка пива, три селедки, маленькие пирожки из сои с рисом (спекла Нина), суп. Дус принес полкило макарон, Тося³² фляжку пива и мелкие «сюрпризы» из противогАЗа: кусочек сыра, два печенья, свою горчицу, сахар. Наелись отлично. В первый раз за многие дни были по-настоящему сыты.

Послезавтра очередной /устный/ альманах. Прошлый раз прошло неплохо. Топился камин, горели свечи. Хорошие стихи читала Инбер. Потом был обед, с вином (из запасов старых ресторана).

—

В горькоме обещали помочь работающим писателям. Обещали немного дров и 25 литров керосина. Шумилов³³ сказал, что, несмотря на то что типографии стоят, лишь кое-где работают вручную, если будет нужная книжка, выпустят теперь же. Моя «Закон жизни» одобрена горькомом. Хочется выпустить этот сборник. Это этап первых дней войны.³⁴

—

20/1 <1942 г.> Сегодня с Ниной возили на саночках с Петроградской стороны кокс. Везли 3 мешка. Мороз 34°. Трудно везти. Ноги еле движутся. В особенности подъемы на мосты, насыпка в низ-

ком подвале, подъем на 4^й этаж. Сам не мог. Нанял человека за пачку папирос «Антракт»³⁵ втащить мешки. Зато мы обеспечены топливом на две недели. В городе более пусто. Несколько трупов (без сапог и шапок, завернутых в тряпье) лежат на улицах. Горят дома. Люди возят воду с Невы в бочках, ведерках.

Дуранда. (Жмыхи.) Дурандовые лепешки. Огромный спрос и сбыт.

24/1 <1942 г.> Сегодня снова прибавка хлеба населению. Рабочим 400 гр., служащим 300, иждивенцам 250 гр. Хлеб чудесный, чистый, светлый. Люди встретили эту прибавку без особенного энтузиазма. Ждали больше. Однако в городе чувствуется не такая вялость. Правда, стоят большие морозы (34° Цельсий), приходится двигаться скорей.

Женщины почти все в мужских штанах, ватниках, лыжных брюках, валенках. Нет крашенных губ, пудренных носов. Одежания самые разномастные. Лишь бы теплее.

22/1 <1942 г.> Уехали Спасский, Раковский с Риммой, Вагнер. Раковский забрал даже кастрюли. Хозяйственный мужик. Этот не пропадет.

30/1 <1942 г.> Самый тяжелый для Ленинграда пока январь. Говорят, что умирает в день до 45<00> человек. Всюду трупы. Кошмар. Нина видела у магазина возле окопной баррикады труп ребенка с отрезанными ягодицами. Возможно, съели.

За хлебом очереди круглосуточные. Топлива нет, хлеба нет. Морозы свыше 30°. Вчера на Желябовой³⁶ раздавили и убили в очереди 9 человек. Милиция не может ничего сделать.

У нас в Союзе мрут по-прежнему. Вчера в канцелярии валялись на полу двое умерших. Сорокин-Гайворонский и сын Кугеля.³⁷ Говорят, что Сорокин еще умирал, когда ходили по нему. А над ними шла запись на получение по карточкам хлеба коллективно.

В истерике многие. Плачут в бессильной слабости мужчины. Пошехонов³⁸ ревел у холодной печки.

В городе на весь Л<енингра>д всего три тонны жиров. Масла и заместителей не видели многие уже много дней.

Зашел к истопнику Уткину (живет в полуподвале надстройки). У него двое родственников. Один умер ночью, рабочий 37 л. Второй умирал на грязном диване. Корчился. Хозяйка спокойно и деловито разбирала чемоданчик умершего, откладывала носки, сорочку, несколько сухих кусков стирального мыла – весь скарб. Сын хозяйки 16 л. ремесленник Вася с огромным любопытством наблюдал, как умирает дядя.

– Помрет через час, видно.

Притуплены чувства. Юрист Л<и>т<ературного> ф<онда> толстый Гуревич, носившийся с дочкой 12–13 лет как с драгоценностью, сегодня заявил равнодушно:

– Умирает. Может быть, умерла. Ничем не могу помочь.

Выживут сильнейшие, волки. И сильные духом.

Килограмм хлеба – 1 тысяча рублей, масло 2000 р. Но надо достать. Счастье, если за золотые часы можно выменять 4 кило мяса.

Подняться на 6 этаж проблема. Я не могу получить на радио деньги, потому что бухгалтерия в 6 этаже. (Это можно использовать даже как прием.)

Газет нет уже с неделю. Радио и телефон часто выключены.

Трупы надо сжигать. Весной будет страшно. Угроза чумы и прочих болезней слишком реальна.

Женщины, как кошки. Выживают и переносят лишения лучше мужчин. Часто мужчина сегодня еще работал, пришел домой, лег, а утром уже мертв. Женщины, даже старухи, тянут долго и даже поправляются.

Санитарка госпиталя говорила, что к ним нередко привозят только что взятых по мобилизации. Привозят сразу в госпиталь еще в штатском. Стараются поднять на ноги, откормить.

– Умирают с кашей во рту, – говорит девушка огорченно. – Слабые очень.

4/II <1942 г.> Сегодня снова обстрел, как видно, с финской стороны. Много жертв. Обстрел нашего р<айо>на. В надстройку попало 2 снаряда (в 4 ч. дня).³⁹ Я сидел у окна, сильный удар, посыпался с крыши снег. Потом оказалось, что снаряд на углу дома сорвал крышу над кв. Мирошниченко,⁴⁰ а в окно кв. Шварца просто влетел снаряд, пробил большую брешь. Снаряды осколочные. Жертв не было, в комнатах никого не оказалось. Люди были на кухнях.

5/II <1942 г.> Получили Ленсоветовский подарок. По 1 кг муки, 1 кг концентратов (гречневая каша) и 1 плитке превосходного шоколада.⁴¹ Это на 50 человек актива. Чудесные вещи. Если бы еще жиров и хотя бы такие подарки раз в декаду – можно было бы продержаться.

Сегодня в Союзе ажиотаж. Завтра уезжает по эвакуации много (чел<овек> 30) писателей. 12³⁰ <так!> Человек 300 иждивенцев, служащих и писателей. Пустеет Союз. Мы очень рады, что можем спасти людей, и вместе с тем очень грустно. Что будет с нами?

5/II <1942 г.> Закончил 7ую главу 2й части романа. Очень хочется работать. Иногда думаю о романе как о единственной отдушине среди жестокой действительности. Работаю – отдыхаю.

<на отдельном листе:>

9/II <1942 г.> У Орлова⁴² засед<ание> Правления. Принимаем в члены Союза Алехина.⁴³ (Первый случай за время войны.) Говорим о жанре, литературе послевоенной, будущей. Орлов лежит, жена лежит. Мы сидим с трудом. Дымно, темновато. Над диваном маячит лампа. Но с радостью говорим о литературе. Надоело о бытовых делах.

<в блокноте: >

11/II <1942 г.> Прибавили хлеба. Рабочим 500 гр., служащим 400, иждивенцам 300. Народ воспрянул.

12/II <1942 г.> Сегодня уезжает из Союза человек до 300. Масса посторонних. Товарищей мало. Едут Дружинины.⁴⁴ Уехал Воеводин,⁴⁵ порядочно людей. Грустно. Увидимся ли? Очень хочется тоже уехать. Почему-то теперь не жаль оставить Ленинград. Скоро весна, хочется отдохнуть. [Нина] \Ан./ уехала в Алма-Ату. Осталось нас теперь совсем немного.

В городе дизентерия. Трупы. Возле нашего дома, на дороге, аккуратно запеленатый труп. Похоже на мумию. Никто даже не смотрит.

Женщина, оживленно беседа, спокойно перечисляет, словно получку какую-нибудь.

– Похоронила двух зятьев, невестку, мужа.

Она даже уже не ощущает потери. Смерть стала привычной.

<на отдельном листе:>

23/II <1942 г.> Лежу в госпитале. Горит электричество, тепло. Чувствую себя хорошо, только удивительная слабость. Шел сюда с трудом. Нина провожала. Ослабел так за последние дни. Расстроил желудок – старая история. Теперь отвращение к пище. Даже странно. Как раз стационар мог подкормить. Плохо, если скоро не поднимусь. Хотелось бы работать над романом, хотелось бы снова стать здоровым. Да и болезнь нелепая, какое-то бессилие! Все делаешь «по частям». Движения как-то расчленены.

30/V 42 Конференция писат<елей> города, армии и флота.⁴⁶

«Жгучую ненависть к врагу должны своими произведениями пробуждать сов<етские> писатели в эти дни».

Нужно сейчас ковать оружие, а не писать большие повести и романы. (Маханов)

«Без рук, без ног
к немцам скок
и немцы вдруг
без ног, без рук»⁴⁷

<в блокноте:>

29/XI 42 г. Кончил роман «Русская Америка».

18/I 43 г. Прорвана блокада города. Войска Волховского фронта соединились с нашими.

<на отдельном листе:>

«Ну, год не дадут, фронт дадут», – говорит красноармеец-лодырь.

«Если детей на свет выпускаешь, так надо их и обеспечить».

«Такая штучка», – говорит Рябинин на все, на сестер, врача, кружку и проч.

Учился говорить и вспоминал все. «Нашел жену», – вспомнил, как ее зовут и фамилию.

«Слезы близко»

Запасной стеклянный глаз в кармане. Идет в наступление, потеет, вставит на бегу запасной.

Сережа расплакался как маленький, когда получил из дома письмо. Вся палата беспокоилась и мягко, заботливо относилась к нему.

Сергея Круглова⁴⁸ (сержант) постепенно «восстанавливается». Теперь ему лет 10 («машина времени»).

Он забыл даже азбуку, учит все сначала. Пишет «непонятные» (забытые) слова в записную книжку. Исписал тумбочку.

Первое слово после операции – ругательство.

Когда шли в атаку перед ранением, наверное, ругался. Всей палатой помогали вспомнить имя матери. Называли имена.

– Кто сказал? – вскочил он вдруг, когда кто-то назвал имя Елены.

Так, оказывается, и звали его мать.

Ходит по палате весь день, слегка надоедает. Ему скучно, он ведь еще «ребенок». В кино пока ничего не разбирает, но первый тащит других за час до начала.

Швейк – Пономарев.⁴⁹

«Толстой, да пустой»

7/V <1943 г.> Выездное засед<ание> правления в 42 армии. Я, Кетлинская, Хмельницкий, Штейн, Жданов, Зуккау-Невский.⁵⁰

Прибыли с передовых несколько литераторов. Кетлинская делает доклад.

<в блокноте: >

27/I 44 г. Ликвидирована окончательно блокада Ленинграда. Немцы отогнаны на 65–100 км. Взяты Мга, Пушкин, Красное Село, Петергоф, Гатчина и др. Освобождена Северная дорога, на днях освободится Октябрьская.

Знаменитый день. Специальный приказ по Ленфронту. В 8 ч. вечера был салют из 224⁵¹ орудий, 24 выстрела. Первый случай, что не Москва. Пушки стреляли на Марсовом поле, у Казанского собора, на набережной. Тысячи разноцветных ракет, гром, дым залпов и вспышки, золотые угли, зеленые, красные, белые огни фейерверка. Люди спешили к полю со всех сторон, с фонариками, как под пасху, а потом фонари стали ненужными. Было светло, празднично, эффектно. Ленинградцы в последний раз слышали грохот орудий. Красный луч прожектора медленно полз по небу. А под ним веселье разноцветных огней. Приказ по городу ходить до 1 ч. вместо 11ти.

Трансляция по радио на весь мир. Сам Маханов руководил передачей в доме радио.

2 мая 1945 г. Пал Берлин. Взяли его войска Жукова (1^й Белорусский фронт) и Конева (1^й Украинский фронт). Гарнизон в последний час капитулировал. Взято в плен больше 70 000 немцев.

3 мая 45 г. Сегодня уже передача корреспондентов из Берлина. «Слушайте наших корреспондентов из Берлина!» Поразительно!

¹ *Побуковский Игорь Александрович* – с 1939 г. – секретарь драмсекции ЛО СП, с 1941 г. – управляющий делами.

² *Кетлинская Вера Казимировна* (1906–1976), см. примеч. 49 на с. 132.

³ *Черноков Михаил Васильевич* (1887 или 1890–1943), см. примеч. 5 на с. 65.

⁴ Подробнее о неудаче с народным ополчением см. в дневнике А. П. Крайского запись от 21 авг. 1941 г.

⁵ *Шварц Евгений Львович* (1896–1958), см. примеч. 11 на с. 338; *Груздев Илья Александрович* (1892–1960), см. примеч. 69 на с. 342; *Спасский Сергей Дмитриевич* (1898–1956) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик, во время войны печатался в журналах «Звезда» и «Ленинград», был в народном ополчении; *Берггольц Ольга Федоровна* (1910–1975) – поэтесса, работала в радиокомитете, ее называют голосом блокадного Ленинграда; *Инбер Вера Михайловна* (урожд. Шпенцер; 1890–1972), см. примеч. 62 на с. 342.

⁶ Возможно, имеется в виду *Сторицын Петр Ильич* (1894–1941; наст. фам. Коган) – поэт, театральный критик; умер от голода в блокадном Ленинграде.

⁷ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950), см. примеч. 40 на с. 70.

⁸ Шварц с семьей был эвакуирован в Киров, куда прибыл 22 дек. 1942 г.

⁹ *Островский Арсений Георгиевич* (1897–?) – переводчик и литературовед, работал во время войны редактором в издательстве «Советский писатель» и в литературном отделе радиокомитета.

¹⁰ *Кратт Нина Кузминична* (урожд. Пугачева) – жена писателя.

¹¹ Дочь Раковского Леонтия Иосифовича (1895–1979), прозаика. О нем см. примеч. 30 на с. 26.

¹² Скорее всего, имеется в виду хороший знакомый Кратта, живший в надстройке писателей, *Гор Геннадий (Гдали) Самойлович* (1907–1981), см. примеч. 64 на с. 342. Эвакуирован в 1942 г.

¹³ *Шмидт Густав Рихард Эрнст* (1894–1943) – немецкий генерал вермахта. Тихвин был взят во время одной из первых крупных наступательных операций советских вооруженных сил 10 нояб.–30 дек. 1941 г.

¹⁴ См. с. 374 вступ. ст.

¹⁵ *Валов Василий Игнатьевич* (наст. фам. Кузьмин; 1902–1941), см. примеч. 39 на с. 340.

¹⁶ В публикуемом в настоящей книге дневнике Е. А. Борониной тоже речь идет о смерти Валова. В записи Кратта уточнено место – общежитие бойцов местной противовоздушной обороны, которое располагалось по адресу: ул. Воинова (современное название Шпалерная), 18.

¹⁷ Карточки выдавались жителям в зависимости от их категории: рабочие, служащие, иждивенцы и дети. Нормы выдачи продуктов 1-й категории были выше.

¹⁸ Открытие регулярного трамвайного движения произошло 15 апр. 1942 г. (*Ковальчук В. М., Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Хронология событий в Ленинграде в июне 1941–мае 1942 годов // «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011. С. 353).

¹⁹ Правильно «*Mens sana in corpore sano*» («В здоровом теле – здоровый дух», лат.).

²⁰ Остатки семян после выжимания из них масла.

²¹ В Древнем Египте была распространена денежно-бартерная система. От металлических пластинок, служивших «деньгами», в процессе торговых операций отрезали кусочки требуемой величины. Но чаще всего покупатели расплачивались продуктами, принимаемыми продавцом, которые, в свою очередь, оценивались на вес золота, серебра или меди.

²² Известная немецкая фирма, одна из первых торговых марок Германии, официальная дата основания – 28 апр. 1838 г. Правильное написание «Pelikan».

²³ См. примеч. 57 на с. 72.

²⁴ *Семенов Сергей Александрович* (1893–1942), см. примеч. 104 на с. 76.

²⁵ *Федюнинский Иван Иванович* (1900–1977), см. примеч. 46 на с. 341.

²⁶ *Вишневский Всеволод Витальевич* (1900–1951), см. примеч. 70 на с. 342. Возможно, Кратт имеет в виду склонность Вишневского к трагической тематике.

²⁷ *Прокофьев Александр Андреевич* (1900–1971), см. примеч. 21 на с. 21; *Тихонов Николай Семенович* (1896–1979), см. примеч. 71 на с. 343.

²⁸ *Саянов Виссарион Михайлович* (наст. фам. Махнин (Мохнин); 1903–1959), см. примеч. 73 на с. 343. Был военным корреспондентом фронтовой газ. «На страже Родины».

²⁹ *Ильин Лев Александрович* (1880–1942) во время блокады работал над книгой «Прогулки по Ленинграду». 11 дек. погиб на улице во время бомбардировки Ленинграда немецкой авиацией.

³⁰ Афишу утренника см. на вклейке.

³¹ Речь идет о Книжной лавке писателей, которая работала всю войну. Возможно, имеется в виду отдел обслуживания писателей.

³² Сведений об этих гостях Кратта обнаружить не удалось.

³³ *Шумилов Николай Дмитриевич* (1904–1982) – с 1941 г. секретарь Ленинградского горкома партии по пропаганде и агитации, с 1942 г. редактор «Ленинградской правды».

³⁴ В сборник вошло десять рассказов – о подвигах военных и партизан, о жестокости врагов.

³⁵ Производство табачной фабрики им. М. С. Урицкого, в пачке было 20 папирос.

³⁶ В 1991 г. улице возвращено старое название Большая Конюшенная. Возможно, очередь к центральному магазину «Торгсин» (д. 21–23).

³⁷ Об этой смерти речь идет и в дневнике Борониной (запись от 28 янв. 1942 г.). О Кугеле см. примеч. 87 на с. 344, о Сорокине-Гайворонском Александре Игнатьевиче см. примеч. 81 на с. 74.

³⁸ *Пошехонов Всеволод Ефимович* (1907–1942) – прозаик, боец пожарной команды Дома писателей. После гибели в блокадном городе матери и сестер отправился

через Ладожское озеро, дальнейшая судьба неизвестна. См. подробнее: *Брянская О. С.* О Всеволоде Пошехонове // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вологда, 1993. Вып. 2. С. 295–297.

³⁹ А. В. Буров перечислил и другие попадания в Центральном районе 4 февр., в том числе в дом напротив, заметив: «В этот день бойцы местной противовоздушной обороны города, выполняя совершенно несвойственную им обязанность, предали земле 6850 трупов...» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979. С. 136).

⁴⁰ *Мирошниченко Григорий Ильич* (1904–1985) – писатель; в 1941–1945 гг. политработник Балтфлота.

⁴¹ Обертка от шоколада с надписью «Ленинград 8/II 42 г.» осталась вложенной в блокнот и приводится в качестве иллюстрации.

⁴² Скорее всего, речь идет об *Орлове Владимире Николаевиче* (1908–1985), см. примеч. 41 на с. 340.

⁴³ *Алехин Глеб Викторович* (1907–1994; наст. фам. Масловский), см. прим. 88 на с. 75.

⁴⁴ Видимо, имеется в виду семья писателя *Дружинина Владимира Николаевича* (1908–1995), который во время войны работал корреспондентом «Последних известий по радио» в Ленинграде, в 1943 г. был призван в армию.

⁴⁵ *Воеводин Всеволод Петрович* (1907–1973) – прозаик, драматург; в 1941 г. участвовал как сценарист в «Боевом киносборнике № 2», в 1942 г. выпустил сборник рассказов «Бой продолжается».

⁴⁶ Видимо, эта и две следующие записи, занимающие отдельный листок и написанные голубыми чернилами, были сделаны на конференции.

⁴⁷ Это загадка времен войны, ответ – мина (см.: *Русский фольклор Великой Отечественной войны*. М.; Л., 1964. С. 256. В комментарии указано, что загадка была записана в 1942 г. от бойцов действующей армии).

⁴⁸ Личности красноармейцев Круглова и Рябина не установлены.

⁴⁹ Сатира Я. Гашека была направлена против немецкого милитаризма, и в годы Великой Отечественной войны сразу несколько авторов (А. В. Баковиков, Л. И. Раковский, М. Р. Слободской) писали подражания его роману. В предыдущей записи речь идет о кино. Известны три киноверсии, созданные в военное время, – «Боевой киносборник № 7» (1941), «Швейк готовится к бою» (1942) и «Новые похождения Швейка» (1943). См. о фильмах подробнее: *Долинский М.* Связь времен. М.: Искусство, 1976. С. 268–275. Но второй фильм был запрещен, а в 1941 г. писатель еще не страдал от истощения и маловероятно, что он лежал в госпитале. Так что записи условно датируются 1943 г. Кого именно Кратт сравнивает со Швейком, установить не удалось.

⁵⁰ *Хмельницкий Сергей Исаакович* (1907–1952), см. примеч. 4 на с. 337; *Штейн Александр Петрович* (1906–1993) – писатель, драматург, сценарист; во время войны служил офицером на Балтийском флоте; *Зуккау Владимир Гербертович* (1911–1968; псевд. Невский), см. примеч. 101 на с. 345.

⁵¹ У Кратта указано неверное число: салют производился из 324 орудий.

**«...МЫ СДЕЛАЛИСЬ ДРУЖНЕЕ, МУДРЕЕ,
ОЧИЩЕННЫЕ ЭТИМ СТРАДАНИЕМ»
ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА С. В. ГАНКЕВИЧА
(ЯНВАРЬ – МАРТ 1942 г.)**

(Публикация Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева)

Я узнал о дневнике Сергея Васильевича Ганкевича совсем случайно. Шура (Александра Георгиевна) Новикова, троюродная сестра моей жены, С. А. Николаевой, – дочь ленинградского художника Георгия Александровича Новикова (1898–1981), ученика великого Филонова. Новиковы дружили с семьей Ганкевича, тоже филоновского ученика. Когда я в 1949 г., молодой бездомный учитель, очень нуждался в крыше над головой, Новиковы поговорили с вдовой Ганкевича Тамарой Михайловной, и она с удовольствием (очень нуждалась) отдала мне на несколько месяцев «угол», часть своей комнаты за шкафом в коммунальной квартире на улице Петра Лаврова.

После того как мы более-менее познакомились, Тамара Михайловна дала мне почитать блокадный дневник мужа, и я был потрясен правдивостью и подробностью этого выдающегося исторического документа. Предложения продать дневник были отвергнуты, но владелица разрешила скопировать, и я несколько недель переписывал страницы Ганкевича, стараясь быть предельно точным (добавлял лишь некоторые пунктуационные элементы, главным образом – запятые). При этом я вникал в сюжеты и имена, которые без расшифровки были бы непонятны читателю. Свои пояснения я выносил внизу страницы, обозначая примечания цифрами (при настоящей публикации они снабжаются ремаркой «Примеч. 1949 г.»).

Скорый, через два года, мой отъезд из Питера в Тарту порвал связи с Тамарой Михайловной, я не знаю ее дальнейшей судьбы и не знаю судьбы дневника. Так как Тамара Михайловна разрешила мне не только переписать текст дневника, но и опубликовать его в печати полностью или частично, то я много лет стремился довести дневник до публикации, но многолетняя же занятость отодвигала это событие.

Краткая биография С. В. Ганкевича (1892¹–1942) имеется в Интернете. Родился он в Умани, окончил Киевское художественное училище. В период Гражданской войны преподавал рисование в учительской семинарии г. Великие Луки (очевидно, там и подружился с Г. А. Новиковым, жившим в Великих Луках в 1920-х гг.). Потом очень кратко сказано об участии в войне, о ранении и плене (у кого? у белых?). С 1923 по 1930 г. Ганкевич опять преподавал в великолукских школах. В 1928 г. он, видимо, познакомился с Филоновым и в 1930 г. переехал в Ленинград. Он стал активным участником выставок филоновской группы МАИ («Мастерская аналитического искусства»). Но он примкнул, при расколе группы, к «меньшинству», объединившемуся вокруг учителя.

В начале января 1942 г. Ганкевич решил писать очерк о переживаемых ленинградцами событиях, который уже с 6-го числа превратился в традиционный дневник, куда скрупулезно записывались события, впечатления, мысли. Совершенно обессиленный от голода, он прервал записи лишь за несколько дней до кончины.

И почти до конца рисовал. Вдова подарила мне картину маслом, которая упоминается в одной из предсмертных дневниковых записей (от 22 марта): вид из ленинградского окна на улицу, где везут на санках как бы запеленанный труп (гробов уже не было). А на подоконнике лежит кусочек хлеба в 125 граммов – дневная норма человека.

Б. Ф. Егоров

Добавим еще несколько слов о публикуемом дневнике.

Он, безусловно, ценен художнически выразительным изображением некоторых уникальных подробностей блокадного быта, отсутствующих в других документах эпохи либо только упомянутых в них. Чего, например, стоят описания рынка-«толкучки», сцен в магазинных очередях или столкновений с чиновниками в жакте при получении продовольственных талонов!

Не меньше впечатляют и зарисовки психологии людей, оказавшихся на краю гибели. Вот рабочая Паня, похоронившая всех своих

¹ В других источниках указываются 1891 г. (Блокада, 1941–1944. Ленинград: Книга Памяти. СПб., 1999. Т. 6) и 1898 г. (Художники довоенного Пскова. Псков, 1998). Однако, судя по дневниковой записи от 22 марта («чего только не вспомнишь из своей жизни – ведь 41 год чего не передумаешь»), С. В. Ганкевич родился в 1901 г. Не исключено, что по каким-то практическим соображениям в его официальных документах был зарегистрирован неверный год.

родных и, придя вечером после заводской смены, заглядывающая к соседям, чужим в общем-то людям, чтобы отделить им от своего пайка сахарной пудры, поделиться папиросами, подлить керосину в коптилку. Или сотрудница Публичной библиотеки О. Д. Енкен с дочерью Ириной, угощающие гостя единственным съедобным, что у них было. Ганкевич 19–20 янв. записал: «...при мне варили столярный клей, подмешивая туда размоченные апельсиновые корки и сахар<ный> песок. Говорят, вкусно – что твой кисель».

История же, происшедшая – на фоне все усиливавшегося голода – внутри семьи, между отцом и дочерьми (одна из них, Тима, жена художника), потрясает своим бесчеловечием. Старшая сестра Геня получила от отца часы для обмена на хлеб, но их украли. Отец настойчиво требовал хлеб или часы. Уже убывая в эвакуацию и оставляя изможденных дочерей в блокадном городе, он пришел к ним. Увидев у Тимы, лежавшей в постели, часы (другие, ее личные), он кинулся к ней и чуть не выломал ей руку, срывая с нее часы. Удалился, только завладев ими...

Последняя сцена в своих тягостных подробностях не попала на страницы самого дневника (ее прокомментировала вдова художника снимавшему копию Б. Ф. Егорову). Сергей же Ганкевич, всегда необыкновенно деликатный, тут уже не мог воздержаться от гневной оценки – в записи, сделанной между 7 и 10 февр.: «Самое грубое проявление низменных инстинктов и побуждений – бешенство жадности, самолюбия и бессердечности, хамское проявление насилия в отношении больной, лежащей в постели, истощенной и обессиленной голодом дочери».

Вообще же, не менее, чем редкий бытовой материал или психологические портреты блокадников, а может, даже и более важна в публикуемом дневнике запечатленная на его страницах душевная исповедь автора. Она дает цельное представление о его светлой личности.

Подобно тому как трудно ему писать об озверении тестя, он до конца не может поверить даже в самые, казалось бы, достоверные слухи не только о случаях людоедства, но и о том, что кто-то поедает четвероногих домашних питомцев. 13 или 14 янв. он пишет: «Паня рассказала сегодня, что в милиции зарегистрирован случай, что отец съел своего сына. Кошки и собаки давно уже исчезли – должно быть, сами издохли, а говорят, многих съели. Откровенно говоря, я этому не верю! Все это шаблонные слухи и сплетни, порожденные голодом».

Человек высокой художественной культуры, он и патриот родного города. Жителей Ленинграда, по его убеждению, не может не

удержать от падения сама атмосфера прекрасного, с младенчества питавшая их душу: «Надо очень озвереть, потерять человечес<кое> подобие, чтобы дойти до такого омерзения и ужаса – не хочется верить, что на это способен ленинградский человек!».

С. Ганкевич признается: «Забываю обо всем и погружаюсь в искусство и до некоторой степени нахожу нравственное удовлетворение в том, что живу не совсем еще животной жизнью» (13 или 14 янв.). Он пишет при любой возможности. Пишет, даже когда света недостаточно, – чтоб наутро переписать наново фон, изменить конфигурацию предметов в натюрморте и их состав. Когда же потемки совсем ступают, при свете коптилки погружается в изучение истории живописи по книгам Р. Мутера и А. Н. Бенуа. Планов же у него, чем ближе к последней черте, тем, кажется, больше. 22 марта, упомянув недавно созданное, художник перечисляет задуманное: «Хочу написать <...> эскиз улицы: движение по мостовой, очередь и лежащий, брошенный труп мужчины на первом плане (как я видел его у нас под аркой). Может быть, потом напишу и уставшего мальчика, присевшего на труп отца на санях. Рисунки, вернее наброски, у меня уже давно сделаны.

Только надо сил, сил и сил!!!..

Хотелось бы сделать и в скульптуре тоже мальчика или старуху с мальчиком и трупом.

Неужели не дотяну? – Сознаю, что трудно, очень трудно выползти из того состояния, что я теперь, но надо надеяться! надо! – нельзя опускаться и унывать».

Все эти картины немислимых страданий и их преодоления задумываются художником именно как «памятник пережитого».

Да и оставил он кисть, взявшись за перо, по его признанию, лишь лишенный «возможности заниматься любимым делом». Приступая к своим «бесхитростным, но правдивым запискам о тяжелом пережитом», как он поначалу определил их жанр, он спустя два месяца, 22 февр., с горечью констатировал: «Начал я вести эти записки с тем, чтобы описывать в них те исключительно тяжелые, теперь могу сказать, убийственные, переживания нашего города, порожденные многомесячной блокадой и бомбардировкой, но внешние события, жизнь и успехи нашего фронта так редко доходят до нас, так мало кто интересуется этим, а газеты мы получаем так редко и нерегулярно, что все наши интересы сводятся к личной жизни, вернее – борьбе за жизнь, и мои заметки невольно сводятся к дневнику». Дневник в понимании С. Ганкевича – нечто интимное и мало связанное с большой

историей и, прежде всего, с большой трагедией Ленинграда. А ему хотелось отобразить то, что испытали жители блокадного города, на большом повествовательном полотне, а не в скромном этюде частной жизни. И эта работа укрепляла силы.

И еще помогала ему жить – тогда, когда к этому не было уже никаких физических возможностей, – *любовь*. Как и всякий настоящий художник, он и прирожденный анатом. И вот, находясь рядом со своей Тимой-Тамарой, подбадривая ее, пытается шутить, и этот его юмор пропитан нежностью: «Мы очень истощали, – я могу прощупать не только все ребра, но и весь свой скелет, и, ложась спать, мы чувствуем кости друг друга даже в таких местах, где о них можно было только знать и догадываться» (17 янв.). Как благодарен он жене, готовой стать его соратницей и в живописи: «Ночью часто не спим с Тимой. Она тоже решила изучить историю живописи нового русского искусства по Бенуа – я этому очень рад – хочет быть подругой и в этом отношении» (11 февр.). Или вот сцена из последних записей: «...вдруг, взглянув на Тиму, увидел, что она закатила глаза, сжала руки и, дергаясь головой, как в судорогах, повалилась на подушки, с трудом хрипит. Я очень испугался, обцеловал все ее лицо. Мне живо представилось, что она умирает, и так страстно захотелось удержать здесь ее жизнь» (между 22 и 27 февр.). И скупое, но так пронзительно об их пристрастиях в еде: «Я больше склонен к сахару – Тима к хлебу. Просто до самых горьких слез» (22 марта).

Любовь к жене и преданность искусству, сливаясь воедино, позволяли душе до последнего не утратить природного оптимизма, веры в близкое завершение страданий. Дневнику С. Ганкевич доверяет свои общие с женой мечты: «Мы же с Тимой не теряем бодрости и мечтаем, что с весны, со светом я буду много работать. Мы часы проводим в разговорах об искусстве и моей работе, о понимании искусства, о жизни художественных произведений, мечтаем даже о моем возврате к лепке, к скульптуре и даже о перемене профессии художника-плакатиста на скульптора, хотя бы в театр<альной> буффор<ской> мастерской. Все это она разделяет со мной – моя незаменимая подруга жизни. – Нет, и голодом нас не возьмешь – я все-таки художник...» (28 янв.).

Этот присущий Ганкевичам оптимизм, кстати, пронизывает всю стилистику дневника. При чтении его, в отличие многих других свидетельств блокады, у нас не возникает тягостного ощущения, не рождается чувства отчаяния и беспросветной скорби. Вот, например, описание выхода в город с шутливым использованием военной лексики:

«Опять мой очередной „героический“ рейс окончился полной неудачей, боевая задача была получение продовольственных карточек на новый месяц – февраль. Но я пришел домой ни с чем. <...> Только на „рыночном“ фронте, после упорного сопротивления, мне удалось одержать крупную победу. За 300 гр. хлеба я получил 100 гр. отборного табака» (31 янв.). Впрочем, в этих формулировках, заимствованных из фронтовых сводок, была своя правда. Ленинградцы день за днем вели войну за выживание, не менее беспощадную, нежели на линии переднего огня. С. Ганкевич записывает: «„Сегодня 15-е число (15-е января) и мы еще живем!“ – говорит Геня, и эти слова звучат у нее как победа. И это, конечно, наша победа – без преувеличения – на фронте борьбы с голодом»...

В 1949 г. Б. Ф. Егоров, приступая к работе, сделал себе как бы «зарубку на память»: «Копия дневника снимается с наивозможной точностью. К сожалению, дневник писался большею частью карандашом при свете коптилки, поэтому многие строки почти не поддаются разбору». Этим обстоятельством и объясняется десяток пометок <нрзб.>, которые, если не будет найден автограф 1942 г., уже не доведется расшифровать никогда. Однако упомянутые лакуны весьма незначительны и нисколько не мешают общему впечатлению.

А. П. Дмитриев

<ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ>

Я не писатель, не литератор – в жизни моя рука привыкла до сих пор держать только кисть, а берется за перо; никогда раньше не чувствовал влечения писать дневник, мемуары или записки, но сейчас, в силу различных объективных обстоятельств теперешней нашей жизни, лишения возможности заниматься любимым делом, мне бы хотелось в этой тетради просто записать некоторые моменты тех исключительных условий, обстоятельств и переживаний и настроений, может быть и мыслей, порожденных ими, в которых мы живем и многие моменты которой, кажущиеся нам теперь такими важными, с течением времени, в лучших условиях жизни, наверное, исчезнут из нашей памяти. Это время не прошло для нас бесследно, мы многое испытали, много пережили и многое научились ценить, – жизнь, полная тягчайших испытаний, лишения, граничащие со смертью, заставили нас во многом сделать «переоценку ценностей» – многое обнажилось и стало ясным во всей своей неприглядной наготе. И мне кажется, что мы сделались дружнее, мудрее, очищенные этим страданием. <3 нрзб.>

Я не жалею, что не уехал из Ленинграда (так же, как и Тима¹), – я горд сознанием, что в тягчайшее время для города я не бежал, позорно спасая свою шкуру, я полон решимости даже сейчас, как и тысячи других граждан, в тягчайшее время все вытерпеть, твердо верил в конечную нашу победу и даже в очень тяжелые минуты не теряя веры в то, что дождусь <1 нрзб.>.

Я не претендую, что мои записки будут литературным произведением. Для этого нужно иметь дух, затем любовь к этому делу и, наконец, много-много работать. Мне некогда и не для чего это делать. Буду писать, как выльется это с кончика пера, ничего не отделявая или переделывая. Не знаю, конечно, насколько мне это удастся, и как умел, так и делал. Не мудрствуя лукаво, не переделывая, а просто, как выльется из-под пера.

Мне кажется, что они, что пережитое прошлое многому нас научило, много прибавило к общему жизненному опыту, и нам впоследствии (в других, лучших условиях) при иной жизни будет небезынтересным прочесть эти мои бесхитростные, но правдивые записки о тяжелом пережитом.

Быть может, и другому, особенно постороннему, человеку будет интересно прочесть их. Ведь многие и не представляют, что здесь происходит. «Итак, мы начинаем».²

Ленинград окружен – блокада – вот основной лейтмотив всех будущих записок или очерков. Мне кажется, что если все мы переживем эти дни (*во что я глубоко верю*), хотя число их никому неизвестно, то в новое, лучшее время нам будет интересно вспомнить о тяжелом пережитом, многие мелочи которого могут исчезнуть из нашей памяти. Может быть, и другому будет небезынтересно узнать о них от нас – переживших. Итак – я начинаю.

Дольше оставаться в нашей комнате,³ жить в ней и работать или хотя бы читать – невозможно! У нас нет дров, – мы замерзаем, хотя мы делали героические усилия и занимали у всех родных по 5–6 полн. Холод адский – все источники исчерпаны. Больше просить не у кого, да и неудобно. Нет света – ни электрич<еского>, ни даже в коптилке. Наконец – и это самое главное – у нас не на чем даже подогреть себе стакан воды, не говоря уже об отоплении! Ко всему этому в последние дни Тимочка заболела.

С получением даже хлебного пайка стало очень трудно – пришлось вставать в 4–5 часов. А в один день, и это было, кажется, 2 января, мне совсем не удалось найти хлеба, хотя я был по два раза в 7 булочных в разных районах. Везде хлеб был уже выдан или я встречал на дверях надпись – «магазин закрыт – до привоза хлеба».

Тима даже плакала. Пришлось прожить одним кофе.

Мой натюр-морт⁴ подвигается к концу. Я пользуюсь буквально минутами, чтобы немного продвинуть его вперед, – это будет живописным воспоминанием о тяжелом прожитом. Пишу в холоде, в пальто Тимы на плечах, с шарфом на шее. Конечно, свету недостаточно – одно окно (второе закрыто), но окончить очень хочется. Тиме он нравится – в крайнем случае он будет интересен как памятник пережитого. Мне лично он нравится и живописно: черное блюдо на фоне серой газеты дает какой-то скромный, благородный эффект.

Итак, решено – мы переезжаем к Гене!⁵ Она давно приглашала Тиму, еще до своей болезни. У нее, по крайней мере, есть дрова – тепло, а это при нашем теперешнем истощении имеет огромное значение для сохранения остатка сил.

Мы оба очень заметно исхудали и, что еще катастрофичнее, – ослабели. В нашем доме уже умерло несколько человек знакомых стариков (муж Татьяны Ивановны, муж Смирновой, муж Ольги Дмитриевны Енкен⁶).

Правда, все это люди пожилые, но далеко не дряхлые, да и каждый день мы видим через окно подобные картины, к которым мы, как

и все ленинградцы, начинаем уже привыкать. Это похороны, похороны не погибших от бомбардировок и обстрелов, которые, кстати сказать, теперь, с наступлением зимы, совсем прекратились, а похороны умерших от голода.

Мы часто встречаем их, чуть не на каждой улице, во всякое время дня и ночи. Я даже разделил их на три разряда, как делились они раньше. Но разница колоссальная.

1-й разряд – пышные – это крашенный охрой гроб, на санях, несколько провожающих;

2-й разряд – средний – гроб представляет собой грубо сколоченный ящик, не имеющий даже формы гроба, плоский, расширяющийся несколько в верхней части, двое людей (большей частью женщин) везут его, двое подпирают сзади палками.

И, наконец, 3-й разряд, все чаще и чаще встречающийся, – одинокий мужчина, везущий завернутую в простыню или серый платок, привязанную за голову и ноги прямо к саням фигуру женщины, в чулках или носках. За веревку сверху саней заткнута лопата, сверху брошен пиджак или куртка – мужчина, очевидно, устал, вспотел – везти далеко и трудно – сил мало.

Последняя картина особенно выразительна и сурова. Мне даже захотелось изобразить ее, поместив как яркую, красноречивую деталь в будущем натюрморте – замерзшее окно со следами наивно, крестообразно наклеенных полосок бумаги (когда-то наивно верили, что это предохранит от лопанья стекол от воздушной волны при бомбардировке). На окне натюр-морт – тоже какой-нибудь характерный – и, сквозь замерзшее стекло, описанные силуэты фигур. Может быть, мне еще удастся сделать что-нибудь в этом роде.

Итак, мы переехали к Гене 6-го января. Переехали, конечно, сказано образно, т<ак> к<ак> трамваи нигде давно уже не ходят – нет электроэнергии и все пути занесены снегом, и все ходят пешком даже на работу, все по мостовой.

Здесь мы застали Юру Объедова,⁸ который очутился почти в таком же положении, с той только разницей, что ночует он через день, через два. Он старый приятель Гени, знакомый с детства, более 20 лет, во многом помогает ей, носит дрова и т. п., словом, взаимная помощь.

Мы решили его не стеснять и спать втроем на одном диване с Геней, а ему, как и раньше, предоставить другой диван. Он продолжает работать в институте⁹ и приходит только к вечеру.

С трудом мы поместились на одном диване, как селедки в бочке. Тиму положили посередине – ее флюс до сих пор еще не про-

шел, она простудилась, страшно похудела, особенно телом, и очень ослабела.

Раздражительность тоже стала иногда невыносимой – но это, кажется, теперь уже общая болезнь, порожденная временем и объективными причинами. Есть у Гени и свет – коптилка с машинным маслом (сейчас почти у всех она опять возродилась, рожд^{енная} в 1918 г.) за отсутствием керосина. Эта коптилка горит почти целый день – окно у Гени завешено платком и забито диванными подушками для сохранения тепла, и это обстоятельство, признаться, меня очень огорчает. Нельзя будет писать-работать, как я думал и мечтал с Тимой. Я даже ящик с красками притащил с собой. Печально, что придется отказаться от этого. Но ничего не поделаешь – «со своим уставом в чужой монастырь не суйся».

Питаемся мы, как и раньше, кофе утром (без сахара, конечно) – баланда к вечеру и после нее опять кофе.

Геня не получает хлеба (как-то вырезали у нее в больнице – сейчас ее совершенно освобождают от воинской обязанности¹⁰), и мы делимся с ней, что имеем.

Кстати сказать, мы с Тимой умудрились дома жить так, что почти весь наш паек получаем в конце месяца, а не по декадам. Этим мы выигрываем в том отношении, что в первые декады везде колоссальные очереди, с 4–5 ч. утра, и получить что-либо удастся с большим трудом.

Мне удалось поэтому сравнительно легко получить муку (кажется, кокосовую, еще вернее, какие-то жмыхи, которые выдавали вместо крупы) за 3 декады. Соль тоже есть. Из этого мы варим суп «Баланду», как я его назвал (по впечатлению от «Сахалина» Дорошевича¹¹). Это, конечно, съедобное, но в первый раз я почти не мог его есть, поперхнулся, закашлялся, так драло горло. Сейчас привык и к этому.

Хлеб очень плохой, с какими-то суррогатами, говорят, древесной, темный и мокрый внутри. Мы делим на три части: утро (10–12 ч.), день (5–8–9 ч.) и опять чай.¹²

Эта трудная обязанность лежит на мне. И действительно трудная, так мало хлеба мы получаем – 125 гр. на человека. Сейчас прибавили – увеличили до 200 гр.

Чтобы было спорчее (?) (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.), т. е. чтобы медленнее его съедать (а не просто проглатывать), мы привыкли поджаривать его на сковороде в хлопковом масле (сливочного давно нет), а последнее время за неимением его просто на сковороде.

До первого января мы получали газету «Ленинградская правда», много читали и буквально жили этим. Вот почему я в своем натюрморте и поместил книги, коптилку, стакан кофе и газету с передовой «Все силы на разгром врага».¹³

С первого января мы почувствовали большое лишение, т<ак> к<ак> перестали получать газету. С восторгом и надеждой читали и следили за успехами наших Бондаревцев,¹⁴ Андреевцев,¹⁵ балтийцев,¹⁶ а последнее время частей генерала Федюнинского,¹⁷ действовавшего на нашем Ленинградском фронте. У Гени мы надеялись слушать радио, но оно очень слабо. Я пытался его исправить, но сделал еще хуже. Ляся плохо починил его, и оно совсем перестало работать. Пришлось лишиться и этого. Впрочем, Геня иногда получает газету с большим опозданием.

Я считал себя еще довольно крепким. Я обладаю достаточной выдержкой, здравым смыслом или силой воли, чтобы нормально расходовать, т. е. съесть то, что получаю. Считал, что я вынослив и долго еще могу продержаться не сдаваясь.

Но на днях я убедился, что это не так в отношении собственных сил. Я переоценивал их.

Надо было привезти мамину перину с нашей комнаты (они собрались уезжать – записались на эвакуацию и ожидают. Перины не берут, а нам втроем будет удобнее – пружины дают себя знать). Геня достала сани, и я пошел. Зашел в магазин, где мы прикреплены. Еще не получено масло. На дверях красноречивая надпись – «масла нет и не будет».

Дома я, не раздеваясь, продолжал свою работу, открыл второе окно и увидел многие недостатки в цвете. Может быть, этого и не нужно было делать. Собрал все, что поручила взять мне Тима, завернул в перину и простыню, связав все шпагатом, и втиснул в детские саночки. Привязать к саням не было веревки. Морозы стоят последнее время большие (немцев находят замерзшими у пулеметов). Чтобы не мерзли руки, я привязал к короткой веревке саней галстук, но и это не спасло. Я очень мерз в руки. Приходилось много раз останавливаться, т<ак> к<ак> перина сваливалась при малейшем наклоне в снег. Очень быстро темнеет, и к тому же, добравшись до Сенной, я начал уставать от всего этого. Наконец, я добрался до дома. Ну, думал, сейчас прекратятся мои мучения. Но оказалось, что это было только начало. Как втащить все это на 3-й этаж в полнейшей тьме, не будучи даже уверен, что ты попал в этот дом. С трудом я взобрался с периной на первую площадку, оставив сани внизу. Перина не тяжела, и я сам себе

удивился, что мне стоило такого труда втащить ее после нескольких остановок на 3-й этаж. Я буквально задыхался и тут только понял, насколько я обессилел, ослабел. Да, голод не тетка, и тут он дал себя почувствовать. Вот почему я и остановился на таком незначительном событии, как перевозка перины. И сделать это для меня оказалось подвигом. Я тоже простудился после этого путешествия и стал очень кашлять. Мы с Тимой оба, должно быть, очень беспокоили ночью Геню, которая спит очень чутко.

Тимочка не встает – очень ослабела, и Геня тоже простудилась. Геня со свойственной ей отзывчивостью горячо взялась за ее спасение. Эта задача окрыляет ее и дает ей энергию и силы, необходимые для добывания продуктов питания. Сейчас она не выпускает из дому и меня, и мои обязанности составляют теперь мелкие домашние работы, как подмести комнату, прибрать на столе, принести дрова (что тоже некоторого рода проблема для моих сил), наколоть щепок для подогревания воды.

Я привез и наш импровизированный из электрической плитки таган, на котором и мы кипятили поставленные кастрюли. Под таган идет много щепок – они сгорают как спички, и колоть их надо на вечер не менее часу.

Утром в 7–8 часов (последнее время я мало сплю) я встаю и начинаю колоть щепки, подогреваю воду для кофе, пока Тима и Геня еще в постели. Напившись, Геня уходит – «Волка, говорит, кормят ноги». Ей я дал денег, чтобы она покупала все, что можно еще купить еще (так в рукописи. – *Б. Е., А. Д.*) за деньги. Единственным мерилom, единственной ценностью – ходячей монетой на рынке-толкучке является хлеб, и трудно, очень трудно достать что-либо за деньги. Коробку спичек мне как-то удалось купить случайно в хлебной очереди за 5 руб. Табак «Ялта» Тима выменяла на кофе. А еще раньше нам удалось, дежуря в очереди с 5 часов утра, получить два раза по сотне папирос «Для охотников». Сейчас остался только один плохой табак, давно, уже более года залежавшийся, да стянутые гильзы выкуренных папирос.

Какая была радость, когда в один из дней Геня, вернувшись из своих рейсов, принесла от папы кусок хлеба грамм в 300. Кто-то там ему привез, а Геня описала ему положение Тимы, и он смилоствивился. Тут же его съели все вместе, как добычу.

В другой из дней Геня где-то на рынке (вернее, в обменном пункте) обменяла пол-литра вина на мясо. Наша «баланда» окончилась, и завтра мы едим мясной суп. Это тоже событие, тоже успех ее деятельности, к тому же соседка Гени, Паня (очень добрая, простая жен-

щина) дала ей рису (блюдечко для варенья), и у нас будет настоящий суп, – на два дня. Кроме этого у нас ничего нет. Помимо хлеба и воды, которую тоже надо приносить, т<ак> к<ак> водопровод бездействует. Вода берется в прачешной в чужом дворе, в темноте, и я совершенно промочил ноги, еще больше простудился. Мы часто ведем споры с Геней – она очень экспансивный человек, – часто, конечно, по мелочам, но никогда не доходим до ссор. Я понял ее, но она меня не всегда – иногда приходится и уступать ей, чтобы не раздражать, а не потому, что она права.

Она очень изменилась, вернее – ее убеждения. Как раньше она впадала в пессимизм, в приход Гитлера (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.), верила всяким вздорным слухам, в бесполезность защиты Ленинграда (как и ее папа) – я не раз ссорился с ними и повышал голос, так теперь она живет с надеждой на скорое освобождение, на улучшение, на то, что все мы выживем.

«Сергей Васильевич – сегодня 13 число, 13 января, и мы живем. Еще полмесяца – и мы спасены!» Это она говорит не раз.

Спорим мы теперь с ней по другим вопросам. Вот, например, она приходит с «рынка» и говорит: «Как жаль, что у меня не было с собой 250 руб. – сейчас там продавали плитку шоколада. Ведь это же экстракт – это концентрация». Я же говорю, что это безумие, покупать за такие деньги шоколад.

«Все-таки мне хватило бы его на полмесяца по квадратику в день». Я же доказываю, что квадратик в день ничего не дает – лучше купить хлеба и тем дополнить свой паек. Она берет хлеб вперед и съедает его. Мы же с Тимой до сих пор питались так, что кусочек хлеба сегодняшнего дня нам оставался на утро к чаю. Я доказываю, что она этим ничего не выигрывает.

Жажда жизни у нее колоссальная, и ей ничто не дорого. Она все преувеличивает и сегодня говорит, что отдаст патефон за килограмм хлеба. Я кажусь ей скупцом, и мне это обидно. Мы не понимаем друг друга. «Всё к чорту – всё на обмен, даже Жана¹⁸ отрез – лишь бы спасти жизнь!» Мне все это кажется несколько преувеличенным – «Мне дорог каждый день».

Тима независимо от меня тоже такого же мнения. Я пожалел Тиму, «поддался» Гене, и нам сегодня уже не хватает хлеба к нашему прекрасному супу, а к кофе и совсем ничего не осталось, т<ак> к<ак> на завтра хлеба Геня сегодня не достала.

Мы вышли из своего обычного бюджета. Мои слова, мой метод нашел реальное подтверждение. И даже Геня согласилась, что очень

хорошо, если оставлять хлеб на утро к кофе, чтобы не идти в очередь без ничего.

В этом соглашается и моя Тима. Нам нормируют продукты (минимум продуктов), и это не зря, поэтому надо свой паек тоже нормировать. Это теперь закон жизни, и основа его хлеб. Им определяется все, тем более, что сейчас уже 13-е число и ничего еще не дают на ту декаду, которая уже прошла.

Геня чужда всякой логике и часто говорит вещи, которые мне кажутся абсурдными. Мне кажется, что она внутренне все-таки соглашается со мной, но не хочет согласиться и тогда молчит. Она готова на все – все менять, менять и менять, спасать, спасать и спасать свою жизнь – за что угодно, за сколько угодно, все неважно.

По-моему, это не рационально, а она ничего этого не видит и слышать не хочет: «Вы живите как хотите со своими вещами, а я живу как я хочу» и часто говорит грубости, не выслушав или не поняв меня.

Но, конечно, я не обижаюсь на нее. Я отдаю должное ее удивительной энергии – она делает очень многое, и мы оба очень ей благодарны.

Свободные минуты я посвящаю чтению «Истории живописи XIX в.» Мутера¹⁹ (книги Юры Обьедова) и делаю из них при свете коптилки конспект. Забываю обо всем и погружаюсь в искусство и до некоторой степени нахожу нравственное удовлетворение в том, что живу не совсем еще животной жизнью. Ведь газеты Геня не получает регулярно, и даже такой «духовной» пищи не хватает на каждый день. Дома, в прошлом году, мы с Тимой читали газеты каждый день от строки до строки. Вопросы политики стали часто предметом наших разговоров. Мы все время следили по карте за нашим четырехмесячным отступлением, понимая его причины; с восторгом следим и сейчас за нашими первыми успехами. Не раз в 6 часов утра подымались с постели слушать радио. На прежней своей квартире у Лены – слушали выступление Сталина в Москве²⁰ и все понимали и разделяли и одобряли.

Да, так было, так должно быть, и верим, что так будет – враг будет разбит и уничтожен.²¹ Сейчас носятся слухи, что взято Чудово, что наша армия окружает немцев и с севера, и с юга, чтобы никому не дать уйти из-под Ленинграда, нанести полный разгром фашистам и всех уничтожить до единого – это будет справедливым возмездием за все, что претерпели ленинградцы и области, временно оккупированные этим зверьем.

Хочется дожить до этого недалекого уже дня, хочется дожить до полной победы! Ведь какое интересное время! Хотя говорят, и наверное так, уже тысячи ленинградцев погибли от голода, и есть отдельные случаи, что люди доходят до людоедства. Паня рассказала сегодня, что в милиции зарегистрирован случай, что отец съел своего сына. Кошки и собаки давно уже исчезли – должно быть, сами издохли, а говорят, многих съели. Откровенно говоря, я этому не верю! Все это шаблонные слухи и сплетни, порожденные голодом. Надо очень озвереть, потерять человеческое подобие, чтобы дойти до такого омерзения и ужаса – не хочется верить, что на это способен ленинградский человек!

Разбить булочную и утащить 150 буханок хлеба, как говорят, было на днях – это другое дело, это возможно. Вырезывание продуктов из сумок, даже просто кража хлеба у всех на виду с прилавка – это действительно факт – с этим придется согласиться. Ведь факты – упрямая вещь, как сказал Сталин.²²

Слухи о взятии Чудова оказались, мягко говоря, несколько преувеличенными. Взято Любытино²³ – я тщетно искал его на карте, но не нашел.

Тем не менее, упорно держится другой слух, что прорыв к Ленинграду уже сделан, что сейчас еще не восстановлена только железнодорожная сеть; мобилизован в городе транспорт и к нам идут уже продукты на машинах. Это находит свое подтверждение в том (я не вижу в этом тесной связи), что уже сегодня начали выдавать по карточкам вместо 200 гр. муки (отрубей) 400 грамм – 200 грамм мукой и 200 грамм крупой (пшеничной). Некоторые уже успели получить.

Не выдавали продуктов за 1-ю декаду будто бы потому, что производится строгий учет натуральных остатков и магазины были запломбированы. Хлеб сейчас часто удается получить довольно хороший, но очереди по-прежнему велики и надо стоять часами на большом морозе.

Геня, одушевленная своей идеей «спасать» нас, героически достает его и вообще делает очень много. Она очень строго следит за тем, чтобы Тима поменьше курила и была всегда в тепле: «Главное – сохранить калории, ведь это очень важно». – Конечно, она права.

Юра по-прежнему иногда ночует. На днях ему предстоит опять хоронить одну из своих старух. Это уже вторая. Тяжелая обязанность! Надо самому везти труп на санях на Кронверкский во двор или на Смоленское,²⁴ где трупы без гробов складывают штабелями и постепенно хоронят в братских могилах. Это стало теперь обыкновенным

явлением, а немного раньше просто тайком подвозили и подбрасывали трупы к больницам. Могилу уже роют общую государст<венную> городские рабочие за хлеб, который стоит теперь по «рыночной» цене 50 руб. 100 гр. Геня достала мне пачку «Звезды» за 15 руб. Надо будет ограничить себя в курении, т<ак> к<ак> безумно тратить 450 руб. в месяц на табак. Это – еще одно лишение!

Завтра надо будет и мне совершить рейс на свою квартиру и в банк – уплатить налог за Тиму и взять с собой патефон, который мы решили пустить в обмен на хлеб. Это, конечно, самая безболезненное, дальше может пойти мой синий отрез на брюки и даже синий костюм и в крайнем случае ручные часы Тимы – это решение наше обоюдное и единогласное.

Мне кажется, что город переживает сейчас наиболее острый момент, кризис, который, к сожалению, может затянуться недели на две. После этого начнется заметное улучшение, если, конечно, мы будем поддерживать себя по мере сил и возможностей, а эта поддержка только и возможна тем путем, о котором мы решили с Тимой, при энергичном участии Гени.

Жаль только, что и я ослабел и не могу принять, да и не умею, более активного участия в этом деле. Геня имеет больше связей и знакомств, и ей это удастся.

«Сегодня 15-е число (15-е января) и мы еще живем!» – говорит Геня, и эти слова звучат у нее как победа. И это, конечно, наша победа – без преувеличения – на фронте борьбы с голодом. Вопрос жизни и смерти решается у нас теперь не случаем, как раньше, внезапной смертью от бомбардировок, от снарядов, а вопросом времени, сколько мы еще можем продержаться, и каждый день играет роль. Смертность в городе сильно увеличилась, умирают не только старики, но и молодые женщины, которые вообще оказались выносливее мужчин. Последнее объясняется тем, что женщины вообще меньше тратят энергии и их организм меньше требует, кроме того, многие пили ежедневно, что тоже оказало свое трагическое действие.

По слухам, в городе умирает до 9000 чел. в день²⁵ – положение города поистине катастрофическое.

Вчера читал беседу Попкова²⁶ с корреспондентом «Правды», помещенную в передовой «О продовольственном положении Ленинграда». ²⁷ Особенно реального он ничего не сказал. Одно только утешительно, что, говорит, самое трудное время уже пережито, и в последние дни доставка продуктов значительно улучшилась по сравнению

с концом декабря.²⁸ Чего, собственно говоря, мы еще не ощущаем. Ругают железную дорогу, которая работала плохо, говорит.²⁹

Сегодня я путешествовал на квартиру. Надо было взять патефон, отрез и чай для обмена на хлеб или продукты, да захватить еще кастрюлю и сковородку, чтобы поджаривать хлеб, как мы привыкли, заглянуть и в магазин, не дают ли чего вместо масла еще за 2-ю декаду декабря.

В магазине, где мы были прикреплены, конечно, пусто. Ничего – даже касса не работает. По дороге я два раза проходил «толкучку» и мне удалось купить за деньги плитку шоколаду и достать немного овсяной крупы. Кроме того, Вова передал мне телеграмму из де Кастри от Жана – «поздравляет всех с новым годом, <желает> разгрома фашистов, здоровье Гени».

Так что домой я явился с победой. Геня была очень довольна всему: и телеграмме, и крупе, и шоколаду. Мы провели хороший, спокойный вечер, совершенно противоположный вчерашнему. Но лучше о нем не вспоминать. Я чуть не плакал от обиды и раздражения, в чем, конечно, были виноваты оба: и я, и Геня. (Геня в сотый раз сказала мне, что я нормирую продукты Тиме, – что в корне неверно, т<ак> к<ак> как раз вчера Тима взяла весь свой хлеб отдельно, в свое распоряжение.) Прогремел взрыв. Сейчас мы оба спокойно вспоминали об этом как ненормальном явлении и винулись друг перед другом. Всё нервы, нервы и нервы, обострились до болезненности истощением!

Будем стараться, чтобы такие сцены больше не повторялись – ведь все это крайне ненормально – мы же знаем друг друга и никогда не ссорились. Правда, не поссорились и на этот раз.

Рынок «барахолка» представляет собой жалкое зрелище голодных людей, из которых каждый что-то носит и выменивает на хлеб, «дуранду»,³⁰ сахар или папиросы. Ходячей монетой является хлеб. Сто грамм – пятьдесят рублей. Впрочем, на другом рынке дороже – 80 руб. Но дело в том, что за эти деньги хлеба не купишь. Его не продают, но все определяется им – 100 грамм. Напр<имер>, пачка «Беломора» или «Боевые» это 100 грамм. Табак «Ялта» (стоил 12 р.) или шестирублевые – на рынке 200 гр. хлеба. Два больших куска сахара – 200 грамм. 3 пачки «Звездочки» или «Норда» – 200 грамм.

Народу масса. Но если бы собрать все, что имеется на рынке, – все это такая чепуха, такая малость, что едва ли бы хватило одному человеку на месяц. Конфект и сахару набралось бы не более 10 (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.).

Посуда, самовары, обрезки кожи, табак, машинное масло (горючее), мыло и спички, пресловутая «дуранда» (жалкие кусочки), завернутая в грязную тряпицу, самодельные свечи, иногда елочные, дешевые портсигары, часы, соль и чай, очень редко шоколад обломанный, лепешки из неведомо чего серо-коричневого цвета, папиросы – вот почти все, что состоит предметом обмена. Ни мяса, ни каких-либо жиров, ни крупы на таком рынке не найти.

Люди толкуются на морозе целыми днями, не получив желаемого. Кто же выменяет хлеб, часто съедает тут же, даже не отойдя в сторону.

Проходя сегодня по Садовой,³¹ я увидел одну из сцен голода. Две женщины – мать и жена – привезли с работы на саночках молодого человека, с трудом заставляя его стать на ноги. Встретил и женщину, везущую в санях закутанного в большой платок, сидящего, еще не старого мужчину.

Эти картины стали обычными, и никто уже на них не обращает внимания. И мне приходилось помогать поднимать молодой женщине с ребенком ее упавшую старуху-мать и тащить ее во 2-й этаж. Обе не переставали благодарить меня всю дорогу.

Вечером мы разделили шоколад на три равные части, чтобы каждый мог съесть его по своему усмотрению. Геня, конечно, съела его весь сейчас же. Тима тоже почти кончила. Я же как-то привык уже пить чай без сладкого, с одним хлебом, и, поев бульону, только с 3-м стаканом чая съел одну плиточку из 9-ти. Я могу удержаться, хотя я всегда пил очень сладкий чай, и никто не скажет, что я не люблю сладкого.

Вопросы еды, разговоры о еде и продуктах занимают очень много времени и являются преобладающими над всем. Часто, уже лежа в постели, вспоминаем разные кушанья, печенья и варенья и даем себе обещанье, что впредь, когда появятся магазины по коммерческой цене, будем уделять <больше внимания> еде и приготовлению. «И как это мы не сделали запасов!» – это часто повторяется и варьируется на разные лады.

16/1. Принесенную мною овсяную крупу мы с Геней поджарили и перемололи в мясорубке. Сегодня она достала два кусочка сала (шпику) (мяса на «рынке» не было) и два маленьких кусочка сахара. Я разделил крупу на 4 части и сало – нам необходимо, чтобы этого хватило на 4 супа. Задачи дележки – труднейшие задачи. Суп вышел, как и все, что мы едим – «великолепный», хотя шпику пришлось там не более чем величина одного кусочка сахара. Сегодня я очень стра-

дал от недостатка табака. Последние крохи почти пыль, я безжалостно высыпал в печку, чтобы не мучиться, т<ак> к<ак> они уже не курились. Геня купила мне сегодня одну пачку «Звезды» за двадцать руб. Я был благодарен ей не меньше, чем вчера она мне за шоколад.

Куря, даже экономя дым, до последней степени (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.). Хорошо еще, что она сумела достать их за деньги – мне же это вчера нигде не удалось. Деньги совершенно лишаются всякой ценности на рынке и перестают быть разменной монетой – везде царит хлеб.

Надо срочно предпринять еще один героический рейс – пойти к вечеру домой, переночевать там и в 5 ч. утра, простояв до 11, когда бывает доставка, получить к 2–3 часам две пачки папирос, а в лучшем случае 100 гр. табаку, в табачном магазине на углу Нахимсона³² и Невского, где мы получали с Тимой раньше.

Бросить совсем курить теперь, не имея возможности чем-либо заменить, заглушить потребность еды и курения, невозможно – я готов не есть целый день, чтобы сберечь 200 гр. хлеба, но чтобы курева в это время было достаточно. Не есть же и не курить в течение целого дня – это кажется мне уже слишком трудной задачей, прямо-таки непосильной для моих нервов.

Геня меня не пускает, пока не пройдет кашель – не хочу ее огорчать.

17/I. На завтра у нас осталось 8 папирос – это при самой жестокой экономии, причем одной папиросой мы делимся.

Тима курит гораздо меньше – это по настоянию и договоренности с Геней. В дальнейшем она совсем бросит курить, и это является одним из необходимых условий ее поправки.

Сегодня Геня специально для нее сварила гороховый суп. Горох она достала у Юры. Ходил в булочную и взял хлеб для себя и Тимы на завтрак (Геня съедает на день вперед) – прекрасный хлеб, какого мы давно не видели со времени войны: хорошо выпеченный, свежий, пушистый и очень вкусный, даже не поджаривали, чтобы больше почувствовать его прелесть.

Решили взять хлеб вперед, и 200 гр. я попытаюсь обменять на табак, – когда пойду регистрировать карточки к себе в жакт – иного выхода нет.

Паня (соседка Гени) говорит, что уже сейчас питание рабочих в заводских столовых значительно улучшилось – обед состоит из трех блюд: дают мясное и на третье кисель. – Какая роскошь. Мы-то еще,

должно быть, не скоро будем иметь такой обед. Говорят, что с 20-го или 1 февраля мы будем получать по 350 гр., а рабочие по 500 гр. Хлеб – вот главное, чего нам не хватает!

Впрочем, и тогда мы не будем сыты. Дело не в хлебе! Это только кажется, что именно его нам не хватает. Вряд ли мы ели его когда-либо больше. Дело в том, что мы давно уже не получаем жиров, да и всего другого – сахару, мяса (которое заменяли то кровяной колбасой, то студнем в тройном размере), от этого и истощение.

Мы очень истощали, – я могу прощупать не только все ребра, но и весь свой скелет, и, ложась спать, мы чувствуем кости друг друга даже в таких местах, где о них можно было только знать и догадываться.

В комнате у нас все-таки холодно. Сосед Гени Владимир Иванович³³ даже удивился. Ведь, в сущности, мы не топим, а только кипятим воду 5 поленами, откуда же может быть тепло? Он сказал, что сам он берет дрова Кадонера, тот перед отъездом сам предложил ему и Гене. Сейчас же у него значительную часть их украли и надо брать, пока не раскрали совсем. – Наконец, можно будет заплатить ему потом или вернуть дровами, а не сидеть в холодине – я по-прежнему, как и дома, набрасываю на плечи пальто Тимы – без этого не высидишь, продрогнешь до костей.

Вечером к знакомой Гени пришел какой-то военный-спекулянт, и пошел мой патефон (моя премия из арт<ели> «Октябрь») за один килограмм хлеба.

Хлеб я решил утилизировать так: двести грамм я возьму с собой на рынок, когда пойду к себе, и обменяю его на табак; 300 гр. Геня обменяет на крупу или муку, а остальные 500 гр. мы разделим поровну для дополнения своего ежедневного бюджета. Я спросил еще пачку папирос – даст или нет, еще неизвестно. Он говорит, что это для другого, – конечно, врет. Сам продал мне в этот же вечер две пачки папирос «Звезда» и «Южные» за 35 руб. Патефон оценивается теперь в 500 руб. – килограмм хлеба – 500 руб. – это в 500 раз дороже его прежней цены.

Геня называет его чуть ли не спасителем: «он спасает нашу жизнь!» – восклицает она, а я называю его сволочью, мародером, дерущим с мертвого и живого, достойного только презрения! Не свой же это хлеб он меняет на предмет роскоши, а наверное краденый и во всяком случае легко ему доставшийся.

Сейчас я пишу при таком слабом свете, что совершенно не вижу букв и еле различаю строчки.

<18/1.> Город опустился, кажется, до последней уже возможности, как внешним своим видом, так и внутренним. Электричество, водопровод, канализация, трамвай, телефон, транспорт не действуют. Забитые витрины в защиту от осколков грудями песка и шлака, разбитые стеклянные вывески, почти сплошь забитые досками и фанерой окна, грязные двory – клоаки нечистот, небрежно, во что попало одетые люди, снующие по улицам с ведрами для воды и кастрюлями и чайниками, везущие на санях какой-то жалкий скарб или просто по мостовой тащащие какие-то бревна на веревке, мужчины, закутанные до глаз в женские платки, часто с палками в руках – голод и безмерная усталость, светящаяся в неподвижных глазах прохожих, – все это производит жалкое, гнетущее впечатление полного упадка, падения.

Вряд ли кто из уехавших из Ленинграда или живущих в глубине России может себе представить все это. Нет ни света, ни воды, ни топлива, ни хлеба.

Впрочем, хлеб теперь стал лучше, но эта прибавка была заметна только первые дни. Сейчас опять, как и раньше, стоишь перед неразрешимой задачей, когда делишь на день свой хлеб. Все разговоры и мысли у нас, да и у всех – только о хлебе, в мечтах о прибавке. Ждут ее к 25-му числу.

Завтра, 19-го января, отправлюсь к себе, зарегистрировать карточки – нормы нет до сих пор на весь январь; зайду к Николаю Сергеевичу³⁴ с запиской от Тимы, она оставляла ему 30 руб. – может быть, он достал табак или папирос, а также захвачу, Тима вспомнила, остаток (ложки две) муки в каком-то из мешочков и соль, которую тоже надо пустить в обмен. Может быть, удастся получить пачку «Ялты» за 200 гр. хлеба от патефона.

Геня еще вчера съела, кроме своего пайка, 150 гр. хлеба, который мы получили за патефон. У меня и у Тимы осталось еще на сегодня – она не может удержаться и готова съесть весь хлеб сразу, что и делает.

Ложимся спать рано – в 6–7 часов, я сижу еще некоторое время за историей искусств Мутера, но сплю плохо, и в 3–4 часа уже сон совсем покидает меня. Часы кажутся вечностью, а вставать рано, да и не для чего. Темень ужасная – окно более чем наполовину завешено и забито подушками от дивана, а в коптилке мало горячего.

Ворочаемся с бока на бок и, кажется, передумашь и вспомнишь всю свою жизнь.

19–20/1. Мой сегодняшний рейс нельзя назвать удачным. Я вышел вчера после 2-х часов и на всех фронтах не добился существенного успеха.

Банк был закрыт, в магазине огромная очередь уже получающих за первую декаду января муку, крупу («пшеничку») и друг<ое>.

Мне же надо было получить еще за II дек<аду> декабря масло и его заменяющий плавленый сыр. Добиться чего-нибудь, конечно, не было возможности.

В жакте регистрация карточек уже окончилась, я побежал в другое управление, но и там на сегодня закончено. Завтра – от 10 час. У Николая Сергеевича Петрова, с запиской Тимы о табаке, не достучался. И только на «рынке» мне с трудом удалось обменять взятые с собой 200 гр. хлеба (от патефона) на 100 гр. 6-рублевого табаку с доплатой 30 руб.

Пить кофе меня пригласила дочь Ольги Дмитр<иевны> Энкен – у них «буржуйка» – я наколол ей щепок из какого-то ящика – дров у них тоже нет. Едят они, кажется, все мало-мальски съедобное – по крайней мере, при мне варили столярный клей, подмешивая туда размоченные апельсиновые корки и сахар<ный> песок. Говорят, вкусно – что твой кисель. Впрочем, и на рынке я не раз видел в «продаже» клей, но никак не думал, что его можно есть.

Холодина у нас в комнате страшный. Я с трудом полуразделся и плохо спал до 4-х часов, покрывшись двумя ватными одеялами, ковром и своим пальто почти с головой. В 5 часов я был уже в очереди у магазина 28-м по счету. Усиленно говорят об увеличении с 21-го хлебного пайка. Многие видели не совсем обычную доставку на груз<овых> машинах. Есть и другие симптомы.

Магазин открывается только в 9 часов. Я зашел домой погреться, так как очень озяб, стопил 2 книги из ненужных и несколько замочных окантовок, с наслаждением покурил и пошел к Николаю Сергеевичу, т<ак> к<ак> надо было застать его до 8 ч. Не буду описывать его приема и общего впечатления, произведенного им. Достаточно сказать, что они были крайне неудовлетворительны, а что еще важнее в данном случае неблагоприятно – табаку он не получил и не достал.

На обратном пути я масло также не получил – сказал заведующий, что за прошлое – пропало. Карточки успел зарегистрировать. Собрал все, что поручила мне взять из дома Тима, и отправился домой. Банк и сегодня был закрыт. Сосед Василий Васильевич Тюрин³⁵ – рабочий Кировского завода – все еще болеет, с тех пор как его принесли полузамерзшего. Кстати, я вспомнил, да и хотел записать об

этом, что я впервые увидел вчера просто валяющегося на улице, на мостовой; труп человека (пожилой женщины), который лежит уже здесь более 12 часов и даже проходящие милиционеры не обращают на него внимания. Говорят, уже умерло $1\frac{1}{2}$ миллиона. Первое чувство было какое-то чувство неожиданности, а затем сейчас же пробудился чисто художественный интерес – мне захотелось ее зарисовать в этой позе мертвеца, уже ограбленного кем-то – валенки и варежки уже были сняты. Я с любопытством запоминал тон желтого цвета лица, оскал зубов и скрюченные отчего-то, местами красноватые руки, обернутые пестрыми лохмотьями ноги. Даже на обратном пути взял из дому папку и бумагу, но трупа уже не было. Да и промерз я ужасно, хотя и закутался шарфом до глаз. Сейчас это делают не только женщины, но и очень многие мужчины, даже красноармейцы.

Все ждут назавтра прибавки хлеба, как «манны небесной»!

В полученном сегодня номере «Правды» за 17/1 (газеты приходят с большим запозданием) есть очень интересный приказ германского генерала об уничтожении художественных и культурных ценностей, истреблении мужчин, партизан и женщин в военной форме. Приказ г. Рейхенау, командующего 6-й, теперь уже разбитой германской армии.³⁶ Прочту завтра. Я так устал, придя из дому не евши (хлеб, взятый с собой, я съел еще вчера у Ольги Дмитриевны), что просто не мог читать вслух, как обычно. Прочту завтра.

Я с трудом поднялся на лестницу (3-й этаж) – не хватает воздуха, задыхаюсь, не мог сказать несколько фраз. Даже Паня, я заметил, испугалась с меня и ушла из комнаты. Потом прошло, и я с удовольствием поел ипил кофе, принесенный от Ольги Дмитриевны.

21/1. Надежды многих легковверных на увеличение с сегодняшнего дня пайка не оправдались. Хлеб выдают по той же норме. Да, помоему, и не было к этому никаких оснований. Перерегистрация карточек закончилась только вчера, и для учета и распределения, конечно, не было достаточно времени. Думаю, что для этого нужно не менее 3-х-4-х дней – примерно к 25 числу.

Тима из осторожности, чтобы не пропала эта добавочная часть нашего пайка, просила пока брать хлеб только на один день. Геня же уже съела хлеб за два дня вперед, и теперь, чтобы не остаться совсем без хлеба, на общем совете мы решили не пускать в обмен те 300 гр. хлеба, которые остались у нас от «продажи» патефона, а разделить их на 3 части. 200 гр. Геня взяла взаимобразно до увеличения пайка, а 100 гр. мы с Тимой разделили и тут же съели. Был с Геней в новом

магазине, где мы теперь прикреплены, но выдавали только масло по 50 гр. на человека – очень большая очередь, и мы ни с чем вернулись домой.

После долгого перерыва, чуть не в месяц, этот мерзавец опять начал обстрел нашего города из дальнобойных орудий. Говорят, орудия у него на санях, он часто передвигается для того, чтобы было труднее его выследить. Наши части продолжают его теснить, и этот обстрел только показывает его бессильную ярость и отчаяние.

22/1. Никогда мы не уделяли столько времени вопросам еды и питания, как теперь. В этом занятии мы проводим иногда целые вечера. Все мечтают о том, когда настанет лучшее время, когда будут продукты, когда можно будет, хотя бы даже по дорогой цене, в коммерческих магазинах купить, что захочешь. Мечтаем не о деликатесах, а о простом, здоровом и сытном столе. Каждый вспоминает свои любимые кушанья и с увлечением рассказывает о том, как они готовятся. Мы даем обещание в первое время не обращать внимание ни на что, ни на вещи, ни на какие тряпки, только питание, питание и питание. Это главное! Мы научились ценить то, что было таким обычным, неинтересным и чему я с Тимой уделял так мало внимания. Только бы нам продержаться, не пасть, не слечь совсем. Сейчас на меня особенно подействовало известие от Гени, что вчера умерла от голода Роза Штык³⁷ – такая симпатичная, здоровая, цветущая девушка. Кто бы мог этого ожидать?....

Да, – голод ужасная вещь! И это не в какой-нибудь глуши – где, может быть, некому помочь, но здесь, в центре, в лучшем, культурном, социалистическом городе, среди родных и знакомых!

На Геню эта смерть тоже произвела большое впечатление. Она впала в пессимизм и говорит, что если через 3 дня не будет прибавки хлеба, она умрет. Мы всячески успокаиваем ее.

Обстрел города сегодня продолжался так же интенсивно, как и вчера.

23/1. Вчера я, очевидно, простудился, т<ак> к<ак> к вечеру почувствовал сильный озноб и ночью температура поднялась до 38° Это очень некстати, – сегодня мне надо было принести дрова и наколоть щепок для подогревания.

Сейчас выдают за I и II декаду по $\frac{1}{2}$ кило ржаной муки (Геня уложила меня в постель). Она получила только по своей карточке 500 гр. муки и сварили «баланду». Все согласились, что лучше сделать погу-

ще. Получилось что-то вроде кулеша. Она получила сегодня 100 гр. масла на наши две карточки, и вечером мы ели такой густой суп, какого вообще в жизни не ели. Решили не ожидать, когда еще будут выдавать крупу, и взять вместо нее муку. Хлеб она берет, как я уже писал, на два дня вперед – 400 грамм, не может его распределить и съедает чуть ли не в один присест, оставляя к «обеду», как она сама выразилась, хлеба «с гулькин нос». Без этого, она говорит, что не способна двигаться.

Люди продолжают падать на улицах, некоторые наблюдают такую картину голода: упал истощенный человек и сейчас же умер, проходящая мимо женщина мигом обыскала его карманы и вынула карточку. Подошедший милиционер тащил ее в отделение.

Я разговаривал сегодня с одним слесарем, бывшим студентом технологического института, механического отделения. Он рассказывает о работе на заводе. В первые месяцы войны он, пока еще не привык, зарабатывал мало, потом освоил свое производство, упорно работал по 11 часов и получал в месяц по 800 руб. Сейчас же так ослабел, что, проработав 2 часа, вынужден отдыхать почти столько же и зарабатывает теперь 90 руб. в получку. Так работает теперь большинство рабочих. Нет сил, – производительность очень снизилась.

Все говорят о пребывающем по финлянд<ской> дороге продовольствия для Ленинграда – Бадаевские склады, говорят, переполнены,³⁸ все живут надеждой на прибавку, теперь уже с 25-го или 1 февраля. Говорят, рабочие будут получать 500 гр., а мы, грешные безработные и иждивенцы, – по 350 гр. Но пока ничего этого мы еще не чувствуем, и всякое разочарование в надеждах на прибавку только ухудшает наше подавленное состояние.

Выступал по радио писатель Вишневский и красиво говорил о мужестве ленинградцев, стойко переносящих все тягости и лишения, мужество которых войдет в историю.³⁹

Мы не герои, хотя мы (я и Тима) одни без помощи кого-либо другого предотвратили пожар в своем доме, когда фашистским стервятником были брошены зажигательные бомбы, на наш дом напавшим так внезапно, что даже и не был дан сигнал воздушной тревоги. Мы дежурили на чердаке; вдруг услышали сильный свист и огонь; пробив крышу, бомбы упали на чердак. Одна из них пролетела над нашей головой и упала в 2–3 шагах. Первое мгновение у меня мелькнула мысль, что это снаряд. Но, увидев горящую и сыплющую искры бомбу, я крикнул к Тиме: «Бомба!» и сейчас же схватил ее рукой, чтобы бросить в бочку с водой, но не попал. Она упала между бочкой и рельсой. Тима, ин-

стинктивно пригнувшись в первый момент, когда мимо пролетала бомба, сейчас с непонятной для нее силой отодвинула рельсу, и мы, мгновенно засыпав ее песком, бросились дальше, где потушили 3 бомбы. Все помещение чердака было полно дыма – мы наглотались его, так что горло сдавливало кольцом. И когда поднялись наверх управхоз и другие члены ПВХО – все уже было ликвидировано.

В жакте нас торжественно поздравили – жали руки и называли спасителями – составляли протокол. Потом нас выбрали в президиум собрания и поместили две статьи в стенгазете.

Мне хотелось записать этот эпизод, сейчас он вспомнился в связи с выступлением писателя Вишневого – и у нас есть гордое сознание, что мы тоже что-то сделали для обороны города. Кроме того, Тима, как и многие тысячи ленинградцев, участвовала в постройке оборонительных укреплений на подступах к Л<енингра>ду более 2-х недель, а я работал в городе, в саду Народного Дома⁴⁰ по рытью и укреплению траншей.

Наш дом по Б<ольшой> Московской, 14 пострадал, вернее его крыша, только от зажигательных бомб. Два дома против наших окон – №№ 9 и 13 сильно пострадали от фугасных бомб – еще в октябре месяце, и № 9 от артиллерийского снаряда. Рядом, на Свечном переулке, произошел пожар от зажигательных бомб, брошенных одновременно и на наш дом, но где не сумели их потушить вовремя.

Многие из эвакуировавшихся из Ленинграда еще два-три месяца тому назад даже не представляют себе того, что мы теперь переживаем, не понимают нашего положения – состояния людей изголодавшихся, лишенных самого необходимого: света, тепла, воды, хлеба; ослабевающих с каждым днем и умирающих медленной голодной смертью. Они пишут наивные письма своим родным, что у них, в Сибири, трудно купить теперь сахар и манную крупу, и просят выслать им посылки. Некоторые даже высказывают сожаление, что уехали из Ленинграда.

Никто не знает истинного положения вещей! Все это звучит для нас очень наивно и глупо. Но очевидно, что тот, кто не пережил этого, не в состоянии все это себе представить, и мои бесхитростные заметки – ленинградца этого тяжелого времени – приобретают некоторую ценность. Буду и дальше продолжать их по мере возможности, т<ак> к<ак> ведение их дает какой-то выход тому томительному бездействию, на которое я обречен сложившимися обстоятельствами.

Мороз стоит у нас большой, до 30° – пусть мерзнут проклятые фашисты! Будут помнить русскую зиму! Обстрела сегодня не было.

Последние дни раздражение нашей теперешней хозяйки Гени стало совершенно невозможным. <5 нрзб.> но даже обычный в общезжитии вопрос вызывает у нее целый несмолкаемый поток разных слов и оскорблений. Никогда она такой не была. Всегда была отзывчивой и чуткой, ко мне относилась с уважением, к Тиме с сестринской любовью.

Сейчас от этого не осталось и следа. Каждое твое слово, сказанное по отношению к ней, толкуется вопреки всякой логике и здравому смыслу обратно. Иногда эти разговоры грозят почти полным разрывом наших отношений. Она не способна выслушать другого и понять – тысячу раз твердит об одном и том же, и нестерпимо слышать это, хотя ты давно уже молчишь.

Можно было бы иллюстрировать это многими примерами, но ни к чему. Ее раздражает даже тиканье нашего маленького будильника.

Одним словом, <2 нрзб.> чрезвычайно обострились, до последней степени нервозность. Все это, конечно, понятно. Одна, без Жана, борьба за жизнь, этот военный комиссариат и др. – она не владеет собой во многих отношениях, даже запретила задавать ей вопросы.

Я понял ее – к ней надо относиться как к больному, ненормальному человеку. Мы не можем жить общей жизнью, как думали, идя сюда с открытым сердцем и душой, чтобы помогать друг другу в это трудное время. Мы не могли найти общего языка – и договорились с ней на том, что она действительно (она согласна) ненормальный человек. Но странно то, этот ненормальный человек находит в себе достаточно сил для того, чтобы сдерживаться, когда Юра (посторонний человек, а не родная младшая сестра) говорит ей слова истины, нередко приходившие мне на ум, что животные инстинкты у нее особенно обострились – все сводится к вопросу еды. Он выразился грубо: «Ты, как собака, набрасываешься на всех, когда голодна, и смирна, когда сыта!». Она не только не вспылила, но отнеслась к этому совершенно покойно. Вот этот-то контраст в отношениях к двум разным людям, из которых один – близкий родной человек, а другой посторонний, – меня и поражает. Каждое слово к Тиме звучит приказанием, резкостью, ненавистью. К другому же нет.

Я знаю и другие примеры подобные и даже худших проявлений обнаженной животной натуры. Мужья расходятся с женами и живут на чужих людях (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.). Другие идут на воровство и преступление, у Гени же в ее жизни главное внимание обращалось на питание. Готовить – это ее страсть. Вот почему этот вопрос так у нее обострялся и выливался в такую грубую, нетерпимую форму.

Ожидаемая прибавка пайка наступила неожиданно с 24/1. Нам – иждивенцам – прибавили только 50 гр. хлеба (получаем теперь 250 гр.), служащим 100 гр. (получают 350 гр.) и рабочим 50 гр. – получают теперь 400 гр. Таким образом, заметили эту прибавку только служащие. Рабочие и мы – совершенно не ощущаем этой куриной прибавки в 50 гр. Поэтому это особенно обидно должно быть рабочим, как тратящим наиболее физической энергии.

Я лично думаю, что эта прибавка, конечно, долгосрочная, и в связи с продолжающимся прибыванием потока продуктов в Ленинград она, конечно, будет увеличена с 1 февраля.

Газету мы получаем с большим запозданием – живем слухами и разговорами, которые доходят до нас, опережая газету. Вот и сейчас в связи с прибавкой и о наших успехах на Западном фронте. Говорят, взята Двина, осажжены Великие Луки, все почувствовали себя как-то бодрее. К сожалению, это приподнятое настроение значительно отравилось новым нашим житейским, бытовым бедствием. Нет воды! Нам и так с большим трудом доставалось каждое ведро, которое приходилось разыскивать и простаивать в очередях, тащить при таком морозе, ничего еще не евши, на 3-й этаж.

Мы с Тимой поели новый суп – поджаренные мной корки хлеба в горячей воде вместо кофе или чая.

Наконец к 5 часам Геня узнала, где нашли воду, где-то довольно далеко в проруби на Пряжке. Я предложил свои услуги. Ведро сняли, и я пошел.

Навстречу мне уже шли люди с полными ведрами. Спросил, где вода, – да вот, говорят, у пожарников. И действительно, только теперь я обратил внимание, что чуть не вся половина улицы запружена выброшенной из окон спасенной мебелью. Дальше стояла пожарная машина. Оказывается, горел соседний дом. Конечно, от недосмотра, от т<ак> наз<ываемой> «буржуйки». Обрызгавшись водой, я набрал воды себе и какой-то женщине и вернулся домой скоро с полным ведром. С трудом отдышался уже в комнате, после подъема. Оказывается, даже ведро воды было мне не по силам.

Мы перешли теперь на другой диван, дальше от печки, где спал Юра. Геня сама захотела, чтобы мы готовили отдельно, отдав ей 100 гр. муки (она, очевидно, сознала свою страшно неудачной), и т<аким> образом мы совершенно отделились друг от друга. Придется просто считаться с ней только как с квартиро-хозяйкой. Всякие разговоры с Тимой она считает излишними. Что ж? Придется уйти в свой мир, жить обособленно на положении терпимых.

Вечером мы уже сами варили из полученной мной вчера муки «баланду» – она у меня получилась с галушками. Геня же очень страдала от болей в желудке. Сама попросила чашечку чаю – варил 3 чашки (чаю она никогда не делала). Я налил ей, спросив, не хочет ли она хлеба.

Из сегодняшних впечатлений сильнее^e на меня произвело зрелище трупа мужчины под аркой нашего двора. Мужчина лежал навзничь, лицом к земле (так в рукописи. – *Б. Е., А. Д.*), без шапки и ботинок. Наверное, ограбленный, может быть, тем, кто его вез. Очевидно, что его к нам подбросили, не довезя до кладбища. Рассказывают, что это тоже один из уже обычных способов освободиться от трупов – подбрасывание ночью.

Хлеба мне сегодня не удалось достать нигде – там не хватило, здесь булочная не открывалась. Говорят, все это из-за недостатка воды. К счастью, я обеспечил ею нас вчера у пожарной. Дом продолжал гореть и сегодня до 10 ч. вечера.

Что значит удача? «Достать» – не купить, а именно «достать» что-нибудь по карточке, что тебе полагается по самой минимальной норме, после долгого стояния в очереди – это уже удача.

Гене сегодня удалось получить для себя и нас мясо – прессованное. Радости ее не было конца. Все было забыто, она много раз спрашивала, доволен ли я, но больше всего довольна была, конечно, она. Нечего говорить, что свое мясо она съела, покрошив и поджарив сейчас же, сегодня. Мы же сегодня не получи^{ли} даже хлеба. Я два раза пек лепешки из муки, и мы два раза ели их с кофе.

Весь день она была очень оживлена. Дали бы нам хорошее питание, и все пройдет. Она воскреснет, будет царить, как королева бала. Весь день прошел в хозяйственных заботах – я выносил ведра, приносил дрова, мел комнату, два раза ходил в булочную, кипятил воду и делал лепешки.

Табак у меня совсем вышел – это наибольшее для меня лишение. Единственный выход из этого положения – скопить 250–300 гр. хлеба, идти на рынок. Завтра это мы получим и за сегодняшний день. Мы почти безболезненно сможем отделить их от сегодняшнего полученного пайка и обменять их на табак или в крайнем случае папиросы. Словом, без «несчастья не бывать, говорят, и счастью», как вчера с водой и пожаром.

Надо встать в 4 ч. ночи и занять очередь, т^{ак} к^{ак} магазин откроется в 6 ч. утра – хлеб, я думаю, не пропадет.

27/1. Газет нет. Ходят упорные слухи, что наши успехи по окружению германской армии, осаждающей Ленинград, подвигаются очень успешно. Уже взята Старая Русса, на днях освободят Великие Луки.⁴¹ Надо замкнуть кольцо, окружив немцев, как они окружили Ленинград, надо отрезать им все коммуникации, уничтожая транспорт, надо заставить их переносить все те лишения и ужасы голода, которые мы испытываем, надо отомстить им, заморив холодом и голодом, наконец, надо уничтожить их, не выпустив ни одного, не дав им пробиться. Пусть все лягут здесь до единого – это будет только справедливое возмездие! И я верю, что так будет!

Транспорт товаров к нам идет потоком, по уже <1 нрзб.> исправленным и вновь проложенным путям по Ладожскому озеру, но дальше идет только на автомашинах до 300 машин, делающих по 3 рейса, а оттуда медленно – слишком сильно укрепились немцы и нам их скоро не одолеть в этом пункте. В таком случае мы одолеем их окружением. Возьмем голодом.

В городе, несмотря на прибавку хлеба и жиров (150 гр. масла), все те же неполадки и разруха. Все так же нет воды. Сегодня я ходил по воду на Пряжку. Сегодня я встал в 4 часа ночи и, простояв до 9, получил хлеб за вчерашний день, сегодня и день вперед. Хлеба получил много 1 1/2 кило и Гене 250 гр., но выделить 350 гр. на табак было очень трудно. Так соблазнительно было поесть его побольше. Но курить тоже надо. И сегодня я отправился на Сенной рынок, где с трудом достал пачку «Ялты» за 350 грамм. И еще с большим трудом я принес воду. Отдышка или сильно затрудненное дыхание при подъеме с большим трудом позволили мне подняться, несколько раз оставиваясь, на 3-й этаж.

Как бы то ни было, я все-таки после упорного сопротивления тоже победил на всех фронтах этой отчаянной борьбы голодного человека за жизнь.

Мы мечтаем о весне – сколько с ней соединено надежд – таких живых и бодрых, – мы сами расцветем, расправим крылья и заживем новой, очищенной страданием жизнью.

Декабрь был самым тяжелым временем, и мы его пережили – теперь будем жить! И жизнь свою мы построим иначе, мы с Тимой еще больше поняли друг друга, сумели оценить, и остаток лет, который нам положено прожить, мы проживем лучше. Страдание многому нас научило.

Я увидел у Жана 3 прекрасных открытки, уже использованные, присланные кем-то родным из-за границы – 2 Рембрандта, 1 Рубенс

и 1 Карьер.⁴² – Долго боролся с желанием взять их и наконец, поделившись своей навязчивой идеей с Тимой, решил взять их для себя. Конечно, я скажу об этом Жану – он поймет и не осудит, и, конечно, он их мне уступит. Это такой милый человек! «Широкая натура», полная бескорыстия, отзывчивость – все те его качества, о которых часто говорит Геня как о недостатках и которые я очень ценю. Редко встретишь такого милого человека. Тима вполне разделяет мое мнение.

Я очень устал, совершив сегодня такие подвиги, как вода, рынок и хлеб. На завтра – моя боевая задача только дрова.

Дни стали значительно длиннее – мне очень хочется написать замерзшее окно, иней и траурную процессию, которую сейчас встретишь на каждом шагу. Но нет света. Может быть, мне удастся сделать эту группу в скульптуре из пластилина. Буду дома, захвачу его и стекла.⁴³ Хочется работать – а выхода нет. Хорошо, что удалось написать хоть *nature morte*.

Я видел сегодня троих мужчин, везли два трупа на одних саночках, навалены один на другой. Нижний завернут..... всегда, верхний же раздет чуть ли не догола, в скрюченной, замерзшей позе. Конечно, эта группа нескульптурна, да мало ли что. Ведь и «Граждан Кале» Родена⁴⁴ называют нескульптурными. Не в этом дело!..

Я делюсь своими мыслями и желаниями с Тимой, и она меня понимает и утешает. Мы находим в друг друге взаимную поддержку.

28/1. Геня заболела и к тому же съела весь свой хлеб вчера – сегодня ей не дадут. – Мы ее подкормили, сделав суп из костей и муки, и она сразу поправилась, оживилась и говорит с Т<имой> совсем в другом тоне весь день. Все это показывает, что все ее нервы, настроение, все придирки и бестолковость порождены голодом.

Мы же с Тимой не теряем бодрости и мечтаем, что с весны, со светом я буду много работать. Мы часы проводим в разговорах об искусстве и моей работе, о понимании искусства, о жизни художественных произведений, мечтаем даже о моем возврате к лепке, к скульптуре и даже о перемене профессии художника-плакатиста на скульптора, хотя бы в театр<альной> бутафор<ской> мастерской. Все это она разделяет со мной – моя незаменимая подруга жизни. – Нет, и голодом нас не возьмешь – я все-таки художник, хотя сейчас я превратился в собственного иждивенца – домашнюю хозяйку. Наслаждаюсь табаком «Ялта», историей Мутера, мечтаем о работе и искусстве, хотя завтра опять предстоит стояние на морозе с 4 часов ночи до неизвестного времени, когда привезут и будут выдавать хлеб. Опять

замерзание в очередях – борьба за жизнь, за кусок хлеба – для себя, Т<имы> и Гени. Опять поиски воды, дрова, печь и суп из поджаренных корок хлеба с уже остатками муки, ограничение в хлебе, для обмена на табак и т. п. прелести – теперешнее не жизнь, а существование.

29/1. Сегодняшний день был для меня, а потому и для других (Тимы и Гени) исключительно неудачным. Несмотря на то, что я встал в 4 часа – очередь за хлебом была уже около 400 человек (магазин открывается в 6), но выдавали только вчерашний хлеб, которого не успели выдать вчера за поздним привозом. Этого хлеба на нашу очередь, конечно, не хватило. Оставшиеся остались ожидать нового привоза, и было неизвестно даже заведующему, когда он будет. Я, предупредив, конечно, своих соседей, пошел домой, чтобы сделать номера более 150 штук, а когда пришел весь замерзший, так как не ношу валенок, то оказалось, что уже раздали номера без меня, и мне пришлось стать самым последним. Еще не раз я поднимался с трудом домой на 3<-й> этаж, не выдерживая томительного ожидания на сильном морозе, но подвоза так и не было. Наконец, вышла заведующая булочной и сказала, что ей звонили по телефону, что сегодня хлеба не будет из-за мобилизации транспорта для нужд Красной Армии.

Таким образом, я, очень устав и продрог<нув>, только со стаканом пустого чая, простоял напрасно на морозе в очереди 13 часов, с перспективой повторить этот подвиг и завтра.

Вечером неожиданно пришла Леля⁴⁵ и сказала, что она имеет возможность сегодня получить хлеб для всех нас на 3 дня, т. е. до 1 февраля, если кто-нибудь пойдет с ней на площадь Труда. Идти куда-либо (надо было привезти и воду) я уже не был в состоянии. Геня, окрыленная неожиданной надеждой, пошла с Лелей, но вернулась ни с чем. Хлеба не привезли, но ей удалось договориться с соседкой, что та заодно возьмет и нам всем паек за 3 дня за 100 гр. хлеба. Это, конечно, безумная цена, но слов нет, и пришлось согласиться. Только таким образом нам обеспечен хлеб. Вообще же хлеб есть, а если его нет, то выдают муку. Задержка происходит исключительно из-за местных условий – транспорта, отсутствия электроэнергии и т. п. объективных фактов.

Вечером вместо чая (нет воды) пили давно взятую бутылку подогретого пива. Много мучился с коптилкой. Остатки горючего по неосторожности разлила Геня на пол, и едва успеваю записать эти несколько слов. Горючее я взял «лаковое масло», употребляемое для живописи (наверное, Жана, хотя Геня говорит, что оно принадлежит

Юре). Какое он имеет отношение к живописи. Сомневаюсь – наверное, это Жана. Юра же употребляет его в подогретом виде в пищу. Нет! Суррогатов таких и подобных мы еще не ели, надеюсь, и не будем есть. А Энкен, я сам видел, варила столярный клей с сахарным песком. Да мало ли что теперь едят – сегодня говорят, что 2 родителей съели своего двухгодовалого ребенка. Но повторяю, я лично все эти ужасы считаю маловероятными.

В моей очереди за хлебом упала от истощения молодая женщина лет 30, и я отвел ее с помощью другой женщины из очереди домой, на канал Грибоедова. Позже тоже в очереди ее мать поблагодарила меня за оказанную помощь ее дочери, фамилия их К<нрзб.>, и рассказала, что 1-го января умер ее муж.

В другом доме, на ул. Халтурина, нашли целую семью в разных комнатах и даже кухне, умерших от той же обычной теперь причины – голода. Почти в каждой семье есть уже умершие голодной смертью. снабжение все еще не налаживается, как обещал Попков в своем выступлении, и люди валяются, как сонные мухи. С каждым днем все больше и больше – как от какой-нибудь эпидемии.

Гобсек⁴⁶ (Юра) обещал нам сделать одолжение, как он не преминул подчеркнуть, и продать нам две пачки махорки за 75 руб.

Наше невольное и полное голодание сегодня позволяет нам сразу отделить 350 гр. <хлеба> на табак, и 31-го, идя за новыми карточками в жакт, я приобрету табак, так что этим мы будем обеспечены еще дней на десять.

Я разделил табак на порции и стараюсь жестко его нормировать.

Поздно вечером мы, покушав разведенные подогретой водой жалкие остатки нашей баланды и выпив по стакану подогретого пива, я почувствовал большое удовлетворение, хотя за весь день никто из нас не имел во рту ни крошки хлеба. Как мало нам надо в том состоянии, в котором мы теперь.

Сегодня обстрела не было.

30/I. Нетерпение Гени, когда был принесен хлеб, было непередаваемо. С ней сделался буквально пароксизм – она умоляла меня как можно скорее одеться и отделить от обещанного хлеба ее паек, так умоляла и обещала тысячи благодарностей, как будто от этого сейчас, сию минуту зависела ее жизнь и «всякое промедление смерти подобно».⁴⁷

Я, даже не одевшись, как обычно, поспешил это сделать. – Она сейчас же набросилась на этот хлеб и с трудом отделила немного на завтрак. А хлеба было 750 грамм.

Я же разделил хлеб как обычно, отрезав сразу 350 гр. от нашей общей с Тимой порции для обмена на рынке завтра на табак, принес дров, расколол, нащепал щепок, затопил печку и вскипятил воду, поел его, поджарив (вернее, подсушив немногим более, чем обычно).

Тима тоже немного не удержалась и съела вдвое больше, чем обычно, да это и понятно, после вчерашнего дня, когда мы не видели ни крошечки хлеба, настроение у Гени сразу приподнялось, она уже не назначает дни, когда она умрет, и собирается со мной пойти по воду на Пряжку с санями, чтобы помочь мне сразу взять много воды.

Приходил Юра и показывал некоторые старинные ювелирные ценности, которые я рассматривал с большим интересом: золото, серебро, хрусталь и камни.

Иногда к нам заходит Паня, соседка Гени, рабочая с N завода, простая, скромная, отзывчивая женщина – в трудную минуту она не раз приносила нам пару папирос. Я плачу ей тем же вниманием.

Должно быть, под влиянием сегодняшнего спокойного для Гени дня (она никуда не ходила, а хлебом обеспечена на 2 дня) она совершенно успокоилась после вчерашних эксцессов. Мы все вместе у горячей печки мечтали вслух о том счастливом времени, когда в будущем мы соберемся вместе, наш маленький коллектив, у меня на квартире, чтобы сообща устроить тихий вечер, хорошо закусив горячим блюдом с вином, спокойно посидеть в чистой уютной комнате, попить чайку, послушать патефон (Генин), поговорить, и может быть, чтобы почувствовать всем вместе глубокую радость освобождения от этого кошмарного, но уже пережитого сна. Жаль только, что не будет с нами Жана – наверное, он все еще будет в армии, далеко, далеко от нас!

День прошел весь в хозяйственных домашних заботах. Я два раза ходил за дровами, колол, рубил, мел, выносил грязь и, наконец, ездил на саночках с Генией по воду, чтобы набрать ее на два дня. – Мы случайно набрали воды прямо посреди улицы, недалеко от нас, из маленькой проруби, образованной водой из пожарного края. Были очень довольны, что это близко и нам не пришлось идти на Пряжку.

Обстрел города продолжается. Наши войска взяли Лозовую на юге,⁴⁸ – нам, ленинградцам, не легче, но мы живем этими успехами, вселяющими в нас надежду и мужество, которых я лично никогда не терял.

31/1. Опять мой очередной «героический» рейс окончился полной неудачей, боевая задача была получение продовольственных карточек на новый месяц – февраль. Но я пришел домой ни с чем. Жакт

был закрыт. Карточки еще не получены. То же и относительно получения масла за 2-ую декаду декабря. «За декабрь ничего не выдаем» – таков был ответ заведующего. Только на «рыночном» фронте, после упорного сопротивления, мне удалось одержать крупную победу. За 300 гр. хлеба я получил 100 гр. отборного табака. Михайловой и Энкен не застал дома. Я очень натер себе ноги на пальцах – получились ссадины до крови – очень медленно возвращался домой.

Значит, завтра опять предстоит то же удовольствие и еще более «героический» рейс, т<ак> к<ак> надо принести ватное одеяло М. М.⁴⁹

1/III. Мне все удается с большим трудом, с большой затратой энергии. На этот раз я наконец получил карточки, но опять-таки без борьбы. Ко мне вдруг почему-то придрался управхоз и не хотел давать карточек, пока я не представлю ему свидетельства о переучете.⁵⁰ Дурак, я лучше слежу и знаю об этом деле и, конечно, сумел доказать ему свою правду. Он смирился и молча стал ставить печати на карточках. Но этим и ограничилась моя победа. Дальше меня да еще в большей степени ожидающ<ую> меня Тиму ждали горькие разочарования. Хотя и носятся слухи, что везде привезли массу хлеба, но в наших булочных его уже не оказалось.

То же и с Михайловой – она в том же положении полуумирающей и денег (ее долг 250 р.) не отдала, как и ключ, который не мог найти и я сам. Очень жалко, что не взял сани, чтобы тащить мамино одеяло, которое оказалось мне уже не под силу, я с большим трудом, еще более намучив ноги, задыхаясь, не евший целый день хлеба, после всех неудач – вернулся домой. Согрели кофе, попили с Тимочкой и легли спать почти совершенно голодные, если бы не Геня, занявшая до завтра 250 гр. хлеба.

Наутро я сравнительно легко получил хлеб для себя и Гени. Нам на 3 дня, Гене – на два. Она была вне себя – так умоляла меня поторопиться и разрезать ей хлеб, когда я его принес. Тут же без чая или кофе, лежа, держа обеими руками, даже не разрезав, съела почти весь без остатка, хотя чувствовала себя очень неважно, должно быть, простудившись. Потом горячо меня благодарила за все. Нет – это решительно больной человек, совершенно не владеющий собой – то же и Михайлова съедает весь хлеб, паек 250 гр., в один прием. Мы же с Тимой сумели благоразумно удержаться и даже отделить 100 гр. – чтобы копить его в обмен на табак.

Варить нечего – и мы сварили бульон из гренок из хлеба – это наш обед. Это мое изобретение и приготовление. Во время своих пе-

риодических путешествий по городу я вижу все те же картины, о которых я уже писал, но количество их все увеличивается. Навстречу мне все больше и больше идут картины голода (медленно умирающие люди) во всех его проявлениях от хождения или беганья с ведрами в поисках воды и стояния в очередях, медленного передвижения с помощью палки в одиночку, на детских саночках, от временной потери сознания и падения на улице до полного, уже совершенно безнадежного обессиливания, лежания часами на улице и, наконец, до последнего шага, тайного подбрасывания трупов, зарывания их в снег на улицах или «стаскивания на свалку», как теперь принято выражаться.

Нервы притупляются, картины эти кажутся обычными, и ты сам начинаешь проходить мимо них равнодушно, как будто это все обычные, нормальные явления. Да, общая усталость увеличивается, теряешь силы и способность реагировать – сам делаешься полутрупом во всех отношениях. Печально это для человека!

А между тем наши победы на фронте все возрастают – трофеи с 16 по 26 января колоссальны, особенно на Запад<ном> фронте.⁵¹ Только на нас это еще не отражается. Население не почувствовало облегчения и почти никто фронтовыми делами не интересуется – каждый занят только одной мыслью – хлеб, протянуть, не умереть.

Температура у Гени 39,2° (!?) – она упала в соседней комнате, я помог ей, а днем она съела свой хлеб, взятый на 2 дня, – 500 гр., и вечером, когда соседка ее Паня – принесла ей в подарок (очень добрая женщина) немного сахарн<ой> пудры, которую она только что получила, простояв 3 часа, – Геня, съев ложку без всего (хлеба уже не было), спрятала его (т. е. сахар. – *Б. Е., А. Д.*) под подушку, не желая с ним расстаться. – Завтра, конечно, в один прием не будет у нее и сахара. Поди же – поговори с ней! И такая она теперь во всем – не способна здраво думать и поступать. Но я уже, кажется, повторяюсь, как повторяется это каждый день. Это болезнь, а выздоровление еще очень не скоро, и не стоит больше говорить об этом.

Обстрел города продолжается – говорят, до 150 выстрелов в день.

Дни проходят так же однообразно, похожи один за другим – обе мои женщины лежат. Тимочка в прежнем состоянии большой слабости. Геня в состоянии простуды, температура с утра 38,7 – я же исполняю все работы – ношу дрова с трудом – останавливаюсь на каждой площадке от затрудненного дыхания, иногда и ночью доходящего до удушья, когда уже мелькают мысли о смерти, привожу воду, которую приходится брать на Пряжке, колю дрова, делаю щепки, кипячу

воду, готовлю кофе и суп из хлебных гренков (без крупы, муки, мяса и жиров!), вечером опять кофе, а наутро опять мерзну в очередях, то за хлебом, то за сахаром, мясом, солью и проч.

Иногда принести дров помогает Юра, но большую и труднейшую работу все-таки исполняю я, и когда он бывает, то приходится кипятить до 6 кастрюль в день (то кофе для Юры и Гени, то для бритья).

У меня нет ни минуты покоя, все надо: и комнату замести, и убрать на столе, и вынести грязное ведро.

Мой пластилин, кисти и краски, мечты работать здесь, в «тепле» – все это разбивается о суровую действительность и отодвигается к далекому будущему, когда будет тепло и светло.

С трудом отрываем от своего пайка по 50 гр. в день и собираем с Тимой на табак. Иногда сижу в темноте без света – спать так рано в 7 часов не могу, хотя и устаю за 12–13 часов такой непривычной для меня работы.

Паня иногда выручает горючим, иногда – папиросами (милый человек); тоже пишу эти заметки, продолжаю и составляю конспект «Истории искусств⁵² XIX в.» Мутера – эти минуты являются единственным некоторым удовлетворением.

Чувствую себя гораздо слабее, чем пришел сюда месяц назад, а последние дни такую боль в икрах ног, что думал, не начинается ли у меня расширение вен. Каждое движение стоит усилия, преодоления боли и слабости. Но я, кажется, уже заговорил о своих болезнях, как старик. А впрочем, я и чувствую себя постаревшим, по крайней мере на 10 лет.

Паня рассказала, что у них на заводе усиленно говорят о увеличении пайка хлеба с 7 февраля; нам – иждивенцам – до 400 гр., служащим – 500, рабочим – 600. Что же, будем ждать и надеяться. Надо держаться и не свалиться и мне, третьему.⁵³

Сегодня встретил у себя на лестнице процессию, по ступеням спускали на санях женскую, завернутую в простыню, обвязанную веревкой, фигуру женщины. Как все эти трупы похожи один на другой – все одни скелеты.

Газеты не приходят, только по слухам знаем, что наши опять сдали Феодосию и Керчь.⁵⁴ Успехи же на Ленинградском фронте все те же – слишком незначительные, не имеющие для нас существенного значения.

6/II. Сильное впечатление произвела на меня трагическая сцена, произошедшая в нашем кооперативе, когда я, встав в 6 ч. утра, стоял

в нем в очереди за хлебом. – Молодой человек лет 25 вдруг схватил кусок хлеба с прилавка, на котором в стороне расположилась, упаковывая в сетку, впереди его получившая хлеб, и сейчас же на глазах у всех стал его жевать, закрывая рот обеими руками. Женщина с диким воем: «Отдай хлеб!» – бросилась на него, сорвала с головы его шапку и пыталась отнять от его рта руки. На помощь ей подоспели другие, окружили, оттолкали, и какой-то мужчина начал обшаривать его карманы, ища в них карточки. Чем это кончилось? Не знаю – мне тяжело было видеть все это, и я ушел, хотя и пытался его оправдать.

Дома меня также ждало еще более сильное потрясение, чуть не до слез. По поручению Юры, который был вчера и помог мне привезти воду с Пряжки на 3 дня, я передал Гене хлеб – 100 гр., вместе с ее пайком. В ничем не сдерживаемом порыве внезапной радости и благодарности от неожиданного получения хлеба (в общем количестве 350 гр.) Геня чуть не со слезами поцеловала мне руку, в которой я держал хлеб (хлеб этот Юра продал Гене за 30 руб.). Мы тоже купили у него по 100 гр. – из которых около 100 отделили на обмен табака в дополнение к собираемому нами хлебу 350 гр.

Никакой особой благодарности к нему за это не чувствовал, а тут вдруг такое резкое проявление ничем не сдерживаемого чувства. Это было что-то необыкновенное, я бросился утешать ее как ребенка, хотя у самого навертывались слезы.

Свой хлеб 350 гр. Геня, конечно, съела тут же в постели, в один прием, не оставив ни крошки и выпив 3 чашки черного кофе (конечно, без сахара), и сразу на весь день почувствовала себя бодрее и веселее. Сейчас же стала одеваться, пошла к отцу. На днях они уезжают.⁵⁵ Ей⁵⁶ должны 300 гр. хлеба за одеколон, но не отдали, и даже не отдали Юриных часов. Геня вернулась в возмущении и ужасе.

Ляся⁵⁷ очень опустил – унижался и молил Геню, чтобы она разрешила ему жить у нее. Он без работы – бросил Веру, ночь ночевал у отца и теперь пришел к ней. Но она была сурова и безжалостна, не простила его позорной вины перед ней⁵⁸ и, позволив переночевать, почти буквально выгнала его на улицу.

Это, конечно, ее дело – это ее личные счета, и я не знаю, не поступил бы и я так же на ее месте.

С Тимой, она начала сегодня подниматься с постели, мы сделали в этой страшно запущенной комнате в отсутствие Гени – уборку. Вообще сегодня день у нас необыкновенный – день «чистоты и порядка». Я побрился и подстриг Геню, все мы умылись, чего не делали по неделям из-за холода и недостатка воды; и вообще привели в порядок

и стол, и книги, и посуду. – День прошел очень мирно и тихо. Вечером я вслух читал газету за 1-е.

Все продолжают говорить о прибавке хлеба для нас, иждивенцев, с 250 до 400 гр. Завтра выдают масло – и сливочное 28 р. кило – его не видели месяцами – все мечтали, как вкуснее его съесть.

Обстрел города продолжался весь день.

<Между 7 и 10/II.⁵⁹> Ура! Сегодня большая радость! Я был у себя на Московской, надо было захватить Долины⁶⁰ туфли, которые требовал отец Тимы. Они уезжают – эвакуируются. Сосед Тергеш Вова передал мне две телеграммы: одна от Доли с фронта: «Здоров. Доля. Елец» – и всё. Но и этого довольно! Самое главное сказано – он жив. Ведь сколько месяцев не было от него никаких известий ни у кого. Это только 2-я телеграмма за 7 месяцев этой убийственной войны. А ведь он был на самой границе. Чего только мы с Тимой не передумали о нем. Ну, слава Богу, как говорят. Будем надеяться и ждать!

Другая – от Жана – беспокоится о здоровье Гени, поздравляет с именинами.⁶¹ Значит, тоже все в порядке! Ну, как же тут не радоваться.

С этими вестями я чуть не летел домой, хотя очень устал, выламывая буль,⁶² чтобы достать жадному старику туфли сына, которого он в мыслях, наверное, уже похоронил. Жаль было ломать заднюю стенку буля, хорошая старинная работа, но и открыть ключом нельзя (сломал ключ); они уезжают, и я не хочу, чтобы они думали, что я намеренно задерживаю и хочу воспользоваться чужой вещью.

С трудом я дотащился до рынка – табаку нигде не было – все вздорожало. «Беломор» пачка – 250 гр. хлеба, «Антракт», «Шутка», «Красная Звезда» – 150. Махорка осьмушка 200–250 и только после долгих и тщательных поисков мне едва удалось купить 100 шт. «Шутки» за 350 гр. хлеба.

Нет! Трудно теперь, тяжело ограничивать себя и в табаке, а придется. – Еще труднее в 3–4 дня собирать столько хлеба!

Многие говорят об участившихся случаях нахождения в сугробах снега, который теперь на всех улицах не убирается, подброшенных, ограбленных мертвецов с вырезанными у них кусками мяса в мягких частях тела.⁶³ Даже называют улицу Халтурина и дом, где арестованы 2-е: муж и жена, на месте преступления, когда они ели умершего собственного мальчика. Ужасно такое падение человека в наше время здесь, в культурном городе Ленина, – мне вспомнился «Уголино, пожирающий собственных детей» Родэна⁶⁴ – какой ужас!

Мои ноги отказываются работать – я шел туда, опираясь на палку Жана, дома – радости не было конца – мы думали и говорили о времени, когда Доля вернется и будет жить у нас. –

А «родителям сюда уже не вернуться» – чужие, черствые, скупые и мелкие люди даже в отношении своих детей.⁶⁵ Сейчас это жестко обнаружилось, ну да не мое дело! Не буду писать об этом. Все обнажается, как я уже писал, в своей безобразной наготе!

Завтра я никуда не иду – Геня щадит мои ноги и силы и сама с Юрой привезет воду и дрова. Хлеб для себя и Тимы я получил сегодня легко – почти нигде нет очереди – хлеба везде много.

Ужасная семейная сцена – «достойная кисти Айвазовского»!⁶⁶ – отец и дети. Самое грубое проявление низменных инстинктов и побуждений – бешенство жадности, самолюбия и бессердечности, хамское проявление насилия в отношении больной, лежащей в постели, истощенной и обессиленной голодом дочери.⁶⁷ Действительно сцена, «достойная кисти Айвазовского»!!! Но не буду распространяться об этом – это касается близких меня людей – Тимы и Гени, и я не могу быть беспристрастным. К тому же я и раньше презирал этого человека по очень и очень многим причинам, лично меня ни в каком случае не касающимся. Довольно! Буду о другом, но уже слишком омерзительная, гнусная сцена, и я не могу не упомянуть о ней, тем более, что и она – это озверение отца – в значительной степени обнажена условиями нашей теперешней жизни – голодом.

Соседка Паня часто заходит к нам, угощает папиросами, приносит с завода и подливает в нашу коптилку керосин и вообще иногда выручает Геню. Я решил отблагодарить ее, как могу, и обещал написать ей картину. Она хотела бы цветы и фрукты. Сейчас у нас уже значительно посветлело, я открыл большие половины окна, и я смогу понемногу работать, хотя бы даже так, для нее. Она принесла две рамки – картины сразу будут оформлены, и я уже набросал вечером композицию обоих «natur-mort'ов» мелом, на обрезках старой лубочной картины какого-то любителя-самоучки, которые дала мне Паня.

Сергея Ивановича⁶⁸ завернули в простыню, положили в кухне на плиту и прикрыли черным. Если бы Владим<ир> Иванов<ич> был интеллигентным – я бы попросил его позволения написать маслом голову С. И. – мне бы очень хотелось написать умершего голодной смертью. Но боюсь, он откажет – не поймет, да и писать в кухне уж очень будет холодно. Придется отказаться от этой мысли.

В этой же квартире живет женщина с 2-мя детьми, у которой уже умерло 4 близких человека – два брата молодые – 34–36 лет, муж

и мать. Голод косит людей все сильнее, целые горы лежат штабелями на Канонерской,⁶⁹ и, когда их сумеют похоронить, неизвестно.

Умирают в полной памяти, – я сам чувствую необыкновенную слабость и резкую боль в икрах, ломоту в бедрах и, присев, едва могу встать – как очень больной дряхлый старик. В зеркале я вижу, что и лицо мое сильно исхудало и деформируется. Тоже неплохо было бы написать – не надо и покойника! Сидеть на стуле тоже <больно>, очень болят кости, и я сижу на подушке.

У нас сегодня «пир»! Геня за меня и Тиму получила мясо, и я по совету Пани сделал котлеты (с хлебом), а на первое обычную «баланду» из подогретого хлеба. На 3-е Паня принесла по одной папиросе («Краснофлотских»). – С каким, давно забытым и в то же время знакомым, но усиленным в 20 раз удовольствием я жевал эту котлету. Я сам их порубил и приготовил – в первый раз в жизни!

Но сытости, конечно, не почувствовал, а у Тимы после еды начались спазмы желудка.

Надо рассчитывать папиросы – их осталось очень немного от сотни, и с завтрашнего дня опять копить хлеб. – Тяжело отрывать от себя же – но ничего не поделаешь – без них еще труднее.

Говорят, Попков – председатель Ленингр<адского> совета – расстрелян за вредительство в снабжении,⁷⁰ за замалчивание об истинном продовольственном положении Ленинграда. Ведь даже на фронте все уверены, что мы уже не голодаем. Ужасаются приезжающие – глазам своим не верят. О вредительстве Попкова – не думаю, просто человек не справился со своей действительно очень трудной задачей и хотел это все замазать.

Все ждут с 11, с завтрашнего дня, прибавки (я не надеюсь), даже называют нормы, твердят, что в Ленинграде уже очень много продуктов, особенно масла и мяса; а «воз и ныне там».⁷¹ Пока-то мы еще раскочиваемся! Можно протянуть ноги, как сотни тысяч голодных ленинградцев.

11/III. Паек хлеба для иждивенцев увеличили. Но на какую птичью порцию: на 50 грамм; служащим – на 100 и рабочим на 100. Таким образом, рабочим – 500, служащим 400, а мы, грешники, 300 гр. – уж слишком ничтожная прибавка. Но это, думаю, ненадолго. Несомненно, в этом же месяце норма будет увеличена.

Сегодня я уже не домашняя хозяйка-иждивенка – далек от печки. Сегодня я художник, но, к сожалению, не свободный от вкуса заказчика, в данном случае Пани. Задание – два «natur-mort»: «Цветы»

и «Фрукты» – я сделал подмалевки для обоих. Лучистым по гамме и цвету считаю цветы: розы розовые, бледные, кремовые свет<ло>-желтые и пунцовые в светло-серо-зеленоватой вазе и сине-кобальтовая чашка с золотом на серо-зеленовато-фиолет<овом> фоне. В фруктах не успел еще выбрать фон. Цветы писал часа два, и Тима восхищается тонами, Геня и Юра тоже.

В общем и я ими удовлетворен, хотя, пиши это для себя, я бы на этом, конечно, не остановился. Ну да ладно – и это слишком даже хорошо для такого заказчика, как сказал Юра. «Поразительно быстро и так хлестко». А папирос хватит только на завтра, хотя я с большим усилием стараюсь ограничить себя в курении. Тима же курит не более 6–7 папирос в день.

К вечеру ели опять обычный суп – «баланду» из подогретых корок хлеба. На завтра не будет и сахара, и масла. Табачная проблема еще более остра – за день-два нам не собрать 350–400 грамм – будем сидеть без табака.

Вечером Паня опять поддержала нас горючим, и я имел возможность продолжать свой конспект Мутера. Ночью часто не спим с Тимой. Она тоже решила изучить историю живописи нового русского искусства по Бенуа⁷² – я этому очень рад – хочет быть подругой и в этом отношении.

12/II. Продолжаю свою работу над «nature-morte» и, конечно, увлекаюсь – пишу как для себя. Сегодняшняя прибавка нормы на хлеб не очень порадовала – дали только на 50 гр. больше – т. е. 300 гр. на иждивенцев. Слишком незначительное увеличение, и мы с трудом оторвали от сегодня и завтра 200 гр. на табак. Геня получила горох по новой норме. Прибавка такая же ничтожная – 50 гр. для иждивенцев, сейчас же его сварила и, хотя почти съела сегодня уже помимо своего пайка еще на день вперед, все-таки сварила горох и только по настоянию Юры немного оставила на завтра. Никакие разумные доводы не действуют, даже ругань Юры, прямо говорящего ей, чтоб она была человеком, а не зверем. Она даже не сварила его как следует – «Больше работы желудку – это лучше!» – Для себя она находит даже медицинские оправдания. А завтра опять будет целый день ныть, хотя ест больше, чем мы, курящие, отрывающие от себя на табак. Гороха нам хватит на 3 дня, и съедим мы его по-человечески.

Ко дню Красной Армии 24-го фев<раля> (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.) ожидается решительное наступление на нашем фронте, ожидается и дальнейшая прибавка. Несомненно, это улучшение должно

быть в этом месяце на обоих фронтах. Приближается весна – надо до тепла освободить Ленинград и снабдить его более заметно. Вместо Попкова теперь Андриенко⁷³ – может быть, этот справится лучше.

Нога у меня как парализованная, и я с трудом передвигаюсь по комнате – и как достать табак? – еще более тяжелая проблема. С<ергея> Иван<овича> похоронили сегодня. По-прежнему в течение нескольких минут на улице встречаются по шесть, семь трупов, по 2, по 3 сразу на каждых санях.

Но я с Тимой крепко держимся, не унываем и не ноем и крепко надеемся, что выживем для еще более дружной и общей, лучшей жизни. Еще, еще немного терпения и мужества и все будет хорошо! «Врешь, – нас не возьмешь!» – как говорил Чапаев.

«Nature morte» с фруктами, претерпевая некоторые изменения в процессе работы, приближается к концу. Особенно восхищает всех груша-бере желтая, сочная, бугристая, лежащая на первом плане. Удачна и группа трех яблок на втором и корзинка с вишнями, которой я заменил яблоки, на третьем плане. Я еще не удовлетворен фоном – однообразн<ым> светл<ым> – но завтра я его перепишу, усилив <1 нрзб.> света в право<м>... и с<к>радивая в тень фона плетенку с вишнями в правом угле.

Никуда не хожу – боль в ноге не ослабевает, и пока сижу и пишу – забываю все.

Сегодня был «обед»: гороховый суп (конечно, без мяса и жира), а на завтра Юра Объедов предложил нам на наши талоны взять обед из института, и мы будем иметь по 2 тарелки супа и 1 второе (колбаса или мясо). Попробуем, хотя мы лишаемся за это и масла по 10 гр.

Паня предложила Гене, что один старик неподалеку хочет услуг – платит хлебом. Я советовал узнать адрес и условия и попробовать. Кажется, я и сам бы пошел за 200 гр. хлеба в день на несколько часов, если бы так не болели мои ноги. Тима заработала за штопку чулок у Юры – 100 гр.

Просто грешно, но мы пускаем их завтра с Геней (я не могу ходить) на табак на Клинский рынок⁷⁴ вместе с 300 гр. хлеба, с болюю оторванными у себя раньше. Платить же 600 руб. за кило хлеба, как сделала вчера Паня, – мы не сумасшедшие. Может быть, это и противоречит одно другому – абсурдно, далеко не равноценно, но оба независимо так решили – рискнем 400 гр. ради табака.

Сегодня мы без табаку – нет ни крошки, и Геня ничего не нашла на рынке, только купила Юре три папиросы по 5 руб.

Ну, если так, то курить мы не можем! – Надо бросить! И сегодня мы промучились первый день без курения. Очень тяжело присоединять еще одно тяжелое лишение к цепи других. Вот, например, я лишен на несколько дней и кофе или чаю. Геня катастрофически запретила мне и Тиме потребление жидкостей. Я заметил сегодня, что шиколотки на обеих ногах у меня совершенно заплыли от опухоли, а кожа на ногах, да должно быть и теле, вся в какой-то сыпи или точках.⁷⁵ Все проявления и последствия того же голода. Во всем один корень – одна причина – голод, голод и голод.

Очень страдал от отсутствия курения; я с Тимой почти съел весь накопленный на табак хлеб в почти 350 грамм. – Все это очень поэтично <?> <2 нрзб.>.

Трудно сейчас даже записать что-нибудь, словно сон – очень клонит ко сну.

Подвергаюсь и подчиняюсь режиму, установленному безапелляционной Геней для скорейшего излечения от отеков. Утром $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ стакана воды (чай – кофе), вечером очень немного ($\frac{1}{2}$ тарелки супа) и вечером же не более 1 стакана чаю.

Сегодня совершенно не курил – Тима тоже. Из всего мяса сделал и стушил в нескольких ложках супа. Вышло несколько ложек крепкого бульона и мясо. Хлеб съели весь, без остатка – от накопленных 400 гр. на табак уже не осталось и следа.

Немного пописал, уже почти закончил оба nature mort'a.

Ноги мои все хуже и хуже. Я едва передвигаюсь по комнате, какая-то непонятная боль в верхней части левой икры не дает возможности выпрямить левую ногу. Массаж не помогает, а других средств нет. Приходится подчиняться и плыть по течению – пассивно. Это и будет лучшей самозащитой в данном случае.

Тима очень похудела – сегодня все часто плачет по пустякам. Мы все очень постарели, отощали не только лицом и наружностью, всей фигурой, – даже целые части тела исчезли – изжили себя (под голодом). Я не узнаю даже ошупью своего тела. – Происходит такая занимательная деформация, что некоторые части тела исчезают целиком (напр., ягодицы). Это ужасно. Серьезно обсуждали вдвоем вопрос, выживем мы или нет.

Сейчас 7 часов, приходится ложиться спать из-за света – нет керосина в коптилке.

Кожа дряблая и покрыта вроде сыпью, легко прощупать.

Окончил оба «naturmorte». Зашел к нам в комнату и увидел мои работы Дмитрий Павлович – капитан-моряк; очень понравились,

и когда я сказал, что могу писать все, обещал дать заказ (конечно, и продукты) написать для него. Он очень хотел бы портрет девочки – маленькой – 3–4 лет. – У них нет детей, и они очень хотели бы иметь хорошую картину. Что же делать? В этих условиях и это хорошо! напишу, что захочет – пусть только питает побольше.

Ноги мои по-прежнему – хотя я уже только утром выпил 1½ стакана да днем суп из гороха, а вечером не пил ни ложки.

Завтра начну миниатюру – маслом со своих «фруктов» на открытке для альбома «nature-morte», и конечно, кое-что подвергнется изменениям. Если миниатюра удастся чистой, то напишу на открытке с натуры – может быть, автопортрет – голодающего человека или портрет Тимы в постели.

Начал писать на открытке свой «nature-morte» «Цветы и фрукты» (яблоки, груша, вишни, сливы, бокал вина и цветы в вазе) с таким увлечением, что продолжаю его даже при свете коптилки. Конечно, завтра придется его переработать – сделать цветовой вывод – гамму. Буду писать и с натуры – 5 nature-morte на картонках небольшого размера, но все-таки значительно больше открытки. Даже простой nature-morte у Гени на столе: лампа, старый будильник, книги, банка с клеем, да мало ли что можно хорошо написать.

Юра отдаст в мое распоряжение свои предметы – посуду, вазочки, подстаканники и прочие предметы – все к моим услугам, и я с увлечением и пользой поработаю.

Ведь я не выхожу уже из дому, боль, может быть невралгическая, в левой ноге под коленом особенно с утра тяжелым грузом лежит на ноге. С трудом, держась за мебель, передвигаюсь по комнате, но сидя не чувствую боль и могу работать спокойно. Не курю уже третий день и второй день пью утром только один стакан воды – вечером ничего. Этот режим восстан<авливает> силы и гонит отеки.

Читаем по вечерам вслух Диккенса «Большие надежды» я, Тима и Юра – только Геня не принимает никакого участия. Да она и не может слушать или даже выслушать.

Мы не моемся по целым неделям из-за недостатка воды, и сейчас моя рука, пишущая эти строки, черным пятном лежит на фоне белой страницы. Сейчас 11 часов вечера – я лег после нашего обеда, когда начало смеркаться, выполняя требование Гени постельного режима для моих больных, отекающих ног. Проспали мы до 11 – впереди еще целая ночь, и мне решительно нечего делать, спать же дольше не могу.

Сегодня днем я успел немного. Окончил всю возню с папиными карточками, т. е. прибил сзади веревочки, почистил рамки, вставил

работы и даже повесил у себя на стене, чтобы не болтались под руками, затем продолжал работу над своей миниатюрой – Тима в восхищении (жена плохой судьба) таким красочным, колоритным, мощным начат у меня натюрморт.

20/II. Опять Геня усиленно заговорила о моем здоровье и режиме. Соль нельзя, перцу нельзя, чаю 1 стакан в сутки. Лежать кверху ноги – все это для того, чтобы прошла опухоль. Но она меня не так беспокоит, как икра левой ноги. Я растирал ее сегодня – оказалось, какая-то полная деформация. – Икра разделилась как <1 нрзб.> на две части поперек, и верхняя особенно болезненная и желтая. В чем дело? Не пойму.

Тяжко, давит так, что, пожалуй, придется ехать мне на саночках за карточками в жакт на март месяц. Но кто меня повезет? Дойти же самому – то я не вернусь. Завтра придет Юра, и Геня хочет свезти меня к врачу – знакомому – смогу ли дойти?

Начал писать на двух картонках миниатюры – два «natur morte» – Гени стол (лампа, будильник, книги, <1 нрзб.>) и другой – из мет<аллических> предметов Юры. 2-й, кажется, неудачно составлен, завтра перекомпоную. А первый очень интересен и даже изящен, хотя я его только прописал (ведь пишу без грунта), просто на белой бумаге – некогда растворять клей, да нет и мелу или зубного порошка.

Хотел отдать и повесить Пане ее задание, которое придется отдавать так дешево: за керосин в коптилку – просто обидно. Даже по определению Юры, далеко не компетентного в этом деле человека, эти две картины стоят не менее 200 руб. и как обидно отдавать их за такую безделицу (в другое время), но раз обещал – то надо сделать. Паня говорит, что не хочет их сейчас вешать – бережет, надо новые обои и проч., а пока спрячет. Хорошо, что они уже в рамах. Словом, свое детище я пристроил, а сам даже отказался от 100 руб., которые Паня* предложила на краски. Ну, может быть, она отблагодарит чем-нибудь другим – неужели не поймет? что отделаться керосином в таком минимальном количестве ну прямо неудобно?!

21/II. Сегодня я с Тимой варил суп из белой, американской лапши. Не было только масла. Тима по-прежнему не встает, а я еле двигаюсь, держась за предметы. Ко дню «Красной Армии» обещают что-то выдать дополнительно, все ждут прибавки на 100 гр. хлеба, а сей-

* Испр.; в рукописи: Геня. – Б. Е., А. Д.

час появились сушеные овощи. Мясо Геня получила 200 гр. на двоих. Завтра будут давать сахар или подушечки.⁷⁶

Уже и я, кажется, начал очень интересоваться этим вопросом, который у Гени пожирает все. Я спокойно могу серьезно думать о том, как тают мои силы и, что весьма возможно, что я не дотяну до лучших времен. Ведь главное движение, усилие уже утомляет, даже одевание, – голова, чувства, мысль работает, мне кажется, нормально, да и голод не так уж ощущаешь, даже полное отсутствие табака и то переносишь; словом, не теряешь своих чувств, желаний и проч., – а ведь так, оказывается, и умирают в полном сознании и памяти. Но, черт не выдаст – свинья Гитлеровская не съест – будем надеяться, что доживу.

А рядом, за стеной у Пани, вчера похоронили мать – это уже 5-й человек в одной семье (два брата рабочие 36–7 лет, муж, отец, мать и девочка).

Картина зловещая – вымирают от голода целые семьи!!! – Да разве это единственный пример?

Умер и Як – Великолуцкий скрипач – милый, мягкий человек и большой музыкант – мы часто встречались в ресторане «Москва» или «Метрополь», где он играл в оркестре в последние годы.

А Кострикин, Новиков Юр<ий> Алекс., Гохштейн⁷⁷ – старик – восторженный юноша – ничего мы о них не знаем, и если сами елтянем (Тима очень часто стала плакать), то что же говорить о них?..

Да, невесело все это! Ну, да будь, что будет, а пока я все еще могу работать, а следовательно – жить!..

Задумываюсь, стоит ли продолжать эти записки – ведь вот и конец тетради – я никуда не выхожу в последнее время, мало вижу, мало слышу, или, вернее, все одно и то же, вечные нагоняи и раздражение Гени, разговоры и повторение как машина одного и того же вечного нытья и пори<цания?>; а в городе стрельба, мертвецы, очереди за хлебом и водой, ужасная антисанитария во дворах, кражи дров и проч. и проч.

Стоит ли писать об этом? – Повторяться, а конца этому, несмотря на конец февраля, не видно. Те же неполадки и в снабжении, несмотря на то, что даже по радио сообщают о бесперебойном снабжении Ленинграда.

Все то же, все то же.... Надоело!.. Лучше буду писать свои миниатюры да кончать Мутера – это полезнее будет!..

<Между 22 и 27/II.>⁷⁸ Последние 4–5 дней непрерывно идет канонада. Особенно она усиливается ночью, вот и сейчас 12.40 – я еще

не сплю (исполняю режим: пью один стакан воды в день и лежу, подняв вверх ноги) – при свете коптилки набрасываю композицию маленького *natur morte* из Юриных металлических предметов, а канонада гремит, почти непрерывно. Каждые 3–4 секунды – это наши ленинградцы выполняют приказ наркома – ко дню Красной Армии 23-го очистить Ленинград от засидевшейся сволочи, прорвать и закончить с блокадой. – Задание очень трудное – они прочно укрепились за зиму – окопались, и трудно выковырять их оттуда. Безнадежно их дело: Ленинград проигран, и, я думаю, навсегда. – Наше же личное положение, мое и Тимы, очень, очень плохое; сидя на постели, с трудом поднявшись, мы серьезно обсуждаем вопросы нашей личной жизни и смерти, взвешивая шансы и за и против. Это не порождено отчаянием или упадком духа, нет, дух по-прежнему и здоров и добр, мы не отказались от своих надежд и планов на будущее, на возрожденную, новую жизнь, нет – все еще живет в нашей душе надежда; но мы просто и здраво смотрим в лицо нашей суровой действительности, отлично сознаем свои силы, все свои оставшиеся возможности и, учитывая и взвешивая все наши ресурсы, стремимся придти к логическому выводу. Шансы оказались равны – мы можем так же спокойно умереть, как и тысячи других ленинградцев, еще далеко не старых, но уже истративших в борьбе с голодом свой запас жизненных сил. Мы не лучше других – единственный плюс это то, что оба мы не работаем и живем в сравнительной тени. Но ведь рядом тоже в таких же условиях живут люди и вымирают почти целыми семьями. Да, вопрос остался открытым.

Дышать тяжело, двигаться по комнате почти невозможно, и дело, конечно, не в опухоли (я ведь не мнителен), не в болезни, а в невероятном ослаблении всего организма, всего тела, когда малейшее движение стоит тебе усилий и учащенного дыхания.

Ну, да я пожил, довольно, но Тима молода, много еще в жизни впереди, и мне больно смотреть на нее, до чего она стала жалка. Жалуются на бессилие, на боль головы, на острые приступы голода – спазмы в желудке, даже после еды. Но что я могу сделать, чем помочь. Только утешением и надеждой. Это действительно – проповедь на тему «Утешение утопающему во время кораблекрушения», как не раз говорил дядя Витя Шулькевич⁷⁹ – классический образец богословской трепологии.

Последняя страница в этой тетради выйдет не совсем обычной. Мне пришлось сегодня пережить несколько очень напряженных, тревожных минут, минут страха, отчаянного желания удержать, остано-

вить минуты растерянности и, пожалуй, беспомощности и опасности за жизнь родного, близкого человека.

Это случилось сегодня с Тимой; я встал раньше ее и занялся обычной уже работой по приготовлению к топке печи, как вдруг, взглянув на Тиму, увидел, что она закатила глаза, сжала руки и, дергаясь головой, как в судорогах, повалилась на подушки, с трудом хрипит. Я очень испугался, обцеловал все ее лицо. Мне живо представилось, что она умирает, и так страстно захотелось удержать здесь ее жизнь. Я закричал Юре, но <он> одевался очень медленно и методично. Я разжал рот Тиме и приподнял ее, пощупал пульс и сердце. — Вскоре она пришла в себя.

У Гени же сегодня уже в кооперативе вырезали из сумки 800 гр. хлеба для нее и Юры. Она, конечно, в ужасе. Геня же продала за 600 гр. пластинки <?> – Обьедову и ее патефон <?>. Мы обедали ячм<ень?> – он делает <I нрзб.>⁸⁰.

<ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ>

Февраль 28. – Начал я вести эти записи с тем, чтобы описывать в них те исключительно тяжелые, теперь могу сказать, убийственные, переживания нашего города, порожденные многомесячной блокадой и бомбардировкой, но внешние события, жизнь и успехи нашего фронта так редко доходят до нас, так мало кто интересуется этим, а газеты мы получаем так редко и нерегулярно, что все наши интересы сводятся к личной жизни, вернее – борьбе за жизнь, и мои заметки невольно сводятся к дневнику.

Вопрос<ы> личной жизни и смерти стали для нас самым реальным – эта проблема заслоняет все остальное.

Мое состояние делается угрожающим. Несмотря на увеличение пайка хлеба до 300 гр., увеличение крупы до 200 гр., я чувствую себя гораздо слабее, чем два месяца тому назад, когда мы только переселились сюда, к Гене. Сейчас у меня сильно отекли обе ноги, начали пухнуть веки и кисти рук. С трудом передвигаюсь по комнате, не выходя из квартиры по целым неделям. Только и хватает сил, что наколоть утром дрова и щепок, затопить печку да, сидя на подушке (иначе сидеть больно), писать мал<енькие> natur mort'ы. Утром подымаюсь совершенно разбитый и одеваюсь с трудом.

Тимочка моя продолжает лежать в постели, очень нервничает и плачет, глядя на меня, на изменения, которые происходят в моем лице и организме.

Все-таки, несмотря на это, я должен был пойти сегодня к себе в жакт за карточками на новый месяц. Шел около 3-х часов. Управхоз даже не узнал меня и спросил, что мне нужно. Не узнала и Юдина в жакте. А они еще держатся на прежнем уровне.

Узнал от Тергеш, что Ольга Дмитриевна Енкен умерла 18-го. Вещи ее часть будто забрала ее подруга, а вещи Барзуковых взяли они на хранение. Вернее, все расхитили, как теперь полагается, и Ирочка, уехавшая на днях с институтом (Горный), ничего не получит.

Вот и здесь почти вся семья вымерла от голода. Мать, муж, жена, дочь спаслись тем, что уехали.

На днях у нас в кухне опять лежало на плите два покойника – мать и дочь, маленькая девочка, только два дня <как> пришедшие сюда к родным.

А у Поли (соседки Гени) вымерли за время войны от голода два брата по 36–37 лет, муж 37 лет, мать и дочь.⁸¹

<...> почти вприглядку.

Получили песок 200 грамм и съели его в два дня. – Хотелось есть прямо ложками, не отрываясь.

Иногда Геня приносит суп или второе из института Лесгафта, где Юра устроил ей это. Она берет и по нашим карточкам – <1 нрзб.> вырезают талоны на мясо, крупу, масло, сахар.

Да, есть над чем подумать! Вопрос поставлен ребром, и надо употребить все усилия, чтобы разрешить его в положительном смысле.

Нам необходимо продержаться еще около 2-х месяцев, и тогда будет ясно, что мы выживем – мы победим!

Но как это сделать? – Силы убывают, и это было бы с нами (мною и Тимой), если бы не помощь и забота Гени, которая одна еще из нас троих держится на ногах и, проявляя поразительную для ее организма энергию, достает нам пайки, хлеб, воду и проч. Конечно, в том холоде мы бы давно уже слегли, а может быть, и давно уже были бы на «свалке».

Хорошо одному Юре, получившему наследство от трех умерших одна за другой старух, получивш<ему> и 2 комнаты, и обстановку. Теперь он многое приносит сюда и с помощью Гени и Пани продает и меняет на хлеб. Кроме того, обедает в институте и пользуется рационом (кажется, 70 руб. в месяц). Здесь, у нас, за ним ухаживает Геня, тоже часто варит ему, не жалея дров, нас же часто упрекает во всем, а иногда доходит до того, что гонит из комнаты – от него же все терпит с небывалой кротостью и терпением – на этой почве часто у нее с Тимой доходит до ссор, но через 2–3 часа опять

все по-старому. Люди просто стали ненормальными, в этом вся разгадка и причина.

Вчера загорелся наш дом ул. Печатников, 15, с фасада – шестой этаж, как и большинство домов в последнее время, от «буржуйки». Несчастные люди, оставшиеся без крова!...

Март 22. Ну, кажется, я дошел до точки – до последней черты. Уже третий день совсем не встаю с постели. Малейшее движение, даже поворот на другую сторону, доставляет громадную тяжесть и боль. Ворочаемся с Тимой оба на кровати, как черепахи, медленно, со стоном, дышим тяжело и часто, к этому и у меня и у нее кашель, от которого трудно откашляться, – и вообще напоминаем собой каких-то безобразных, беспомощных животных.

Только когда ешь или дуешь <на> горячий чай – как-то отвлекаешься, делается теплее и ты оживаешь.

Март не внес нам нового – прибавки хлеба не было. Мы прикупали и, бывало, съедали по 400 гр. – но наестся невозможно, сколько бы ни съел. Главное – мясо и сахар, а их так мало. Это одно могло бы меня поддержать до 1 апреля, как говорит Геня. С 1-го хлеб увеличат до 400 гр. для иждивенцев, 500 – служащим и 600 рабочим – на этом точка.

В городе, говорят, большие изменения, пошли троллейбусы, кое-где трамваи,⁸² очищаются дворы. Сильная эвакуация. Высылка с иностранными фамилиями.⁸³ И меньше, значительно меньше стало народу. У нас на плите в кухне появился еще один труп – кажется, старухи от Тихоновых. Последнее время начали появляться германские разведчики – усилился патруляж и обстрел из зениток (они стоят на стадионе Лесгафта), а по ночам, а то и днем слышна сильная канонада и сверкают зарницы.

Говорят, 16-я армия генерала фон Лее<ба>,⁸⁴ блокирующая Ленинград уже 6 месяцев, вчера окончательно уже окружена. Всё это слухи – газеты получаем плохо, да никто почти не интересуется внешними событиями, хотя это важно для нас, – кроме меня и Тимы.⁸⁵ Все заняты (Геня и Юра) менкой вещью, которые все продолжает приносить Юра со своих 3-х квартир; тут и обувь, и калоши, и платья, и часы, пояса с пряжками, посуда и драгоценные вещи до обручальных колец включительно. Институт собирается эвакуироваться, и Юра с ним.

Мы опять начали понемногу курить. 2 папиросы курим вдвоем 4 раза. Сейчас 1 папироса стоит 5 руб. на рынке, пачка – 125 руб., а хлеб доходит 100 гр. до 40 руб.

Я с Тимой решили <...>⁸⁶ – сделать все, чтобы спастись. Ведь обидно умирать здоровому человеку от голода, когда уж близок час освобождения от блокады, близка весна. Уже сейчас только утром холода, а днем, говорят, на солнце тает.

И так хочется работать – писать и писать! Столько планов и проектов!!!

Неужели не доживем? Не дотянем? А силы убывают с каждым днем! За это время я все же успел написать небольшой, но характерный «ленинградский пейзаж», полулежа в постели. – Окно с драпировкой, на подоконнике 2 пустых бутылки, кусок хлеба в газете и миска с ложкой, за окном обычная картина – силуэт старухи, везущей труп на санях без гроба, и другие 2–3 фигуры. Мне кажется, что вышло неплохо. Окончил карандашный автопортрет – «Ленинград 1942 г.». Он нравится Юре по светотени, а мне вообще по выражению.

Хочу написать, в *pan-dan*⁸⁷ ленинградскому пейзажу из окна, эскиз улицы: движение по мостовой, очередь и лежащий, брошенный труп мужчины на первом плане (как я видел его у нас под аркой). Может быть, потом напишу и уставшего мальчика, присевшего на труп отца на санях. Рисунки, вернее наброски, у меня уже давно сделаны.

Только надо сил, сил и сил!!!!...

Хотелось бы сделать и в скульптуре тоже мальчика или старуху с мальчиком и трупом.

Неужели не дотяну? – Сознаю, что трудно, очень трудно выползти из того состояния, что я теперь, но надо надеяться! надо! – нельзя опускаться и унывать.

Геня тоже идет на помощь и делает, что может, обещает, продав Жана туфли, купить мяса и часть уступить для меня, пока я не продам свои вещи. Только мясо и мясо может меня спасти. Мясо, сахар и хлеб!

Иногда нам удастся прикупить хлеба. Вот сегодня Геня купила 400 гр. за 160 руб. И мы не могли удержаться и съели его сразу с сахаром, которого осталось всего на один день, и чаем. Я больше склонен к сахару – Тима к хлебу. Просто до самых горьких слез.

Вечером опять драмы и комедии с Геней! То нападает на нас, гонит вон из своей комнаты, то целует Тиму, доведенную ею чуть ли не до истерики, и обещает все свои силы приложить, чтобы спасти меня.

Мое положение хуже всех. Дальше идет только потеря способности владеть руками, кормежка с помощью Тимы и смерть.

Ночью плохо сплю и кашляю всю ночь, просыпаясь каждый час – задыхаюсь от кашля. Ноги подтягиваю руками – с постели не встаю – сам приподняться не могу.

Утром, попив кофе, чувствую себя бодрее духом, кашляю меньше, кое-что могу делать, а ночь бесконечная!.. Ведь мы ложимся в 8 часов и лежим до 9 – чего только не вспомнишь из своей жизни – ведь 41 год чего не передумаешь и трудно, трудно выжить.

Нужна поддержка каждый день, а ее нет!

Сегодня умерла жена Тихонова⁸⁸ – этого спекулянта и мародера – она имела все, вплоть до варенья (не говоря о масле и крупе) и шоколаду. Правда, она изнурена была родами. Перед этим на плиту в кухню положили старуху. Так что у нас сейчас опять двое. – Это уже 5 человек при мне!⁸⁹

¹ Примеч. 1949 г.: «Тамара Михайловна Ганкевич, урожд. Гольдберг, – жена художника».

² Примеч. 1949 г.: «Эти страницы являются наброском предисловия к дневнику».

³ Примеч. 1949 г.: «На Б<ольшой> Московской улице (в районе Кузнечного рынка)».

⁴ Здесь и в дальнейшем слово «натюрморт» (nature morte) часто пишется и по-русски, и по-французски с неточностями; оставляем авторское написание.

⁵ Примеч. 1949 г.: «Евгения Михайловна Жандецкая, урожд. Гольдберг, – сестра жены <свояченица художника>. Проживает на ул. Союза Печатников».

⁶ *Енкен Ольга Дмитриевна* (1883–1942) – дочь горного инженера, выпускница Литейной женской гимназии и 8-го педагогического класса частной гимназии Л. С. Таганцевой. В 1905 г. вышла замуж и по месту работы мужа жила сначала в Томске, затем в Москве, Ревеле (ныне Таллин) и на Украине. С февраля 1936 г. библиотечный техник Консультационно-библиографического отдела Публичной библиотеки, с сентября 1938 г. библиотекарь 2-го разряда. Умерла во время блокады, в феврале 1942 г. (см.: *Киселева Л. К. Енкен О. Д. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биограф. словарь.* СПб., 2003. Т. 3. С. 221–222). С. В. Ганкевич ниже иногда пишет ее фамилию иначе: *Энкен*. О ее дочери И. Енкен сведений не обнаружено.

⁷ В рукописи: «наклеенными полосками»; исправлено нами.

⁸ *Объедов Юрий Борисович* (1904–1979) – композитор, выпускник Ленинградской консерватории (1931) по классу композиции В. В. Щербачева, окончил и по классу фортепиано М. В. Юдиной; пианист-концертмейстер в клубах Ленинграда (1931–1933), заведующий музыкально-учебной работой в Школе художественного движения при Институте физкультуры им. П. Лесгафта (1933–1942). После эвакуации из блокадного города – художественный руководитель Дома культуры Армии во Фрунзе (1942–1944), заведующий музыкальным отделом Комитета по делам искусств Киргизии (1944–1945); затем – музыкальный режиссер Всероссийского гастрольно-концертного объединения в Москве (1945–1946), художественный руководитель филармонии Удмуртской АССР и преподаватель Ижевского музыкального училища (1948–1954). Вернувшись в 1955 г. в Москву, был членом репертуарно-редакционной коллегии Управления музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР (1964–1974).

⁹ Примеч. 1949 г.: «В ин-те Лесгафта».

¹⁰ Примеч. 1949 г.: «Т. М. Ганкевич поясняла:» Когда Геню выписали из больницы, оказалось, что хлеб по карточкам у нее вырезали на несколько дней вперед. Эти дни она была без хлеба. После болезни ее освободили от воен<ной> обязанности».

¹¹ См., например: «А похлебки, “баланды”, которую каторга продает по 5 копеек ведро на корм свиньям, отпускают сколько угодно» (*Дорошевич В. М.* Приговаривается к каторжным работам... // *Дорошевич В. М.* Сахалин: (Каторга). М., 1903. С. 180).

¹² Примеч. 1949 г.: «По-видимому, второй раз – в 5 ч., а третий – вечером, в 8–9 ч.».

¹³ См.: <Без подписи>. Все силы – на разгром врага! // Ленинградская правда. 1941. 6 нояб. № 265. С. 1.

¹⁴ См.: *Бондарев А., Борцов С.* 45 дней в боях с белофиннами // Ленинградская правда. 1941. 2 сент. № 209. С. 2; *Еремин И., Кочетов В., Михалев М.* В чем сила бондаревцев // Там же. 13 сент. № 219. С. 2; *Внук Н., Кучин М., Мейлицев Г.* Сыны Ленинграда не отступят: Презирия смерть, храбро бьют врага бондаревцы // Там же. 18 сент. № 223. С. 2; *Домников В.* Комсомольцы-бондаревцы // Там же. 25 нояб. № 281. С. 2. *Бондаревцы* – личный состав 168-й стрелковой дивизии полковника *Андрея Леонтьевича Бондарева* (1901–1961), с начала войны в течение 45 дней героически сражавшейся на финской границе и в лесах Карелии, а затем отличившейся в боях за Пушкин и Слущк (в 1918–1944 гг. название Павловска).

¹⁵ См.: *Виноградов А., Капланский Е. 1)* Подразделения тов. Андреева продолжают свой натиск // Ленинградская правда. 1941. 15 нояб. № 273. С. 1; 2) Боевые операции на восточном берегу реки Н. // Там же. 25 нояб. № 281. С. 2. *Андреев Андрей Матвеевич* (1905–1983) – военачальник, генерал-полковник; с июля 1941 г. – начальник охраны тыла 23-й армии Ленинградского фронта, в сентябре–октябре 1941 г. – командир 43-й стрелковой дивизии, затем, по апрель 1942 г., – 86-й стрелковой дивизии; участвовал в боях на «Невском пятачке».

¹⁶ См., например: *Лебедев В.* Как были потоплены немецкие миноносцы // Ленинградская правда. 1941. 9 июля. № 161. С. 2; *Кочетов В., Михалев М.* Ненависть владеет балтийскими моряками // Там же. 5 сент. № 212. С. 2; *Павлов Евг.* Никогда не бывать врагу в Ленинграде: Боевая клятва балтийских летчиков // Там же. 18 сент. № 223. С. 2; *Еремин И., Михалев М.* Дерзость // Там же. 17 окт. № 248. С. 2; *Кормушенков К.* Герои-балтийцы // Там же. 2 нояб. № 262. С. 2; *Мейлицев Г.* Моряки-миноотчики // Там же. 7 дек. № 292. С. 2.

¹⁷ В Дневнике ошибочно: *Федютинского*; исправлено нами. См.: *Коновалов Н., Виноградов А.* Подразделения тов. Федюнинского продолжают продвигаться вперед // Ленинградская правда. 1941. 26 дек. № 308. С. 1; *Коновалов Н.* По следам врага // Там же. 28 дек. № 310. С. 2; *Виноградов А., Следнев И.* Враг отступает // Там же. 29 дек. № 311. С. 1. *Федюнинский Иван Иванович* (1900–1977) – военачальник, генерал армии; с сентября 1941 г. по март 1942 г. в звании генерал-майора находился на Ленинградском фронте: был заместителем командующего фронтом и одновременно командующим 42-й армией, затем возглавил 54-ю армию, участвовавшую в успешной Тихвинской и неудачной Любанской операциях.

¹⁸ Примеч. 1949 г.: «Муж Гени, Василий Дмитриевич Жандецкий (отсюда прозвище «Жан»)».

¹⁹ Речь идет о трехтомном издании: *Мутер Р.* История живописи в XIX веке / Пер. З. А. Венгеровой; Под ред. В. Д. Протопопова. СПб.: Т-во «Знание», 1899–1902. *Мутер Рихард (Muther)*, 1860–1909) – немецкий искусствовед, профессор истории искусства в Бреславльском (с 1945 г. Вроцлавский) университете.

²⁰ Скорее всего, имеется в виду речь И. В. Сталина 6 нояб. 1941 г. на торжественном заседании Московского Совета, посвященном 24-й годовщине Октябрьской

революции, которое состоялось в подземном вестибюле станции метро «Маяковская».

²¹ Газетный лозунг военных лет. «Враг будет разбит» — выражение из выступления Сталина по радио 3 июля 1941 г.

²² Английская поговорка (Facts are stubborn), которую нередко употреблял Ленин, а вслед за ним и Сталин. Ее источник — перевод Т. Дж. Смолеттом с французского романа А. Р. Лесажа «История Жиль Блаза» (1734), точнее — выражения «Les faits parlent» (Факты говорят сами за себя).

²³ Село Любытино — районный центр на северо-востоке Новгородской области. С декабря 1941 г. по январь 1942 г. было занято врагом 13 деревень Дрегельского района (с 1964 г. в составе Любытинского), но не само Любытино. Г. Чудово был оккупирован врагом с 20 авг. 1941 г. по 29 янв. 1944 г.

²⁴ Речь идет о морге под открытым небом, существовавшем на территории Народного Дома (между нынешним Мюзик-холлом и Зоопарком), и о Смоленском кладбище.

²⁵ По официальным данным, максимальное количество потерь в отдельные дни января—февраля 1942 г. — 6–7 тыс. человек (см.: *Кислицын Н. Г.* Ленинград не сдается. М., 1995. С. 129–130).

²⁶ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950). См. примеч. 40 на с. 70.

²⁷ См.: О продовольственном положении Ленинграда: Беседа с председателем Исполкома Ленинградского Городского Совета тов. П. С. Попковым // Ленинградская правда. 1942. 13 янв. № 10. С. 1.

²⁸ П. С. Попков указывал на причину улучшения в обеспечении города продуктами: «...стало возможным восстановить железнодорожное сообщение между Тихвином и ближайшими станциями в Ленинграду — завоз продовольствия в город теперь существенно облегчен» (Там же).

²⁹ П. С. Попков, в духе времени, обвинял: «К сожалению, раскисших, забывших о своей ответственности перед трудящимися города людей среди железнодорожников, особенно в управлении Октябрьской дороги и в ее отделениях, оказалось немало» (Там же).

³⁰ *Дуранда* см. примеч. 20 на с. 395.

³¹ Интересно, что С. В. Ганкевич эту улицу (в 1918–1944 гг. называлась улицей 3-го июля), как и некоторые другие, именуется по-старорежимному.

³² Имя большевика С. М. Нахимсона с 1918 по 1944 г. носил Владимирский проспект.

³³ В. И. Выхорев. Фамилия установлена по имени его брата С. И. Выхорева, жившего в том же д. 15 по ул. Союза Печатников, в кв. 60, и упоминающегося в Дневнике ниже, в записи от 6 февр. 1942 г. (см. примеч. 68 на с. 454).

³⁴ Ниже указывается фамилия этого знакомого Ганкевичей — Петров.

³⁵ *Тюрин Василий Васильевич* (1900–1942) проживал в д. 14 по Большой Московской ул., в кв. 1, скончался в апреле 1942 г. и был похоронен на Пискаревском кладбище.

³⁶ Речь идет о перепечатанной в «Ленинградской правде» (17 янв. № 14. С. 1) передовой статье «Чудовишный приказ гитлеровского командования» (Правда. 1942. 15 янв. № 15. С. 1), в которой речь идет о печально знаменитом приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 окт. 1941 г. «О поведении войск на Востоке» и, в частности, утверждается: «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». Тут же воспроизведен из того же номера «Правды» со ссылкой на Совинформбюро материал «Чудовишный приказ гитлеровского генерала

об уничтожении всех исторических и художественных ценностей и об истреблении мужского населения в захваченных немцами советских районах». Генерал-фельдмаршал *Рейхенау Вальтер фон (Reichenau, 1884–1942)* с 1 дек. 1941 г. командовал группой армий «Юг», но уже 17 янв. умер.

³⁷ Примеч. 1949 г.: «Двоюродная сестра Т. М. Ганкевич».

³⁸ После того как 8–10 сент. 1941 г. от зажигательных бомб сгорело 41 помещение Бадаевских складов, там больше не хранили больших продовольственных запасов и они рассредоточивались по всему городу.

³⁹ Выступления по ленинградскому радио драматурга *Вишневого Всеволода Витальевича (1900–1951)*, служившего в Политуправлении Балтфлота, часто были импровизационны, отличались искренним, задушевным тоном и нравились ленинградцам. В упомянутом эфире он, в частности, говорил: «„Взять нас блокадой, измором? Не выйдет. Выстоим. Пусть, кто хочет, посмотрит на Ленинград и в глаза ленинградцев на шестом месяце блокады, в люто студеные январские дни. В глазах упорство... Город пройдет к победе и сквозь все выпавшие на его долю сверхмерные испытания 1941–1942 годов. Пройдет, не потеряв своей красоты, силы и величия“. В дневнике ленинградской школьницы Майи Бубновой 23 января 1942 года сделана следующая запись об этой речи: „Вчера Всеволод Вишневский по радио выступал. Прямо молодец парень, в моем духе. Всегда вовремя выступит и скажет. Скажет прямо, ясно, хорошо, по-ленинградски, по-большевистски“» (цит. по: *Рубашкин А. И. Голос Ленинграда*. СПб., 2005. С. 129).

⁴⁰ Госнардом находился в здании так называемого «Народного дома Николая II», построенного в 1900–1912 гг. в Александровском парке архитектором Г. И. Люцедарским.

⁴¹ Сведения оказались ошибочными. Старая Русса оставалась под оккупацией с 9 авг. 1941 г. по 18 февр. 1944 г. Советские войска неоднократно пытались овладеть городом в ходе кровопролитных боев, в частности в январе–феврале 1942 г., однако безуспешно. Также и Великие Луки удалось освободить только 17 янв. 1943 г.

⁴² *Карьер Эжен (Carré, Carrière; 1849–1906)* – французский живописец и график.

⁴³ *Стека* (от *итал. stacca* – палочка) – основной инструмент скульптора при лепке из глины или пластилина, представляющий собой небольшую палочку из дерева, металла или кости.

⁴⁴ «Граждане Кале» – бронзовая композиция (1884–1888) французского скульптора *Огюста Родена (Rodin; 1840–1917)*, посвященная осаде г. Кале (1346–1347) в ходе Столетней войны.

⁴⁵ Примеч. 1949 г.: «Елена Михайловна, сестра жены автора».

⁴⁶ Имя героя одноименной повести О. де Бальзака (1830), ставшее нарицательным для характеристики бессердечного скупца.

⁴⁷ Как считается, источник этого выражения – письмо Петра I в Сенат от 8 апр. 1711 г., где есть фраза: «понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно» (о походе на турок).оборот широко использовался политиками начала XX в., например Лениным: «Промедление в восстании смерти подобно», «Промедление в выступлении смерти подобно» («Письмо членам ЦК» от 24 окт. 1917 г.).

⁴⁸ Город Лозовая Харьковской области был освобожден только 16 сент. 1943 г. Попытки овладеть им в 1942 г. оказались безуспешны.

⁴⁹ Примеч. 1949 г.: «Мария Михайловна – мать жены», т. е. Мар. М. Гольдберг.

⁵⁰ Примеч. 1949 г.: «Автор был снят с учета по решению, полученному еще в Гражд^{анскую} войну (был добровольцем)».

⁵¹ 16–26 янв. 1942 г. Западный фронт под командованием Г. К. Жукова в ходе успешной наступательной операции полностью освободил территорию Московской и Тульской областей.

⁵² Примеч. 1949 г. «Ошибка: не „искусств“, а „живописи“».

⁵³ Примеч. 1949 г.: «Имеется в виду, что обе женщины в семье не встают».

⁵⁴ В период с 30 дек. 1941 г. по 1 янв. 1942 г. в ходе наступательной операции Кавказского фронта противник вывел свои войска с Керченского полуострова и сосредоточил их под Феодосией, из которой уже 2 янв. их удалось выбить. Однако 18 янв. Феодосия, а 20 мая Керчь были вновь взяты врагом. Окончательно советские войска освободили Керчь 11 апр., а Феодосию — 13 апр. 1944 г.

⁵⁵ Примеч. 1949 г.: «Тесть и теща».

⁵⁶ Примеч. 1949 г.: «Т. е. Гене должны первые».

⁵⁷ Примеч. 1949 г.: «Брат жены автора», Л. М. Гольдберг.

⁵⁸ Примеч. 1949 г.: «Вина брата заключалась в том, что он съел какие-то остатки крупы, которые он должен был отнести Евг<ени> Мих<айлов>не как подарок от матери».

⁵⁹ Примеч. 1949 г.: «Судя по почерку, стилю и содержанию – с этой строки идет запись на следующий день, а может быть, и через несколько дней».

⁶⁰ Примеч. 1949 г.: «Брат жены, находившийся в армии». Видимо, Ардалион Михайлович Гольдберг.

⁶¹ Ближайшие именины Евгении приходились на 6 янв. Возможно, здесь имеется в виду день рождения Е. М. Жандецкой.

⁶² Буль – мебельный декоративный стиль с богатой инкрустацией из латуни и бронзы, названный по имени французского мастера *Андре Шарля Буля (Bouille, 1642–1732)*.

⁶³ В Ленинграде за людоедство, согласно официальным документам о наказаниях, в декабре 1941 г. были осуждены 26 человек, в январе 1942 г. – 366, а 1–15 февр. того же года – уже 494 человека (см.: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2005. С. 679–680).

⁶⁴ Бронзовая скульптурная группа (1882) О. Родена на сюжет из «Божественной комедии» Данте («Ад», 32: 124 – 33: 90), приобретший большую популярность в искусстве XIV–XX вв. Граф *Уголино делья Герардеска (Ugolino della Gherardesca; ок. 1220–1280)* – правитель Пизы, который после свержения был замурован вместе с двумя младшими сыновьями и двумя внуками в башне, где и скончался спустя два месяца. Согласно легенде, он, потеряв человеческий облик, поедал останки умерших от голода детей. (Однако современная экспертиза доказала, что Уголино и его дети погибли насильственной смертью.)

⁶⁵ Примеч. 1949 г.: «Т. М. Ганкевич, жена автора, заявляет, что эти строки следует относить только к ее отцу, т<ак> к<ак> мать ее была доброй женщиной и пользовалась якобы уважением С<ергея> В<асильевича>».

⁶⁶ Ср. слова Телегина: «Сюжет, достойный кисти Айвазовского» из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» (1897; д. IV).

⁶⁷ Примеч. 1949 г.: «Речь идет о следующем событии. Как-то отец передал Евг<ени> Мих<айлов>не часы, чтобы она их обменяла на хлеб. В походе за обменом с ней случился обморок, когда у нее часы украли. Но отец продолжал требовать хлеб, поэтому он и не отдавал часы Юры, о которых говорилось выше (часы он должен был передать знакомцу часовщику для починки), оставив их как залог. Наконец, перед эвакуацией он сам пришел к Евг<ени> Мих<айловне> и стал требовать часы или хлеб (то, что часы украли, – его не интересовало!). Чтобы прекратить эту унижитель-

ную сцену, Т<амара> М<ихайловна> решила отдать ему свои часы и стала их снимать с руки. У отца же мелькнула мысль, что это те самые часы и что Т<амара> М<ихайловна> хочет их спрятать! Он кинулся к дочери и чуть не выломал дочери руку, [отнимая] срывая с руки часы, пока его не схватил сзади Сергей В<асильевич>. Часы ему отдали и он удалился».

⁶⁸ *Выхорев Сергей Иванович* (1883–1942), проживавший в том же доме, что и Е. М. Жандецкая (ул. Союза Печатников, д. 15), в кв. 60.

⁶⁹ Имеется в виду морг Октябрьского района (ныне часть Адмиралтейского), находившийся на Канонерской ул., д. 33.

⁷⁰ Эти слухи оказались неосновательными. О П. С. Попкове см. примеч. 40 на с. 70.

⁷¹ Выражение, которым заканчивается басня И. А. Крылова «Лебедь, Рак и Щука» (1814).

⁷² Речь идет об исследовании *Бенуа Александра Николаевича* (1870–1960) «История русской живописи в XIX веке» (СПб., 1901–1902. Вып. 1–2), приложенного к трехтомнику Р. Мутера (см. выше примеч. 19) и увидевшего свет в качестве дополнительного, четвертого тома.

⁷³ *Андреевко Иван Андреевич* (1904–1987) — заместитель председателя Ленгорсовета, заведующий отделом торговли Ленгорисполкома в годы блокады. Его имя было на слуху у горожан, поскольку им подписывались документы о нормах выдачи хлеба населению, которые вывешивались на улицах.

⁷⁴ Клинский рынок был основан в 1924 г. в Матятинном переулке (с 1952 г. Батайский), и при нем в 1930-е гг. организовали колхозную ярмарку. В 1942 г. рынок сгорел после бомбежки, и в 1946 г. на его месте был разбит ныне существующий сад, спланированный в регулярно-пейзажном стиле.

⁷⁵ С. В. Ганкевич описывает симптомы начавшегося у него авитаминоза.

⁷⁶ Подушечки – недорогая карамель без обертки, обычно с повидлом внутри.

⁷⁷ Сведений об этих знакомых Ганкевичей разыскать не удалось. Однако не исключено, что последним назван Берко Михайлович Гохштейн (1876–1942), проживавший на Лахтинской улице (д. 20, кв. 28), умерший в феврале и похороненный на Серафимовском кладбище.

⁷⁸ Примеч. 1949 г.: «С этой строки идет, по-видимому, запись в один из последующих дней после 21-го февраля, т<ак> к<ак> другой почерк и настроение».

⁷⁹ Примеч. 1949 г.: «Дядя автора».

⁸⁰ Примеч. 1949 г.: «Эти строки написаны на полях последней страницы. На этом заканчивается первая тетрадь дневника С. В. Ганкевича. Правда, в тетради имеются еще 4 страницы, исписанные вдоль и поперек очень неразборчивым почерком. Это, кажется, наброски к предисловию дневника: о положении города в январе и т. д., но более расширенное, чем наброски на первых страницах дневника. Я сейчас очень занят, но если будет свободное время, то постараюсь разобрать и переписать эти записи.

Вторая тетрадь дневника содержит в себе только 9 страниц записи (плюс 2 вырванные страницы).

Б. Егоров. 11/VI–1949».

⁸¹ Примеч. 1949 г.: «Следующий лист дневника вырван киевскими родственниками С<ергея> В<асильевича> на память (черт бы их взял) тайком от Т<амары> Мих<айловны>, гостившей у них после войны и привезшей показать дневник. По словам Т<амары> Мих<айловны>, Сергей В<асильевич> писал на этих страницах о том, что „как бы хотелось вгрызться в кусок хлеба зубами и жевать полным ртом, а не понемножку!“».

⁸² На деле после того как в Ленинграде в декабре 1941 г. перестал ходить общественный транспорт, троллейбусное движение было возобновлено 24 мая 1944 г., а трамвайное – уже 15 апр. 1942 г.

⁸³ По первоначальным планам НКВД, советские немцы и финны должны были быть выселены из города на Неве не позднее 7 сент. 1941 г., однако из-за блокады их депортацию пришлось отложить на полгода. В марте 1942 г. началась вторая волна их массового выселения из Ленинграда и окрестностей — к высылке (как правило, на спецпоселения в Сибирь) было «приговорено» 24 600 человек.

⁸⁴ Сведения неточны: немецкий генерал-фельдмаршал *Вильгельм фон Лееб* (*Leeb*; 1876–1956), организатор блокады Ленинграда, вплоть до декабря 1941 г. был командующим группы армий «Север», куда и входила 16-я армия под командованием генерал-полковника *Эрнеста Буша* (*Busch*; 1885–1945). В рассматриваемый период (1942–1944) Лееба заменил генерал-фельдмаршал *Георг фон Кюхлер* (*Küchler*, 1881–1968).

⁸⁵ Примеч. 1949 г.: «Т. е. никто не интересуется, кроме меня с Тимой».

⁸⁶ Примеч. 1949 г.: «Следующие 3 строки тщательно зачеркнуты».

⁸⁷ Т. е. *pendant* – пандан (*фр.*), предмет, парный с другим; в данном случае имеются в виду две похожие одна на другую картины – равные по величине и, возможно, назначенные висеть на стене симметрично.

⁸⁸ *Тихонова Пелагея Ефимовна* (1903–1942), проживавшая в том же доме по ул. Союза Печатников, в кв. 65, умершая в марте и погребенная на Пискаревском кладбище.

⁸⁹ Примеч. 1949 г.: «Это последние слова, записанные в дневнике С<ергея> В<асильевича>. Он прожил всего пять дней после 22-го марта. 27 марта он лежал в кувче 6-м по счету...»

Он похоронен, как и тысячи других ленинградцев, где-то в братской могиле, неизвестно даже, в каком месте – и его предсмертные записки являются последним воспоминанием об этом любопытном человеке...

Я сейчас просмотрел то, что смог разобрать на последних двух листах 1-й тетради дневника, и пришел к выводу, что не стоит тратить времени на запись этих страниц. Это наброски к предисловию, повторяющие то, что было сказано в предисловии и в самом дневнике – о блокаде, о голоде, об очередях, о разрушениях. Незачем повторять уже написанное.

Б. Егоров. 14/VI–1949».

«ДНЕВНИК ВОСПОМИНАНИЙ ПЕРЕЖИТЫХ ДНЕЙ ОСАДЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1942 ГОДУ»

Тетрадь №1

(Публикация Л. П. Громовой)

Этот блокадный дневник оказался у меня случайно. Его передала мне старая ленинградка Стелла Васильевна Кузнецова, сохранившая после смерти своего мужа Александра Иосифовича Кузнецова четыре пожелтевшие от времени тетради, которые он получил в послевоенные годы от своего школьного учителя Ивана Ивановича Мальяревского. Боясь, что эти важные свидетельства о жизни обычного человека в блокадном Ленинграде могут затеряться, Стелла Васильевна попросила меня предать их гласности.

На научной конференции «Бытописатели блокады», которая проходила в ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме) 10 апр. 2014 г. и была посвящена 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, я рассказала об истории этого дневника и передала все четыре тетради на хранение в Пушкинский Дом. Они зарегистрированы в «Книге поступлений» № 48 за 2014 г. и присоединены к Разряду I, оп. 17 на имя И. И. Мальяревского.

Автор дневника – учитель географии Иван Иванович Мальяревский (1887–1951), живший в блокадном Ленинграде до эвакуации на Алтай 4 авг. 1942 г. Он назвал свою летопись «Дневник воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941–1942 году». В одной из тетрадей была сделана приписка: «Собственно, вернее назвать не дневник, а ночник, т<ак> к<ак> все записи сделаны не днем, а ночью».

Почему он стал писать дневник, урывая время от сна, когда после рабочего дня нужно было беречь слабеющие силы? Этот вопрос автор задает себе и сам. Ответ на него мы находим в двух записях. «Отчего я записываю различные разговоры, которые ходят по городу? С целью их дальнейшей проверки, т<ак> к<ак> сведения исходят, быть может, и из верного источника, а затем искажаются после <нрзб.>

передачами, как это всегда бывает» (1 марта 1942 г.). Спустя два месяца вновь возвращается к этому вопросу: «Катя бранит меня, что я веду дневник, и иногда поздно вернувшись. Вместо того чтобы лечь спать, сижу над записями. А мне все-таки хочется подробней записывать это историческое время. Жалею, что не начал раньше. Много упустил» (2 мая 1942 г.).

О самом авторе известно немного – скудные сведения, записанные на папке, в которой хранились дневники: Мальяревский Иван Иванович, учитель географии школы № 1, инспектор города Чистополь. Жена Шустова Екатерина Евграфовна умерла в 1959 г., на восемь лет пережив мужа.

Эти скупые биографические данные, оставленные о своем учителе хранителем дневника А. И. Кузнецовым, дополняются воспоминаниями самого автора о довоенной жизни, которые рассеяны по дневнику. Становится известно, что до войны он жил в Пушкине, любил охоту (этому посвящены многие записи и рисунки автора, встречающиеся на страницах дневника). В блокадном Ленинграде они с женой оказались после того, как немцы заняли Пушкин, и прожили в городе на Неве до 4 авг. 1942 г., откуда были эвакуированы на Алтай.

Записи алтайского периода жизни в значительной части посвящены событиям вокруг Ленинграда. О них Мальяревский узнает по радио и из «Алтайской правды». Он пишет о боях за Ленинград, освобождении городов Ленинградской области, приводит рассказы эвакуированных, сведения о знакомых. Последняя запись алтайского периода, сделанная 12 февр. 1944 г., наполнена ожиданием скорого окончания войны и возвращения домой.

«Заканчиваю эту тетрадь дневника. Перед моими глазами встает новое будущее нашей страны и всего человечества, которое его ждет после этой кровопролитной и изнурительной войны. Хотелось бы верить, что война закончится осенью этого года <...>. Надо уехать при первой возможности. Это главная цель. Трудности в пути будут большие, но надо их преодолеть. Привет Ленинграду!». Но в Ленинград, судя по всему, Иван Иванович не вернулся. Послевоенные годы они с женой прожили в г. Чистополь.

Дневник состоит из четырех тетрадей.

Тетрадь № 1 хронологически обозначена с сентября 1941 по 16 марта 1942 г. Однако регулярные записи, день за днем, ведутся начиная с 20 янв. 1942 г.

Тетрадь № 2 отражает блокадный период с 18 марта по 31 марта 1942 г. и продолжает хронику жизни блокадного города.

Тетрадь № 3 – жизнь в блокадном городе с 1 июня по 4 авг. 1942 г. и эвакуация на Алтай (последняя запись сделана 12 февр. 1944 г.).

В тетради № 4 автор вновь обращается к дневниковым записям уже в 1950 г. – в конце своей жизни, когда он жил в г. Чистополь после возвращения из эвакуации с Алтая.

В один из дневников вложены два письма И. И. Мальяревского и рукопись рассказа под названием «Верность», написанного в алтайский период, судя по всему, для местного издания. Письма относятся к блокадному времени. Одно из них датировано 20 апр. 1942 г. и адресовано Валентине Петровне, имя которой часто встречается в дневнике. Другое – представляет собой фрагмент письма некоему Володе, о котором автор также не раз упоминает в дневнике.

К публикации представляется лишь первая тетрадь дневника, в которой повествование о начальном периоде блокады заканчивается записью 16 марта 1942 г. Дневник подготовлен к публикации при участии Н. А. Пироговской, с помощью которой был напечатан текст и расшифрованы некоторые неясные места.

События первых месяцев блокады представлены в дневнике лишь на первых пяти страницах в кратком описании произошедшего. Автор сообщает: «Случилось так, что фронт подошел к Ленинграду на пушечный выстрел, и неприятель занял все дороги, ведущие в глубину Союза, продлив фронт до самого Ладожского озера. Ленинград оказался в блокаде. Это была середина сентября, а теперь уже январь, и на дворе стоят жуткие морозы 35–40 градусов». И далее идут почти ежедневные записи. Главная тема дневника – ХЛЕБ.

«20/1 42 г. Усиленно говорят, что с 22/1 прибавят хлеба. Мороз –30°.

21/1. Хлеба еще не прибавили. Мороз такой же.

22/1. Прибавки еще не выдали. Ждем завтра.

24/1. Наконец прибавили хлеба. Иждив<енцы> – 250, служ<ащие> – 350, раб<очие> – 400.

27/1. Очереди за хлебом. Хлеба не получили.

28/1. Хлеба не получили. Огромные очереди».

На протяжении всех дневниковых записей блокадного времени ХЛЕБ остается центральной темой. Постоянна также мысль автора о работе радио и телефона. Связь с миром, сообщения с фронта, городская информация для него жизненно необходимы, их отсутствие вызывает отчаяние.

«26/1. Телефоны еще не работают.

30/1. Телефоны опять не работают.

3/11. Телефоны не работают. Радио говорит очень тихо».

С хроникальной точностью И. И. Мальяревский записывает все события городской жизни (эвакуацию университета, открытие городских бань, пуск трамвая, уборку города). Слог повествования, как правило, лаконичный – автор словно экономит силы и время: «Объявлена норма за январь. Хуже декабря. Масла нет. Январь прожили. Что-то будет дальше. Пухнут ноги» (31 янв. 1942 г.).

Но часто повествования развернуты, особенно, когда автор размышляет о событиях в мире или возвращается к воспоминаниям о довоенной жизни. Он словно укрывается в прошлом, вспоминая о довоенной охоте, о прочитанных книгах, размышляет о записках Седова, о подвиге папанинцев. И кажется, что эти отступления позволяют ему на некоторое время забыть о тяготах настоящего.

Дневник Мальяревского представляет собой будничное повседневное бытописание осажденного города, в котором с фактографической точностью фиксируются все детали жизни и смерти блокадников, их заботы, трагедии, маленькие радости, надежды, высокие и низкие проявления человеческого характера. Это повествование зрелого человека, повидавшего жизнь, которому в начале войны было уже 54 года. У него наблюдательный аналитический ум, удивительная способность абстрагироваться от тягот и ужасов войны, неиссякаемая вера в завтрашний день.

Война по-разному и разными гранями запечатлена в публицистике и мемуарах людей, прошедших через ее горнило как участники и живые свидетели. Обращение к блокадным дневникам показывает, насколько ценны для нас эти летописи войны, донесшие правду об одной из самых драматичных страниц нашей истории. У каждого из переживших эти трагические дни – своя блокада, свой угол зрения на нее и переживание происходившего. Их жизнь, их самоотверженный труд в блокадном Ленинграде, их стремление сохранить человеческое достоинство в этих нечеловеческих испытаниях, их желание хоронить близких по человеческим обычаям, которые так трудно было блюсти в то страшное время, – это тот урок, который нам предстоит еще осмысливать.

В письме, адресованном Володе, Мальяревский пишет: «Война принесла новые, тяжелые испытания <...>. Зато мы сделали свидетелями и пережили интереснейшие исторические периоды, о которых в будущем будет написано очень много томов».

Дневник Ивана Ивановича Мальяревского является еще одним ценным документом, живым свидетельством правды блокадных дней, которое дополняет наши представления о поступках, мыслях, сомнениях, слабостях и силе человеческого духа людей, прошедших это испытание.

ТЕТРАДЬ № 1

Закончена 16/III и начата новая 17/III

Случилось так, что фронт подошел к Ленинграду на пушечный выстрел, и неприятель занял все дороги, ведущие в глубину Союза, продлив фронт до самого Ладожского озера. Ленинград оказался в блокаде. Это была середина сентября, а теперь уже январь, и на дворе стоят жуткие морозы 35–40°. Нева в этом году встала на 6 дней ранее всех ранних сроков, и такие ранние морозы, без оттепелей, сулят холодную длительную зиму.

Неосторожное обращение с огнем, главным образом времянок различных фасонов и форм, вызвали большие пожары. При сильных морозах, когда тушение очень затруднено, дома горят по несколько дней и выгорают до каменных стен. Это бедствие, пожалуй, хуже бомбежки.

Окружение или блокада Л<енингра>да вызвали истощение запасов всех видов продовольствия, топлива и всего прочего.

Город попал в крайне тяжелое положение. Правда, продовольствие привозилось водным путем, но около 1/3 его топилося, а поэтому для такого желудка, как Ленинград, это было совершенно незначительно. В Л<енингра>де скопились беженцы из пригородных районов и армии. Поэтому был введен строгий режим потребления продовольствия. Труднее всего оказался месяц декабрь. Чтобы усилить блокаду, немцы заняли ст. Войбокалу и г. Тихвин. Попадать в Л<енингра>д можно было только очень далеким окружным путем. Поэтому после взятия Тихвина и Войбокалы войсками Кр<асной> Армии открылся доступ более близкий к Л<енингра>ду, и продовольствие пошло быстрее.

Ежемесячно в середине м<еся>ца производилась перерегистрация карточек. Существовал промысел воровства продов<ольственных> карточек. Поэтому похищали сумочки, портфели в надежде найти там карточки.

За хищение продуктов, спекуляцию ими Трибунал присуждал к смер<тной> казни, и таких случаев было много. О них печатали в газетах.

Смертность сильно возросла в январе и начале февраля, когда выдачи были крайне ничтожны. Во второй половине февраля смертность уменьшилась, но все еще продолжает быть очень высокой, и теперь от заболеваний дизентерией. Воды в домах нет, воду берут часто из ям на улицах, лазая туда своими ведрами и заноса заразу. Дров у населения мало – очевидно, и пища не всегда хорошо проварена.

Электричества и трамвая нет с декабря–января м<еся>цев. Сломали заборы, мебель и все, что только можно, пущено на дрова.

Магазины начинают торговать в феврале и марте, когда стало светлей и теплей. Создались рынки-толкучки, где идет ходкая, гл<авным> обр<азом> меновая торговля. Иногда прекрасные дорогие пальто идут за 1–2 кг хлеба.

Главный продукт, что требуется, – это хлеб. Деньги меньше всего играют роль. 100 гр. хлеба стоят от 40–25 руб., смотря по нормам выдачи. Выдаваемые продукты сейчас же появляются на рынке и обмениваются гл<авным> обр<азом> на хлеб. Масло, мясо, крупа, сахар, меланж. Хлеб все-таки насыщает, а следовательно в нем большая необходимость, чем другие продукты, хотя они так же, если не еще больше, питательны.

16/III. Хлеба не прибавили.²

20/I 42 г. Усиленно говорят, что с 22/I прибавят хлеба. Мороз – 30°. Вода замерзла и в жакте. Вся задняя лестница нашего дома залита экскрементами. Двор тоже. Что же будет весной? Зарницы оружейных выстрелов стали далекими. Сегодня бухало два дальнобойных. Обстрел города прекратился.

21/I. Хлеба еще не прибавили. Мороз такой же. Горят дома. По-тушить из-за мороза очень трудно.

На Л<енингра>дском фронте существенных перемен не произошло.

Продукты наши на исходе. Что-то будет? Получить на рынке, где Катя (жена автора дневника. – Л. Г.) прикрепилась, очень трудно. Каждый день объявляют новые выдачи, но очень ничтожные порции.

Получили письмо от Вали. Она хочет приехать сюда. Это безумие.

22/I. Прибавки еще не выдали. Ждем завтра.

24/I. Наконец прибавили хлеба. Иждив<енцы> – 250, служ<ащие> – 350, раб<очие> – 400.

Я поел хлеба и почувствовал себя лучше.

25/I. Нет воды, ходили на Неву, берем из теплофикации. Радио и телефоны не работают, так как разрядились аккумуляторы. Мороз –30° и резкий ветер. Дома холодно и голодно, но заработал в столовой кашу и принес домой.

26/Л. Телефоны еще не работают. Мороз не ослабевает. Дома горят до каменных стен. Ужас. Пожарные бессильны. Хлебные заводы стоят. Колоссальные очереди до самой ночи, и хлеба нет.

27/Л. Очереди за хлебом. Хлеба не получили. Выдают мукой, но жестокий % припека – 65%. Выдачи ничтожны: 100 гр. мяса, 50 гр. масла, 200 гр. муки. Чем питаться? Продержимся ли это время. Смертность растет.

28/Л. Хлеба не получили. Огромные очереди.

29/Л. Хлеб получили. Катя простояла в очереди с 6 ч. утра до 6 ч. вечера. Телефоны заработали. Очереди за хлебом огромные. Студентам каши не варили. Положение очень тяжелое. Силы мои уходят. Что-то будет? Выживем ли?

30/Л. Телефоны опять не работают. Выдач продуктов нет. За хлебом очереди меньше. Мороз легче. Дела на фронте хороши. Когда-то спасение?

31/Л. Мороз мягче. Телефоны работают.

Везут массу покойников. Рядом с нами лежит раздетый женский труп. Везут трупы возами. Ужас.

Матросы стреляют галок – счастливицы. Объявлена норма за январь. Хуже декабря. Масла нет. Январь прожили. Что-то будет дальше. Пухнут ноги.

У Кати пухнет лицо, а у меня ноги, но к утру опухоль спадает.

1/П. Вот и февраль. Январь прожили. Едим студень из столярного клея.³ Клей декстрин. К чему приведет еда этих суррогатов? Может быть, это медленное отравление всего организма.

Очереди за хлебом пропали, так как задержали выдачу карточек. У нас хлеб чудный, а на В<асильевском> О<строве>. ужасный. Катя перешла на другую работу и получила раб<очую> карточку. Мы ели хлеба, но не досыта, а как хочется поесть.

2/П. Мне сохранен рацион – думаю, выскочим. Представилась возможность работать в воинской части и получать добав<очный> тылов<ой> паек – это спасение. Если бы сухой выдали?

Встречал особенно много покойников.

Объявлена норма на январь – крохи. Видел много машин с мясом. Принимают меры к прекращению пожаров. Погода теплее – 10–18°. Открылись парикмахерские, телефоны работают.

3/II. Телефоны не работают. Радио говорит очень тихо. Воды нет. Пожары продолжают. Трупы возят возами. Страшно смотреть. Валиются на улицах, и всем все равно. Проходят мимо.

Погода мягче. Обстреливал неприятель Петроградскую сторону. Жутко. Иногда очень часто рвались снаряды. Дорога вдоль моря к Стрельно – Б<ольшие> Ижоры и Ям-Ижоры⁴ свободна.

Уходя, немцы оставили массу продуктов, главным образом консервы мясные и сгущенное молоко датские. Рыбные норвежские. Банка по 4–5 кило. Моряки говорят, что прекрасного качества.

Сегодня удалось поесть хлеба. Вечером болит живот – распирают газы. Надо постепенно увеличивать объем пищи.

В роте тому, кто бывает, дают только суп. Вообще там кормят неважно. Чем объяснить, что обе части стоят в тылу, и в одной сытно кормят, а в другой голодно? Воровства не допускаю. Дело, видимо, в хозяйственной жилке командира. Видел Ганкганверта и его жену.⁵ Бедняга распух. Вид ужасный.

4/II 42. Хороший морозный день. Солнце, а мне навстречу вереницей везут мумии, или автомобилями. Стали действовать телефоны. Хлеб есть. Продукты выдают за январь. Везут ан<глийский> сахар.

Положение напряженное. Настроение Кати ухудшилось. Мне жаль ее до боли в сердце. С продовольствием у нас трагедия, доедаем последние крохи. Что будет дальше? Неужели февраль будет такой же голодный? Тогда мы погибли.

Есть зацепка за батальон. Если это пройдет, смогу помогать Кате. Говорят, что дорога до Б<ольших> Ижор по берегу моря уже свободна. Противник отступает и оставляет запасы оружия и продовольствия. Прекрасные мясные, рыбные и молоч<ные> консервы, которыми отъедаются моряки.

В пятом часу бронепоезд опять обстреливал центр города. Я шел в это время и укрылся в дом. В сводке дня нашего фронта нет ничего утешительного. Газеты не выходят. Радио говорит, но очень тихо.

Идет усиленно, по размерам транспорта, эвакуация.

15 февраля. Прибавлено хлеба с 11/II р<абочим> – 500, служ<ащим> – 400, ижд<ивенцам> – 300. Выдают масло, мясо, сахар,

крупы, но по небольшим дозам. Говорят, идут рыбные продукты до 800 вагонов – поедим малость. Положение мало изменилось. Пожары сократились, так как морозы ослабли. Сегодня тепло. Люди ходят грязные, невымытые, с бледно-синими лицами. Организмы истощены до предела. Умер Анд<рей> Пав<лович> Козловский⁶ – мир праху твоему, дорогой друг. Смертность не сокращается. Устраивают стационары, чтобы поддержать наиболее истощенных. Вчера и сегодня бронепоезд опять обстреливал город. Вчера В<асильевский> О<стров> – Университет – Акад<емия> наук, а сегодня – <ул.> Чайковского – Литейный мост. Это варварство. Радио сообщило об обстреле, когда он закончился. Так всегда.

Целый день идет сильная орудийная стрельба, а время от времени трещат пулеметные очереди. То ли враг хочет войти в город, то ли наши ему чешут загривок. В Неве найден вибрион. Нас ожидают кишечные заболевания. Пейте только кипяченую воду и ту хорошо кипятите. Газеты не выходят. Телефоны действуют. Бань и парикмахерских нет.

Сняли Попкова⁷ и назначили Андреева – которого?⁸ Это вызвало выдачу продуктов населению в большом количестве. Улучшили порции в столовых. Меньше вырезают талонов.

Улучшился наш рацион, но раздавальщица и руковод<ство> тянут с нас, что только могут, а поэтому выходит очень голодно. На нем можно сидеть, ничего не делая и мало двигаясь.

16/II. Объявлена еще выдача крупы за I декаду 500 гр. раб<очим>, 300 служ<ащим> и 250 иждив<енцам>. Все это ничтожные подачки для истощенного, умирающего населения. Крупа частично американская-смоленская.

Пожары сократились, но улицы заливаются водой из-за лопнувших водопроводных труб.

17/II. Идут рассказы о том, что наши взяли Ушаки и Любань и двигаются в Кингисеппу,⁹ отрезая всю ленинградскую группу фашистов к морю, с тем, чтобы их там утопить. Город опять обстреливался.

17/II. Сильный обстрел города был по В<асильевскому> ост<рову>. Снаряды рвались около Ак<адемии> наук и Университета.

18/II. Сильный обстрел и всю ночь артил<лерийская> пальба, из тяжелых и дальнобойных. Выдают 500 гр. крупы.

19/II. Выдают 150 гр. сух<ого> картофеля на карточку. Все ждут опять прибавки хлеба и каких-то больших новостей по военным операциям. Университет готовится к эвакуации.

20/II. Сегодня объявили, что войска Федюнинского¹⁰ прорвали две линии обороны. Говорят, что Красное и Гатчина¹¹ в наших руках. Идет усиленный подвоз продуктов к Л<енингра>ду. Ожидается поступление до 800 вагонов рыбопродуктов. Привезли бы трески и селедок. Как давно мы не ели рыбы. Неделю я работал авторемонтным слесарем и получал добавочный красноарм<ейский> паек. Это несколько восстановило мои силы.

Не пришлось бы менять службу. Хорошо бы сделаться грузчиком, они хорошо зарабатывают. Вопрос – хватит ли у меня сил таскать грузы. Знакомые рабочие уверяют, что работа не очень тяжелая. Лучше бы быть авторем<онтным> слесарем – это ценная квалификация во всех случаях жизни и в деревне, и в городе. Давно не было писем от Вали и от Володи.

Интересно бы знать, что делается сейчас в Пушкине¹², и как моя квартира? Что сохранилось?

Много больных желудками – глав<ным> образом поносы.

Сегодня теплая туманная погода. Вчера вечером в 8 ч. была объявлена воздушная тревога, которая длилась минут 15. На нее сейчас мало обращают внимания. К ней привыкли, с ней сжились и забыли про нее. Сейчас все заняты едой, чтобы спасти свой живот. Начинают открывать окна в магазинах. Отдирают деревянные обшивки и разбивают гарь и песок, которые порядочно смерзлись.

Видел тяжелую сцену, когда женщина набросилась на девочку, вышедшую из булочной, и отнимала у нее кусочек хлеба. Девочка жалобно умоляла: «Тетенька, мой хлеб. Не бери его. Это мой хлеб». Я подошел и вырвал ребенка из лап этой ужасной женщины, черной от сажи, немойтой из-за лени принести воды. Таких чумазых ходит по улицам очень много. Опустился народ. Изредка попадаются здоровые свежие женские лица, гл<авным> обр<азом> молодые – даже с намазанными губами. Многие женщины мечтают о том времени, когда они смогут опять одеть хорошее платье, сменить валенки на туфли, принять ванну. Кстати, начинают действовать бани. Мне удалось подстричь свои космы в Университетской парикмахерской. Большое удовольствие снять лишние волосы. Но когда я попаду в баню, не знаю.

Идет массовый отъезд из Ленинграда. Публика бежит. Если блокаду не снимут, то на период распутицы можно ожидать опять голод-

ные нормы. Но этого периода мы уже не выдержим, т<ак> к<ак> запасы наши кончились.

Дни заметно прибавились, а горячее у нас убавилось. Стараемся раньше лечь спать.

24/II. День годовщины Кр<асной> Армии не принес особенных новостей. Правда, накануне всю ночь сильно грохотали пушки в районе Колпина и Пушкина, но чем все дело закончилось – неизвестно? Выбили ли наши немцев из этих районов или нет?

Производят выдачи еще мяса и крупы. Усиленно уезжают, но говорят, что дорога безумно тяжела. Вагоны не отапливаются. В дороге не кормят. Добывай себе пищу сам. Из Университета должны были уехать и уехали на вокзал 1600 чел<овек> еще 22/II, но сидят на Фин<ляндском> вокз<але>.

Слышал, что идет 700 ваг<онов> рыбы и поехало 8 чел<овек> проталкивать эти товары в Вологду, а в очередях уже говорят, что будут выдавать клюкву и воблу. Выдают по 25 гр. какао и 150 гр. сух<их> овощей – я взял капусты и картошки. Получил мясо, и завтра у нас мясные щи.

Вечером возвращаясь, на Невском встретил воен<ного> летчика, которому нужно было подвезти вещи. Я предложил свои сани. Он наградил меня огромным ломтем на дорогу, который я тут же съел, а затем дал кусок не меньше килограмма за работу. Хлеб прекрасный. Нет, свет не без добрых людей. Пока судьба в самые тяжелые минуты приходит мне на выручку. О Боже, благодарю Тебя! Хлеба осталось и назавтра утром – это уже экономия, и мы сытые ложимся спать. Ходил в 8 столовую, и там Осип Пав<лович>¹³ налил мне супу погуще, да прибавил туда гороху, да жиру полил. Я ел и наслаждался этой едой, которую в мир<ное> время не взял бы в рот. В ней мало сытости. Один объем.

На улицах ледяные горы, где берут воду. Начинают убирать дома, дворы, улицы. Иначе весной будут страшные эпидемии. Много лиц страдают поносами. Воду нужно долго кипятить. Сiju пишу – при свете мигалки. Желудок приятно отягощен пищей. Поели с Катей горохового супа с хлебом вволю. Завтра утром будет студень из ст<олярного> клея, достал уксус<ной> эссенции. Мои служебные дела очень плохи. Могу лишиться этой службы, а главное – рациона, который с переходом в 8 стол<овую> с I/III будет много лучше. Куда идти и где искать работы? Хотелось бы получить квалификацию авторемонт<ного> слесаря – такой человек всюду и везде, и всегда ну-

жен. Уметь исправить двигатель – это очень важно всегда. Машину я еще плохо знаю – вернее, совсем не знаю, но очень хочу знать! Это даст мне всегда и всюду хлеб. В совхозах, колхозах, МТС¹⁴ и т. д. такой человек нужен всегда.

Узнал, что многие из наших товарищей охотников умерли или, как теперь говорят на жаргоне – «заснулись». Это Шведе, Шестаков, Молотов. Многие уехали и бросили квартиры с полной обстановкой, а теперь издано постановление СНКома¹⁵ о том, что эвакуированные лишаются жилой площади. Так оно и есть, их комнаты по большей части уже заняты. Меня обобрали прекрасные Загорские + Рязанские с помощью Завиденковых.¹⁶ Вот не ожидал никогда такой подлости от них. Поставил им ультиматум.

Проходил мимо сгоревших домов – тяжелая картина. Сегодня 1–2 ч. дня сильный обстрел города со стороны Лигова.¹⁷ День значительно прибавился. Солнце теплое. Утром шел снег большими хлопьями.

Один красноармеец сказал, что боевое вооружение всегда при нем – «котелок, ложка и кружка». Так и у меня всегда при себе котелок, ложка и ножик для хлеба или мяса. Ложка алюминиевая – моя действительная кормилица. В некоторые тяжелые минуты она выручала меня – появлялась еда, и ложка тут как тут. Особенно ценный момент был с повидлой – вкусно закусил. А теперь как если вырвал и поел, то ты герой.

Так было и сегодня в 8 столовой.

26/II. Вчера по радио объявили о большом успехе на нашем фронте. В районе Старой Руссы разбита 16 герм<анская> армия,¹⁸ и взяты большие трофеи. Немцы отклонили предложение нашего командования о сдаче в плен, и было убитыми только 12 т<ысяч> чел<овек>. Ужасная война! Сколько жертв! Кому они нужны!

Надо полагать, что наш успех будет развиваться дальше, и это ускорит снятие блокады.

Днем и вечером он еще раз обстреливал город. Снаряды ложились на Петрогр<адской> стороне. А я в это время переходил Неву, а затем у Летн<его> сада, на трамв<айной> линии, в самом саду и на Фонтанке.

Опять выдают еще мяса, крупы, сахар и клюкву. Усиленно говорят, что будет скоро рыба. Я точно знаю, что идет 700 вагонов рыбы, и выехало 8 чел<овек> в Вологду их проталкивать сюда. Завтра будут выдавать клюкву. Так, почти каждый день, что-нибудь да получаем.

Действительно, февраль много лучше января. Говорят, что смертность уменьшилась, но не думаю, чтобы очень резко, так как питание только-только начало улучшаться.

Многие уже уверенно думают, что выживем. Однако эвакуация идет полным ходом. Это и хорошо, т<ак> к<ак> легче вывести во внутрь народ, чем завозить сюда ему продукты. Многие думают, что как только немцы увидят, что Л<енингра>да им не взять и не разрушить, то опять начнутся бомбежки. К ним-то население уже достаточно привыкло.

Эвакуируемым в Вологде назначается двухнедельный карантин, после чего могут ехать дальше. Говорят, что и у нас с 1 марта будут какие-то карантинные меры.

Что сейчас дешево – это мебель и посуда. Уезжающие продают иногда ценные вещи прямо даром. И видишь, как везет публика вещи на саночках иногда очень ценные, а возницы не по вещам.

Февраль для моей семьи в продовольственном отношении был очень благополучен. Что-то даст нам март. А там апрель – охота. Пока прилет птиц. Разрешат ли охоту и где достать ружье. Видел у одного прекрасную двадцатку Лебо¹⁹ на 8 фунтов. Н ружье по заказу <нрзб.> Вот это ружье, с которым бы я никогда не расстался бы и с которым я был бы совершенно уверен на любой охоте. Какая работа <нрзб.>, но это барская затея теперь не по времени – дорого терять <нрзб.>. Засечки внутри все золоченые. Чудное ружье, и не по охотнику оно.

Был у Третьяк<ова>.²⁰ Одна сестра умерла, а две другие, наверное, выживут. Сам он недалеко от Л<енингра>да, и думаю, что помогает им. Предложил им работу в швейной мастерской, но они отказались. Теперь все стараются меньше двигаться.

У меня второй день понос. Остановить его еще не могу. Силы ослабли. День морозный.

27/II. Ночью город обстреливали дальнобойными, а утром сильно палили наши. Морозно. Желудок будто бы лучше. Будут разносить по квартирам таблетки от дизентерии. Выдают клюкву. Сводка опять хорошая и на нашем фронте бои за К<олпино> и П<ушкин>.

Выдавали сахар, крупу, клюкву мороженую. Кормили на рации отвратно. Встретил своего ученика с курсов Зав <нрзб.>. Вспомнили недавно умершего Ганкганверта, и многие из моих учеников убиты. Часа в 4 была тревога, но радио действует слабо, и мало кто обращал на нее внимание.

Сегодня наши сотрудники вспоминали, как жили они, работая в отд. труда Облпродсовета. Как ходили по предприятиям, и им заворачивали посылочки на продов<ольственном> предпр<иятии>, и как объедались они на конфетных и кондитер<ских> ф<абри>ках. Как проходили конференции, и что только они не ели на наши профсоюзные взносы. Особенно по кондитер<ской> промыш<лености> – торт «Союз» – как его ели? Приезд папанинцев²¹ в зале Филармонии и торт, приготовленный специалистами.

Прием Правит<ельственной> комис<сии> <нрзб.> 20 дней, и оплата в 2000 р. за работу, ящик сигов и шоколадных конфет. Хорошо, что правительство вовремя остановило эту вакханалию.

Сегодня день прошел довольно тихо – неужели немцы отступают, и действительно блокада будет снята.

Читал приказ Наркома обороны т. Сталина по поводу 24 годов<щины> Кр<асной> Армии. Написан довольно правдиво, но исполнится все так, как там сказано, – это интересно. Сможет ли СССР в одиночестве одолеть эту фашистскую гидру? Хватит ли у нас техники. Сейчас, надо думать, немцы ведут бешеную подготовку к весенним операциям. Помогут ли нам англичане, начав активные действия на Зап<адном> фронте, и закончатся ли операции в Ливии к тому времени?²²

Написал письмо Володе. От него давно нет писем. Все ли благополучно у них там? Как хотелось бы мне махнуть туда. Отдохнуть и поесть немного. Походили бы по гостям, кто еще остался в живых, поменял бы картофеля, овощей, молока. Коровы телились поди, а там и за лосями махнуть не грех бы. Поискать их стоянок в Чернодырове или около Коровьего вала. Много бы мяса добыть можно с одной штуки. На Орле, наверное, есть глухари. Штучки две свалить не вредно, да и выстрелы бездым<ным> порохом из 20 кал<ибра> совсем негромкие в зимнее время. А если ветер, то в Дубне и не услышат.²³

Как бы достать ружье? Вот мечта. Весна подходит, можно прокормить себя и семью.

Прорубают и очищают трамвайные линии – неужели пойдут трамваи?²⁴ Все это давно забыто. Скалывают лед и снег с панелей.

Много заболеваний дизентерией. У меня боли в желудке прекратились.

Мое служебное положение совершенно не ясно еще. Чистяков шляпа, как я и думал. Я, я – а на самом деле ничего! Удивительный человек! А свои дела умеет устраивать.

Давно не было писем от Вали. Что-то не случилось ли чего?

Грузчики рассказывают, что на складах продуктов очень много. Население говорит – эти запасы имеются до июня м<еся>ца – пустышки. Что-то будет в марте?

28/II 42. На март м<еся>ц моя работа определяется на Маяковской.²⁵ Нужно разместить заказ на 300 т<ысяч> конвертов. Они хотят использовать на это дело мои последние силы. Но я предупредил, что меня уже высосали на пустышки, а теперь я очень тяжел на подъем, как и другие сотрудники. Иванов и Иерусалимский²⁶ уже не ходят. Второй особенно плох. На рацион меня поставили. Посмотрим завтра, где лучше, где хуже.

Сегодня прекрасный, теплый день. На солнце уже началось легкое снеготаяние. На улицах очищают трамвайную линию.

Много объявлений на стенах домов о продаже и обмене вещей на деньги или продукты. Иногда встречаются прекрасные вещи. Очень дорогие, но идут очень дешево. Так дороги сейчас продукты, и их так мало.

Идут разговоры, что откроются коммерческие рестораны и магазины. В первую очередь открывается магазин полуфабрикатов, как это было одно время в помещении быв<шего> ресторана Федорова²⁷ – вот была славная обжорка мирного времени.

Ресторан этот посещался и мелким чиновником, служащим, студенчеством. Главное – в нем была стойка, где можно было получить большие бутерброды с горячей ветчиной, бужениной, солониной, колбаской за 10–15 к., бокал бочечного, очень вкусного пива или рюмку водки с беконом. Т<аким> об<разом> быстро и хорошо закусить. Это единственный ресторан в Петербурге с такими горячими закусками. Все остальное было, как в ресторане средней руки. Свежесть продуктов – это очень важное дело.

Сегодня очень сильная артиллерийская стрельба из тяжелых орудий, но сравнительно на далеком расстоянии. Было время, когда эти орудия стояли на бегах, на 2 Л<енингра>де²⁸ Октяб<рьского> вокзала. И когда они палили, у нас звенели стекла окон.

На пути из Университета подвез вещи военному. Он дал мне 3 папироски. Хлеба у него не было. Он также сказал мне, что отход немцев возможен только через Кингисепп. Возможно, действительно части, расположенные по оккупированию Л<енингра>да, окружены, и пути отступления ему отрезаются.

1 марта. Легкий мороз. Несет тонкую поземку. Небо серое. Ночью и особенно под утро сильно била артиллерия. Днем легкая пурга.

Был у П. Ф. Он предлагает работу, но его учреждение далеко. Тихо. Стрельбы вечером не слышно, а утром обстреливал город. Снаряды ложились на Литейном, а говорят, что Детское, Пулковое и Павловск²⁹ уже очищены от неприятеля. Видимо, везде.

Сегодня проходил мимо Греч<еской> церкви, у стены Урологич<еской> больницы я видел валяющийся брошенный труп молодой женщины, а на Басковом около стены казарм, на тропинке – отрезанная человеческая голова. Очевидно, тело съели. Интересно, существует ли людоедство? Рассказыв<ают> про него очень много. Сегодня видел, как милиционеры вели парня, сильно изнуренного, оборванного, а один из милиционеров нес окровавленный топор. Должно быть, разыгралась тяжелая драма.

Говорят, что встречали около кладбищ трупы, особенно женщин, с отрезанными грудями и ягодицами. Родители съедали своих детей. Ну, а собак, да и тех почти всех приели, даже кровных охотничьих. Кошек уже давно нет. Нет и мышей у нас. Не видно голубей, но воробы и вороны имеются. Галки летают. Особенно их много на Неве, где теперь свалка снега и разных нечистот. Что-то будет весной? Сейчас уже дизентерия косит народ.

Имущество, застрахованное от огня, если гибнет от бомбежки, то премия не выплачивается, если застрахованный убит бомбежкой, снарядами или умер от дистрофии, то премия также не выплачивается.

Вчера мне выплатили зарплату за II пол<овину> декабря и обещали ликвидировать январскую и февральскую задолженность.

Отчего я записываю различные разговоры, которые ходят по городу? С целью их дальнейшей проверки, т<ак> к<ак> сведения исходят, быть может, и из верного источника, а затем искажаются после <нрзб.> передачами, как это всегда бывает.

Сегодня усиленно говорят о новой прибавке хлеба с 3/II по 200 гр. на каждую категорию. Едва ли??!

Рацион, на который я теперь попал, – голодный. Крадут, как только могут.

Сегодня отдаем заслуженный долг студню из столярного клея, и из него же кофейное желе. Едим уже сколько времени – ничего. Она даже поправилась, как стала есть этот студень.

П. Ф. болен. Сильно ослаб, и доктор признавал у него слабую циркуляцию крови. Советовал попить водки. Действительно, ему достали две сотки спирта, он выпил их и стал ходить. Водка заменила хлеб, мясо и масло. Я сам выпил ½ рюмки и пил, как вкуснейший ликер простую водку, слегка настоянную на апельс<иновых> корках.

Меню:

Завтрак.

Студень. Суп из греч<невой> крупы. Чай.

Обед.

Студень. Суп из раз<ных> круп. <нрзб.> кус<ка?> мяса, по мал<енькой?> капле желе с хлебом.

Ужин.

Студень. Суп. Желе с бел<ым> хлебом (50 гр. на челов<ека>). Днем пили чай с сахаром, но, увы, лепешек не было. Где бы достать муки?

2/III. 7 ч. утра. Серое, мрачное утро. Тихо, стрельбы нет. Погода мягкая, чувствуется весна. Что, если бы мы могли есть каждый день так, как ели вчера в воскресный день, или, вернее, ужинать, то это было бы сносно.

Никаких выдач не объявлено. Туго. Писем ни от кого нет. Днем снегопад. Вечером полная тишина – стрельбы нет. Мигалка плохо горит.

Рацион голодный. От голода разболелась голова. Едва тащу ноги.

Поужинали хорошо. Суп горохов<ый>, по маленькой котлетке. Хлеб. Чай с сахаром. Студень еще не готов.

Проходил днем мимо больницы на Маяковской – около лежат привезенные и брошенные трупы. Убирай же! Чудовищно жутко делается в такие минуты.

Похоронить в отдельной могиле стоит от 2–3 кг хлеба, 400 руб. денег и 2 пачки папирос. Это выкопать могилу. Гроб стоит 2 кг – только сделать из вашего материала.

В газетах напечатана речь Черчилля в Парламенте после падения Сингапура³⁰ – положение англичан очень тяжелое. Япония доминирует на Востоке и бьет и англичан, и американцев. Война может принять затяжной характер, и англичане Западного фронта не откроют. Нам будет очень тяжело. Голод неминуем по всей стране. Нужно делать запасы к будущей зиме. Она будет еще голодней. Жутко делается, если хорошенько подумаешь. Едва ли выживем.

3/III. Легкий мороз. Снегопад, но небольшой. Тихо. Стрельбы не слышно. Особенных новостей нет с фронта.

Видел особенно много привезенных трупов – это назыв<ается> смертность уменьшилась.

Продовольственных выдач нет. Говорят, что будет масло и сахар по февр<альским> карточкам. Служебные отношения мои очень на-

тянуты и, наверное, порвутся, но треск... будет сильный. Я выведу их на чистую воду.

13 выдача не объявлена и вечером. Опять голод. Что бы это могло значить?

4/III. Морозный день с сильным северным ветром – резко режет лицо. Утром город обстреливался. Снаряды ложились на Литейном, у Марсова поля и у Адмиралтейства. Видел жуткую картину. Воронка, а рядом труп мужчины, а у панели лежит женщина с разбитым горшком и сеткой – чья-то мать шла по хозяйству, и здесь совершенно неожиданно ее застигла смерть. Невинные и ненужные никому смерти. Горит электроток – наверное, тоже попал снаряд.

Выдач опять не объявлено. В «Правде» статья улучшить работу столовых и буфетов – а там знай крадут всюю. Приходящие контролеры едят, а затем уходят. Вопрос только – как сумеют принять, а отсюда и резюме. Отношения на службе по-прежнему плохие.

Катя сильно устает. Надо искать другой работы или покидать Л<енигра>д, но для этого нужно тепло. Сейчас ехать, по всем имеющимся сведениям, очень и очень трудно. Хватим в пути горя, голода и болезней. В городах квартирный вопрос, а в колхозах и совхозах – вопрос продовольствия и квартир также. По письмам уехавших – многие хотят обратно, да ау! Может быть вытерпим!

Опасна распутица, когда опять можем сесть на 250 гр. Страшно подумать. Читаю биографию Седова³¹ и его попытку достигнуть Сев<ерного> пол<юса>. Вот типичная драма на наш русский манер. Ужасно тяжело. Напоминает наше настоящее положение.

5/III. Мороз –15 ° и сильный N.³² Ночью северное сияние – холода будут еще держаться. Тихо. Обстрела не было. Много везли мумий, и часто разбросаны по улицам. Это тяжелая картина. Выдают раб<очим> мяса – 300, сахар – 300, спичек – 2 кор., компот – 100.

Прибывают рыбные грузы – треска и мелкая рыба.

Очищают трамв<айную> линию и дворы. Ожидаем открытие бань. Есть надежда уйти на производство – опять на В<асильевский> О<стров>.

Очень голодно. Получил декстрин, и сегодня поели плотно за чаем.

Вести с фронта хорошие. Особенно на Юге. Но есть хочется. Как погасить голод? Мечтаю только о хлебе! Еще бы 600 гр., и я был бы сыт.

6/III. Мороз меньше, и ветер не такой злой. Утром обстрел города и по нашему району, но недолго.

Особенных новостей нет. Мне удалось свалить заказ на конверты, и скоро я опять буду на В <асильевском> О<строве> работать автослесарем.

Начинаем думать, что весной нужно будет покинуть Л<енингра>д и уехать в деревенскую глушь, где устроиться учителями. Меня тянет Белозерск³³, так как там район глухой, охотничий и в то же время рыбный, а это важное подспорье.

Был у Зверева, он тоже думает махнуть в Ладогу. Т. А.³⁴ уедет весной, чтобы посадить огород, а затем он придет. Хочет достать лодку и на ней увезти барахлишко. Думаю присоединиться к нему и на этой лодке махнуть дальше.

Сегодня мумии все детского возраста. Эвакуируют ремесленников, их давно нужно было увезти.

В деревне, думаю, жить нам будет лучше. Приехав весной, мы обживемся к весне.

Открываются бани, но килом<етровые> очереди, в которые становятся с 5 ч. утра.

Усиленно расчищают трамвайные пути. Ждем прибавки хлеба. Сегодня случайно заработал кусок хлеба и с жадностью его съел. Как хочется хлеба!

Морозная звездная ночь! Зима в этом году на диво холодная, без оттепелей, к которым мы так привыкли, и, по всем вероятностям, будет продолжительной.

Как-то я вывернусь с дровами? На керосин и электроэнергию не рассчитывай – это тебе не Лондон, и положение не то.

7/III. Утром слегка морозно, а затем выдался прекрасный солнечный день. Сильно таяло на солнце, а в тени – мороз.

Днем прилетал нем<ецкий> самолет. Зенитки открыли бешеную стрельбу, но без результатов. Вечером артиллерийская стрельба резкого характера. Обстрела города не было. Выдают раб<очим> 300 гр. крупы, служ<ащим> – 200 и т. д. Говорят, что перспективы продовольственные не особенно хороши. Прибавки хлеба едва ли можно ожидать.

Во время прилета нем<ецкого> сам<олета> воздушная тревога не объявлялась, да и публика совершенно равнодушна к обстрелу. Слишком заняты своими делами, мыслями и тревогами за будущее. Объявляли, что много топлива завезено. Расчистка трамв<айных>

линий идет успешно. Неужели правда пойдет трамвай? Как мы уже отвыкли от этого способа передвижения. Вспомнить только, что было осенью ненастной. Самое худшее – это налеты. Сначала я был к ним равнодушен, но после того, как бомба разорвалась на 5 Сов<етской>, недалеко от нас, меня обуял страх. Самый настоящий животный страх. Немец был аккуратен. Он прилетал в одно и то же установленное им время и бросал бомбы. Первая бомба, около нас, упала при следующих обстоятельствах.

Мы сидели на лестнице, что, как потом выяснилось, самое опасное, так как лестничные пролеты легко вылетали из своих гнезд и давили всех, кто был под ними, своею тяжестью.

Слышен был гул самолета и резкая стрельба зенитки. Я вышел на улицу, встал в амбразуре парадной двери.

На северной части небосклона была большая туча, и в край ее билась зенитка, в небе вспыхивали огоньки. Самолет приближался и по гулу шел прямо на наш дом. Вдруг раздался какой-то свист, шум чего-то падающего с неба. Это летела брошенная бомба. Казалось, низвергаются небеса. Затем взрыв, и всюду сыпятся стекла. В первую минуту я думал, что бомба попала в наш дом. Отбежал на другую сторону панели, чтобы посмотреть – в чем дело? Но дом стоял спокойно, а окна зияли чернотой.

Пошел посмотреть на наши окна. Одно разбито, другое цело. Уходя, я одно окно открыл, а другое – мешали цветы, но оно было приоткрыто. Этого оказалось мало. Вторые рамы целы. Так мы и прожили зиму, заделав одно окно картоном, бумагою и ковром. Хотя зима была и суровой, но особенного холода из-за разбитого окна не ощущали.

Затем мы уходили каждый вечер на Маяковского в подвал или спускались по черной лестнице в подвальную квартиру и сидели до конца тревоги. Иногда ходили в жакт, но там было противно, так как собиралось очень много народа. И разговоры их действовали хуже всякой бомбежки. Да, тяжелые были времена. Они могут всегда повториться. Особенно пострадал город и от зажигательных бомб.

Досталось Л<енингра>ду! Последнее время много народу скопилось дизентерия, а сейчас началась цинга. Все хорошо. Когда же конец войне? На Востоке между Англией и Японией она только разгорается, да и у нас к весне разовьются военные действия. Германия едва ли спит, а готовит нам новые сюрпризы. Англичане высаживали во Франции воздушные десанты, которые после окончания операций увозились военными кораблями обратно на острова. Это очень инте-

ресные и рискованные предприятия, и какую они принесли пользу? Думаю, что они были направлены на истребление подводных лодок, от которых за послед<ние> 2 м<есяца>, по словам Черчилля, Англия опять терпит большой урон.

8/III. Все ждали, что к Междун<ародному> дню раб<очих> будет прибавка хлеба, но, увы, ничего.

С утра небо пасмурно, легк<ий> мороз. Идут усиленные работы по расчищению трамвайной линии. Стрельбы не слышно.

Мне удалось несколько улучшить свое служебное положение, устроив дело с конвертами, но оно еще не закончилось. На В<асильевском> О<строве> работа в роте сокращается, и не знаю, попаду ли опять туда. Надо искать чего-нибудь нового.

Начинаю обдумывать эвакуацию из Ленинграда, так как если вытянем сейчас, то не вытянем на будущий год, когда не будет топлива и едва ли будет хорошо с продовольствием.

Мечтаем с Катей уехать в деревню. Получить школу и устроиться в ней на зиму. Запастись с осени продуктов, гл<авным> образом овощей, грибов, ягод и т. д. Завести хотя бы козу или коровушку, что едят ли.

Вопрос – куда ехать? Начинаю розыски в этом направлении. Меня тянет в Белозерский район Вологодской области. И вот почему.

1. Озеро Белое богато рыбой. Имеются рыбные колхозы, где всегда можно найти работу и рыбу для еды.

2. Район охотничий, дичи много. Значит, будем сыты.

3. Огородный район – овощи и картофель всегда будут.

4. Хлеба, конечно, в районе мало, но об учителях всегда особая забота; надо думать, и теперь будут давать.

5. Так как сейчас большая потребность во всяких видах продовольствия, то рыба нужна в большом количестве, и снабжение рыбаков поэтому всегда было лучше других категорий. Надо полагать, и теперь будет так же.

Надо собрать побольше сведений об этом крае. Напишу Вале в Вологду, чтобы она разузнала, где там хорошие места.

Сегодня у нас праздничный обед – щи из сушеной капусты, куда положили по одной шпротине. Это последняя коробка шпрот. На этом заканчиваются все наши запасы. На второе лапша с кровяной конской колбасой, это мой обед из столовой, но всего вместе очень мало. На третье желе из студня. На завтрак наш в столовой выдали сыр из козеина. Напоминает твердую студенистую массу – вареного сыра.

Во время обеда сильная артиллерийская стрельба и обстрел города, но мы уже к нему привыкли и продолжали обед как всегда.

Пришло распоряжение восстановить затемнение в окнах, а то многие уже перестали его применять.

Сегодня особенно усиленно проводят очистку трамвайной линии.

День выстоял очень теплый, небо серое и закат чисто весенний.

9/III 42.

Ночь прошла спокойно. Пасмурный, теплый день, но не тает. Вспомнил легенду о маршале Кулике,³⁵ которая была создана еще в ноябре. Тогда говорили, что Кулик сформировал армию в Сибири и идет на выручку Лениграду. Одно время уже видели и бойцов из его армии. Все это, конечно, оказалось мифом. Немцы заняли линию Тосно–Мга–Шлиссельбург,³⁶ разобрали ж. д. и наделали из шпал и рельс солидные укрепления, которые до настоящего времени наши не могут разбить.

Как и в прошлую войну, так и в эту, Германская армия оказалась хорошо обученной саперному делу.

В районе Пушкин–Пулково–Лигово столько огневых точек и так они пристреляны, что нашим и носу не высунуть.

Затем интересно, что у них почти совсем исчезла винтовка, и ее заменил короткий автомат, из которого они, не жалея, посыпают наши части, а иногда при наступлении простреливали целые леса. Отсутствие винтовок объясняет их боязнь принимать штыковой бой, так как нечем защищаться.

Саперные укрепления настолько крепки, что наши никак не могут взять Мги и прилегающих районов и освободить дорогу для ввоза продуктов питания.

Снимают песчаные–деревянные панцири с окон магазинов. Памятники закрыты панцирями. Фигуры с Аничкина моста сняты и увезены – спрятаны³⁷. Это правильно.

Днем опять была артиллерийская стрельба. Это наши долбят по немецким дотам. В сводке приводятся цифры захваченных дотов. Почти ежедневно разбиваются десятки таких укреплений, и войска продвигаются вперед, убивая порядочное количество противника от 600 до 2800 человек. Захватываются большие трофеи. В сводке сообщают, что немцы ввели в бой войска, которые предназначались для весеннего наступления, но ввиду нашего продвижения вперед вынуждены были не ожидать весны, а бросить войска сейчас в бой. Это по-

казывает, что у них нет резервов. Заходил в керосиновую лавку и слышал, как две женщины толковали с продавщицей о пропаже 8 лет<ней> девочки и <нрзб.>. Кому и зачем понадобился этот ребенок? НКВД принимало участие в розысках ребенка, но найти не могли. Куда же он девался? Неужели его съели? Другую цель покражи трудно предположить.

Опять идут усиленные разговоры, что с 11/III прибавка хлеба. Но я этому мало верю. Правда, хлеба мало. Это я ощущаю и на себе, но едва ли помогут 100 гр., которые прибавят. Приварок очень слаб. На этом можно владеть существование, но не работать, как этого от нас требуют, и вообще, как работали раньше. Народ сильно ослаб. В этом я мог убедиться и сегодня, когда мылся в бане после 3-х мес<ячного> перерыва. Страшно похудевшие тела у всех, особенно у юношей, а у пожилых, как правило, распухшие ноги или коленные суставы. Один только был в добром теле. Это, очевидно, какой-нибудь завмаг, или завскладом, или агент по снабжению. Только эти лица и питаются сейчас хорошо. Остальное население не получает в полной мере того, что изнашивает. Еще нельзя сказать, что приостановлена смертность от истощения. Сеть открытых стационаров несколько помогает населению, но этого мало. Причем здесь опять получается странность: у лица, находящегося в стационаре, отбирают на это время карточку, а затем так ее обкарнают, что, выйдя из стационара, несчастный опять голодает, и поправка идет насмарку. Так было с директором НИФИ,³⁸ который пробыл в стационаре «Астории», где все кушанья подавались в блюдечках – можно судить об их размерах, но давали 40 гр. масла и 100 гр. сахара ежедневно. Последующая голодовка заставила его положить в стационар университета, где он несколько окреп.

Мне бы важно было устроить в стационар Катю, а затем уже воспользоваться самому, так как она хуже меня питается, а работает много и трудно.

Улетая на самолетах из Л<енингра>да, погибли певец Михай и академик Воячек³⁹ – не выдержали сердца.

В «Астории» стационар для высшей интеллигенции – литераторы, музыканты, художники и т. д. помещались там.

При великолепной обстановке ужасный холод.

Сегодня попал в баню. Женская очередь огромна, мужская меньше, но продвигается очень слабо. В чем же дело? Оказывается, из 48 шкафчиков работает только 12, так как нет замков. Уже растащили. Сходил домой за замком и после долгих препирательств закрыл

шкафчик своим замком. Вода горячая, электричество. Вся прислуга женская. В бане довольно тепло.

Сейчас 12 ч. ночи. Звездное небо. Тепло и тихо. Фронт уснул.

10/III. Мягкая погода. Весь день снегопад разной силы. Во многих местах опять занесло расчищенные трамвайные пути. Днем был опять обстрел района – Цирк – Марсово поле – пл. Урицкого⁴⁰ Дела на фронте не очень важны. Враг упорен и опять потрепал войска Федюнинского. Окруженному нами Мгинскому участку было сброшено на парашютах продовольствие. Несколько парашютов отнесло в нашу сторону. Там оказались белые галеты, ветчина, ром, сигары, консервы мясные и рыбные, которыми полакомились наши части. Вообще рассказывают, что почти всегда, когда занимают нем<ецкие> окопы, то находят продовольствие и хорошего качества.

Видимо, ожидать скорого освобождения Л<енингра>да нельзя. Затем поражает та массовая поспешность, с которой военные вывозят своих жен и детей. Усиленный отъезд Госнауки также говорит за то, что горизонт не совсем чист и не исключена возможность занятия Л<енингра>да весной немцами. Вот как складываются дела на сегодня.

Был у Ксешинского.⁴¹ Старик сильно ослаб и сдал. Месяц тому назад я видел его в лучшем виде. Сам он чувствует, что сможет вытянуть только весной, не ранее.

Слышал, что главная свалка покойников на ул. Марата около бань. Туда привозят и оставляют, а затем приходит машина, и все это подбирает. Много свалено трупов вместе со снегом в Неву. Они вмерзли в лед, который их уносит в Фин<ский> залив, и поплывут они к берегам Финляндии, Эстонии, Швеции и Германии, разнося с собой заразу и болезни. О, ужасы войны! Когда же им будет конец.

Прибавки хлеба не будет, так как узнал, что заводы и пекарни к этому не готовятся. Готовились к 1 марта, но затем последовала отмена. Если прибавят, то рабочим до 600 гр., а занятым в военной промышл<енности> до 800 гр., а прочему населению едва ли. Не так-то много муки. Это чувствуется и по хлебу, который стал сырым или из затхлой муки. Правда, это дело пекарей, повышающих припек, чтобы покрыть расходы на сторону.

Служебные дела мои на распутье. Есть два предложения. Не знаю, которое из них выбрать лучше. Должно быть, завтра получу

еще 5 кг клея. Есть туманная надежда достать турнепса – это было бы истинное спасение от цинги и других болезней.

Подал заявление, чтобы меня положили в стационар «Ленатомаша» с 20/III с. г. Не знаю, что выйдет. Он рассчитан на 15 человек, и есть свободные места. За это время сильно подорвалось мое здоровье. Чувствую упадок сил, так как питание здесь ужасное.

Узнал, что от воспаления легких умерла Маруся Михалева. Это Катина ученица, которая часто к нам заходила и вдруг пропала. Мы думали, что ее убили и съели, так как она была достаточно полной. Оказывается, судьба ее сложилась иначе.

Вечер тихий, стрельбы нет. Идет снег. Что-то будет завтра? Какая выдача или ничего? Это вернее.

11/III. Морозное утро. Легкий снегопад. Снег так и хрустит под ногами. Вода разлилась по улице. Такие ледяные горки можно наблюдать на многих улицах. Особенно у «Пассажа»⁴² – разлив и огромная яма, из которой народ брал воду. Теперь это прекратили. По дворам ходят санитарные комиссии, наводящие чистоту и порядок, а жители опять нальют грязи.

Хлеба, конечно, не прибавили, и одна женщина в очереди на мой вопрос резонно ответила, и разговору не было, а прибавка бы очень нужна.

С утра тяжело смотреть на эти изнуренные лица голодных людей.

Сегодня получил предложение на новую работу и решил перейти туда – это на Выб<орской> стороне в плодоовощ<ной> комбинат. Дают комнату. Есть стационар, столовая. Думаю, что там будет хорошо. Овощами мы себя там обеспечим на будущую зиму и лето. Дадут огородик. Вырастим всякие овощи.

С «Ленатомашем» все будет покончено. Довольно этим негодьям иметь бесплатных работников.

Вечер тихий. Легкий снегопад. Мелькают зарницы далеких выстрелов, а самих выстрелов не слышно.

Объявлена новая выдача мяса – 300, крупы – 300. Про хлеб молчок, а его так хочется. Мясо сегодня развозили по магазинам.

Опять создается легенда о новой Армии, идущей из Сибири на выручку Л<енингра>ду.

Приехали различные делегации в Л<енингра>д поздравлять стойкость и мужество выдержавших осаду. Одна пропаганда, а дела нет!

Снег опять засыпал трам<вайные> линии, и работа пропала даром. У нас это часто бывает. Сначала сделают, а потом подумают. А обещали, что к 15 марта пойдут трамваи.

Смертность за это время опять увеличилась – косила дизентерия. На третий день люди умирали. Надорванный организм не выдерживал. Вымирали целыми семьями, оставляя одинокими сиротами детей или одного члена семьи. Много горя, а иногда просто тупого ужаса. Кто подумает об них?

Опять читал конец Седова. Его гибель. Тяжелая, чисто русская картина судьбы человека, безвыходность и безысходность положения. Правда, при Сов<етской> вл<асти> этого не было бы – взять хотя бы дрейф папанинцев. Во что это было все обращено. Сколько шуму и крику на весь свет. Ай да мы! Какую умеем делать рекламу научно-популярному путешествию, и как мы его обставляли – ни одно правительство капит<алистических> стран не заботилось так о людях, как мы это делали. А теперь, что мы видим, где забота о людях, о рабочем человеке? Грош всему цена.

Сегодня обстрела не было.

12/III. Ясный морозный день. Совсем зима, но солнце уже теплое и ласковое.

Целый день наши самолеты патрулировали над городом.

Я с 10 ч. утра до 5 ч. вечера простоял за мясом. Кусок в 600 гр. получился хороший, и на ужин мы ели мясной суп.

Сегодня помогал носить мебель и заработал около кг муки. Катя на ужин сварила кашу, но жидковатую. Все-таки это было очень вкусно и сытно. Мой обед и ужин оставили на завтрак завтра.

Получили три письма. Открытку от Вали, письмо от Риты и Эммы. Валино письмо от V/I 1942 г., Ритино от 17/1 и от Эммы.

Рита пишет цены на продукты, напр<имер>, мука 300 р. пуд, масло 150–200 за кг, мясо 20–30, свин<ина> 60–80, картоф<ель> 100 р. пуд и т. д. Если бы мы с Катей вдвоем работали, то жили бы там неплохо. Хлеба она получает 400 гр. Эмма зовет к ним с весной. Володя мобилизован, но находится в тыловых частях. Они живут не очень шикарно, но, видимо, сытно. Скоро пойдет вся рыба, и они заживут еще лучше. Обязательно надо съездить к ним – это моя заветная мечта.

Сегодня на службу не ходил и завтра не буду. Как жаль, что меня стесняет Чистяков, и я не могу расправиться со всеми этими сволочами. Разоблачить эту компанию, которой давно пора сидеть на скамье подсудимых. Ночь, особенно под утро, спал плохо. Сильное мочевыделение и именно под утро. Вечером сократил колич<ество> чая. Ощущения соли во рту нет. Смертность среди населения увеличилась.

Имел возможность, стоя в очереди, наблюдать рыночные типы и цены. Самовар ник<елированный> прекрасный – 2,5 кг хлеба. Вообще, все на хлеб гл<авным> обр<азом>. Таким образом, видно, что главный недостаток для населения это в хлебе. Масло и то меняют на хлеб, сахар и т. д. Затем очень дороги папиросы и табак. Многие из-за этого бросили курить – это хорошо, а кто сумел сделать запасы папирос и табака, тот теперь с хлебом и т.д. Еще дороже табак и папиросы по ж. д. от Жихарева к Званке.⁴³

Сегодня устал и рано ложился спать – 9 ч. 30 м.

13/III. Мороз –23°. Север<ный> ветер. Ясный солнечный день. Глухая артиллерийская стрельба. Ездил на Выб<оргскую> сторону на новую службу. Выборг<ская> сторона моя родина. Я родился на Александровской ул<ице>, где прожил более полужизни, и опять в тех же краях. Сама Выб<оргская> стор<она> этой части – Кондратьевский просп<ект>, сильно изменилась – настроили новых заводов, домов жилых, кино, магазины и т. д.

Место на Выб<оргском> комбин<ате> мне предлагают или завхоза или зав. план<ово>-экон<омического> отделом. Сам комбинат – очень большое предприятие, которое должно дать много овощей Л<енингра>ду. Сейчас вопрос об огородах, в т<ом> числе и индивидуальных, поставлен правительством очень широко и глубоко. Даже приравнен к оборонной работе. В таких отраслях приятно работать. Я думаю, что дело там развернется.

Заводы стоят. Работают отд<ельные> цеха. На зав<оде> Сталина⁴⁴ стационар на 400 чел<овек>.

Был у Леонтия с Сашей.⁴⁵ Он лежит больной, а она служит в пож<арной> стор<ожевой> охране и выглядит молодцом. Вспоминали минувшие дни и нашу жизнь в прошлом.

Проходя по территории комбината, видел своими глазами брошенный в снег лицом труп, у которого икры и ягодицы вырублены топором – вот вам и людоедство. Рассказов про людоедство масса. Это не только на окраинах, но и в центре. На обратном пути встретил трехтонку с трупами, которых везли на кладбище в Пискаревку.⁴⁶

Никаких выдач не объявлено. Заводы Выб<оргской> стороны сильно пострадали от бомбежки. Были пожары.

14/III. Опять сильный мороз. Ясный солнечный день с ветром. А сегодня Евдокии Плющихи⁴⁷ – курица водички не попьет, такой мороз. Весна будет поздняя и холодная.

Выдач не объявляли.

Надо собирать вещи в дорогу на Выб<оргскую> стор<ону>, где буду жить на казарм<енном> положении.

Итак, с утра мороз -28° , днем немного отдало, а к вечеру опять припустило.

Вот тебе и Авдотья Плющиха, когда курочка должна воды напиться, а сегодня за весь день не капнуло – значит, весна будет холодная и затяжная. Долго еще ждать тепла, нужно готовить дрова.

Сегодня за ужином сидевший со мной за столом милиционер рассказывал, что он дежурил и попал в столовую Дзержинского района – там утром дали большую тарелку каши рисовой и стакан какао, на обед был горох хороший и густой, макаронны с солониной, густо политые маслом, рисовая каша с сахаром, какао. На ужин каша манная и кофе или какао. Вот так едят наши управители, когда народ в массе голодает, когда опять увеличилась смертность! На 10 дн<ей> выдали 400 гр. крупы служ<ащим> – чем же здесь жить? Это назыв<ается> «курортно-санитарный паск»?

В стационаре, который открыли для себя в «Ленатомаше» – кормят хотя и вкусно, но очень мало. Только масло и сахар выручают. Опять идут разговоры, что армия Федюнинского и Мерецкого рвутся к Л<енингра>ду⁴⁸ и вот-вот войдут в него, а утром был обстрел города и где-то около нашего района. Мы с Катей сидели и чинили валенки.

Давно мы ждем прихода Крас<ной> Армии, а их все нет и нет. Все это агитация для поднятия настроения и у <нрзб.> населения. Опять усилилась эвакуация. Бежит народ из Л<енингра>да? В чем дело? Чего они так боятся? Или кого? Все это наводит на разные размышления.

15/III. Опять мороз, но немного меньше -22° , на солнце днем -10° , резкий ветер N. Чудный солнечный день. На Литейном и на Невском кипит работа по очистке трам<вайной> линии и мостовых. Работают не только гражданское население, но и военные, особенно много согнали моряков. Все здоровый, хорошо упитанный народ. Работают весело и сильно. По Невскому уже прошли грузовые вагоны, но до пассажирского движения, думаю, что далеко. На площади сваливают сколотый снег и сваливают нечистоты. Запах ужасный. Увлекается и нас<еление> очисткой снега и перевозят его с места на место, часто выполняя бесполезную работу два раза.

Начались принудительные эвакуации некоторых нежелательных элементов в городе. Направление дают на Хабаровск, на сборы 2–3 дня – это жестоко. Люди должны все бросить и нищими уехать.

Объявлена выдача крупы раб<очим> – 300, служ<ащим> – 200 и т. д. Сахар – 300 только раб<очим> и т. д., а остальное население подождет. Не густо в марте!

Собираемся завтра переехать на комбинат. Укладываемся. Завтра приедет лошадь. Вообще, переход на новую работу вышел совершенно неожиданно и скоропалительно. Директор торопит, так как нет людей, а дело стоит. Думаю, что на новом месте жизнь будет неплохая и имеются виды на будущее. Можно будет пить полюстровскую воду, а она железиста – это укрепит несколько организм. Затем не будет таких хождений, как это было у меня на В<асильевском> О<строве>. Расстался с «Ленатоммашем», доставив кой-кому несколько неприятных минут.

Стационар их не хвалят, так как порции очень ничтожны. Выручает масло и сахар. У нас на новой службе имеется 5 мест стационарных, и рядом в школе открывается большой стационар. Так что если я свихнусь, то будет где восстановить силы.

За эти дни настроение мое несколько улучшилось и виды на будущее окрепли. Катя показала мне наши запасы, их на три дня. А дальше что? Столовая?

Принимаю настойку хвои, содержащую витамин «С», говорят, цинга проходит при этом. Катя отказывается принимать это зелье, а оно вовсе не противно.

Перечитывал охот<ничьи> рассказы Мамина-Сибиряка – прекрасно написаны,⁴⁹ тогда как Фокина книжка «Охота и охотники»⁵⁰ написана очень слабо. Старинные охотничьи журналы очень интересны. В одном из них описано, что под Петербургом был перепел. Года четыре тому назад одним из наших тов<арищей> охотников был убит перепел. На Неве около пристани островки. Видимо, одиночные экземпляры туда долетают.

16/III. Ночью сильный обстрел города. Мороз как и вчера. Небо пасмурное. Хлеб хороший пшеничный. Пью хвою – витамины «С». Собираем вещи и готовимся к отъезду на Выб<оргскую> стор<ону>.

Получили много писем. Февральской датой от Риты и Вали. Пишут – жизнь дорога, и трудно достать продукты. Овощи, хлеб, масло – все стоит больших денег и очередей.

На этой записи кончаю эту тетрадь и начинаю новую тетрадь.

¹ Ст. Войбокало и г. Тихвин – населенные пункты Ленинградской обл.

² Приписка, сделанная позднее.

³ См. примеч. 7 к с. 192.

⁴ Стрельна – пригород Ленинграда, Большая Ижора и Ям-Ижора – населенные пункты Ленинградской обл.

⁵ Неустановленные лица.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950), см. примеч. 92 на с. 270.

⁸ Имеется в виду не Андреев, а Андреев И. А., зав. отделом торговли Ленгорсовета блокадного Ленинграда.

⁹ 12 февр. были взяты Любино Поле и Мостки, а 19-го – деревня Красная Горка, что в 15 км от Любани. Кингисепп – город в Ленинградской обл.

¹⁰ *Федюнинский Иван Иванович* (1900–1977), см. примеч. 104 на с. 76.

¹¹ Красное село и Гатчина – пригороды Ленинграда.

¹² Имеется в виду г. Пушкин – пригород Ленинграда, где, судя по упоминаниям, жил до войны автор дневника.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Машинно-тракторная станция – сельскохозяйственное предприятие.

¹⁵ 16 февр. 1942 г. вышло Постановление СНК «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток». Некоторые исключения были сделаны для жителей Москвы и Ленинграда.

¹⁶ Неустановленные лица.

¹⁷ Лигово – исторический район на юго-западе Ленинграда.

¹⁸ См. примеч. 20 на с. 193.

¹⁹ Имеются в виду ружья бельгийской фирмы Лебо (*Lebeau-courally*), которые были популярны в России с дореволюционных времен.

²⁰ Неустановленное лицо.

²¹ Речь идет о приезде знаменитых исследователей Арктики – папанинцев (*И. Д. Папанина, П. П. Ширишова, Э. Т. Кренкеля, Е. Ф. Федорова*) 15 марта 1938 г. в Ленинград.

²² Упоминаются боевые действия во время Второй мировой войны в Северной Африке (ноябрь 1941–август 1942). В начале 1942 г. итало-германские войска Роммеля начали наступление на британские войска в Ливии. Эта операция, целью которой был захват Суэцкого канала, цели не достигла.

²³ Речь, видимо, идет о тех местах, где автор до войны бывал на охоте.

²⁴ Трамвайное движение было восстановлено 15 апр. 1942 г.

²⁵ Имеется в виду ул. Маяковского.

²⁶ Неустановленные лица.

²⁷ Речь идет о ресторане В. М. Федорова, находившемся на ул. Екатерининская, 8 (впоследствии присоединена к ул. Шпалерной), который позиционировал себя как закусочный ресторан.

²⁸ Ленинград II – название станции Октябрьской железной дороги (до 1914 г. – Санкт-Петербург–II, до 1924 г. – Петроград II). В 1926 г. объединена с Ново-Навалочной в новую станцию Ленинград-Навалочная, которая в 1960 г. объединена со станцией Ленинград-Товарный-Московский.

²⁹ Ст. Детское село (г. Пушкин), Павловск, Пулково – пригороды Ленинграда.

³⁰ Речь «Сингапур пал» У. Черчилль произнес 15 февр. 1942 г.

³¹ *Седов Георгий Яковлевич* – полярный исследователь.

³² Nord – северный ветер.

³³ Город в Вологодской обл., расположен на берегу Белого озера.

³⁴ Неустановленные лица.

³⁵ См. примеч. 6 на с. 337.

³⁶ Населенные пункты Ленинградской обл.

³⁷ Скульптуры коней Клодта во время войны были сняты и закопаны в сквере у Аничкова дворца. На постамент были возвращены накануне 1 мая 1945 г.

³⁸ В те годы – Научно-исследовательский институт физики при Ленинградском государственном университете. Ныне – Научно-исследовательский институт физики им. В. А. Фока СПбГУ.

³⁹ Возможно, ошибка автора дневника. *Воячек Владимир Игнатьевич* (1876–1971) – академик АМН СССР (1944) – создатель отечественной школы отоларингологов.

⁴⁰ Ныне Дворцовая площадь.

⁴¹ Неустановленное лицо.

⁴² Один из старейших торговых домов, находится по адресу Невский пр., д. 48.

⁴³ Населенные пункты Ленинградской обл.

⁴⁴ Имеется в виду турбостроительный завод им. Сталина.

⁴⁵ Неустановленные лица.

⁴⁶ Ныне – Пискаревское мемориальное кладбище.

⁴⁷ *Евдокия Плющиха* – название дня святой преподобной мученицы Евдокии. Считалось, что в этот день можно определять будущее: «Если курочка на Евдокию напнется, то овечка на Егория наестся».

⁴⁸ И. И. Федюнинский в это время командовал 42-й армией Ленинградского фронта, К. А. Мерецков командовал войсками Волховского фронта.

⁴⁹ Речь идет о рассказах Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приемыш [Из рассказов старого охотника]», «Емеля-охотник», «Зимовье», «Сороковик», «Горное гнездо», «Гроза» и др.

⁵⁰ Упоминается издание: *Фокин Н. Н. Охота и охотники*. СПб., 1908.

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК ЖЕНИ РЫБИНОЙ

(Публикация М. М. Павловой)

Детский блокадный дневник во многих отношениях явление уникальное (прежде всего по своему эмоциональному воздействию), подобных исторических документов известно немного. Со времени обретения дневника Тани Савичевой (1930–1944), ставшего одним из символов Ленинградской блокады, опубликованы дневники школьников-подростков Юры Рябинкина (1925–1942)¹ и Лены Мухиной (1924–1991);² совсем недавно стали известны фрагменты блокадных записей Тани Вассоевич (1928–2012).³ Не исключено, что этот ряд еще пополнился новонайденными текстами; одному из них посвящена наша публикация.

Дневник Жени Рыбиной принадлежит к разряду документальных свидетельств, приведенных в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина в главе «Ленинградские дети»; это в самом прямом смысле детский дневник. В июле 1941 г. автору исполнилось 10 лет; девочка была на полтора года младше Тани Савичевой – самой юной из известных нам блокадных «летописцев».

Женя Рыбина родилась 25 июля 1931 г. в Ленинграде в семье служащих. Мать – Антонина Александровна (урожд. Шикулло; 1905–1989) происходила из польской семьи, ее детство и юность прошли в Виленской губернии (неподалеку от Вильнюса). В 1921 г. Тоня Шикулло вместе со своими сверстниками-поляками бежала в Россию «строить коммунизм». К началу войны все ее спутники (20 молодых поляков) пропали, вероятно, сгинули в сталинских лагерях. Девушка

¹ Блокадный дневник Юры Рябинкина опубликован в книге А. Адамовича и Д. Гранина «Блокадная книга» (М.: Эксмо, 2014. С. 322–327).

² «...Сохрани мою печальную историю...». Блокадный дневник Лены Мухиной / Подгот. текста, вступ. и коммент. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова; Вступ. ст. С. В. Ярова. СПб.: Азбука, 2011.

³ Фрагменты дневника опубликованы сыном Т. Н. Вассоевич: Аргументы и факты. 2014. № 4 (22 янв.). С. 12; <http://www.aif.ru/society/people/1087017>.

собиралась поступать в вуз, но подруга Ядя (Ядвига) предостерегла ее от этого шага: «Если подашь документы, будешь репрессирована». Не желая испытывать судьбу, Тоня поступила на работу в очаг (так назывались детские дошкольные учреждения – ясли и сады), а вскоре вышла замуж и взяла фамилию мужа.

Отец – Николай Михайлович Рыбин (1904–1967) – инженер-технолог, служил на военном заводе «Пирометр» (ул. Скороходова, до 1923 и после 1991 – Большая Монетная), перед самой войной завод начал производить приборы для авиации, во время войны работал на нужды Ленинградского фронта, выпускал арбалеты для метания зажигательной смесью и малогабаритные «катюши» – установки М-8.

Семья жила на Петроградской стороне – на Малой Посадской (д. 7/4), Рыбины занимали одну комнату в пятикомнатной квартире, принадлежавшей родственникам. Женя училась в 81-й школе рядом с домом – на углу Большой Дворянской (тогда – ул. Куйбышева) и Малой Посадской (рядом с Мечетью), до войны успела закончить два класса.

Первые дни войны застали Женю вдаль от дома. В 1939 г., после того как бывшие Виленские земли отошли к СССР, Антонина Александровна сразу же стала хлопотать о выдаче ей разрешения навесить родственников в Западной Белоруссии. В конце мая 1941 г. с началом школьных каникул вместе с дочерью она приехала в Полоцк, оттуда направилась в родные места, где обосновалась на хуторе неподалеку от деревень Сопрончики и Язно. Близкие встретили ленинградцев вопросом: «Тоня, ты куда приехала? Война же!».

«21-го июня, – вспоминает Евгения Николаевна, – ночью пришел мамин брат и сказал, что началась война, пора уходить. Я вышла на улицу и увидела немецкие самолеты, они летели низко над землей на Восток. Все гудело, мне было интересно, маме страшно. Дядюшка отвел нас в лес и спрятал в избушке, через день принес запас еды и вывел на дорогу. Вскоре мы встретили колонну войск НКВД, человек 200 на лошадях, которые бежали из Белостока, в одной из повозок нашлось место для нас. Колонна сразу же была обнаружена немецкими самолетами, они летели низко и разбрасывали листовки, потом стали давать пулеметные очереди. Мы выехали на большой тракт, по которому двигались беженцы и отступающие воинские части. В Великих Луках нас посадили на поезд, идущий в Ленинград; только в конце июля мы приехали домой, где мысленно нас уже похоронили (папа – весь седой)».

В конце июня началась массовая эвакуация детских учреждений, по возвращении Антонина Александровна как воспитательница должна

была сопровождать своих подопечных; их снова повезли в Великие Луки. В Боровичах поезда попали под бомбежку, детей стали срочно возвращать в Ленинград. Евгения Николаевна вспоминает: «Нас посадили в длинный-преддлинный поезд, в котором были разные вагоны: одни с Красным крестом, с ранеными, другие с зенитками, третьи везли детей. Мама во время бомбежек ложилась на меня и сильно придавливала к земле».

Они вернулись в Ленинград 24 или 25 авг. («тащились месяц»), это был самый последний поезд, который вошел в город. 12-летний Илья Глазунов, также оказавшийся в этом поезде, попутно подбиравшем и беженцев из предместий Ленинграда (Глазуновы бежали с дачи из Вырицы), впоследствии вспоминал: «В памяти осталась первая бомбежка. Мама и я лежим на земле, а над нами хищными птицами кружат чужие самолеты. Слышен нарастающий змеиный свист летящих бомб и рев самолетов, идущих в пике. Рядом полотно железной дороги, а еще дальше – станция, которую они старались разбомбить. <...> Пройдя многие километры пешком, мы успели к последнему поезду, идущему в Ленинград. Он шел уже в „мертвой“ зоне, куда с часу на час должен был прийти враг. <...> Поезд, на котором мы ехали, был последним, уходящим из „ничейной“ зоны с брошенными заколоченными домами, притихшими и безлюдными в ожидании врага; с убитыми на развороченных взрывах дорогах; с детскими куклами, втоптаннами в грязь и пыль среди изувеченных грузовиков. Солдаты занимали половину вагона, у них на всех был один пулемет „максим“ – точь-в-точь как в кинофильме „Чапаев“. В случае обстрела поезда было велено ложиться на пол, а если поезд остановится – бежать под насыпь или заползть под вагоны».⁴

Отец Жени, в июне мобилизованный на Ленинградский фронт, в скором времени был отозван и переведен на завод «Пирометр» для организации военного производства; там он практически жил, домой приходил раз-два в неделю. Мама работала в очаге, а так как занятия в младших классах были отменены, то Женя была при маме или оставалась дома под присмотром тети Нели и бабушки Поли.

Как многие ленинградцы, Евгения Николаевна отчетливо помнит начало блокады:

«Самые страшные бомбежки начались в сентябре, 8-го были разбомблены Бадаевские склады. Несколько дней, после того как бомба угодила в Зоопарк, по всему парку Ленина (с 1923 по 1991 гг. так на-

⁴ Глазунов Илья. Россия распятая. М., 2006. Т. 1. С. 466–467.

звался Александровский парк) бегали зайцы, лисы, летали большие птицы, наподобие орланов и кондоров. Наш дворник Ахмет сказал: „Вашу Бети убили“. Как мы влезли в зоопарк, я не помню. Слониха была контужена, она лежала, из ушей и глаз текла кровь, над ней летали кондоры и другие хищники, мы все ревели, глядя на ее мучения. Через день-два все животные из парка исчезли. Потом в Зоопарк поставили военных. Запаса еды для зверей здесь было достаточно. Помню, как служительницы ездили за водой на Кронверкский канал, чтобы поливать бегемота. Поразительно, что им удалось его сохранить, бегемот пережил блокаду и войну.

В день, когда разбомбили Ленфильм, у нас случилось происшествие. Мы легли спать, положили на себя матрас и пальто, чтобы уберечься, если начнут бомбить... Так и случилось: одна бомба угодила в Ленфильм, другая в наш дом на первый этаж. Раздался страшный взрыв, ударной волной из стены вырвало большое зеркало и подбросило высоко вверх, затем оно медленно спланировало на пол, но не разбилось; одновременно сорвало большую картину, в ней и по сей день дырка, которую мы так и не стали заделывать (это копия с картины Г. Гофмана «Моление о чаше»)⁵.

Первые две зимы младшие школьники не учились, оставались при родителях. Очаг, в котором работала мама, находился в красном трехэтажном доме на углу улиц Скороходова и Льва Толстого. Там мы и жили, а днем, когда не было обстрелов, приходили домой. С началом войны наш очаг превратился в приемник для раненых и потерявшихся детей. Во время бомбежки мы прятались на территории больницы Эрисмана (ныне – Первый медицинский институт), сидели в подвале в бомбоубежище или на первом этаже больницы и смотрели в окно.

Однажды в двадцати метрах от нашего окна упала фугасная бомба, она не взорвалась и торчала, как ствол большого дерева. Приехали саперы, огородили ее и стали выкапывать, чтобы развернуть и выключить взрывное устройство. Работали дотемна, но не обезвредили, поставили дежурных на ночь, утром приехали снова, бомба исчезла –

⁵ Гофман (Хофман) Генрих (1824–1911) – немецкий живописец академического направления; создатель ряда картин и рисунков на евангельские темы; наиболее известные полотна «Проповедь Христа на Геннисаретском озере» и «Моление о чаше» пользовались популярностью в Европе и в России, копии с его картин часто помещались в православных храмах конца XIX в. и репродуцировались. Поврежденная осколком снаряда копия с картины «Моление о чаше» как семейная реликвия хранится у Е. Н. Рыбиной.

под собственной тяжестью она ушла в землю. Так было два дня (она за ночь исчезала), только на третий день бомбу разрядили. Мы наблюдали, как ее положили на машину и увезли. Через несколько лет я увидела ее в Музее обороны Ленинграда⁶ (там же стояла и Толстая Берта – пушка, которая ходила по окружной дороге и обстреливала город).

Мы, дети, долго обсуждали это событие, так как саперы запретили нам выходить из помещения до того, как минует опасность. С нами вместе находилась поэтесса Вера Инбер (ее муж заведовал больницей Эрисмана).⁷ Уже в зрелом возрасте я прочитала ее поэму «Пулковский меридиан», в котором она описывает этот эпизод, я помню эти стихи наизусть:

В пролет меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний лепет птичьих голосов
Упала утром бомба, весом в тонну.
Упала, не взорвавшись: был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал.

Здесь госпиталь. Больница. Лазарет.
Здесь красный крест и белые халаты;
Здесь воздух состраданием согрет.
Здесь бранный меч на гипсовые латы,
Укрывшие простреленную грудь,
Не смеет, не дерзает посягнуть.

и т. д.

Как-то в начале октября отец, отправляясь на завод, сказал мне: „Дочка, не ходи на улицу. Вот тебе тетрадка, пиши в ней, что видишь, что знаешь“. Иногда с фронта приходил дядя Костя, папин брат, приносил мне кусочек серого сахара и дуранду.⁸ Он тоже говорил, чтобы я все записывала. Так я начала вести дневник».

⁶ Музей обороны Ленинграда (1944–1953) располагался в трех соединенных зданиях по адресам: Фонтанка, 10, Гангутская, 1, Соляной, 9; подвергся разгрому в ходе Ленинградского дела, экспозиция была демонтирована, многие экспонаты уничтожены, помещение передано Министерству Военно-морского флота; восстановлен в 1989 г. (Соляной, 9).

⁷ Поэтесса и прозаик Вера Михайловна Инбер (1890–1972) в третьем браке была замужем за профессором медицины Ильей Давидовичем Страшным (1892–1967; гигиенист, историк медицины), во время войны работал в Первом медицинском институте.

⁸ Дуранда – жмых подсолнечный.

С ноября 1941-го по февраль 1942 г. Женя Рыбина заполнила две тоненькие школьные тетрадки.

Первая тетрадь – за ноябрь–декабрь 1941 г. затерялась; в ней были записаны факты и события, о которых по сей день Евгения Николаевна не может вспоминать без содрогания и слез; тем не менее, желая сохранить целостное впечатление о публикуемом документе, она рассказала по памяти о некоторых эпизодах, записанных ею в ранней тетради, дополнив их воспоминаниями.

«Однажды я и двое моих друзей шли из очага к дому, на углу Большой Посадской (д. 9/5) нас загнали в подвал мужчина и женщина, вид их был злобным, пугающим, мы кричали, мимо шел военный, он начал стрелять, мужчина и женщина убежали. Потом нас троих возили на опознание в военный трибунал, мы их сразу же узнали. нас покормили и отпустили.

В моем первом дневнике была вклеена записка, которую папа снял в булочной: „Меняю декадную карточку на собаку для еды“.⁹

У нас жила рыжая кошка Муся. Пришел к нам дворник Ахмет и говорит бабушке: „Давай свою Муську, я возьму себе только лопаточку, а тебе все остальное“. Она не согласилась. Бабушка Поля и ее любимая Муся умерли в одну ночь. Мы с мамой положили их на санки и повезли на Серафимовское кладбище. Вся территория направо от главного входа – огромная поленница трупов. Девушки-сандружинницы брали эти трупы с двух сторон и закидывали наверх. Нам дали справку, что их похоронили в четвертой братской могиле.

Помню, что записывала, как заклеивали окна крест-накрест, как в декабре ходили за водой. Обычно за водой ходили в два места: в ноябре воду брали из люка, который и по сей день на том же месте – перед станцией метро Горьковская (всякий раз, когда подхожу к метро, глаза сами его находят), а когда Нева встала – под Кировский мост к полынье.

Однажды на Малой Посадской попали под обстрел, видели, как убило лошадь, которая везла воду на Ленфильм. Мы решили вернуть-

⁹ Об исчезновении домашних животных осенью 1941 г. вспоминали многие, Р. И. Нератова писала: «В ноябре в городе не стало собак, кошек и крыс – их съели... Цена на кошку в ноябре была пятьсот рублей, и уже нигде нельзя было купить (мы не пробовали). В нашем институте (в Первом медицинском институте. – М. П.) в самом начале голода съели почти всех подопытных животных. Сперва кроликов, потом – собак и белых крыс. Это голод оттянуло совсем ненадолго. И имеющие отношение к лабораториям тоже стали умирать» (*Нератова Римма. В дни войны: Семейная хроника.* СПб.: «Звезда», 1996. С. 60).

ся и отрезать себе кусок от лошади, когда вернулись через полтора часа, тела уже не было, только кровавый снег, мы набрали снега и потом варили бульон, очень крепкий и ароматный.

Радио перестало работать в конце ноября, его включали, когда объявляли воздушную тревогу. Зимой радио молчало. В декабре началось самое страшное время, утром мы открывали занавески и смотрели на улицу, кто ходит по Кировскому проспекту (Каменноостровскому), немцы или еще наши. То же было и в дни прорыва блокады в 1943 году, когда в городе несколько дней подряд не смолкала канонада, город жил в канонаде, смотрели в окна со страхом, так было, пока у Красного Села не прорвали кольцо.

В последней записи в моей первой тетради я рассказала, как однажды вышла от мамы из детского сада и пошла по набережной Карповки в сторону Ботанического сада. Вся Карповка была завалена обнаженными трупами, у многих были вырезаны груди и ягоды. Ужас, который я испытала тогда, заставляет меня и сегодня обходить это место».¹⁰

Публикуемая – вторая тетрадь включает записи с 22 янв. по 25 февр. 1942 г.; все они сосредоточены вокруг одной темы: голод, хлеб, еда.

В середине января хлебные фабрики вышли из строя и неделю не работали, люди простаивали в очередях за хлебом ночами; смерть стала будничным явлением (23 янв. Женя записала: «умер дядя Володя»). Своей фактической стороной лапидарные заметки десятилетней девочки перекликаются с сотнями блокадных свидетельств (письмами, дневниками, воспоминаниями ленинградцев), суть их одна – выживание: «...быт и бытие сошлись в тех условиях, когда ведро воды, коптилка, очередь за хлебом – все требовало невероятных усилий, все стало проблемой для измученного, ослабевшего человека...».¹¹

Чисто по-детски бессознательно Женя строила записи по образцу «режим дня школьника», в блокадную зиму распорядок предполагал только самые важные неотменяемые «рубежи» повседневной жизни. Она фиксировала, в какое время вставали утром, кто из членов семьи

¹⁰ Это воспоминание, возможно, относится не к концу декабря, а к середине января; ср. рассказ Д. И. Смирнова: «Они (трупы. – М. П.) еще не лежали, вначале. Они стали лежать в конце января месяца. Еще в январе месяце их возили даже в гробах. Потом уже без гробов, а потом уже было, через какой-то период, что в основном они, как я вспоминаю, лежали на улицах как-то зашитые, как-то обернутые» (*Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. С. 69). Не исключено, что Женя продолжала записи в первой тетради и в январе, до ее окончания, вторую тетрадь она начала 22 янв.

¹¹ Там же. С. 10.

шел в очередь за хлебом (чаще всего – мама), когда возвращался домой (из записей видно, что иногда в очереди на морозе проходил весь день), какую еду и в каком количестве приносили – сколько граммов хлеба, ложек супа, конфет, муки; кто шел за водой, кто растапливал печь, из чего состояли обед и ужин, в какое время легли спать – все это привычные лейтмотивы блокадных повествований. Римма Нератова (в 1941 г. студентка медицинского института), например, вспоминала: «Мама пошла занимать очередь в булочную за хлебом в 4 часа ночи, чтобы простоять до утра, когда привезут хлеб. Мама всегда вставала до четырех часов, тихо одевалась и шла в очередь, я выглядывала из-под кучи одеял, чтобы сказать маме „до свидания“, и всегда думала, что это и есть настоящий, хоть и тихий и незаметный героизм».¹²

По собственному признанию Евгении Николаевны, ее вторая тетрадь, по сравнению с затерянной первой, производит удручающее впечатление – своей монотонностью: «все только о еде, даже сны о том, как увеличили норму хлеба, но я же была ребенком, ведь должно было что-то радовать, удивлять». Однообразие и монотонность – характерная особенность блокадных повествований («...каждый еще живой дистрофик думал только об еде, тепле и о продлении своей затухающей жизни»¹³).

Комментируя записи Лены Мухиной (она была старше Жени на 7 лет), С. В. Яров отметил: «Весной 1942 года дневник все чаще превращается в приходно-расходную книгу. Текст приобретает несвойственную ему ранее монотонность. Записи здесь об одном и том же: об эвакуации, о том, что было съедено сегодня и что предстоит съесть завтра, об „отоваривании“ продовольственных „карточек“» – перечисление продуктов как способ «замещения» недостающей еды встречается почти у всех авторов блокадных дневников.¹⁴

В последней записи от 25 февр. Женя сообщает: «Сию дома вышиваю. На улице холодно пурга, дома холодно, но есть очень хочется, с очага приносим очень мало делим это все на троих каши вернее размозни дают только по 2 столовых ложечки. Мы все равно очень голодны и истощены, для этого чтоб нам наесца надо очень много».

В своем дневнике девочка ни разу не упоминает об эвакуации, хотя, казалось бы, их семья, как и другие, имела возможность и все

¹² Нератова Римма. В дни войны: Семейная хроника. С. 60.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ «...Сохрани мою печальную историю... Блокадный дневник Лены Мухиной. С. 6, 11.

основания выбраться из осажденного города. Об эвакуации как чаемом спасении мечтали многие – и Лена Мухина (весной 1942 г. она была эвакуирована на Северный Кавказ и выжила), и Юра Рябинкин (умер по дороге на сборный пункт).

Евгения Николаевна вспоминает, что тему эвакуации взрослые при ней не обсуждали, отчасти из-за ее бурной реакции. В памяти была жива страшная июльская эвакуация 1941 г., когда у нее на глазах под бомбежками гибли дети и взрослые, при разговорах об отъезде она падала на пол и с ней начиналась истерика («я слышать об этом не могла, так было страшно»). В конце концов тема была закрыта, отец сказал: «Мы – ленинградцы, здесь останемся. Все, что нам положено, то и будет».

В марте 1942 г. Н. М. Рыбин был переведен в Раменское на военный завод, где работал до весны 1945 г., жена и дочь оставались в Ленинграде. В это время Женю определили на неделю в стационар военного госпиталя – подкормить (периодически в городе проводились рейды военных врачей, они отбирали наиболее слабеньких детишек для лечения и восстановления сил). «Когда вернулась домой, – вспоминает Евгения Николаевна, – вдруг почувствовалась весна, захотелось радоваться, играть, жить. Помню, как бегали с ребятами по улицам, однажды в садике на углу Большого проспекта меня за пятку укусила крыса. Дневник я совсем забросила».

Последней страницей блокадного дневника стал вложенный в него, вероятно немного позднее, лист с «Торжественным обещанием» юного пионера; запись сделана красными чернилами, каллиграфическим почерком, по правилам «детской» орфографии и пунктуации: «Я, юный пионер СССР перед лицом своих товарищей, торжественно обещаю великому Сталину большевистской партии, Ленинскому комсомолу жить учиться и работать так чтобы оправдать высокое звание юного ленинца. Обещаю быть дисциплинированным честным трудолюбивым выносливым. Я всем сердцем ненавижу фашистских захватчиков и буду неустанно готовиться к защите Родины. Клянусь в этом именем борцов отдавших жизнь за наше счастье буду вечно помнить, что их кровь горит на моем пионерском галстуке и нашем красном знамени».

В 1944 г. возобновились занятия в школе. Самым ярким и радостным переживанием военного времени на всю жизнь осталось торжество по случаю снятия блокады: «Этот день мы праздновали с таким же воодушевлением, как и день Победы. Слышала, как кто-то говорил, что был салют по случаю прорыва в 1943 году. – Какой са-

лют! Никакого салюта не было, город был в кромешной тьме! – Салют, и какой!!! был в 1944-м, после снятия блокады. Стреляли все! Мы тоже пошли к Неве на Троицкую площадь (тогда площадь Революции), на мне была белая баранья шубка (из мериносовой овцы). Ракета угодила мне на спину, я этого не заметила, просто почувствовала толчок, шубка загорелась. Какой-то военный повалил меня в снег и затушил огонь. Но шубка пропала, жаль, она была от бабушки, меховщика. Есть фотография моя в этой шубке».

После войны Е. Н. Рыбина закончила школу, в 1950–1955 гг. продолжила образование в Ленинградском университете на географическом факультете, в дальнейшем работала по специальности, многие годы в ленинградском институте Гидропроект, проектировала строительство гидроэлектростанций.

По справедливому наблюдению авторов «Блокадной книги», «...воспоминания детей, то есть тех, кто был в блокаду детьми, не похожи на воспоминания взрослых, хотя сейчас рассказывают их нам люди взрослые, уже отцы, матери, даже бабушки». ¹⁵ Передать подлинность и своеобразие детского текста можно лишь одним способом – воспроизвести его как исторический документ, без исправлений. ¹⁶ Мы публикуем блокадный дневник Жени Рыбиной с сохранением всех признаков инфантильного письма девочки-второклассницы, орфография и пунктуация аутентичны оригиналу.

Текст воспроизводится по автографу: РО ИРЛИ, р. I, оп. 24, ед. хр. 514 (пост. 2014 г., № 41).

ДНЕВНИК на 1942 год на ЯНВАРЬ Рыбиной Евгении

22 января. Встала рано, пол 8-го мама ушла в булочную за хлебом. В 8 часов затопила печку, грела чай и варила яйца (2 яйца). Пришла мама принесла хлеб 400 грамм по 200 грамм. Пили чай с хлебом и яйцами, без сахара. Убирала комнату. Потом мама пошла за обедом в очаг. Там был праздник, обед и подарки довали на дом.

¹⁵ *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. С. 249.

¹⁶ По этому пути пошли А. Адамович и Д. Гранин, публикуя письмо 13-летней Тани Богдановой к отцу на фронт, см. «Блокадную книгу» (с. 280–281).

Мама принесла четыре яйца и кусочек масла, (обед) суп с вармишелью и лапша. (Подарок) Две булочки с повидлой и с изюмом. 25 грамм шеколаду, четыре конфеты, и изюм. Паобедали. Пили чай с подарками. Но всего очень мало. Оставили на утро кусочек шекалада. Пошли в магазин, там было масло по 50 граммов на карточку (служ^ащим^и и д^етям^и). Нам не хватило. Пришли домой лигли спать.

23 января. Проснулась в 6 часов. Лижу в кровати, вдруг слышу женский плач. Через несколько минут выбегает тетя Неля, умер дядя Володя от голода. Мама оделась и пошла к ним. Я лежала и ждала ее. Она скоро пришла. Потом она пошла за хлебом, я затопила печку сварила два яичка и согрела чай, потом пришла мама, принесла хлеб, пили чай с яйцами с хлебом и с кусочком шекалада. Потом мама пошла к тети Нели они одели дядю Володю и вынесли в столовую. Обрато пришла только пол 7-го а туда уходила пол 11-го. Пошла за обедом в очаг. Я затопила печку и ждала ее. Принесла она суп с лапшой и перловую кашу. Три яйца, кусочек масла 40 грамм. Две столовых ложки песку и грамм 10 чаю. Разогрели обед паобедали. Пили чай с песком, оставили песку на утро. Плохо жить без света и без воды, каптилка с машинном маслом очень коптит, а за водой приходится ходить в парк. Мама принесла воды, согрела и вымала мне голову, а потом ноги. Мы уже два месяца не мылись, а потом выстерала навочки и прастыни. А потом лигли спать.

24 января. Проснулась в 5 часов утра. Мне приснился сон, что как будто я зашла в булочную, а там прибавили хлеба. Я и рассказала маме этот сон. А она говорит что сегодня прибавки не будет. Я говорю помойму так будет, она говорит что будет 25-го или 26-го потомучто перерегистрация еще не кончилась. Пол 8-го она пошла за хлебом. Приходит радостная веселая говорит хлеба прибавили рабочим 400 г., детям и иждивенцам по 250 г., а служащим по 300.¹⁷ Я говорю, ну что правильно я сказала что хлеба прибавят. Пили чай с яйцами с хлебом и с песком. В 10 часов мама пошла в магазин а я убирала комнату в 12 часов пришла и принесла 200 грамм муки ржаной, и 50 грамм масла. Мама сварила болтушки, и мы скушали по блюдичку с маслом. Потом она пошла за обедом в очаг. Принесла суп с клёцками и с мясом, и перловую кашу. Две с^толовых ложки песку и три яйца. Паобедали, согрели чаю, мама сжарила по лепешки, с яйца и муки очень вкусные попили чаю с лепешкой и с песком. В 5 часов вечера

¹⁷ Запись с точностью фиксирует прибавку хлеба 24 января 1942 г. см.: Буров А.В. Блокада день за днем. СПб., 2011. С. 199.

мама пошла в магазин за мясом пришла только в 7 час. Сварили суп с 100 грамм мяса и с остатками пшонной крупы и покушали, в 8 час. легли спать.

25 января. Проснулись в 6 час. В 8 часов мама пошла за хлебом. Пол 9-го я затопила печку согрела чай и сварила 2 яйца, в 9 час. Пришла мама принесла хлеб. Попили чаю с хлебом и с яйцами с песком, потом мама шила наволочки, а я убирала комнату. Потом пришла бабушка, пилили дрова с ней, а мама пошла за обедом в очаг. Мы разожгли печку и грели воду. Через час пришла мама принесла суп с клецками и лапшу, кампот и три яйца. Паобедали и пили чай с сахаром который принесла бабушка. Потом мама с бабушкой пилили дрова а я убирала все со стола в 6 часов вечера лигли спать.

26 января. Проснулись в 5 час. утра лежали и разговаривали пол 9-го мама пошла за хлебом, пришла только в 10 час. Пили чай с сахаром и с хлебом с яйцами пол 12-го мама и бабушка пошли. Мама в магазин и за водой в парк, а бабушка домой. Воды мама не принесла потомучто в парке не было в 2 час. она пошла за обедом в очаг. И принесла суп с клецками и с мясом, компот, ложку песку и 3 яйца. Каши не было потомучто крупы нет. Поели супу, мама сварила 3 яичка за место каши, скушали по яичку, поели кампоту и попили чаю. Мама пошла к тети Нели там была долго, я убирала комнату. Пришла мама сварила болтушку с остатков муки. И в 6 часов лигли спать.

27 января. Проснулись в 5 часов утра. В 8 час. мама пошла за хлебом пришла в 10 часов, стояла очень долго потому что нигде хлеба нет, сварили 2 яичка согрели чай и пили с песком. Я поджарила хлеб потомучто он сыроватый. Потом мама пошла в магазин там были конфеты она заняла очередь и пришла домой потому что было уже пол 3-го она пошла в очаг за обедом принесла суп с клецками, кампот, каши не было, яйцо и ложечку мёду. Паобедали мама пошла в магазин за конфетами а я пила чай с хлебом и с медом. Конфет она не принесла, недосталось. Мама сварила 3 яйца 2 на утро в третье покрашила и зделала вроде супу с яйца. Покушали и лигли спать.

28 января. Мама пошла за хлебом в 6 час. пришла только в 11 час. потому что очереди с 1 ночи. Принесла хлеба и конфет шеколадных американских. Попили чаю с хлебом яйцами и конфетами. Потом пришел папа с домоддоха, принес овса нечищеного 50 грамм масла немножко шпику песку и повидлы. Мама пошла за обедом в очаг. Принесла суп мучной и ложку песку. Паобедали попили чаю с повидлой хлебом песком и маслом в 6 час. лигли спать.

29 января. Мама ушла за хлебом в 4 часа ночи. Папа пошел за толью¹⁸ принес толи затопили печку вскепятили чай, мама пришла в 11 часов утра. Попили чаю с хлебом с остатками повидлы и песку. Потом я пошла за обедом принесла суп мучной кашу мучную и песку кусочек масла. Паобедали попили чаю папа пошел на рынок взял пальто мое и таз. Мы легли спать пришел папа нечего не сменял. Один мужчина ему сказал что он принесет кило муки за таз. Лигли спать.

30 января. Папа пошел за хлебом в 6 час. утра. Хлеб получили в 7 часов вечера. В 9 ч. мама пошла сменить папу. Папа пришел домой взял мое зимнее старое пальто и таз и пошел на рынок я затопила печку и скепятила чай.

Через час пришел папа пальто принес обратно а таз сменял на пять пряников и 900 грамм хлеба. Попили чаю с пряникам и с хлебом. Оставили два пряника и хлеба на обед. Мама пошла в очередь за хлебом, я в очаг за обедом, а папа на Неву за водой. Я принесла мучной суп, каши не было, и ложку песку 10 грамм масла. Паобедали попили чаю с пряникам маслом и песком. В 7 час. папа пришел с хлебом. Съели по кусочку и легли спать.

31 января. Проснулись в 7 часов утра. Встали только в 9 часов, согрели чай и пили с хлебом. В 10 часов папа пошел на завод. А мама в магазин за песком и мукой. Принесла мама 200 г. песку на свою карточку, муки не было. В 2 часа она пошла за обедом, принесла гусинный бульон, четыре чайных ложки песку и три ложки повидлы. Паобедали попили чаю с песком и повидлой. Папа пошел за мукой. Мы убрали комнату. Пришел он несчем муки не полагается. Лигли спать в 6 часов.

1 февраля. Проснулись в 6 часов утра. Есть нечего, нечего опсалютно нет кроме чая да одной ложки кофия. В 10 часов утра мама и папа пошли за карточками карточек не принесли. Мама надо было идти за карточками в институт, а папи к 4 часам на завод за карточками. До 2 часов дня ничего опсалютно не ели кроме кофия. В 2 часа мама принесла гороховый суп, не вареным горох а только намоченный. Сварили гороховый суп поели. Мама пошла в институт за моей и своей карточкой. А папа на завод за своими карточками в 5 часов пришла мама принесла хлеб 600 грамм и только на свою на 2 дня. Детские карточки сказали будут на следующий день разделили хлеб

¹⁸ *Толь* – кровельный и гидроизоляционный материал, получаемый пропиткой кровельного картона каменноугольными или сланцевыми дегтевыми продуктами.

паполам и съели, легли спать через час пришел папа карточек не принес на завод они еще не прибыли принес суп с одной повидлой сладкий попили и лигли спать.

2 февраля. В 6 часов утра мама пошла за хлебом, пол 7-го пришла принесла хлеб на свою карточку 300 г. разделили папи 150 грамм, а нам по 75 г. папа пошел на завод а мама отодрала фанеру от окна. В 2 ч. она пошла за обедом в очаг. Принесла гороховый суп гречневую кашу, повидлы. Покушали супу. Я пошла в очаг за моими карточками принесла карточки мама пошла за хлебом принесла 750 г. хлеба на мою карточку и получила 400 г. гречневой крупы. Сварили густой суп покушали разделили хлеб пополам и лигли спать.

3 февраля. Мама пошла за хлебом в 7 час. утра пришла в 10 ч. Принесла хлеб, попили чаю с писком который она купила вместе с хлебом 300 г. В 2 ч. мама пошла за обедом принесла жидкий гороховый суп и жидкую гречневую кашу, ложечку повидлы, паобедали, папа замазал окно, мама мыла посуду. В 6 часов сварила жидкий ячневой <?> суп с остатками крупы. Покушали в 7 ч. Лигли спать.

11 февраля. Прибавили хлеба, раньше папи давали 400 гр. у него рабочия карточка а теперь 500 гр. а мама у нее служещия карточка раньше 300 гр. а теперь 400 гр. а мне довали 250 гр. а теперь 300 гр. но всеравно этого очень мало.

20 февраля. Объявили выдачу сушоный картошки всем по 150 гр. Мы так обрадовались что мы ее ели сухую, сухая она очень вкусная. Мама сварила суп с картошкой.

21 февраля. Объявили мясо папа пошел в очередь в 6 часов, в 9 час. мама получила папи 350 гр. мами 250 гр. сварили суп с мясом и с картошкой и съели по кусочку сырому с солью. Враг опстреливает Ленинград каждый день.

22. II. Объявили крупу и масло. Папи 125 гр. масла и 250 гр. крупы мама получила гречневую крупу и масло стояли с 6 час. утра.

23 февраля. Вечером объявили по четверти литра керосина. И р<абочим> и д<етям> по 25 гр. шекалада, а с<лужащим> и и<ждевенцам> по 25 гр. какао. Утром 24 ф<евраля> мама получила 25 грамм какао на свою карточку, а вечером 50 гр. шеколад. На мою и папину карточку. Я разбила маленькую мосленку, очень жаль.

25 февраля. Сижу дома вышиваю. На улице холодно пурга, дома холодно, но есть очень хочется, с очега приносим очень мало делим это все на троих каши вернее размозни дают только по 2 столовых ложечки. Мы все равно очень голодны и истощены, для этого чтоб нам наесца надо очень много.

**«...ЖИЗНЬ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ...»:
ДНЕВНИК И. Д. ЗЕЛЕНСКОЙ**

(Публикация Е. М. Аксененко)

В данной работе представлены дневниковые записи Ирины Дмитриевны Зеленской (1895–1981), в начале войны работавшей инженером на 7-й ленинградской ГЭС Свердловского р-на Васильевского острова, а с апреля 1943 г. – инспектором исполкома Свердловского районного Совета депутатов трудящихся. Эти записи являются окончанием ее дневника 1941–1947 гг., большая часть которого – с 1941 по начало 1943 г. – была опубликована ранее.¹

Предлагаемая вниманию читателей завершающая часть дневника – с середины 1943 по начало 1947 г. – до сих пор не попадала в поле зрения исследователей и была выявлена во время подготовки Рукописного отдела Пушкинского Дома к празднованию 70-летия полного освобождения Ленинграда от блокады. Это продолжение дневника хранится в Рукописном отделе в составе небольшого комплекса документов И. Д. Зеленской из собрания литературных и историко-культурных материалов фонда № 840 известного ленинградского библиофила М. С. Лесмана² в виде машинописного текста, озаглавленного «Зеленская И. Д. Блокадный дневник (с 7 июля 1941 г.). (Продолжение)».

В этом же фонде находятся шесть оригинальных записных книжек Зеленской размером с четверть машинописного листа с блокадными записями с 7 июля 1941 по 6 мая 1943 г. На обложке каждой

¹ И. Д. Зеленская. Дневник. 7 июля 1941 г.–6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов. А. Н. Чистиков. СПб., 2010. С. 10–156 (далее: «Я не сдамся до последнего...»). Публикация включена в третий сборник материалов Санкт-Петербургского института истории РАН, подготовленный в рамках проекта «Ленинградская блокада без купюр и ретуши».

² РО ИРЛИ, ф. 840 (М. С. Лесмана), пост. 2005 г., № 24. Фонд находится в научно-технической обработке.

книжки рукой автора проставлен порядковый номер с № 1 по № 6. «Продолжение» блокадного дневника не авторизовано и представляет собой машинописный текст на 29 листах (с оборотами) с незначительной стилистической правкой рукой неустановленного лица. Начинается он с повтора последней записи от 6 мая 1943 г. из книжки № 6 и заканчивается записью от 23 марта 1947 г. Поиски оригинала этой части дневника привели нас в семью потомков Зеленской – ее внука Георгия Михайловича и его жены Татьяны Юльевны Ширяевых. В их семейном архиве были обнаружены подлинные записные книжки – № 7 и № 8 – с дневниковыми записями с 15 июля 1943 г. по 23 марта 1947 г. С них, очевидно, и была снята (с небольшой правкой и включением последней записи из книжки № 6) машинописная копия, которая впоследствии оказалась в собрании М. С. Лесмана.

Машинописное «Продолжение» и найденные тетради позволили прояснить историю бытования и публикации дневника. Известно, что в 1943 г. в Ленинграде, вслед за постановлением бюро обкома и горкома ВКП (б) от 3 апр. 1943 г., была создана комиссия по сбору материалов и составлению хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне».³ Ответственность за сбор и обработку материалов возлагалась на ленинградский Институт истории ВКП(б),⁴ который в свою очередь привлек к этой работе парторгов и руководителей предприятий.

В начале 1944 г. сослуживец И. Д. Зеленской, главный энергетик и секретарь партийной организации 7-й ГЭС А. И. Чистяков, обратился к ней с просьбой отыскать свои «блокадные» записи, о чем она писала 12 февр. 1944 г. в дневниковой книжке № 7: «Вся последняя неделя насыщена для меня воспоминаниями того жестокого года. Все вокруг, точно по сговору, приводит к этому: встречи с людьми, вернувшимися с Большой Земли, а особенно шесть тетрадок с моими записками, которые я впервые вынула и перечитала неделю тому назад. Ими заинтересовался Александр Иванович, у него просили материалы

³ См. об этом подробнее: Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 22–23 (далее: Оборона Ленинграда).

⁴ Институт истории партии ведет свое начало с 1920 г., когда при Петрогубкоме был создан историко-партийный отдел. С 1929 г. стал самостоятельным учреждением, с 1939 г. – филиал Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б). В 1945 г. в ведение Института истории партии передан Ленпартархив. В 1991 г. преобразован в Ленинградский институт политических исследований. В настоящее время – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

по истории станции, и он вспомнил мое писание, которое наблюдал в период нашего соседства на станции. Я начала читать их, пытаюсь объективно оценить с точки зрения общего интереса, но со второй же страницы потеряла всякое критическое чутье и утонула в этом потоке воспоминаний, не могла оторваться до глубокой ночи».

Зеленская согласилась передать шесть заполненных на тот момент записных книжек в Институт истории партии. «Я рада буду как-то избавиться от груза воспоминаний, – продолжала она в той же записи от 12 февр. 1944 г., – они тянут к себе как омут, без конца возвращаешься к этим книжкам, перелистываешь, выхватываешь то один, то другой эпизод. Все это не забыто, только затуманилось слегка, и не забудется до смерти».

В Институте истории партии были сняты машинописные копии с переданных записных книжек: и те и другие возвратили Ирине Дмитриевне уже после войны. «Я получила на днях три переплетенных экземпляра своего дневника, – записала она 10 июня 1945 г. в конце книжки № 7. – Принес их ко мне на работу Лебедев⁵ из Ин<ститу>та истории партии, с час сидел у меня, своим медлительным, обстоятельным тоном наговорил самых лестных вещей и в виде не то совета, не то просьбы указал, куда направить рукопись и отдельные экземпляры».

Все три копии этой части дневника были проверены и подписаны автором. Автограф и одну копию Зеленская оставила у себя, а остальные две передала на хранение в архив Института истории ВКП(б).⁶ Вероятно, в 1970-х гг. Ирина Дмитриевна передала первые шесть записных книжек с оригиналом своего дневника коллекционеру М. С. Лесману – своему хорошему знакомому по совместной работе в секции библиофилов,⁷ членом которой Зеленская состояла с начала

⁵ *Лебедев Д. М.* – зав. фондами ленинградского Института истории ВКП(б).

⁶ В настоящее время обе копии хранятся в ЦГАИПД СПб в материалах Великой Отечественной войны: ЦГАИПД СПб, ф. 400 (Ленинградский институт историко-политических исследований), оп. 11 (Дневники участников обороны Ленинграда), № 35, 123 л.; № 36, 125 л. По одной из копий часть дневника и была опубликована сотрудниками Санкт-Петербургского института истории РАН (см. примеч. 1). Существовали и другие копии этой части блокадного дневника И. Д. Зеленской. На одну указывают публикации: «В 2009 г. в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1273. Материалы о Великой Отечественной войне) была передана копия дневника И. Д. Зеленской (11 тетрадей), переписанного от руки, однако с многочисленными сокращениями, ее племянницей А. М. Древинг» («Я не сдамся до последнего...». С. 8).

⁷ Секция библиофилов возникла в 1965 г. при Ленинградском обществе коллекционеров. С начала своего существования она работала во Дворце культуры им. С. М. Кирова, а затем в Доме книги на Невском пр.

1970-х гг. Копия с седьмой и восьмой книжек, очевидно, появилась в коллекции Лесмана позднее. В Рукописный отдел Пушкинского Дома материалы Зеленской поступили от вдовы коллекционера Н. Г. Князевой (пост. 2006 г., № 47).

Возвращаясь к семейному архиву Ширяевых, отметим, что помимо копии книжек № 1–6 и оригинала книжек № 7–8 с дневником 1941–1947 гг. в нем содержатся личные документы Ирины Дмитриевны, ее творческие материалы, а также дневники 1911–1922 гг.,⁸ помогающие очертить основные события жизненного пути автора.

Ирина Дмитриевна родилась 31 окт./13 нояб. 1895 г. в Симферополе в семье лесничего. Отец, Дмитрий Дмитриевич Зеленский, после окончания в Петербурге Лесотехнической академии был направлен на работу в Бахчисарай и занимался разведением лесов. Детские годы Ирины прошли в Крыму и Подольской губ. С 1906 г. она обучалась в Одесском закрытом женском институте, который закончила с высшей наградой – шифром – в 1913 г. Вопреки принадлежности к роду потомственных интеллигентов-естественников, интересы юной Зеленской были направлены в гуманитарную сферу.

Дневник она начала вести с 15 лет, во время перехода из отроческого возраста в юношеский, что также свидетельствует о рано проявившейся у нее потребности в самоанализе. Поиск смысла жизни, который является «фундаментальным свойством человека, особенно характерным для человека культуры нового времени, живущего в эпоху всеобщих „смыслоутрат“»,⁹ привел Зеленскую на путь постоянного самоусовершенствования и самообразования. После окончания института, вернувшись к живущим в это время в Минске родителям, она экстерном прослушала курс словесного отделения дополнительного педагогического класса Минской женской гимназии и успешно сдала экзамены в мае 1914 г.

Намеченное Ириной направление жизненного пути изменила начавшаяся Первая мировая война. Уясняя свое отношение к этому эпохальному событию, 18-летняя девушка писала: «Ужасная, мировая катастрофа, которая повисла над Европой, представляется гигантским кошмаром. <...> Но меня иногда точно тянет что-то вме-

⁸ Несколько фрагментов из дневников этого времени были опубликованы по машинописной копии, хранящейся у частного лица, в кн.: *Зеленская И. Д. История одной общественной библиотеки. Дневники* / Под общей ред. И. В. Селивановой; Сост., вступ. ст. и коммент. Н. С. Беляева. СПб., 2005.

⁹ *Кругликов В. А. Пространство и время «человека культуры»* // *Культура, человек и картина мира* / Отв. ред. А. И. Арнольдов, В. А. Кругликов. М., 1987. С. 184.

шаться своей маленькой особой в мировую трагедию. <...> Подвиг влечет к себе, выполненный – он дает громадное нравственное удовлетворение».¹⁰

Вместо планируемого обучения на историко-филологическом факультете Бестужевских курсов, Зеленская добилась разрешения работать в минском военном госпитале по уходу за ранеными в качестве добровольной медицинской сестры. Затем, вопреки запрету родителей, уехала в Петербург на курсы медицинских сестер, после успешного окончания которых вернулась в Минск и продолжила работу в том же госпитале. Ведение дневника помогает его автору осмыслить основную черту своего характера: невозможность жить только повседневностью, постоянное стремление к «захватывающему и поглощающему». 18 нояб. 1914 г. она записала: «Отошел первый период восторженного отношения к работе. Все стало будничным и привычным, и душа опять запросилась на большее. На душе у меня спокойнее, когда я сбиваюсь с ног, бегая по палатам, или копаюсь в самой грязи и зловонии в перевязочной». В сентябре 1915 г., при приближении фронта к Минску, Зеленская вместе с семьей эвакуировалась в Нижний Новгород, где продолжила работать хирургической сестрой.

В этом же году Ирина Дмитриевна вышла замуж за военного врача С. В. Ширяева. Дневник, который она вела до 27-летнего возраста, отражает перипетии этого времени: трудно и долго принимаемое решение замужества и другие этапы поиска себя и своего места в мире. В 1916 г. в семье родилась дочь Татьяна, а в 1920 г. вторая дочь – Наталья. На несколько лет Зеленская вынуждена была оставить работу, занимаясь детьми и хозяйством. Длительный и драматичный период «испытания бытом» в ее жизни оказался более тяжелым, чем военный, но как в то, так и в другое время для Ирины Дмитриевны по-прежнему самым важным оставалось «определение своего места в универсуме» культуры.¹¹ Так, читая «мемуары» Лили Браун,¹² она записывает в 1918 г.: «Для меня нет более увлекательной вещи, чем записки, дневники и прочие человеческие документы. ...невольно проводишь параллель между автором записок и собою. Особенно ис-

¹⁰ Семейный архив Ширяевых. Дневниковые записи И. Д. Зеленской от 18–28 июля 1914 г. Далее даты указываются в тексте.

¹¹ Шеллинг И. В. Ф. Философия искусства. М., 1966. С. 72.

¹² Вероятно, имеется в виду книга немецкой писательницы социал-демократки Л. Браун (*Lily Braun*). «Memoiren einer Sozialistin». München, 1907–1911. 2 Bd («Мемуары социалистки»). Пг., 1919).

кушают в этом отношении женские дневники; к ним подходишь с волнующим вопросом: как ты выбилась? Как нашла дорогу?».

В 1924 г. Зеленская предпринимает попытку попробовать свои силы на литературном поприще. Она посылает письмо М. А. Волошину в Коктебель с признанием: «Я пишу уже давно, последние два-три года больше, чем когда-либо, но никогда я не делала ни малейшей попытки пробиться в печать и никому не давала на суд свои писания. Проза мне не дается, после нескольких попыток я отказалась от нее». ¹³ Далее она писала о своих стихах, которые «накапливаясь постепенно» и в ней, и на бумаге «начинают тяготить, обособляться». Не посылая Волошину образцов стихов, которые, по ее мнению, носят «всегда узко-личный характер и всегда мрачны», Зеленская спрашивала мнение поэта: «Имеет ли право отрицательное, пессимистическое творчество быть вынесенным в публику?».¹⁴

Ответ Волошина нам неизвестен, но с этого года Зеленская вновь начала работать в знакомой ей области – медицинских лабораториях, а с 1930 г. решила искать себя в новых сферах деятельности: она работала статистиком, библиотекарем, и, наконец, экономистом сначала в Нижегородском краевом совете народного хозяйства, а с 1934 г. на Горьковском радиозаводе № 197 им. Ленина.¹⁵ Испытание «бытом» завершилось драматично – разводом с мужем в 1935 г., а в 1937 г. Зеленская из Горького переводится в Ленинград, где к тому времени в институтах учились обе ее дочери. В Ленинграде Ирина Дмитриевна работала старшим экономистом сначала в 5-м Проектном институте, затем на Ленинградском Электромеханическом заводе № 8, а с ноября 1938 г. – начальником планового отдела 7-й Государственной электростанции, где ее и застала война.

С первых дней войны, после почти 20-летнего перерыва, Зеленская вновь начала вести дневник. Во время ленинградской блокады помимо своих непосредственных обязанностей как инженера она выполняла большую общественную работу: была председателем кассы взаимопомощи, заведовала библиотекой электростанции, которую сама организовала и пополняла.

18 дек. 1942 г. Зеленская стала членом КПСС, а в апреле 1943 г. была переведена Райкомом партии в Отдел государственного обеспечения семей военнослужащих исполкома Свердловского районного Совета депутатов трудящихся на должность инспектора, откуда уво-

¹³ РО ИРЛИ, ф. 562 (М. А. Волошина), оп. 3, № 564, л. 1 об.–2 (28 июля 1924 г.).

¹⁴ Там же, л. 2 об.–3 об.

¹⁵ В 1932 г. Нижний Новгород был переименован в Горький.

лилась по собственному желанию в сентябре 1946 г. В ноябре 1947 г. она поступила на Судостроительный завод № 189 им. Серго Орджоникидзе,¹⁶ где проработала до 1957 г. в Центральном конструкторском бюро-17 в разное время переводчиком и инженером.

В 1961 г. в возрасте 66 лет Ирина Дмитриевна организовала по месту своего жительства в доме № 6 по Новороссийской ул. Ждановского р-на, где проживала с младшей дочерью и внуком, общественную библиотеку, которую возглавляла 20 лет.¹⁷ До последних дней она оставалась активным и деятельным человеком, а перипетии непростой жизни не поколебали ее жизнелюбия и бескорыстного служения людям. Умерла Зеленская 12 июля 1981 г. и похоронена на Ново-Волковском кладбище Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Ирина Дмитриевна была награждена медалями «За оборону Ленинграда» (в 1943 г.) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (в 1945 г.).

Предварим публикацию «Продолжения» блокадного дневника И. Д. Зеленской краткой характеристикой опубликованной его части. Решение Ирины Дмитриевны начать вести дневник, принятое в первые дни Великой Отечественной войны, не было стихийной реакцией на трагическое изменение условий жизни. В войну она вступила человеком вполне сложившимся, имеющим опыт «встречи» с войной в 1914–1915 гг., а также опыт работы хирургической сестрой в госпиталях прифронтового Минска и Нижнего Новгорода.

Ирина Дмитриевна, обладающая аналитическим складом ума, ясно понимала всю важность происходящего и осознавала тяжесть предстоящих испытаний, поэтому свой дневник она предназначала не только «для себя самой», но и «для истории». Зеленская поставила перед собой задачу стать «летописцем» войны на своем месте: «Сейчас не время разжалобивать себя представлением о будущих жертвах, – писала она в первой записи дневника от 7 июля 1941 г. – да и настоящих на том большом куске земли, который отошел от нас за две недели. Но попробую хотя бы регистрировать факты, которые увижу вокруг себя, в пределах своего маленького кругозора. Наш небольшой коллектив – одна из ячеек страны, должен отразить все, что переживает страна».¹⁸

¹⁶ Ныне ОАО «Балтийский завод». См. подробнее примеч. 38 к наст. публ.

¹⁷ См. об этом во вступ. ст. Н. С. Беляева к публ.: *Зеленская И. Д.* История одной общественной библиотеки. Дневники. С. 3–8. См. также: *Тагирджанова А. Н.* История Народной библиотеки // История Петербурга. 2008. № 3 (43). С. 84–87.

¹⁸ «Я не сдамся до последнего...». С. 10. Далее – дата записи и страница издания, с которой она цитируется, указываются в тексте.

Уже первые блокадные записи обнаруживают в авторе человека, способного «опережать» события, предвидеть их логическое развитие и готового мужественно встретить приближающиеся испытания: «...я все-таки сознательно иду навстречу тому, что не сегодня – завтра выйду из дому и все оставлю за плечами. <...> я не хочу быть выкинутой. Лучше я уйду в такую жизнь сама» (20 авг. 1941 г. С. 18). Зеленская сразу и однозначно определила свое место в катастрофически меняющейся обстановке и решила не покидать Ленинград ни при каких обстоятельствах.

Деятельный характер Ирины Дмитриевны влечет ее устремиться «в гущу событий»: она дважды подавала заявление в санитарную дружину, но оба раза получила отказ. Тогда Зеленская сумела перевести вектор своего участия в войне с деятельной, «внешней» стороны на «внутреннюю», личностную, «внутренне готовить себя к тому, чтобы любую передрыгу встретить, как подобает настоящему человеку» (7 авг. 1941 г. С. 16). Конечно, в это время автор дневника не могла предвидеть того, что по выбранному ею направлению пройдет одна из самых тяжелых «линий» фронта Второй мировой войны.

В первый блокадный год записи велись почти ежедневно, лишь с краткими перерывами от одного до нескольких дней, поэтому в это время дневник, задуманный автором как «регистрация фактов», тяготеет к хронике. Зеленская записывала содержание сводок Совинформбюро, фиксировала время и продолжительность обстрелов и бомбардировок,¹⁹ факты разрушений и связанных с ними смертей горожан. Пространство дневника плотно заполнено реалиями повседневной жизни блокадного Ленинграда. Охват этой жизни был достаточно широк, так как свои служебные обязанности по станции Зеленская в разное время совмещала с работой командира отделения МПВО, дежурством на коммутаторе и в рабочей столовой, уходом за больными и истощенными сослуживцами и знакомыми, поездками на фронт с подарками бойцам, помощью родственникам и знакомым, поддержанием станционной библиотеки. Благодаря необычной мобильности автора дневника, постоянным передвижениям по городу, записи увиденного и услышанного ею создают своеобразную панораму жизни города в самое тяжелое время блокады.

¹⁹ Помимо записей в дневнике И. Д. Зеленская заносила время воздушных тревог в отдельные таблицы. Два листа с такими таблицами за период с 14 июля 1941 г. до 10 янв. 1942 г. вклеены в конце одной из копий дневника этого времени (ЦГАИПД СПб, ф. 400, оп. 11, № 36, л. 124, 125).

Дополнительные нагрузки становятся испытанием на прочность нравственных установок Зеленской. Ее высокая требовательность к себе проходит проверку работой в столовой, ставшую «насуточно необходимой» для Ирины Дмитриевны. Обстановку в столовой она сравнивала с фронтовой, где приходится «отстаивать общие интересы против покушения со стороны отдельных лиц» (24 окт. 1941 г. С. 36), и по этому поводу Зеленская замечает: «Характер у меня портится. Я чаще выхожу из себя, чем это позволительно при настоящих обстоятельствах» (29 окт. 1941 г. С. 37). Но, несмотря на это, через три месяца она писала: «Не знаю, как я могла бы жить прежней работой. Она-то потеряла всякий смысл, и работа в столовой, работа в изоляторе насуточно необходимые, только и придают бодрости» (20 янв. 1942 г. С. 71).

Суровой проверке в блокадный Страшный год подверглись и другие внутренние установки автора дневника, например, ее глубокое убеждение, что «спастись можно только внутренней энергией». Зеленская мечтала «распространить вокруг себя свою психическую настроенность», хотя и сомневалась, есть ли у нее для этого данные (13 нояб. 1941 г. С. 44). Но и в самое тяжелое время, когда в себе самой ее поражает «отсутствие настоящего волнения и страха перед этим мором и его жертвами. Как будто эмоциональное существо во мне умерло» (15 янв. 1942 г. С. 69), – Ирина Дмитриевна не теряет веры в силу человеческой личности: «Я переносу центр тяжести на внутреннюю волевую установку человека» (18 янв. 1942 г. С. 70); «хочу сама продержаться на поверхности и удержать тех, кто стоит рядом. <...> бороться буду и всеми средствами» (19 янв. 1942 г. С. 70–71). Но в феврале 1942 г. она вынуждена была признаться: «Со страхом констатирую, как голод подавляет самолюбие, принципы и многие другие вещи, которые до сих пор, казалось, были мне свойственны!» (3 февр. 1942 г. С. 77).

Самое большое потрясение, пережитое Зеленской в первую блокадную зиму, связано с эвакуацией семьи младшей дочери, Натальи. Обе дочери Зеленской к началу войны были замужем. У старшей, Татьяны, 15 апр. 1941 г. родилась дочка Марина, и в самом начале войны она с ребенком эвакуировалась под Куйбышев к родителям мужа. Младшая дочь, Наталья, студентка Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, вышла замуж 25 янв. 1941 г. за Бориса Илларионовича Журавлева, тоже студента. Оба остались в Ленинграде. В ночь с 13 на 14 февр. 1942 г., во время подготовки к эвакуации Наташи и Бориса с их институтом, Борис умер.

Это трагическое событие выявило психологическую значимость ведения дневника для автора: «Я пробую писать, как пробуют вернуться к жизни, – записала Зеленская через несколько дней после смерти зятя, – но нет, еще не могу. Наташа уехала. Борис погиб – страшно, безвестно, оставив на мне тяжкий груз вины и... нет, не могу еще» (20 февр. 1942 г. С. 78). Через месяц, испытывая сильную тревогу за судьбу уехавшей дочери, от которой не было вестей, Ирина Дмитриевна писала: «Я берусь за свою „летопись“, чтобы почувствовать себя живой» (10 марта 1942 г. С. 83).

Взгляд автора дневника не лишен критического начала, а перенесенные физические и психические потрясения первой блокадной зимы подчас делали ее оценки намеренно заниженными: «Что сказать о нас – героических ленинградцах, как величают нас в газетах? – писала она через две недели после смерти Бориса. – Мы действительно все страшно изменились. <...> Трудно найти между нами здоровых людей. <...> Мы все почти находимся в состоянии вялости и некоторого отупения». Далее Зеленская пишет об унижении, которое она испытывает от постоянного голода, неотвязных мыслей и разговоров о еде. Она чувствует все нарастающую слабость, которую все труднее преодолеть: «Для этого, возможно, тоже нужна какая-то порция героизма, если уж возвращаться к присвоенному нам эпитету». Но, не принимая пафосного слова «героизм», она все же отдает должное ленинградцам: «...при всех испытаниях, на фоне этого страшного мора за все месяцы войны не слышно было ни одного пораженческого слова. Из всех судеб, ожидающих Ленинград, даже вымирание кажется менее страшным, чем вторжение немцев» (1 марта 1942 г. С. 82).

К концу 1942 г., по мере постепенного налаживания жизни в городе и работы на станции, количество записей в дневнике уменьшается. «Редко пишу, занята последнее время до предела, а жизнь устоялась, течет изо дня в день, заполненная работой до отказа, без всяких событий и впечатлений извне», – писала она, возвращаясь к дневнику после более чем двухмесячного перерыва и, выделяя главный итог пережитого, продолжала: «И еще одному я выучилась, что своя жизнь становится осмысленной и ценной, только когда делаешь что-нибудь для других. Все, что делаешь для себя, это пустцвет» (19 дек. 1942 г. С. 130).

Январь 1943 г. отмечен только одной записью – в день прорыва блокады. Так долго ожидаемое, но неожиданно пришедшее сообщение Зеленская встретила со смешанными чувствами: «Боже мой, какие полтора года за плечами! И ведь это еще не конец, едва начало

Неустановленный автор. Вид из окна Эрмитажа. 27 апреля 1942 г.
Передано в дар РО ИРЛИ Г. Г. Прошиным на конференции
«Бытописатели блокады» 10 апреля 2014 г.

А. П. Крайский. <1920-е гг.>

Е. П. Крайская. <1915–1916 гг.>

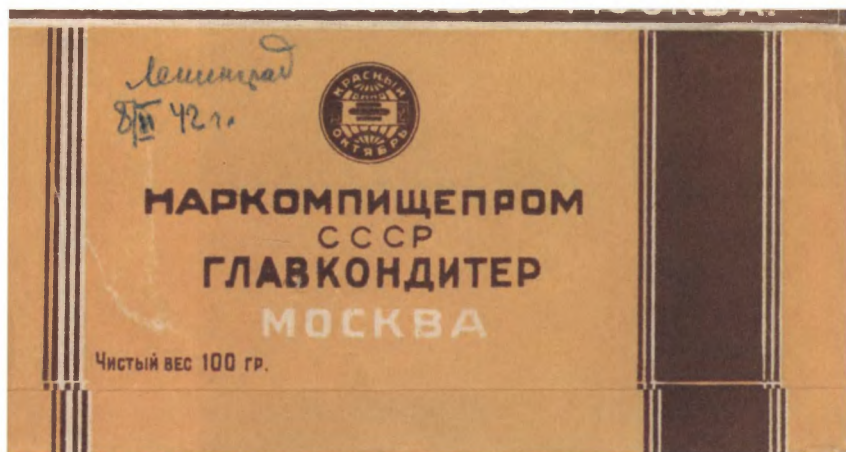
Е. А. Боронина. <1940-е гг. ?>

И. Д. Зеленская с внучкой Мариной. 1945 г.

И. Ф. Кратт. 1930-е гг. ЦГАЛИ СПб.
Ф. 371, оп. 2, № 101, л. 3

Обертка от шоколада, вложенная в блокадный дневник И. Ф. Кратта.
Надпись рукой писателя: «Ленинград. 8/II 42 г.»

ВОСКРЕСЕНЬЕ

11

11 января 1942 г.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЗАЛ КАПЕЛЛЫ — Москва, 20 (б. Мясницкая, 17), тел. 293-60

ВОСКРЕСЕНЬЕ

11

11 января 1942 г.

ПОЛГОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Начало в 1 ч. 30 м. дня

(Литературно-Художественный Утренник)

Писатели, ученые, композиторы, художники, артисты об Отечественной войне

ПРИМУТ УЧАСТНИ

Писатели: орденосец **Всев. ВИШНЕВСКИЙ**, орденосец **Илья ГРУЗДЕВ**, Иван Кратт, **Вера Котлинская**, орденосец **Александр ПРОКОФЬЕВ**, орденосец **Вис. САЯНОВ**, Леонид Рахманов, орденосец **Николай ТИХОНОВ**

Ученые: академик-орденосец **ЖЕБЕЛЕВ С. А.**, академик **Николюй А. С.**, профессор **Петров Н. Н.**, профессор **Ильин Л. А.**

Художники: Лауреат Сталинской премии **Боголюбов В. Я.**, Серов **В. А.** и **Серебрянный**

Музыканты: профессор **А. Каменский** и профессор **В. Сафроничий**

Композиторы: орденосец-народный артист РСФСР **АСАФЬЕВ В. В.**, **Богданов-Березовский В. М.**, орденосец

В. В. ЖЕЛОБИНСКИЙ

Народный артист СССР **П. З. АНДРЕЕВ**

Заслуженные артисты: орденосец **Н. Л. ВЭЛЬТЕР**, **О. А. ИОРДАН**, **И. А. НЕЧАЕВ** и **Корень В. Г.**

Артисты: **Дулов М. Т.**, **Шестьанова** и **Железнева**

Хор Госуд. акад. Капеллы. Худ. руков. **МИКЛАШЕВСКИЙ И. С.**

Билеты продается в кассе Капеллы от 11 час. до 4 час. и в районных театральных кассах

ВСЕШ СБОР ПОСТУПИТ В ФОНД ОБОРОНЫ

Афиша литературно-художественного утренника
«Полгода Великой Отечественной войны». 1942 г.

С. В. Ганкевич. Ленинградский пейзаж из окна. 1942 г.
Передано в дар РО ИРЛИ Б. Ф. Егоровым на конференции
«Бытописатели блокады» 10 апреля 2014 г.

И. А. Гриневская. <1880-е гг.>

Пропуск И. А. Гриневской в бомбоубежище г. Ленинграда.
<1941–1942 гг.>

Рыбина Женя. 9 лет. 1940 г.

его, только первый шаг – может быть, самый трудный. <...> Дышать легче, будем ждать развития событий» (18 янв. 1943 г. С. 132). Для автора это событие становится психологическим рубежом, и на время она перестает вести дневник, возвращаясь к нему после более чем двухмесячного перерыва.

После прорыва блокады на 7-й ГЭС появился новый директор, и жизнь на станции, по характеристике автора дневника, резко изменилась «к худшему». Зеленская начала испытывать острую потребность в перемене деятельности. Дневниковые записи становятся еще более редкими, и наконец она принимает решение, как и почти двадцать лет назад, о переходе в другую сферу деятельности.

В апреле 1943 г. Зеленскую переводят в отдел Райкома по устройству семей военнослужащих, на «боевой и ответственный участок», где она вновь с энтузиазмом «окунулась в житейскую гущу». Впечатления этого времени отражены в дневниковых записях Зеленской, начинающих книжку № 7. В «Продолжении» дневника автор остается верной своим жизненным установкам, и во время возрождения Ленинграда вновь оказывается на одном из «горячих» участков трудовой линии блокадного фронта. Первая запись седьмой книжки, сделанная более чем через два месяца после предыдущей, говорит о том, что Зеленская вновь полностью, «без остатка» отдается новой работе. Но, несмотря на то, что «своей жизни ничего не остается», она сетует: «А следовало бы писать о своей работе, столько любопытных и своеобразных фигур проходит, так интересно бывает наблюдать людей и характеры». Зеленская отмечает следы неизгладимого наследия блокады: «И все это ничего общего уже не имеет с настоящим голодом, потому что сейчас большинство из нас сыты, но это проклятое психическое раздражение осталось, и справиться с ним иной раз труднее, чем с приступами настоящего голода» (15 июля 1943 г.).

Постепенно определяется и круг трудностей, связанных с новой работой, требующей все большего напряжения всех сил: «Похоже, что с концом войны у людей сразу лопнуло терпенье и если еще недавно они как-то выносили свою нищету и лишения, то сейчас они больше неспособны ни на какое самообладание. Наши приемы стали пыткой, такая волна злобной требовательности изливается на голову дежурного инспектора. Слезы, причитания, злые колкости, а подчас и грубые оскорбления – надо обладать сверхчеловеческой выдержкой, чтобы противопоставить этому спокойствие и деловое внимание». Но именно такая обстановка, «на пределе сил», и побуждает автора днев-

ника одерживать новые победы над собой: «Каждый день, каждый час – это борьба с измученными, глупыми, истеричными женщинами, которых надо образумить своим спокойствием и выдержкой, – продолжает она в той же записи, – а с другой стороны – с самой собой, со своей человеческой слабостью, тягой к самозащите, физической усталостью» (1 июля 1945 г.).

Одной из особенностей дневника Ирины Дмитриевны является его психологизм. Внимательный взгляд, каким автор смотрит на все вокруг, Зеленская обращает и внутрь себя, занося на страницы дневника не только мысли и чувства по поводу происходящего вокруг нее, но и наблюдения над своим душевным состоянием. С бескомпромиссным отношением к себе, желанием «быть правдивой» Зеленская фиксирует в дневнике моменты собственной душевной слабости и отступлений от своих принципов.

По мере отхода от «Смертного года» вновь растет неудовлетворенность жизнью, увеличивается удельный вес впечатлений и переживаний в дневнике. Почти риторически звучит вопрос, который задает автор себе незадолго до долгожданной победы: «Что мы такое – герои или рабы – в нашей невероятной, на пределе сил и времени работе?» (14 марта 1945 г.).

Заканчивается дневник единичной записью 1947 г. – единственного свидетельства поэтического творчества автора – четырех строк, передающих душевное состояние несбывшихся ожиданий перемен в жизни после окончания войны:

Да, ничего не изменилось,
Хоть сердце в пепел сожжено.
Нам жизнь возвращена как милость,
Но жить иль гибнуть – все равно.

Дневник стал главным и единственным произведением Зеленской, увидевшим свет. Чтение его оставляет ощущение встречи с неординарной личностью, обладающей культурно значимой ценностью, духовный потенциал которой так ярко проявился в экстремальное для всей страны военное время.

Публикация подготовлена согласно правилам научного издания, текст воспроизводится по автографу. При сверке автографа дневника с машинописной копией были выявлены немногочисленные отличия, выразившиеся в основном в незначительной стилистической правке, уточнениях, пояснениях. Все они оговорены в сносках, за исключением исправлений (например, перестановки слов), которые не имеют

смыслового значения. Явные опечатки и единичные ошибки исправлены без оговорок. Лексические и стилистические особенности текста дневника сохранены, так же как и авторские словообразования («ликвиднули», «разбегная», «педагогичнее», «заночевывать», «всевыносящая», «вне-разумных» и др.).

Отдельно отмечаются вырванные из записных книжек листы. Записи, имеющиеся только в машинописной копии, восстановлены при публикации в квадратных скобках ([]).

Пунктуация дана согласно современным требованиям русского языка. Сокращения или восстановленный публикатором текст раскрыты в угловых скобках. Поясняющий текст публикатора дан курсивом в угловых скобках.

Выражаем сердечную благодарность Георгию Михайловичу и Татьяне Юльевне Ширяевым за предоставленную возможность ознакомиться с материалами их семейного архива, касающимися жизни и творчества И. Д. Зеленской, и за предоставление ее дневниковых записей в записных книжках № 7 и № 8 для публикации.

<1943 год>

15/VII – Приходят иногда в голову дикие мысли: кажется, если бы я стала вдруг калекой, лишенной движения, я была бы не очень несчастна и даже нашла бы некоторые плюсы в таком положении. Я до того не принадлежу себе, сутки так вплотную заполнены работой и будничными делами, как ни сводишь последние к предельному минимуму, что своей жизни ничего не остается. Только письма, для них всегда находишь время, и в них находит слабое отражение та глубокая внутренняя работа, которая непрерывно во мне совершается и, не находя себе исхода и воплощения, доводит до таких нелепых мыслей. Часто припадками налетает желание писать – что? сама еще не знаю, мелькают в голове отрывки тем, строки стихов, но остановиться на них, обдумать и тем более записать – некогда, и они проходят мимо и рассеиваются, не оставляя следа. Даже для этих отрывочных заметок не выберешь время, разве поздно ночью, как сейчас, и то при условии, что сон не валит с ног, чем я обязана случайному концерту, на котором нечаянно пришлось побывать. А следовало бы писать о своей работе, столько любопытных и своеобразных фигур проходит, так интересно бывает наблюдать людей и характеры.

24/VIII – Месяц завоеваний и воспрянувших надежд – Орел, Белгород, Спас-Деменск и, наконец, вчера – Харьков.¹ Мы усиленно по-

сещаем лекции международников, сегодня как раз читал самый удачный, Добржинский,² и он предвосхитил вопрос, жгущий всем язык, – а как же Ленинградский фронт? Пока, кроме некоторой активизации подо Мгой,³ ничего. И хотя он назвал это «потребительским» интересом, все же интерес этот вполне оправдан хотя бы тем, что этот месяц⁴ для Ленинграда был отмечен свирепыми артобстрелами, когда день за днем снаряды гвоздили центр, Финляндский, район Загородного. Только за один из таких дней по городу было выпущено 900 снарядов.⁵ Когда проезжаешь на трамвае по Невскому, все время глаз натывается на новые дырки и повреждения. Особенно жутким был разрыв снаряда на трамвайной остановке на углу Садовой, прямо в густой толпе, останки которой потом сгребали лопатами.⁶ Но, несмотря на постоянную возможность таких случаев, жизнь течет поверх них. Запасаем дрова, ремонтируем и утепляем дома, снимаем урожай с огородов, все заняты своими большими и малыми делами. Я уже месяц живу на своем основном пепелище, на 8-й.⁷ Сперва было очень тошно, все мучило, все было противно. Возвращаться домой по вечерам иногда до того не хотелось, что я иной раз останавливалась в воротах, как перед препятствием. Всползала свинцовыми ногами на свой 6-й этаж и, захлопывая за собой дверь на все засовы, чувствовала себя как в камере со строгой изоляцией.

31/VIII – Эта надвигающаяся осень должна быть порой подъема и надежды – почему же такая тяжкая опустошенность давит иногда? Все движения, всякое занятие, кроме самых необходимых, кажутся ненужными, опротивевшими, и приходится понуждать себя к деятельности. Возможно, что и работать я стала хуже. Внешне ведь все благополучно, фронтовые новости ежедневно радуют,⁸ над Ленинградом затишье, здоровье не изменяет пока. Но вкус к жизни падает. Последнюю по времени радость дали мне Наташины⁹ письма, написанные под влиянием Цвейгговской книги о Роллане.¹⁰ До нее дошли глубокие и человечные мысли, заложенные в этой книге, и я была счастлива, что Натка способна на них откликнуться, и даже настолько, что под их влиянием переломилось ее убийственное безнадежное настроение. Это было живое ощущение счастья за нее и радости, что хоть косвенно удалось ей помочь выйти из тупика. Оживлением промелькнули перспективы работы с комсомольской молодежью, несколько дней меня занимали планы создания для них интересных, активных занятий, не по сухой стандартной схеме политучебы. Но как только сталкиваешься с официальными инстанциями, вроде райкомовских пропагандистов, все обездушивается, стрижется под гребен-

ку обязательной программы, и надо бороться на два фронта: с одной стороны, манная каша готовых идей, преподносимая в порядке повышения политического уровня, а с другой стороны, индифферентизм молодежи, видящей всюду утомительные «нагрузки» и не умеющей ощутить живую душу в работе, идеологии, жизни.

Но все-таки я попробую побороться, нельзя так сдавать позиции. Сперва засушили и ликвиднули мою идею о рабочей мастерской для наших старушек и инвалидов, потом ставится под угрозу гибели моя попытка воскресить к жизни нашу молодежь или хотя отдельным лицам из них создать какой-то интерес, сделать более содержательными их будни. Попробую контролировать себя регулярными записями. Чего мне не хватает – это режима и дисциплины, домашняя изоляция как-то разложила меня, обезволила. Надо справиться с этим параличным состоянием.

1/IX – Основные дела сегодняшнего дня связаны с Промкомбинатом¹¹ – нашим *bête noire*.¹² Вместе с юристом, прикрепленным наконец после ряда анекдотических неудач к Отделу,¹³ проводили беседу в цехах. В недавнем моем обследовании Стройконторы¹⁴ поражал молодежный состав рабочих – подростки, совсем дети на вид, по 14–15 лет, чинят такие страшные повреждения домов, своими слабыми руками спасают жилища от разрушения.¹⁵ Работать им тяжело, часто они упираются против судьбы, случайно сделавшей их кровельщиками, печниками и т. д. Сегодня же – другая крайность: среди собравшихся на беседу бросались в глаза старухи, бабушки по 60–70 лет. Им бы только на печи лежать, а они стоят по 10 часов у станков, выносят всю тяжесть напряженной производственной работы. На обратном пути разговорилась с Кроленко¹⁶, который при первом знакомстве мне не очень понравился: неудержимо болтливый, как все адвокаты, не оставляющий собеседнику места даже для реплик. Но, как и во всяком человеке, я докопалась в нем до интересной сердцевинки: начали с отражения Ленинградских районов, даже домов отдельных, в литературе, у Гоголя, Достоевского, а кончили поэтами, эпохой символистов. По его словам, он знал многих из них лично, так как был связан с работой издательства,¹⁷ любопытно характеризовал Кузмина¹⁸ и прочих *dii minores*.¹⁹ И приятно, и странно было нырнуть опять в эту сферу интересов.²⁰ На 7-й ГЭС²¹ такие встречи были исключены из обихода.

Вечером была генеральная проборка руководителей Промкомбината в результате моего обследования. Милая Губина,²² против которой я меньше всего хотела бы ополчаться, несмотря на все их недос-

татки и все старания Анны Яковлевны²³ разжечь меня на жестокий обвинительный акт. Да и какое уж там обвинение, когда Юлия Тимофеевна²⁴ своим мягким, извиняющимся тоном говорит в заключение об «общем языке» и прочих примиряющих вещах. Может быть, это и не полезно для дела, палка педагогичнее, но мне больше по нутру,²⁵ чем злопыхательство Анны Яковлевны.

В заключение затащила к себе Лили Карловну доедать Панины²⁶ грибы. Она здорово недоедает при своем могучем сложении после того, как ее лишили второй карточки. К сожалению, не было почему-то света, это редкая теперь неприятность, поужинали при копилке. Но для меня день этим не кончился: вчера меня поймали на нарушении светомаскировки и вечером вызвали к квартальному. Я бегала туда три раза, больше из интереса, чем это кончится, все не заставляла нужного человека, пока наконец уже в 12-м часу²⁷ не наткнулась на него на улице. По основному преступлению получила для первого раза предупреждение, а попутно была причислена к группе домовой самозащиты. Кончено, значит, со спокойным сном во время тревог.

– Ну вот, дописалась до часу ночи. Коротко не выходит, а для ежедневного режима такую трату времени не вынести.

2/IX – Полдня провела на з<аво>де Молотова²⁸ за проверкой. Против обыкновения в делах порядок, чувствуется внимание и добросовестность. А все потому, что дело попало удачно в руки молодой Зины Ивановой. Простенькая курносая девушка, спокойная и деловито-приветливая. Я прямо с удовольствием провела всю работу в ее обществе. Зашла в цеха, но, как всегда, это очень неудобно в рабочее время, нарушаешь порядок, отвлекаешь людей или чувствуешь себя беспомощным зрителем, баловнем со слишком чистыми руками рядом с этими женщинами в масляных комбинезонах, занятых тяжелой, еще недавно неженской работой, по 10–12 часов не выходящих из полутьмы и спертого воздуха цехов. Я предпочитаю бывать в маленьких мастерских, где не такая напряженная производственная обстановка, как на оборонных заводах. После работы пошла с Лидой Варфоломеевой в библиотеку подбирать материал к ее завтрашней информации на комсомольском кружке. Смешно сказать, но я увлечена идеей этого кружка больше, чем эти девочки, и жадно ловлю проблески интереса и оживления в них. Волнуюсь, придут ли завтра они, и кто придет, и как они примут мою несколько необычную программу. Даже то, что девочки начали приветливо со мной здороваться при встрече, радует меня. В голове вскипает множество проектов, и приходится держать себя в узде, вводить в русло и скорее скупиться

на перспективы, чем наоборот. К сожалению, нет у меня ни системы, ни программы будущих занятий, хочется только одного, главного – любыми средствами нарушить спячку, заставить молодежь интересоваться вещами, выходящими за пределы будничных занятий, и кружным путем подвести их к осознанию необычности наших будней и предъявляемых ими требований. Отдаленной целью мне представляется новое отношение их к основной работе и к комсомольским поручениям. Но так далеко страшно заглядывать.

День закончился в кино, куда пошли всем Отделом. Билеты я достала плохие, за что получила кислый выговор от Анны Яковлевны, но картина – «Воздушный извозчик»²⁹ – оказалась настолько удачной, что мы забыли, на каких местах мы сидим. Несложная тема, хорошо преподнесенная, но картина настолько наша, такая по-советски молодая и свежая, что по окончании Титова и Толмачева выразили готовность смотреть ее на бис. А мне она особенно показалась мила после американщины, на которую мне везло последнее время.³⁰

5/IX – Какой неожиданно-прекрасный день выпал сегодня! С 8 ч. утра дотемна мы были в Шувалове, даже дальше, в лесу. Погода была – лучше не закажешь, тишина, теплынь. Набрали брусники, грибов, обратно шли с Таисией Владимировной не торопясь, шлепали до трамвая два часа, да и немудрено было устать, находившись и в особенности напоседавшись в течение добрых семи часов. Она любопытный человек, – очень замкнутая и колючая, людей она, по-моему, не любит, но в то же время очень отзывчивая на доброе отношение, и всегда у нас с ней находится, о чем поговорить. Высокая, длинноногая, с юношеской фигурой и походкой, ничем не выдающей ее 40 лет, она хороший образец женщины-спортсменки, туристки. Заговорили, между прочим, о неминуемом в наших условиях фатализме, и она рассказывала мне, что сегодня хоронили ее соседа: человек отвоевал два года, был ранен, вылечился и два дня тому назад случайно встретился с врачом того госпиталя, где он лежал. Та его пригласила переждать обстрел у нее на квартире, и когда они там сидели, в окно влетел осколок и убил его на месте. Больше никто и ничего не пострадало.

6/IX – Месяца полтора тому назад в Отдел пришла круглолицая маленькая девушка, на носу какие-то совсем детские веснушки, на ногах стоптанные МПВО-шные брезентовые сапожки, просит устроить на работу. Оказалась демобилизованная связистка из армии. Из-за беременности не так просто было ее устроить, даже несмотря на нехватку рабочих рук: многие руководители отмахиваются от таких

работниц совсем на капиталистический манер. После нескольких неудачных попыток пристроилась она в наш Райкомунотдел. Сегодня зашла опять – очень довольна новой работой, но осталась без пристанища, своей площади нет, а чужая тетка, у которой она ютилась, выставила ее чемоданчик в коридор. Я предложила ей свое гостеприимство на то время, пока она получит свою площадь. Правда, я совсем эту девочку не знаю, подкупила меня ее детская внешность и какой-то беспечный оптимизм, с каким она идет навстречу житейским трудностям. Может быть, она еще плохо себе их представляет, но, как бы то ни было, положение такой 19-летней девочки-матери, без кола и двора, без близкого человека – незавидное. Вечером я поджидала ее до 8 ч., но она за мной в Отдел не зашла. Я вернулась одна домой, в свою пустыню, и чувствую себя прескверно. После вчерашней поездки у меня изобилие всяких благ: грибы, брусника, всякие овощные блюда с моего огорода. В моем распоряжении три комнаты со всеми удобствами. Я должна с кем-то поделиться всем этим благополучием, дико пользоваться им в одиночку в море нужды и лишений. Но не всегда удается такая простая, казалось бы, вещь, как отдать излишки.

7/IX – Уже давно я безуспешно пыталась попасть к Верочке Королевой,³¹ у которой остались кое-какие мои вещи после переселения. После долгих розысков нашла на ее след в б<ольни>це Видемана,³² но как раз накануне она выписалась. Сегодня наконец застала ее дома, и тут только выяснилась мне причина ее исхудания и дурного вида – недели через две ей родить. После Смертного года, когда женщины не были женщинами, а мужчины перестали быть мужчинами, жизнь как будто наверстывает упущенное, и волна плодовитости захлестнула молодежь. На улицах видишь множество беременных женщин, к нам в Отдел без конца приходят демобилизованные девушки из армии, грудные младенцы перестали быть дикостью. Возможно, что кое-кто из этих молодых матерей не очень точно знают отца своего ребенка, кое для кого «блокадный» муж был в свое время нужен, прежде всего, как источник лишнего килограмма хлеба. И вообще – кто может ручаться за прочность военного брака, когда ежечасно его может разбить смерть? Но я не в состоянии морализировать, я вижу только, что жизнь оказалась сильнее смерти, а там, где появляются новые ее ростки – дети – этим все оправдано. Тем не менее я для начала постеснялась спросить у Верочки, кто же отец ее ребенка – то ли милиционер с гитарой, вечно торчавший у нее, или моряк, выкладывавший на стол из чемодана буханки хлеба, только бы не управхоз, противное хилое существо, проявлявший подозрительную предупредительность

к Верочке во всех ее квартирных делах. И все-таки приходил мне на ум ее первый муж, Танин³³ товарищ по институту, красивый парень, судя по карточкам, и достаточно культурный, судя по книжному наследству. И он, и черноглазый Славик, Верочкин брат, исчезли в пучине войны с первых же дней. А два-три года вдовства и верности погибшим не часто встретишь рядом. А ведь в неразберихе этой войны всякие сюрпризы возможны и, когда война кончится, не один покойник может воскреснуть.

10/IX – Три дня хожу в конец 15-й линии в домохозяйство, принимаю его после предзимнего ремонта в качестве председателя комиссии.³⁴ Сперва я струхнула такой неожиданной квалификации, но практически дело оказалось, как всегда, проще, чем казалось издали, и к тому же мне повезло: дома сравнительно упорядоченные, только одна дырка от снаряда – выкушен угол первого этажа, и приличное состояние со светом, водой, крышами и прочим. Правда, и это приличное состояние потребовало героической работы дворников, которые сейчас стали самонужнейшими людьми и универсальными работниками. Достаточно взглянуть на тысячу заплат, наложенных на крышах, на множество остекленных и заколоченных окон, чтобы представить себе, какой труд поднят этими двумя-тремя женщинами, еще год назад умевшими только стряпать да стирать. Большинство их имеет медаль «За оборону»,³⁵ и они крепко за нее поработали. На чердаках я обратила внимание на взломанный во многих местах настил и поинтересовалась, что это такое. «Это уголрозыск ломал прошлой весной, искали трупы», – пояснила мне управхоз. По ее словам, на чердаках соседнего громадного дома было обнаружено засунутых под настил трупов и объединенных костей около 100 человек. Розыски и уборка этих жутких складов были будничной работой милиции прошлой весной. И странно, по-настоящему остро чувствуешь весь ужас этого недавнего прошлого именно тогда, когда в лицо веет освобождением от военного кошмара. Все упорнее и чаще говорят люди о конце войны: события на нашем фронте, бесславный конец Италии,³⁶ явный перелом в нашу пользу – все это делает жажду мира острой и напряженной, как никогда, и даже такие скептики, как я, начинают надеяться. Мы терпим, но, как мы измучены этим кошмаром, мы узнаем только в день мира.

17/IX – Каждый день радуют радиосообщения, каждый день линия флажков или красные черточки передвигаются по карте влево. Значит ли это, что приближается конец кошмара? Боюсь даже себе отвечать на это. Минутами кажется, что вот – настанет кульминаци-

онный пункт наших испытаний, одолеем мы эту смертельную кручу, и наступит опять нормальная жизнь, мирное строительство, восстановление разрушенного. И начинает казаться, что после такой великой страды все должно быть по-новому, а на самом деле все останется по-старому. И люди забудут урок этих исключительных лет, и жизнь опять будет засорена бытовым и бумажным мусором. Но что-то должно вырасти новое из этого кровавого посева, надо только широко открытыми глазами смотреть вокруг себя.

4/X – Вернулась поздно вечером с мокрыми насквозь ногами. Беспросветный дождь, на улицах чернильная тьма, а на ногах туфли с отвалившимися подметками. Смешно вспомнить те времена, когда промоченные ноги вызывали переполох, растиранье, согреванье и невесть что, и все-таки давали в результате насморк, по меньшей мере. А теперь почему-то все скатывается, как с гуся вода. Но вообще обувная проблема требует разрешения, принимая во внимание нашу разбегную работу. С октября нас «перестроили», распределили между тремя инспекторами весь район по участкам, поступившим в полное наше ведение по всему комплексу вопросов, и бытовых, и производственных. Центр тяжести переносится на бытовые обследования, это значит, что надо не вылезать из домохозяйств, обходить лестницу за лестницей, квартиру за квартирой. Сегодня я пустилась в экспедицию по громадному дому на Большом³⁷ 60^б, где живет Верочка. В одной из квартир вместо разыскиваемой жены фронтовика разговорилась с ее соседкой. Высокая, характерная женщина лет около 40, донор, вдова, при ней девочка лет шести. На вопрос – есть ли еще дети? – говорит жестко: – «К несчастью, есть еще одна, 16 лет». И рассказывает, что девочка в голодный год совершенно погибала, полтора года была в больнице и спасена только усилиями лечившего ее врача. Сейчас поправилась настолько, что может уже работать, недавно поступила ученицей на Балтийский завод.³⁸ Но от голодовки в наследство осталось неисправимое безволие: получив карточки, она проедает их в два-три дня, наедается хлебом до дурноты, а остальное время голодает и живет за счет пайка матери. Я предложила переговорить на заводе, чтобы девочке не давали карточки на руки, это единственный способ борьбы с такой психической расшатанностью. Ведь их еще очень много, мучеников наследия Страшного года, и для них необходимо одно – сделать невозможными какие бы то ни было комбинации и расточительство с карточками и продуктами. Это осознание невозможности сразу вносит спокойствие, убивает навязчивую идею. Недавно мне рассказывал Зверьков, начальник Стройконторы, что у него

есть человек 10 учеников – подростков, которым он выдает талоны на хлеб и обед ежедневно из своих рук. Если карточка попадает им в руки, она немедленно продается, меняется, загоняется иногда самым невыгодным образом, а потом наступает голодовка, воровство и проч. Самое ужасное, что каждый из нас может наблюдать на себе такие же явления в более слабой степени, ту же неводержанность в еде, безволие перед куском хлеба и т. д. И все это ничего общего уже не имеет с настоящим голодом, потому что сейчас большинство из нас сыты, но это проклятое психическое раздражение осталось, и справиться с ним иной раз труднее, чем с приступами настоящего голода.

Свои путешествия я закончила у Верочки. Она с минуты на минуту собирается в родильный, боится даже из дому уходить, но дома, как всегда, деятельна и занята своими маленькими заботами и делами. Приезжал с фронта моряк – отец ее ребенка, которого она, по ее словам, прогнала и отвергла всякую помощь, как только выяснилась ее нежеланная беременность. Ребенка она хочет записать на имя мужа, думает о нем и все еще надеется на его возвращение. А настоящего отца хочет лишить всяких отцовских прав, в ее толковании беременность явилась для нее каким-то насилием, против которого она протестует таким способом. Любопытно, как проявляется неожиданная психологическая сложность в такой упрощенной натуре, как Верочкина.

13/X – Половина октября, а я все еще делаю вид, будто никакой зимы не предвидится. По утрам настужь распахиваю окна – душа не терпит фанерного полумрака, насчет дров даже сходить в домоуправление некогда, окна не промазаны, потому что все время занято делами капустными, посылками и проч. Кроме всего прочего, последнее время ночью у Верочки – стерегу ее материнский час. По вечерам прихожу к ней поздно, часов в 10, и полуночию до часу и позже с ней за компанию. Шьем, болтаем, ужинаем, и хотя время от времени царапает какая-нибудь ее сверхпрактичная мыслишка и фраза, но в общем я отдыхаю от мертвого безмолвия своих вечеров. А днем хожу по бесчисленным лестницам, из квартиры в квартиру, вижу самый разнообразный народ, накапливаю пестрые впечатления. Взять вчерашний день: встречаю во дворе одного дома молоденькую миловидную – почти девочку, спрашиваю, кто в армии, ожидая ответа – отец. Оказывается же, что этой девочке 23 года, она кадровый военный техник, проделала всю финскую и нынешнюю кампанию, была три раза ранена. А сейчас у нее трехмесячный малыш, занятный, спокойный, с круглыми голубыми глазками, на которые я не могла налюбоваться. Я с удовольствием посидела у нее и испытываю желание зайти

еще, тем более, что эта маленькая и такая бодрая мамаша совсем одна, ни родных, ни знакомых, ни соседей. А вот в другое место и надо бы зайти второй раз, но трудно преодолеть чувство беспомощности перед чужим горем. Маленькая старушка в большой опрятной комнате, где когда-то жила целая семья, стоят три кровати, большой обеденный стол – и она одна. Муж умер, дочь умерла, внук эвакуирован, и недавно пришло извещение о гибели последнего сына. Она сдержанно плакала, разговаривая и провожая меня, а когда дверь захлопнулась, я слышала отчаянные рыдания, которые преследовали меня, пока я спускалась по лестнице. Бывают благоденствующие семьи, с относительным материальным равновесием, сын или сыновья в армии – живы, едят. В таких семьях встречают радушно, вытаскивают фотографии, письма, разговор почти всегда возвращается к пережитым испытаниям 41–42 г<одов>, о которых легче вспоминать в сопоставлении с нынешним благополучием. Из таких квартир уходишь успокоенная – все-таки не сплошные несчастья на свете.

25/X – Этой осенью особенно много приходится ходить, по-видимому, поэтому так чувствительна темнота на улицах. В дождливые, пасмурные ночи ходишь так – что с закрытыми, что с открытыми глазами – почти все равно. Вчера вела Верочку в родилку буквально ощупью, теряя ориентировку из-за частых остановок, – она досидела-таки дома до частых схваток. Ощупью едва нашли мы вход – ни синей лампочки, ничего, что бы указывало дорогу. На обратном пути, в расстройстве чувств, забыла про железную решетку у Видемановского фасада³⁹ и налетела на нее прямо носом. Очень тревожно было за Верочку, точно какая-то ответственность за ее благополучие легла на меня, хотя трудно найти более независимую особу, чем она. Родилась у нее дочка. Утром, когда я пришла в справочную и спросила о Бискаевой, румяная дежурная ответила одним духом: «Ноль двадцать девочка три триста». Я вышла немножко ошеломленная и уже на ходу расшифровала про себя, что это значило, а то в первый момент, кроме «девочки», ничто не дошло до сознания. Завтра попытаюсь использовать свои связи и деловые знакомства в больнице и пробраться к Верочке. Все-таки судьба мне повозиться с каким-то, хоть и чужим, малышом.

1/XI – Все чаще слышишь о людях, нашедших своих близких в освобожденных областях, и это, как радостное эхо наших побед, захватывает и волнует даже нас, случайных свидетелей, как будто это и наша радость. Сегодня наша Лили Карловна пришла сияющая, переполненная счастьем – получила из Донбасса письма от сына и ма-

тери, пропадавших с самого начала войны. За нее я особенно рада, она хороший, крепкий человек, много испытанный жизнью, и для нее возвращение сына – это свет и смысл дальнейшей жизни, которая подходит к сорокалетнему рубежу. Нашелся сын Миханковой, тоже застрявший где-то с бабушкой, умершей во время оккупации. На нее радость так подействовала, что она свалилась с сердечным припадком. У Юлии Тимофеевны тоже отыскивались родные в Донбассе. И еще сколько рассказывают наши посетители таких случаев. Эти вспышки счастья в нашей многотрудной жизни точно проблески встающего света. Мы на подъеме из бездны – это чувствуется во всем, начиная с секретных пока распоряжений о восстановлении города и возвращении рабочей силы и кончая стабилизирующейся экономикой.⁴⁰ И в надежде на недалекий конец наших испытаний легче идешь навстречу нашим будничным трудностям. Чернильно-темные дождливые вечера, скверная обувь, от которой к концу дня делаешься калеккой, забота о дровах, безденежье – все такие пустяки, когда подумаешь, что каждый день приближает конец войны и свидание с близкими. Боюсь только, что я окажусь старой рухлядью к этому моменту. У меня так по-стариковски болят ноги последнее время, мое профессиональное хождение становится иногда острой мукой, а лестницы – божеским наказанием. А мне охрометь – это все равно, что почтальону: значит, выбыть из строя. Между тем работы масса, или того, что мы называем работой. Для меня все-таки основной смысл остается в возможности оказывать помощь людям, случаи такие постоянно подворачиваются в моих блужданиях. Но это мое личное удовлетворение, об этом даже говорить нельзя, так как наши задачи государственного масштаба складываются из контрольных функций, для меня очень тягостных и не свойственных мне. Наше влияние на работу предприятий ничтожно, заставить двух-трех нерадивых управхозов снабдить дровами наших старушек – тоже не завоевание. Я больше удовлетворяюсь такими случаями, как с Филипповым, стариком, к которому я попала по письму сына. Человек после 3-х месяцев больницы, с ранениями обеих ног осколками снаряда, на костыле, один в большой, пустынной комнате с заколоченными наглухо окнами. И добрые соседи,⁴¹ которые за 2 недели не дали больному кружки горячей воды, не говоря уж о том, чтобы достать ему хлеб или обед. Я неделю провозилась с ним, носила ему кипяток, завтрак, обед, наладила через поликлинику и Собес направление в Дом инвалидов. Это что-то осязаемое, по крайней мере. Но бывают случаи, когда оказываешься беспомощной в паутине чужих несчастий. Есть здесь, на

Смольном 4, дом хроников,⁴² куда помещают беспомощных и одиноких инвалидов. С месяц тому назад как-то я была на ф<абри>ке Пластмасс,⁴³ и пришла туда старушка на палке и костыле – пришла просить работы. Но у нее не оказалось паспорта, и картина раскрылась такая: это Чаленко-Стефанова, в прошлом учительница музыки и библиотечкарь, была дважды ранена во время обстрелов, потеряла ногу и около года находилась в доме хроников. Оттуда ее назначили на эвакуацию, от которой она отказалась и добилась даже разрешения Попкова⁴⁴ на то, чтобы остаться в Ленинграде, поближе к сыновьям на фронте. Ни с чем этим администрация дома не посчиталась: паспорт у нее отобрали и назначили в отбывающий эшелон. Зная, что бывали случаи насильственного увоза, вплоть до физического насилия, она испугалась и для себя такой участи, тем более, что паспорт ей отказались вернуть, и сбежала из дома, неделю мыкалась голодная, без карточек, пока, наконец, ее не занесло в поисках работы на ф<абри>ку Пластмасс. Здесь в первый момент в ней приняли большое участие, обещали работу, общежитие, но – надо было получить паспорт, и ее отправили с провожатой опять с Косой⁴⁵ на Смольный <проспект>. Появилась она у нас в Отделе снова с неделю назад: все еще без документов, сидела в доме хроников на положении отщепенца; на ф<абри>ке Пластмасс ее уже отказывались брать, т<ак> к<ак> директор дома⁴⁶ расписал ее как сумасшедшую. Мы направили ее в Райсовет по месту жительства, после чего ей удалось вернуть свои документы, но на работу она уже не попала, наш Отдел⁴⁷ Октябрьского р<айона>, где она живет, отнесся к ней скептически, и она опять приехала ко мне, голодная, запутавшаяся, затравленная недоверием и подозрительностью. Я убедила ее махнуть рукой на нашу фабрику, а устраиваться на работу поближе к квартире, и главное, взять хоть иждивенческую карточку, чтобы не голодать. После этого она не давала о себе вестей, а у меня тревожное чувство, что надо было еще что-то для нее сделать, чтобы помочь встать на ноги, и потом добиться, чтобы этот Дом хроников с его жуткими порядками – голодный карцер, побои, насилия, пьянство и грабеж администрации – привлекли бы внимание и настоящее вмешательство. Своими рассказами о нравах Дома хроников Чаленко больше всего себе повредила, и надо сказать, что для такой изувеченной, беспомощной старухи она проявила исключительное мужество, физическое и моральное, в отстаивании своей свободы и разоблачении окружающего разложения.

2/XI – Завтра беру Верочку из больницы, придется, наверное, опять часто заночевывать у нее, наверное, понадобится моя помощь,

особенно пока она еще не окрепла. Вопрос, как я уложусь во времени, ближайшая неделя перегружена до отказа предпраздничными делами. Нам предстоит, сверх обычных забот, разнести 50 пакетов с подарками многодетным матерям. Если принять во внимание, что все почти они работают и заставить их дома очень трудно, только поздно вечером, то эти праздничные визиты очень усложняются. Правда, мы получили наконец долгожданные фонарики, так что вечернее хождение несколько облегчается. У этих фонариков только один большой недостаток – за них надо платить из своих средств по 60 р., а мы все прямо запутались в безденежье. Я уже влезла в долги и растраты, предстоят праздничные выдачи, погашение всяких членских взносов, дрова, – ну, все не перечесть, 300 % дефицита. На коммерческие операции с пивом и проч. нет времени. К стыду своему, я немножко уповаю на Таню,⁴⁸ которая собиралась прислать мне денег, но писать ей о своих затруднениях у меня не хватает духу, хотя в свое время я обещала ей обратиться к ней за помощью в крайнем случае. Но я до того не привыкла ждать откуда-нибудь поддержки, особенно от детей, и потом она и так много мне посылала. Вольно же мне было 1200 р. послать Нате, на это Таня уж никак не рассчитывала. Нет уж, скорей потащу книжки или еще что-нибудь на продажу, хотя расставаться с книгами мне – нож вострый.

13/XI – Мне 48 лет, и, кажется, давно уже я не испытывала такой душевной легкости, как сегодня. Правда, день был на редкость полон радости, начиная с того, что утром на работе я получила телеграмму от Наталочки с известием о переводе ее в Пестово.⁴⁹ Похоже, что я становлюсь плаксой или около того: еще долго спустя меня душили слезы при мысли о возможном свидании. Я еще достаточно владею собой, чтобы не плакать всерьез от всяких волнений, но глаза мокнут при одной мысли о встрече с моими, и даже по меньшему поводу, вроде заботливого письма от Коли.⁵⁰ Из денежных затруднений я неожиданно вынырнула, – Таня прислала денег, и Коля тоже послал перевод. По этому поводу я как-то раздумалась, что надо уметь не только давать, но и брать, и быть объектом чьих-то забот. А мой объект для «отдачи» сейчас Верочка: она все еще в больнице, и я почти каждый день забегая туда с записками и передачами, делаю все возможное, чтобы она не чувствовала одиночество.

Зато сама я была прямо отравлена этим одиночеством в праздничные дни. Никуда не выходила, кроме столовой, ни с кем не видалась и не разговаривала. Собственно, это не в диковинку, и я бы не почувствовала это так остро, если бы не случайные излияния Лили

Карловны, к которой неожиданно приехали старые приятели, и она по этому случаю сияла и не выходила из приподнятого настроения. И у меня навернулась шальная мысль: что бы в моей пустыне вечером услышать звонок или стук, а за ним какое-нибудь дружеское лицо. Но такие мысли, конечно, ничего, кроме бесплодного раздражения и вредного сиротского чувства, не дали. Я укротила себя мыслью – обойдусь, я же взрослая, всевыносящая, пусть уж Лили Карловне достанется проблеск радости. Нечто вроде того, как старший ребенок уступает младшему конфетку. Это ощущение старшинства является у меня все чаще и по отношению к самым разнообразным людям, часто старше меня по паспорту. Как будто я знаю что-то, что помогает мне переносить все трудности жизни, а они еще не доросли до этой невыразимой словами истины, и поэтому относишься к ним как к младшим, слабейшим. Любопытно, как это состояние умудренности контрастирует с довоенным чувством не-взрослости, вечной молодости. Ленинградский год бесповоротно истребил, выжег эту молодость. Но то, что стало на ее место, – это еще не преддверие смерти, а зрелость и проистекающий из нее глубокий внутренний покой. Смерть придет тогда, когда на смену всему явится усталость.

7/ХII – Последние три недели я прочно засела в плену своих «семейных» обязанностей. 19-го взяла Верочку из больницы, и началась у нас серия всяких злоключений. Она мучается двухсторонней грудницей, t⁵¹ все время до 39°, кормления превратились в пытку для нее и для ребенка. Девочка, хорошая крепышка при рождении, превратилась за это время в морщинистый скелетик, вместо лица вечно широко открытый орущий рот. Ночи почти все с недосыпом, днем верчусь между работой, консультацией, аптекой и проч., преступно много урываю казенного времени на «семейные» дела. И самое печальное – это тяжелая, глухая досада на Верочку, которая, правда, и сама измучена, но и ребенка замучила своей безапелляционной педагогикой. Я не могу слышать, как она обзывает месячную каплюшку капризницей, обормоткой, хулиганкой и проч., когда девочка кричит у груди или не дает запеленать руки. Мои редкие реплики вызывают какой-то нутряной протест с ее стороны, и, чтобы не плодить вредное раздражение, я молчу и кротко выполняю свои второстепенные обслуживающие функции, только изредка обрываю ее взглядом или коротким словом, когда она даже ко мне позволяет себе резкости. Вот когда я оценила в себе запас внутреннего спокойствия, накопленного за последние 2 года. И я понимаю все, что происходит в этом маленьком эгоистическом существе с примитивным стремлением к личному бла-

гополучию, хотя бы в ущерб своему ребенку. Характерно, как она спешит перевести девочку на искусственное вскармливание и легко отказывается даже от грудного молока, т<ак> к<ак> его труднее получать в консультации, и даже приводит доводы против своего кормления и в пользу смесей. Трудно мне слушать ее безграмотные и самоуверенные рассуждения на любые темы, трудно переносить эту обстановку мелочного мещанства. Жулик и вымогатель – управхоз; коротконогая соседка-маникюрша с вечными заячьими ушами на макушке от зубов⁵² из той породы, что способны наплевать в соседский суп; загадочно-добродетельный Сергей Никанорович, милиционер, работающий на Веру вплоть до выполнения обязанностей няньки и окруженный облаком густых дворовых сплетен. Право, у меня иногда такое чувство, что я вклеилась неуместным действующим лицом в сцены из мещанской комедии. Но – назвался груздем, полезай в кузов: надо дотерпеть до какого-то конца в этой атмосфере бескнижья, без радио – и физически без свежего воздуха, т<ак> к<ак> комната лишена вентиляции, отапливается от буржуйки до 25–28°, а проветрить через соседнюю комнату Вера не позволяет, т<ак> к<ак> считает, что там пахнет сыростью. И все это на фоне участвовавших за последнее время жестоких обстрелов.⁵³ Вчера наш район был «под напряжением», как теперь принято выражаться, 7 часов, позавчера – 5 ч., только сегодня мы отдыхали, зато на Невском, говорят, ни пройти было, ни проехать. Много жертв, много таких диких, нелепых случаев, когда смерть поражает людей в самых как будто укрытых, безопасных местах, точно на выбор посылая им шальной осколок. Опять надоевшие перестукивания молотков в зияющих окнах, опять оборванные провода и взорванный домашний уют. И беспримерная живучесть, муравьиная возня, тысячью усилий снова и снова восстанавливающая разрушенное. Сейчас, когда Ленинград чувствует себя неуязвимым, когда и сами-то немцы, наверное, не питают надежд взять город – это упорное, маниакальное разрушение и убийство носят до того бессмысленный характер, что я чувствую – когда идешь под свист снарядов и слушаешь глухие удары разрывов, все лицо кривится в гримасе отвращения, сплунуть хочется. Как будто наблюдаешь поступки вредного и мерзкого идиота.

10/XII – Вчера за компанию со всем Отделом пошла в кино. Вообще мне грозит опасность одичать, читать некогда с моей домашней нагрузкой, радио у Верочки нет, единственная связь с жизнью – газета, которую даже она выписывает и изредка читает. Но мою вылазку в свет мне пришлось скрыть от нее, хотя, может быть, это преувели-

ченная деликатность. «Жди меня»⁵⁴ – посредственная в художественном отношении картина, но она касается жгучей темы – семья и верность во время войны, и публика отзывается на нее очень живо, многих она затрагивает за живое. Но правильно сказала иронически Василиса Петровна: для педагогических своих целей картина несколько запоздала, если даже допустить, что кого-нибудь в чем-нибудь может остановить влияние кино или повергнуть в раскаяние. Слишком много уже свершилось непоправимых измен и отступничества. Та же Верочка – она не перестает говорить об Юрии, вспоминать и ждать его. Отец ее второго ребенка⁵⁵ – как будто случайность в ее жизни, не имеющая значения. С наивным цинизмом она собирается преподнести мужу, в случае его возвращения, нового члена семьи, и как будто ни минуты не сомневается, что ребенок будет принят им миролюбиво и без драм. Конечно, все возможно в нашей мешанине, но когда она, не дрогнув бровью, записывала в Загсе ребенка на Юрия – на отца, кости которого, быть может, давно уже истлели где-то на Украине, – меня преследовало смутное, тяжелое и болезненное ощущение. Часто останавливаюсь мыслью на судьбе этой девочки, такой нежеланной, с первых дней доставляющей такие страдания матери, для которой как будто все обстоятельства готовят участь нелюбимого ребенка. Одни сравнения со старшей дочкой чего стоят! Только и слышишь: Аллочка так не делала, Аллочка была такая и сякая – все не в пользу бедной крошки, голодной, тощей, как заморенная обезьянка, и тем не менее цепкой в жизни как дикий вьюнок. Такие дети обычно выживают вопреки всему.

1944 год

6/1 – Еще один условный рубеж пройден. Наступающий год должен быть годом осуществлений наших надежд и желаний, еще недавно, казалось бы, таких вне-разумных и необоснованных. И вот – каждый день все ближе подводит нас к воплощению мечтаний, и опять я чувствую какую-то тесную связь между судьбой страны и судьбой личной – и та и другая на подъеме. Наташин приезд на 10 дней, то, что мы встретили все-таки Новый год вместе в такой момент, когда все обстоятельства были против, – это точно обещание будущей мирной жизни. Десять дней – это было и страшно мало, и неожиданно много, т<ак> к<ак> мои надежды не простирались дальше 2–3 дней. А тут еще благословенный грипп, первый бюллетень за время войны, который меня заставили взять почти силком и который дал столько свободных часов, проведенных целиком с Наталочкой.

После ее отъезда опять рабочие будни, очень напряженные, т<ак> к<ак> у нас пол-отдела больных. Иногда мне очень хочется как-нибудь отразить все разнообразие человеческих лиц и характеров, проходящих мимо, но что толку в сухих описаниях? Никак не передашь ту неопределимую словами человеческую сущность, которую иногда ощущаешь внутренним чутьем, то дружественную, то враждебную. Из числа первых у меня начинают накапливаться приглашения в гости и на чай, причем делается это очень дружески, и надо бы откликнуться, но время выкроить более чем трудно. Одно такое приглашение от милой разумной пожилой женщины, на днях потерявшей мужа, старого работника Балтийского з<аво>да, убитого шальным осколком во время ночного дежурства. Мы не знаем статистики жертв обстрелов, но последние недели должны очень увеличить эти цифры. Со всех сторон только и слышишь о погибших, а 2-го⁵⁶ весь район был взволнован гибелью начальника милиции Павлова. Человек, переживший столько бомбежек, всегда на казарменном по своей должности, – поехал на Новый год домой, на Невский, и в 7 ч. утра снаряд вломился в трехэтажный дом, взорвался на третьем этаже, а Павлова с женой убило обрушившимися балками и штукатуркой.⁵⁷ Раньше бывала стрельба только днем, а теперь и вечером, и ночью, и рано утром – снова и снова мерзкий шелестящий свист, раскаты взрывов – опять эта бессмысленная, варварская жестокость.

24/1 – Ленинград свободен!⁵⁸ Немцы отброшены, Петергоф, Стрельна, Пушкин – наши,⁵⁹ обстрелы прекратились.⁶⁰ Так долго мы ждали этого, и долгожданные события ворвались как неизбежность, и все течение жизни изменилось, как будто в каждой маленькой судьбе этот поворот отражается на тысячу ладов. У меня такое ощущение, точно с Наташиного приезда жизнь моя круто переломилась, нет больше одиночества, точно двери распахнулись, и в них входят люди, и льется свет. Внешне это сказывается в том, что на моей необитаемой вершине – движение, звонки, гости. Уже при Наташе я переживала необычайное наслаждение от одного того, что, возвращаясь домой, я могла постучать, и живой голос откликнулся за дверь, в холодных комнатах появилось тепло и жизнь. Наташа уехала, но что-то осталось от ее присутствия, самый воздух стал иным. Через полторы недели после ее отъезда появился первый гость – начальник снабжения ее поезда, остановился у меня. Прошло еще дней десять – прикатил главный инженер поезда, этот осел у меня прочно, за ним появились его приятели, что ни вечер – у меня гости, ужины, ну прямо зрелище, еще недавно невероятное. Я наслаждаюсь этим оживлением всесто-

ронне: мне интересно столкновение с новыми людьми, я радуюсь, что могу принять и угостить гостя, как в доброе старое время, не учитывая кусочки хлеба и не задумываясь над обеденной проблемой. Я возвращаюсь вечером домой с чудесной мыслью, что есть, для кого похлопотать с чаем и ужином, есть, с кем перемолвиться словом. Пусть это чужие, случайные люди, но точно заклятие какое-то разрушено, и это предвестие возвращения близких и нормальной жизни, преодоление военных лишений и уродства.

12/II – Час ночи, наступает вторая годовщина гибели Бори.⁶¹ Вся последняя неделя насыщена для меня воспоминаниями того жестокого года. Все вокруг, точно по сговору, приводит к этому: встречи с людьми, вернувшимися с Большой Земли, а особенно шесть тетрадок с моими записками,⁶² которые я впервые вынула и перечитала неделю тому назад. Ими заинтересовался Александр Иванович,⁶³ у него просили материалы по истории станции, и он вспомнил мое писание, которое наблюдал в период нашего соседства на станции. Я начала читать их, пытаюсь объективно оценить с точки зрения общего интереса, но со второй же страницы потеряла всякое критическое чутье и утонула в этом потоке воспоминаний, не могла оторваться до глубокой ночи. Я почувствовала, что одной мне невольно, не вынести этой тяжести, и позвала Александра Ивановича на помощь. Он пришел только сегодня, и трудно передать, как я ждала его всю неделю, считая дни до субботы, вечером сегодня волновалась, ожидая его звонка. И когда я читала ему историю этой совместно пережитой эпохи, это было несказанным облегчением, как разделенная ноша. Я рада буду как-то избавиться от груза воспоминаний, они тянут к себе как омут, без конца возвращаешься к этим книжкам, перелистываешь, выхватываешь то один, то другой эпизод. Все это не забыто, только затуманилось слегка, и не забудется до смерти.⁶⁴

1945 г<од>

14/III – Что мы такое – герои или рабы – в нашей невероятной, на пределе сил и времени работе? Не принадлежишь себе ни днем, ни ночью, самые неотложные требования быта и семьи становятся проблемой, все дни проходят под гнетом недоделанных дел, невыполненных обязательств. Даже болезнь становится непростительным срывом и непозволительной роскошью.

6/IV – События, развертывающиеся перед нами, переживаются, но не обдумываются и не оцениваются в их настоящих масштабах – слишком близко мы к ним стоим. Но даже наши обязательные заня-

тия, от которых большинство старается увильнуть, уже помогают разорвать будничную паутину и заглянуть дальше и глубже. В нашей треклятой суматохе думать мы не успеваем, а в официальном порядке для этого отведен один час в неделю. Он только бередит. Мне иногда, как свежего воздуха, не хватает умственной работы, ловлю себя на смешной мысли, что готова была бы сейчас засесть за учебу и наслаждаться ею. Но все это – негласные размышления в 2 ч. ночи, неосуществимые как утопия.

10/VI – Я получила на днях три переплетенных экземпляра своего дневника. Принес их ко мне на работу Лебедев из Ин<ститу>та истории партии,⁶⁵ с час сидел у меня, своим медлительным, обстоятельным тоном наговорил самых лестных вещей и в виде не то совета, не то просьбы указал, куда направить рукопись и отдельные экземпляры.⁶⁶ И разбередил все во мне. Если до сих пор я терпеливо везла свой воз, то сейчас я с непереносной остротой ощущаю, как все силы и время уходят впустую, часто на ненужную канцелярщину, на бесплодное топтанье, в то время как жизни осталось так мало, а сделать еще нужно так много. И делать то, к чему рвешься всей душой, чтобы вложить в это все силы, все свои возможности, все, что накопилось за полвека жизни и ищет выхода. Но выхода нет, каждый день все туже стягивает петлю на шее, я не могу больше дышать. Как разорвать эти путы?

18/VI⁶⁷ – Мне думалось иногда, что война стряхнет с него шелуху быта, высвободит внутренне, вернет ясность видения. По старой привычке я мысленно говорила с ним о самом дорогом, обо всем, что можно высказать только одному человеку в жизни. Почему мне казалось, что смертельное поветрие этих лет не коснется его? Может быть потому, что я так хотела умереть первой. И вот – ничего больше не будет – он умер.⁶⁸

24/VI – Да, действительно, накопленный в старости опыт – бесплодный груз, потому что передать его другому нельзя. Это мысль Роллана,⁶⁹ и я с горечью сейчас должна признать ее справедливость. Наташа как будто начала выправляться после мрачных годов, по крайней мере так мне показалось, но сейчас каждый день я наталкиваюсь в ней на мрачное, безнадежное настроение, какое-то вредное самовнушение, что жизнь ее в тупике, что впереди нечего ждать хорошего, и если бы не Юрик,⁷⁰ то впору с собой кончать. Я слышу в ее голосе свою молодость, свои 22–24 года, я знаю, что все это неверно, жизнь всегда даст ищущему, хоть не в полной мере, но что-то даст. Но сколько бы я ни убеждала ее в этом, я не могу помочь ей преодо-

леть эту полосу упадка, она должна сама, своими силами выйти из нее. Я это знаю, но не говорить голосом своего опыта не могу, так же как не могу вторить ее меланхолии. Между тем мои попытки уравновесить ее мрачное настроение встречают такое раздражение и ожесточенный отпор, что надо замыкаться и молчать. Опять молчать, всю жизнь молчать, – видимо, нет выхода для меня из одиночества. Почему так складываются все отношения с близкими людьми? Почему, например, я потерпела неудачу с Капой? Иначе, как неудачу, не могу рассматривать свое «опекунство». За год с лишним девочка не привязалась, даже не привыкла ко мне, нет в ней ни доверия, ни просто легкости в отношениях. Я была бы счастлива, если бы она обратилась ко мне за помощью в чем-нибудь своем личном, – не в обувном или квартирном вопросе. Но она замкнута и отгорожена, и опять я остаюсь со всем невысказанным теплом к ней, как с лишним балластом, никому не нужным.

I/VII – Моя работа с каждым днем требует все большего напряжения всех сил. Похоже, что с концом войны у людей сразу лопнуло терпенье и если еще недавно они как-то выносили свою нищету и лишения, то сейчас они больше неспособны ни на какое самообладание. Наши приемы стали пыткой, такая волна злобной требовательности изливается на голову дежурного инспектора. Слезы, причитания, злые колкости, а подчас и грубые оскорбления – надо обладать сверхчеловеческой выдержкой, чтобы противостоять⁷¹ этому спокойствию и деловое внимание. Наши работники, особенно Наташа, все чаще срываются и впадают в «собесовский» тон, что опять-таки вызывает раздражение и жалобы. Надо добавить к этому невозможную обстановку нашего коллективного приема, когда говоришь с одним человеком, а вокруг толпится двадцать раздраженных, озлобленных женщин, по-своему оценивающих и перетолковывающих каждое слово. Вмешиваются, подают реплики или – еще хуже – заражаются все чьей-нибудь слезной жалобой, и начинается массовая истерика. Приходится не только заниматься одним посетителем, но и дирижировать толпой, держать ее в руках. После пяти часов такой работы, пропустив 40–50 человек, встаешь со стула совершенно опустошенная, на грани самообладания. Остальные дела, заполняющие 12–14 часов моего «нормального» рабочего дня, после этого кажутся пустяками. Но вообще иногда сама себе удивляешься – как я еще держусь? Мало того, ловлю себя на том, что хожу с высоко поднятой головой и испытываю что-то вроде гордости победы. Каждый день, каждый час – это борьба с измученными, глупыми, истеричными женщинами, которых

надо образумить своим спокойствием и выдержкой, а с другой стороны – с самой собой, со своей человеческой слабостью, тягой к самозащите, физической усталостью. Дома тоже, – отношения с девочками складываются не гладко, все время в воздухе какое-то напряжение, вызванное в значительной степени материальными недостатками. И здесь, дома, – я всего слабее, здесь так хотелось бы простого тепла и дружелюбия, и когда оно нарушается, я испытываю настоящую боль. Но всюду – и дома, и на работе – надо держать себя вытянутой в струну и не давать воли слабости. Я держусь, но очень, очень устала.

27/VII – 45<года>⁷² – Кажется, жизнь приберегла мне еще какую-то радость. Я получила письмо от Лизы Званцевой.⁷³ Плакала над ним и весь день была полна им. В письме три маленьких карточки, и в них, и даже в почерке она похожа на отца, и как сама она утверждает – похожа и внутренне. Я мало рассчитывала на ее отклик, писала ей больше от своей душевной тоски – и вот это письмо. Трудно подумать, что пишет 17-летняя девочка, столько в ней силы и зрелости, столько душевного богатства.

И так много близкого, родного мне по духу, что я была потрясена и полна волнением до растерянности. И еще мысль, наполняющая душу теплом: девочка очень одинока, и помнит меня, почувствовала даже ребенком 10-летним то чувство, в котором я охватывала и ее отца, и ее как существо, которое он любил больше всего на свете. Боюсь даже дать волю своим мыслям и надеждам, но хочу быть близкой этой почти незнакомой девочке, может, она сумеет взять что-нибудь из моего нерастраченного душевного богатства. Но даже то, что к уходу П. А. в армию мы отнеслись одинаково, я – оторванная от него почти десятилетием, и она, жившая с ним неразлучно, – даже эта одна подробность заставляет надеяться, что я не обману ее.

5/VIII – Месяц тому назад казалось, что жизнь так круто взяла в тиски – круче некуда, а оказывается, есть куда. За этот месяц мое семейство пополнилось еще тремя членами: приехала Лидия Николаевна с Натулей из Челябинска,⁷⁴ а неделей спустя⁷⁵ неожиданно появилась тетя Лида.⁷⁶ Если Лидия Ник<олаевна> оказалась не в таком тяжелом состоянии, как мы ожидали по письмам, то тетя Лида превзошла самые страшные ожидания: скелет, обтянутый коричневой высохшей кожей, и вдобавок, по-видимому, туберкулез на последнем этапе. Сразу после приезда Лидии Ник<олаевны> я выселилась на 8-ю,⁷⁷ и сейчас счастлива, что есть отдельное помещение, где можно тетю Лиду изолировать от детей. Если бы пришлось жить всем вместе в нашей тесноте и неблагоустроенности, боюсь, что даже у меня

голова свихнулась бы от тревоги. Наташа,⁷⁸ перегруженная заботами и беготней, отчасти подавленная неопределенностью материальных перспектив, понемножку входит в норму. А я мечусь между работой, домом и тетей Лидой, иногда просто плыву по течению, махнув рукой на угрозы завтрашнего дня. Больше всего ощущаю отрыв от Юрика, которого вижу урывками, прямо нутром иногда о нем тоскую, иногда бросаю все и лечу домой и обычно застаю его спящим. Да и Мурочка⁷⁹ стала от меня отвывать, и вдобавок ко всему она худеет, кашляет, стала плохо слышать, и невыносимо, что не удастся ей уделить хоть сколько-нибудь времени и заботы. Все это вместе с напряженной, не дающей передохнуть работой держит на пределе нервного напряжения. Весь день, с 7 <часов> утра до глубокой ночи – работа, прием десятков нервных, озлобленных, нищих женщин, необходимость вечно куда-то поспеть, чего-то не забыть и при этом не утратить ровности и спокойствия. А короткой ночью – душераздирающий кашель Лидочки, захлебывающейся мокротой, и опасность проспять утром, т<ак> к<ак> я не набралась бесцеремонности оттягать у Тани один из двух ее будильников. А первую неделю после приезда Лидочки еще вши, дорожные вши, которые всюду ползали и доводили меня до умопомрачения. Но его-то как раз и нельзя допускать, нужно сохранять свежую голову во что бы то ни стало. Лидочка слабеет с каждым днем, с ужасом жду дня, когда она не сможет встать в уборную. Кормить ее – сложная проблема, она колеблется между надеждой на поправку и желанием покончить с физическими мучениями, то заставляет себя есть, то все ей противно, причем все время кажется, что если бы дать ей настоящее питание, то был бы результат. А я, глядя на нее, все время думаю: какая мучительная вещь умирание, и что сделать, чтобы самой в умирании сохранить себя, не позабыть все трезвые и умные мысли, когда тело откажется служить и будет лишь источником страданий.

20/IX – Если я сейчас лягу, все равно не уснуть, несмотря на то, что весь вечер хочу только одного – уснуть. Все, что копилось месяцами, – усталость, тревоги, рабочее напряжение, боль моей потери – все вырвалось диким взрывом, близким к истерике. Таня так и сказала мне вслед – «не стоит устраивать истерик». Не помню, когда мне было так тяжело. Я сидела в Отделе, не зажигая света, и все внутри разрывалось от неумелых, непривычных рыданий. Смешнее всего вспоминать о конечном поводе – обычный домашний спор на политическую тему. Но это не просто спор. Я сразу сказала Наташе, что не хочу ни возражать, ни доказывать ничего, я слишком устала для бесцельных

дискуссий. Но она со злостной настойчивостью втянула меня в злощастный спор, вмешалась Таня – и дело кончилось для меня плохо. Столько у них – особенно у Тани – обидного неуважения, желания сделать больно, никакой пощады, никакого тепла – что меня это добило. Я так ненавижу подобные выходки у других, но тут все скопилось сразу, и у меня уже не хватило сил.

Боже мой, уехать хоть ненадолго, стать опять человеком, иметь время, когда ничто не подгоняет тебя в три кнута – но ничего у меня не выйдет. Сейчас у меня нет сил даже бороться за свой отпуск. Для него нужны деньги, для денег нужно массу энергии и изобретательности, а я устала до того, что вывести меня из оглобель – и я свалюсь, как заезженная лошадь.

⁸⁰[1946 год
<Не ранее 5/III>

Еще нет года нашей мирной жизни, и снова нависает над душой и телом угроза войны.⁸¹ Таня с особым искусством всегда получает самые мрачные известия, ее информация не всегда заслуживает доверия, но сегодня я потеряла от ее разговоров покой. Даже самая возможность этих разговоров невыносима. Опять война – никакими словами не передать, что кроется под этим. Еще раз пережить потрясение 22-го июня, и даже в тысячу раз худшее, потому что тогда мы не знали еще, что такое нынешняя война, а теперь МЫ ЗНАЕМ.

Я смотрю на детей, на Юрика – и не могу дышать. Наташа уже не в первый раз повторяет, что в случае войны она убьет и себя, и его. Надо бы ее пожалеть, нелегко дойти до такого тупика, но я в ужасе от ее внутренней опустошенности. Да, страшно,] невыносимо, выше человеческих сил. Но неужели самим подставлять голову под обух и не бороться даже за наших маленьких?

21/III – Тупик. В работе, в семье, в душе – всюду тупик. Если не будет крутого перелома в ближайшее время, самого крутого – перехода на жизнь совсем непохожую на сегодняшнюю, – то это состояние станет началом конца. Самое печальное, что я, еще не потеряв воли к жизни, ищу выхода ошупью, не зная сама, в каком направлении пробиваться на волю. Трудно мне и горько, и не могу вынести сейчас сближения с людьми, особенно типа Лидии Николаевны, смесь чрезмерной интеллигентности с наивным эгоизмом, с ее культом слабости. Ее простодушное ожидание сердечных излияний, души нараспашку, с первой же нашей встречи заморозило меня, заставило отгородиться и замкнуться на семь замков, хотя это было жестокостью с мо-

ей стороны. Так я и пребываю в этом состоянии жестокости, которое меня самое давит до того, что, если бы не дети, я разучилась бы улыбаться.

5/IV – Мои желания перемены сбылись, хотя бы на время. Месяц болезни обернулся большим благополучием и завершается в самой неожиданной обстановке: в латвийском санатории Бирини.⁸² Сутки в дороге, полдня в Риге, трехчасовое путешествие в грузовике – и вот на месяц я вхожу в новый жизненный уклад. Самое чудесное в нем – это свобода действий и еще более свобода мыслей. Обязательный режим не стесняет, а только упорядочивает, а своих личных, далеко загнанных дел столько, что был момент, когда я испугалась, что опять станет некогда.

Нужно ли мне оглядываться на прошедший год? Он был очень трудным для меня. Год искажения того морального облика, который я хотела бы в себе воспитать. И самое точное определение того, что со мной случилось, дала Лидочка случайной фразой, точно перед смертью осветила мою главную язву. В один из первых дней по приезде, когда она еще могла думать, она по какому-то случайному поводу сказала: «Пусть человек все отдаст, последнее с себя снимет, но если он сделает это без любви, – грош цена всем его усилиям». И тогда, еще не зная, как это справедливо по отношению ко мне, я почувствовала себя ужаленной этой мыслью. Внешне я много делала для других: и Лидочка, и Ната, и Федоровы, и Лидия Николаевна – всем я оказывала какую-то помощь, для всех уделяла сколько-то времени и внимания, и все бесплодно. Не было настоящего тепла и сердечности в моей помощи, и поэтому не было от нее людям настоящей пользы, а мне душевного мира. Материально я была лишена самых необходимых удобств, спала на чем попало, укрывалась пальто, не знала покоя ни днем, ни ночью – но что мне это все, если бы я не тянула груз вредных, недобрых чувств и мыслей? Это и только это отнимало силы и ожесточало сердце. И вот наконец я чудом вырвалась из этой трясины и осталась наедине с собой. За этот месяц я должна как-то окрепнуть душой. Для этого больше всего мне нужен этот месяц передышки.

В смысле обстановки мне очень повезло. Санаторий занимает помещичий дом, построенный лет 150 назад в «замковом» стиле,⁸³ но с современными удобствами. Дом стоит на пригорке над озером, балкон, лестница к озеру, ротонда на берегу, холмистая даль, деревья, прекрасные даже без листвы, – все в мягких, умиротворяющих линиях. Недавно здесь шли бои, но следы их уже сглажены, и ничто о них

не напоминает, кроме редких братских могил, о которых тоже скоро забудут. После трагического разрушения Ленинградской и Псковской областей здесь все выглядит нетронутым.

8/IV – Братские могилы пока еще не забыты. Вчера мы ходили на похороны красноармейцев, тела которых переносят из разрозненных захоронений в одну братскую могилу. Собирались у волисполкома, с венками и знаменами. Из санатория пришли все русские и очень немногие латыши, но местного населения собралось достаточно, и по шоссе развернулась внушительная процессия. Место для могилы выбрано на редкость:⁸⁴ высокий, крутой пригорок, как курган, впереди – холмистые поля видны далеко вокруг, отдельные веселые хуторки, дороги, обсаженные деревьями, за холмом – лес. Пестрая толпа разместилась по склонам холма, тесно окружила две длинные могилы на вершине. Одна уже закопанная, густо покрытая хвоей и венками, другая еще зияет вскопанной желтой глиной. Над головами трепещут под ветром три красных знамени. Безымянный красный гроб опускают в могилу. Салют «истребков» – истребителей, остатки партизанских отрядов. Речи по-латышски с частым повторением «sarkane Armija» и «vaņoni»,⁸⁵ выступление школьников, слезы женщин. Все это на фоне синего безоблачного неба, весенних полей, темных елей – врезалось в память, как застывшее на миг гармоничное целое. Трудно сказать, сколько все же под этим кроется дисгармонии, часто в форме неприкрытой вражды. Отношение латышей к русским очень интересно. Оценка положения, конечно, чаще всего начинается с желудка, и не в нашу пользу, а оттуда и политические выводы. Незнание языка страшно связывает меня, все приходится брать с чужих слов. А мои попытки научиться латышскому языку за месяц много не дадут. Но все же я уже начинаю улавливать смысл обыденной речи. Много помогает мне соседка по комнате, пожилая женщина, умная и умеющая видеть и думать. Она была замужем за латышом, жила в Латвии все годы ее самостоятельности, вплоть до эвакуации перед немцами, много настрадалась, как презираемое нацменьшинство, многое видела и испытала в демократической Латвии. Мое общение с населением санатория пока ограничивается соседями по комнате – две русских – и по столу. Там мою компанию составляют милая старушка-латышка, библиотекарь из Москвы, всецело советской ориентировки, демобилизованный из армии латышский еврей, человек невероятно вертлявый и несолидный, и третий, самый любопытный, директор рижской библиотеки, высокий, сухощавый латыш, изящный, преувеличенно вежливый, приятный в обращении, но с неприятным смехом и некра-

сивыми руками. Трещотка Радин объявил наш стол «самым интеллигентным», и действительно, разговоры у нас ведутся самые культурные, все мы говорим на многих языках, но, к несчастью, три четверти беседы ведется на латышском, и тогда я сижу как чурка и наливаюсь гневом. По смыслу я улавливаю, что разговор идет об интересных для меня вещах, но принять участие в нем не могу. Были моменты, когда меня подмывало демонстративно уйти из-за стола, переменить место, и переживания мои были до того неприятны, что портили весь день. Сейчас я притерпелась, а главное выучилась брать разговор в свои руки и переводить на русский, которым все трое отлично владеют. Кроме прямого неудобства от незнакомой речи меня оскорбляла и нетактичность сотрапезников, которую они проявляли при всей их интеллигентности.

16/IV – Половина моего срока миновала, а мне еще не надоело безделье. Правда, безделье относительное, т<ак> к<ак>⁸⁶ весь день чем-нибудь заполнен. Несколько дней я увлекалась сбором исторических сведений о Бирини, помогала переводить латышскую брошюру, добывала сведения у старика-садовника, который 44 года безвыездно работает здесь. Он сам по себе стал местной достопримечательностью: этот высокий, сухой старик видел здесь войну 14-го года, был свидетелем разорения помещичьего гнезда в 18-м году, потом пережил период относительного покоя при Латвийской Республике, потом советская власть в 40-м году, немецкая оккупация, снова советская власть – словом, вся история Латвии за последние полвека. К несчастью, без языка я не могла уловить все то интересное, что он рассказывал, и должна была довольствоваться куцым переводом культурника Бориса. Маленький еврейский парень, потерявший всю семью при немцах. Историю последних владельцев имения, Пистолькорсов,⁸⁷ старик рассказывает особенно охотно, и замечательной иллюстрацией к его рассказам служит альбом фотографий этого семейства. На первой странице – последний владелец, при виде которого я ахнула от удовольствия, такой законченный типаж. Физиономия жирной, раскормленной свиньи с двойным подбородком и отвислыми щеками, – непередаваемо надменные глаза в узеньких щелках. Следующая – его супруга из того же рода Пистолькорс, тупой и тоже надменный профиль, гордая дама, по свидетельству и старика, и подписи к портрету. Эта гордая дама была любовницей какого-то великого князя,⁸⁸ известие об этом, доставленное в Бирини братом ее жирного мужа, довело его до паралича сердца в ту же ночь. Дальше – портреты трех отпрысков: старший, нелюбимый сын у матери, похожий на отца, в резуль-

тате каких-то имущественных обид покончил с собой. Младший, любимец, толстогубый молодой человек дегенеративного вида, счел себя косвенной причиной смерти брата и последовал его примеру. Третий отпрыск – дочь, тоже толстогубая, простецкого вида, снята со своим супругом, усатым и толстым красавцем-мужиной. Тут уж целый роман: этот красавец был старшим лесничим имения и возлюбленным гордой барыни, но когда в него влюбилась богатая и единственная к тому времени наследница, он отверг ее мамашу, дал отставку законной жене с тремя детьми и женился на богатой невесте, которая добилась согласия на брак под угрозой самоубийства, столь принятого в семействе.⁸⁹ Интересна ее дальнейшая судьба: еще до революции она с мужем уехала в Германию, народила там ему 7 человек детей, была покинута мужем и в заключение при Гитлере лишена имения, как нечистокровная арийка. Ее бабушка, баронесса Эмилия Пистолькорс, была дочерью петербургского банкира Штиглица, еврейка, и принесла в приданое 8 миллионов, на которые и был выстроен замок.⁹⁰ Этот финал повести о благородном остзейском семействе мне особенно понравился. Право, будь бы время, написать бы роман с этими типами, только пришлось бы от себя присочинить хоть один добродетельный персонаж.

Вторым моим увлечением был Рерих. В библиотеке нашлась монография о нем рижского издания с хорошими иллюстрациями,⁹¹ и я получила большое и свежее наслаждение от этих вещей, от сказочной щедрости красок и от глубокой мысли, рождающей что-то новое в душе. Большая часть репродукций относится к заграничной, второй половине жизни Рериха, того Рериха, у которого музей в Нью-Йорке⁹² и поместье в Гималаях.⁹³ Тут у меня и боль, и недоумение: как мог этот такой насквозь русский художник уйти в буддизм, к Лао-Тце и Сакья-Муни?⁹⁴ Может быть, это вопрос восприятия, но мне эти вещи⁹⁵ показались умными, интересными – но сухими. Пробовала я даже скопировать его вайделотов,⁹⁶ но на полдороге оступилась, несмотря на то что действовать карандашом мне доставляет большое, давно забытое удовольствие.⁹⁷ Вообще тут столько прекрасных мест, такая расцветка в ясные дни на озере, еще покрытом тончайшей ледяной корой с ослепительно голубыми проталинами, что мысль о красках и карандаше становится навязчивой. Кое-кто из санаторцев рисует, я пошла к одному посмотреть, – и у меня прямо занули зубы: образцово-рыночная мазня на фанере, и вдобавок, как оказалось, с откровенно коммерческими целями. Эти лунные небеса и лазурные реки будут украшать какой-нибудь красный уголок или клуб. Я воздержала

лась от критики и выразила только свое уважение находчивости художника, который сам делал и кисти, и краски. Рядом на стенке висел косоротый Пушкин работы другого автора. Уж не знаешь, что лучше: это первобытное искусство или абсолютное неумение себя занять у большинства населения санатория. В хорошую погоду они разбредаются по окрестностям, а в плохую томятся до одури, в лучшем случае читают или играют в настольные игры, а в худшем упражняются одним пальцем на пианино или кричат песни в стиле хора Пятницкого.⁹⁸ У меня благодатная комната, не людная, далеко от пианино, полная солнца с утра до вечера. В ней что-то успокаивающее, ее палевые стены, бледно-розовые занавески, синева и черный узор ветвей в высоких окнах – смягчают внутренний беспорядок, который иногда все же дает себя знать. Было два вечера, когда я ничего не делала, сидела одна в кресле и мучилась беспорядочными мыслями, несвязными воспоминаниями.

19/IV – Каждый день по сто раз проклиная свое незнание языка, которое так суживает круг наблюдений. Меня многое интересует в Латвии, стране, жившей больше 25 лет особой, отличной от нашей государственной жизнью. Рядом с нами это страна, процветающая экономически, даже сейчас, когда богатство ее растрепано приливом и отливом войны. Но во времена самостоятельности, и особенно при мелкобуржуазном Ульманисе,⁹⁹ царило относительное благоденствие. Одновременно правление Ульманиса насаждало антисемитизм, было ярко антисоветским и прогерманским,¹⁰⁰ была безработица, но хуторское хозяйство укреплялось, было образовано много, как здесь называют, *jaunsaimniecibas*¹⁰¹ – молодых хозяйств, за счет крупных земельных владений, вроде Бирини. И сейчас явная антипатия латышей к русским исходит из невыгодных для нас сравнений. Мы принесли с собой наши жестокие порядки, нашу бедность, – а какое дело латышам до причин этой бедности? Какое дело рижанам, что у них под боком немцы уничтожили 80 тысяч евреев? При немцах были хорошие чулки и сахарный паек. Своеобразное впечатление производит деревня, то есть условная деревня, т<ак> к<ак> скопления домов здесь нигде нет. Хутора разбросаны на 0,5–1 км друг от друга, и поэтому первое впечатление – это разобщенности и малолюдности. Второе – страшно мало детей. Мне попадались группы школьников в 5–6 человек, на красноармейских похоронах было несколько матерей с детьми на руках. Но в тех 5–6 домах, куда мы заходили, я как нарочно не встретила ни одного ребенка. В двух домах, где биография хозяев стала известна, детей нет совсем. Мы покупали масло в хозяй-

стве, где живут мать-старушка с сыном, типичным тяжеловесным латышом лет 40–50 на вид, холостяком. Хозяйство крепкое, хотя из 8 коров осталось три, но для кого они копят добро? О другом доме подробно рассказывала ленинградская старушка, застрявшая здесь после немецкого угона. Хозяин, лет за 60, женился на женщине лет на 20 его моложе, дом полная чаша, начиная со скота и кончая фруктами, но от скупости дрожат над каждым яблоком-падалицей, работающая на них старушка не смеет ягоды сорвать, хоть бы они осыпались без пользы. И копят, копят – кому? детей нет. Вообще – внешняя выдержка, воспитанность, и прижимистость, скопидомство. Впрочем, последнее свойственно, кажется, большинству крестьян любой нации.

22/IV – Второй день мучаюсь из-за немецкой проблемы. В Бирини полтора десятка военнопленных, причем на них держится все хозяйство, они и дровосеки, и слесаря, и шоферы, и водопроводчики. Живется им неплохо, вид у них сытый, надзора по сути дела никакого. Но все-таки это современные рабы, и срока их рабству не видно. А для меня это люди из другого мира, и я не могу не интересоваться, что же они из себя представляют. Больше всего мне хотелось бы вывернуть каждого из них наизнанку, и если окажется, что это подлинная мерзость, бременящая землю, – отряхнуть ее, как гадость, прилипшую к подошве. А если это человек в нашем понимании этого слова – вздохнуть с облегчением, потому что разум не мирится с поголовным превращением целого народа в расу отверженных. Но, к сожалению, люди наизнанку не выворачиваются, и мое желание хоть что-то уяснить себе в них разбивается о вкоренившуюся брезгливость и отвращение. Лучше отвернуться от порядочного человека, чем коснуться рукой детоубийцы. Но вообще это все не так просто, и элементарная человечность вступает в конфликт с нутряным отталкиванием. Второй вечер, по случаю малолюдства в санатории (больных всего 6 человек¹⁰²) – один из немцев устраивает концерты на пианино в столовой, пара других сидят и слушают, около вертится и напевает латышка Эмма, самая непримиримая из санаторских, девушки танцуют. Вот и сейчас он выколачивает марши – так и хочется добавить: гитлеровские – вперемешку с опереттами. И это меня раздражает и мутит вопреки всяким умствованиям. Когда они попадают на глаза, я мысленно прикидываю, с кем из них я могла бы заговорить, но в каждом нахожу какую-нибудь отталкивающую черточку, а некоторые вообще неприемлемы по скоплению таких черточек, которые создают облик «dienstfertigen Mörders»,¹⁰³ как я их иногда про себя называю. Только один выглядит вполне человеком – рослый

молодой парень, которого мы прозвали «заплатанным немцем» за громадную, на весь зад, заплату из мешковины на брюках. Он трудно вяжется с образцовым типом гитлеровского солдата, но остается на его долю еще одна добродетель, превратившаяся у гитлеровцев в преступление, – *Gehorsamkeit*.¹⁰⁴ Но все же иногда я чувствую потребность в личном соприкосновении проверить свое внутреннее чувство, потому что самое в нем опасное то, что оно воспиталось на литературе, а литература в наше время обязана быть односторонней.

29/IV – Два дня провела в Риге, хотя ехала туда на одни сутки. Набегалась по городу до бесчувствия, потратила массу денег, и самое интересное – посмотрела старую Ригу. Узенькие, извилистые улочки, черепичные крутые крыши, маленькие, глубоко сидящие окна, неожиданные проходы под сводами и арками, старинный дом, украшенный простодушной живописью и громадным ключом на бронзовом кронштейне над дверью. И почти на каждом шагу – груды развалин. По улицам и дворам бродят бесстрашные голуби – птица сытых городов, грузно вспархивают из-под самых ног. А на развалинах копошатся сотни и сотни немцев. Их столько в Риге, что на них натыкаешься ежеминутно: на машинах едут немцы, на улицах немцы, на всех работах немцы. А в час окончания работ их тысячные колонны заполняют город. Меня это зрелище отравляет, как бы его ни оправдывать. Рабы, низшая каста, с которой нельзя общаться, парии, которых надо ненавидеть. Но не могу отвязаться от мысли, что присутствие такого элемента бок о бок с нами нас же позорит и деморализует. Хоть бы знать, что это временное явление, до какого-то срока, – но ведь ему нет никаких сроков в ближайшем будущем. Мне иногда жжет язык вопрос – на что эти люди надеются? Что растет в этой многотысячной массе? Очередная волна ненависти, которая в один проклятый день сконцентрируется и хлынет на наши головы. Эта ненависть, которая рождается войной и отравляет мир в разных формах еще долго после окончания войны. Здесь, в Латвии, эта ненависть тоже плещет где-то подпольно, ее чувствуешь иногда без слов, и вдобавок она сдабривается еще большей долей презрения «европейцев» к некультурным русским. На фоне национальной вражды протекали и многие эпизоды моей двухдневной поездки. Из них самыми характерным и были два: обратный путь мне пришлось совершить в индивидуальном порядке, т<ак> к<ак> машина из Бирини не пришла, и я со старшей сестрой Еленой Ивановной решила ехать на поезде. Билетов мы не достали, но отступить было поздно, и мы поехали зайцами, причем я перед самой высадкой преглупо попалась. Дело кончилось без последствий,

но надо было слышать проводницу-латышку, как она меня честила на весь битком набитый вагон, причем все время повторялось – Krievs¹⁰⁵ – русские, советские. Потом по дороге, проходя небольшим поселком с обязательной пивной, мы попались на глаза пьяному старику, который осыпал нас ругательствами, опять-таки как русских. И много было всяких мелочей – обращение продавцов в магазине, лакея в ресторане – старорежимного в куцей курточке и с салфеткой через локоть. Все это заставляло внутренне подбираться, вооружаться недоверием и мучительно воспринимать все, что может дать почву для враждебных вылазок. Моя заячья поездка, оказывается, была более серьезным фактом, чем просто нарушением железнодорожных правил.

16/VI – Последнее время меня преследуют и раздражают своей назойливостью мысли о смерти. Когда опасность ежедневно висела над головой, я казалась себе бессмертной, не в сознании, конечно, а глубже. А сейчас, когда нет как будто никаких объективных оснований для этого, все мысли, все впечатления неожиданным каким-нибудь вольтом сворачивают в этот тупик. Я совершенно здорова, жизнь еще полна интереса для меня, даже такая, когда все делается не так, как хочешь. И я не теряю надежды перестроить ее хоть сколько-нибудь в соответствии со своими вкусами и потребностями. И тем более странно мне самой, как упорно возникает в самые неожиданные минуты мысль о конце. На днях я шла на работу, было чудесное утро после дождя, все, казалось, было хорошо. Во дворе Райсовета стоит группа лип, и их нежная вымытая зелень и резко черные влажные стволы вдруг бросились мне в глаза с такой невыразимой, пронизывающей отчетливостью, точно я видела их в последний раз в жизни и впервые постигла всю прелесть этих красок, весны, жизни. И опять мелькнуло: так видеть можно только перед смертью. Это тошно, бессмысленно, но идет откуда-то из глубины, над которой сознание не властно. Может быть, это необходимое уже в мои годы воспитание в себе мужества и готовности к неизбежному.

17/VI – Для всех война кончилась больше года назад, а на моей злополучной работе она все еще чувствуется ежедневно, как не проходящий гнет. Каждый день у моего стола проходят десятки женщин, все еще разыскивающих своих близких, сгинувших в адовом котле 41–42 года, или кладут на стол чистенькие квадратные бумажки свежих извещений с однообразным «пропал без вести». Я деловито перелистываю документы, задаю стандартные вопросы, но гнет скопляется, и я, как одержимая, начинаю видеть сквозь бумажную шелуху тысячи и тысячи этих пропавших без вести. Первые обреченные

жертвы, брошенные в неразбериху отступления, добровольцы народного ополчения, не вооруженные еще опытом и техникой, как победители 44 и 45 года, а только заслон из живых человеческих тел, через который, давя и сокрушая все кровавое месиво, громыхало танковое и авиационное наступление всех лучших фашистских сил. Их разрывало на части при бомбежках, они тонули в реках, умирали от истощения под Ленинградом, гибли сотнями тысяч в плену – нет конца разнообразию этих человеческих судеб, некому было регистрировать, составлять синодики безвестных смертей. И вот прошло пять лет, и сотни тысяч жен и матерей все еще ищут, ждут, надеются, а иногда принимают военкоматовское извещение как избавление от мук неизвестности. И сидя на одном из многочисленных узловых пунктов, куда стекаются их чаяния и горести, я не могу быть просто регистратором, чувствую себя до сих пор участницей и свидетелем небывалого кошмара 41–42 годов. Это иногда кажется непосильным, и еще больше укрепляется желание любым способом вырваться, уйти с этой работы. Надежда уже появилась, мне удалось обломать Голубева, нашего нового начальника, заменившего бесславно снятую с работы Маканову. Опять иду *va-banque*, в неизвестность. Думаю, что хуже не будет, но мне хочется, чтобы было хорошо, чтобы напоследок найти такое применение своим силам, где я могла бы их развернуть в полном размахе, в степень своей зрелости. Недавно я, заканчивая год в университете марксизма-ленинизма, сдавала экзамен по политэкономии.¹⁰⁶ Возврат к учебе мне интересен не только сам по себе, но и как проба своих сил, памяти, способностей. И, несмотря на все убожество авральной, в течение двух дней, подготовки по целому курсу, который по-настоящему должен составлять предмет систематической годичной работы, я иногда с наслаждением ощущала, как ясна голова, как четко и легко все усваивается и запоминается – легче, чем в былые годы. Чувствую, что могла бы плодотворно и с увлечением учиться, но об этом и мечтать не приходится, даже читать серьезно невозможно после моей рабочей нагрузки. И еще раз делаешь вывод, что надо биться за свое освобождение, пока не поздно.

15/VII – Вот снова жизнь на повороте.¹⁰⁷

23/III 1947 г.

Да, ничего не изменилось,
Хоть сердце в пепел сожжено.

Нам жизнь возвращена как милость,
Но жить иль гибнуть – все равно.

¹ Ср.: «5 августа советские войска после ожесточенных уличных боев овладели городом и железнодорожным узлом – Орел и городом Белгород; 13 августа – за три дня напряженных боев заняли свыше 100 населенных пунктов, в том числе город Спас-Деменск; 23 августа – сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом Харьков» (Сообщения советского информбюро: В 8 т. М., 1944–1945. Т. 5. Июль–декабрь 1943 года. С. 59, 75, 90; далее: Сообщения советского информбюро с указанием тома и страницы).

² *Доброжинский Л. Н.* – лектор-международник, майор. В Лектории Горкома ВКП (б) выступал с «Обзорами международных событий».

³ Ср.: «7 августа, суббота... в специальном сообщении о действиях советской авиации Мга названа наряду с крупнейшими железнодорожными узлами: „В ночь на 7 августа наша авиация бомбардировала воинские эшелоны на железнодорожных узлах Харьков, Брянск-1, Брянск-2... Наша авиация подвергла также эффективной бомбардировке станцию Мга, склады и артиллерийские позиции противника, расположенные вблизи этой станции...“» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. СПб., 2011. С. 559).

⁴ В машинописной копии дневника «последний месяц».

⁵ Ср.: «17 августа, вторник. За предыдущие 7 дней вражеская артиллерия выпустила по Ленинграду в общей сложности 256 снарядов. Сегодня враг обрушил на город ураганный огонь. Первый снаряд разорвался на рассвете, в 5 часов 10 минут, последний – в 21 час 50 минут. За все это время был лишь один трехчасовой перерыв, начавшийся в 6 часов 20 минут. Все остальное время – 13 часов 40 минут – Ленинград находился под огнем. Снарядов рвалось столько, что подсчитать их удалось не сразу. Окончательный, уточненный итог: более 2000 снарядов. Пострадали 144 человека» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 564).

⁶ В машинописной копии дневника «собирали лопатами». Ср.: Там же. С. 560.

⁷ В машинописной копии дневника «на 8-й линии». Адрес: В. О., 8-я линия, д. № 31, кв. 12. С начала войны Зеленская жила на ГЭС № 7 и у знакомых.

⁸ Ср.: «31 августа. На днях войска Западного фронта перешли в наступление на Смоленском направлении... за 4 дня боев занято свыше 170 населенных пунктов... На днях войска Центрального фронта также прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника в районе Севска... за 5 дней боев наши войска освободили от немецких захватчиков свыше 200 населенных пунктов» (Сообщение советского информбюро. Т. 5. С. 102).

⁹ *Ширяева Наталья Сергеевна* (1920–1995) – младшая дочь И. Д. Зеленской. См. подробнее в преамбуле.

¹⁰ *Стефан Цвейг* (нем. Stefan Zweig – Штефан Цвейг; 1881–1942) – австр. писатель, критик, автор множества новелл и беллетризованных биографий. Очевидно, имеется в виду книга Цвейга «Ромен Роллан, его жизнь и творчество» (1920); первое издание на русском языке: С. Цвейг. Ромен Роллан, его жизнь и творчество / Пер. с нем. проф. Г. Генкеля. М.; Пг., 1923. 413, [3] с.

¹¹ В 1940 г. в состав промкомбината Свердловского райсовета Отдела местной промышленности Ленгорисполкома входили механический завод (В. О., 13-я линия, д. 70–72) и штамповочный завод (В. О., наб. лейт. Шмидта, д. 21/23). В здании механического завода в начале 1950-х гг. размещался завод спортивных изделий Управле-

ния местной промышленности, а в 2000-х гг. – завод «Музыкальная деталь» и НПО «Муза».

¹² *bête noire* (*фр.*) – ненавистный объект.

¹³ В машинописной копии дневника «нашему Отделу».

¹⁴ Ср.: «В апреле 1943 г. плановая комиссия Ленгорсовета разработала „План первоочередных восстановительных работ по городскому хозяйству Ленинграда на 1943 г.“ <...> Весной и летом в районах Ленинграда создавались ремонтно-строительные конторы. Дело это было трудное, поскольку большинство строителей еще в начале войны ушло в саперные части, и в городе подходящих кадров не имелось. <...> По всему городу развернулся, как тогда говорили, „заплаточный ремонт“. И, может быть, самым срочным, самым массовым видом „заплаточных“ работ в 1943 г. был ремонт кровли. За годы войны крыши большинства зданий Ленинграда были разрушены во время авианалетов и артобстрелов, повреждены осколками зенитных снарядов или просто нуждались в текущем ремонте, который не производился с июня 1941 г. Весной и осенью кровли начинали протекать, разрушая потолки верхних этажей, создавая угрозу сохранности большей части уцелевшего жилого фонда Ленинграда. На третьем году войны это приняло характер массового бедствия» (*Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н., Шишкин В. А.* Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. 3-е изд. Л., 1985. С. 259–260).

¹⁵ Ср. с воспоминаниями второго секретаря Смольнинского РК ВКП(б) Т. А. Петровой от 28 окт. 1943 г.: «...главными кровельщиками у нас были женщины и ребяташки. На одном из объектов по Херсонской улице, д. 9, у нас работала бригада 14–15-летних кровельщиков. Бригадиром был мальчик 15 лет. В докладной записке, которую он называл „накладной“, мальчик жаловался на одну из своих работниц: „...она плохо работала, потому что она принесла с собой куклу и играла на крыше с куклой. Когда я сделал ей замечание, то она после обеда принесла кроме куклы еще и куклину кровать. Прошу принять меры“. Несмотря на такую неквалифицированную силу, все же около 500 тыс. кв. м кровли были отремонтированы неплохо» (Оборона Ленинграда. С. 428–429).

¹⁶ В машинописной копии дневника «Кроленко (юристом)».

¹⁷ *Кроленко Александр Александрович* (1889–1970). В 1911 г. окончил юридический фак. Петербургского ун-та. В 1915 г. поступил юрисконсультom в техническую организацию Министерства земледелия, а 1917 г. был принят в число присяжных поверенных. С 1918 г. начал работать в сфере книготорговли, в частности, вошел в правление трудовой артели «Наука и школа», председателем которой был акад. и проф. Н. А. Котляревский. С 1921 г. – директор издательства «Academia» в Петрограде (Ленинграде) до перевода издательства в 1928 г. в Москву. Был также ленинградским представителем издательств «Федерация» и «ГИХЛ» (1929–1930 гг.), науч. сотр. Института книговедения (1926–1933 гг.) и преподавателем Гос. техникума печати, где организовал «кабинет-лабораторию книжного дела». Заведовал издательской частью Акад. Театра драмы им. А. С. Пушкина (1933–1938 гг.) и Малого оперного театра (1936–1943 гг.). После войны активно выступал с докладами по редакторско-издательскому делу в институтах, редакциях издательств (см.: *Дацюк И. В.* Издательская и научная деятельность А. А. Кроленко по материалам личного фонда в ОР РНБ // Книга. Культура. Читатель: Сб. науч. трудов по материалам 10-х Смирдинских чтений. СПб., 1998. Т. 149. С. 78–95).

¹⁸ *Кузмин Михаил Алексеевич* (1872–1936) – русский поэт Серебряного века, переводчик, прозаик, композитор, сотрудничал в издательстве «Academia», в котором был издан сб. его стихов «Новый Гуль» (Л., 1924).

¹⁹ *dii minores* (лат.) – буквально: младшие боги; люди, занимающие второстепенное общественное положение.

²⁰ О литературной деятельности И. Д. Зеленской подробнее см. в преамбуле.

²¹ Государственная электростанция № 7 (тепловая) им. В. Слуцкой. Была пущена в эксплуатацию 1 окт. 1932 г., располагалась по адресу В.О., Кожевенная линия, д. 33. Обеспечивала электрической и тепловой энергией промышленные предприятия, жилые и общественные здания Василеостровского района Ленинграда.

²² Руководящая сотрудница Промкомбината.

²³ *Незлобина Анна Яковлевна* – старший инспектор Отдела гособеспечения семей военнослужащих райисполкома Свердловского района Ленинграда.

²⁴ *Маканова Юлия Тимофеевна* – зав. Отделом гособеспечения семей военнослужащих райисполкома Свердловского района Ленинграда

²⁵ В машинописной копии дневника «но мне (подход Ю<ли> Т<имоефевны>) больше по нутру».

²⁶ Сослуживица И. Д. Зеленской, работала буфетчицей на 7-й ГЭС.

²⁷ В машинописной копии дневника «в 12-м часу ночи».

²⁸ Сталепрокатный завод, основанный в 1857 г. купцом Ф. А. Шопеном как бронзо- и чугунолитейный завод, к концу XIX в. стал железопрокатным и проволочно-гвоздильным. С 1919 г. завод – «Красный гвоздильщик», в 1940 г. переименован в Сталепрокатный, который до 1957 г. носил имя В. М. Молотова. Занимал территорию на 25-й линии В. О. от набережной Масляного канала до Косой линии, но все здания числились под одним № 8. Во время войны большая часть оборудования завода была эвакуирована в г. Каменск-Уральский Свердловской обл. На оставшемся в Ленинграде оборудовании выпускали гранаты, крепеж и пружины для пистолетов-пулеметов Дегтярева и др. На заводе был изготовлен бронекабель, проложенный по дну Ладожского озера. С конца 1950-х гг. завод осваивает производство специальных сплавов, использовавшихся при производстве электротехнического оборудования и аппаратуры, вычислительных машин и др. В постперестроечное время преобразован в ООО «СПЗ ДУГА», ликвидированное в 2009–2011 гг., здания завода снесены.

²⁹ Фильм-комедия. Режиссер Г. Раппапорт, автор сценария Е. Петров. Фильм снят в 1943 г. на Центральной Объединенной киностудии художественных фильмов в Алма-Ате. В главных ролях – М. Жаров и Л. Целиковская. Премьера состоялась 26 авг. 1943 г.

³⁰ О преобладании фильмов американского производства в кинопрокате этого времени см. публикацию Н. А. Прозоровой дневника М. В. Васильевой в наст. изд.

³¹ *Королева* (в замуж. *Бискаева*) *Вера* – соседка И. Д. Зеленской (вероятно, по адресу: В. О., 8-я линия, д. № 3), которая из-за повреждений квартир несколько раз меняла место жительства.

³² Имеется в виду родильный дом, расположенный по адресу В. О., Большой пр., д. 49/51. Построен 1897–1899 гг. по проекту К. К. Шмидта, с 1914 г. – «Александровский приют для женщин». После 1918 г. был переименован в Родильный дом им. К. Г. Видемана, в честь доктора медицины, бывшего директором и старшим ординатором с момента основания роддома, и именовался так вплоть до 1950-х гг. В настоящее время – Родильный дом № 1.

³³ *Ширяева Татьяна Сергеевна* (1916–1993) – старшая дочь И. Д. Зеленской. См. подробнее в преамбуле.

³⁴ Очевидно, И. Д. Зеленская была назначена председателем районной комиссии по проведению предварительной технической инвентаризации жилого фонда. Ср.: «На

1 ноября 1943 г. из 7752 каменных домов около 2000 (не считая полностью уничтоженных) имели повреждения от артобстрелов и бомбежек от 20% и выше» (см.: *Манасов Н. А.* В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л., 1961. С. 84).

³⁵ Медаль «За оборону Ленинграда» – государственная награда СССР для награждения защитников города Ленинграда (военных и мирных жителей). Учреждена 22 дек. 1942 г., став одной из первых советских медалей военного времени одновременно с медалями «За оборону» Одессы, Севастополя и Сталинграда.

³⁶ 3 сент. 1943 г. подписано перемирие Союзников с Италией, о чем публично было объявлено 8 сент. 1943 г. Перемирие было заключено между правительством Италии и силами Союзников, оккупировавших к тому моменту юг страны, и повлекшее за собой капитуляцию Италии. В Италии оно называется также «Перемирием Кассибли» (по названию населенного пункта, в котором состоялось подписание) или «Перемирием 8 сентября».

³⁷ В машинописной копии дневника «Большом пр<оспекте>». Очевидно, имеется в виду Большой пр. В. О. (с 1922 по 1944 г. носил название пр. Пролетарской победы).

³⁸ Балтийский завод основан в 1856 г., располагался по адресу В. О., Кожевенная линия, д. 17–18. Специализировался на постройке металлических кораблей для военного флота России, а также паровых машин и других судовых механизмов. В годы Великой Отечественной войны Балтийский завод работал на нужды фронта. Специалисты предприятия наладили массовый выпуск боеприпасов, ремонтировали корабли, строили минные тральщики, организовали производство барж и тендеров для ладожской Дороги жизни. В настоящее время ОАО «Балтийский завод» – судостроительное предприятие, являющееся частью судостроительной корпорации.

³⁹ Т. е. фасада роддома им. К. Г. Видемана.

⁴⁰ Очевидно, по долгу службы И. Д. Зеленская была знакома с закрытыми постановлениями. Например, одно из таких постановлений – «ВКП(б) к заместителю председателя ГКО СССР В. М. Молотову и председателю гос. Плановой комиссии при СНК СССР о включении Ленинградской промышленности в народнохозяйственный план страны. Не ранее 20 и не позже 23 июля 1943 г. Совершенно секретно» – было издано на основе обращения ленинградского руководства к В. М. Молотову и Н. А. Вознесенскому. «Обращение было продиктовано тем, что в 1943 г. эвакуация ленинградской промышленности стала приобретать характер „раскулачивания“ предприятий. В четвертом квартале сначала оборонные предприятия, а затем и вся промышленность Ленинграда были включены в народнохозяйственный план страны» (см.: Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 174, 584–585).

⁴¹ В машинописной копии дневника «„добрые“ соседи».

⁴² По адресу ул. Смольного, д. 4, с начала XIX в. находились градские богадельни, реорганизованные в декабре 1918 г. в Смольную больницу для хроников, в дальнейшем – инвалидный дом им. К. Маркса (для хроников) ЛЕНГОРСО. В настоящее время Психоневрологический интернат № 1, переведенный в 2008 г. в г. Зеленогорск по адресу ул. Мира, д. 6.

⁴³ Фабрика «Пластмасс» находилась в ведении Промкомбината Свердловского райсовета и располагалась по адресу В. О., Косая линия, д. 15 -а.

⁴⁴ *Потков П. С.* – председатель исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся.

⁴⁵ В машинописной копии дневника «Косой линии».

⁴⁶ В машинописной копии дневника «Дома хроников».

⁴⁷ В машинописной копии дневника «Отдел (гособеспечения)».

⁴⁸ Старшая дочь Зеленской до войны окончила Ленинградский электротехнический институт (ныне СПбГЭТУ «ЛЭТИ») и работала инженером-радиостом на закрытом заводе № 79 в Ленинграде вместе со своим мужем. Завод был эвакуирован в Куйбышев (ныне Самара), где оба продолжили работать до конца войны.

⁴⁹ С 1927 г. районный центр Ленинградской обл. в 314 км от Великого Новгорода, образованный из возникшей в 1919 г. станции на железной дороге Москва–Петроград, в 1965 г. стал городом районного подчинения. После окончания в 1943 г. эвакуированного в Москву ЛИИЖТа Наташа работала инженером в ремонтно-восстановительных поездах № 409–412 Наркомата путей сообщения.

⁵⁰ *Терентьев Николай Семенович* – муж старшей дочери И. Д. Зеленской – Татьяны.

⁵¹ В машинописной копии дневника «температура».

⁵² В машинописной копии дневника «с вечными заячьими ушами на макушке (от.зубов)».

⁵³ Ср.: «5 декабря, воскресенье. ...На улицах Ленинграда рвались снаряды. Рвались ночью, утром и днем. ...Всего в этот день в городе разорвалось 177 снарядов. Ранено и убито 84 человека. ...6 декабря, понедельник. ...Всего в Ленинграде сегодня разорвалось 138 снарядов» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 621–622).

⁵⁴ Фильм-мелодрама по мотивам произведений К. Симонова. Режиссер А. Столпер совм. с Б. Ивановым, автор сценария К. Симонов. Фильм снят в 1943 г. на Центральной Объединенной киностудии художественных фильмов в Алма-Ате. В главных ролях – Б. Блинов и В. Серова. Премьера состоялась 22 нояб. 1943 г.

⁵⁵ О первом ребенке Веры (см. примеч. 31) до этого момента в дневнике упоминаний нет.

⁵⁶ В машинописной копии дневника «2-го января».

⁵⁷ Личность не установлена. Ср., очевидно, это же происшествие описано у А. В. Булова: «2 января, воскресенье. Сегодняшний обстрел во много раз сильнее вчерашнего. Гитлеровцы выпустили по городу более 100 снарядов. Двумя снарядами, разорвавшимися в доме № 29 по Невскому проспекту, разрушены две квартиры. Убито пять человек. Пятерых завалило обломками» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 639–640).

⁵⁸ В машинописной копии дневника это предложение написано прописными буквами.

⁵⁹ Ср.: «Войска Ленинградского фронта, продолжая успешное наступление, 24 января овладели городом Пушкин (Царское село), городом Павловск (Слуцк), а также с боями заняли более 40 других населенных пунктов...» (Сообщение советского информбюро. Т. 5. С. 38).

⁶⁰ Ср.: «24 января, понедельник. ...Фронт все больше отдалается от Ленинграда. Уже не доносятся до города раскаты артиллерийской канонады. Надписи на стенах домов, предупреждающие прохожих о том, что „при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна“, стали историей...» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 659).

⁶¹ См. подробнее об этом в преамбуле.

⁶² Об истории обнаружения дневника см. в преамбуле.

⁶³ В машинописной копии дневника «Александр Иванович Чистяков». *Чистяков Александр Иванович* – главный энергетик 7-й ГЭС и секретарь ее партийной организации. И. Д. Зеленская многократно упоминает его в «Блокадном дневнике», а в записи от 18/VIII <1941 г.> называет одним из «самых милых» из своих коллег («Я не сдамся до последнего...»). С. 17, 206).

⁶⁴ В машинописной копии дневника «до самой смерти».

⁶⁵ См. примеч. 5 в преамбуле.

⁶⁶ В машинописной копии дневника «печатные экземпляры»). Имеются в виду три машинописные копии «Блокадного дневника» с записями с 7 июля 1941 г. по 6 мая 1943 г. См. преамбулу к публикации.

⁶⁷ В машинописной копии дневника запись под этим числом отсутствует.

⁶⁸ Скорее всего, речь идет о близком знакомом Зеленой по жизни в Нижнем Новгороде П. А. Званцева.

⁶⁹ Первое собрание сочинений Ромена Роллана на русском языке было подготовлено издательствами «Время» и «Художественная литература»: *Роллан Ромен. Собр. соч. / С предисл. автора, М. Горького, А. П. Луначарского и С. Цвейга; Под общ. ред. проф. П. С. Когана и акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1930–1936. Т. 1–20.*

⁷⁰ *Ширяев Юрий (Георгий) Михайлович* – внук И. Д. Зеленой, сын младшей дочери Натальи, родился в Ленинграде 21 сент. 1944 г.

⁷¹ В тексте так.

⁷² С этой даты начинаются записи И. Д. Зеленой в записной книжке № 8. В машинописной копии дневника запись под этим числом отсутствует.

⁷³ Дочь П. А. Званцева. См. примеч. 68.

⁷⁴ *Лидия Николаевна Сливинская* – мать Бориса, умершего мужа младшей дочери И. Д. Зеленой. *Наташа* – младшая дочь Л. Н. Сливинской.

⁷⁵ В машинописной копии дневника «неделей позже».

⁷⁶ *Лидия Николаевна Бильченко* – сестра матери И. Д. Зеленой. Умерла 27 авг. 1945 г., похоронена на Смоленском кладбище.

⁷⁷ В машинописной копии дневника «8-ю линию».

⁷⁸ Здесь речь идет о младшей дочери И. Д. Зеленой.

⁷⁹ *Герентьева Марина Николаевна* – внучка И. Д. Зеленой, дочь старшей дочери Татьяны. Подробнее см. в преамбуле.

⁸⁰ Далее в записной книжке вырван лист, но запись, находящаяся на нем, воспроизведена (полностью или частично) в машинописной копии дневника.

⁸¹ Очевидно, речь идет о начале «холодной войны» – глобальной геополитической, военной, экономической и идеологической конфронтации между СССР и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками, с другой стороны, длившейся с 1946 по 1991 г. (45 лет), формальным началом которой считается дата 5 марта 1946 г., когда Уинстон Черчилль (на тот момент уже не занимавший пост премьер-министра Великобритании) произнес свою знаменитую речь в Фултоне (США, штат Миссури), в которой выдвинул идею создания военного союза англосаксонских стран для борьбы с мировым коммунизмом. Неделями позже И. В. Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР (Правда. 1946. 14 марта. № 62. С. 1).

⁸² Историческое и курортное место в окрестностях Риги. В XIII в. здесь жили ливы и место называлось Колдесселле – песчаная дюнная гора, которое немцы-переселенцы переименовали в Колцене. Во время Ливонской войны Йохан Биринг со своим войском освободил местности, занятые войсками Ивана IV (Грозного), получив за это в качестве награды от польско-литовского короля Колценское имение. Биринг был легендой латышских крестьян, поэтому в народе Колцене называли Биринским имением вплоть до начала XX в.

⁸³ Санаторий размещался в здании замка Бирини – роскошном историческом строении в стиле неоготики, которое было построено в 1860 г. семьей фон Пистолькорсов, представителей родовитого шведского дворянского рода, по проекту архитектора В. Ф. Гессе. У здания был богатый декор, созданный немецкими скульпторами К. Д. Раухом и И. Шредером, но скульптуры и рельефы, некоторые элементы которых

скопированы с интерьеров берлинского королевского дворца, почти полностью были утрачены во время Первой мировой войны. В 1925 г. Больничная касса книгопромышленников начала перестраивать замок Бирини и открыла санаторий, в котором лечили астму и сердечные заболевания. После Второй мировой войны в замке Бирини вновь был обустроен санаторий, в который приезжали отдыхающие со всего Советского Союза.

⁸⁴ В машинописной копии дневника («на редкость удачно»).

⁸⁵ sarkane Armiija; varonī (*латыш.*) – красная армия; герой.

⁸⁶ В машинописной копии дневника («потому что»).

⁸⁷ Семейство фон Пистолькорсов владело Кольценом вплоть до аграрной реформы. 1920 г.

⁸⁸ Очевидно, речь идет о *Карнович (в замуж. Фон Пистолькорс) Ольге Валериановне* (1865–1929), которая после развода с Эриком-Гергардтом Августом фон Пистолькорсом тайно вступила в брак в Ливорно (Тоскана, Италия) с вел. кн. Павлом Александровичем. За этот проступок Николай II лишил вел. кн. всех привилегий, но позже простил его. Ольге Валериановне в 1904 г. был дарован титул графини фон Гогенфельзен, а в 1913 г. – графини Палей. По свидетельству современников, она была замечательно красива. Источник:

<http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:745604> (дата обращения: 30.01.2014).

⁸⁹ В машинописной копии дневника («в этом семействе»).

⁹⁰ По некоторым данным, жена одного из владельцев замка Августа фон Пистолькорса – Эмилия Гардер приходилась племянницей Санкт-Петербургскому банкиру, основателю Центрального училища технического рисования барону *фон Штиглицу Александру Людвиговичу* (1814–1884) (<http://www.gazeta.lv/story/22074.html> дата обращения: 30.01.2014). Однако известно, что А. Л. Штиглиц был единственным сыном и наследником придворного банкира Л. И. фон Штиглица. Александр Людвигович был женат на Каролине Карловне (урожд. Миллер), и их единственный сын Людовиг (1842–1843) умер младенцем. В 1844 г. бездетная чета Штиглицев усыновила подброшенную к ним в дом внебрачную дочь вел. кн. Михаила Павловича, Надежду Михайловну Юневу (Юневу; 1843–1908). В 1861 г. она вышла замуж за А. А. Половцова. Большую часть капиталов А. Л. фон Штиглиц завещал приемной дочери и ее семье. О перипетиях жизни семьи фон Пистолькорсов см. в указанной ссылке.

⁹¹ *Rérix (Рёрих) Николай Константинович* (1874–1947) – русский художник, сценограф, философ-мистик, писатель, путешественник, археолог, общественный деятель. Скорее всего, И. Д. Зеленская обращалась к редкому изданию, в которое вошли статьи В. Н. Иванова «Рерих: художник-мыслитель» и Э. Голлербаха «Искусство Рериха» с репродукциями 123 картин: Рерих. Рига, 1939. Ч. 1.

⁹² Первый музей Рериха был основан в 1923 г. и официально открыт для публики в 1924 г. в Нью-Йорке (Риверсайд-драйв, д. 310) с помощью тесного круга соратников Рериха при финансовой поддержке бизнесмена Луиса Хорша. С 1929 г. музей и все рериховские учреждения размещались в специально построенном здании на месте прежнего музея – 29-этажном небоскребе *The Master Building* (Дом Мастера) – самом крупном и самом известном проекте Н. К. и Е. И. Рерихов и их последователей в США. Однако конфликт между Рерихами и Хоршем, начавшийся в 1935 г., привел к разорению всех американских организаций Рериха и, в том числе, к закрытию музея (см.: *Ольховая О.* Музей Николая Рериха в Нью-Йорке // *Восход.* 2008. № 4).

⁹³ В 1923–1928 гг. Н. К. Рерих путешествовал по Индии и Центральной Азии. В Индии он изучал первоисточники классической восточной философии и современ-

ные философские течения. По окончании Центрально-Азиатской экспедиции в 1928 г. в Нью-Йорке был основан Институт Гималайских исследований, а затем в Западных Гималаях, в долине Кулу, Н. К. Рерих основывает Институт «Урусвати», что в переводе с санскрита означает «Свет Утренней звезды». В Институте работали медицинская, зоологическая, ботаническая, биохимическая и многие другие лаборатории. Проводилась работа в области лингвистики и филологии Востока. С 1931 г. при Институте издавался ежегодник, в котором публиковались результаты научной деятельности его сотрудников. С началом Первой мировой войны Институт Гималайских исследований лишился возможностей к деятельности и был законсервирован (см.: *Росов В. А. Биохимическая лаборатория в Гималаях // Ариаварта. 1998. № 2. С. 194–195*). На протяжении многих лет Рерих был директором школы Общества поощрения художеств в России.

⁹⁴ *Лао-Цзы (Лао Тце)* (кон. VI в. – нач. V в. до н. э.) – китайский философ, автор древнекитайского классического даосского трактата «Лао-цзы» (др. название «Дао дэ цзин»). Согласно традиции, Лао-Цзы в VI–V вв. до н. э. был архивариусом при чжоуском дворе; большинство современных ученых считает его фигурой легендарной, трактат же написан в конце IV – начале III в. до н. э. Написанный в афористической форме крайне лаконичным языком, трактат дает простор для разнообразных интерпретаций. Он был каноническим сочинением религиозного даосизма и многократно переводился на европейские языки. *Сакья-Муни – Шакья-муни* (по некоторым оценкам, время его жизни – 624–544 гг. до н. э.) – мудрец из племени шакьев – наиболее распространенное имя, прозвище легендарного основоположника буддизма, применяемое к тому периоду его жизни, когда он уже получил «просветление», т. е. стал Буддой (букв. Мудрец из рода Шакья).

⁹⁵ В машинописной копии дневника «вещи второго периода». Имеется в виду заграничный период творчества Н. К. Рериха. В 1916 г. из-за тяжелой болезни легких Н. К. Рерих по настоянию врачей вместе с семьей переезжает в Финляндию (Сердоболь), на побережье Ладожского озера. После революционных событий 1917 г. Финляндия закрыла границы с Россией, и Н. К. Рерих с семьей оказался отрезанным от Родины. С 1919 г. его приглашают с выставками в страны Скандинавии, Лондон, США, в 1924 г. он уезжает в Индию. В отличие от первого, так называемого русского периода, «в котором была и декоративность, и живописность, и историческая правда», во второй период в творчестве Н. К. Рериха «начали преобладать мотивы восточного эпоса, пейзажи Гималаев, сюжеты, связанные с легендой о заповедной стране Шамбала» (*Миллер А. Нежизненные суждения или искусствоведческая отравка. Сайт Эстонского Общества Рериха. Опубликовано 11.02.2012. Автор: agnivesti.ru*)

⁹⁶ Картина Н. К. Рериха «Вайделоты» была написана в 1914 г. и находилась в частной коллекции. «Вайделоты» у литовцев и пруссов – жрецы-прорицатели, стерегшие священный огонь и при необходимости приносившие жертвы Перкунасу (Перуну). В своем очерке «Моя поездка по Литве» (1937 г.) Рерих вспоминает: «Была и картина „Вайделоты“. На поляне среди священных дубов творились древние обряды. Где она теперь – не знаю. Также была картина „Перкунас“. Еще недавно через Женеву пришла весть, что картина существует у какой-то собирательницы. Итак, сколько вестей о славном литовском эпосе разлетелось по миру» (см. ред. коммент. к кн.: Письма Елены Рерих. 1929–1938. Минск, 1992. Т. 2. С. 263).

⁹⁷ И. Д. Зеленская в молодости брала уроки рисования. В семейном архиве хранятся несколько ее живописных работ.

⁹⁸ Государственный академический русский народный хор им. М. Е. Пятницкого – российский музыкальный коллектив, исполняющий народную музыку. Родона-

чалником народного хорового пения на профессиональной сцене и организатором первого в России народного хора стал *Митрофан Ефимович Пятницкий* (1864–1927) – знаток певческого искусства, знаменитый «собираатель» русских песен. Первый концерт коллектива состоялся в 1911 г. в Москве на сцене Благородного собрания. Перед публикой предстали поющие крестьяне – прямо от земли, от сохи, с завалинки. Первоначальный состав насчитывал 18 человек из трех срединных российских губерний. И до начала 1920-х гг. певцов приглашали на концерты в Москву, а затем они возвращались в свои деревни. Лишь через 10 лет М. Пятницкий перевез участников хора на жительство в столицу, и они стали выступать в постоянном составе.

⁹⁹ *Карлис Аугустс Вилхелмс Улманис* (латыш. *Kārlis Augusts Vilhelms Ulmanis*, в Российской империи Карл Индрикович Ульманис) (1877–1942) – латвийский политический и государственный деятель, один из руководителей латвийской буржуазной контрреволюции. Лидер буржуазной партии «Крестьянский союз». С 1918 по 1934 г. неоднократно возглавлял правительство.

¹⁰⁰ В 1934 г. К. Ульманис произвел государственный переворот и установил личную диктатуру. В 1936–1940 гг. премьер и президент Латвии. После ввода советских войск в Латвию, 21 июля 1940 г., ушел в отставку, обратился к советскому правительству с просьбой о пенсии и выезде в Швейцарию. 22 июля 1940 г. депортирован в административном порядке через Москву в Ворошиловск (Ставрополь). 4 июля 1941 г. был арестован и 1 авг. 1942 г. переправлен в г. Красноводск (ныне Туркменбаши) в Туркмении. Умер по дороге к месту заключения. Похоронен на местном кладбище, но могила не найдена. В 1991 г. в числе других было пересмотрено и дело Ульманиса, но и в этот период попытки найти могилу Ульманиса и вернуть тело президента на родину оказались безуспешными.

¹⁰¹ *jaunsaimniecības (латыш.)* – новые фермы.

¹⁰² В машинописной копии дневника «осталось всего 6 человек».

¹⁰³ В машинописной копии дневника добавлен перевод с немецкого – «(услуживые убийцы)».

¹⁰⁴ В машинописной копии дневника добавлен перевод с немецкого – «(слушание)».

¹⁰⁵ *krievs (латыш.)* – русский. От «кривичи» – названия одной из крупных групп средневекового населения Восточной Европы. Впервые упоминается русской летописью среди других славянских и неславянских племен. Происхождение названия обычно связывается с именем литовского жреца (родоначальника) Криве. Отсюда же и латыш. *Krievija* — «Россия».

¹⁰⁶ Университет марксизма-ленинизма (УМЛ) – форма высшего звена системы просвещения КПСС. На обучение в УМЛ направлялись не только члены КПСС, но и беспартийные граждане СССР. Направления давались партийными комитетами с места работы слушателей. Первые УМЛ создавались в 1938 г. как форма идеино-теоретической подготовки членов коммунистической партии, их марксистско-ленинского воспитания. В 1940 г. было около 40 УМЛ, в которых обучалось 12 тыс. слушателей. В 1956 г. работало 288 университетов с числом слушателей 149 тыс. Слушатели УМЛ обучались бесплатно и без отрыва от производства. Комплектование УМЛ производилось комитетами КПСС, при которых созданы университеты. В университете принимались в основном люди с высшим образованием. Прием был без вступительных экзаменов. Учебный год начинался 1 окт. и заканчивается в июне. Срок обучения – 2–4 года. В УМЛ было три факультета: общий, партийно-хозяйственного актива и пропагандистский. Слушатели изучали историю КПСС, политэкономия, диалектический и исторический материализм, научный коммунизм, вопросы

экономической политики КПСС на современном этапе, вопросы управления производством, партийного и советского строительства, литературы и искусства, основы советского законодательства, общественную психологию, внешнюю политику СССР и современные международные отношения, журналистику, философию и т. д. По окончании УМЛ сдавались выпускные экзамены, зачеты и дипломные работы. Выпускники УМЛ получали высшее политическое образование. Им выдавались дипломы об окончании университета и нагрудные значки. УМЛ были закрыты к 1992 г. в связи с окончанием строительства в стране развитого социализма и началом строительства капитализма.

¹⁰⁷ Эта запись отсутствует в машинописной копии дневника.

II. ИНФОРМАЦИЯ

А. Д. Клименко
**МАТЕРИАЛЫ И. А. БРОДСКОГО
В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА**

Первоисточником всех биографических сведений, материалов для исследования творческого пути Иосифа Александровича Бродского (1940–1996), но самое важное – хранилищем источников текста являются личный архив поэта и материалы архивов других лиц. Усложняет работу исследователей тот факт, что материалы архива Бродского рассредоточены: «ленинградский архив» хранится в Российской национальной библиотеке (ОР РНБ, ф. 1333), обширное собрание архивных материалов, оставшееся после смерти поэта в Америке, с 2004 г. находится в библиотеке Бейнеке Йельского университета.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома содержится лишь небольшая часть материалов Бродского. Среди них можно выделить творческие материалы поэта (автографы произведений, авторизованные машинописи, списки, корректурные оттиски) и воспоминания о Бродском, упоминания о нем в дневниках, письмах и пр. Отдельный корпус представляют биографические документы, связанные со скандально известным судом над литератором («по делу И. Бродского»).

В настоящей работе ставится следующая архивно-исследовательская задача – выявление и описание материалов Бродского, рассеянных по разным фондам Рукописного отдела ИРЛИ. Обзор этих разрозненных документов, поступивших в Рукописный отдел в разное время с 1987 по 2012 г., будет предпринят впервые. В обзор включены все выявленные на сегодня материалы о Бродском, как опубликованные, так и не публиковавшиеся ранее. Однако этот обзор архивных материалов не может претендовать на полноту, так как значительная часть современных Бродскому фондов еще не прошла научно-техническую обработку. Выявленные документы описываются в обзоре по тематическим разделам: сначала творческие материалы (автографы произведений, списки, машинописи); затем письма и дарительные надписи; биографические документы;

воспоминания о И. Бродском, упоминания о нем в дневниках, письмах и в других документах.

Творческие материалы

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится несколько автографов поэта на отдельных листах. При описании творческих материалов дается название произведения или приводится первая строка; указывается датировка, если она есть в тексте; дается краткое описание рукописи.

Наиболее ценные материалы – автографы стихотворений Бродского и авторизованные машинописи, переданные на хранение в Рукописный отдел Пушкинского Дома Зоей Борисовной Томашевской¹ (Р. I, оп. 27, № 296). Приведем полистное описание автографов стихотворений (л. 5–14).

Л. 5: «Спаситель родился в лютую стужу...» (печатается под названием «Рождество 1963 года») с датой «7167» (7 января 1967 г. – А. К.); белой автограф. На тетрадном листе в клетку вверху страницы нарисована шестиконечная звезда («Звезда Давида»). Подпись-автограф. Черная шариковая ручка.

Л. 6: «Деревья в моем окне, в деревянном окне...» с датой «29.XII.64»; белой автограф. Лист формата А 4. Подпись-автограф. Синяя шариковая ручка.

Л. 7 об.–8: «Прощание». Б. д. Беловой автограф. Перевод стихотворения Отара Чиладзе. Вверху страницы написано – «Отар Чиладзе», ниже – название стихотворения. Лист формата А 4, синяя шариковая ручка.

Л. 9–11 об.: «Прощайте, мадемуазель Вероника». Б. д. Автограф с незначительной правкой, имеются расхождения с основным текстом.² Лист формата А 4, синие чернила.

¹ Томашевская Зоя Борисовна (1922–2010) архитектор-художник, дочь друзей Анны Ахматовой – Томашевского Бориса Викторовича, выдающегося литературоведа, и его жены Ирины.

² См.: *Бродский И. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост. Г. Комаров. СПб., 1992–1995.

1 строфа: 2 «что весьма реально, раз мясорубки» – «что вполне реально, раз мясорубки».

II строфа: 1 «то через двадцать лет, когда мой ребенок» – «то лет через двадцать, когда мой отпрыск»; 2 «сегодня визжащий среди пеленок» – «не сумев отоварить лавровый отблеск».

Л. 12: «Замерзший повод жжет ладонь...». Б. д. Автограф с правой, встречаются расхождения с основным текстом.³ В правом верхнем углу листа название цикла «Из „Старых английских песен“», ниже – «II. [Всадник]». Первоначальное название зачеркнуто. Лист формата А 4, синяя шариковая ручка.

Л. 13–13 об.: «Послание к стихам» (стихотворение известно под названием «К стихам»). Б. д. Беловой автограф. Без эпиграфа. Лист формата А 4, синяя шариковая ручка.

Л. 14: «I. Мальчик» («Заспорят ночью мать с отцом...»). Б. д. Беловой автограф. Стихотворение из цикла «Из „Старых английских песен“», под названием «Мальчик» встречается впервые, печатается в составе цикла без названия по первой строке. Лист формата А 4, синяя шариковая ручка.

Л. 15–52 – авторизованные машинописи.

Л. 15–Л. 16 об.: «Большая элегия Джону Донну» с датой «7 марта 63 в Ленинграде». Стихотворение. Авторизованная машинопись. Дата проставлена карандашом, подпись-автограф – черными чернилами.

Л. 19–20: «Теперь так мало греков в Ленинграде...» (печатается под названием «Остановка в пустыне»). Стихотворение. Б. д. Авторизованная машинопись. Внизу страницы черной шариковой ручкой сделана дарственная надпись.

Л. 21–25: «Холмы». Стихотворение. Б. д.; л. 25: «Я обнял эти плечи и взглянул...» с датой «2.II.62». Авторизованные машинописи с исправлениями синей шариковой ручкой. На л. 22 рукой автора поправлен один стих. Внизу л. 24 сделана дарственная надпись синими чернилами.

Л. 27–37: «Исаак и Авраам» с датой «2.VIII.68» (видимо, дата дарения, так как произведение датировано 1963 г.). Поэма. Авторизованная машинопись с исправлениями (сделаны карандашом и синими

Нет IV строфы «Данная поза, при всей приязни...», вместо нее: «У пророков не принято быть здоровым...» (в основном тексте эта строфа под номером V), далее нумерация строф сдвигается.

VII строфа «В нашем прошлом – величье, в грядущем – проза...»: 6 «меньше раскинутых рук распятыя» – «много меньше раскинутых рук распятыя», 7 «То есть эта находка певца хромого» – «Так что эта находка певца хромого», 9 «предо мной маячит подобьем *вета*» – «предо мной маячит подобьем *вето*».

Нет XIV строфы «Кресло стоит и вбирает теплый...».

XIII строфа «Не догонит!.. Поелику ты – как облак» (в основном тексте – XVI): 9 «Навсегда – не слово, а *чуть не цифра*» – «Навсегда – не слово, а *вправду цифра*».

³ 3-я строфа «Не чует конь моих тревог...» в основном тексте 2-я.

чернилами). Посвящение «М. Б.» – вписано красным карандашом под заглавием. Подпись-автограф и дата – простым карандашом.

Л. 46–48: «Письмо в бутылке» с датой «1965». Авторизованная машинопись. Дата вписана черной шариковой ручкой (рукой автора).

Л. 49–52: «Натюрморт» с датой «1971». Авторизованная машинопись. Название черной шариковой ручкой, эпитафия и подпись-автограф – синей шариковой ручкой (чернила разных оттенков).

Один из автографов Бродского хранится в архиве В. Б. Кривулина⁴ (ф. 844). Это белой автограф стихотворения «Классический балет есть замок красоты...», написанного в 1975–1976 гг. Стихи, якобы присланные В. Б. Кривулину в 1978–1979 гг. По иным сведениям, возможно, – автограф, оставленный В. Кривулину кем-то из уезжающих в эмиграцию.

Л. 1 об.: «Классический балет есть замок красоты...». Стихотворение. Б. д., без посвящения (печатается с посвящением Михаилу Барышникову), без подписи. Строфы не выделены, после текста – горизонтальная линейка. Встречаются единичные расхождения с основным текстом.⁵ Лист формата А 4, синяя шариковая ручка. Чернила местами размыты водой. На обороте листа машинопись стихотворений 1975–1976 гг.: «Всегда остается возможность выйти из дому на...», «Если что-нибудь петь, то перемену ветра...», «Я не то что схожу с ума, но устал за лето...».

Менее ценные материалы (неавторизованные списки и машинописи стихотворений, оттиски) рассеяны по разным фондам Рукописного отдела.

Так, в архиве А. И. Гитовича⁶ (ф. 756) хранятся списки стихотворений Бродского 1958–1962 гг. Плотная желтоватая бумага, зеленая шариковая ручка. 4 л. об.

Л. 1–1 об.: «Стихи под эпитафией» (незначительные расхождения с основным текстом); л. 1 об.–2: «И вечный бой...»; л. 2: «Сонет» («Переживи всех...»); л. 2–2 об.: «Воротишься на родину. Ну что ж...»;⁷ л. 2 об.–3: «Стансы» («Ни страны, ни погоста...»),⁸ л. 3–3 об.:

⁴ Кривулин Виктор Борисович (1944–2001) – российский поэт, прозаик, эссеист.

⁵ 6-я строфа: 4 «с вращением вокруг собственной оси» – «с вращением вокруг собственной оси»; 7-я строфа: 1 «рождает тот полет, которого душа» – «рождают тот полет, которого душа».

⁶ Гитович Александр Ильич (1909–1966) – русский поэт, переводчик.

⁷ 4-я строфа, 1 «Как хорошо, что никому во тьму...» – «Как хорошо, что никогда во тьму».

⁸ 2-я строфа, 3 «промелькнет под мостами» – «промелькнет над мостами».

«Пилигримы»⁹ (без эпитафии); л. 3 об.—4: «Рождественский романс»; л. 4—4 об.: «Диалог». Б. д.

Среди материалов, переданных в Рукописный отдел З. Б. Томашевской, есть также машинописи стихотворений Бродского (Р. I, оп. 27, ед. хр. № 296). Л. 17—18: «Новые стансы к Августе»; л. 26: «Ты поскачешь во мраке...», без названия; л. 38: «За сеном»; л. 39—40: «Новые стансы к Августе» (правка простым карандашом и черной шариковой ручкой, тонкая бумага); л. 41—43: «Бутылка с письмом» (печатается под названием «Письмо в бутылке»), карандашом над названием — «Entertainment for Mary», с исправлениями, тонкая бумага; л. 44: «Рыбы зимой», посвящение — «Леониду Ентину»; л. 45: «Пилигримы», без эпитафии. Б. д.

Одна из единиц хранения представляет собой оттиски поэм Бродского «Разговор с небожителем» и «Post aetatem nostram» (Р. I, оп. 2, № 563). Приложение: репродукция фотографического портрета И. Бродского; 1969—1972, 27 мая. 9 л. На оттиске автограф Бродского — дарственная надпись (л. 1; черные чернила).

Письма, дарственные надписи

В собрании Рукописного отдела удалось выявить несколько дарственных надписей и одно письмо, принадлежащее перу Иосифа Бродского. Публикуем дарственные надписи в хронологической последовательности.

Так, на машинописи стихотворения «Холмы» (Р. I, оп. 27, № 296, л. 21—24) внизу л. 24 дарственная надпись синими чернилами. Текст надписи дается аутентично подлиннику и выделен курсивом, конец строки отмечен знаком (/):

*«Ирине Николаевне¹⁰ / для воспоминаний /о Бродском.
Л-д 12.11.63».*

На машинописи стихотворения «Теперь так мало греков в Ленинграде...» (Р. I, оп. 27, № 296, л. 19—20) внизу л. 20 черной шариковой ручкой сделана дарственная надпись в виде графического рисунка:

«Дарит Иосиф Александрович Бродский Зое Борисовне Томашевской эти грустные стихи в первый день июня 1966 года».

⁹ 15 «звезды дрожат над ними» — «звезды встают над ними».

¹⁰ Томашевская Ирина Николаевна (1903—1973) — литературовед, жена пушкиниста, профессора Б. В. Томашевского.

На оттиске поэм Бродского «Разговор с небожителем», «Post aetatem postram» – дарственная надпись (л. 1; черные чернила). Публикуем аутентично подлиннику, конец строки отмечен знаком (/):

«Дорогой / Наталье Иосифовне / Грудининой / от Иосифа Бродского, / подзащитного, подопечного; / от поэта и, кажется, от / путешественника.

27V<19>72 г.

Ленинград».

Единственное письмо поэта, выявленное в хранилищах Рукописного отдела, адресовано И. Н. Томашевской и написано Бродским в ссылке (д. Норенская, Архангельская обл.).

Л. 1–4 об. – письмо И. Бродского к И. Н. Томашевской (Р. I, оп. 27, № 296). Вверху л. 1 подписано цветными карандашами – «1964 Норинское» (так! – А. К.). Пожелтевшие листы формата А 4, черные чернила, почерк неразборчивый. В конце письма автопортрет, выполненный цветными карандашами (л. 4 об.).

Биографические материалы

Материалы к биографии поэта представлены в Рукописном отделе разными видами документов «по делу И. Бродского».

Среди этих документов – «Определение коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (о выселении его (Бродского. – А. К.) из Ленинграда на пять лет за «тунеядство»)». Машинописная копия. 1965, 8 сент. 3 л. Отпечатано 12 экз.

Судебная коллегия определила: «Постановление народного суда Дзержинского района города Ленинграда от 13 марта 1964 года в отношении Бродского Иосифа Александровича изменить, сократить ему срок высылки с пяти лет до одного года и пяти месяцев.

Частное определение этого же народного суда от 13 марта 1964 года в отношении Грудининой Н. И., Эткинда Е. Г. и Адмони В. и Постановление Президиума Ленинградского городского суда от 16 января 1965 года, вынесенное по данному делу отменить. <...>» (Р. I, оп. 2, № 564, л. 3).

Остальные документы представляют собой протесты Н. И. Грудининой,¹¹ вставшей на защиту поэта. Рассмотрим документы в хронологическом порядке:

¹¹ Грудинина Наталья Иосифовна (1918–1999) – советский поэт, переводчик; руководила многими литературными молодежными объединениями.

1) Докладная записка Н. И. Грудиной Василию Тимофеевичу Шумилу¹² по «делу И. А. Бродского». Авторизованная машинопись с правкой (синие чернила). Пожелтевшая бумага формата А 4. 1964, 20 мая. 32 л.

Н. И. Грудина в докладной записке В. Т. Шумилу подробнейшим образом излагает все обстоятельства «дела И. Бродского» и смело заявляет о его сфабрикованности:

«Дело Бродского состряпано из подлогов, устарелых или подтасованных фактов. В период подготовки его, а также после суда над Бродским использовалась газетная клевета, фальшивки – как для опорочивания самого Бродского, так и для преследования свидетелей защиты» (Р. I, оп. 2, № 565, л. 1).

2) Письмо Н. И. Грудиной к генеральному прокурору СССР т. Р. А. Руденко¹³ (о «деле И. А. Бродского»). Черновик. Машинопись с правкой синей шариковой ручкой (л. 1–5); автограф (л. 6–15). Приложение: Обращения (2) в Комиссию по работе с молодыми авторами при ЛО ССР. Машинописи. Б. д.; <1964>. 19 л. Л. 4 об.: «Люби проездом родину друзей...». Б. д. Список стихотворения И. Бродского, предположительно рукой Н. И. Грудиной (синие чернила, внизу листа – номера телефонов).

Автор письма, обращаясь к прокурору с просьбой направить «дело Бродского» на пересмотр в порядке надзора, отмечает причины, побудившие ее встать на защиту поэта:

«Бродский не входил в число моих учеников, однако по настоятельным просьбам молодых поэтов я вынуждена была разобраться в его деле, ибо сфабрикованное обвинение в туеядстве было в данном случае предъявлено человеку, который в течение более чем года уже стоял на правильном пути общественно-полезного литературного труда – после всех своих прошлых ошибок и грехов» (Р. I, оп. 2, № 567, л. 1).

Изложив в письме все факты, связанные с процессом Бродского, Грудина убедительно просит прокурора учесть их при рассмотрении дела.

3) Письмо Н. И. Грудиной к секретарю Ленинградского Обкома КПСС З. М. Кругловой¹⁴ (Р. I, оп. 2, № 566). Л. 1–9. Приложение:

¹² Шумилов Василий Тимофеевич (1924–1996) – начальник УКГБ по Ленинградской области (июнь 1959–август 1969 г.), член Коллегии КГБ (16 сент. 1959 – 8 авг. 1969 г.).

¹³ Руденко Роман Андреевич (1907–1981) – советский государственный деятель, Действительный государственный советник юстиции (1953), Генеральный прокурор СССР (1953–1981).

¹⁴ Круглова Зоя Михайловна (р. 1923) – советский государственный и партийный деятель.

справка (об Е. Г. Эткинде). Л. 10–11 об. Машинописная копия. <1975>, 7 мая. 11 л.

В письме к З. М. Кругловой Н. Грудина пытается разобраться в причинах травли Е. Г. Эткинда, которому ставятся в вину рецензия на предисловие М. Р. Хейфеца к самиздатскому собранию сочинений И. Бродского (сост. В. Р. Марамзин), его выступление в защиту поэта весной 1964 г. и пр.

Воспоминания об И. А. Бродском, упоминания в дневниках, письмах и др.

Сведения о поэте, фрагменты воспоминаний, упоминания в дневниках и письмах выявлены в личном архиве М. М. Смирнова¹⁵ (ф. 856). Формирование фонда и его обработка осуществлены в 2002 г. Е. В. Виноградовой. Первая часть материалов этого фонда была передана в Рукописный отдел самим М. М. Смирновым в 1997 г. Вторую часть, куда вошли преимущественно личные и биографические документы, документы по редакторской и издательской деятельности, дневники, обширная переписка с советскими писателями, их творческие материалы, фотографии, творческие материалы самого М. М. Смирнова, в 2000 г. передал его сын, С. М. Смирнов, уже после кончины отца.

В разделе «Творческие материалы и научные труды» содержится ед. хр. № 4 – «Статьи о русских писателях» («Певец современности», «Слово о друге», «Две встречи с Иосифом Бродским» и др.). Автограф, машинопись с правкой, корректурные листы (1962–1995). 91 л.

Л. 37–43 представляют собой неоконченный черновик воспоминаний «О встрече с Иосифом Бродским». Л. 37, л. 41–43 – черновой автограф; л. 38–39 – набело переписанный л. 37, изменено название на «Две встречи с Иосифом Бродским»; 7 л. формата А 4. Шариковая ручка.

Писатель М. М. Смирнов вспоминает о двух коротких встречах с Иосифом Бродским в ЛО издательства «Советский писатель», где с 1964 по 1968 г. он работал главным редактором.

Осенью 1965 г. И. Бродский вернулся из ссылки, которую отбывал в д. Норенская Архангельской обл. (в общей сложности поэт провел в ссылке полтора года). В конце 1965-го или в начале 1966 г.

¹⁵ Смирнов Михаил Михайлович (1909–1997) – писатель, журналист, редактор.

(биограф поэта В. П. Полухина называет октябрь–ноябрь 1965 г.¹⁶) Бродский, как отмечает Л. В. Лосев, по предложению либерально настроенных редакторов сдал в Ленинградское отделение «Советского писателя» рукопись книги стихов.¹⁷ Этот сборник, составленный самим Бродским (якобы составить книгу помогал А. И. Гитович), назывался «Зимняя почта» по одноименному названию одного из стихотворений 1964 г.

Воспоминания М. М. Смирнова без ссылки на источник и без учета требований к публикации черновых текстов были изданы в книге А. Ф. Измайлова «Стихами Бродского звучит в нас Ленинград» (СПб., 2011). Прочитываем эти воспоминания, воспроизводя все особенности автографа, где возможно сохраняя авторское написание.

«Разбирая остатки своего архива, обнаружил среди писем Саши Дымшица, Юры Клименченко, Димы Молдавского, И. С. Соколова-Микитова и многих других письмо Вс. Рождественского, присланное мне, вслед за рецензией, которую Всеволод Александрович написал на рукопись стихов Иосифа Бродского, поступившую в Ленинградское отделение издательства „Советский писатель“, где я работал в шестидесятые годы. Это письмо живо напомнило мне о двух коротеньких встречах с поэтом и моей неудачной попытке посодействовать изданию его книжки в Ленинграде» (л. 38).

Далее писатель, опуская подробности, весьма кратко рассказывает о своей первой встрече с молодым поэтом, который принес в издательство рукопись «Зимней почты».

«А дело обстояло так. Зашел как-то в издательство один из „руководящих деятелей“ Ленинградского Союза писателей и, рассказывая о последних новостях в жизни писательской организации, не без ехидцы заметил:

– Вас, между прочим, собирается навестить Бродский. Так что готовьтесь к бою. Ходит он эдаким расхристанным пижоном, которому все нипочем, ведет себя дерзко, вызывающе.

– Зачем же начинать знакомство с боевых действий. Принесет стихи, почитаем. Хорошие напечатаем, не подойдет, откажемся, – возразил я.

Вскоре Бродский действительно появился в издательстве. И вовсе не в „расхристанном виде“, а в аккуратном пиджачке, при галстукке,

¹⁶ Полухина В. П. Эверта и Клио Иосифа Бродского: Хронология жизни и творчества. Томск, 2012. С. 119.

¹⁷ Лосев Л. В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 57.

в хорошо отутюженных брюках. Был безукоризненно вежлив, интеллигентен, без всякого намека на дерзость или заносчивость. В общем, произвел тогда самое приятное впечатление. Раньше мне с Бродским встречаться не приходилось, да и стихов я его не читал. Однако о том, что он не пришелся по вкусу литературному и партийному начальству, был хорошо наслышан.

С первых уже шагов своей литературной деятельности Бродский проявил строптивый нрав. Не желая подчиняться жестким идеологическим требованиям, которые в те времена были обязательны, он сразу же оказался в числе тех молодых людей, коих именовали „смутьянами-антисоветчиками“, стремящимися подорвать устои советского общества» (л. 38–39).

Далее попытаемся воспроизвести черновой автограф; сокращения раскрыты в угловых скобках, зачеркнутое помещено в квадратные.

«В Ленинграде в отношении [его] Бродского было даже состряпано уголовное дело и [Бродского] его, как тунеядца, выслали на Север. Правда, по ходатайству именитых деятелей культуры и науки довольно скоро вернули. [Но] Однако печатать по-прежнему не спешили.

И вот „нарушитель спокойствия“, высокий худощавый юноша чинно сидит [перед моим столом] в кресле напротив меня и, слегка волнуясь, рассказывает о сборнике, [который предлагает нашему издательству] о том, какой видится ему его будущая книга.

– Я не включил в [книжку] сборник ничего из того, что было напечатано в книжке, недавно изданной в Штатах.¹⁸ Хочу, чтобы первая моя книжка, выходящая в родном городе, была [совершенно] оригинальной и самобы<тной>. Мне кажется, что выстроена¹⁹ она достаточно [разумно] стройно и представляет собой не просто сборник разных стихов, а нечто целое, дающее определенное представление об авторе и его стиле. А в общем, судите сами.

– Ну, что ж, давайте [вашу] сюда рукопись. Постараюсь, чтобы ее побыстрее [у нас] прочитали и отрецензировали. Будем надеяться, что [все] ваши передрыги наконец-то завершатся благополучным изданием книжки, – сказал я, [прощаясь с Бродским]» (л. 40).

Рукопись не оправдала ожиданий М. М. Смирнова, поэзия Бродского была совершенно чужда ему:

¹⁸ Речь идет о сборнике «Стихотворения и поэмы» (Washington; New York: Inter-Language Literary Associates, 1965).

¹⁹ Первоначально – построена.

«Однако радужное мое предположение насчет быстр<ого> издания книжки оказалось преждевременным. Я это понял, как только [ознакомился] полистал рукопись. Нет, в стихах Бродского не было явно антисоветских высказываний. Но, читая их, чувствовалось, что автор очень далек от нашей [советской] действительности, что она для [автора] него вроде и вовсе не существует. В стихах не ощущалось живой жизни советской страны, радостей и горестей ее людей. Наоборот, Бродский как бы подчеркивал свою обособленность, отчужденность от мира, его окружающего. А нарочито усложненная стилистическая манера автора, его стремление придать стиху побольше внешней декоративности, честно говоря, пришлись мне не по душе. Но что бы там не говорить, это была поэзия. Стихи, по-настоящему профессиональные, свидетельствовали о мастерстве и одаренности [автора] молодого поэта. Не отказываться от рукописи, а попробовать убедить [поэта] автора в необходимости в чем-то изменить свою поэзи<ию>, доработать ее [рукопись]» (л. 40).

М. М. Смирнов вспоминает, что руководство «Советского писателя» было против издания книги: «И хотя московское начальство издательства настойчиво рекомендовало, настаивало, чтобы мы воспользовались каким-либо предлогом и [сразу же] отказались от рукописи, я решил ее прорецензировать, а затем поговорить с автором о дальнейшей работе над ней» (л. 43). Таким образом, несмотря на рекомендации начальства не печатать книгу, М. М. Смирнов отправляет рукопись на рецензию: «Рукопись Бродского я попросил прочесть двух видных и уважаемых поэтов В. А. Рождественского и В. С. Шефнера, и вскоре у меня на столе лежали две рецензии. Обе рецензии были рекомендательными, но в то же время [достаточно] осторожными, с достаточным количеством серьезных претензий к автору» (л. 43).

М. М. Смирнов в своих воспоминаниях полностью цитирует письмо одного из рецензентов «Зимней почты» – поэта Вс. А. Рождественского, полученное им вслед за рецензией на книгу: «Очевидно убоившись, чтобы критические замечания не перевесили того положительного, что он увидел в рукописи Бродского, один из рецензентов, Вс. А. Рождественский, счел необходимым в письме ко мне еще раз подчеркнуть свое благорасположение и к автору, и к его рукописи» (л. 41). Это письмо хранится в архиве М. М. Смирнова, в разделе «Переписка (1931–1989). Письма к М. М. Смирнову» (ф. 856, №128).

Рождественский Всеволод Александрович, поэт. Из Ленинграда. 1960, 12 окт. – 1966, 10 окт. 4 л. Л. 3 – отзыв о стихах И. Бродского,

с копией, заверенной М. М. Смирновым. Бумага формата А 4, почерк разборчивый, мелкий. Шариковая ручка. Публикуем ниже полностью текст письма; текст печатается аутентично подлиннику, сокращения раскрыты в угловых скобках.

«Пишу Вам, уже частным образом, о рукописи И. Бродского, дополняя то, что мною сказано в рецензии.

Внимательно прочитав его (Бродского. – А. К.) стихи, которых я почти не знал раньше, я прихожу к убеждению, что автор человек несомненно одаренный. Правда, все в нем как-то еще спутано, сосредоточено в узко ограниченном круге, усложнено стремлением к внешней стилистической оригинальности (в чем, конечно, повинен далеко не он один из поэтов его поколения). Но чувствуется, что самая основа у него здоровая, хотя и сильно пострадавшая в свое время от ложно понятого „новаторства“ и дешевой в сущности „славы“ в кругах определенно настроенной молодежи.

Думаю, что сейчас Бродский стал много трезвее, а это его обязывает строже относиться к себе и к тому, что он пишет.

Короче говоря, человеку следует помочь выйти на здоровый литературный путь. Это важно для него и в общеморальном смысле.

Судя по нашему с Вами разговору на эту тему, Вы в основном стоите на этой же точке зрения. Не знаю, как дальше решится вопрос с этой рукописью, но, думается, снимать ее со счета было бы несправедливо. Автора нельзя лишать надежды, что он может подготовить книгу, достойную печати. Скажу больше, это его окрылило бы на добрый труд, сняло бы известную долю самоуверенности, далеко не всегда оправданную тем, что им делалось до сих пор.

Многое, конечно, зависит от Вашей личной беседы с И. Бродским. Но Вы человек тактичный, и я уверен в том, что подобный разговор мог бы оказаться весьма нужным и полезным для автора – даже в общем психологическом плане.

Разговор, разумеется, нелегкий. Я это вижу потому, как мне было затруднительно с оценкой этой рукописи, что, впрочем, объясняется и тем, что мне самому просто противопоказана вся стилистическая маэра автора.

Но в данном вопросе я хочу быть только справедливым, судить объективно, а к этому меня понуждает убеждение в одаренности автора, хотя и совершенно чуждого мне по духу.

С приветом

Вс. Рождественский

10 окт. 1966 г.»

Вторая встреча главного редактора с поэтом состоялась уже, по-видимому, в 1967 г. или в начале 1968 г. М. М. Смирнов считал, что рукопись нуждается в серьезной доработке, и предчувствовал, что встреча будет непростой:

«Разговор действительно предстоял трудный. Нужно было убедить автора не просто заменить несколько стихотворений, поправить какие-то <нрзб.>, а по существу пересоставить сборник так, чтобы он получил несколько иное звучание, чтобы в нем не [было] чувствовалось подчеркнутого безразличия к тому, что [окружает автора] <нрзб.> происходит в нашей жизни [к тому, что происходит в нашей стране].

– Вы заявляете, что любите свой родной город, улицу, на которой живете, вам дорога русская лит<ература>, – говорил я ему, – вот и дайте это почувствовать в вашей книжке, и тогда все встанет на [свои] место...» (л. 42).

Краткое описание этой встречи с трудом поддается расшифровке, почерк М. М. Смирнова становится крайне неразборчивым:

«Бродский с подчеркн<утым> вниманием слушал меня, не перебивал. Когда я кончил:

– Ну что же. Хорошо понимаю вас, вашу позицию <нрзб.>. Но ведь у меня своя позиция, свой взгляд на то, что требует от поэта время, что [он] поэт сам считает нужным сказать об этом. Тем не менее я подумаю над тем, что вы сказали. Пусть рукопись останется пока у вас, у меня есть второй экземпляр.

Через неделю Бродский позвонил и сказал, что зайдет за рукописью. Встреча была очень короткой.

– Сожалею, – сказал Бродский, – но замечания ваши принять не могу. Хочу видеть сборник таким, каким он сложился. Попробую предложить другому издательству. – Но попытка автора не увенч<алась> успехом. [Но с другим издательством у Брод] В Сов<етском> Союзе сборник так и не [увидел свет] вышел. А вскоре поэт и [уехал] вовсе покинул родину» (л. 42).

Однако М. М. Смирнов в своих дневниковых записях («Заметки для себя». В тетради. 1965–1985. 51 л.; № 23) упоминает о какой-то встрече с поэтом еще в феврале 1967 г.

«1967 год: 8 февраля. Заходил Бродский. Принес рукопись и две книжки стихов, изданных за рубежом. Наш прошлый разговор не пошел ему впрок. Рукопись осталась почти в том же виде, что и в первый раз. Станный он человек – пишет, будто живет вне времени и пространства. Лучше бы занимался переводами. Разговаривали с ним на разных языках. Но ведет себя прилично» (л. 10).

Другая дневниковая запись за этот же год свидетельствует о том, что сборник «Зимняя почта» отдан на рецензию:

«1967 год. 30 июня. <...> Шефнер читает Бродского» (л. 11).

До сих пор озвучивались разные версии, почему сборник «Зимняя почта» так и не увидел свет. Одну из них высказывал Я. А. Гордин: о том, что судьба книги решилась не в издательстве. «В какой-то момент обком и КГБ решили в принципе перечеркнуть эту идею, – писал Я. Гордин. – Несомненную роль сыграло участие Бродского в „вечере творческой молодежи“ Ленинграда 30 января 1968 года, вечере, который вызвал грандиозный скандал и роковым образом сказался и на литературной судьбе Сергея Довлатова».²⁰

Л. В. Лосев утверждал, что «издательское начальство долго тянуло с ответом и потом практически потребовало от Бродского написать на полкниги идеологически выдержанных стихов, а тогда уж во второй половине могут быть его стихи о „природе Севера“. То есть они знали, что он ничего такого писать не будет, и просто издевались», «Бродскому морочили голову еще год, после чего он рукопись из издательства забрал».²¹

Тем временем сам поэт в заявлении в Секретариат Ленинградского отделения Союза советских писателей от 11 июля 1968 г.,²² в котором просит разобраться в причинах отказа издательства печатать книгу, упоминает о нескольких своих визитах в издательство «Советский писатель» в 1968 г. Согласно этому заявлению, в январе 1968 г. директор «Советского писателя» Г. Ф. Кондрашев и главный редактор М. М. Смирнов известили его о намерении заключить с ним договор. Примерно через месяц Бродский был вызван в издательство для окончательного утверждения состава книги. М. М. Смирнов и предполагаемый редактор сборника И. С. Кузьмичев предложили поэту несколько сократить сборник. В конце марта поэт получил в издательстве отказ печатать книгу и забрал рукопись.²³ 29 апр. 1968 г. Бродский узнает о том, что три члена Секретариата ЛО СПП Д. Гранин, О. Шестинский, В. Орлов ознакомились с рукописью сборника и рекомендовали директору издательства «Советский писатель» Кондра-

²⁰ Гордин Я. А. Память и совесть, или Осторожно – мемуары! // Знамя. 2005. № 11.

²¹ Лосев Л. В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. С. 64.

²² ОР РНБ, ф. 1333, № 20, л. 1–2.

²³ В. Полухина называет другую дату – 12 дек. 1966 г. См.: Полухина В. П. Эверта и Клио Иосифа Бродского. С. 130.

шеву ее напечатать.²⁴ Тогда поэт снова нанес визит М. М. Смирнову и получил уже окончательный отказ печатать книгу. По словам Бродского, главный редактор издательства объяснил причину отказа обострившейся идеологической борьбой.

В архиве Р. И. Грачева²⁵ (ф. 930) хранится его автограф, в котором упоминается Иосиф Бродский. Это записи под названием «Памяти Иосифа Бродского», сделанные Ридом Грачевым в 2002 г. на пожелтевшем листе бумаги формата А 4. Черная шариковая ручка. 1 л. Публикуем текст автографа ниже; текст дается с учетом особенностей подлинника.

«II. 2002 г. от Рождества Христова. ПАМЯТИ Иосифа Бродского:

1. В 1964-м году Иосиф Бродский пришел ко мне = и сказал: = „То, что ты пишешь сам = это «гвно», а то, что ты переводил Сент-Экзюпери = это ценно“.

2. В 1967 году Иосиф Бродский написал мне „Охранную грамоту“ = в которой „высоко оценил“ мою = русскую по культуре = литературную работу...

3. В XII.1968 года Иосиф Бродский пришел на 5-е мужское алкогольное отделение государственного института психиатрии = и сказал (мне): „психиатрия получила у советского начальства = высшие полномочия, поэтому = ни в коем случае = не конфликтуй с психиатрами“.

4. В 10 часов утра 11 февраля 2001 (2) года = (понедельник) „Стада“ еще не пробудились = „на мягких лугах“... Режимная (половая) квартира для городского населения, мертвая, беззвучная „атмосфера“ = следующего после „воскресенья“ = „дня недели“. от 05.VIII.1971 г. Режимный „цикл“ = „дней недели“ = слабомузыкального, женского типа...».

Рид Грачев был литературным секретарем В. Ф. Пановой,²⁶ когда затевался суд над И. Бродским. «Мне кажется, что на судебные заседания Рида не допустили, – вспоминает В. Голубовская, – но до них, по поручению Пановой, которая была на стороне защиты, Рид собирал письма, ездил в Москву за письмами, которые нельзя было доверить почте, был активным участником со стороны защиты, хоть сам об этом говорил мало».²⁷

²⁴ В 1968 г. И. Бродский обратился к Д. Гранину, который являлся членом редакционного совета издательства «Советский писатель», с просьбой разобраться в его деле.

²⁵ *Грачев Рид Иосифович* (наст. фам. Вите, 1935–2004) – русский писатель, переводчик, эссеист.

²⁶ *Панова Вера Федоровна* (1905–1973) – прозаик, драматург, сценарист.

²⁷ См.: *Голубовская В.* Вверх по лестнице – к Риду Грачеву // Октябрь. 2013. № 6.

Известно, что Иосиф Бродский в октябре 1967 г. написал Риду Грачеву «Охранную грамоту», текст которой уже неоднократно публиковался. Этот документ хранится здесь же, в архиве Рида Грачева (ф. 930; лист формата А 4, черные чернила). Сам автограф факсимильно был воспроизведен на форзаце книги Рида Грачева «Ничей брат», вышедшей в 1994 г. в московском издательстве «Слово/Slovo». В. Голубовская отмечает: «Со стороны Иосифа Бродского это письмо было не только благодарностью за участие, за попытки Рида помочь в те злосчастные дни осени 1963 г. Наверное, для Бродского Рид действительно был литературной совестью города на Неве. Тяга к свободе и ненависть к „всеобщему наглому невежеству“ были основой личности, основой творчества и Бродского, и Рида Грачева».²⁸

И, наконец, в ф. 856 В. Е. Холшевникова²⁹ хранятся тексты двух докладов Г. С. Васюточкина³⁰ «Предсмертный стон поэта» (о ритмике последнего стихотворения В. Ходасевича «Не ямбом ли четырехстопным...», 1938; л. 1–6) и «Русский шестистопный хорей и ритмика „Писем римскому другу“ И. Бродского» (л. 7–14). № 182, принтерный вывод; 1990–2010 гг. 14 л. Доклады были опубликованы в Лейпциге на английском языке.

Доклад «Русский шестистопный хорей и ритмика „Писем римскому другу“ И. Бродского». 8 л. Л. 7–10. Список исп. литературы (л. 10). Л. 11–14 – приложения (четыре таблицы: «Варианты употребления 6-стопного хорей в стихотворной практике русских поэтов», «Образцы более употребимых форм шестистопного хорей», «Бесцезурный шестистопный хорей К. Случевского», «Профиль ударности „Писем римского друга“»).

Данное исследование «рассматривает ритмику „Писем...“ в русле эволюции русского стиха и соотносит решаемую поэтом задачу с допускаемыми этим размером его ритмическими вариантами» (л. 7). В докладе «Письма... (Из Марциала)» И. Бродского сравниваются со стихами Марциала. Бродский, как справедливо отмечает автор, не следует размеру оригинала, он «переводит» его «одним из близких по метру русских силлаботонических размеров – им оказался шестистопный хорей...» (л. 8), «форма „Писем...“ (строфика, рифма, распределение ударности по стопам) Бродским ни у кого не „подслушана“ – старый, „отработанный“ размер найден поэтом заново» (л. 10).

²⁸ Там же.

²⁹ Холшевников Владислав Евгеньевич (1910–2000) – литературовед, стиховед.

³⁰ Васюточкин Георгий Сергеевич (р. 1937) – ученый-физик, краевед, общественный деятель, поэт.

В заключительной части доклада Г. Васюточкин объясняет авторский выбор столь нетипичного для современной русской поэзии размера: «...избранный Бродским размер бесцезурного шестистопного хоря определенного профиля ударности (типа волны) воссоздает, но средствами русской правильной силлаботоники, звучание эпиграмм Марциала. Это виртуозный „перевод“ чуждого русской просодии метра на „язык родных осин“» (л. 10).

Подводя итог, повторим сказанное в начале настоящего обзора: в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится лишь небольшая доля материалов Бродского. Однако часть из них представляет несомненную историко-литературную ценность и никогда ранее не публиковалась.

ТОВАРИЩЕСТВО А. С. СУВОРИНА «НОВОЕ ВРЕМЯ»

Фонд 206

Акционерная компания «Товарищество А. С. Суворина „Новое время“» была создана по инициативе А. С. Суворина (1834–1912) в 1910 г., основы ее были заложены всей деятельностью издателя. «Товарищество» включало в себя газету «Новое время», вслед за которой получило свое название, газету «Вечернее время», типографию, книжные магазины, издательство, контрагентство и др.

В феврале 1876 г. Суворин и В. И. Лихачев приобрели газету «Новое время». В том же году совладельцы купили собственную небольшую типографию. В июне 1878 г. открылся первый магазин «Нового времени», вскоре Суворин выплатил Лихачеву часть его пая и стал единоличным владельцем всех предприятий. Огромным успехом пользовалась издаваемая Сувориным серия «Дешевая библиотека» (с 1879 по 1912 г. вышло около 500 названий общим тиражом более 1 млн экз.), с 1894 г. начался выпуск справочников «Весь Петербург» и «Вся Москва», с 1895 г. – справочника «Вся Россия». В 1880 г. начал выходить ежемесячный журн. «Исторический вестник» (издатели-редакторы – Суворин, С. Н. Шубинский и др.). Всего за 40 лет Суворин, названный А. И. Кирпичниковым «Наполеоном книжной торговли», выпустил 1600 изданий общим тиражом в 6,5 млн экз. Суворин занимался не только вопросами издания разнотипной литературы, но и проблемой ее распространения. В 1884 г. «Новое время» выкупило право продажи печатной продукции на станциях Николаевской и Варшавской железных дорог. К началу 1900-х гг. у «Нового времени» были заключены такие контракты с восемью главными железными дорогами России. Вовлечение в деятельность ряда других лиц привело через создание в январе 1907 г. «Товарищества торговли произведениями печати на станциях железных дорог» (на службе состояло более 400 агентов), переименованного в апреле того же года в «Товарищество торговли произведениями печати на станциях железных дорог „Контрагентство печати“», к учреждению «Контрагентства

А. С. Суворина и К^о) (при этом определяющее влияние на деятельность «Контрагентства» приобрел с 1905 г. вкладчик, а с 1907 г. соучредитель И. Д. Сытин). Всего по стране насчитывалось 1600 киосков «Контрагентства». Предприятие легло в основу образованного в ноябре 1918 г. «Центрального агентства ВЦИК» («Центропечать»).

Еще одной стороной деятельности Суворина был театр, финансовые вложения в который шли через Главную контору «Товарищества», однако документы, подтверждающие, что театр являлся предприятием «Товарищества», в архиве не сохранились. 17 сент. 1895 г. издатель открыл Театр Литературно-артистического кружка (с 1899 г. Театр Литературно-художественного общества, с 1912 г. – им. А. С. Суворина; неофициальное название – Малый театр). Суворин являлся и председателем кружка, и фактическим владельцем театра, на сцене которого ставились в том числе его произведения. При театре в 1907–1910 гг. функционировал «Журнал Театра Литературно-художественного общества».

Но дела А. С. Суворина к концу 1900-х гг. ухудшились, что было связано сразу с несколькими обстоятельствами. Финансы распределялись нерасчетливо, вплоть до 1903 г. по упрощенной системе приходно-расходной книги; все предприятия управлялись самостоятельно; сметы не составлялись; контроль за тратами практически отсутствовал. По настоянию сына А. С. Суворина, Алексея, был уволен управляющий типографией с момента ее создания П. П. Коломнин, открывший при ней школу и написавший учебник по типографскому делу; сменивший его в 1898 г. инженер Васмунд принес фирме огромные убытки. Выход из дела в 1901 г. А. А. Суворина, фактического соредактора отца (при юридических редакторах М. П. Федорове, с 1899 г. – Ф. И. Булгакове), и последовавших за ним сотрудников тоже способствовал ухудшению дел. По воспоминаниям коллег, единственной яркой фигурой после отца был Алексей, хотя Н. Снесарев отмечал его бесхозяйственность и нетерпимость. Действительно, Алексей не справился с самостоятельным управлением новым делом, газ. «Русь», и был объявлен несостоятельным должником, его долги пришлось выплачивать отцу и «Товариществу». Судя по записям, сохранившимся в Главной конторе, к 16 нояб. 1909 г. Алексей был должен «Товариществу» 449 174 руб. 79 коп. Вряд ли он сумел вернуть эту сумму, тем более, что долг его перед другими предприятиями составлял более миллиона. Склонностью к растратам отличались все наследники Суворина. С 1904 г. редактором газ. «Новое время» числились Ф. И. Булгаков и сын А. С. Суворина Михаил; с 1908 г. –

только М. А. Суворин. Хаос с приходом к власти Михаила (по характеристике Снегарева, человека безвольного и ленивого) усилился, на 1 янв. 1910 г. срочные долги фирмы достигли 812 тыс. руб.

Помимо финансовых проблем А. С. Суворина мучила тяжело протекавшая смертельная болезнь. Он был вынужден реформировать дело. Превращение предприятия в товарищество на паях позволяло распределить фирму между наследниками, не затрагивая ее имущество. Кроме того, «Товарищество» взяло на себя суворинские долги (1 888 000 руб.). «Товарищество» должно было носить семейный характер (600 паев было распределено в семье, 100 – среди сотрудников, 100–150 вынесено на продажу). Деньги, полученные от продажи паев, частично пошли на погашение долгов «Товарищества», частично были одолжены А. С. Сувориным акционерной компании сроком на 25 лет (проценты с них платились наследникам). Но семья не перестала воспринимать кассу «Товарищества» как свою собственную и после смерти его учредителя, обращаясь в Главную контору с требованиями оплатить счета или выдать деньги. В первый же год после смерти основателя дела наследники потребовали частичной выдачи им их долей. Созданная при «Товариществе» ревизионная комиссия протестовала против подобных трат, указывая на вред для ведения хозяйства и небольшой размер оборотного капитала. Тем не менее за пять лет была выдана досрочно почти половина суммы.

Дело развивалось, но и это не могло упрочить финансовое положение: в 1911 г. была организована еще одна газета, «Вечернее время» (редактор Б. А. Суворин), которая работала в убыток. В 1914 г. начался выпуск нового периодического издания – еженедельного литературно-художественного и сатирического журн. «Лукоморье», со множеством иллюстраций и высокими гонорарами. Все же «Товарищество» постепенно теряло свои позиции. К ноябрю 1916 г. из 800 паев Сувориным принадлежало лишь 264, большую часть приобрели банки. Среди пайщиков был Волжско-Камский коммерческий банк, под контроль которого фактически перешла фирма. Тогда же компания выпустила дополнительные 200 паев, но их не удалось реализовать. Война, подорожание жизни и, в первую очередь, бумаги тоже не способствовали улучшению дел. Отчеты и предложения ревизионной комиссии поначалу носили характер предупреждений о недопустимости перерасходов, о необходимости составления смет и следования им и пр., но злоупотребления не исчезали, предложения не выполнялись, и тон отчетов становился все более тревожным. Так, в 1915 г. комиссия отмечала: «Каждое предприятие как будто смотрит на То-

варищество как на неистощимый денежный сундук, из которого надо возможно больше вычерпать».

Ликвидация компании выглядит закономерным итогом подобного положения дел, хотя *de jure* оно было обусловлено политическими, а не финансовыми причинами. «Лукоморье» прекратило свое существование в августе 1917 г. Ядро деятельности «Товарищества», газ. «Новое время», была закрыта 8 нояб. 1917 г. как идеологически враждебное большевизму издание (на следующий же день вышел после перерыва номер газ. «Правда», занявшей принадлежавшую «Новому времени» нишу глашатая власти). В том же месяце было национализировано Контрагентство. Закрыта была и газ. «Вечернее время» за «антисоветскую пропаганду» (последний номер – 11(24) нояб.).

Архив «Товарищества» поступил в Пушкинский Дом 11 нояб. 1928 г. в дар от собирателя, издателя и историка литературы Павла Елисеевича Щеголева (поступление 1928 г., № 868) в ряду других даров. Поступление было записано как «переписка по редакции журнала „Лукоморье“ и газеты „Новое время“». В 1930 г. В. Б. Враской была составлена учетная карточка, фонду присвоен номер 206 и дано название «„Новое время“ и „Лукоморье“». В начале 1980-х гг. Г. Г. Поляковой составлялись новые учетные карточки и документы, фонд тогда был записан как «„Лукоморье“ (СПб., 1914–1917), еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал». Фонд был переименован (протокол заседания ЭК РО ИРЛИ № 10 от 1 нояб. 2012 г.) в связи с тем, что название не полностью отражало его содержание. Наряду с финансовыми документами журн. «Лукоморье» в фонде хранятся материалы других предприятий, основанных Сувориным и относящихся к деятельности «Товарищества». В РО ИРЛИ существует фонд Сувориных А. С., А. А., М. А. (ф. 268, 134 ед. хр.), который был сформирован частично из разновременных небольших поступлений, а частично выделен из собраний П. Я. Дашкова и А. Е. Бурцева. Более половины единиц хранения фонда 268 связаны с личностью А. С. Суворина, в то время как документы описываемого фонда 206 носят преимущественно финансовый характер, подавляющее большинство из них относится к периоду после смерти А. С. Суворина, времени активной деятельности акционерной компании, им основанной, потому в качестве нового названия фонда было использовано официальное наименование компании – «Товарищество А. С. Суворина „Новое время“».

В 2009–2012 гг. проводилась научно-техническая обработка фонда в соответствии с действующими архивными правилами. В результате были сформированы 100 ед. хр. за 1887; 1901–1918 гг., которые включены в одну опись и систематизированы в 5 разделах. В первом разделе представлены материалы и переписка самого «Товарищества» (организационного и финансового характера), во втором, третьем, четвертом – материалы различных предприятий «Товарищества», в пятом – материалы наследников А. С. Суворина. Большую часть фонда составляют финансовые однотипные документы, систематизированные в каждом разделе по значимости. Отступления от этого принципа будут оговорены.

В первом разделе – «Товарищество А. С. Суворина „Новое время“» – помещены: устав, протоколы заседаний Совета «Товарищества», протоколы ревизионной комиссии, в ведении которой находилась проверка финансовых дел всех предприятий «Товарищества», доклады Совета, заявления пайщиков, повестки на собрания. Протоколы ревизионной комиссии были сформированы делопроизводителем по операционным финансовым годам, не соответствующим календарным. В некоторых случаях к ним были подшиты приложения (отчеты, акты и др.). При научно-технической обработке фонда было решено сформировать их в единицы хранения погодно. Далее расположены финансовые документы «Товарищества»: распоряжения А. С. Суворина и М. А. Суворина, сметы и отчеты, статистические балансы, ведомость состояния счета «Товарищества», расписка в получении пая, счета и квитанции, разрозненные записи финансового характера. В конце раздела помещены список пайщиков, относящийся к документам по личному составу, и переписка Главной конторы с организациями и отдельными лицами. Финансовые операции всех предприятий, созданных А. С. Сувориным и сыновьями, шли через Главную контору (бухгалтерию) сначала газ. «Новое время», с 1910 г. – «Товарищества А. С. Суворина „Новое время“». Часто на финансовых документах не указано определенное предприятие «Товарищества». Нередко платежи осуществлялись сотрудниками «Товарищества» безотносительно конкретного предприятия, в котором они работали (некоторые числились одновременно в нескольких предприятиях). То же относится и к почтовым квитанциям. Определить принадлежность этих документов к конкретному предприятию невозможно, поэтому они помещены в первый раздел вслед за распиской «Товарищества» в получении своего пая.

Второй раздел – «Газета „Новое время“ и вспомогательно-сберегательная касса сотрудников газеты» – начинается с отличаю-

щихся от основного состава фонда документов нефинансового характера, относящихся к периоду предыстории «Товарищества»: мандат специального корреспондента газеты и номера «Нового времени», посвященные 25-летию издания. Затем следуют финансовые документы: распоряжения руководящих лиц по финансовым вопросам и по распространению газеты, смета, финансовые отчеты сотрудников, ведомости экспедиции газеты на выплату жалованья, расчетные листы, справки о жалованьях и долгах, доверенности и расписки в получении денег, счета разных организаций, финансовые документы по содержанию автомобиля редакции. В комплексе писем размещены письма сотрудников газеты (по алфавиту фамилий) редактору газеты и в Главную контору, затем – письма организаций в газету и письмо Совета «Товарищества» сотруднику газеты.

Завершает раздел комплекс документов, связанных с деятельностью вспомогательно-сберегательной кассы сотрудников газеты, включающий протоколы собраний членов кассы, распоряжения Правления кассы по финансовым вопросам, заявления о вступлении в кассу, прошения о ссудах и отсрочке их погашения.

Третий раздел – «Журнал „Лукоморье“» – открывают распоряжения руководящих лиц о денежных выплатах сотрудникам. Большое количество распоряжений по единовременным выплатам систематизировано в нескольких единицах хранения по алфавиту фамилий сотрудников. Далее следуют доверенности и расписки сотрудников журнала в получении денег, счета и квитанции разных организаций, материалы по распространению журнала и хозяйственно-бытовой деятельности. Завершает раздел переписка конторы журнала с сотрудниками о выплате и высылке жалований и гонораров, письма других организаций в журнал. Приложения к счетам типографий – иллюстрации к журн. «Лукоморье» – собраны в отдельной единице для удобства хранения (из-за большого формата некоторых иллюстраций). При ее описании в графе «Примечания» указаны номера единиц хранения, в которых находятся счета типографий (соответственно счета типографий снабжены отсылками к иллюстрациям).

Остальные предприятия «Товарищества» представлены в фонде не столь подробно, как газ. «Новое время» и журн. «Лукоморье», поэтому все они объединены в четвертом разделе «Другие предприятия „Товарищества А. С. Суворина «Новое время“»». Внутри раздела выделено пять подразделов. Сначала представлены материалы и письма предприятий творческого характера: «Газета „Вечернее время“» (4. 1), «Журнал „Исторический вестник“» (4. 2), «Театр Литературно-

художественного общества» (4. 3). Далее размещены материалы и письма предприятий, обслуживающих деятельность «Товарищества»: «Типография» (4. 4), «Книжные магазины „Новое время“ в Москве, Петрограде, Одессе, Саратове, Харькове» (4. 5).

Подраздел 4. 1 «Газета „Вечернее время“» включает распоряжения о жалованьях и гонорарах, выдаче единовременных денежных выплат, финансовые отчеты конторы газеты, доверенности и расписки сотрудников, письма в редакцию о жалованьях и гонорарах.

Подраздел 4. 2 «Журнал „Исторический вестник“» состоит из одной единицы хранения с распоряжением о выдаче денег и индивидуальным листком расчета.

В подразделе 4. 3 «Театр Литературно-художественного общества» представлены распоряжения о единовременных денежных выплатах, финансовые документы (требовательные ведомости, финансовый отчет, расписки в получении денег), квитанции Коммерческого банка в Варшаве о внесении средств на счет театра, письма сотрудников в дирекцию. Разные виды финансовых документов объединены в одну единицу хранения, так как были склеены делопроизводителем театра. В конце помещен документ (объявление), относящийся к журн. Театра.

Среди материалов типографии Товарищества (подраздел 4. 4), наряду с финансовыми, отложились документы исторического характера, относящиеся к забастовочному движению работников печати в 1917 г. и выработке норм в печатном деле послереволюционной России. Они помещены в начале раздела, это статьи о тяжелом финансовом положении печати в мае 1917 г. и забастовке работников печатного дела в августе 1917 г., материалы по выработке нормативных документов для работников печати в целом и для типографии «Товарищества» в частности. Далее расположены финансовые документы типографии: смета, калькуляции расходов и приходов, счета и письма типографии.

В подразделе 4. 5 «Книжные магазины „Новое время“ в Москве, Петрограде, Одессе, Саратове, Харькове» представлены сметы нескольких магазинов, а также письма одесского и харьковского магазинов и отдельных лиц в Главную контору «Товарищества».

В последнем, пятом разделе – «Финансовые дела наследников А. С. Суворина» – собраны документы, относящиеся к наследникам учредителя «Товарищества». В начале раздела помещены материалы по выплатам, производившимся в установленном порядке всем наследникам, как физическим, так и юридическим лицам. Далее следуют материалы конкретных наследников в последовательности, уста-

новленной согласно степени родства с учредителем. Здесь представлены векселя, банковские счета, индивидуальные листки расчета долга, квитанции, расписки в погашении долга и др.

Новых поступлений в фонд 206 не ожидается.

Личные фонды А. С. Суворина хранятся также в РГАЛИ (ф. 459; 5997 ед. хр.) и РНБ (ф. 754; 200 ед. хр.).

См. литературу об А. С. Суворине и его акционерной компании: *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998; *Дневник Алексея Сергеевича Суворина* / Подгот. текста Н. Роскиной, Д. Рейфилда, О. Макаровой. Лондон; М., 2000; *Снеессарев Н.* Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб., 1914; *Суворин А. А.* Как «Новое время» было продано? Пг., [1916] и др.

А. В. Сысоева

**ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ (1925–1930); ВСЕРОССИЙСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ (1931); РОССИЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ (1931–1932)
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)**

Фонд 490

Российская организация пролетарско-колхозных писателей¹ (последнее название организации) создана в 1925 г. на основе Всероссийского Союза крестьянских писателей, существовавшего с 1921 г. Организация имела разные названия: Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП; 1925–1930), Всероссийское объединение пролетарско-колхозных писателей (ВОПКП; 1931), Российская организация пролетарско-колхозных писателей (РОПКП; 1931–1932).

Новое объединение принципиально отличалось от своего предшественника, Союза крестьянских писателей, устав которого был ориентирован на просветительские задачи и всестороннее художественное отражение всех «бытовых, социальных, экономических особенностей» жизни крестьянской среды. В духе резолюции ЦК РКП(б) от 1925 г. платформа ВОКП строилась на эклектическом соединении «пролетарской» идеологии и «крестьянских образов».

Первый Всероссийский съезд крестьянских писателей (1929) закрепили линию на дифференцированный, классовый подход к крестьянству, «пролетаризацию» крестьянской литературы и воспитание особого крестьянского писателя, идеологические устремления которого были бы пролетарскими. Борьба за пролетарскую идеологию и создание нового типа колхозного писателя являлась одной из основных задач организации. В январе 1931 г. на расширенном Пленуме

¹ См.: *Михайлов А. И.* Ленинградское отделение Российской организации пролетарско-колхозных писателей (1931–1932 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 327–361.

Центрального совета ВОКП Общество переименовано во Всероссийское объединение пролетарско-колхозных писателей (ВОПКП), что соответствовало проводимой в стране политике «раскрестьянивания». Пролетарско-колхозные писатели должны были в своих произведениях «художественно аргументировать преимущества колхозной системы над системой индивидуального хозяйства». В постановлении Центрального совета РОПКП «О перестройке работы РОПКП» в 1932 г. говорилось, что «РОПКП должен стать вторым РАПП на участке пролетарско-колхозной литературы».

Организация имела несколько отделений: Московское, Ленинградское, Западносибирское, Северокавказское.

Общее руководство Ленинградским отделением осуществлял областной совет, в который входили не только члены Ленинградского отделения, но и руководители Московского отделения (И. А. Батрак, А. И. Ревякин, Н. И. Острогорский), представители партийных органов, других литературных организаций (ЛАПП – Ю. Н. Либединский, РАПП – А. А. Фадеев, ВССП – Л. И. Раковский), районных отделений ЛО РОПКП, а также несколько человек от тракторного завода им. Калинина. В 1931 г. численность совета составляла 51 человек. С 1927 по 1931 г. отделение возглавлял Н. А. Брыкин (ответственный секретарь областного совета); оргсекретарь – К. Н. Гуляев. Фактическое повседневное руководство осуществлялось секретариатом. В разные годы наиболее активными членами секретариата являлись Н. А. Брыкин, И. М. Васильев, К. Н. Гуляев, П. Т. Журба, В. Д. Нивин, И. С. Никитин, А. Покровский, И. А. Смирнов, А. С. Чистяков, П. С. Яцынов.

Финансировалось отделение Центральным советом РОПКП, с октября 1929 г. состоявшим на госбюджете. Существенные дотации на проведение различных кампаний поступали от Ленсовета, ЛенОТГИЗа, издательства «Сельколхозгиз» и др. организаций.

Ленинградское отделение издавало журн. «Перелом» (1930–1932), редакция которого в основном состояла из руководителей организации: Н. А. Брыкин, Ф. Х. Бутенко, П. Т. Журба, И. Кологривский, И. С. Никитин (отв. ред.), А. Покровский, К. И. Ровда, И. А. Смирнов, А. О. Старчаков, А. П. Чапыгин, П. И. Чагин, А. С. Чистяков, П. С. Яцынов.

Организация пролетарско-колхозных писателей была самой массовой после РАПП. Каждое отделение имело большое число местных районных отделений и литературных кружков. В мае 1931 г. в ленинградской организации насчитывалось 28 районных отделений, 106 кружков в колхозах и совхозах, объединяющих 1290 человек. Отделе-

ния создавались в районах Ленинградской области, в которую с 1927 г. входили и территории нынешних Псковской, Новгородской, Вологодской, Мурманской областей. Кроме того, было создано отделение в Автономной Карельской социалистической республике, в Олонецком и Заонежском районах, граничащих с Ленинградской областью. К районным отделениям прикреплялся инструктор ЛО РОПКП, руководивший их работой. Отделения выпускали местные литературные газеты и сборники произведений селькоров.

В 1931 г. была организована большая кампания по призыву колхозников-ударников в литературу, выявлению на местах лиц, интересующихся литературой, созданию кружков и районных отделений; к литературной деятельности было привлечено 600 человек. Призыв проводился под лозунгом «Ударников полей в литературу». В начале мая 1931 г. был созван Первый областной слет (совещание) колхозников-ударников, призванных в литературу, на котором обсуждались задачи пролетарско-колхозного литературного движения. Призывникам-ударникам предоставлялись оплачиваемые творческие отпуска для написания произведений о колхозной жизни.

В ЛО РОПКП были созданы критическая и драматическая секции (документы не сохранились), учебно-воспитательный сектор, вырабатывавший методические указания для литкружков и начинающих авторов из колхозной среды. Критической секцией руководил Ф. Х. Бутенко, учебно-методическим сектором – А. Г. Плиско.

В своей деятельности ЛО РОПКП последовательно проводило партийные классово-политические установки и регламентации. Идея борьбы, разоблачения «врага» и враждебных марксизму-ленинизму теорий являлась едва ли не основной в его работе. Жесткие «чистки» рядов не щадили ни рядовых членов, ни руководителей. В октябре 1931 г. Брыкин был освобожден от обязанностей ответственного секретаря ЛО РОПКП, выведен из секретариата и редакции журн. «Перелом» «за искривление литературно-политической линии Ленинградской организации пролетарско-колхозных писателей». Тогда же Яцынов был выведен из секретариата ЛО РОПКП и редакции журн. «Перелом».

РОПКП, как и другие литературные организации, официально прекратила свое существование в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апр. 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Однако вопрос о ликвидации ЛО РОПКП был отложен до осени 1932 г., и фактически его деятельность была прекращена к 1 нояб. 1932 г.

Архив ЛО РОПКП поступил в Пушкинский Дом в начале 1933 г. от Оргкомитета Союза советских писателей и включал делопроизводственные документы секретариата ЛО РОПКП (протоколы, планы и отчеты, финансовые документы, переписку с организациями и отдельными лицами и др.); произведения членов ЛО РОПКП и начинающих авторов; материалы районных отделений ЛО РОПКП; небольшой комплекс документов Центрального совета РОПКП, Московского и Западносибирского отделений, присланных в ЛО РОПКП для сведения (копии); делопроизводственные документы других литературных организаций, также присланные для сведения (в основном – копии). Архив поступил не в полном объеме. Основной корпус документов относится к 1930–1932 гг., сохранились несколько документов 1925–1929 гг. Многие документы фонда представлены в копиях (вторые, третьи машинописные экземпляры).

По-видимому, в мае 1933 г. был учрежден фонд № 490 под названием «Всероссийская организация пролетарских и колхозных писателей (ВОКП и ВПКП). Ленинградское отделение». Решением Экспертной комиссии Рукописного отдела от 19 дек. 2014 г. фонд переименован, в название включены все наименования организации: «Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП; 1925–1930); Всероссийское объединение пролетарско-колхозных писателей (ВОПКП; 1931); Российская организация пролетарско-колхозных писателей (РОПКП; 1931–1932). Ленинградское отделение».

Научно-техническая обработка фонда проводилась в 2013 г. в соответствии с действующими архивными правилами. В результате НТО фонда сформировано 165 ед. хр., систематизированных в одной описи, состоящей из пяти разделов.

Первый раздел – «Материалы и переписка по деятельности ЛО ВОКП/ВОПКП/РОПКП» – включает три подраздела. В подразделе 1.1 расположены делопроизводственные документы по деятельности ЛО ВОКП/ВОПКП/РОПКП, систематизированные по значимости документов: постановление литературных организаций Ленинграда «О перестройке ленинградских литературно-художественных организаций», протоколы, планы, отчеты, договор с ЛенГИХЛ об издании журн. «Перелом» и др., материалы по призыву колхозников-ударников в литературу, материалы творческих смотров членов организации, удостоверения, повестки на заседания, акты, материалы о прикреплении членов организации к закрытым распределителям Горкома писателей и Литфонда, о подписке на государственные займы и др. В конце размещены анкеты членов ЛО РОПКП

и списки районных отделений и литкружков, относящиеся к документам по личному составу.

Далее следуют группы документов критической секции (протоколы, планы, список членов секции), учебно-воспитательного сектора (планы, программы и методические указания для литкружков и др.) и финансовые документы (сметы, отчеты, ведомости, доверенности, заявления, счета, расписки в получении денег, приходо-расходные книги и др.).

Некоторые единицы хранения этого подраздела составлены по тематическому принципу (материалы по призыву колхозников-ударников в литературу, о прикреплении к закрытым распределителям и др.) и включают переписку, относящуюся к данной теме.

В подразделе 1.2 представлены статьи, заметки, обзоры, очерки, рецензии руководства ЛО РОПКП, посвященные задачам пролетарско-колхозной литературы, а также художественные произведения членов ЛО РОПКП (рассказы, стихотворения и др.). Документы систематизированы по алфавиту фамилий авторов.

Комплекс переписки ЛО РОПКП в подразделе 1.3 открывается письмами ЛО РОПКП организациям (по алфавиту названий организаций) и отдельным лицам (по алфавиту фамилий адресатов). Далее размещено небольшое количество писем Н. А. Брыкина, ответственного секретаря ЛО РОПКП, членам РОПКП. Затем следуют письма организаций (по алфавиту их названий) и отдельных лиц (по алфавиту фамилий корреспондентов) в ЛО РОПКП.

Документы второго раздела – «Материалы и переписка районных отделений ЛО ВОКП/ВОПКП/РОПКП» – систематизированы по алфавиту названий районных центров / районов. Единицы хранения содержат протоколы, планы, списки членов отделений, произведения, переписку отделений с руководством ЛО РОПКП и др. В конце раздела подзаголовком отделен небольшой комплекс произведений начинающих авторов (по алфавиту фамилий авторов), принадлежность которых к определенному району не удалось установить.

В третьем разделе представлено небольшое количество документов Центрального совета ВОКП/ВОПКП/РОПКП, высшего органа всей организации (постановление, методический бюллетень), и его исполнительной структуры – бюро секретариата ЦС (постановление, протоколы, план), присланных в ЛО РОПКП для сведения.

В четвертом разделе – «Материалы Московского и Западносибирского отделений ВОКП/ВОПКП/РОПКП» – расположены резолюции областной конференции Московского отделения, собраний акти-

ва и комфракции отделения о роспуске правления. Одна единица хранения с документами Западносибирского отделения содержит доклад и заметку о работе отделения, письмо отделения в Центральный совет.

В пятом разделе – «Материалы других организаций» – размещены документы литературных организаций (ВССП, ЛАПП, ЛОКАФ, Оргкомитет ССП, ФОСП), Культпропа Ленинградского Обкома ВКП(б), издательства «Сельколхозгиз», систематизированные по алфавиту названий организаций. В основном это также копии, присланные для сведения.

В заголовках единиц хранения указывается последнее название организации: Российская организация пролетарско-колхозных писателей (РОПКП), за исключением названий документов, приведенных в кавычках.

Материалы ЛО РОПКП хранятся также в РО ИРЛИ в ф. 492 (ЛО ФОСП). Это копии документов, присланные в ЛО ФОСП для сведения и отчета (протоколы заседаний секретариата, постановление секретариата, смета расходов и др.). Материалы Центрального совета и Московского отделения РОПКП хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН.

Т. А. Кукушкина

МАТЕРИАЛЫ М. С. АЛЬТМАНА В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА

Фонд 840. Опись 2

Моисей Семенович Альтман (1896–1986) родился в религиозной хасидской семье. Отец его был переплетчиком. Первоначальное образование получил в хедере в Улле. В 1906 г. семья переехала в Баку, где Моисей поступил в гимназию. Здесь он начал изучать русский язык и под влиянием учителя литературы В. К. Долгова стал много читать. В 1914 г., после окончания гимназии с серебряной медалью, М. С. Альтман поступил на естественный факультет Киевского университета, затем перевелся на медицинский факультет. Одновременно он посещал занятия на филологическом факультете.

В 1920 г. в Баку М. С. Альтман поступил на историко-филологический факультет Азербайджанского университета. В это время он познакомился с поэтом Вячеславом Ивановым, возглавлявшим в те годы в университете кафедру классической филологии. Поэт отмечал свойственное Альтману-студенту «тонкое понимание художественных красот и формы произведений словесности». На протяжении нескольких лет Альтман вел записи бесед с Вяч. Ивановым, впоследствии опубликованные, и под его руководством стал изучать древние языки, античные мифологию и эпос.

В 1923 г. М. С. Альтман защитил выпускную работу «Дремлющие мифы в „Илиаде“ Гомера: 1) конский миф, 2) Одиссей в „Илиаде“, 3) числительные в „Илиаде“» и, получив диплом 1-й степени, был оставлен при кафедре классической филологии для подготовки к научной деятельности. В 1924 г. его командировали в Ленинград в ИЛЯЗВ, где до 1928 г. он занимался в аспирантуре под руководством акад. Н. Я. Марра и проф. Б. Л. Богаевского.

В 1927 г. Альтман познакомился в Коктебеле с М. А. Волошиным и поддерживал дружеские отношения с поэтом и его женой, М. С. Волошиной, до конца их жизни. Позднее он написал воспоминания о своих встречах с поэтом.

В 1928 г. в ЛГУ М. С. Альтман защитил кандидатскую диссертацию на тему «Семантика собственных имен в античном эпосе», а в 1939 г. в ЛГПИ – докторскую диссертацию на тему «Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера». М. С. Альтман проявлял большой интерес к русской литературе XIX в., особенно к творчеству Ф. М. Достоевского и жизни и деятельности И. Г. Прыжова.

Начиная с 1929 г. М. С. Альтман занимался также научно-педагогической деятельностью: в 1929–1936 гг. он – доцент, профессор филфака и истфака ЛГУ; в 1936–1940 гг. – профессор ЛГПИИЯ, в 1936–1941 гг. – профессор искусствоведческого факультета Всероссийской Академии художеств; в 1940–1941 гг. – профессор и декан литературного факультета Педагогического института им. М. Н. Покровского. Осенью 1941 г. вместе с институтом был эвакуирован в Саратов, где преподавал в должности профессора литературы в Саратовском университете.

В марте 1942 г. М. С. Альтмана вызвали в Москву в Министерство просвещения и арестовали по ложному доносу. Ученый находился в заключении до октября 1944 г. (реабилитирован только в 1955 г.). После освобождения ему было запрещено преподавание в столицах, и в 1944–1945 г. он работал в должности профессора Иркутского университета. В 1946–1947 гг. М. С. Альтман возвращается к привычной жизни и становится профессором факультета истории и теории искусств при Всероссийской Академии художеств, откуда уволился в связи с сокращением нагрузки.

С 1947 по 1951 г. ученый работал в ГПБ (РНБ) главным библиотекарем, затем систематизатором в группе культуры отдела систематизации, откуда уволился по собственному желанию. Не имея в Ленинграде постоянной работы, он стал преподавать литературу в Орском пед. институте, а после 1956 г. – в Тульском пед. институте. В 1959 г. М. С. Альтман вышел на пенсию и вернулся в Ленинград.

До последних дней своей жизни ученый продолжал научную и литературную деятельность. Он – автор многочисленных трудов по истории античной и русской литературы, сравнительного литературоведения и истории античной культуры, а также участник коллективных работ по изданию и переводу античных памятников.

Похоронен М. С. Альтман на Преображенском еврейском кладбище в Санкт-Петербурге.

* Основные биографические сведения о М. С. Альтмане взяты из статьи: *Вольфцун Л. Б. Альтман Моисей Семенович // Сотрудники Российской национальной*

Знакомство М. С. Альтмана с М. С. Лесманом, очевидно, произошло после возвращения ученого на постоянное жительство в Ленинград. Они встречались и переписывались и сохранили дружеские отношения до конца жизни. Альтман посылал Лесману свои поэтические опыты, а в начале 1980-х гг. передал в коллекцию библиофила наиболее интересные материалы из своего архива. В Рукописный отдел Пушкинского Дома они поступили от Н. Г. Князевой, вдовы коллекционера, в составе архивных документов из собрания М. С. Лесмана (пост. 1994 г., № 20). Личного фонда М. С. Альтмана в Пушкинском Доме нет. В РНБ имеются материалы из его личного дела: ОР РНБ, ф. 1440; ОАД РНБ, ф. 10/1; ф. 10/2; ф. 12, т-781, 847, 1064, 1065.

В результате научно-технической обработки оп. 2 – «Материалы М. С. Альтмана в собрании М. С. Лесмана» – сформировано 33 ед. хр. Они включены в одну опись и систематизированы по трем разделам: творческие и биографические материалы; переписка; материалы других лиц.

Ввиду небольшого объема документов в первом разделе объединены «Творческие и биографические материалы М. С. Альтмана». За подразделом с 3 ед. хр. с творческими материалами – циклами стихотворений и воспоминаниями о М. А. Волошине, расположенными в хронологическом порядке, – в той же последовательности следуют два подраздела с документами к биографии и фотографиями. Их начинают материалы о фондообразователе: отзывы Л. П. Гроссмана и К. И. Чуковского о статьях М. С. Альтмана, пригласительный билет на заседание, посвященное юбилейным датам в жизни и научной деятельности д-ра филол. наук, проф. А. Ф. Лосева и расписка о передаче документов на хранение М. С. Лесману. В третьем подразделе находятся 3 ед. хр. с фотографиями М. С. Альтмана 1923–1960-х гг. в группе с современниками (М. А. Волошиным и Вяч. И. Ивановым и др.). Большинство фотографий не атрибутировано. За *** вынесена единица хранения с фотопейзажами Коктебеля.

Второй раздел – «Переписка М. С. Альтмана» – состоит из двух частей: письма ученого к разным лицам – М. А. Волошину, М. С. Лесману, Л. К. Чуковской и К. И. Чуковскому – и письма раз-

библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь: В 4 т. СПб., 2013. Т. 4. С. 62–64. См. также: Автобиографическая проза М. С. Альтмана / Подгот. текста В. А. Дымшиц и К. Ю. Лаппо-Данилевский // Минувшее. Париж, 1990. Вып. 10. С. 205–239; *Альтман М. Царь Киммерии. (Из дневника 1929 г.)* // Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. В. П. Купченко и З. Д. Давыдов. М., 1990. С. 583–589.

ных лиц к нему, среди которых внука Л. Н. Толстого Т. М. Albertini (урожд. Сухотина), акад. М. П. Алексеев, секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков, М. С. Волошина, переводчик И. Н. Голенищев-Кутузов, проф. Л. П. Гроссман, редактор Е. Ф. Никитина, акад. И. И. Толстой, К. И. Чуковский и др. В каждой части письма расположены в алфавите фамилий адресатов и корреспондентов.

Завершает опись третий раздел – «Материалы других лиц». В нем в алфавите имен следуют статья И. Л. Андроникова о К. И. Чуковском, 2 ед. хр. с фото М. С. Володиной и Е. Ф. Никитиной, статья Ю. Г. Оксмана о Ю. Н. Тынянове, фото Л. Л. Ракова и письмо неустановленной корреспондентки к Л. Г. Морейко, жене М. С. Альтмана.

Е. М. Аксененко

МАТЕРИАЛЫ Е. И. АНТИПОВОЙ-АЛЬБОВОЙ В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА

Фонд 840. Опись 3

Елена Ильинична Антипова (1900–1982)¹ родилась в семье мещанина-ремесленника, который был женат на эстонке из Ревеля. Зимой Антиповы жили в Петербурге, летом отец в поисках работы ездил с семьей по разным губерниям. В возрасте 8–9 лет Елена поступила в школу, по окончании которой в 1912 г. обучалась в 4-классном училище. В 1913 г. она была принята в Музыкальную школу им. И. С. Глинки. В 1916 г. Антипова поступила в Городскую гимназию, но, проучившись там только год, бросила ее, так как отца забрали на фронт. С 1917 г. Е. И. Антипова вынуждена была поступить на службу на Главпочтамт, где проработала до 1921 г. Одновременно с работой она начала заниматься в спецклассе пения и поступила в церковный хор.

С 1920 по 1924 г. Е. И. Антипова продолжила обучение пению в ГИМП – Музыкальном институте, директором которого был профессор консерватории, музыкальный критик Н. Д. Бернштейн, – в классе О. Л. Зараевой-Михельсон. В 1921–1922 гг. она пела в хоре Михайловского театра и в опере-студии Дома ученых.

В 1923 г. в ГИМПе открылся класс камерного пения, который вел С. С. Митусов (1878–1942) – двоюродный брат Е. И. Рерих, музыкант-педагог, один из основателей Петербургской школы камерного пения в 1920-е гг. Ученик Н. А. Римского-Корсакова, друг его сыновей, Митусов написал либретто оперы И. Ф. Стравинского «Соловей» (1908–1913), а впоследствии был одним из создателей Хибиногорской рабочей консерватории (1932–1935). Антипова становится его ученицей.

В 1924 г. С. С. Митусов показал работы своей подопечной В. Г. Каратыгину, музыкальному критику и композитору, который

¹ Даты рождения и смерти Е. И. Антиповой-Альбовой не удалось подтвердить документально. Все биографические сведения взяты из фрагментарных воспоминаний и дневников, находящихся в архиве певицы.

благословил юную певицу, как писала она в своих воспоминаниях, «выступить в Ленинградском зале камерной музыки на Невском 52» (в 1920-х гг. в этом доме находился зал Общества любителей музыки). После знакомства с В. Г. Каратыгиным начала складываться ее профессиональная карьера.

В 1925 г. Митусов и Антипова стали членами Общества камерной музыки. С этого времени началась их совместная работа по подготовке программ в зале Камерной музыки, а также на радио, в Доме учителя, в школах и др. организациях. С этого же года С. С. Митусов выступает в качестве ее аккомпаниатора.

Благодаря широкому кругу знакомств С. С. Митусова в среде музыкантов и художников с 1920-х гг. Е. И. Антипова состояла в дружеских отношениях с дочерью Н. А. Римского-Корсакова Надеждой Николаевной и ее мужем композитором М. О. Штейнбергом; пела произведения Ю. Л. Вейсберг (жены А. Н. Римского-Корсакова); выступала дома у брата Н. К. Рериха – Бориса Константиновича; была знакома с Н. И. Рихтером. 17 февр. 1928 г. Антипова принимала участие в совместном концерте с известной певицей Верой Духовской, где обоим аккомпанировал известный педагог М. А. Бихтер (1881–1947), а 3 апр. этого же года выступала со своей концертной программой на квартире А. К. Глазунова.

В 1928 г. она вышла замуж. Очевидно, с этого времени певица взяла двойную фамилию. В начале сентября 1931 г. Е. И. Антипова-Альбова начала заниматься с преподававшим в Консерватории М. А. Бихтером по разработанной им системе. В 1937 г. певица поступила к нему экстерном на 3-й курс Консерватории. В этом же году Е. И. Антипова-Альбова овдовела – 17 дек. муж ее, Николай, скоропостижно скончался от гнойного аппендицита. Никакими другими биографическими сведениями о нем мы не располагаем.

В мае 1938 г. Е. И. Антипова-Альбова успешно сдала четыре курсовых экзамена и осенью 1938 г. готовилась сдать экзамен по вокалу. Но после возвращения певицы из поездки с концертом на Кольский полуостров М. А. Бихтер неожиданно выступил против ее обучения в Консерватории. Подчинившись воле учителя, она продолжала частным образом заниматься с ним, одновременно ведя концертную деятельность.

Во время войны Елена Ильинична была в эвакуации в Горьком. Она тяжело перенесла потерю С. С. Митусова, умершего в феврале 1942 г. в блокадном Ленинграде. Вернувшись после эвакуации, Е. И. Антипова-Альбова продолжала заниматься с М. А. Бихтером вплоть до его смерти в 1947 г. Обещав посвятить свою жизнь пропа-

ганде системы Бихтера, в последующие годы певица в концертной практике опиралась на его метод, а также занималась преподаванием вокала по методу своего учителя. До последних дней своей жизни Е. И. Антипова-Альбова сохраняла творческую активность.

Е. И. Антипова-Альбова в 1982 г. передала свои материалы на хранение М. С. Лесману, который до середины 1970-х гг. работал в Ленконцерте пианистом-концертмейстером. В Рукописный отдел Пушкинского Дома эти материалы попали в составе первого поступления архивных документов от его вдовы Н. Г. Князевой (пост. 1994 г., № 20). Личного фонда Е. И. Антиповой-Альбовой в Рукописном отделе, как и в других российских архивохранилищах, нет.

В результате научно-технической обработки оп. 3 – «Материалы Е. И. Антиповой-Альбовой в собрании М. С. Лесмана» – сформировано 29 ед. хр. Они включены в одну опись и систематизированы по четырем разделам: творческие материалы; документы к биографии и по деятельности; письма к Е. И. Антиповой-Альбовой разных лиц; материалы других лиц.

В первом разделе – «Творческие материалы Е. И. Антиповой-Альбовой» – в хронологическом порядке представлены воспоминания певицы о ее учителях С. С. Митусове и М. А. Бихтере, а также художнике Б. А. Смирнове. Далее следуют 3 ед. хр. с тематическими выписками.

Второй раздел – «Документы к биографии и по деятельности Е. И. Антиповой-Альбовой» состоит из двух подразделов. В первом подразделе «Личные документы и документы по деятельности» материалы расположены в хронологической последовательности. Начинают подраздел 2 ед. хр. с перечнем концертов певицы 1923–1926 гг. и членским билетом «Общества камерной музыки», за которыми следуют 3 ед. хр. с дневниковыми записями разных лет, в которых преобладают записи профессионального характера. После следующих 2 ед. хр. с программой вечера, посвященного А. А. Блоку, и распиской Е. И. Антиповой-Альбовой о передаче материалов, представленных в оп. 3, в собрание М. С. Лесмана, за *** расположены 2 ед. хр. со стихотворными посвящениями Е. И. Антиповой-Альбовой С. С. Митусова и Г. М. Римского-Корсакова. Второй подраздел составили «Фотографии Е. И. Антиповой-Альбовой и ее знакомых», расположенные в алфавите имен. 2 ед. хр. содержат индивидуальные фото-портреты певицы и фотографию с Г. М. Римским-Корсаковым в группе с неустановленными лицами; остальные 5 ед. хр. – это фото-портреты близких друзей певицы: М. А. Бихтера, В. О. Духовской, С. С. Митусова, Г. М. Римского-Корсакова, Н. Ф. Финдейзена.

В третий раздел – «Письма разных лиц к Е. И. Антиповой-Альбовой» – включены в алфавитном порядке 3 ед. хр. с копиями и оригиналами писем М. А. Бихтера, С. С. Митусова и Г. М. Римского-Корсакова.

Завершает опись четвертый раздел – «Материалы других лиц» – с расположенными также в алфавитном порядке 3 ед. хр. со статьями М. А. Бихтера и его обращением к пленуму вокального факультета Консерватории и единица хранения с автографами и типографскими экземплярами романсов Г. М. Римского-Корсакова, в том числе с дарительными надписями Е. И. Антиповой-Альбовой.

Е. М. Аксененко

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XVII–XXI вв.,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РАН в 2012 г.**

За принесение в дар архивных материалов Рукописному отделу Института русской литературы выражаем глубокую благодарность В. М. Акимову, В. К. Алексеевой, В. Е. Багно, О. А. Белобровой, А. Б. Бильдюг, М. С. Бураку, Е. П. Виттенбург, Н. Е. Гаврилиной, О. Я. Гаген-Торн, Л. М. Гайдуковой, Л. В. Герашко, Н. В. Губко, П. А. Иванову, Е. А. Игнатовой, Н. М. Кавину, А. А. Карпову, Н. Г. Князевой, А. М. Конечному, В. С. Копыловой-Панченко, К. А. Кумпан, О. Б. Кушлиной, Г. С. Лазаревскому, Ф. М. Лурье, Н. Ляпиной, С. Б. Мантейфелю, Л. Э. Найдич, Н. А. Прозоровой, В. А. Прокофьеву, Н. Л. Рахмановой, Н. Е. Соколовской, Н. Д. Солженицыной, С. А. Унковской, Д. И. Фонякову, Н. А. Хохловой, Т. С. Царьковой, А. С. Чикичевой, Н. Н. Шестинской, Н. Г. Щербакосу, Ж. Шерону, музею ИРЛИ.

Новые фонды

Мантейфели Борис Константинович (1896–1957) – ученый, метеоролог, археолог, реставратор, орнитолог, краевед; Сергей Борисович (р. 1937) – реставратор, поэт, писатель. Фонд 925.

Панченко Александр Михайлович (1937–2002) – литературовед, сотрудник ИРЛИ, академик РАН. Фонд 923.

Фоняковы Илья Олегович (1935–2011) – поэт, журналист, переводчик; Элла Ефремовна (урожд. Язовицкая; 1934–2012) – поэтесса, прозаик, драматург, переводчик, художник. Фонд 924.

Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939) и Георгий Владимирович (1905–1960) – архитекторы. Фонд 922.

Разряд VII – материалы на электронных носителях.

Дополнения к фондам

Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт. Фонд 654.

Газетные вырезки с публикациями стихотворений (4) А. А. Блока (1908–1925), со статьей «Размышления о скудости нашего репертуара» (окончание), с критическими статьями (10) о творчестве поэта (1916–1922), со стихотворением З. Н. Гиппиус, посвященным А. А. Блоку и А. Белому (1918).

Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – историк литературы. Фонд 45.

Комиссия по изданию трудов академика А. Н. Веселовского при ИРЛИ АН СССР. Подготовительные материалы, выписки, поправки рукой В. Б. Шкловского.

Дашков Павел Яковлевич (1849–1910) – библиограф, собиратель материалов по истории России. Фонд 93.

Пояснительная записка с биографическими данными С. Н. и Е. М. Бегичевых, ранее сопровождавшая их семейный портрет. Неустановленный автор. Автограф (1-я пол. XIX в.).

Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) – писатель. Фонд 145.

Фотопортреты (10). Копии. Печатное.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт. Фонд 524.

«Посреди небесных тел...». Стихотворение (1840). «Для молодого поколения...». Посвящение в альбом (1837). Факсимиле автографов (б. д.).

Лесман Моисей Семенович (1902–1985) – пианист, библиофил, коллекционер. Фонд 840.¹

Творческие, биографические, эпистолярные и изобразительные материалы (портреты, фотографии), касающиеся Л. Д. Блок, М. А. Вербова,

¹ Материалы коллекции М. С. Лесмана находятся в научно-технической обработке и будут доступны исследователям после завершения комплектования коллекции и ее научного описания.

И. А. Гончарова, Е. П. Иванова, И. В. Кудровой, Л. Ортеги, А. С. Пушкина, А. Ф. Писемского, Л. И. Раковского, Ф. К. Сологуба, Л. В. Успенского, А. Д. Флейтмана, И. О. Фонякова и др.

Библиография редких изданий XVIII–XIX вв. Картотека. Списки книг по истории революционного движения.

Биографические материалы М. С. Лесмана: переписка по вопросу издания «Каталога» М. А. Вербова; по вопросу приобретения материалов из его коллекции с Государственной Публичной библиотекой г. Новосибирска. Машинописные копии (1972). Накладные из букинистических магазинов со списком книг и указанием их стоимости (машинописные копии). Портрет М. С. Лесмана (худ. М. А. Вербов). Сангина (1974).

Н. Г. Князева (р. 1935) – жена М. С. Лесмана. Автобиография (1989–2008). Машинопись с рукописными вставками. Стихотворения А. Д. Флейтмана, посвященные Н. Г. Князевой. Портрет Н. Г. Князевой (худ. М. А. Вербов). Сангина (1974).

Модзалевский Борис Львович (1874–1928) – библиограф, редактор, литературовед. Фонд 184.

Письмо А. К. Пожарского (1915).

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт, писатель, публицист. Фонд 202.

С. А. Унковская. Воспоминания о поэте. Стихотворение, посвященное 75-й годовщине со дня смерти поэта. Машинопись (1946).

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт. Фонд 244.

«Декларация о ежегодном чествовании памяти А. С. Пушкина в день его смерти». Типогр. экз. (1921).

Пригласительный билет С. И. Бернштейну на заседание Комитета Дома Литераторов (1922). Программа (2) заседания Всероссийского Союза писателей, посвященная чествованию 125-летней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина (1924). Машинопись.

Фофанов Константин Михайлович (1862–1911) – поэт. Фонд 282.

«Проект Устава Общества романо-германской филологии при Императорском Санкт-Петербургском университете» («Неофилологическое общество»). Гектографированные копии (1888). Шаблоны (2) писем к членам Филологического общества об уплате взносов. Гектографированные копии (1888–1889).

Тезисы доклада А. В. Туфанова «Фоническая музыка в государстве Времени» («Заумие»). Машинопись с пояснительной запиской К. К. Фофанова (1889–1940; псевд. Константин Олимпов, сын К. М. Фофанова, поэт, эгофутурист).

Журнал «Литературные записки» (1922; № 1). Печатное.

Е. К. Фофанова-Устинова (1895–1979; дочь К. М. Фофанова). Фотопортреты (2). Подлинники (1974). Поздравительные телеграммы (2) и открытка в связи с 80-летием ее рождения.

Отдельные поступления

Акимов Владимир Михайлович (р. 1930) – литературовед.

Письма от Г. А. Воронской 8 (1971–1988), С. С. Гречишкина 2 (1991).

Г. А. Воронская. Воспоминания об А. К. Воронском (отце), И. Э. Бабеле, М. М. Пришвине, Е. Д. Стасовой, М. В. Фрунзе, С. А. Есенине, В. П. Правдухине. Машинопись (1951–1954, 1966–1967), ксерокопии публикации в журн. «Исторический архив» с авторской правкой (1997).

Б. П. Токин. «Моя жизнь и судьбы людские», «Кого я видел мимоходом (Строки из жизни писателей)», «Константин Паустовский». Воспоминания. Машинопись (б. д.).

С. С. Гречишкин (псевд. Василий Пригодич). «Немерцающий свет». Сборник стихотворений. Машинопись (1978–1989).

Бестужевы-Рюмины

В. К. Алексеева. Сведения о родстве с Бестужевыми-Рюмиными. Машинопись с пояснительными записями (1969).

Данилов Владимир Валерьянович (1881–1970) – филолог, сотрудник ИРЛИ.

Дневники (13). Автограф (1942, 1946–1963).

Тетради с записями текстов дарительных надписей, обращенных к нему (б. д.).

Тетрадь с отзывами о выставке, посвященной М. Е. Салтыкову-Щедрину, в Пушкинском Доме (1926).

Крандиевская Елена Константиновна (1932–2011) – художница.

Письма к ней Н. Я. Мандельштам 3 (1987), отца Александра Менья 2 (1976), Дроздовой (1971–1987), С. А. Желудкова (1977), письма семей В. Б. Шкловского и Н. В. Панченко 7 (1970-е), письма разных лиц, организаций по вопросам ее деятельности 15 (1980–1990-е).

Фотографии групповые. Подлинники (1966).

П. Н. Ардашев. Автобиография. Автограф (1913).

«Наука и здоровье», «Позиция русской церкви по отношению к атеистическому государственному строю», «Биография Мэри Бэкер Эдди». Статьи. Автографы, машинопись (б. д.).

Материалы самиздата: Д. И. Хармс (наст. Ювачев Д. И.). «Мы повесили сапог на ширму». Статья. Стихотворения. Машинопись. Заключение о психическом состоянии Д. И. Хармса. Протокол допроса свидетеля по его делу. Машинопись (б. д.).

А. И. Солженицын. Письмо патриарху Пимену. Машинопись (1972).

С. А. Желудков. Письмо к А. И. Солженицыну. Машинопись (1972).

А. Т. Твардовский. Письмо В. Б. Шкловскому и Н. В. Панченко (б. д.).

Тарасов Евгений Михайлович (1907–1989) – поэт, переводчик.

Статьи о нем в газетах «Красная Печора» (1970), «Красное знамя» (1971). Печатное.

Тарковский Арсений Александрович (1907–1989) – поэт, переводчик.

Письмо к Г. В. Филиппову (1970).

Шестинский Олег Николаевич (1929–2009) – поэт.

«Когда бы лишь святая весть...». Стихотворение. Автограф.

Автобиография. Авторизованный принтерный вывод (2006).

Диплом лауреата международной премии им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Ксерокопия (1998).

Письма к нему М. К. Аникушина (1979), В. А. Ветрогонского 4 (1979–1995), А. А. Тарковского (1979), С. С. Орлова (1971), О. Н. Михайлова (1979), Л. А. Анненского (1964), А. С. Кушнера (б. д.), А. А. Маркова (1977), А. Л. Дымшица (1967), С. П. Щипачева (1967), А. Я. Яшина (1965), Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (1997–2004) и др.

Фотографии одиночные и групповые с коллегами, семьей. Подлинники (1970–е–2007).

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) – писатель.

П. А. Иванов. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Авторизованная машинопись (1975).

Н. Мисюра, В. Пронин. «Друг автора „Угрюм-реки“». Статья в газ. «Советская Мордовия» (1973). Печатное.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) – писательница, драматург, поэтесса и переводчица.

Письма (3) к З. И. Виттенбург (1939–1950).

Рукописный служебник (1840-е).

Рукописные и печатные книги, привезенные из фольклорно-археографической экспедиции ИРЛИ в Мурашинский район Кировской обл. (XVII–XX в.), переписка старообрядцев (1987–1990) и др.

Фотографии (6; подлинники), видеокассеты (5) с событиями из жизни Пушкинского Дома (1990-е).

Видеокассеты (5) с записями материалов о В. В. Ерофееве.

«**Марко Теплинский** – учитель, вчений, людина». Документальный фильм о литературоведе М. В. Теплинском (2012). DVD диск.

«**Борис Корнилов**. Все о жизни, ничего о смерти...». Документальный фильм (2012). DVD диск.

«**Ольга Берггольц в Угличе**». Материалы телевизионной видеосъемки (2011). DVD диск.

И. В. Кощненко

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдул-Беха 350, 357, 358
Абдурахманов М. Х. 378
Абрамкин В. М. 34, 67
Авдеенко см. Андреев И. А.
Адамович А. М. 487, 493, 496
Адмони В. Г. 562
Азадовский М. К. 336, 337, 345
Азаров Вс. Б. 342
Азарова Л. П. 71
Айвазовский И. К. 436, 453
Акимов В. М. 596, 599
Аксененко Е. М. 501, 588, 591, 592, 595
Александр Невский, кн. 223, 273
Александров А. В. 195, 264, 277
Александров (наст. фам. Мормоненко) Г. В. 281
Александрович М. Д. 243, 244, 277, 278, 338
Александрова, депутат 324
Алексеев М. П. 591
Алексеева В. К. 596, 599

Алексий (в миру – Палицын Василий Михайлович), архиепископ
Куйбышевский и Сызранский 272

Алексий I (в миру – Симанский С. В.), митрополит Ленинградский
и Новгородский, патриарх Московский и Всея Руси 103, 109, 132,
134, 146, 147, 197, 199, 221, 233, 243, 265, 272

Алехин (наст. фам. Масловский) Г. В. 49, 75, 390, 396

Альбов Н. 593

Альбова, блокадница 199

Альтерман (Острова) С. С. 71

Альтман М. С. 588–591

Амосов Н. А. 78

Анатолий см. Купер А. С.

Андерсен Г.-Х. 254, 281

Андреев 464

Андреев А. М. 407, 450, 485

Андрееенко (Андриенко) И. А. 97, 130, 439, 454, 485

Андрей Критский, автор Великого покаянного канона 253, 280

Андроников И. Л. 591

Андрюшина Е. 210

Аникушин М. К. 600

Анненский Л. А. 600

Антипов И. 592

Антипова-Альбова (урожд. Антипова) Е. И. 592–595

Антиповы, семья 592

Ардашев П. Н. 600

Аристотель 283
Арнольдов А. И. 504
Асафьев Б. В. 268, 280
Асладзе, певица 301, 309, 338
Афанасий (в миру – Сахаров Сергей Григорьевич), епископ Ковровский 273
Ахматова А. А. 76, 135, 558

Баб 350, 357, 371
Бабель И. Э. 599
Бабочкин Б. А. 136
Багно В. Е. 2, 596
Бадигин К. С. 267
Баковиков А. В. 396
Бальзак О., де 452
Бальмонт К. К. 105, 133
Барзуковы, соседи Ганкевичей 446
Барышников М. Н. 560
Барышников Н. И. 276, 277
Басманова М. П. 560
Батрак И. А. 583
Батт 63, 79
Бахтин В. С. 65, 67
Бегичевы С. Н. и Е. М. 597
Белинский В. Г. 203, 205, 267, 343

Белоброва О. А. 596
Белый А. (наст. фам. и имя Бугаев Борис Николаевич) 597
Белявский С. И. 139
Беляев В. П. 38, 71
Беляев Е. Л. 71
Беляев Н. С. 504, 507
Бенеш Эд. 135
Бенуа А. Н. 400, 401, 438, 454
Берггольц М. Т. 341
Берггольц О. Ф. 9, 11, 14, 15, 130, 138–141, 143, 148, 151, 169, 179,
181, 183, 184, 191, 230, 270, 275, 285, 318, 319, 333, 337, 341, 344,
345, 381, 394, 601
Берггольц Ф. Х. 270
Бердников Я. П. 20
Берия Л. П. 288
Бернев С. К. 73
Бернштейн Н. Д. 592
Бернштейн С. И. 598
Бестужевы-Рюмины 599
Бетховен Л. ван 196, 244, 265
Беха-Улла 350, 357, 358, 371
Бешелев С. Г. 71
Бильдюг А. Б. 596
Бильченко Л. Н. 533, 534, 536, 550
Биринг Й. 550

Бирюков Ю. Е. 265
Бихтер М. А. 593–595
Блинов Б. В. 549
Блок А. А. 65, 340, 594, 597
Блок Л. Д. 597
Богаевский Б. Л. 588
Богданов И. Н. 353, 355, 356
Богданов, работник жилконторы 195, 238
Богданова Г. 268
Богданова М. И. 254, 255, 281
Богдановский А. А. 120, 136
Богомолец, начальник завода 258
Богомолов С. 366
Бодлер Ш. 105, 106, 133
Бойцова А. Г. 128
Бондарев А. Л. 407, 450
Борисов Л. И. 62, 79, 80, 374
Боровкова Т. 140–142, 184, 190, 191
Боронина Е. А. 7, 10, 283–338, 340, 341, 344–346, 395, 602
Борщев С. Н. 450
Бояринские, семья 335
Браун Л. 505
Бродский И. А. 557, 558, 560–573
Бродянский Б. Л. 67
Брокгауз Ф. А. 349

Бронская Б. 268
Брыкин Н. А. 583, 584, 586
Брюсов В. Я. 19
Брянская О. С. 396
Бубнова М. 452
Буланов, шофер 276
Булгаков В. Ф. 591
Булгаков Ф. И. 575
Буль А. Ш. 453
Бурак М. С. 596
Буров А. В. 12, 27, 70, 72, 73, 76, 131, 134, 135, 191, 192, 270–272, 279,
281, 343, 396, 545, 549
Бурцев А. Е. 577
Бутенко Ф. Х. 583, 584
Буш Э. 455
Быковская, блокадница 212

В. см. Волотова-Семенова Н. Г.
В. М. см. Грачева В. М.
Вагнер Н. П. 327, 344, 377, 388
Валов (наст. фам. Кузьмин) В. И. 290, 313, 316, 319, 340, 384,
394, 395
Вальдман В. С. 327, 344
Ванин К. Т. 32, 65, 66
Ванина Н. Н. 71

Варнель М. 277
Варфоломеева Л. 516
Васильев И. М. 583
Васильев Н. Д. (Коля) 9, 13, 143–145, 194–216, 218–264, 268, 276
Васильева Л. 260
Васильева М. В. 9–13, 15, 138, 139, 143–148, 194–264, 267–269, 278,
280, 547
Васмунд, инженер 575
Вассоевич Т. Н. 487
Васюточкин Г. С. 572, 573
Ватутин Н. Ф. 241, 253, 277
Вейсберг Ю. Л. 593
Вейсбрем П. К. 272
Величкин С. Ф. 32, 65
Венгеров С. А. 337, 345
Венгерова З. А. 450
Вербов М. А. 597, 598
Верт А. 12, 182
Верховский Н. Ю. 68
Веселовский А. Н. 597
Ветрогонский В. А. 600
Вильямс П. В. 265
Виноградов А. 450
Виноградов И. 24
Виноградова Е. В. 349, 351

Винокуров А. И. 192
Виттенбург Е. П. 596
Виттенбург З. И. 601
Вишневский В. В. 325, 342, 386, 395, 421, 422, 452
Владимир, кн. Новгородский и Киевский 265
Владимир Иванович см. Выхорев В. И.
Внук Н. 450
Воеводин В. П. 391, 396
Вознесенский Н. А. 548
Волженин (наст. фам. Некрасов) В. М. 67, 285
Волковский Н. Л. 453
Волотова-Семенова (урожд. Бруггер; псевд. Волотова) Н. Г. 106, 133
Волошин М. А. 506, 588, 590
Волошина М. С. 588, 591
Волошина Т. 299
Вольфцун Л. Б. 589
Воробьева, секретарь 262
Воронская Г. А. 599
Воронский А. К. 599
Ворошилов К. Е. 37, 69, 70
Воячек В. И. 478, 486
Враская В. Б. 577
Выхорев В. И. 416, 451
Выхорев С. И. 451, 454

Гаврилина Н. Е. 596
Гаген-Торн О. Я. 596
Гайдукова Л. М. 596
Гамсун К. 287
Ганзен А. В. 300, 335, 338
Ганкганверт, блокадник 463, 468
Ганкевич (урожд. Гольдберг) Т. М. (Тима) 397, 399, 401, 403–424,
426–428, 430–450, 452, 453, 455
Ганкевич С. В. 7–9, 13, 14, 397–449, 451, 454, 602
Ганкевичи, семья 13, 397, 401, 451, 454
Гардер Э. 551
Гарин Э. П. 268
Гасич, больной 214
Гашек Я. 396
Геббельс Й. 135
Генкель Г. Г. 545
Геня см. Жандецкая Е. М.
Герасимов С. А. 341
Герашко Л. В. 596
Герц Г. 268
Гессе В. Ф. 550
Гинзбург, блокадник 356
Гитлер А. 32–34, 36, 46, 47, 56, 103, 119, 135, 141, 185, 186, 191, 313,
339, 409, 443, 451, 539, 550
Гитович А. И. 560, 565

Гладков, железнодорожник 254
Гладков А. К. 272
Глазунов А. К. 593
Глазунов И. С. 489
Глинка М. И. 205, 206, 266, 268, 592
Говоров Л. А. 135, 183, 278
Гоголь Н. В. 338, 343, 515
Голейзовский К. Я. 265
Голенищев-Кутузов И. Н. 591
Голлербах Э. Ф. 551
Голубев, сослуживец И. Д. Зеленской 544
Голубовская В. 571, 572
Гольдберг А. М. (Доля) 435, 436, 453
Гольдберг Е. М. (Леля) 428, 449
Гольдберг Л. М. (Ляся) 407, 434, 453
Гольдберг Мар. М. 431, 452, 453
Гольдберг Мих. 399, 434–436, 453, 454
Гольдин 331
Гольдони К. 219, 271
Гомер 588, 589
Гончаров И. А. 598
Гор Г. С. 285, 319, 342, 374, 382, 384, 394
Гор Н. А. 71
Гордин Я. А. 570
Гордон 303, 338

Гордон О. И. 59, 60, 78

Горев Я. Л. 66

Горин-Горяинов А. М. 267

Горин-Горяинов Б. А. 204, 205, 267, 269

Горький М. (наст. фам. и имя Пешков А. М.) 23, 33, 66, 214, 224, 238,
270, 277, 280, 333, 550

Гофман В. А. 290, 315, 331, 341

Гофман (Хофман) Г. 490

Гофманы, семья 312

Гохштейн Б. М. 443, 454

Гоцци К. 59, 78

Гранин Д. А. 487, 493, 496, 570, 571

Грановская Е. М. 120, 136

Грачев (псевд., наст. фам. Вите) Р. И. 571, 572

Грачева В. М. (В. М.) 294, 297, 304, 306, 309, 311, 312, 314, 316, 327,
328, 332, 334, 337

Грачевы, семья 322

Гречишкин С. С. (псевд. Василий Пригодич) 599

Грибоедов А. С. 183, 429

Григорий (в миру – Чуков Николай Кириллович), митрополит
Саратовский 248, 279

Григорьев М. 131

Григорьев Н. Ф. 66

Григорьева, адресат М. В. Васильевой 206, 207

Гринвуд Р. 166, 182

Гринеvская (урожд. Фрейдберг) И. А. 16, 349–352, 360, 363, 368–371, 602

Гринеvский А. К. 349

Громова Л. П. 456

Гроссман Л. П. 590, 591

Грудинина Н. И. 562–564

Груздев И. А. 325, 342, 381, 394

Грушко Е. С. 228, 274

Губина, сотрудник Промкомбината 515

Губко Н. В. 596

Гуляев К. Н. 583

Гуревич, юрист 389

Гуревич Т. Е. 75, 295, 337

Гусев Д. Н. 135, 183

Гусельников И. 278

Давыдов З. Д. 590

Данилов В. В. 599

Данте А. 453

Дарвин Ч. 309

Дацюк И. В. 546

Даша Севастопольская (наст. имя и фам. Д. Л. Михайлова;
в замуж. Хворостова) 97, 131

Дашевская С. 327

Дашков П. Я. 577, 597

Дедов Г. А. 38, 39, 71
Деммени Е. С. 202, 267, 269
Державин Н. С. 78
Десницкий (псевд. Строев) В. А. 300, 338
Джагамбони, перс. принц 370
Дзенискевич А. Р. 546
Дзюбенко А. 21
Дидро Д. 344
Диккенс Ч. 441
Динерштейн Е. А. 581
Дичаров (Dichiarov) З. Л. 23, 65, 287
Дмитриев А. П. 397, 402
Добржинский Л. Н. 514, 545
Довлатов С. Д. 570
Довлатова М. С. 34
Долгов В. К. 588
Долинский М. 396
Доля см. Гольдберг А. М.
Домников В. 450
Дормодихина Т. 226
Дорошевич В. М. 450
Достоевский Ф. М. 589
Драпкина Р. С. 344
Древинг А. М. 503
Дружинин В. Н. 396

Дружинины, семья 391
Дунаевский З. О. 265
Дунаевский И. О. 240, 277, 281
Дуон А. 270
Духовская В. О. 593, 594
Дымшиц А. Л. 565, 600
Дымшиц В. А. 590
Дэль Д. (наст. фам. и имя Любашевский Л. С.) 338
Дюма А. (отец) 270

Евгения Михайловна см. Жандецкая Е. М.
Егоров Б. Ф. 397–399, 402, 454, 455, 602
Енкен И. 399, 446, 449
Енкен (Энкен) О. Д. 399, 404, 418, 429, 446, 449
Ентин Л. 561
Еремин И. 450
Ерофеев В. В. 601
Ерохина Е. 256, 258
Есенин С. А. 599
Ефрон И. А. 349

Жан см. Жандецкий В. Д.

Жандецкая (урожд. Гольдберг) Е. М. (Геня) 9, 13, 399, 402, 404–417,
419, 420, 423–443, 445–450, 453, 454
Жандецкий В. Д. (Жан) 409, 413, 423, 426–430, 435, 436, 448, 450

Жаров М. И. 249, 279, 547
Жданов А. А. 26, 37, 69, 70, 135, 183, 351, 359, 370, 373, 393
Железнова-Студенцова Н. М. 209, 269
Желудков С. А. 599, 600
Жигалова З. 195
Жижмор М. Я. 96, 130
Житков Б. С. 374
Жуков Г. К. 253, 281, 394, 453
Жуков П. 22
Жукова З. 218, 229, 253
Журавлев Б. И. 509, 510, 530
Журба П. Т. 66, 583

Завиденковы, семья 467
Загорские, семья 467
Загурский Б. И. 280
Загурский С. Б. 280
Зараева-Михельсон О. Л. 592
Зародова Л. Д. 19
Званцев П. А. 531, 533, 550
Званцева Е. П. 533, 550
Зверев, блокадник 474
Зверьков, начальник стройконторы 520
Зеленская И. Д. 10, 17, 18, 501–545, 547–552, 602
Зеленский Д. Д. 504

Зельцер С. Д. 286
Зигфрид см. Старк Э. А.
Зиновьев Г. Е. 22
Золотоносов М. Н. 343, 344
Зонин А. И. 133, 134
Зонин С. А. 109, 110, 134
Зошенко М. М. 50, 75, 76, 338, 374, 377
Зуккау (псевд. Невский) В. Г. 345, 393, 396

И. М. см. Купер И. М.
И. Я. см. Ясинский И. И.
Иван (Иоанн) IV (Грозный) 550
Иванов Б. Г. 269, 549
Иванов В. И. 588, 590
Иванов В. Н. 551
Иванов Е. П. 598
Иванов П. А. 596, 600
Иванов, блокадник 470
Иванова З. 516
Ивановский А. В. 270
Игнатова Е. А. 596
Ида см. Купер И. М.
Иерусалимский, блокадник 470
Изенберг К. В. 273
Измайлов А. Ф. 565

Изоргина А. 238
Изразцов В. В. 74
Израилевич, знакомый Е. А. Борониной 331, 344
Ильин Л. А. 387, 395
Инбер В. М. 319, 342, 381, 387, 394, 491
Иоанн (в миру – Соколов Иван Александрович), архиепископ
Ярославский и Ростовский 272
Ирина, Ирочка см. Енкен И.
Июнева (Юнева) Н. М. 551

Каверин В. А. 67, 374
Кавин Н. М. 596
Казико О. Г. 120, 136
Калидаса 59, 78
Калинин М. И. 135
Калюжник Л. Д. 206, 268
Капица П. Л. 78
Капланский Е. 450
Капнист В. В. 199, 266
Капустин Я. Ф. 262, 282
Каратыгин В. Г. 592, 593
Каргин Д. И. 191
Карнович О. В. (в замуж. фон Пистолькорс; позднее графиня
фон Гогенфельзен, графиня Палей) 538, 551
Карпинский А. П. 369

Карпов А. А. 596
Карпов Г. Г. 272
Карьер Э. 427, 452
Кац М. А. 268
Кежун Б. А. 23
Кекало Я. 68
Керстен 337
Кетлинская В. К. 11, 65–67, 103, 133, 134, 270, 285, 286, 325, 331, 343,
374, 380, 382, 387, 393, 394
Кинг Г. 270
Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский 600
Кириллов В. Т. 19
Киров С. М. 192, 273, 503
Кирпичников А. И. 574
Киселева Л. К. 449
Кислицын Н. Г. 451
Класс, зам. начальника ПВХО 356, 368
Клейнборт Л. Н. 300, 338
Клеман М. К. 325, 343
Клименко А. Д. 557
Клименченко Ю. Д. 565
Князев В. В. 20, 22, 23
Князев Г. А. 11, 138, 139, 141, 192, 278
Князева Н. Г. 504, 590, 594, 596, 598
Ковальчук В. М. 395, 487, 501, 546

Коган П. С. 19, 550
Козаков М. И. 374
Козловский А. П. 464
Козловский И. С. 195, 199, 205, 235, 264, 266
Козырева З. Д. 194, 200, 264
Кологривский И. 583
Коломнин П. П. 575
Колчицкий Н. Ф. 272
Кольхалов, блокадник 261
Кольцов Н. 35, 37, 47, 68, 70, 74
Конашевич В. М. 281
Кондрашев Г. Ф. 570
Конев И. С. 277, 394
Конечный А. М. 596
Коновалов Н. 450
Коонен А. Г. 191
Копылова-Панченко В. С. 596
Корд А. 266
Корик М. Г. 234, 275, 276
Кормушенков К. 450
Корнилов Б. П. 23, 601
Королева (в замуж. Бискаева) В. 518, 520–522, 524–526, 528, 547, 549
Космодемьянская З. А. 67
Кострикин, знакомый Ганкевичей 443
Котляревский Н. А. 546

Коц В. А. 341
Коц Е. С. 318, 323, 341
Коцы, семья 316, 318, 323, 341
Кочетов В. А. 450
Кощиенко И. В. 596, 601
Крайская (урожд. Богданова) Е. П. 8, 10, 12, 13, 19–137, 602
Крайская С. А. 24, 30, 37, 43, 57, 65, 73, 80–134
Крайский (наст. фам. Кузьмин) А. П. 7, 8, 10, 11, 16, 19–137, 313, 340,
394, 602
Крандиевская Е. К. 599
Кратт И. Ф. 16, 66, 325, 343, 372–396, 379, 602
Кратт (урожд. Пугачева) Н. К. 372, 374, 379, 382, 386, 387, 391, 394
Крачковский И. Ю. 350, 371
Кренкель Э. Т. 485
Кривулин В. Б. 560
Критский А. см. Андрей Критский
Кроленко А. А. 515, 546
Крон А. А. 342
Кронин А. 267
Кропачева М. 368
Кругликов В. А. 504
Круглов С. 393, 396
Круглова З. М. 563, 564
Крылов И. А. 454
Крюков А. Н. 14, 264, 269, 277, 280

Крючков Н. А. 270
Ксендзовский М. Д. 268
Ксешинский, блокадник 479
Кубаткин П. Н. 127, 129, 131
Кугель И. Р. 327, 344, 388, 395
Кудрова И. В. 598
Кузмин М. А. 515, 546
Кузнецов А. А. 135, 183
Кузнецов А. И. 456, 457
Кузнецова О. 317
Кузнецова С. В. 456
Кузьмина Е. А. 281
Кузьмичев И. С. 570
Кукушкина Т. А. 19, 582, 587
Кулаков (наст. фам. Рутштейн) К. Л. 220, 222, 237, 271
Кулик Г. И. 294, 337, 477
Кулишер 331
Кумпан К. А. 596
Купер А. С. 72
Купер И. М. 40, 49, 70, 72, 73, 81, 86, 87, 89, 91–94, 99, 121, 127
Купер С. А. 24, 25, 36, 37, 38, 70, 71, 72
Купченко В. П. 590
Куренев Г. С. 24
Кутузовы, семья 316
Кутьина, больная 234

Кучеров А. Я. 319, 342

Кучин М. 450

Кушлина О. Б. 596

Кушнер А. С. 600

Кюхлер Г., фон 455

Л. Б. см. Крайская Е. П.

Лаврентьева-Кривошеева А. И. 71

Лавров А. В. 2

Лавров П. Л. 397

Лаврухин Д. И. 23

Лагуткин Е. С. 129

Лазаревский Б. А. 597

Лазаревский Г. С. 596

Лао-Цзы (Лао Тце) 539, 552

Лаппо-Данилевский К. Ю. 590

Лариков А. И. 120, 136

Лебедев В. 450

Лебедев В. Н. 268

Лебедев Д. М. 503

Лебедева, уборщица 324

Лееб В., фон 447, 455

Леля см. Гольдберг Е. М.

Ленин (наст. фам. Ульянов) В. И. 33, 43, 69, 109, 166, 180, 327, 435,
451, 452

Лермонтов М. Ю. 339, 597
Лесажа А. Р. 451
Лесгафт П. Ф. 446, 447, 449
Лесман М. С. 501–504, 588, 590, 592, 594, 597, 598
Ли В. 266
Либединский Ю. Н. 583
Лившиц В. А. 49, 67, 75
Лидин В. Г. 61, 79
Лиля см. Крайская Е. П.
Линде А. 231, 232
Лист Ф. 265
Литвинов (наст. имя и фам. Меер Генох (Макс) Моисеевич Валлах)
220, 271
Литвиченко В. 313
Лихарев Б. М. 65, 67, 133, 319, 342
Лихачев В. И. 574
Лозовский (наст. фам. Дридзо) С. А. 60, 78
Локк У. 215, 270
Локшина Х. А. 268
Ломагин Н. А. 30, 73, 74, 127, 129, 131, 368
Лосев А. Ф. 590
Лосев Л. В. 75, 565, 570
Лука (в миру – Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович), архиепископ
Красноярский и Крымский 272
Лукницкий П. Н. 14, 27, 67, 72, 75, 127, 285, 340, 344, 374

Лукулл Лукреций Люциний 52, 77
Луначарский А. П. 550
Лурье Ф. М. 596
Луцик Р. И. 286
Любарская А. И. (Шура) 292, 299–301, 303, 305, 308, 309, 311, 314,
315, 318, 319, 322, 323, 326, 336, 337
Любина, медсестра 224, 273
Любовь Ароновна см. Синицына Л. А.
Любшин, детсадовец 250
Люцедарский Г. И. 452
Ляпина Н. 596
Ляся см. Гольдберг Л. М.

М. Б. см. Басманова М. П.
М. М. см. Гольдберг Мар. М.
Магарилл С. З. 341
Майя см. Рьжова М. И.
Маканова Ю. Т. 516, 523, 544, 547
Макарова Е. 260
Макарова О. 581
Макарова Т. Ф. 341
Макарова Ю. Т. 262
Маквани 322
Макогоненко Г. П. 335, 345
Мальцева Т. Я. 224, 273

Мальяревский И. И. 8, 13, 456–485
Малюгин Л. А. 267, 271
Малярова Л. 299
Мамин-Сибиряк Д. Н. 484, 486
Манаков Н. А. 548
Мандельштам Н. Я. 599
Манн Т. 387
Мантейфель Б. К. 596
Мантейфель С. Б. 596
Мануйлов В. А. 349
Марамзин В. Р. 564
Мариенгоф А. Б. 136
Мария Викторовна см. Тарновская (урожд. Тарле) М. В.
Мария Михайловна см. Гольдберг Мар. М.
Марков А. А. 600
Маркс К. 283, 319, 502, 548
Марр Н. Я. 588
Мархасев Л. С. 342
Марциал Марк Валерий 572, 573
Маршак С. Я. 285
Маслов П. Ф. 214, 270
Масловский Г. В. см. Алехин
Маханов А. И. 377, 392, 394
Маяковский В. В. 33, 66, 451
Мейлицев Г. 450

Мерецков К. А. 313–315, 323, 340, 483, 486
Мессерер А. М. 265
Миллер А. М. 305, 552
Милова Е. Г. 32, 65
Минаев Д. Д. 128
Минин В. Н. 275
Мирошниченко Г. И. 390, 396
Мисюра Н. 600
Митусов С. С. 592–595
Михай, певец 478
Михаил Павлович, вел. кн. 551
Михайлов, больной 146, 247
Михайлов А. И. 582
Михайлов Д. Д. 313, 315, 340
Михайлов О. Н. 600
Михайлова, соседка Ганкевичей 431
Михайлова, уборщица 356
Михалев, рабочий 327
Михалев М. 450
Михалков С. В. 277
Миханкова, сослуживица И. Д. Зеленской 523
Модзалевский Б. Л. 598
Модзалевский Л. Б. 349
Молдавский Д. М. 565
Молотов, блокадник 467

Молотов В. М. 134, 272, 547, 548
Молчанов Н. С. 333, 344
Мопассан Ги, де 102, 131
Мордвинов Н. Д. 341
Морейко Л. Г. 591
Морозов, политрук 328, 334
Морозов М. И. 198, 266
Моцарт В. А. 102
Мурин А. А. 144
Мусоргский М. П. 267
Муссолини Б. 182, 272
Мутер Р. 400, 410, 417, 427, 433, 438, 443, 450, 454
Мухина Е. 191, 395, 487, 494, 495

Н. А. Б., знакомый Крайского 37
Н. В. см. Волотова-Семенова Н. Г.
Нагибин Ю. М. 71
Назарьян Е. 268
Найдич Л. Э. 596
Наполеон Бонапарт, император 37
Направник Э. Ф. 278
Наташа см. Ширяева Н. С.
Наумова В. Н. 313, 339
Нахимсон С. М. 415, 451
Незлобина А. Я. 516, 517, 547

- Некрасов Н. А. 27, 131, 169, 598
- Нератова Р. И. 492, 494
- Нивин В. Д. 583
- Никитин И. С. 583
- Никитина Е. Ф. 591
- Никитина З. А. 71
- Никифорова Н. 255, 258
- Николаев Л. В. 275
- Николаев С. И. 2
- Николаева С. А. 397
- Николай (в миру – Ярушевич Борис Дорофеевич), митрополит
Киевский и Галицкий 109, 134, 265, 272
- Николай I, император 131
- Николай II, император 109, 113, 452, 551
- Николай Сергеевич см. Петров Н. С.
- Никритина А. Б. 120, 136
- Новиков Г. (Ю.) А. 397, 398, 443
- Новикова А. Г. (Шура) 397
- Новиковы, семья 397
- Нордберг Л. Ф. 210, 269
- Норейко О. А. 208, 209, 213, 218, 224, 269, 271
- О. Б. см. Берггольц О. Ф.
- Объедов Ю. Б. 405, 410, 411, 415, 423, 424, 429, 430, 433, 434, 436,
438, 439, 441, 442, 444–449, 453

Ойфа П. Н. 319, 341
Оксенов И. А. 22, 333, 344
Оксман Ю. Г. 591
Олесов (наст. фам. Смирнов) Ф. К. 49, 74
Оливье Л. 266
Ольга Дмитриевна см. Енкен О. Д.
Ольденбург С. Ф. 550
Ольховая О. А. 551
Орбели И. А. 137, 306, 339
Орлов В. В. 570
Орлов В. Н. 313, 335, 340, 390, 396
Орлов С. С. 600
Орлова Л. П. 281
Ортега Л. 598
Островский А. 66
Островский А. Г. 382, 394
Островский А. Н. 205, 276
Острогорский Н. И. 583

Павел Александрович, вел. кн. 551
Павлов, блокадник 529
Павлов Евг. 450
Павлова М. М. 2, 487
Панина, сослуживица И. Д. Зеленской 516, 547
Панкратьева, знакомая М. В. Васильевой 256

Панова В. Ф. 313, 339, 340,
Панфилов Е. А. 49, 75, 325, 327, 344
Панченко А. М. 596
Панченко Н. В. 599, 600
Папанин И. Д. 485
Пассос Дж. Дос 97, 131
Паустовский К. Г. 599
Пейкова В. П. 238
Первышкин, начинающий автор 34, 66
Петр (в миру – Полянский Петр Федорович), Местоблюстителъ Патриаршего Престола 273
Петр I, император 452
Петров Е. П. 547
Петров И. Е. 273
Петров Н. А. 144, 268
Петров Н. С. 417, 418
Петрова М. И. 207, 268
Петрова М. 257
Петрова Т. А. 546
Писемский А. Ф. 343, 598
Пистолькорс А., фон 551
Пистолькорс Э., фон 539
Пистолькорс Э.-Г. А., фон 538, 551
Пистолькорсы, семья 538, 539, 550, 551
Плиско А. Г. 584

Побуковский И. А. 380, 394
Погодин Н. Ф. 273
Пожарский А. К. 598
Покровский А. 583
Покровский В. А. 268
Поликарпов Д. А. 373, 375, 377
Полицеймако (наст. фам. Полицеймакос) В. П. 147, 220, 235, 255, 271,
281
Половцов А. А. 551
Полоцкий С. А. 335, 345
Полухина В. П. 565, 570
Поляков, знакомый Крайской 113
Полякова Г. Г. 577
Пономарев 393
Попков П. С. 37, 69, 70, 89, 90, 97, 129, 182, 215, 216, 220, 221, 223,
248, 270, 325, 343, 351, 369, 381, 394, 412, 429, 437, 439, 451, 454,
464, 485, 524, 548
Попов М. М. 273
Попова Л. М. 66
Пошехонов В. Е. 16, 389, 395, 396
Правдухин В. П. 599
Пригожий Я. Ф. 128
Причард К. С. 375–377
Пришвин М. М. 599
Прозорова Н. А. 2, 7, 18, 130, 138, 270, 547, 596

Прокофьев А. А. 23, 26, 38, 64, 67, 70, 71, 325, 343, 374, 387, 395
Прокофьев В. А. 596
Пронин В. П. 77, 600
Протопопов В. Д. 450
Пруст М. 344
Пружно А. М. 78
Пръжов И. Г. 589
Птушко А. Л. 269
Пуччини Дж. 278
Пушкин А. С. 33, 65, 66, 205, 238, 271, 277, 338, 540, 546, 598
Пчелинцев И. 21
Пятницкий М. Е. 540, 552, 553

Радин 538

Разумов А. 285, 286–288

Раков Л. Л. 591

Раковская Р. Л. 382, 388

Раковский Л. И. (О.) 26, 137, 327, 344, 374, 388, 394, 396, 583, 598

Раневская Ф. Г. 281

Раппапорт Г. М. 279, 547

Растворова Е. Д. 206, 268

Раух К. Д. 550

Рахманов Л. Н. 285, 303, 319, 335, 338

Рахманова Н. Л. 596

Ревякин А. И. 583

Рейфилд Д. 581
Рейхенау В., фон 419, 451, 452
Рембрандт ван Рейн 426
Рерих Б. К. 593
Рерих Е. И. 551, 552, 592
Рерих Н. К. 539, 551, 552, 593
Решетов А. Е. 51, 52, 76, 319
Ржешевский А. Г. 268
Риббентроп И. 244, 278
Римская-Корсакова Н. Н. 593
Римский-Корсаков Г. М. 594, 595
Римский-Корсаков Н. А. 278, 592, 593
Рискин Р. 267, 271
Рихтер Н. И. 593
Ровда К. И. 583
Роден (Родэн) О. 427, 435, 452, 453
Родов С. А. 19
Рождественский В. А. 71, 319, 342, 374, 565, 567, 568
Розен А. Г. 318, 341
Розенберг А. 305, 338, 339
Розенблат С. Л. (Сёма) 144, 203, 204, 208, 254, 267
Роллан Р. 344, 514, 531, 545, 550
Ромм М. И. 281
Роммель Э. 485
Роскина Н. 581

Росов В. А. 552
Рубашкин А. И. 138, 341, 342, 452
Рубенс П. П. 426
Руденко Р. А. 563
Рудник Л. С. 267, 273, 276, 280
Рузвельт Ф. 79, 275, 311
Рупасов А. И. 395, 487, 501
Руст Ф. В. 275
Рутковский С. 268
Рутштейн см. Кулаков К. Л.
Рыбин Н. М. 488, 495
Рыбина А. А. 488
Рыбина Е. Н. (Женя) 16, 17, 487–500
Рывина Е. И. 66
Рыжова М. И. 27, 101, 131
Рысс Е. С. 285, 335, 345
Рябинин 392, 396
Рябинкин Ю. 487, 495
Рязанские, семья 467

С. Г. см. Сорокин-Гайворонский А. И.
Сабко И. 252
Сабко Ф. 146, 148, 247, 251, 252
Савельев Б. В. 208, 268
Савельев (наст. фам. Липавский) Л. С. 290, 313, 340

Савина (урожд. Славич) М. Г. 238, 276
Савичева Т. 487
Садовский А. А. 377
Садофьев И. И. 21, 22, 66
Сазонтов В. И. 214, 255, 270
Сакья-Муни (Шакья-муни) 539, 552
Салтыков-Щедрин М. Е. 599
Сальери А. 102
Самойлов Г. И. 241, 277
Саянов (наст. фам. Махнин (Мохнин)) В. М. 67, 325, 343, 374,
387, 395
Светлана см. Крайская С. А.
Светлов М. А. 182
Свешников А. В. 144, 231, 264, 265, 275
Свифт Д. 344
Седов Г. Я. 267, 459, 473, 481, 486
Селиванова И. В. 504
Семашко Н. А. 270
Семенов А. М. 75
Семенов С. А. 52, 53, 66, 76, 133, 386, 395
Семенова Н. В. 2
Сенкевич Д. 268
Сент-Экзюпери А., де (Saint-Exupéry A., de) 571
Сеня см. Купер С. А.
Сергеева В. 296

- Сергей Васильевич см. Ганкевич С. В.
- Сергей Иванович см. Выхорев С. И.
- Сергей Иванович см. Цветков С. И.
- Сергий (в миру – Гришин Алексей Николаевич), архиепископ
Горьковский и Арзамасский 272
- Сергий (в миру – Страгородский Иван Николаевич), митрополит Мо-
сковский, Местоблюститель Патриаршего Престола, патриарх
Московский и Всея Руси 132, 134, 147, 223, 265, 272, 273
- Серебровская Е. П. 23
- Серебряков А. 299
- Серова В. В. 549
- Сидорин, блокадник 259, 261
- Силантьев Ю. В. 265
- Симакова, соседка Крайских 82
- Симонов К. М. 218, 269, 271, 276, 549
- Синдаловский Н. А. 130
- Синицына Л. А. 227, 228, 230–232, 242, 245, 254, 274
- Скатов Н. Н. 2
- Скрябина Е. А. 72
- Скуратов Малюта см. Скуратов-Бельский Г. Л.
- Скуратов-Бельский Г. Л. 206, 268
- Следнев И. 450
- Сливинская Л. Н. 533, 535, 536, 550
- Сливинская Н. И. 533, 550
- Слободской, врач, знакомый Крайского 59, 78

Слободской М. Р. 396
Слонимский М. Л. 66, 374
Случевский К. К. 65, 572
Смекалова Л. 253
Смирнов Б. А. 594
Смирнов Д. И. 493
Смирнов И. А. 583
Смирнов И. С. 583
Смирнов М. М. 564–571
Смирнов С. М. 564
Смирнова, соседка Ганкевичей 404
Смирнова, соседка Крайских 82
Смолетт Т. Дж. 451
Смородина, блокадница 357
Снессарев Н. 575, 576, 581
Соболев Г. Л. 546
Соколова В. Е. 128
Соколов-Микитов И. С. 374, 565
Соколовская Н. Е. 138, 596
Солженицын А. И. 600
Солженицына Н. Д. 596
Соловьев Н. В. 135, 183
Сологуб (наст. фам. Тетерников) Ф. 598
Сорокин-Гайворонский А. И. 45, 46, 74, 388, 395
Софронов В. Я. 120, 136

Спасский С. Д. 374, 381, 382, 388, 394

Сталин (наст. фам. Джугашвили) И. В. 29, 63, 64, 70, 73, 77, 79, 98,
102, 126, 127, 131, 132, 134, 135, 137, 147, 183, 223, 231, 272, 275,
299, 319, 327, 410, 411, 450, 451, 469, 482, 495, 550

Станюкович К. М. 338

Старк (псевд. Зигфрид) Э. А. 300, 338

Старчаков А. О. 583

Стасова Е. Д. 599

Стенич В. И. 131

Степанова М. 260, 261

Степанова М. С. 355, 356, 358, 363, 368

Степин В. С. 31

Стерн Л. 344

Столпер А. Б. 269, 549

Столяров С. Д. 281

Сторицын (наст. фам. Коган) П. И. 381, 394

Стравинский И. Ф. 592

Страшун И. Д. 491

Студенцов Е. П. 147, 269

Стуккей И. П. 71

Суворин А. А. 575, 577, 581

Суворин А. С. 574–581

Суворин Б. А. 576

Суворин М. А. 575–578

Суворины, семья 575, 576, 578, 580

Сусанин И. 199, 266
Сысоева А. В. 2, 372, 379, 574, 581
Сытин И. Д. 575

Таганцева Л. С. 449
Тагирджанова А. Н. 507
Таиров А. Я. 191
Тамара Михайловна см. Ганкевич Т. М.
Тамерлан 339
Таня см. Ширяева Т. С.
Тарасов Е. М. 600
Тарковский А. А. 600
Тарле Е. В. 197, 201, 233, 265, 275
Тарновская (урожд. Тарле) М. В. 197, 201, 239, 240, 245, 249, 255,
265
Твардовский А. Т. 600
Твен М. 268
Тверяк А. (наст. фам. Соловьев А. А.) 75
Теплинский М. В. 601
Тергеш Вл. 435, 446
Терентьев Н. С. 509, 525, 549
Терентьева М. Н. 509, 534, 550
Тима, Тимочка, Тамара см. Ганкевич Т. М.
Титова, сослуживица И. Д. Зеленской 517
Тихонов, спекулянт 449

Тихонов Н. С. 67, 325, 343, 387, 395
Тихонова П. Е. 449, 455
Тихоновы, семья 447
Тоболяков (наст. фам. Городков) В. Н. 319, 342
Токин Б. П. 599
Толбухин Ф. И. 274
Толмачева, сослуживица И. Д. Зеленской 517
Толстой А. Н. 276
Толстой И. И. 591
Толстой Л. Н. 142, 186, 191, 269, 298, 349, 350, 490, 591
Томашевская З. Б. 558, 561
Томашевская И. Н. 561, 562
Томашевские, семья 137
Томашевский Б. В. 558, 561
Трауберг Л. З. 268
Трегубов В. Р. 129
Третьяков 468
Трифонова Т. К. 71
Тургенев И. С. 137, 343
Туреева, больная 229
Туфанов А. Н. 599
Тынянов Ю. Н. 293, 337, 591
Тюрин В. В. 418, 451
Тютчев Ф. И. 77

Уголино дела Герардеска 435, 453
Ульманис (Улманис) К. 540, 553,
Унковская С. А. 596, 598
Усачев Ф. А. 254, 281
Успенский Л. В. 598
Уткин, истопник 389
Ушкарев А. Ф. 264

Фадеев А. А. 373, 583
Федоров В. М. 485
Федоров Е. Ф. 485
Федоров М. П. 575
Федорова О. М. 246
Федоровы, знакомые И. Д. Зеленской 536
Федоровы, семья 238
Федюнинский И. И. 315, 341, 386, 395, 407, 450, 465, 479, 483, 485, 486
Ферсман А. Е. 78
Филдинг Г. 344
Филиппов, блокадник 523
Филиппов Г. В. 600
Филонов П. Н. 13, 397, 398
Финдейзен Н. Ф. 594
Фиш Г. С. 22
Флейтман А. Д. 598
Флит А. М. 67

Флярковский А. Г. 144, 264, 266
Фокин Н. Н. 484, 486
Фоняков Д. И. 596
Фоняков И. О. 596, 598
Фонякова (урожд. Язовицкая) Э. Е. 596
Форш О. Д. 374
Фосс Н. 195
Фофанов (псевд. Константин Олимпов) К. К. 599
Фофанов К. М. 598, 599
Фофанова-Устинова Е. К. 599
Франковский А. А. 333, 344
Фрунзе М. В. 599

Хаеш А. И. 78
Хаеши, род 78
Халтурин С. Н. 429, 435
Хармс Д. (наст. фам. и имя Ювачев Д. И.) 333, 344, 600
Хвастунов В. Н. 144, 220, 226, 271
Хвастунова, блокадница 220, 271
Хейфец М. Р. 564
Хмельницкая Е. И. 288, 336
Хмельницкая Т. Ю. (Тамара) 290, 313, 325, 331, 335, 336, 340
Хмельницкий С. И. (Сереза) 285, 287, 298, 299, 301–313, 315, 316,
318–322, 324–328, 331, 334, 335, 337, 340, 393, 396
Ходасевич В. Ф. 572

Холманских, врач 224, 273

Холшевников В. Е. 572

Хорш Л. 551

Хохлова Н. А. 596

Хряпенков, блокадник 261

Цамутали А. Н. 546

Царькова Т. С. 2, 283, 596

Цвейг С. 514, 545, 550

Цветков С. И. 206, 212, 218, 225, 229, 230, 251, 259, 268

Целиковская Л. В. 279, 547

Цензор Д. М. 32, 65

Цигальская О. 238

Цырлин Л. В. 333, 344

Чагин П. И. 377, 583

Чайковский П. И. 205, 266, 268, 271, 315

Чаленко-Стефанова, блокадница 524

Чапаев В. И. 439, 489

Чапыгин А. П. 583

Чевакинский С. И. 265

Чепурин А. С. 129

Черноков М. В. 32, 65, 285, 380, 394

Черчилль У. 275, 472, 476, 486, 550

Чесноков С. 268

Чехов А. П. 279, 453
Чикичева А. С. 596
Чиладзе О. И. 558
Чистиков А. Н. 395, 487, 501
Чистяков, блокадник 469
Чистяков А. И. 502, 530, 549
Чистяков А. С. 583
Чуков Н. К. 279
Чуковская Л. К. 284, 285, 287, 590
Чуковская М. Н. 71
Чуковский К. И. 284, 287, 590, 591

Шапорина Л. В. 9, 267, 280
Шапорина-Яковлева см. Шапорина Л. В.
Шарлемань Л. И. 270
Шафран Д. Б. 250, 280
Шахматов А. А. 337, 345
Шацева Р. А. 20
Шварц Е. Л. 298, 308, 338, 374, 381, 382, 390, 394
Шведе, блокадник 467
Шверник Н. М. 265
Шеллинг И. В. Ф. 505
Шерон Ж. 596
Шестаков, блокадник 467
Шестинская Н. Н. 596

Шестинский О. Н. 570, 600
Шефнер В. С. 567, 570
Шилина О. Ю. 134
Шиллер Ф. 134, 280
Ширшов П. П. 485
Ширяев Г. М. 502, 506, 513, 531, 534, 535, 550
Ширяев С. В. 505, 506
Ширяева Н. С. 505, 507, 509, 510, 514, 525, 528, 529, 531, 533–536,
545, 549, 550
Ширяева (в замуж. Терентьева) Т. С. 505, 509, 519, 525, 533–535, 547,
549, 550
Ширяева Т. Ю. 502, 513
Ширяевы, семья 504, 505
Шишкин В. А. 546
Шишков В. Я. 125, 137, 374, 600
Шишова, соседка Крайских 56
Шишова З. К. 319, 335, 342
Шкаровский М. В. 132, 265
Шкловский В. Б. 597, 599, 600
Шмидт, нем. военачальник 310
Шмидт Г. Р. Э. 383, 394
Шмидт К. К. 547
Шмулевич, врач 236, 237, 276
Шопен Ф. 547
Шостакович Д. Д. 50, 76, 182, 265

Шредер И. 550
Штайнер М. 135
Штейн А. П. 393, 396
Штейнберг М. О. 593
Штиглиц А. Л., фон 539, 551
Штиглиц (урожд. Миллер) К. К. 551
Штиглиц Л. И., фон 551
Штраус И. 279
Штример А. Я. 280
Штык Роза 420, 452
Шуберт Ф. 210, 269
Шубинский С. Н. 574
Шульженко К. И. 275
Шулькевич В. 444, 454
Шумилов В. Т. 563
Шумилов Н. Д. 181, 191, 387, 395
Шустова Е. Е. 457

Щеголев П. Е. 577
Щепкина-Куперник Т. Л. 601
Щербаков Н. Г. 596
Щербачев В. В. 449
Щипачев С. П. 600
Щуко В. А. 596
Щуко Г. В. 596

Эвентов И. С. 51, 76
Эдди М. Б. 600
Эйзенхауэр Д. 182
Эйхенбаум Б. М. 300, 314, 315, 338
Элико Семеновна, жена В. Н. Орлова 313, 335, 340
Эль-Регистан (наст. фам. Уреклян) Г. 277
Энгельгардт Б. М. 333, 344
Энкен О. Д. см. Енкен О. Д.
Эрдман Н. Р. 268
Эренбург И. Г. 276, 305, 338, 339
Эткинд Е. Г. 562, 564
Эшман (псевд. Тонин) Ю. А. 316, 318, 341

Юдина М. В. 449
Юдина, работница жакта 446
Юра см. Объедов Ю. Б.
Юрик см. Ширяев Г. М.
Юрлов А. А. (Шурик) 144, 195, 203, 208, 221, 254, 264, 265, 267, 275
Юрлова Т. А. 203, 204, 220, 264
Юрловы, семья 195, 204, 207, 221
Юткевич С. И. 265

Як, скрипач 443
Яковлева, больная 226
Ямпольский И. М. 280

Яров С. В. 487, 494

Ясинский И. И. 20

Яцынов П. С. 583, 584

Яшин А. Я. 600

Albertini (урожд. Сухотина) Т. М. 591

Dwan A. 270

СОДЕРЖАНИЕ

І. СТАТЬИ. ПУБЛИКАЦИИ

<i>Н. А. Прозорова. Блокадные испытания: дневники ленинградцев в Рукописном отделе Пушкинского Дома</i>	7
Блокадные будни в дневниках А. П. Крайского и Е. П. Крайской (<i>Публикация Т. А. Кукушкиной, Л. Д. Зародовой</i>)	19
Дневники блокадных жителей из архива О. Ф. Берггольц 1. «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы) 2. «Черные дни черного 1942 года» (дневник учителя) 3. «...Уцелела и осталась человеком...» (дневник М. В. Васильевой) (<i>Публикация Н. А. Прозоровой</i>)	138
«Дневник стал потребностью...»: дневник Е. А. Борониной (<i>Публикация Т. С. Царьковой</i>)	283
Блокадные записи И. А. Гриневской (<i>Публикация Е. В. Виноградовой</i>)	349
«...Так интересно жить!»: блокадный дневник И. Ф. Кратта (<i>Публикация А. В. Сысоевой</i>).....	372
«Мы сделались дружнее, мудрее, очищенные этим страданием». Дневник художника С. В. Ганкевича (январь–март 1942 г.) (<i>Публикация Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева</i>)	397
«Дневник воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941–1942 году». Тетрадь №1 (<i>Публикация Л. П. Громовой</i>)	456

Блокадный дневник Жени Рыбиной
(Публикация М. М. Павловой) 487

«...Жизнь оказалась сильнее смерти...»: дневник И. Д. Зеленской
(Публикация Е. М. Аксененко) 501

II. ИНФОРМАЦИЯ

А. Д. Клименко. Материалы И. А. Бродского в Рукописном отделе
Пушкинского Дома 557

А. В. Сысоева. Товарищество А. С. Суворина «Новое время».
Фонд 206..... 574

Т. А. Кукушкина. Всероссийское общество крестьянских
писателей (1925–1930); Всероссийское объединение
пролетарско-колхозных писателей (1931); Российская
организация пролетарско-колхозных писателей
(1931–1932) (Ленинградское отделение) Фонд 490 582

Е. М. Аксененко. Материалы М. С. Альтмана в собрании
М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 2 588

Е. М. Аксененко. Материалы Е. И. Антиповой-Альбовой
в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 3..... 592

И. В. Кощиченко. Обзор архивных материалов XVII—XXI вв.,
поступивших в Рукописный отдел Института русской
литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2012 г. 596

Указатель имен..... 603

Научное издание

**ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 2014 год**

БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ

Утверждено к печати Институтом русской
литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Н. В. Коробовой*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-63; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по филологическим наукам

Подписано в печать 05.05.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 35,7. Печ. л. 41,5.
Тираж 500 экз. (300 экз. — РГНФ). Заказ № 3658

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN 978-5-86007-788-1

